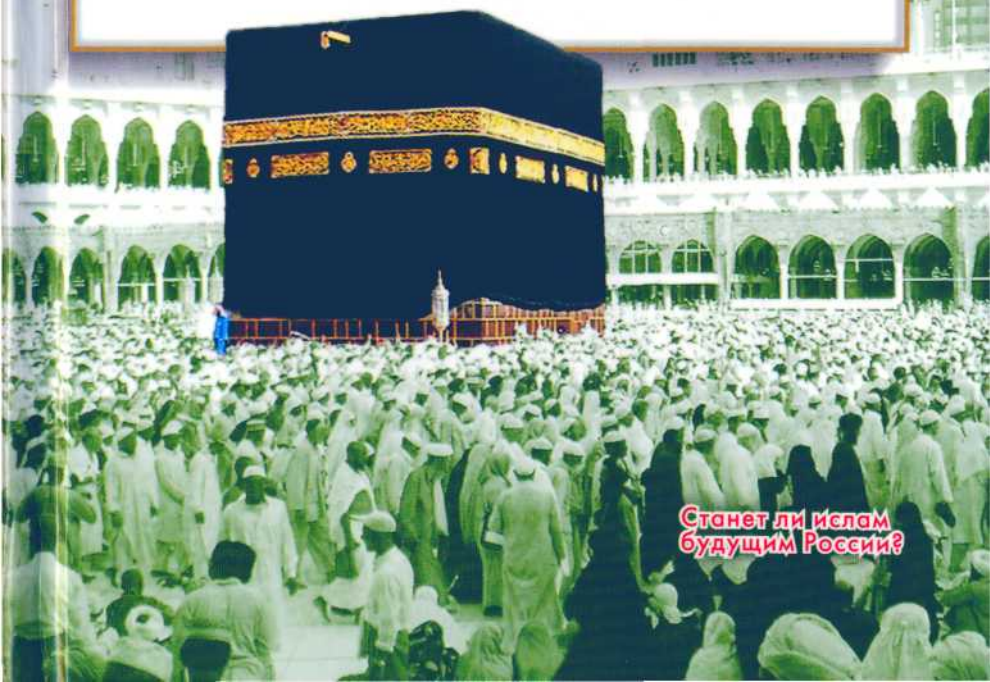

Роман СИЛАНТЬЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

Станет ли Ислам
будущим России?

УДК 28/94(47)
ББК 86.38/63.3(2)
С 36

Силантьев Р.
С 36 Новейшая история ислама в России / Р. Силантьев. —
М.: Алгоритм, 2007. — 576 с.

ISBN 978-5-9265-0322-4

Даже на стадии подготовки эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. В ней описана новейшая история исламского сообщества России, дан анализ причин его раскола — личного, финансового, политического, этнического и религиозного. Описываются причины, приведшие к кризису традиционного ислама.

Известный религиовед Р. Силантьев адресует свою книгу как мусульманам, так и тем, кто в жизни контактирует с исламом, а сегодня в России и тех и других все больше.

УДК 28/94(47)
ББК 86.38/63.3(2)

ISBN 978-5-9265-0322-4

© Силантьев Р., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

www.infanata.org

ВВЕДЕНИЕ

Никогда за всю свою тысячелетнюю историю мусульманское сообщество России не переживало столько знаменательных событий, сколько пришлось на его долю за последние 20 лет. Крах господствовавшей в Советском Союзе безбожной идеологии вызвал необычайно мощный всплеск активности приверженцев ислама, ставших стремительно восстанавливать утраченные было позиции. За короткое время количество мечетей возросло более чем в 100 раз, открылись десятки средних и высших медресе, появились многочисленные мусульманские средства массовой информации — печатные, радиоэлектронные и сетевые. Мусульмане получили возможность свободно исповедовать свою веру, обучаться за рубежом, выезжать на хадж.

К сожалению, процесс исламского возрождения был в значительной мере омрачен прогрессирующим расколом духовных управлений мусульман (ДУМ), приведший к появлению десятков враждующих между собой муфтиятов. Россия вышла на первое место в мире по количеству высших духовных лидеров суннитского ислама — муфтиев. Раздробленность российской уммы и отсутствие общепризнанных религиозных авторитетов способствовали развитию межэтнических и внутрирелигиозных конфликтов, равно как и позволили манипулировать исламом для прикрытия политических и коммерческих интересов многочисленных «групп влияния».

За прошедшее десятилетие исламское сообщество России потеряло даже видимость единства. Попытки воссоединения российских мусульман приводили только к новым расколам и разделениям. Значительные силы основных соперников на мусульманском поле — Центрального духовного управления мусульман России (ЦДУМ) и Совета муфтиев России уходили на междоусобную борьбу, чем активно пользовались эмиссары нетрадиционных для России течений ислама, стремительно распространявшие свое влияние. Из-за своей раздробленности российский ислам до сих пор не занимает надлежащей ниши в российском обществе, а его лидеры не обладают подобающим влиянием. Более того, сам институт муфтиятов находится сейчас под угрозой уничтожения.

По сути, новейшая история исламского сообщества России стала историей возрождения и раскола. Однако если история исламского возрождения в некоторой мере отражена в трудах отечественных и зарубежных исламоведов, то тему раскола затрагивают в основном полемические статьи в ненаучных печатных изданиях и веб-сайтах. Необходимость в систематизации процессов, идущих в российской умме, назрела уже давно, однако специфика современного российского исламоведения заключается в том, что при хорошей изученности зарубежной и отечественной «доперестроечной» истории ислама, новейшая история и география исламского сообщества России практически выпадают из поля зрения ученых.

Из комплексных фундаментальных работ, затрагивающих эту весьма актуальную тему, можно отметить лишь труды отечественного исламооведа А.В.Малашенко «Мусульманский мир СНГ» (М., 1996) и «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998), а также небольшое число справочников и сборников статей. Во многом это связано с тем, что исламское сообщество России пока остается ареной борьбы между соперничающими религиозными центрами, которые стремятся приукрасить данные о своем влиянии и

интерпретируют происходящие события в первую очередь исходя из пропагандистских соображений. Достоверную информацию по реальному влиянию той или иной мусульманской структуры можно получить лишь путем полевых и архивных исследований, а также анализа как можно большего числа материалов средств массовой информации (далее — СМИ), что обычно сопряжено со значительными техническими трудностями. Большинству исследователей остается лишь критически осмысливать сопровождающие информационные войны пристрастные аналитические и публицистические статьи, интервью и телепередачи. Часто им это не удается — и тогда даже в серьезных изданиях появляются откровенные мифы о «30 миллионах российских мусульман», «мусульманских республиках Адыгея и Северная Осетия», «5 тысячах дагестанских мечетей» или «главном муфтии России Равиле Гайнутдине». Особенно страдают «доверчивостью» зарубежные источники, из-за чего их научная ценность крайне невелика.

В связи с вышеизложенным очевидно, что комплексное изучение новейшей истории является достаточно важной задачей, решение которой позволит лучше понять те негативные моменты, которые сопровождали становление современной географии исламских структур, и создаст необходимые предпосылки для профессионального анализа феноменов политической гиперактивности мусульман России и быстрого распространения в нашей стране так называемого ваххабизма — проблем, интересующих уже не только исламоведов, но и этнологов, социологов, политологов. Настоящая работа ставит своей целью комплексное исследование этой темы, до сих пор недостаточно изученной в российском исламоведении. Для этого систематически анализируется религиозная и политическая история исламского сообщества России за период с 1989 по 2006 год; определяется, какую роль сыграли личностные, этнические, политические, финансовые и религиозные факторы в расколе российской уммы, а

также дается представление об общей картине современной географии сфер влияния мусульманских структур России¹.

Конечно, у автора существовали определенные сомнения, стоит ли ему, православному христианину по вероисповеданию, освещать столь деликатный вопрос. К сожалению, острая дискуссия, сопровождавшая выход первой версии данного исследования — монографии «Новейшая история исламского сообщества России», подтвердила его опасения. Тем не менее изучать эту область необходимо. Автор хотел бы особо подчеркнуть, что в аналитических разделах выражает только свою собственную точку зрения.

Технические сведения о работе

Принятая терминология. При подготовке книги автор старался не вводить новых терминов, однако даже общеизвестные современные понятия исламоведения и политологии зачастую имеют несколько значений, нуждающихся в пояснении. Так, используемый здесь термин «этнический мусульманин» серьезно критикуется многими учеными, однако отказаться от его употребления не представляется возможным — более удачного определения для человека, относящегося к преимущественно мусульманскому народу, еще не предложено. В данном контексте допустимо также употреблять несколько громоздкую конструкцию «человек мусульманской культуры».

Под «мусульманским сообществом» («исламским сообществом») здесь понимается организованная либо неорганизованная территориальная общность мусульман любой численности и национального состава. Такое же значение имеет арабское слово «умма» (община). Отдельная организованная мусульманская община традиционной направленности может называться арабским словом «махалля» (приход)², нетрадиционной — арабским словом «джамаат» (союз). В то же время употребление сугубо христианского понятия «кон-

фессия» по отношению к направлениям ислама либо его организациям видится нецелесообразным. Также следует различать межрелигиозный диалог (диалог между различными религиозными традициями) и диалог межконфессиональный (диалог между христианскими течениями).

Случившееся вследствие целого ряда причин разделение мусульманского сообщества России на многочисленные группы обозначается в работе как «раскол». Этот христианский по сути термин, ассоциирующийся в первую очередь со старообрядческим расколом, вполне может употребляться и по отношению к мусульманам, которые сами его нередко используют. Процессы развития раскола можно определить как дезинтеграционные или центробежные, а его преодоления — соответственно как интеграционные и центростремительные.

Ученые, политики, журналисты и мусульманские лидеры зачастую совершенно по-разному толкуют понятие «ваххабизм», а то и вовсе выступают против его употребления. Одни утверждают, что ваххабизм — это религиозное течение, основанное в XVIII веке саудовским религиозным деятелем Мухаммедом аль-Ваххабом, по своей сути экстремистское и террористическое, другие считают его сугубо положительным явлением и «нормальной реакцией мусульман на неспособность центральной и местной властей решить их проблемы», однако для российского обывателя это слово ассоциируется именно с терроризмом. Спор о ваххабизме, периодически обостряющийся в связи с попытками его запрета, может продолжаться еще долго, однако попытки обелить этот термин видятся тщетными — в русском языке он прочно вошел в перечень негативных «измов» наряду с фашизмом, нацизмом и антисемитизмом.

Таким образом, видится вполне оправданным употреблять термин «ваххабизм» для общего обозначения любой экстремистской идеологии мусульманского происхождения на территории России. Следует отметить, что последователи этого течения обычно называют себя салафитами или ревнителями «саф ислама» (чистого ислама).

Источники исследования

Полевые исследования. В связи с недостаточной надежностью большинства источников информации по рассматриваемым вопросам ключевую роль в сборе достоверных сведений сыграли полевые исследования. В период с сентября 1998 по июль 2006 года автор провел такие исследования в 71 субъекте Российской Федерации: Республиках Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Северная Осетия — Алания, Татарстан, Тыва, Хакасия, Чечня; Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Приморском, Ставропольском и Хабаровском краях, Астраханской, Амурской, Архангельской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Вологодской, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Кемеровской, Костромской, Курганской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Мурманской, Московской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Самарской, Саратовской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Томской, Тюменской, Челябинской, Тюменской, Ульяновской, Челябинской, Читинской и Ярославской областях, Агинском Бурятском, Усть-Ордынском Бурятском и Коми-Пермяцком автономных округах, Москве и Санкт-Петербурге. В ходе исследований было опрошено более 700 информаторов, преимущественно мусульманских лидеров, сотрудников региональных администраций и правоохранительных органов, ученых и журналистов.

Архивные данные. Другим важным источником достоверной информации стали архивы мусульманских централизованных организаций, государственных структур, научно-исследовательских центров. Наиболее детальная работа

была проведена в архивах Совета муфтиев России, Центрального духовного управления мусульман России, Регионального духовного управления мусульман Пермской области, Духовного управления мусульман Нижнего Новгорода и Нижегородской области, Казанского муфтията, Духовного управления мусульман Кабардино-Балкарской Республики, Духовного центра мусульман Республики Ингушетия, Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, Министерства РФ по делам Федерации, национальной и миграционной политики (ныне расформированного), Совета по делам религий при Кабинете Министров Республики Дагестан, Совета по делам религий при Кабинете министров Республики Татарстан, Комитета по делам религий Республики Башкортостан, Отдела по связям с религиозными организациями Администрации Челябинской области, Отдела по связям с религиозными организациями Администрации Астраханской области и Комитета по национальной и религиозной политике Тюменской области.

К сожалению, изученные архивы не являются систематизированными и общедоступными, поэтому большинство необходимых для написания работы материалов было скопировано и в настоящий момент хранится в личном архиве автора.

Монографии и сборники статей. Основными в этой категории использованных материалов стали работы С.Б.Филатова, объединенные в «Атлас современной религиозной жизни России» (М., 2005), книги А.В.Малашенко «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998) и «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (М., 2001), статьи из тематических сборников, подготовленных Московским центром Карнеги³, а также посвященные религиозной тематике комплексные справочные издания.

Упомянутые материалы позволили достоверно охарактеризовать основные этапы истории мусульманского сообщества России до 1989 года. Наряду с работами А.В.Малашенко

наиболее значимыми в этом отношении стали труды Р.Гланды «Ислам в истории России» (М., 1995) и А.Б.Юнусовой «Ислам в Башкортостане» (Уфа, 1999). Определенные аспекты досоветской истории российского ислама корректно освещены в энциклопедии «Ислам на территории бывшей Российской империи» (М, 1998-1999) и ряде других трудов⁴.

Тему раскола российской уммы затрагивают только монография А.В.Малашенко «Исламское возрождение в современной России» (М., 1997) и «Атлас современной религиозной жизни России». Частично она рассматривается также в фундаментальных работах А.Б.Юнусовой «Ислам в Башкортостане» (Уфа, 1997), Л.Ю.Браславского «Ислам в Чувашии» (Чебоксары, 1997) и Валиуллы Якупова «Ислам в Татарстане в 1990-е годы» (Казань, 2005), однако эти исследования посвящены конкретным региональным мусульманским сообществам и мало затрагивают общий ход дезинтеграционных процессов. Проблемы радикального и политического ислама в России удачно отражены в работах российского исламоведа И.П.Добаева⁵. В целом же наибольшей научной ценностью, по мнению автора, обладают работы А.Б.Юнусовой, В.Якупова, С.Б.Филатова, Р.Гланды и И.П.Добаева.

Была использована и справочная литература: энциклопедии, словари, а также материалы Всесоюзной переписи населения 1989 года и Всероссийской переписи населения 2002 года, позволившие достоверно отразить этническую и религиозную картину исламского сообщества России⁶; справочники, показывающие религиозную ситуацию в конкретных регионах; справочные работы, акцентирующие внимание на административно-территориальной структуре российского ислама, и, наконец, справочные издания, посвященные политическим и общественным организациям⁷. Информация, приведенная в изданиях последней группы, позволила уточнить данные по ведущим мусульманским партиям.

Некоторые темы позволили осветить труды мусульманских авторов, затрагивающих самый широкий спектр

вопросов. Среди них наиболее информативными оказались печатные издания духовных управлений мусульман⁸, опубликованные материалы мусульманских съездов и конференций⁹, работы мусульманских религиозных лидеров¹⁰, сочинения идеологов салафизма¹¹. Заметная часть источников посвящена проблемам ваххабизма и суфизма¹², а также некоторым иным темам¹³.

Материалы печатных и радиоэлектронных СМИ. Современные компьютерные технологии уже позволяют исследователю получить доступ к нескольким тысячам газетных и журнальных публикаций, а также к значительному количеству расшифрованных теле- и радиопередач. Сделанная выборка охватила до 80 процентов материалов центральных и региональных СМИ, а также исламских периодических СМИ. Материалы электронных СМИ представлены расшифровками передач телеканалов ОРТ, РТР, ТВ-6 (ТВС), НТВ, РЕН-ТВ, также некоторых региональных телеканалов; радиостанций «Радио России», «Маяк», «Открытое радио» и «Эхо Москвы». Общее их количество превышает 30 тысяч единиц, однако для ограничения объема в работе приведены ссылки лишь на важнейшие материалы.

Материалы сети Интернет и электронные базы данных. Все собранные в ходе подготовительной работы материалы были объединены в электронную базу данных по современному российскому исламу, позволившую систематизировать полученные данные. В эту базу также интегрированы подборки сообщений агентств «Интерфакс», «ИТАР-ТАСС», «РИА-Новости», «Благовест-инфо», «Регион-инфо» и «Росбалт», а также материалы веб-сайтов «Панорама», «Российский информационный центр», «Грани.ру», «Дедлайн.ру», необходимые материалы всех значимых русскоязычных исламских веб-сайтов и целого ряда других сетевых источников. Наиболее значимые из них приведены в списке литературы.

*Отличия работы от монографии
«Новейшая история исламского сообщества России»*

В основу настоящего исследования положены материалы книги «Новейшая история исламского сообщества России» (М., 2005), значительно дополненные и переработанные.

В новую книгу — «Ислам в России на рубеже тысячелетий. История и политика» — вошли описание общей новейшей истории исламского сообщества России, анализ аспектов его раскола — личностного, финансового, политического, этнического и религиозного, хронология общей новейшей истории, введение и заключение. Данное исследование показывает общую тенденцию развития российского ислама с 1989 по 2006 год, содержит аналитические вставки по каждому ее этапу и подробно описывает причины, приведшие к кризису традиционного ислама. В заключении приводится сводный анализ текущей ситуации и даются вероятные прогнозы ее развития.

Книга снабжена списком литературы, указателями имен и географических названий; текстовыми и черно-белыми графическими иллюстрациями.

Приняв во внимание полученные замечания, автор увеличил аналитический блок, значительно расширил описание аспектов раскола и новейшей истории исламского сообщества России, дополнил приложения и список источников. С помощью текстовых иллюстраций (которых насчитывается более 200) появилась возможность ознакомить читателя с полными версиями ключевых документов, интервью, выступлений, аналитических статей, а также расшифровок теле- и радиопередач.

По просьбе легитимных духовных лидеров российского ислама из текста были исключены моменты, могущие бросить тень на их репутацию. Автор подчеркивает, что приведенные им сведения не призваны нанести урон чьему бы то ни было авторитету, и жалеет, что ряд недобросовестных

мусульманских деятелей предали публичной огласке факты из личной жизни своих оппонентов. С его точки зрения, данный поступок не только лишил их уважения верующих, но и нанес тяжелейший удар по авторитету всего российского ислама.

В целом «Ислам в России на рубеже тысячелетий» является самостоятельным исследованием, которое может быть полезно историкам, этнологам, политологам, исламоведом широкого профиля, социальным географам, чиновникам, социологам, экономистам, культурологам, журналистам, а также всем, кому небезынтересны вопросы национальной безопасности России.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ДОСОВЕТСКУЮ И СОВЕТСКУЮ ИСТОРИЮ ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Досоветский период истории исламского сообщества России

Даже в свете современных исследований довольно сложно определить тот момент, который можно считать точкой отсчета истории ислама в нашем государстве. Одни исследователи считают, что история ислама в России началась с 642 года, когда первые отряды мусульман дошли до Дербента, другие же полагают, что 922 год — год принятия ислама Волжской Булгарией — является более обоснованной датой¹⁴. Впрочем, любая из этих дат является достаточно условной — полноценное взаимодействие Государства Российского с исламской цивилизацией началось не раньше XV века.

В начале XIV века, во времена правления Узбек-хана, ислам стал государственной религией Золотой Орды, что позволило ему распространиться среди многочисленных тюркских племен от Крыма до Сибири. Орде не были свойственны прозелитические тенденции, и поэтому знакомство Московского государства с исламом происходило в основном путем контактов с приезжающими на службу к великим князьям татарскими дворянами. Так, в 1445 году большой отряд татар во главе с царевичем Касимом из Казанского ханства, получив от Московского великого князя в Мещерской земле особый удел, основал «Касимовское царство» на Оке. Приехавшие сюда мусульмане стали устраиваться так, как им было привычно, постепенно сооружали мечети в русских городах, управляли небольшими мещерскими города-

ми, занимали административные посты. Впоследствии, правда, почти все они крестились¹⁵.

В XVI веке завоевание Казани и Астрахани, покорение Ногайского княжества и Сибирского ханства привело к включению в состав русского государства значительной по численности мусульманской общины. Русские цари относились к мусульманам довольно терпимо и не предпринимали особых усилий для обращения их в христианство, стимулируя смену веры преимущественно экономическими мерами. В то же время на пути исламской миссии ставились жесткие препоны, а миссионерам угрожала смертная казнь за «обрезание» христиан¹⁶. До конца XVIII века существовал также запрет на строительство мечетей в Казанской губернии¹⁷, но, несмотря на это, Россия оставалась самой толерантной к мусульманам христианской страной того времени¹⁸.

Еще более лояльным отношением к мусульманам стало во времена правления Екатерины II. 17 июня 1773 года по ее настоянию был издан указ Святейшего Правительствующего Синода «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных вероисповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам». В тексте указа приводились слова императрицы, которая подчеркивала, что «как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и Ея Величество из тех же правил, сходствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ея Величества всегда любовь и согласие царствовали»¹⁹. Согласно этому судьбоносному документу запрет на строительство мечетей снимался, а рассмотрение любых дел, связанных с лицами мусульманского исповедания, передавалось в юрисдикцию светских властей. Принято считать, что причиной корректировки политики властей по отношению к исламу стало Пугачевское восстание 1773—1775 годов, в котором активное участие приняли поволжские и приуральские мусульмане.

Впоследствии Екатерина II издала еще несколько указов, заметно облегчивших жизнь мусульманам. 22 февраля 1784 года Правительствующий Сенат получил Именной Указ «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства», который наделял мусульман благородного происхождения всеми правами российского дворянства. В конце 1788 и начале 1789 года была издана целая серия законодательных актов следующего содержания: «Об определении Мулл и прочих духовных чинов Магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими» (Именной Указ от 22 сентября 1788 года), «О назначении Муфтия над всеми обитающими в России Магометанского закона людьми» (Именной Указ от 22 сентября 1788 года) и «Об определении в учрежденное в Уфе Духовное Собрание Магометанского закона Секретаря, Канцелярских и прочих служителей, с произведением им жалования» (Высочайше подтвержденный доклад Сената от 20 апреля 1789 года). Во главе новообразованного Уфимского Духовного Магометанского закона собрания встал муфтий Мухамеджан Гусейнов (Хусейнов), получивший также титул Первого Ахуна²⁰. В помощь ему были определены «два или три испытанных Муллы из Казанских Татар»²¹. В числе привилегий, предоставленных руководству Духовного собрания, упоминалась возможность для них «покупать порозжие земли у Башкирцев, и заселять оные иноверцами не Христианского исповедания» и «оставить пятничный день свободным от присутствия», т.е. выходным²². Впоследствии мусульманское духовенство стало пользоваться еще большей поддержкой власти²³ и было включено в Табель о рангах²⁴.

С 1789 по 1917 год Духовное собрание несколько раз реорганизовывалось, меняя название, структуру и зону юрисдикции. Так, с 1796 года оно стало именоваться Оренбургским Духовным Магометанского закона собранием, а с 1846 года — Оренбургским Магометанским Духовным собранием

(ОМДС). Область юрисдикции ОМДС, первоначально охватывавшая только Оренбургскую губернию и Уфимское наместничество, постепенно распространилась на всю территорию Российской империи, за исключением Таврической области, Кавказа и Средней Азии²⁵. К 1912 году в подчинении ОМДС находилось более 4 тысяч приходо (махалля) и 12 тысяч лиц духовного звания. С 1789 по 1917 год ОМДС возглавляли муфтии Мухамеджан Гусейнов (1789—1824), Габдессалам Габдрахимов (1765—1840) Габдельвахит Сулейманов (1840—1862), Салимгарей Тевкилеев (1865—1885), Мухамедьяр Султанов (1886—1915) и Мухаммад Сафа Баязитов (1915—1917).

23 января 1794 года Екатерина II подписала Именной Указ «О бытии в Таврической области Магометанскому Духовному Правлению под председательством муфтия», однако это Духовное управление было создано лишь в 1831 году, на основании дополнительного указа Николая I. Политику Екатерины II по отношению к исламу продолжил и ее сын. В 1797 году император Павел I указал напечатать в казенной Азиатской Типографии 3600 экземпляров «Алкорана» (Корана) и «разослать для продажи в те Губернии, где населены народы Магометанского вероисповедания»²⁶. Примечательно, что изданные в России Кораны славились своим качеством далеко за ее пределами и получали высокие отзывы европейских востоковедов. С 1800 года были сняты все ограничения на издание мусульманской религиозной литературы²⁷.

С 1805 года стали издаваться указы, призванные упорядочить жизнь мусульман Закавказья²⁸. Первоначально управление ими поручалось ахунду, «имеющему смотрение над всеми муллами», а к 1872 году была выстроена вертикали власти из двух правлений — Шиитского духовного во главе с шейх-уль-исламом и Суннитского духовного во главе с муфтием²⁹.

25 июля 1810 года в соответствии с манифестом «О разделении Государственных дел на особые управления с озна-

чением предметов каждому управлению принадлежащих» курирование исламских вопросов было поручено новообразованному Главному управлению духовных дел Иностранных исповеданий. Впоследствии Главное управление духовных дел было переименовано в департамент, в 1817 году вошло в состав Министерства духовных дел и народного просвещения, а в 1832 году было передано Министерству внутренних дел³⁰.

К концу первой трети XIX века мусульманское духовенство было окончательно встроено в систему государственного управления. Его представители имели весьма неплохое жалование, могли свободно выезжать на хадж (к середине XIX века число паломников ежегодно составляло 8—10 тыс. человек), строить мечети, основывать медресе и издательства. Со своей стороны, Духовные управления были обязаны жестко следить за моральным обликом духовенства, а также гарантировать его лояльность Государю. Конец XIX и начало XX века часто называют «золотым веком» российского ислама, который в это время стал весьма уважаемым и влиятельным сообществом в масштабах всего исламского мира.

Особое значение российские власти придавали институту военного мусульманского духовенства — полковые муллы служили при многих частях, получая аналогичное полковым священникам жалование (а нередко и большее)³¹, рекруты-мусульмане приносили присягу в мечетях³². С 1845 года должности военных имамов были введены во всех портах Российской империи³³. Ко времени Первой мировой войны мусульманам-военным были предоставлены возможности питаться халяльной пищей и получать приемлемые для них награды — например, сделанный в виде медали Георгиевский крест. Мусульмане служили в гвардейских частях, их дети свободно учились в кадетских корпусах, а из лучших кавказских наездников была сформирована Дикая или Туземная дивизия, в составе которой было 6 полков — Дагестанский, Кабардинский, Чеченский, Ингушский, Черкесский и Татарский общей численностью до полутора тысяч чело-

век³⁴. Следует отметить, что первая мечеть в Москве, ныне именуемая Исторической, была построена в ознаменование подвигов татарских и башкирских полков, доблестно сражавшихся в Отечественной войне 1812 года.

За хорошую службу муфтии и муллы получали те же привилегии, что и представители православного духовенства. Так, известно, что кавказский муфтий Хусейн Гаябов за особые заслуги перед государством был награжден высоким орденом Святого князя Владимира³⁵. Примечательно, что в 2001 году такой же орден был вручен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II председателю Управления мусульман Кавказа шейх-уль-исламу Аллахшукюру Паша-заде..

Политика Российской империи по отношению к исламу была сформулирована в точной фразе из постановления Государственного Совета в 1887 году. «Мусульмане свободны в отправлении своего культа при условии, что это не будет вредить Православной Церкви», — говорилось в нем³⁶.

Во второй половине XIX века в среде Поволжской интеллигенции возникло реформаторское движение джадидизм (от араб, «усул-и-джадид» — новый метод), которое изначально касаясь только области образования, впоследствии затронуло и другие стороны жизни мусульманского сообщества. К 80-м годам XIX века джадидизм оформился в мощное общественно-политическое движение, представители которого требовали реформировать духовное образование, а также призывали развивать науку, просвещение и книгоиздание. Именно джадиды стали в 1905 году инициаторами создания первой мусульманской политической партии — либерально-демократического движения «Иттифак аль-муслимин».

Принятый в 1905 году Закон о веротерпимости мало сказался на жизни мусульман, которые и без него пользовались большой свободой, однако именно в начале XX века им удалось построить мечети в некоторых городах Центральной и Северо-Западной России — Санкт-Петербурге, Твери,

Ярославле и Костроме³⁷. С другой стороны, именно принятие этого закона привело к активизации политической жизни российской уммы.

15 августа 1905 года в Нижнем Новгороде на пароходе «Густав Струве» тайно прошел I Всероссийский мусульманский съезд, в котором приняло участие около 120 человек. По итогам съезда был одобрен царский манифест от 6 августа о созыве Думы и принято решение о создании общероссийской организации мусульман. II Всероссийский мусульманский съезд также тайно состоялся в январе 1906 года в Санкт-Петербурге. На нем были приняты решения о создании политической партии «Иттифак-аль-муслимин» и поддержке кадетов на выборах в I Государственную Думу. Ключевым положением платформы «Иттифака» стало требование о предоставлении мусульманским народам России права на самоопределение³⁸. И после 1917 года они получили это право, что привело исламское сообщество к немедленному организационному коллапсу, последствия которого дают о себе знать до сих пор.

В августе 1906 года в Нижнем Новгороде уже вполне легально прошел III Всероссийский мусульманский съезд. В числе прочих документов он принял проект общего управления мусульман России из 13 пунктов. Так, муфтиев предполагалось переименовать в шейх-уль-исламов, а во главе их поставить раис-уль-улема, который бы имел право личного доклада императору о нуждах мусульман. При этом предполагалось также ввести пост шейх-уль-ислама для Туркестана и Семиреченской области и образовать там отдельное духовное правление. Последняя инициатива была воплощена в жизнь уже при советской власти, которая в 1944 году инициировала создание ДУМ Средней Азии и Казахстана³⁹.

3 декабря 1913 года 39 членов Государственной Думы внесли законодательное предложение об учреждении особого духовного управления для мусульман Северного Кавказа «по образцу Закавказского муфтията». Совет министров,

приняв во внимание заключение министра внутренних дел, «нашел означенное предложение неприемлемым, как затрагивающего лишь часть поставленного уже Министерством внутренних дел на очередь общего вопроса об упорядочении высшего управления делами магометан в тех местностях Империи, где такового управления не имеется»⁴⁰. В итоге Северокавказский муфтият был создан только в 1944 году.

Советский период истории исламского сообщества России

Октябрьский переворот 1917 года и события, последовавшие за ним, в корне изменили положение исламского сообщества страны. Первое десятилетие существования Советской России, а затем Советского Союза не сопровождалось серьезными притеснениями мусульман, и даже способствовало бурному росту политической активности в мусульманской среде.

Уже в апреле 1917 года в Уфе прошел губернский съезд мусульман, главной целью которого стала подготовка к I Всероссийскому съезду мусульман. На этом съезде, открытие которого состоялось 1 мая 1917 года, было выдвинуто требование об автономии «тюркско-татарских мусульман внутренней России и Сибири» и о создании представительного органа «тюркско-татарской нации» — Милли Меджлиса. 11 мая съезд принял резолюцию об образовании Всероссийского центрального национального совета мусульман (Милли Шуро) с целью координации действий мусульманских народов⁴¹.

На II Всероссийском мусульманском съезде, открывшемся в Казани в июне 1917 года, предложение о создании Милли Меджлиса было воплощено в жизнь. Исполнительным органом новой структуры стал Милли Идара, состоявший из трех ведомств — духовного, финансового и просве-

тительского. При этом функции духовного ведомства были переданы ОМДС, переименованного в Центральное Духовное управление мусульман внутренней России и Сибири. К этому времени его возглавил новоизбранный муфтий Галимджан Баруди⁴².

По мере обострения ситуации в стране, на смену съездам мусульманского духовенства и мирян пришли всероссийские мусульманские военные съезды, на которых ведущую роль играли уже военнослужащие. I Всероссийский мусульманский военный съезд, созданный по инициативе, прошел 17—26 июля 1917 года в Казани. На нем было решено создать Всероссийский мусульманский Военный Совет (Харби Шуро) с центром в Казани. В основной резолюции съезда отмечалось, что армия должна быть заменена народной милицией; в противном же случае ее надлежало реформировать по национальному признаку.

8 января 1918 года в Казани открылся II Всероссийский мусульманский военный съезд. Его главной целью стало создание Идель-Уральского (Волжско-Уральского) штата (республики). Провозглашение резолюции об образовании Идель-Уральской республики было намечено на 1 марта 1918 года, однако советская власть пресекла эту инициативу, арестовав наиболее активных членов съезда. 24 марта 1918 года вышел декрет о ликвидации Харби Шуро, а 21 апреля появилось постановление Наркомнаца о фактической ликвидации Милли Идара (из трех его ведомств сохранилось только одно — духовное). Были также распущены все органы, избранные на I съезде мусульман. После разгрома Милли Идара и Харби Шуро российским мусульманам разрешалось проводить только сугубо религиозные съезды с узко ограниченным кругом рассматриваемых вопросов⁴³.

В июле-декабре 1917 года в Оренбурге прошли три Все-; башкирских съезда, посвященные преимущественно проблеме формирования башкирской автономии. На третьем съезде (курултае) был принят закон «О религии Башкур-

дистана», который, в частности, предусматривал создание независимого Башкирского духовного управления мусульман (БДУМ). Формальной причиной создания нового муфтията была объявлена политическая ангажированность Центрального Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири (ЦДУМ), однако в действительности образование БДУМ инициировали башкирские общественные деятели, недовольные «татарским засильем» в Уфимском муфтияте.

В течение 5 лет интересы БДУМ и ЦДУМ не пересекались, однако в 1922 году в преддверии II Всероссийского съезда мусульманского духовенства (I съезд прошел в сентябре 1920 года и особых последствий для жизни мусульман не имел) БДУМ попыталось распространить свое влияние на всю Башкирскую АССР (ранее оно действовало только в границах т.н. Малой Башкирии). 10 июня 1923 года — одновременно со II Всероссийским съездом мусульманского духовенства — открылся «духовный съезд представителей населения Башкирии», который принял решение о создании Башкирского центрального духовного управления (ЦДУМ БАССР), ставшего преемником практически бездействовавшего БДУМ. Открытую поддержку этому съезду оказали власти Башкирской АССР, особенно — НКВД БАССР⁴⁴.

Главным же событием II Всероссийского съезда мусульманского духовенства, проведенного 10—21 июня 1923 года в Уфе, стало избрание нового муфтия ЦДУМ вместо умершего Галимджана Баруди. Преемником Баруди стал авторитетный богослов Ризаэтдин Фахреддин (Фахреддинов). Кроме того, съезд утвердил новый устав ЦДУМ, который учитывал те серьезные изменения, которые произошли в жизни российских мусульман с 1917 года⁴⁵.

III Всероссийский съезд мусульманского духовенства, прошедший 6—10 октября 1926 года в Уфе, был посвящен в основном вопросам внешней политики российской уммы. На этом съезде наиболее ярко проявилось соперничество

между ЦДУМ РСФСР и ЦДУМ БАССР, искусственно подогреваемое органами советской власти⁴⁶.

1927 год стал годом начала решительной борьбы против ислама: повсеместно были закрыты медресе, коренным образом изменены школьные программы (в их основу был положен принцип атеистического воспитания детей), начали уничтожаться мечети как рассадники «религиозных пережитков прошлого». К 1930 году было закрыто 87% мухтасибатов, более 70% мечетей, от 90 до 97% мулл и муэдзинов лишены возможности осуществлять свою деятельность. Советская власть прилагала все усилия, чтобы ослабить мусульманские структуры, и сознательно разжигала конфликт между ЦДУМ РСФСР и ЦДУМ БАССР. Однако даже перед лицом общей опасности эти управления не смогли забыть свою вражду и менее чем за десять лет пришли в полный упадок. В 1936 году ЦДУМ БАССР прекратило свое существование, и только Великая Отечественная война спасла от полного исчезновения ЦДУМ РСФСР⁴⁷.

25 октября 1948 года в Уфе открылся IV Всероссийский съезд мусульманского духовенства, по итогам которого ЦДУМ РСФСР было переименовано в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Новый устав муфтията, принятый на том же съезде, лишил его многих полномочий: права выдачи разрешений на открытие новых приходов, образования мухтасибатов, ведения метрических книг, открытия духовных школ и курсов по подготовке служителей культа, организации мероприятий по улучшению материального положения мусульманского духовенства⁴⁸.

К этому времени Уфимский муфтият уже не был единственной централизованной мусульманской организацией в СССР. В 1944 году уцелевшие мусульманские общины республик Северного Кавказа были объединены в ДУМ Северного Кавказа (ДУМСК) с центром в Махачкале. Несколько позже аналогичные структуры появились в Средней Азии и Закавказье⁴⁹.

Таким образом, мусульманское сообщество СССР было окончательно упорядочено и по национально-географическому признаку разделено на четыре сферы влияния, контроль над которыми возлагался на четыре муфтията.

Среднеазиатское духовное управление мусульман (САДУМ) координировало деятельность мусульманских общин Средней Азии и Казахстана. По своему вероисповеданию подавляющее большинство входящих в него мусульман были ханафитами. Центральный аппарат САДУМа располагался в Ташкенте, а его председатель носил духовное звание муфтия. Все председатели САДУМ были узбеками.

Фактически Совет по делам религий СССР рассматривал САДУМ как головную мусульманскую структуру страны, так как в его подчинении находилось наибольшее количество общин, а также единственные мусульманские учебные заведения страны — бухарское среднее медресе «Мир-Араб» и ташкентский Исламский институт. Кроме того, хорошо сохранившиеся памятники мусульманской культуры в Бухаре, Самарканде, Ургенче и Туркестане были особенно привлекательны для зарубежных делегаций.

Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК), созданное на базе двух духовных управлений царского времени — Шиитского и Суннитского духовных — правлений, включало в себя мусульманские общины Азербайджана, Грузии и Армении. По своему религиозному составу оно оказалось на две трети шиитским, а на одну треть — ханафито-шафиитским. Ведущую роль в ДУМЗАКе играли шииты-джафариты, из которых избирался его председатель, носивший духовное звание шейх-уль-ислама. Все председатели ДУМЗАКа были азербайджанцами.

По традиции первым заместителем шейх-уль-ислама был суннит, носивший духовное звание муфтия. Впоследствии звания муфтиев получили также представители ДУМЗАКа в Тбилиси и в Батуми. Центральный аппарат ДУМЗАКа разместился в Баку.

Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) объединяло мусульманские общины Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ставропольского и Краснодарского края. По своему религиозному составу оно было шафиито-ханафитским с незначительной долей шиитов-джафаритов. Председателями ДУМСКа, носившими духовное звание муфтия, избирались представители разных, но преимущественно дагестанских, народов. Центральный аппарат ДУМСК располагался в Махачкале.

Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) осуществляло руководство мусульманскими общинами на остальной территории СССР. По своему религиозному составу оно было ханафитским.

Резиденция его председателя, носившего духовное звание муфтия, находилась в Уфе. Все председатели ДУМЕСа были татарами.

До 1989 года эта система оставалась без изменений. Давление на мусульман, усилившееся в годы «хрущевской оттепели», в последующий период ослабло и мусульманское духовенство стало активно привлекаться к участию в международных миротворческих программах СССР. В Ташкенте, ставшем своеобразной витриной советского ислама, часто проводились международные конференции, призванные продемонстрировать дружественным мусульманским странам лояльное отношение СССР к мусульманам. В подобные программы вовлекались и представители других традиционных религиозных организаций — в первую очередь Русская Православная Церковь, что позволило значительно упорочить христианско-мусульманские связи и заложить основы современного межрелигиозного диалога⁵⁰.

Смена власти в советских ДУМ происходила без каких-либо эксцессов и по принятой в каждом отдельном случае схеме: САДУМ управляла династия авторитетных богословов Бабахановых, власть в которой передавалась от отца

к сыну; в ДУМСК соблюдался принцип ротации между основными этническими группами Северного Кавказа; в ДУМЗАКе пост шейх-уль-ислама был закреплен за шиитом, в то время как его первый заместитель носил духовное звание муфтия и был суннитом-ханафитом; муфтиями ДУМЕС становились только татары, причем в основном казанские⁵¹.

На начало 1989 года председателем САДУМ был узбек Шамсуддин Бабахан (Бабаханов), ДУМЕС возглавлял татарин Талгат Таджуддин, ДУМСК — балкарец Махмуд Геккиев, а ДУМЗАК — азербайджанец Аллахшукюр Паша-заде.

Часть I

ОБЩАЯ НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Исходной точкой начала дезинтеграционных процессов исламского сообщества СССР можно считать дату 4 февраля 1989 года. В этот день видные духовные лидеры и богословы Узбекистана и Таджикистана собрались у административного здания САДУМ медресе «Барак хана», объявили о начале Чрезвычайного всеобщего собрания мусульман и в ультимативной форме потребовали смещения председателя САДУМ муфтия Шамсиддина (Шамсуддина) Бабаханова, обвиненного в продажности безбожной власти, несовместимых с исламом привычках и общем несоответствии с занимаемой должностью⁵². Предполагая встретить противодействие соответствующих государственных органов, инициаторы собрания и их сторонники двинулись к зданию Совета министров Узбекской ССР, скандируя антибабахановские лозунги. Неожиданно для демонстрантов первый секретарь ЦК КПСС Узбекской ССР Ислам Каримов согласился выслушать выдвинутые требования и одобрить отставку Бабаханова⁵³. Вскоре новым председателем САДУМ был избран директор Высшего исламского института при САДУМ Мухаммад Содик Мухаммад Юсуф⁵⁴.

Смещение Бабаханова дало старт началу трансформации существующей структуры духовных управлений. Столь

нетипичное для советской системы развитие событий объясняли потом тем, что Ташкент считался своеобразным «фасадом» советского ислама и республиканские власти посчитали нецелесообразным вмешиваться во внутримусульманский конфликт. В любом случае, та легкость, с которой был смещен председатель САДУМ, запомнилась многим имамам и амирам ваххабитских джамаатов. И они сделали соответствующие выводы.

Через три года после описанных событий Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана, реорганизованное в Духовное управление мусульман Мавераннахра, прекратило свое существование и разделилось на республиканские муфтияты⁵⁵. На руинах САДУМ буйным цветом расцвели нетрадиционные формы ислама, которые до сих пор считаются главным дестабилизирующим фактором в этом регионе. И нет никаких сомнений, что Ислам Каримов впоследствии не раз жалел о своей непротивленческой позиции.

Глава I

НАЧАЛО РАСКОЛА

(весна 1989 года — осень 1991 года)

1. Начало раскола северокавказской уммы — свержение председателя ДУМСК муфтия Махмуда Геккиева

Через месяц после смещения Бабаханова, в марте 1989 года, по аналогичному сценарию был спровоцирован кризис в Духовном управлении мусульман Северного Кавказа (ДУМСК).

Образованное в 1944 году ДУМСК на момент своего 45-летнего юбилея располагало более чем 100 мечетями, со-

средоточенными преимущественно в Дагестане. Резиденция председателя ДУМСК первоначально размещалась в небольшом дагестанском городе Буйнакске, однако незадолго до описываемых событий была перенесена в Махачкалу. Несмотря на небольшое количество мечетей, структура ДУМСК предполагала выделение казыятов, территориально соответствовавших национальным и наднациональным административным образованиям Северного Кавказа⁵⁶.

В период с 1944 по 1978 год ДУМСК возглавляли кумык Хизри Гебеков (1944—1950 гг.), аварец Магомед Курбанов (1950—1975 гг.), аварец Абдулхафиз Омаров (1975—1978 гг.). В 1978 году председателем муфтията был избран балкарец Махмуд Геккиев, ставший первым муфтием-недагестанцем⁵⁷. К этому времени давление государства на ислам заметно ослабло, что, с одной стороны, позволило с меньшими проблемами открывать новые мечети и контактировать со своими зарубежными единоверцами, а с другой — привело к активизации «альтернативного» ислама.

Официальные лидеры советского ислама по мере сил старались содействовать исламскому возрождению, однако были вынуждены согласовывать свои действия с Советом по делам религий СССР. Нередко под давлением этой организации приходилось принимать сомнительные с богословской точки зрения заявления и фетвы, в угоду атеистической пропаганде бороться с противоречащими советской морали исламскими обычаями⁵⁸. Вряд ли такое «сотрудничество» с властью доставляло большое удовольствие имамам и муфтиятам, однако иной возможности сохранить организованную мусульманскую жизнь у них не было.

В годы явных репрессий против духовных лидеров такая позиция находила если не одобрение, то хотя бы понимание простых верующих, однако в преддверии перестройки в их среде стало крепнуть недовольство соглашательством официальных структур. Оппозиционные настроения умело подогревались лидерами «альтернативного» ислама,

который на Северном Кавказе был изначально представлен возрождающимися тарикатами — кадирийей, накшбандийей и шазилийей. Именно с ними в последние годы существования ДУМСК пытался бороться муфтий Махмуд Геккиев, однако исход этой борьбы не вызывал сомнений.

Ташкентский переворот, продемонстрировавший не столько слабость «советских» муфтиев, сколько нежелание властей вмешиваться во внутриисламские дела, стал весьма вдохновляющим примером для дагестанских оппозиционеров. Уже в начале марта 1989 года в мечетях Дагестана начали появляться листовки, которые призывали «сделать перестройку у себя в религии» и освободить муфтия Махмуда Геккиева от занимаемой должности по следующим причинам: а) муфтий является ханафитом, в то время как большинство дагестанских мусульман — шафииты, б) он значительно превысил срок пребывания в своей должности и ни разу не отчитался за проделанную работу, в) увеличил себе зарплату в три раза, купил себе четыре квартиры и три машины, г) не проявляет никакой инициативы в открытии новых мечетей, в частности, новой джума-мечети Махачкалы. Впоследствии в вину Геккиеву были поставлены также беспорядочные половые связи и пьянство⁵⁹.

Антигеккиевские листовки составили и распространили члены специально созданной инициативной группы по смещению председателя ДУМСК, во главе которой встал имам одной из махачкалинских мечетей Зайдулла Алибеков. В эту группу вошли и «профессиональные революционеры», незадолго до этого отметившиеся в Ташкенте. Только через несколько лет стало известно, что и антибабахановская, и антигеккиевская акция были тщательно подготовлены специально обученными ваххабитскими эмиссарами, ставшими своей целью дискредитацию прогосударственных духовных лидеров ислама.

В течение марта и апреля 1989 года активисты оппозиционеров посетили почти все мечети Северного Кавказа и

настроили их духовенство против Геккиева. Участники инициативной группы предлагали выбрать на пост председателя ДУМСК имама дагестанского села Тарки Магомеда-Мухтара Бабатова, который, по их мнению, соответствовал всем предъявляемым требованиям и стал бы идеальным муфтием. Сам Бабатов, правда, не принимал никакого участия в развязанной кампании и относился к уготованной ему роли довольно скептически.

12 мая 1989 года в село Тарки приехал лидер инициативной группы Зайдулла Алибеков и предложил Бабатову прибыть на конференцию мусульман Северного Кавказа, созванную противниками Геккиева, и занять по ее итогам (видимо, предрешенным) пост председателя ДУМСК, однако получил отрицательный ответ. Невзирая на позицию таркинского имама, 13 мая противники Геккиева провели в джума-мечети Буйнакска некую «Конференцию мусульман Северного Кавказа», в которой приняло участие около 300 человек. Главными результатами этого сомнительного собрания стали смещение Махмуда Геккиева и избрание на должность председателя ДУМСК Магомеда-Мухтара Бабатова (как уже говорилось, вопреки желанию последнего). В тот же день часть делегатов конференции направилась в Махачкалу, где захватила резиденцию ДУМСК. Поднятые по тревоге сотрудники правоохранительных органов едва успели отбить муфтия и его соратников у митингующих, которые уже собирались устроить самосуд. Этим вмешательство власти во внутримусульманские дела и ограничилось⁶⁰.

После атаки резиденции ДУМСК наиболее радикально настроенные делегаты конференции начали стихийный митинг и потребовали встречи с правительством Дагестана. Выступления противников Геккиева продолжались целый день и в итоге деморализованные дагестанские власти были вынуждены признать легитимность новых лидеров Северокавказского муфтията⁶¹. Оппозиция официально мусульмайскому духовенству одержала вторую знаковую победу,

которая, как и задумывалось, быстро спровоцировала междоусобное противостояние. Наблюдавшие за смещением Геккиева делегаты из Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Ставропольского края были шокированы той легкостью, с которой заслуженного духовного лидера, олицетворявшего для них межэтнический характер ДУМСК, вышвырнули из своей резиденции. Им было хорошо известно, что большинство выдвинутых против председателя ДУМСК обвинений были надуманы и в действительности его моральный облик никаких нареканий не вызывал.

Трения между дагестанскими и недагестанскими мусульманами получили публичную огласку в середине октября 1989 года, когда в Махачкале открылся съезд мусульман Северного Кавказа, призванный избрать нового председателя ДУМСК.

Съезду предшествовали активные интриги Зайдуллы Алибекова, возомнившего себя лидером дагестанских мусульман. Вскоре после майской конференции он угрозами заставил Магомеда-Мухтара Бабатова стать исполняющим обязанности муфтия, однако сил таркинского имама хватило только на полтора месяца — 10 июля он сложил с себя все полномочия «по состоянию здоровья и в связи с семейными обстоятельствами» и поручил Совету ДУМСК подготовиться к съезду⁶². В тот же день под председательством Алибекова было созвано экстренное заседание Совета алимов Северного Кавказа, на которое собралось около 60 делегатов из Дагестана и Чечено-Ингушской АССР. В ходе заседания Алибеков озвучил малоприемлемые для недагестанцев критерии, которым должен был соответствовать новый глава ДУМСК, чем еще более обострил межэтнические отношения⁶³.

Таким образом, исход октябрьского съезда был предрешен. Все выдвинутые на пост муфтия кандидаты оказались дагестанцами и вскоре съезд свелся к жесткой полемике между представителями составляющих этот народ этническими группами. Делегаты от других северокавказских регио-

нов оценили происходящее как откровенное ущемление своих интересов и уполномочили казья Карачаево-Черкесии Ануарбека Абишева изложить общую точку зрения на сложившуюся проблему. Эта точка зрения сводилась к тому, что, коль скоро никаких шансов сохранить межэтнический баланс в ДУМСК нет, то и оставаться в этой структуре для дагестанцев бессмысленно. Поэтому Абишев, не ограничившись жесткой критикой алибековцев, заявил о намерении создать собственное, независимое духовное управление мусульман.

Это заявление положило конец прениям и подвело черту под историей ДУМСК. Новый председатель этой структуры так и не был выбран и уже через месяц на Северном Кавказе возник первый независимый от нее муфтият — ДУМ Кабардино-Балкарской Республики, который возглавил молодой кабардинский имам Шафиг Пшихачев. В декабре 1989 года было образовано также автономное ДУМ Чечено-Ингушской Республики во главе с чеченцем Шахидом Газабаевым.

Между тем дагестанское духовенство еще надеялось спасти ДУМСК. Назначенный на июльском Совете алимов исполняющим обязанности муфтия Абдулла Алигаджиев вскоре после съезда сложил с себя полномочия и назначил своим преемником имама села Новый Хушет Махачкалинского района Ахмеда Магомедова, которому была поручена подготовка нового съезда ДУМСК. Новый и.о. муфтия предпринял энергичные меры по восстановлению порядка и вскоре создал оргкомитет по проведению очередного съезда ДУМСК, во главе которого встал имам центральной махачкалинской мечети Багаутдин Исаев.

Последний съезд ДУМСК открылся в Махачкале 27 января 1990 года. На нем вновь проявилось соперничество основных народов Дагестана и связанное с этим желание дагестанских властей предрешить итоги голосования, исходя из собственных представлений об этническом паритете. В результате и.о. муфтия даргинец Ахмед Магомедов, имев-

ший наилучшие шансы на успех, под давлением Хапсат Гамзатовой, главного куратора религиозных вопросов в Совете министров Дагестана, был вынужден снять свою кандидатуру*. По итогам голосования 76 из 173 бюллетеней было подано за имама махачкалинской соборной мечети кумыка Багаутдина Исаева, который набрал большинство голосов и стал новым муфтием. Протеже дагестанского правительства аварец Абдулла Эльдарханов получил только 56 голосов. На съезде был также избран Совет алимов, места в котором пропорционально распределились между всеми мусульманскими народами республики⁶⁴.

ДУМСК решением съезда было преобразовано в ДУМ Дагестана, что сократило зону его юрисдикции до границ этой республики. Глава «инициативной группы» Зайдулла Алибеков не получил ожидаемых должностей в новой структуре и вскоре перешел в оппозицию к своим бывшим союзникам. В настоящее время он имеет репутацию маргинального имама, видящего смысл своей жизни в бесконечной борьбе с любыми официальными структурами. Впрочем, истинным лидером «инициативной группы» был не он.

После распада ДУМСК исламское сообщество Северного Кавказа перестало составлять единое целое и вплоть до августа 1998 года его развитие шло по разным векторам. В этот период основными поставщиками новостей о северокавказских мусульманах стали Дагестан, Чечня и Карачаево-Черкесия. И эти новости выглядели нерадостно.

2. Углубление раскола в Дагестане — драматические события июня 1991 года

Январский съезд 1990 года, закончившейся долгожданным избранием легитимного муфтия, умиротворил дагес-

* В настоящее время Ахмед Магомедов возглавляет Совет по делам религий при Кабинете министров Республики Дагестан.

танских мусульман на ближайшие полтора года и дал возможность начать полноценное возрождение исламской жизни. Аналогичные процессы шли и в других регионах, однако по уровню религиозности населения и его желанию вернуться к исламским корням Дагестан выглядел несомненным лидером. В республике были заложены сотни мечетей, десятки стихийно возникших медресе с трудом удовлетворяли потребности десятков тысяч людей, жаждущих познать ислам. Наконец, появилась возможность совершить обязательное для каждого мусульманина путешествие — хадж в священную Мекку.

Установление в 1991 году дипломатических отношений между СССР и Саудовской Аравией значительно облегчило условия совершения хаджа, и, несмотря на солидную стоимость паломничества, тысячи людей — преимущественно дагестанцев — подали на него заявки. Именно это и стало причиной новой кризисной ситуации в дагестанской умме.

Стартовавшая в преддверии распада СССР инфляция и резкое падение курса рубля привело к значительному повышению цен на хадж, что сделало его недостижимой мечтой для многих желающих. 3 июня в Махачкале начался стихийный сход мусульман, протестующих против повышения цен. Лидером митингующих стал Хасбулат Хасбулатов, заместитель председателя исполкома организации «Джамаатул муслими» — исламской партии, образованной в Ленинском районе Дагестана в марте 1990 года. 13 июня бессрочный митинг перерос в беспорядки, закончившиеся попыткой штурма здания Совета Министров Республики Дагестан и гибелью одного демонстранта⁶⁵. В этой трагической истории ДУМ Дагестана не предприняло никаких попыток урегулировать ситуацию, чем подорвало к себе доверие у части верующих⁶⁶. Июньские события стимулировали рост автономных от ДУМ Дагестана исламских политических организаций, в том числе и радикально настроенных⁶⁷.

Кризис в дагестанской умме продолжал углубляться и вскоре достиг своего апогея. 29 февраля 1992 года в Махач-

кале прошел I съезд мусульман Дагестана, результатом которого стало смещение муфтия ДУМ Дагестана Багаутдина Исаева. Среди предъявленных ему обвинений значились неуспешная политика в сфере мусульманского образования, слабая помощь мечетям, авторитарные методы руководства, финансовые просчеты, а также попытки создать особое духовное управление мусульман для тюркоязычных народов⁶⁸. Новым председателем ДУМ Дагестана был избран аварец Ахмед Дарбишгиджиев, однако Багаутдин Исаев не признал законность своего смещения и создал собственный, кумыкский, муфтият. Вскоре его примеру последовали лезгинские и даргинские духовные лидеры, недовольные засильем аварцев в ДУМ Дагестана. Начался раскол ДУМ Дагестана по национальному признаку, приведший к появлению по меньшей мере четырех этнических ДУМ: аварского (ДУМ Дагестана), кумыкского (Кумыкское ДУМ Дагестана), лезгинского (ДУМ Южного Дагестана) и даргинского (Даргинский казыят)⁶⁹.

Разделение на этнической основе пагубно отразилось на дальнейшей судьбе дагестанской уммы, которая немедленно потеряла позиции лидера исламского возрождения в России и на долгое время стала его аутсайдером. Конфликтом между традиционными мусульманами не замедлили воспользоваться ревнители «чистого» ислама и дружественные им партии, которые стали стремительно захватывать рычаги воздействия на дагестанский ислам. Однако победное шествие ваххабитов было неожиданно остановлено их бывшими союзниками по подпольной борьбе — тарикатистами, которые имели свои планы на дагестанскую умму. В этой борьбе, имевшей как идеологическое, так и вооруженное измерение, стали вырисовываться фигуры новых исламских лидеров республики, среди которых первое место по влиянию занял авторитетный устаз тарикатов накшбандийя и шазилийя, аварский чабан Саид Ацаев, более известный как Саид-афанди Чиркейский. Именно он через 5 лет стал истинным лидером умеренных мусульман Дагестана, одновременно распространив свое влияние и далеко за пределы этой республики⁷⁰.

3. Распространение раскола на другие республики Северного Кавказа – возникновение альтернативных духовных центров в Чечне и Карачаево-Черкесии.

Начало 90-х годов ознаменовалось новыми проблемами и для мусульманских сообществ других северокавказских регионов. Развал СССР особенно больно ударил по мусульманам Чечни и Карачаево-Черкесии, которые стали заложниками политических баталий на почве воинствующего сепаратизма.

В начале сентября 1991 года национальные гвардейцы президента Чечни Джохара Дудаева захватили здания Совета министров, радио- и телецентра, а затем взяли штурмом Верховный совет республики. Всю полноту власти в Чечне стал олицетворять психически нездоровый генерал Джохар Дудаев, который в своих политических амбициях намеревался активно использовать исламский фактор⁷¹. Этот фактор, правда, понимался мятежным генералом весьма своеобразно, что можно предположить из его призывов ввести для чеченских мусульман обязательную четырехкратную молитву (сунниты молятся пять раз в день, шииты — три, совмещая по две молитвы). Впоследствии Дудаев утверждал, что Чечню в ислам втокнули действия федерального центра, однако на самом деле в планах чеченского президента исламу изначально отводилось место главного катализатора борьбы за независимость⁷². Еще в мае 1991 года II Общенациональный съезд чеченского народа, состоявшийся при его активном участии, указал своей задачей-максимум создание независимого исламского государства⁷³.

Полное религиозное невежество Джохара Дудаева вкупе с навязчивым желанием поставить ислам на службу своим сомнительным интересам оттолкнуло от него большую часть духовенства. Впрочем, это не смутило генерала, и вско-

ре его сторонники решили возникшую проблему, создав пропрезидентский Высший исламский совет Чеченской Республики (позже известный как Духовный центр мусульман Чеченской Республики)⁷⁴. Подобной административной реформе чеченского ислама весьма способствовало отсутствие у него признанного лидера — созданное в 1989 году ДУМ Чечено-Ингушской Республики приостановило свою деятельность в связи с разделом этого региона, а отдельный чеченский муфтият еще находился в процессе формирования.

Открытое вмешательство Дудаева во внутрисламские дела сплотило оппозиционных ему имамов, и уже 14 октября 1991 года Совет имамов Чеченской Республики образовал независимое ДУМ Чеченской Республики (ДУМ ЧР), муфтием которого был избран авторитетный богослов Магомед-Башир Арсанукаев. В ответ на это сторонники Дудаева создали альтернативный ДУМ ЧР Исламский центр Чечни, в который вошли продудаевские представители духовенства. В республике начался затяжной конфликт двух исламских центров, который по прошествии 10 лет выглядит героической попыткой традиционных мусульман Чечни противостоять радикализации ее уммы⁷⁵.

Борьба традиционных и продудаевских мусульман в Чечне развивалась на фоне роста междутейповых противоречий и нарастающего соперничества между двумя ведущими тарикатами республики — кадирийей и накшбандийей. К лету 1992 года Исламский центр Чечни в союзе с новообразованной организацией «Мехк Кхел» (Советом старейшин) решил покончить с муфтиятом и 4 июля 1992 года на созванном для такого случая съезде мусульман объявил о его роспуске. В свою очередь, руководители ДУМ ЧР незамедлительно объявили решения съезда незаконными и 6 августа 1992 года провели альтернативный съезд исламского духовенства. Этот съезд поддержал муфтия Магомеда-Башира Арсанукаева и объявил о расформировании Исламского

центра Чеченской Республики, а также всех «исламских» политических партий и групп». Баланс сил в религиозной сфере временно восстановился, хотя противостояние ДУМ ЧР и Исламского центра Чеченской Республики обострилось до крайней степени⁷⁶.

Параллельно с дудаевским переворотом в Чечне резко осложнилась ситуация и в новообразованной Карачаево-Черкесской Республике. Многонациональную мусульманскую общину республики давно беспокоили трения между карачаевцами и черкесами, однако произошедший в ней конфликт не имел этнической подоплеки. Сторонами этого конфликта стали карачаевцы, разделившиеся на защитников ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя во главе с муфтием Исмаилом Бердиевым и приверженцев альтернативных мусульманских центров: Оргкомитета мусульманских общин по строительству медресе в селе Учкёкен и Совета имамов Малокарачаевского района, общее руководство над которыми осуществлял активист Исламской партии возрождения Мухаммад Биджиев, известный также под оперативными псевдонимами Мухаммад Карачай и Мухаммад Биджи-уллу⁷⁷.

Требования, выдвигавшиеся оппозиционерами, носили в основном политический характер. 17 ноября 1991 года они организовали митинг, посвященный годовщине провозглашения Карачаевской Республики*, и объявил его бессрочным. Несмотря на то, что все ключевые посты в Карачаево-Черкесской Республике заняли карачаевцы, сторонники Биджиева заявляли о продолжающейся дискриминации своего народа и требовали возродить мононациональную Карачаевскую Республику. 30 ноября в Карачаевске началось очередное собрание биджиевцев, провозглашенное I Съез-

* За год до этого Чрезвычайный съезд карачаевских депутатов принял Декларацию о государственном суверенитете Карачаевской Республики. Интересно отметить, что на сепаратистские процессы в Карачаево-Черкесской Республике активно влиял Джохар Дудаев.

дом мусульман Карачая. На этом съезде было объявлено о создании нового религиозного центра — Имамата Карачая во главе с Биджиевым⁷⁸.

Умеренные мусульмане республики, объединившиеся вокруг Черкесского муфтията, лишь с большим трудом смогли сохранить контроль над ситуацией. 11 декабря 1991 года в Черкесске прошел III Внеочередной съезд мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя, на котором большинство исламских лидеров осудили действия Биджиева и призвали мусульман сохранять единство. Правительство республики, со своей стороны, поддержало муфтия Исмаила Бердиева и отказало в регистрации Имамату Карачая, который постепенно выродился в откровенно маргинальную структуру⁷⁹.

Со временем ситуация в исламском сообществе Карачаево-Черкесии стабилизировалась, однако события осени 1991 года стимулировали появление в карачаевских селах Малокарачаевского и Карачаевского районов республики крупных общин ревнителей «чистого» ислама, известных как «карачаевские джамааты». Ответственность за их возникновение власти возлагали непосредственно на Биджиева-Карачая.

Между тем ситуация в других регионах Северного Кавказа пока оставалась спокойной. Автономные муфтияты были созданы в Ингушетии, Северной Осетии — Алании, Кабардино-Балкарии и Адыгее. Этим молодым ДУМам повезло избежать серьезных внутренних проблем на начальном этапе своей истории и укрепить позиции в преддверии неизбежной атаки радикалов.

Таким образом, ни в Дагестане, ни в Чечне, ни в Карачаево-Черкесии ваххабитам и сторонникам политизации ислама не удалось столь же эффективно воспользоваться плодами распада СССР, как это сделали их единомышленники в Таджикистане. Традиционные мусульмане смогли отбить первые атаки и отсрочить угрозу междоусобной войны, однако время играло на руку их противникам.

4. Исламское возрождение татаро-башкирской уммы — появление первых симптомов надвигающегося раскола.

Драматические события начала 1989 года, приведшие к смене власти в САДУМ и ДУМСК и их последующему распаду, стали грозным предупреждением для председателей ДУМ Закавказья и ДУМ Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). Впрочем, серьезных оснований для беспокойства у них пока не было — конец перестройки ознаменовался истинным расцветом деятельности этих управлений, которые, наконец, смогли освободиться из-под навязчивой опеки Совета по делам религий и прекратить выплату обременительных взносов в Фонд мира.

16—25 августа 1989 года в Поволжье и Башкирской АССР прошли торжества, посвященные 1100-летию принятия Волжской Булгарией ислама и 200-летию Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири ДУМЕС. Эти мероприятия по своему масштабу были вполне сопоставимы с празднованием 1000-летия Крещения Руси, состоявшегося годом раньше. С приветствием к участникам торжеств обратились Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, Совет министров РСФСР и целый ряд региональных чиновников высшего звена⁸⁰. К торжествам были приурочены закладки и открытия мечетей в Уфе, Казани, Набережных Челнах и Нижнекамске. В праздновании двойного юбилея приняли участие видные зарубежные гости, послы мусульманских стран и представители международных общественных организаций⁸¹.

Одним из итогов юбилейных торжеств стало предоставление ДУМЕС режима наибольшего благоприятствования со стороны государства. Достигнутые успехи были закреплены на V съезде этого управления, прошедшего 6—8 июня 1990 года в Уфе. Участие в нем приняли более 700 делегатов и гостей из России, республик Союза, 36 зарубежных стран,

представители международных исламских организаций — Всемирной исламской лиги, Организации Исламской конференции и Лиги арабского мира. Главным результатом съезда стало укрепление властной вертикали ДУМЕС, ранее сильно ослабленной вмешательством уполномоченных по делам религии, и упорядочение процесса подготовки кадров духовенства, который стал приобретать стихийный характер. Была также определена новая финансовая политика ДУМЕС, предусматривавшая прекращение отчислений в советские общественные фонды и создание собственных экономических структур. Важнейшим для последующего развития событий решением V съезда стало пожизненное закрепление за председателем ДУМЕС Талгатом Таджуддином духовного звания муфтия и присвоение ему особо почетного титула «шейх-уль-ислам»⁸².

Действительно, положение муфтия Талгата Таджуддина на том момент было довольно прочным — ведь он сумел своевременно обратить новые политические реалии на пользу мусульман. Усилиями председателя ДУМЕС были заложены десятки мечетей и образованы сотни новых общин, стали возрождаться системы мусульманского образования и средств массовой информации⁸³. В мае 1990 года на совещании глав четырех советских ДУМов Таджуддин был избран председателем Управления международных связей мусульманских организации СССР, что позволило ему активизировать контакты с зарубежными единоверцами. В 1991 году председатель ДУМЕС возглавил первую группу паломников, после длительного перерыва получивших возможность совершить хадж⁸⁴.

Финансовое положение ДУМЕС также не внушало никаких опасений. Как и Русская Православная Церковь, это управление долгое время не имело возможности тратить стекавшиеся к нему деньги на такие расходные статьи, как строительство новых храмов или миссионерскую деятельность, что в итоге позволило накопить ему солидный капитал. Имевшиеся в распоряжении ДУМЕС средства позволя-

ли не только выплачивать достойную зарплату имамам и с легкостью финансировать возведение немногочисленных пока мечетей, но и всерьез обсуждать вопрос о приобретении собственного самолета.

Впрочем, были и недовольные. Благостная атмосфера V съезда оказалась нарушена выступлением казанского имама Габдуллы Галиуллина, раскритиковавшего руководство ДУМЕС за пассивность и недостаточное внимание к нуждам мусульман. В ответ на свою речь Галиуллин получил яростную отповедь ответственного секретаря ДУМЕС Нафика Аширова, который в то время ревностно защищал интересы муфтия Талгата Таджуддина. Ревностность эта, правда, быстро сменилась ненавистью после того, как Таджуддин предложил Аширову освободить престижную должность ответственного секретаря и возвратиться простым имамом на родину — в сибирский город Тобольск. Затаивший глубокую обиду Нафик Аширов начал готовить заговор по свержению Таджуддина и сумел привлечь на свою сторону целый ряд влиятельных имамов, которые в разное время претерпели от председателя ДУМЕС личные обиды⁸⁵.

Помимо внутренней оппозиции, серьезную опасность для ДУМЕС стали представлять и мусульманские политические структуры, возникшие на волне религиозного ренессанса. Их радикально настроенные вожди и не думали признавать авторитет духовных лидеров, открыто обвиняя имамов в связях с КГБ и предательстве простых мусульман. Муфтий Талгат Таджуддин вовремя оценил исходящую от мусульманских партий угрозу, однако помешать их развитию он не мог.

17—18 февраля 1989 года Первый всетатарский съезд учредил «Народное движение в поддержку перестройки — Татарский общественный центр», впоследствии известное как Всесоюзный татарский общественный центр (с 16 февраля 1991 года) и Всетатарский общественный центр (с начала 1992 года). Новое движение стало «материнской» структурой для большинства радикальных националистических

партий Татарстана⁸⁶. 27 апреля 1990 года в Казани прошел учредительный съезд Татарской партии национальной независимости «Иттифак» («Согласие»), созданной на базе радикального крыла Всетатарского общественного центра, а 12—13 октября в татарстанской столице состоялся учредительный съезд партии «Азатлык», взявший на себя функции молодежного крыла Всетатарского общественного центра⁸⁷. В 1989—1991 годах подобные татарстанским этнорелигиозные партии были созданы также в Башкортостане и целом ряде других «мусульманских» регионов.

Среди множества новообразованных партий и движений наиболее выраженный религиозный характер имела Исламская партия возрождения (ИПВ), учрежденная 9 июня 1990 года в Астрахани на съезде мусульманских обществ СССР (преимущественно таджикистанских, дагестанских и чечено-ингушских). В работе этого съезда приняли участие 179 делегатов, общее же число присутствующих превысило тысячу человек. По его итогам были приняты программа и устав партии, а также «Обращение к мусульманам Советского Союза», избраны партийные руководящие органы. Амиром (руководителем) Совета улемов ИПВ стал дагестанец Ахмад-кади Ахтаев, пользовавшийся определенным авторитетом среди мусульман своей республики⁸⁸.

В программе ИПВ подчеркивался ее мусульманский характер, в соответствии с которым основными целями партии определялись духовное возрождение, экономическое раскрепощение и политическое пробуждение вкупе с реализацией права каждого мусульманина построить свою жизнь на основе Корана и Сунны. Ставший главным идеологом ИПВ философ-окультист Гейдар Джемаль определял ее главной тактической задачей создание для мусульман СССР собственного политического центра, призванного защитить советскую умму от новомодных демократических тенденций и попыток установления контроля извне⁸⁹. Интересно, что впоследствии именно он стал ярким защитником демок-

ратии и сторонником установления внешнего контроля над российской уммой.

ИПВ просуществовала как единое целое сравнительно недолго — развал СССР сказался и на ее единстве. Вскоре после августа 1991 года эта партия вошла в период затяжного кризиса, быстро приведшего к распаду, чему, кстати, немало поспособствовала низкая адекватность ее руководства. Сколь-нибудь значительной роли во внутримусульманской политике ИПВ не сыграла (за исключением, пожалуй, Республики Таджикистан), однако сам факт появления чисто исламской партии в России стал весьма важным прецедентом. Нельзя не отметить и тот факт, что ИПВ стала настоящей школой для целого ряда мусульманских политиков и общественных деятелей, впоследствии ставших идеологами новых политических структур⁹⁰.

5. Начало автономизации региональных мусульманских общин — восстановление института мухтасибатов

К началу 1991 года в подчинение ДУМЕС входили уже сотни общин, управлять которыми становилось все сложнее. Принятая в советское время упрощенная схема властной вертикали, подчинявшая каждую общину непосредственно председателю ДУМЕС, стала давать заметные сбои. Учитывая реалии нового времени, 15 января 1991 года президиум ДУМЕС принял решение о восстановлении территориальных образований среднего уровня — мухтасибатных округов, призванных улучшить управляемость общинами. Решением президиума были созданы Астраханский, Бугульминский, Зеленодольский, Куйбышевский, Нижегородский, Казанский, Чистопольский, Омский, Ленинградский, Октябрьский, Сибайский, Пермский, Пензенский, Крымский, Уфимский, Свердловский, Тюменский, Московский, Саратовский, Ростовский, Челнинский, Прибалтийский, Ульяновский,

Оренбургский и Стерлитамакский мухтасибаты (*перечислены в порядке упоминания в протоколе заседания*). Наиболее заслуженные и образованные имам-хатыбы этих территорий возглавили мухтасибаты в звании имам-мухтасибов⁹¹. Мухтасибы получили самые широкие полномочия, позволявшие им самостоятельно договариваться с местными властями и даже вести переговоры с зарубежными спонсорами. Вскоре многие из них поняли, что вполне могут обойтись и без опеки ДУМЕС.

Особенно ярко автономизация стала проявляться в Московском мухтасибате, который возглавил бывший ответственный секретарь ДУМЕС Равиль Гайнутдин (Гайнутдин). Именно на него были возложены обязанности по развитию отношений с мусульманскими странами, делегации которых в первую очередь посещали московскую Соборную мечеть, и установление прямых контактов с центральными властями. Вскоре московский мухтасиб фактически занял второе место в иерархии ДУМЕС, замкнув на себя важнейший сегмент его внешней политики.

5 апреля 1991 года в Москве по инициативе Равиля Гайнутдина и молодого мусульманского активиста В.В. Медведева (впоследствии известного как Абдул-Вахед Ниязов) был создан Исламский культурный центр (ИКЦ), ставший первым исламским образованием универсального характера, соединявшим в себе черты духовного центра, общественной организации, политической партии и коммерческой структуры. Образование ИКЦ было в заметной степени инициировано и профинансировано представителями Саудовской Аравии, заинтересованными в распространении своего влияния среди российских мусульман⁹².

Первое время деятельность ИКЦ вполне отвечала его названию и действительно была направлена на реализацию гуманитарных и образовательных проектов, способствовавших развитию исламской культуры в России. Ключевую роль в ИКЦ играл его генеральный директор (вакиль) Абдул-Вахед Ниязов, вскоре ставший одной из наиболее ярких фигур

в российском исламе. Если бы энергия, целеустремленность и деловое чутье Ниязова были бы приложены в чисто финансовой сфере, то он вполне мог бы повторить путь Платона Лебедева или Михаила Ходорковского. Однако генеральный директор ИКЦ предпочел стать реформатором российского ислама.

Осенью 1991 года Абдул-Вахед Ниязов, приобретший к этому времени определенный вес в исламском сообществе Москвы, воспользовался отсутствием Равиля Гайнутдина и созвал внеочередное собрание актива московской Соборной мечети. Пришедшие на него мусульмане с удивлением выслушали от Ниязова резкую критику в адрес своего мухтасиба, которого предлагалось немедленно сместить. Никаких решений, они, естественно, принимать не стали и предпочли дожидаться Равиля Гайнутдина, который по возвращению из Финляндии быстро навел порядок и выгнал Ниязова из Соборной мечети. Это странное происшествие стало первой попыткой насильственного смещения высокопоставленного сотрудника ДУМЕС.

10 ноября того же года по инициативе Равиля Гайнутдина был собран совет ИКЦ, который снял Ниязова с должности генерального директора. Тем не менее молодой исламский лидер не сдался и спровоцировал раскол ИКЦ на ИКЦ Москвы и Московской области, который остался под контролем Равиля Гайнутдина, и ИКЦ России, в который вошли оппоненты московского мухтасиба. С этого момента Абдул-Вахед Ниязов, оказавшийся единоличным хозяином ИКЦ России, стал полностью самостоятельной фигурой⁹³. Через несколько лет он сумел помириться с Равняем Гайнутдином, однако, доверие к себе не восстановил.

Таким образом, в Поволжской умме образовался первый раскол, который, несмотря на свою кажущуюся незначительность, имел далеко идущие последствия. Со временем ИКЦ Москвы и Московской области прекратил свое существование за невостребованностью, а ИКЦ России смог замкнуть на себя финансовые потоки арабских спонсоров,

превратившись в мощный центр влияния. Главными целями ИКЦ России стали создание новой мусульманской инфраструктуры и подготовка для нее кадров в зарубежных медресе фундаменталистской направленности⁹⁴. Для достижения этих целей организация Ниязова принимала активнейшее участие в расколе исламского сообщества России и распространении нетрадиционных направлений ислама. Особо следует отметить и безуспешные попытки ИКЦ России установить контроль над развитием политического ислама, следствием чего стало появление таких одиозных партий, как Союз мусульман России, «Рефах» и «Великая Россия — Евразийский союз»⁹⁵.

Глава II

УГЛУБЛЕНИЕ РАСКОЛА

(зима 1992 года — весна 1996 года)

1. Начало раскола ДУМЕС — летний кризис 1992 года

Новый 1992 год ознаменовался началом брожения в рядах до сих пор спокойного ДУМЕС. Некоторые имамы стали открыто говорить о необходимости создания независимых от ДУМЕС управлений, а татарские националистические организации все более настойчиво требовали перенести центральный аппарат этой структуры в «центр российского ислама» — Казань. Так, 29 мая 1992 года в Казани по инициативе исламской партии «Возрождение», Милли-меджлиса, общества Марджани, саратовского общества «Исламский призыв» и молодежного центра исламской культуры «Иман» был создан Исламский центр Татарстана, подобно ИКЦ России заявивший о своей оппозиционности ДУМЕС. Один из его лидеров, имам казанской Сенной мечети Габдулла Галиу-

ллин, подверг руководство ДУМЕС резкой критике и призвал татарстанских мусульман возрождать ислам самостоятельно. Предпринятые верными ДУМЕС имамами попытки обуздать националистическое движение успеха не имели — президент Татарстана М.Ш. Шаймиев отказался бороться с союзными ему политическими силами, чье влияние в республике было достаточно велико⁹⁶.

Болезненным ударом по ДУМЕС стал и распад СССР, который сделал бессмысленным его официальное название и разделил мусульманские общины Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики государственными границами. Потеря контактов со среднеазиатскими единоверцами, обусловленная распадом САДУМ и политической нестабильностью, лишила российских мусульман доступа к наиболее авторитетным учебным центрам традиционного ислама — бухарскому медресе «Мир-Араб» и ташкентскому Исламскому институту.

Летом 1992 года все возможности сохранить стабильность в ДУМЕС оказались исчерпаны. Федеральная власть и спецслужбы сконцентрировались на более важных темах, нежели проблемы выживания лояльных им религиозных организаций, а местные власти активно интриговали в пользу создания собственных автономных мусульманских структур. Солидарно с ними действовали политические партии и эмиссары зарубежных экстремистских центров, которые оказались особенно заинтересованы в уничтожении главного оплота традиционного ислама. Последним сдерживающим фактором для центробежных тенденций оставался высокий авторитет председателя ДУМЕС верховного муфтия Талгата Таджуддина, однако вскоре и он был подорван.

16 июля 1992 года в Набережных Челнах прошли торжества в честь открытия мечети «Таубе» («Покаяние»), на котором присутствовало практически все высшее духовенство ДУМЕС. Красивейшая мечеть, заложенная во время юбилея 1989 года, была мечтой Талгата Таджуддина. Он принимал личное участие в проектировании ее внутреннего уб-

ранства, в котором важное место отводилось витражу в виде охватывавшего магендавид и четырехконечный крест полумесяца. Этот заимствованный из убранства Голубой мечети в Стамбуле сюжет был призван символизировать общность корней ислама, христианства и иудаизма, однако имам-хатыб мечети «Таубе» Идрис Галяутдинов счел витраж кощунственным экуменическим символом и самовольно приказал его демонтировать⁹⁷.

Такое демонстративное непослушание неприятно удивило Талгата Таджуддина, намеревавшегося продемонстрировать приглашенным на церемонию православным священникам свое уважение к их вере, и после неубедительных оправданий Галяутдинова он прилюдно поколотил имам-хатыба посохом. Подобные вещи случались в ДУМЕС и раньше — обладавший непростым характером муфтий нередко вразумлял своих учеников физически, однако быстро остывал и извинялся. Но на этот раз заснятое на пленку «вразумление» Галяутдинова стало мощным аргументом в руках его противников, поспешивших представить случившееся как демонстративную расправу еретика-экумениста над истинным мусульманином, защищавшим свою веру. Они обвинили Таджуддина в излишней любви к христианству и иудаизму («ставит кресты на мечетях»), авторитарных методах руководства («прилюдно избил человека») и самодурстве, граничащем с психическим заболеванием⁹⁸.

«Витражный скандал» решительно подорвал позиции председателя ДУМЕС. Лагерь его противников пополнился десятками имамов, вспомнивших свои старые обиды и решивших, что пришло время за них рассчитаться. Одновременно националистические организации Татарстана и Башкортостана начали в своих СМИ кампанию по дискредитации Талгата Таджуддина. Своего пика эта кампания достигла в середине августа 1992 года, когда в газетах начали публиковаться открытые призывы к смещению Таджуддина и расформированию ДУМЕС. Масла в огонь подлила и публичная ссора Таджуддина с уфимским мухтасибом и казыем Нурму-

хаммедом Нигматуллиным, в ходе которой муфтий пренебрежительно отозвался о башкирах, чем окончательно настроил против себя башкирских националистов⁹⁹.

С начала августа в мечетях стала распространяться анонимная листовка некой «инициативной группы», содержащая откровенно оскорбительные выпады в адрес главы ДУМЕС. Ситуация явно развивалась по сценарию, опробованному три года назад в Дагестане, и угроза переворота в ДУМЕС стала очевидной, однако сам Талгат Таджуддин понадеялся на лучшее и не стал переносить свою командировку в Турцию. Это стало его решающей ошибкой¹⁰⁰.

19 августа 1992 года имам-мухтасиб Уфимского мухтасибата Нурмухаммед Нигматуллин выступил по местному телевидению и заявил о намерении создать национальный башкирский муфтият. На следующий день Башкирский национальный центр «Урал» и Татарский общественный центр Башкортостана выступили с совместным заявлением «О ситуации в ДУМЕС», в котором поддержали обвинения, выдвинутые против Таджуддина (психическое заболевание, авторитарное руководство, финансовые злоупотребления) и одобрили идею созыва учредительного съезда башкортостанского ДУМ¹⁰¹. 21 августа 1992 года имам-мухтасиб Уфимского мухтасибата Нурмухаммед Нигматуллин, ответственный секретарь ДУМЕС Нафигулла Аширов и главы Стерлитамакского, Октябрьского и Сибайского мухтасибатов созвали съезд, поставившей своей целью учредить независимое ДУМ Республики Башкортостан (ДУМ РБ). На съезд прибыло около 250 делегатов, представлявших 120 мусульманских общин Башкортостана, а также ведущие националистические партии республики¹⁰².

Съезд открыл Нурмухаммед Нигматуллин, который обосновал необходимость отделения от ДУМЕС самоустраенностью Таджуддина от конкретных дел, его психической болезнью, оскорбительным обращением с сотрудниками, финансовыми злоупотреблениями, а также целесообразностью восстановления независимого башкирского муфтията.

При этом Нигматуллин подчеркнул, что ни в коем случае не призывает к упразднению ДУМЕС и снятию с должности его председателя. Большинство выступавших поддержало предложения Нигматуллина, а выступления немногочисленных сторонников Таджуддина оказались проигнорированы. По итогам съезда практически единогласно (194 головами из 200) было принято решение о создании ДУМ РБ, утверждении его устава и назначении Нурмухаммада Нигматуллина муфтием Башкортостана. В президиум ДУМ РБ были избраны также бывший ответственный секретарь ДУМЕС Нафик Аширов, стерлитамакский имам-мухтасиб Ришат Рафиков, октябрьский имам-мухтасиб Гусман Исхаков и сибайский имам-мухтасиб Аглям Газизов¹⁰³.

На следующий день, 22 августа, в Набережных Челнах открылся учредительный съезд ДУМ Республики Татарстан (ДУМ РТ). В его оргкомитет и президиум вошли те же самые имамы, которые инициировали созыв учредительного съезда ДУМ РБ, благодаря чему он был проведен по аналогичной уфимскому съезду схеме. Председательствующий на съезде бугульминский имам-мухтасиб Сулейман Зарипов почти дословно повторил выдвинутые днем ранее обвинения в адрес Талгата Таджуддина и призвал к образованию независимого ДУМ РТ, «мысли о создании которого зрели у нас уже 3—4 года». В ходе голосования решение об образовании ДУМ РТ было принято единогласно (сторонники Таджуддина к этому времени покинули съезд). На должность председателя ДУМ РТ первоначально предлагалось избрать октябрьского имам-мухтасиба Гусмана Исхакова, однако после его самоотвода муфтием был избран второй кандидат — имам-хатыб казанской мечети «Нурулла» Габдулла Галиуллин (Галиулла), активно поддержанный татарскими националистами. Отличительной особенностью учредительного съезда ДУМ РТ стало небольшое количество присутствовавшего на нем духовенства (всего 20 человек из 200 делегатов) и нефиксированный состав участников¹⁰⁴.

«Раскол ДУМЕСа был предreshен, тем более, что на авансцену уже вышли эмиссары международных благотворительных фондов, которые финансировали и это проходившее в театре Г. Камала собрание. Для всех стало ясно, что арабские спонсорские деньги лучше получать напрямую, а не через Уфу», — так писал об этом съезде первый заместитель муфтия Татарстана Валиулла Якупов¹⁰⁵.

Нарастающий центробежный процесс затронул и другие регионы. О своей солидарности с инициаторами раскола заявили саратовский имам-мухтасиб Мукаддас Бибарсов, тюменский имам-мухтасиб Галимзян Бикмуллин и ряд других лидеров ДУМЕС. Началось создание независимых духовных управлений в Поволжье и Сибири¹⁰⁶.

23 августа поздним вечером Талгат Таджуддин вернулся из Турции и сразу же дал интервью уфимской радиостанции «Шарк», в котором назвал съезды ДУМ РБ и ДУМ РТ незаконными и призвал к сохранению единства ДУМЕС. 26 августа он созвал расширенный пленум ДУМЕС, на который прибыли оставшиеся верными ему имам-мухтасибы. Пленум осудил действия раскольников, а инициаторов раскола — казыев Нурмухаммеда Нигматуллина и Нафика Аширова, а также имам-мухтасибов Гусмана Исакова (Октябрьский мухтасибат), Мукаддаса Бибарсова (Саратовский мухтасибат), Галимзяна Бикмуллина (Тюменский мухтасибат), Гумара Валеева (Свердловский мухтасибат), Газиза Агьямова (Сибайский мухтасибат), Сулеймана Зарипова (Бугульминский мухтасибат), Ришата Рафикова (Стерлитамакский мухтасибат), Наиля Сахибзянова (Пермский мухтасибат) и Идриса Галяутдинова (Набережночелнинский мухтасибат), освободил от занимаемых должностей¹⁰⁷.

Расширенный пленум, конечно, не привел к прекращению раскола, однако продемонстрировал готовность Таджуддина к дальнейшей борьбе, тем более что ситуация в ДУМЕС складывалась не столь безнадежно, как некогда в ДУМСК. Руководство 15 мухтасибатов из 25, в том числе таких стратегически важных, как Казанский и Московский, не

было вовлечено в раскол и сохранило лояльность Таджуддину. Кроме того, далеко не все общины «мятежных» мухтасибатов вошли в состав новообразованных ДУМ.

С другой стороны, власти Башкортостана и Татарстана поддержали новообразованные муфтияты, создание которых вполне соответствовало интересам их национальной и религиозной политики. Получили поддержку региональных властей и мухтасибы Саратова, Тюмени и Симферополя, в то время как чиновники из федерального центра не спешили вмешиваться в ситуацию и защищать единство ДУМЕС.

2. Развитие раскола ДУМЕС — консолидация противников муфтия Талгата Таджуддина

Осень 1992 года принесла новые испытания для ДУМЕС. После короткой паузы лидеры новообразованных муфтиятов перешли в наступление и захватили инициативу на ближайшие пять лет. В сентябре 1992 года ДУМ РБ, заручившись поддержкой башкирских националистов и негласным одобрением республиканских властей, начало кампанию по отчуждению в свою пользу недвижимого имущества ДУМЕС. Официально эти требования, дословно повторявшие циркуляр ДУМ БАССР за январь 1926 года, были сформулированы на I съезде ДУМ РБ в сентябре 1994 года¹⁰⁸. Как и 70 лет назад, лидеры ДУМ РБ требовали от властей Башкортостана передать резиденцию ЦДУМ в их пользование и перевести в юрисдикцию ДУМ РБ все мусульманские общины республики. Это требования, конечно, не были удовлетворены, однако некоторых успехов ДУМ РБ все же добилось — в его распоряжение были переданы несколько зданий в Уфе и других городах. Кроме того, все больше башкортостанских приходов переходило в юрисдикцию ДУМ РБ. Аналогичная ситуация складывалась и в Татарстане — верные Талгату Таджуддину имамы не могли уверенно противостоять энер-

гичному муфтию Габдулле Галиуллину, который быстро замкнул на себя большую часть республиканских приходов.

Неблагоприятно для ДУМЕС складывалась ситуация и в других проблемных регионах. Саратовский мухтасиб Мукаддас Бибарсов удержал контроль над всеми общинами Саратовской области, заметной частью пензенских махалля и отдельными волгоградскими общинами, что позволило ему создать ДУМ Саратовской, Волгоградской и Пензенской областей, известное также под названием Межрегионального ДУМ Среднего Поволжья. Его сибирский коллега Галимзян Бикмуллин сумел оперативно создать ДУМ Сибири (Тюменский муфтият), в который, правда, вошли только немногочисленные махалля Тюменской области. К этому же времени относится и возникновение независимого ДУМ Республики Крым, которое стало формироваться сразу же после распада СССР.

30 сентября на встрече глав и представителей ДУМ РТ, ДУМ РБ, Межрегионального ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей, ДУМ Тюменской области, ДУМ Крыма и ряда других централизованных мусульманских организаций было принято решение о создании Координационного совета глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири, призванного объединить всех оппонентов ДУМЕС. Инициаторами этой встречи выступили татарстанский муфтий Габдулла Галиуллин и первый заместитель муфтия Башкортостана Нафик Аширов, понимавшие насущную необходимость создания альтернативной ДУМЕС всероссийской мусульманской структуры, могущей оспорить сохраняющуюся монополию Талгата Таджуддина на контакты с федеральной властью и международными исламскими организациями¹⁰⁹.

21 октября 1992 года в Казани прошел первый съезд Координационного совета глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири, по решению которого он был переименован в Высший координационный центр духовных управлений мусульман

России (ВКЦДУМР). На съезде был принят устав новой организации и проведены выборы ее председателя, которым стал муфтий ДУМ Республики Татарстан Габдулла Галиуллин, в 1994 году получивший титул «Верховного муфтия России». Главный вдохновитель раскола ДУМЕС Нафик Аширов, к этому моменту сменивший имя на Нафигуллу, возглавил исполнительный комитет ВКЦДУМР.

Зоной юрисдикции новой организации была объявлена вся Россия и европейские страны СНГ. 22 февраля 1993 года ВКЦДУМР прошел регистрацию в Минюсте, после чего в период с 15 августа 1993 года по 11 декабря 1994 года в него вошли Межрегиональное ДУМ Среднего Поволжья (Межрегиональное ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей), ДУМ РБ, ДУМ РТ, ДУМ Сибири (ДУМ Тюменской области), ДУМ стран Балтии, Духовный центр мусульман Республики Ингушетия, ДУМ Кабардино-Балкарской Республики, ДУМ Беларуси, ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края, ДУМ «Ассоциация мечетей» и ДУМ Оренбургской области — Бугурусланский муфтият¹¹⁰.

Как следует из перечня членов ВКЦДУМР, в него вступили не только оппозиционные ДУМЕС управления — северокавказские муфтияты всегда были дружественны Таджуддину, равно как и ДУМы Беларуси и Балтии. Они примкнули к ВКЦДУМР скорее благодаря его активной рекламной кампании. В итоге членство большинства муфтиятов в ВКЦДУМР оказалось чисто формальным, а сама эта организация стала своеобразной надстройкой над ДУМ РТ.

Последующие четыре года внутренние взаимоотношения в исламском сообществе России определялись прежде всего противостоянием ДУМЕС и ВКЦДУМР. Инициатива в этой борьбе, как правило, находилась на стороне ВКЦДУМР, однако внутренние противоречия и небезупречный моральный облик некоторых лидеров этой структуры не позволили ей занять доминирующее положение в российской умме.

8—10 ноября 1992 года в Уфе прошел VI чрезвычайный съезд мусульман Европейской части СНГ и Сибири, при-

званный остановить продолжающийся распад ДУМЕС. Делегаты съезда одобрили действия председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина и осудили раскольников, а также утвердили новый устав ДУМЕС, учитывавший произошедшие за последние годы изменения*. По принятому уставу ДУМЕС переименовывалось в Центральное духовное управление мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ), однако официально это название вступило в силу только 6 марта 1994 года, когда новый устав ДУМЕС прошел регистрацию в Министерстве юстиции. VI съезд ДУМЕС сплотил сторонников Таджуддина, которые решительно отказались признать легитимность новых муфтиятов и сузить зону юрисдикции ДУМЕС¹¹¹.

Между тем прогрессирующий раскол коснулся уже и новых муфтиятов. 8 ноября 1992 года на II съезде ДУМ РБ вторая жена Нафигуллы Аширова с группой мусульманских активисток спровоцировала скандал, представив прозвучавшую самокритику председателя ДУМ Республики Башкортостан муфтия Нурмухаммада Нигматуллина как свидетельство его профессиональной непригодности, и предложила избрать новым муфтием своего мужа. Такая неожиданная инициатива не нашла понимания у делегатов съезда и возмутительниц спокойствия вывели из зала, однако неудача не смутила чету Ашировых. В дальнейшем Нафигулла Аширов предпринял еще несколько попыток захватить власть в ДУМ РБ, предложив, в частности, создать Зауральское ДУМ на базе общин зауральской Башкирии и Курганской области. Этот проект, в случае его успешной реализации, привел бы к фактическому упразднению ДУМ РБ, большая часть общин которого была сосредоточена именно в юго-восточных районах Башкортостана.

* Формально новый устав был предложен на обсуждение еще на V съезде ДУМЕС, однако внесенные на VI съезде изменения носили принципиальный характер, так как учитывали развал Советского Союза и начавшийся раскол ДУМЕС

Сомнительные инициативы Аширова долго прощались ему за бескомпромиссную борьбу с ДУМЕС, однако в конце концов терпение Нигматулина лопнуло. В 1994 году Аширов был вынужден оставить должность первого заместителя председателя ДУМ РБ и надолго покинуть Уфу¹¹².

3. Новая попытка переворота в ЦДУМ – осенний кризис 1994 года

1994 год принес в татаро-башкирскую умму новые серьезные потрясения. Интенсивный процесс передела сфер влияния между духовными управлениями не ослабевал. В январе 1994 года в составе ДУМЕС было создано ДУМ Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР или Московский муфтият) с центром в Москве. Его председателем в духовном звании муфтия стал имам-мухтасиб Равиль Гайнутдин, который на словах сохранял лояльность Талгату Таджуддину, однако на деле давно предал своего учителя¹¹³. Особый статус, приданный Московскому муфтияту, подразумевал, что это он будет исполнять функции полномочного представительства ДУМЕС в Москве, но реально новая структура оказалась полностью автономной¹¹⁴. «Муфтият является полностью самостоятельной религиозной организацией, его каноническая территория охватывает Московскую, Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Тульскую, Тверскую, Нижегородскую, Калужскую, Ярославскую, Калининградскую области, город Сочи Краснодарского края», — откровенно заявлял Равиль Гайнутдин¹¹⁵.

К этому моменту в Москве появились и враждебные ЦДУМ структуры, центральной из которых стала община возвращенной мусульманам Исторической мечети. Эту общину возглавил деятельный имам Махмуд Велитов, который совместно с семьей мусульманских лидеров из Оренбургской области — братьями Тагиром, Исмаилом и Мансуром

Шангареевыми в начале 1994 года создан собственный муфтият, получивший название ДУМ «Ассоциация мечетей». Вскоре под его эгидой были образованы Региональное ДУМ Ульяновска и Ульяновской области и ДУМ Оренбургской области — Бугурусланский муфтият, которые возглавили соответственно муфтии Тагир и Исмаил Шангареевы. Новые муфтияты немедленно вступили в борьбу с лояльными ДУМЕС общинами, чем привнесли раскол в региональные уммы Ульяновской и Оренбургской областей¹¹⁶.

6 марта новый устав ДУМЕС, принятый на VI чрезвычайном съезде, был зарегистрирован в Министерстве юстиции. С этого момента ДУМЕС официально стало именоваться Центральным духовным управлением мусульман России и Европейских стран СНГ (ЦДУМ), а его председатель Талгат Таджуддин получил пожизненный титул верховного муфтия. 3 мая, согласно новым положениям устава ЦДУМ, было принято решение о преобразовании большинства мухтасибатов ЦДУМ* в региональные духовные управления мусульман (РДУМ) и присвоении их главам духовного звания «муфтий»¹¹⁷. Такая реформа намечалась еще в 1992 году и была призвана уравнивать по статусу региональные подразделения ЦДУМ с муфтиятами — членами ВКЦДУМР, которые нередко пользовались преимуществом только по причине более высоких титулов своих председателей¹¹⁸.

На начало осени 1994 года пришлось новое обострение отношений между ДУМ РБ и ЦДУМ. 21 сентября на III съезде ДУМ РБ были вновь озвучены претензии этой структуры на недвижимое имущество ЦДУМ. На этот раз сторонники Нурмахаммада Нигматуллина оказались настроены более решительно, что подтвердило и МВД Республики Башкортостан, за пять дней до съезда сообщившее Талгату Таджуддину о готовящемся захвате его резиденции¹¹⁹. Верховный

* Реформа не затронула только башкортостанские мухтасибаты ЦДУМ, а татарстанские Казанский и Зеленодольский мухтасибаты были объединены и преобразованы в Региональное ДУМ Татарстана с центром в Зеленодольске.

муфтий призвал своих сторонников прибыть в Уфу для своей защиты и разослал всем дружественным ЦДУМ организациям телеграммы с просьбой о помощи.

В действительности же более опасной для ЦДУМ оказалась не внешняя, а внутренняя угроза. 27 октября по инициативе ответственного секретаря ЦДУМ Замира Хайруллина и ряда его соратников, по традиции названных «инициативной группой», на частной квартире был созван Чрезвычайный расширенный пленум ЦДУМ, который сместил с занимаемого поста председателя ЦДУМ верховного муфтия Талгата Таджуддина и определил дату VII чрезвычайного съезда ЦДУМ. Исполняющим обязанности муфтия был избран Замир Хайруллин¹²⁰.

1 ноября сторонники Хайруллина провели в Уфе съезд, названный ими VII чрезвычайным съездом ЦДУМ. Для его созыва они воспользовались своим служебным положением, разослав приглашения на бланках ЦДУМ, что позволило собрать достаточное для кворума количество делегатов. Чрезвычайный съезд избрал новым председателем ЦДУМ Замира Хайруллина и внес существенные изменения в устав ЦДУМ, в частности, исключив из него пункт о пожизненном звании верховного муфтия¹²¹.

Ситуация, сложившаяся после этого съезда, оказалась для председателя ЦДУМ значительно более опасной, нежели всплеск центробежных устремлений двухлетней давности. Впервые была оспорена его легитимность как председателя ЦДУМ, причем оспорена в результате внутреннего переворота и с соблюдением большинства необходимых формальностей. Характерно также, что решения чрезвычайного съезда горячо приветствовали сторонники ДУМ РБ и всего ВКЦДУМР, выразившие желание при необходимости поддержать «инициативную группу» не только морально, но и физически.

В столь, казалось бы, безнадежной ситуации Таджуддина спасла позиция региональных муфтиев ЦДУМ, подавляющее большинство которых не приняло участие в съезде

(«инициативную группу» поддержал лишь самарский муфтий Вагиз Яруллин) и не признало его результатов. Таджуддин сумел собрать всероссийский меджлис членов президиума, совета улемов и ревизионной комиссии ЦДУМ, который денонсировал решения чрезвычайного съезда и призвал верующих сохранять спокойствие¹²².

После этого баланс сил стал постепенно выравниваться. Сторонникам верховного муфтия удалось удержать комплекс зданий центрального аппарата, однако счета ЦДУМ оказались либо заморожены, либо перерегистрированы на имя Замира Хайруллина. Самые верные Талгату Таджуддину муфтии направили отряды добровольцев для обороны его резиденции, начала мобилизацию бойцов и другая сторона. Власти Башкортостана со своей стороны предпочли не вмешиваться в конфликт, ограничившись предупреждением о недопустимости вооруженных столкновений между противоборствующими сторонами¹²³.

4. Урегулирование кризиса в ЦДУМ — события декабря 1994 — января 1995 года

Члены «инициативной группы» всячески демонстрировали решимость воплотить в жизнь решения своего съезда и захватить резиденцию ЦДУМ. Напряженное противостояние продолжалось более месяца и достигло своего апогея 4 декабря, когда сторонники Замира Хайруллина и представители ДУМ РБ предприняли попытку штурма комплекса зданий ЦДУМ, предварительно отключив в них отопление и свет. Сторонникам Таджуддина удалось отбить все атаки — предупредительные выстрелы из охотничьего ружья быстро отрезвили нападавших. Эта победа вдохновила верных председателю ЦДУМ мусульманских лидеров и 7 декабря они собрали новый расширенный пленум ЦДУМ, который еще раз денонсировал решения чрезвычайного пленума (27 октяб-

ря 1994 года) и VII чрезвычайного съезда (1 ноября 1994 года), проведенных «инициативной группой», а также принял решение о созыве легитимного чрезвычайного съезда ЦДУМ.

Декабрьский пленум показал, что таджуддиновцам удалось выиграть время и перехватить инициативу у своих оппонентов. Мятеж сотрудников аппарата ЦДУМ реально нашел поддержку только у внешних противников этого управления, в то время как большинство региональных имамов и муфтиев остались верны Таджуддину. Антитаджуддиновская коалиция стала стремительно разваливаться, и уже 10 декабря Замир Хайруллин пришел к Талгату Таджуддину с повинной и подписал совместно с ним целый ряд самокритичных заявлений и обращений. В процессе примирения выяснилось, что ответственный секретарь ЦДУМ не был вдохновителем переворота, а лишь выполнял волю оставшихся в тени недоброжелателей Таджуддина¹²⁴.

Точку в противостоянии Талгата Таджуддина и «инициативной группы» поставил VII внеочередной чрезвычайный съезд ЦДУМ, прошедший 17 января 1995 года в Уфе. Делегаты съезда выразили доверие верховному муфтию Талгату Таджуддину и осудили действия его оппонентов. Замир Хайруллин и значительная часть активистов «инициативной группы» были прощены и получили новые должности¹²⁵.

5. Вовлечение во внутримусульманское противостояние центральнороссийской уммы — отделение от ЦДУМ Московского муфтията и ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области

Осенний кризис в ЦДУМ совпал по времени с выходом из состава ЦДУМ Московского муфтията. С начала 1994 года ДУМ Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) в силу своего географического положения и харизмы муфтия Равиля Гайнутдина стало занимать все более независи-

мую от ЦДУМ позицию, фактически выйдя из подчинения Талгату Таджуддину. Некоторое время руководство ЦДУМ, поглощенное непрекращающейся борьбой с ВКЦДУМР, прощало муфтию Равилю Гайнутдину его вольности, однако обострение противостояния с ДУМ РБ вынудило Талгата Таджуддина требовать у своего московского представителя открытой поддержки и более активного лоббирования интересов ЦДУМ перед центральной властью.

Это ультимативное, однако справедливое требование подвело черту под осторожной политикой московского муфтия, который, дистанцируясь от внутримусульманского противостояния, мог выглядеть в глазах федерального центра наиболее достойным партнером среди мусульманских лидеров. До этого, несмотря на тайные переговоры с оппозиционными ДУМЕС муфтиями, Гайнутдин избегал открытой конфронтации со своим благодетелем и родственником Талгатом Таджуддином¹²⁶.

«Духовное Управление является неотъемлемой частью мусульманской общины России, и вся его деятельность строится в строгом каноническом согласии и единении с ДУМЕС в Уфе и другими Духовными Управлениями мусульман страны. Мы высоко ценим деятельность Муфтия ДУМЕС, Шуйх-уль-Ислама Талгата Таджуддина, его авторитет среди мусульман России и в исламском мире. Как видный теолог, общественный и религиозный деятель, он по-прежнему остается авторитарным руководителем ДУМЕС. С Шейх-уль-Исламом Талгатом Таджуддином меня связывает давняя и братская дружба, сохраняющаяся и поныне, нас объединяет сознание того, что мы делаем общее дело во имя Ислама» — так в марте 1994 года отзывался о ДУМЕС и его председателе московский муфтий¹²⁷. Однако поставленный перед недвусмысленным выбором — либо на деле подтвердить свою лояльность ЦДУМ, либо уйти в оппозицию, Равиль Гайнутдин выбрал второе. Чем предал своего учителя, который не только дал ему образование и устроил личную жизнь, но и распределил на престижнейшую должность московского имам-мух-

тасиба. Впоследствии именно усилиями Гайнутдина травля председателя ДУМЕС была вынесена на страницы центральных СМИ и стала достоянием самой широкой общественности.

21 сентября решением пленума ЦДУМ муфтий Равиль Гайнутдин был выведен из состава президиума ЦДУМ и снят со всех занимаемых должностей¹²⁸. На следующий день во исполнение принятых решений группа московских сторонников Таджуддина предприняла попытку сменить руководство Московского муфтията. Эта акция теоретически могла иметь успех — среди столичных имамов и прихожан московской Соборной мечети насчитывалось немало недоброжелателей Равиля Гайнутдина — однако из-за плохой подготовки сорвалась. 23 сентября муфтий Равиль Гайнутдин объявил о выходе ДУМЦЕР и аффилированного с ним ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области из состава ЦДУМ. Ставший независимым Московский муфтият был без проволочек признан властями Москвы, которые передали в его собственность московскую Соборную мечеть и примыкающей к ней административное здание. Вторая столичная мечеть, Историческая, как уже упоминалось выше, находилась под контролем сторонников ВКЦДУМР.

Таким образом, во внутримусульманском конфликте сформировался третий полюс, главным преимуществом которого оказалось не число общин (которое до сих пор остается мизерным), а выгодное географическое положение, позволившее сфокусировать зарубежную помощь и установить максимально тесные отношения с государственной властью. Конечно, далеко не все московские мусульмане признали Равиля Гайнутдина своим лидером — помимо приверженцев ВКЦДУМР в столице оставалось немало сторонников Талгата Таджуддина¹²⁹. Некогда стабильная московская умма вошла в затяжной период раскола, разделившего ее на три враждующие группировки.

Эти события разворачивались на фоне масштабного конфликта между Абдул-Вахедом Ниязовым и Равилем Гай-

нутдином, который был спровоцирован одной интересной инициативой ИКЦ России. В июле 1994 года представители этой организации торжественно заложили первый камень в основание Мусульманского благотворительно-культурного центра России на ул. Островитянова (юго-западная часть города), на территории которого предполагалось построить мечеть, медресе, библиотеку, гостиницу, детский приют, лечебно-оздоровительный комплекс, мастерские с торговыми рядами ремесленников, объекты торговли и общественного питания, представительства крупнейших фирм и банков мира, жилые дома и даже центр восточной медицины. Между тем московский муфтий справедливо усмотрел в этом проекте прямое покушение на свои интересы — действительно, с каждой новой столичной мечетью, неподконтрольной Равилю Гайнутдину, его влияние в городе падало¹³⁰.

«Окончательно запутывают ситуацию распри среди российских мусульман. Три года назад, когда идея создания комплекса только зародилась, во главе стоял муфтий-хазрет Равиль Гайнутдин, глава духовного управления мусульман центрально-европейского региона России. Сейчас муфтий-хазрет от работ на улице Островитянова отстранен. От интервью по этому поводу он отказался. Так что вопросы и недоумение растут» — так прокомментировала данную ситуацию журналистка «Московских новостей» Елена Лебедева¹³¹.

Для борьбы с Ниязовым Равиль Гайнутдин предпринял неожиданный ход, заручившись поддержкой Конгресса русских общин. 8 сентября 1994 года в Москве состоялась совместная пресс-конференция московского муфтия и председателя исполкома Конгресса русских общин Дмитрия Рогозина, по итогам которой было принято специальное антиниязовское заявление.

В рамках соглашения между ДУМЦЕР и КРО активисты последнего провели несколько пикетов против строительства Исламского культурного центра, которые в итоге возымели свое действие — масштабный проект Ниязова был свернут¹³². В новейшей истории России это были первые за-

фиксированные выступления русской и православной общности против строительства мечети, поэтому весьма примечательно, что их вдохновителем выступил мусульманский духовный лидер. Впоследствии такого рода акции участились, а главными пострадавшими от них, как правило, оказывались подчиненные и коллеги самого Равиля Гайнутдина.

Апогей вражды московского муфтия и ИКЦ России пришелся на осень 1996 года, когда новообразованный Совет муфтиев России выступил сразу с двумя резкими заявлениями. «Весь октябрь лихорадило мусульманскую общину при Исторической мечети Москвы, где произошли драки, избиение служителя культа, оскорбление высших мусульманских лидеров. Воспользовавшись ошибками имама-хатыба мечети Махмута Велитова, по-разному интерпретируя действия московской милиции, отдельные околоисламские деятели пытались захватить руководство этой общиной и превратить Историческую мечеть в центр внутри- и международного раздора, придать российскому исламу не свойственный ему экстремизм.

Особую активность проявляли никого, кроме себя, не представляющие деятели из так называемых Исламского культурного центра и ВКЦ (имеется в виду ВКЦДУМР. — *Авт.*). Историческая мечеть им нужна для того, чтобы обосновать свои претензии на выступления перед органами власти, в средствах массовой информации от имени мусульман, мусульманских общин России. Для достижения своих целей они противопоставляли разные группы мусульман — татар и выходцев из Северного Кавказа, пытались провоцировать международный конфликт.

Пособниками таких людей оказались и отдельные религиозные деятели, претендующие на верховенство над всеми мусульманами России. В услужении у них оказались лица, изгнанные за нечистоплотность из московской Соборной мечети, а также бывшие «активисты» Исторической мечети, готовые для удовлетворения своих корыстных интересов

любыми путями войти в круг руководителей общины» (орфография оригинала сохранена. — *Авт.*), — говорилось в специальном заявлении пресс-центра Совета муфтиев России, посвященному событиям вокруг Исторической мечети — стратегически важного для интересов Равиля Гайнутдина объекта¹³³. Одновременно с ним было обнародовано заявление «О так называемых «исламских» партиях и «мусульманских» общественно-политических движениях». В нем, в частности, говорилось: «На политической арене России появились лица, представляющие якобы мусульман России и их общины. Они якобы говорят от имени повсеместно значимых партий, охватывающих значительную часть мусульман, общественно-политических мусульманских движений. Их всерьез воспринимают высшие должностные лица государства, средства массовой информации представляют как мусульманских лидеров, имеющих заметный политический вес.

У мусульман России, как и у последователей других религий, имеется немало нерешенных экономических и социальных проблем. С большими трудностями идет возрождение их языков и национальной культуры, становление национального образования. Ислам не пользуется таким же вниманием государства, как некоторые другие религии. Можно назвать и множество других проблем, которые требуют своего решения. Все это, по мнению Совета муфтиев России, может стать полем для деятельности и политических партий, и общественно-политических объединений. При этом, думается, они не должны быть обязательно религиозными. Успех к ним может прийти только в результате кропотливой, многократной и длительной работы с людьми на всех территориях, выработки и реализации привлекательных для них программ, создания и укрепления местных организаций.

Но жаждущие быстрого общественного признания, удовлетворения своих политических амбиций лица, учитывая, что ислам оказывает глубокое воздействие на умы мусульманских народов, стали использовать в своих целях ис-

лам. Фактически же они не имеют связей с мусульманскими общинами и религиозными центрами. Не получили они и согласия мусульманских общин и центров действовать от их имени. Об этом мы просим помнить федеральные и местные органы власти, средства массовой информации»¹³⁴.

Помимо открытых выступлений против ИКЦ России, Равиль Гайнутдин активно рассылал по всем инстанциям разного рода доносы, среди которых можно особо отметить его письмо вице-премьеру Сергею Шахраю. «Наше духовное управление неоднократно в различных инстанциях ставило вопрос о крайне негативном воздействии Исламского культурного центра России и его самозванного директора А.-В.Ниязова (больше известного как Вадим Валерианович) в деятельность нашего муфтията — официального религиозного органа, являющегося одним из наиболее влиятельных и авторитетных религиозных объединений мусульман РФ. Прибегая к различного рода махинациям и закулисным интригам А.В. Ниязов, используя в своей неблаговидной деятельности финансовую поддержку различных зарубежных исламских центров, уже не первый год пытается создать параллельную религиозную структуру в обход официальных религиозных каналов. ИКЦР занимается подготовкой религиозных кадров, назначает «имамов» и утверждает «муфтиев» и т.д. Если эти амбициозные планы ему и его зарубежным «друзьям» удастся реализовать, это внесет раскол и накалит и без того напряженную ситуацию внутри многомиллионной мусульманской уммы России.

Исходя из общих интересов сохранения мира и спокойствия, а также искренне желая упрочения межнационального и межконфессионального согласия, президиум ДУМЦЕР настоятельно просит ускорить тщательную экспертизу деятельности ИКЦР и привести ее в соответствие с существующими нормативными актами РФ»¹³⁵. Впоследствии московского муфтия очень обижал тот факт, что идентичные по содержанию письма направлялись в разные инстанции уже его оппонентами.

В свою очередь, Абдул-Вахед Ниязов и примкнувший к нему лидер ВКЦДУМР Нафигулла Аширов пытались защищаться. «Председатель исполкома Высшего координационного центра (ВКЦ) духовного управления мусульман России Нафигулла Аширов обвинил муфтия московской соборной мечети Равиля Гайнутдина в том, что тот «узурпировал власть, противопоставил себя большинству мусульманских лидеров России и не считается с их мнением»¹³⁶. По словам другого мусульманского лидера, в основе нынешнего конфликта в руководстве столичной соборной мечети лежит «откровенно проправительственная позиция Р. Гайнутдина и стремление к большой самостоятельности других муфтиев, в том числе и по чеченскому вопросу»¹³⁷.

Резкая полемика между лидерами ДУМЦЕР и ВКЦДУМР заметно осложняла ситуацию внутри московской уммы, которая и без того была далека от единства. Безусловную победу в данном конфликте одержал муфтий Равиль Гайнутдин, грамотно воспользовавшийся своими связями в московском правительстве. С этого момента влияние ВКЦДУМР пошло на убыль и через два года эта организация слилась с Советом муфтиев России. Абдул-Вахед Ниязов и Нафигулла Аширова примирились с Равилем Гайнутдинов и стали его союзниками в борьбе против Талгата Таджуддина, однако данный альянс принес московскому муфтию больше вреда, чем пользы.

б. Политизации российского ислама в преддверии парламентских выборов 1995 года – создание первых общероссийских исламских партий

Середина 1995 года была отмечена в новейшей истории исламского сообщества России рядом инициатив по созданию политических структур, призванных защищать права мусульман в Государственной Думе второго созыва. Эти

инициативы исходили от ИКЦ России, а также группы независимых общественных и религиозных деятелей.

31 мая в Москве прошла учредительная конференция Союза мусульман России, организатором которой выступил близкий соратник лидера Либерально-демократической партии России (ЛДПР) В.В. Жириновского, обладатель партбилета ЛДПР за номером два, Ахмет Халитов. Именно он и стал генеральным секретарем Союза мусульман — структуры, которой отводилась роль «мусульманского» крыла ЛДПР. Неглупый план привлечения избирателей-мусульман на сторону ЛДПР разрабатывался при непосредственном участии Жириновского и в случае успеха мог принести дополнительные 100—200 тысяч голосов. В новообразованную партию были приглашены мусульманские духовные лидеры и просто известные мусульмане, среди которых, к несчастью для Халитова и Жириновского, оказался и Абдул-Вахед Ниязов. Искушенный в интригах лидер ИКЦ России быстро оценил всю выгоду от этого проекта и разработал собственный план использования Союза мусульман России¹³⁸.

Собственно политическая платформа Союза мусульман, не претерпевшая с течением времени существенных изменений, была откровенно популистской и ставила своей главной целью защиту прав российских приверженцев ислама во всех возможных сферах — от объявления мусульманских праздников нерабочими днями во всероссийском масштабе до привлечения дополнительных инвестиций в «мусульманские» регионы. Иные пункты программы Союза мусульман выглядели достаточно туманными и нечетко сформулированными, что позволяло движению с легкостью менять свою политическую ориентацию.

Первая смена такой ориентации произошла уже в сентябре 1995 года, когда на съезде Союза мусульман России Ахмет Халитов был смещен с должности генерального секретаря по причине своей политической ангажированности, а занявший его место председатель ДУМ Поволжья Мукадас Бибарсов совместно с людьми Ниязова поспешил пере-

нацелить Союз мусульман на проправительственное движение «Наш дом — России»¹³⁹.

Параллельно со становлением Союза мусульман начало свой политический путь и Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур», учредительная конференция которого прошла в Москве 4 июня 1995 года. Это движение было создано мусульманскими активистами Халитом Яхиным, Вафой Яруллиным и Максудом Садиковым и тяготело к партии «Яблоко». Впрочем, программа «Нура» мало чем отличалась от программы Союза мусульман — в ней присутствовали тот же акцент на защиту прав мусульман, те же политически нейтральные пункты в экономическом, политическом и социальном блоках.

17 декабря 1995 года «Нур» усилиями Халита Яхина принял участие в парламентских выборах и набрал 0,58% голосов, заняв почетное 23-е место. Вопреки многим прогнозам, движение не сумело добиться существенных успехов даже в традиционно мусульманских Дагестане и Чечне, а в Татарстане и Башкортостане оно не собрало и 5% голосов¹⁴⁰. Впрочем, и подобный результат стал возможен только вследствие того, что главный конкурент «Нура» — Союз мусульман России — не успел правильно оформить надлежащие документы и не был допущен к участию в выборах. В целом же парламентские выборы 1995 года стали важным этапом для развития политического ислама, функционеры которого осознали бесперспективность самостоятельных попыток пройти в Государственную Думу и решили сменить тактику¹⁴¹.

Говоря о возникших в 1995 году исламских партиях, нельзя обойти вниманием и Исламский комитет России, созданный 10 июня этого года по инициативе маргинального мусульманского философа-шиита Гейдара Джамалая. По количеству сделанных заявлений эта организация не уступала ни «Нуру», ни Союзу мусульман, однако в отличие от них никогда не пыталась самостоятельно принимать участие в выборах, поскольку реально состояла из 2—3 человек. Впрочем, малолюдность Исламского комитета имела и свое преимущество — любые расколы в нем были исключены¹⁴².

7. Расцвет и начало деградации ВКЦДУМР — конфликт вокруг казанского медресе «Мухаммадийя»

На 1995 год пришелся не только пик развития политического ислама, но и расцвет ВКЦДУМР, который к этому времени окончательно оформился как мощный и активный центр влияния. 22—25 января 1995 года в Казани прошел II внеочередной съезд головной структуры ВКЦДУМР — ДУМ РТ, собравший немало гостей и ставший, по сути, первым общероссийским саммитом оппонентов ЦДУМ. На съезде, получившем широкое освещение в прессе, председатель ДУМ РТ и ВКЦДУМР верховный муфтий России Габдулла Галиуллин сделал целый ряд важных политических заявлений и открыто позиционировал себя как главного лидера российского ислама. Шансы стать основным партнером власти у него действительно были — кризис 1994 года лишил верховного муфтия Талгата Таджуддина прямого выхода на федеральный центр, а московский муфтий Равиль Гайнутдин еще не набрал достаточного влияния, чтобы претендовать на эту роль¹⁴³.

Между тем растущие амбиции Галиуллина стали вызывать раздражение в рядах его соратников, которые все больше оттеснялись на второй план и теряли независимость. Укрепление позиций лидера ВКЦДУМР особенно болезненно воспринималось президентом Татарстана М.Ш. Шаймиевым, который считал Галиуллина своим «карманным» муфтием и боялся потерять над ним контроль. И его опасения были небеспочвенны.

16 октября 1995 года шакирды (студенты) казанского медресе «Мухаммадийя» захватили здание, возвращение которого ДУМ РТ затягивалось вследствие бюрократических препон. Эта вызывающая акция сопровождалась резкой критикой в адрес президента и правительства Татарстана, поэтому привела к серьезному конфликту между спровоцировавшим ее муфтием Габдуллой Галиуллиным и президен-

том Республики Татарстан Минтемиром Шаймиевым. В дальнейшем отношения между Галиуллиным и Шаймиевым еще более ухудшились, перейдя даже в плоскость личных оскорблений, что в итоге вынудило президента искать замену действующему председателю ДУМ РТ.

В начавшихся поисках Шаймиеву немало помог председатель исполкома ВКЦДУМР Нафигулла Аширов. Воспользовавшись тем, что Габдулла Галиуллин сосредоточился на своих внутренних проблемах и политической деятельности*, Аширов постепенно узурпировал власть в ВКЦДУМР, самовольно введя в его состав множество новых членов, призванных сформировать антигалиуллинское большинство. Татарстанский муфтий заметил угрожающие тенденции слишком поздно и не успел восстановить контроль над ситуацией. Впрочем, к потере ВКЦДУМР Галиуллин отнесся довольно спокойно и не стал устраивать скандала — напряженные политические баталии стали ему в тягость, тем более, что никаких шансов стать действительным Верховным муфтием России у него не оставалось. ВКЦДУМР постепенно перешел под полный контроль Нафигуллы Аширова, что, как показали дальнейшие события, стало началом его конца.

8. Эволюция политического ислама в преддверии президентских выборов 1996 года — раскол Союза мусульман России

Первая половина 1996 года ознаменовалась значительной активизацией мусульманских политических сил в преддверии президентских выборов. Именно отношение к политике действующего президента Б.Н. Ельцина привело к серьезному кризису внутри Союза мусульман России¹⁴⁴. Его реальный лидер Абдул-Вахед Ниязов дальновидно взял курс на поддержку Ельцина, в то время как генеральный секре-

* 22 июня 1996 года он был избран председателем движения «Мусульмане Татарстана».

тарь Союза Мукаддас Бибарсов обвинил президента в нежелании разрешить чеченский кризис мирным путем и призвал мусульман не отдавать ему свои голоса на выборах. Начавшийся конфликт быстро закончился победой более опытного в закулисных интригах Ниязова и Мукаддас Бибарсов подал в отставку с поста генсека Союза мусульман по причине «несогласия с проельцинской политикой «теневого» руководства СМР и фактической узурпации власти людьми Ниязова»¹⁴⁵. Новым генеральным секретарем движения стал протеже Ниязова Надиршах Хачилаев, дагестанский бизнесмен и криминальный авторитет. Сам же Абдул-Вахед Ниязов возглавил исполнительный комитет Союза мусульман¹⁴⁶.

13—14 апреля в Саратове прошел учредительный съезд движения «Мусульмане России», в которое вошли многие бывшие члены Союза мусульман. Председателем политсовета движения был избран председатель ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов, который заявил, что «политическая мусульманская ниша России до сих пор не заполнена» и новое движение намерено исправлять это положение, защищая интересы мусульман и «других национальных меньшинств»¹⁴⁷. Из видных духовных лидеров поддержку «Мусульманам России» оказал московский муфтий Равиль Гайнутдин, который делегировал в политсовет этого движения двух своих соратников — главного редактора газеты «Ислам Минбэре» Талиба Саидбаева и заведующего отделом науки и общественных связей ДУМЦЕР Фариды Асадуллина¹⁴⁸. По мнению Гайнутдина, установление тесных контактов между ДУМЦЕР и «Мусульманами России» было призвано исправить ситуацию, при которой «от имени мусульман выступают люди, не имеющие об исламе ни малейшего понятия»¹⁴⁹.

5 мая 1996 года движение «Мусульмане России» заявило о своей поддержке Бориса Ельцина на президентских выборах, чем подтвердило предположения о личностных, а не политических предпосылках конфликта в Союзе мусульман России. В свою очередь, движение «Нур» также выразило желание поддержать действующего президента при условии,

если он «до июня 1996 года прекратит войну в Чечне, выведет федеральные войска из этой республики и обеспечит проведение в ней новых, по-настоящему демократических выборов»¹⁵⁰. В противном случае лидеры движения обещали начать агитацию в пользу «яблочника» Григория Явлинского.

Таким образом, все ведущие мусульманские партии прямо или косвенно призвали голосовать за Бориса Ельцина и после его победы не без оснований рассчитывали на благодарность Администрации Президента. Эта благодарность действительно последовала, однако удостоился ее только председатель исполнительного комитета Союза мусульман России Абдул-Вахед Ниязов. Он смог убедить ряд влиятельных чиновников в том, что победу Ельцина во втором туре обеспечили именно «мусульманские» голоса, за что получил существенную поддержку со стороны проправительственной думской фракции «Наш дом — Россия» и престижный офис в здании Государственной Думы¹⁵¹. Интересно отметить, что в это же время председатель Исламского комитета Гейдар Джемаль утверждал, что «де-факто миллионы простых мусульман поддержали КПРФ, проголосовав на президентских выборах 1996 года за Геннадия Зюганова. Эти голоса могли быть решающими, могли принести победу патриотическим силам; однако правящая в мусульманских республиках этнономенклатура фальсифицировала результаты выборов, приписав мусульманские голоса Ельцину»¹⁵². Впрочем, серьезных политиков мнение Джемалья никогда не интересовало.

9. Нарастание кризиса в чеченской умме — частая смена власти в ДУМ Чеченской Республики и начало первой чеченской войны

Начало второй фазы раскола ознаменовалась для северокавказской уммы резким обострением конфликта между двумя духовными центрами Чеченской Республики. К этому

времени Чечня стала уже де-факто автономной территорией, на которой вся полнота власти принадлежала законным и незаконным вооруженным формированиям.

9 декабря 1992 года ДУМ Чеченской Республики прошло регистрацию в местном Министерстве юстиции в надежде подтвердить свой статус легитимного духовного центра, однако сил противостоять давлению бандитов у традиционного мусульманского духовенства почти не оставалось. 28 января 1993 года под давлением властей Чечни муфтий Магомед-Башир Арсунукаев подал в отставку, однако Совет улемов ДУМ Чеченской Республики ее не принял. Последним эпизодом открытого сопротивления ДУМ Чеченской Республики криминальному режиму Джохара Дудаева стал прошедший 25 февраля 1993 года Внеочередной съезд мусульманского духовенства Чечни, который снова переизбрал Магомеда-Башира Арсунукаева муфтием республики.

14 апреля того же года Национальный комитет по правовой реформе Чеченской Республики зарегистрировал Духовный центр мусульман Чеченской Республики в качестве единственного руководящего органа мусульман Чечни и аннулировал регистрационное свидетельство ДУМ Чеченской Республики. В июне муфтий Чечни Магомед-Башир Арсунукаев в знак протеста против государственного переворота в Чеченской Республике Ичкерия вторично подал в отставку и новым муфтием Чечни был назначен советник Джохара Дудаева по религиозным вопросам Мухаммад-Хуссейн Алсабеков¹⁵³.

Назначение Алсабекова муфтием Чечни было воспринято как окончательная победа Дудаева в противостоянии с традиционным мусульманским духовенством, однако новый председатель муфтията быстро преподнес чеченскому президенту неприятный сюрприз. После начала первой чеченской войны Джохар Дудаев потребовал от него объявить России джихад, что позволило бы принципиально изменить положение чеченских боевиков — из обычных воинствующих сепаратистов они превратились бы в моджахедов, борцов за дело ислама. Однако муфтий Чечни не только катего-

рически отказался выполнять пожелание своего президента, но и активно включился в миротворческий процесс, подписав совместно с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II заявление о недопустимости кровопролития, в котором особо подчеркивалось отсутствие в разразившемся кризисе каких-либо межрелигиозных предпосылок.

Столь принципиальная позиция Алсабекова вызвала ярость боевиков и в феврале 1995 года, обоснованно опасаясь за свою жизнь, ушел в отставку и переехал в Казахстан. Новым муфтием Чечни вновь стал Магомед-Башир Арсунукаев, однако его кандидатура еще более не устраивала руководство боевиков. В начале весны 1995 года Арсунукаев скончался при невыясненных обстоятельствах. 24 марта того же года в чеченском селении Ведено на сходе полевых командиров муфтием Чечни был избран авторитетный имам Ахмад Кадыров, в пользу которого говорило не только его активное участие в борьбе против российских войск и призывы к массовым убийствам русских, но и неплохое богословское образование¹⁵⁴. После вступления в должность Кадыров поспешил объявить России джихад, однако благодаря проведенным в декабре 1994 года переговорам Святейшего Патриарха Алексия II и муфтия Мухаммада-Хусейна Алсабекова это заявление не возымело ожидаемого эффекта¹⁵⁵.

Параллельно с незатухающей борьбой между пророссийскими и продудаевскими духовными лидерами в Чечне стал стремительно распространяться радикальный ислам, привнесенный туда не столько вернувшимися из арабских медресе чеченскими студентами, сколько наемниками из Саудовской Аравии, Иордании, Сирии и Афганистана. Эти люди объявили себя эмирами (амирами), то есть военно-духовными лидерами. Их поначалу малочисленные общины стали быстро расти, привлекая новых членов военными успехами, неплохим знанием ислама, а главное — хорошей финансовой подпиткой. Вскоре возглавляемые арабскими наемниками группировки — джамааты — стали серьезной проблемой не только для российских войск, но и для традиционного чеченского духовенства.

10. Углубление раскола в дагестанской умме — попытки урегулирования внутримусульманских противоречий со стороны республиканских властей

Середина 90-х годов была отмечена для дагестанской уммы усугублением полиэтнического раскола, который достиг своего апогея. Угрожающая ситуация в исламской сфере вынудила светские власти отказаться от политики невмешательства во внутримусульманскую борьбу и открыто поддержать аварское духовное управление, которое с 1994 года возглавил муфтий Магомед Дарбишев, сменивший на этом посту Саида-Ахмеда Дарбишгаджиева. Предпочтение аварскому муфтияту было отдано по трем главным причинам: во-первых, аварцы оставались самым крупным этносом Дагестана и имели право хотя бы на доминирование в религиозной сфере (политическая сфера находилась под преимущественным контролем даргинцев); во-вторых, аварское управление было тесно связано с влиятельной Исламской демократической партией Дагестана Абдурашида Саидова, активно лоббировавшей его интересы в Госсовете республики; в-третьих ведущие духовные лидеры аварцев являлись мюридами авторитетного суфийского шейха Саида-Афанди Чиркейского, влияние которого на происходящие в Дагестане процессы становилось все более заметным¹⁵⁶. 26 февраля 1994 года аварское ДУМ Дагестана было зарегистрировано в качестве единого мусульманского центра республики, в то время как иные национальные муфтияты не смогли пройти перерегистрацию¹⁵⁷.

Далеко не все мусульманские лидеры республики одобрили действия властей и признали приоритет аварского ДУМ, однако радикальные меры дагестанского руководства все же возымели свое действие — полиэтничный раскол стал постепенно преодолеваться. Консолидации традиционных дагестанских мусульман способствовало и значительное усиление их общих врагов — ваххабитов, которые пере-

шли от простой пропаганды своих идей к более решительным методам. В ваххабитских мечетях все чаще раздавались призывы к созданию вооруженных отрядов и насильственному захвату власти, и в некоторых селах эти призывы начали воплощаться в жизнь.

К 1997 году ваххабиты захватили власть в селениях Кадар, Чабанмахи и Карамахи Буйнакского района республики, изгнав из них не только придерживающихся традиционного ислама имамов, но и представителей светской власти. В произошедших стычках погибло несколько человек, что резко обострило противостояние ваххабитов и тарикатистов. Ситуацию усугубляли и заявления чеченских полевых командиров, обещавших вооруженную помощь своим «притесняемым» дагестанским единоверцам.

Нагнетание обстановки создало опасность повторения чеченского сценария в его худшем варианте. Дагестану угрожало масштабное вооруженное противостояние между тарикастистами и салафитами, которое со временем неизбежно бы трансформировалось в христианско-мусульманский конфликт.

11. Исламское возрождение в период прогрессирующего раскола

Расширявшийся раскол российской уммы вопреки имевшимся опасениям не затормозил процесс исламского возрождения, однако придал ему стихийный и неорганизованный характер. Переходный период между кризисом советской системы муфтиятов и становлением новых мусульманских структур вынудил многие мусульманские общины самостоятельно заботиться о своих нуждах. Впрочем, значительный всплеск интереса к исламу во многом компенсировал неудобства от внутримусульманских нестроений.

Создание новых общин и строительство мечетей — помощь арабских спонсоров. Всего за несколько лет числен-

ность мусульманских общин в стране возросла в десятки раз. Особенно активно новые общины создавались в Дагестане, Чечне, Татарстане и Башкортостане. Государство передало мусульманам сотни ранее принадлежавших им зданий и выделило участки под строительство тысяч новых мечетей и медресе. Столь бурное возрождение немедленно породило целый ряд проблем, главными из которых стали нехватка финансирования и отсутствие образованных кадров. Решить возникшие проблемы за счет местных ресурсов возможным не представлялось — помощь региональных властей, предприятий и бизнесменов оказалась весьма ограниченной, а разрушенная в советское время система мусульманского духовного образования только начинала восстанавливаться. И тогда взоры российских мусульман обратились на юг, где их богатые единоверцы из стран Персидского залива и Турции выражали готовность пожертвовать деньги на благое дело возрождения ислама¹⁵⁸.

Зарубежная помощь российскому исламу шла по трем основным направлениям. В первую очередь, арабские шейхи из Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Кувейта и Катара были готовы финансировать строительство мечетей и медресе, часто полагаясь при этом на честное слово своих российских партнеров и не требуя отчета об израсходованных средствах. При их содействии были построены соборные мечети в Махачкале, Майкопе, Тюмени, Самаре и целом ряде других городов и сел. Особое внимание уделялось также приобщению российских мусульман к святыням Мекки и Медины, для чего значительная часть путевок на хадж была сделана бесплатной. Эти путевки распространялись как посольством Саудовской Аравии, так и уполномоченными им организациями, среди которых особенно выделялся ИКЦ России. Отдельные оплаченные поездки в хадж и малый хадж (умру) организовывались для ведущих духовных лидеров и политиков исламского вероисповедания¹⁵⁹.

Попытки решения кадровой проблемы — направление студентов в мусульманские страны и открытие первых российских медресе. Не была забыта арабскими благотвори-

телями и кадровая проблема российского ислама. Сотни молодых людей из Дагестана, Татарстана, Башкортостана и других регионов получили возможность выезжать на бесплатное обучение в зарубежные медресе, где им предоставлялись жилье, питание и нередко приличная стипендия¹⁶⁰. Конечно, предлагавшие такие льготные условия учебные центры не были столь известны, как каирский университет «Аль-Азхар», однако казались подходящими для религиозного ликбеза и обучения арабскому языку. Основной поток студентов отправился за рубеж в 1990—1992 годах, и уже к 1994 году оттуда стали возвращаться первые дипломированные имамы, казавшиеся своим российским единоверцам глубоко учеными людьми. Именно они встали у истоков создания сети исламских духовных учебных заведений — медресе, колледжей, институтов и университетов, призванных возродить систему исламского образования¹⁶¹.

К этому времени в России уже действовали два медресе — московское «Исмаилийя», основанное в 1988 году, и уфимское имени муфтия Ризаэтдина Фахреддина, открывшееся годом позже¹⁶². Кроме того, по всей стране, особенно на Северном Кавказе, стихийно возникали десятки начальных школ и курсов, призванных хоть как-то устранить религиозную безграмотность населения. Многие из них также носили гордое имя медресе, однако по уровню предлагаемых знаний могли сравниться только с обычной воскресной школой¹⁶³.

Первые высшие медресе нового поколения были основаны в Татарстане в 1992—1996 годах. Ими стали казанские Высшее медресе «Мухаммадия», Медресе им. 1000-летия ислама, Исламский институт в Набережных Челнах и альметьевский Исламский институт им. Ризаэтдина Фахреддина. Параллельно с ними стали появляться и средние медресе, которые открылись в Казани, Набережных Челнах, Ульяновске, Бугуруслане, Тюмени, Октябрьском и целом ряде других городов. Всего к 1996 году в Министерстве юстиции прошли регистрацию до 30 средних и высших медресе, что выглядело весьма внушительным показателем.

Возрождение мусульманского книгоиздательства и средств массовой информации. Параллельно с восстановлением системы духовного образования стало возрождаться книгоиздательство. Первоначально все силы издателей были брошены на тиражирование русских переводов Корана, среди которых наибольшей популярностью пользовался перевод академика И.Ю. Крачковского, а также на издание переводных брошюр с кратким изложением основ исламской веры и правил отправления культа. Постепенно, по мере заполнения вакуума в сфере духовной литературы, в продаже стали появляться тафсиры, сборники хадисов и труды некоторых арабских мыслителей. В то же время доля духовной литературы, написанной российскими авторами, оставалась пока незначительной. Из подобных изданий стоит отметить лишь новую версию русского перевода Корана, подготовленную в 1996 году супругой генерального директора исламского научного центра «Аль-Фуркан» Валерией-Иман Пороховой-Аль-Рошд¹⁶⁴. Новый перевод Корана, сделанный по каким-то причинам с английского языка, быстро завоевал популярность среди части мусульман, однако большинство мусульманских лидеров и ученых-арабистов подвергли его острой критике за существенные искажения коранического текста¹⁶⁵.

Информационные запросы многомиллионной исламской уммы России были призваны удовлетворить многочисленные газеты и журналы, которые стали издаваться большинством духовных управлений. Качество этих изданий, равно как и периодичность их выхода, оставляли желать лучшего, однако иного источника исламских новостей у простых верующих не было. Впоследствии материалы этих изданий позволили восстановить для истории целый ряд важных событий, не получивших отражения в светских СМИ и не зафиксированных в сохранившихся архивах.

Наиболее известным среди них стал официальный печатный орган ДУМЦЕР «Ислам Минбэре» («Трибуна Ислама»), который стал ежемесячно выходить с 1994 года. Другие газеты выходили гораздо менее регулярно, однако среди них

следует особо отметить издание ЦДУМ «Маглюмат» («Вестник»), «Мусульманский вестник» ДУМ Поволжья, «Иман» («Вера») ДУМ РТ, «Ислам и общество» ДУМ РБ, «Байт-Аллах» («Дом Божий») ДУМ «Ассоциация мечетей», «Ассалам» («Мир») и «Нур-уль-Ислам» («Свет Ислама») ДУМ Дагестана.

На целом ряде региональных теле- и радиоканалов появились регулярные передачи, посвященные исламу. Их успех позволил поставить вопрос о запуске аналогичной передаче на одном из центральных каналов, однако эта инициатива была реализована только в конце 90-х годов.

К другим признакам исламского возрождения можно отнести возникновение и расширение халяльной инфраструктуры, позволявший мусульманам питаться в строгом соответствии с законами шариата. Помимо специализированных магазинов по продаже халяльного мяса и колбасы, были открыты специальные кафе и рестораны, рассчитанные на религиозных мусульман. В местах компактного проживания мусульман выраженную исламскую направленность стали приобретать социальная, бытовая и медицинская сфера: во множестве возникали мусульманские детские сады, школы, больницы, ателье, брачные и похоронные агентства. Исламское самосознание быстро возвращалось к некогда советским людям, которые при своей самоидентификации все чаще ставили на первое место принадлежность к мусульманской умме¹⁶⁶.

Глава III

СТАБИЛИЗАЦИЯ РАСКОЛА

(лето 1996 года — зима 2001 года)

Третий этап новейшей истории исламского сообщества России стал для него переломным. Многие «болезни роста» к этому времени были преодолены: молодые мусульманские структуры окрепли и приспособились к жизни в новых ус-

ловиях, частично восстановилась система исламского образования, книгоиздания и средств массовой информации, вмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений заметно уменьшилось и приобрело более конструктивный характер. Возникшая прослойка мусульман-бизнесменов все более активно содействовала исламскому возрождению, позволяя духовным лидерам изыскивать источники финансирования не в арабских странах, а у себя на родине. Наконец, появились первые признаки преодоления раскола. Конечно, до прекращения внутримусульманского противостояния было еще далеко и сильная инерция продолжала вовлекать в междоусобную борьбу все новые региональные уммы, однако в целом ряде ключевых регионов прогрессирующий раскол сменился началом консолидации мусульман.

1. Новая поляризация Поволжской уммы — образование Совета муфтиев России

Июль 1996 года стал звездным часом для московского муфтия Равиля Гайнутдина, который за прошедшие со времени выхода из ЦДУМ два года значительно упрочил свое положение во всех сферах, получив прямой выход на источники финансовой помощи из арабских стран и завоевав авторитет в высших правительственных кругах. Столь быстрый рост влияния ДУМЦЕР обеспечили выгодное географическое положение его центрального аппарата, повышенное внимание к популяризации ислама в светских СМИ, а также личные качества Равиля Гайнутдина*. Набранный политический вес и грамотная работа с прессой сделали московского муфтия подходящим претендентом на лидерство в российской умме.

* Равиль Гайнутдин, будучи по образованию театральным режиссером, обладал всеми необходимыми качествами публичного политика.

1 июля 1996 года по инициативе муфтия Равиля Гайнутдина в Москве прошел меджлис глав созданных после 1992 года духовных управлений: Московского муфтията, ДУМ РТ, ДУМ РБ, ДУМ Поволжья, ДУМ «Ассоциация мечетей», Бугурусланского муфтията и Регионального ДУМ Ульяновска и Ульяновской области. По итогам меджлиса было принято решение о создании новой централизованной всероссийской мусульманской структуры — Совета муфтиев России. Председателем Совета был избран муфтий Равиль Гайнутдин, в то время как лидеры вышеперечисленных муфтиятов заняли посты его сопредседателей¹⁶⁷.

Главной причиной создания Совета муфтиев декларировалось желание консолидировать расколотившее мусульманское сообщество России и примирить враждующие стороны. Изначально муфтий Равиль Гайнутдин надеялся (по крайней мере, на словах) восстановить отношения с ЦДУМ и пригласить верховного муфтия Талгата Таджуддина в ряды своих сопредседателей, однако категорический отказ председателя ЦДУМ иметь какие-либо дела с лидерами новых ДУМов обусловил начало нового противостояния. Довольно быстро Совет муфтиев России отодвинул на второй план уже изрядно скомпрометировавший себя БКЦДУМР и занял нишу главного конкурента ЦДУМ.

Создание Совета муфтиев России на некоторое время успокоило бушующие в Поволжской умме страсти, и почти целый год серьезных конфликтов в ней не отмечалось. К 1997 году Совет муфтиев значительно укрепился, приняв в свою юрисдикцию целый ряд новых централизованных структур и отдельных общин, а также наладив тесные связи с ДУМ Дагестана, ДУМ Адыгеи и Краснодарского края и ДУМ Чеченской Республики. Впрочем, тот факт, что лидеры ВКЦДУМР Габдулла Галиуллин и Нафигулла Аширов стали сопредседателями Совета муфтиев, позволял муфтию Равилю Гайнутдину заявлять об установлении контроля над всеми входящими в ВКЦДУМР северокавказскими муфтиятами, которые рассматривались как коллективный член Совета¹⁶⁸;

Так впервые была предпринята попытка объединить духовные структуры Поволжской и Кавказской уммы в рамках одной централизованной организации и создать предпосылки для установления должности всероссийского мусульманского лидера. Эта попытка оказалась неудачной.

2. Перенос внутримусульманского конфликта в Сибирь и на Дальний Восток — ссора председателя ДУМ Сибири и Дальнего Востока Ряшита Баязитова с муфтием Равилем Гайнутдином

В 1997 году в Москве открылись сразу две новые мечети: мечеть «Ярдям» в Духовно-просветительском комплексе традиционных религий в Отрадном и Мемориальная мечеть на Поклонной горе. Казалось очевидным, что обе мечети будут отданы ДУМЦЕР, однако муфтию Равилю Гайнутдину без проблем удалось получить только Мемориальную мечеть — известный татарский бизнесмен и меценат Ряшит Баязитов, построивший на свои деньги Духовно-просветительский комплекс традиционных религий в Отрадном, отказался передавать свою мечеть в собственность Московскому муфтияту. По его мнению, Равиль Гайнутдин должен был лишь направить в мечеть «Ярдям» имама, зарплату которому платил бы сам Баязитов. Подобные условия оказались неприемлемы для московского муфтия, и вскоре его спор с Баязитовым перерос в серьезный конфликт. Другой причиной их ссоры стали финансовые разногласия между Советом муфтиев России и ДУМ Сибири и Дальнего Востока, председателем которого являлся Баязитов.¹⁶⁹

Первым шагом в этом направлении стало демонстративное сближение Баязитова с Талгатом Таджуддином. Верховный муфтий принял предложенную схему использования мечети в Отрадном, после чего она была передана в юрисдикцию ЦДУМ. Вскоре по Совету муфтиев России был

нанесен еще один серьезный удар — пользуясь своим влиянием на ДУМ «Ассоциация мечетей», ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области и ДУМ Сибири и Дальнего Востока, Баязитов уговорил их муфтиев выйти из структуры Рауиля Гайнутдина, что и было сделано во второй декаде июня 1997 года¹⁷⁰.

Новый передел сфер влияния, инициированный Баязитовым, значительно ослабил позиции Совета муфтиев России. Передача под юрисдикцию ЦДУМ мечети в Отрадном и потеря контроля над московской Исторической мечетью положила конец недолгой монополии Рауиля Гайнутдина на обладание столичными мечетями. После фактического воссоединения ДУМ Сибири и Дальнего Востока с ЦДУМ почти все мусульманские общины восточней Тюменской области вернулись к Талгату Таджуддину. Впоследствии Совету муфтиев, правда, удалось вернуть Нижегородский муфтият (включавший более половины всех общин ДУМЦЕР), который так и не решился вернуться в юрисдикцию ЦДУМ, однако лояльность его председателя муфтията Умара Идрисова была поставлена под большое сомнение*.

События июня 1997 года стали первым серьезным реваншем ЦДУМ в многолетней борьбе с новыми муфтиятами. Несмотря на свой экстравагантный характер, Ряшит Баязитов стал надежным и влиятельным союзником верховного муфтията Талгата Таджуддина, заняв пост его советника по национальным вопросам.

Ответный удар Совета муфтиев России не заставил себя долго ждать. В августе 1997 года в Тобольске прошла учредительная конференция Межрегионального ДУМ Сибири и Дальнего Востока (МДУМСДВ). Новая структура была создана по инициативе бывшего лидера ВКЦДУМР Нафигуллы Аширова и его ближайшего сподвижника, генерального директора ИКЦ России Абдул-Вахеда Ниязова, выдвинув-

* В 1999 году Идрисов не продлил свое членство в ДУМ Европейской части России, а в 2000 году вышел из Совета муфтиев России.

ших оригинальный лозунг: «Мусульмане должны быть там, где есть нефть». В ходе учредительной конференции Нафигулла Аширов стал председателем МДУМСДВ с титулом «верховный муфтий Азиатской части России», а Абдул-Вахед Ниязов получил пост его первого заместителя. В руководство МДУМСДВ вошел также председатель ДУМ Тюменской области муфтий Галимзян Бикмуллин, согласившийся присоединить свой муфтият к МДУМСДВ¹⁷¹.

В октябре того же года муфтий ДУМ Сибири и Дальнего Востока Зулькарнай Шакирзянов был официально выведен из состава Совета муфтиев России, что на первый взгляд казалось сильно запоздалым и бесполезным шагом. Однако именно это решение развязало руки лидерам МДУМСДВ, которые получили возможность начать активную миссионерскую работу в зоне юрисдикции Омского муфтията. Одновременно эмиссары Аширова и Ниязова стали создавать альтернативные структуры в уральских регионах, в первую очередь — в Свердловской области¹⁷².

3. Преодоление раскола в Татарстане — образование единого ДУМ Республики Татарстан

Помимо перенесения раскола на мусульманские сообщества азиатской части России, в конце 1997 года взяла старт кампания по смещению неугодного Шаймиеву муфтията Габдуллы Галиуллина. Затянувшаяся ссора муфтията и президента нервировала татарстанских мусульман и тормозила процесс исламского возрождения в республике, которая по замыслу Минтимера Шаймиева была призвана стать центром российского ислама.

Очередной съезд ДУМ РТ планировалось провести в феврале 1998 года и мало кто сомневался, что Габдулла Галиуллин будет заменен на более лояльного Шаймиеву челове-

ка. Впрочем, некоторые мусульманские лидеры Татарстана предлагали президенту объявить себя также и духовным лидером, что позволило бы раз и навсегда решить проблему внутримусульманского раскола. Высказанная инициатива выглядела весьма оригинально, но, к разочарованию местных газет, была отвергнута Минтимером Шаймиевым, явно не желавшим стать «айятоллой Шаймини»¹⁷³.

Февральскому съезду, который был призван не только сместить Галиуллина, но и объединить ДУМ РТ и Региональное ДУМ Татарстана в составе ЦДУМ, предшествовали консультации Шаймиева с верховным муфтием Талгатом Таджуддином и муфтием Габдуллой Галиуллиным. В ходе этих консультаций, прошедших в Казани 14 января 1998 года, татарстанский президент призвал духовных лидеров забыть свои разногласия и помочь в проведении объединительного съезда, итоги которого были уже предрешены. Перспектива завершить междоусобное противостояние в татарстанской умме показалась Таджуддину заманчивой, и он заявил о прекращении конфронтации с ДУМ РТ, рекомендовав своему татарстанскому представителю муфтию Фариду Салману Хайдарову принять участие в объединительном съезде.

Казалось, мусульманский раскол в Татарстане почти преодолен, однако в преддверии съезда Габдулла Галиуллин заявил о «вмешательстве светских органов в дела верующих», которое выражалось в давлении глав районных администраций на будущих делегатов. По его словам, материально зависимым от районных властей имамам диктовалось, за кого они должны голосовать. 4 февраля ДУМ РТ обнародовало специальное заявление, в котором указывало на допущенные в подготовке съезда нарушения. Галиуллина поддержали и некоторые лидеры татарского национального движения, которые заявили, что «вне зависимости от исхода голосования съезда мусульмане признают своим лидером муфтия Габдуллу-хазрыта и обещают создать свое независимое Духовное управление мусульман Татарстана»¹⁷⁴.

14 февраля в Казани открылся долгожданный Объединительный съезд, который, несмотря на сопровождавшие его скандалы, прошел вполне легитимно и выполнил поставленные перед ним задачи. На открытии съезда выступил сам президент Татарстана, прозрачно обрисовавший устраивающую его кандидатуру нового муфтия. Его речь, собственно, и решила исход голосования.

По итогам съезда Региональное ДУМ Татарстана юрисдикции ЦДУМ было присоединено к ДУМ РТ, а председателем единого муфтията стал первый заместитель Галиуллина Гусман Исхаков¹⁷⁵. Тем не менее полностью преодолеть раскол татарстанской уммы удалось лишь на первом пленуме ДУМ РТ, который прошел в Казани 18 марта 1998 года. Муфтии Габдулла Галиуллин и Фарид Салман Хайдаров, ранее обвинявшие правительство республики в пристрастном подборе делегатов съезда и фальсификации его результатов, все-таки согласились признать легитимность муфтия Гусмана Ихакова и заняли предложенные им посты в аппарате объединенного муфтията¹⁷⁶.

4. Объединение усилий Межрегионального ДУМ Сибири и Дальнего Востока и Союза мусульман России — совместные акции и их последствия

На первую половину 1998 года пришелся расцвет деятельности ДУМСДВ и дружественного ему Союзу мусульман России. Неудача на парламентских выборах 1995 года ничуть не смутила руководство этой партии, тем более что ее генеральный секретарь Надиршах Хачилаев в декабре 1996 года был избран депутатом Государственной Думы. Обретенная депутатская неприкосновенность сподвигла Хачилаева на ряд рискованных шагов, самые пагубные последствия из которых имело приглашение в Россию лидера американской исламистской организации «Нация ислама» Луиса Фаррахана.

29 января 1998 года при активном участии верховного муфтия Нафигуллы Аширова и Надиршаха Хачилаева Луис Фаррахан начал свое трехдневное турне по российским городам, последовательно посетив Москву, Тюмень и Махачкалу. В дагестанской столице он по просьбе Хачилаева принял участие в митинге противников действующего мэра Махачкалы Саида Амирова, где сделал немало резких заявлений в его отношении. После такого демарша Фаррахан был немедленно выдворен из России, а Надиршах Хачилаев окончательно поссорился с дагестанскими властями¹⁷⁷.

В мае 1998 года вялотекущий конфликт Хачилаева и председателя Госсовета Республики Дагестан Магомедали Магомеда меда перешел в активную фазу. 20—21 мая 1998 года братья Надиршах и Магомед Хачилаевы спровоцировали в Махачкале масштабные антиправительственные выступления, в ходе которых их сторонники захватили Дом правительства и убили нескольких милиционеров¹⁷⁸. Формальным поводом для этого послужило личное оскорбление, нанесенное Хачилаеву каким-то сотрудником республиканского МВД.

Ответные меры в отношении мятежного депутата последовали незамедлительно. Дагестанские власти быстро восстановили контроль над ситуацией и арестовали наиболее активных мятежников. Братьям Хачилаевым, правда, удалось скрыться в селениях Кадарского анклава, однако судьба их была предрешена. Через несколько дней Министерство юстиции РФ объявило о ликвидации Союза мусульман России как юридического лица, а 18 сентября 1998 года Государственная Дума сняла депутатскую неприкосновенность с Надиршаха Хачилаева, обвиненного в организации массовых беспорядков¹⁷⁹. Из мусульманских лидеров поддержку ему оказали только Аширов и Ниязов, созвавшие экстренную пресс-конференцию и возложившие всю вину за случившееся на правительство Дагестана¹⁸⁰.

Ликвидация Союза мусульман не слишком ослабила позиции Нафигуллы Аширова и Абдул-Вахеда Ниязова. Помимо тесных связей с Хачилаевым, они пользовались протек-

цией и другого влиятельного дагестанца — вице-преьера российского правительства Рамазана Абдулатипова, который оказал им немалое содействие в «восточной экспансии». Чтобы восполнить образовавшийся после хачилаевского мятежа пробел в политической сфере, Абдул-Вахед Ниязов в конце 1998 года учредил новое общероссийское политическое общественное движение, названное в честь радикальной турецкой партии «Рефахом» («Благодеянием»). Программа «Рефаха» дословно повторяла программу Союза мусульман России, а его актив составили уцелевшие функционеры Союза¹⁸¹. Официальным лидером «Рефаха» стал близкий соратник Абдул-Вахеда Ниязова Ринат Каримов, однако реальной властью он никогда не обладал.

В ноябре 1998 года в Омске прошла вторая конференция Межрегионального духовного управления мусульман Сибири и Дальнего Востока (МДУМСДВ). МДУМСДВ было преобразовано в ДУМ Азиатской части России (ДУМАЧР) и в декабре прошло регистрацию в Министерстве юстиции. Оно стало первой мусульманской централизованной структурой, зарегистрированной по новому Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях». Ноябрьская конференция позволила верховному муфтию Нафигулле Аширову создать мощный плацдарм в Омске, где его поддержали несколько оппозиционных муфтию Зулькарнаю Шакирзянову общин.

5. Укрепление позиций Совета муфтиев России — поглощение ВКЦДУМР и экспансия в азиатской части России

Новый совместный проект Аширова и Ниязова, предусматривавший установление контроля над общинами азиатской части России, отнимал все больше сил, в то время как их прежнее детище ВКЦДУМР пребывало в затяжном кризисе.

Смысла поддерживать его затухающую жизнь больше не было, и в ноябре 1998 года на совместном заседании Совета муфтиев России и ВКЦДУМР было принято решение об их слиянии. Заключение нового альянса оказалось отмечено принятием целого пакета документов, резко осуждавших деятельность верховного муфтия Талгата Таджуддина и его союзников: Ряшита Баязитова и братьев Шакирзяновых¹⁸².

18 января 1999 года ДУМЦЕР прошло перерегистрацию и стало называться ДУМ Европейской части России (ДУМЕР). Смена названия привела и к изменению зоны юрисдикции — теперь Московский муфтият мог претендовать на все мусульманские общины к западу от Урала, став своеобразным двойником ДУМАЧР. Новый статус Московского муфтията позволил Равилю Гайнутдину активизировать работу по присоединению общин в ранее не затронутых расколом регионах — Краснодарском крае, Волгоградской, Ростовской, Астраханской и Пермской областях¹⁸³.

13 февраля 1999 года в Тюмени открылся II форум ДУМАЧР. Несмотря на противодействие администрации Тюменской области, с подозрением относившейся к инициативам Аширова и Ниязова, форум собрал более 400 делегатов, продемонстрировав впечатляющие достижения ДУМАЧР. За неполные два года этот муфтият смог объединить свыше 100 мусульманских общин от Екатеринбурга до Петропавловска-Камчатского и полностью подчинить себя приходы Дальнего Востока. Такие успехи ДУМАЧР аналитики объясняли значительными средствами, затраченными Ашировым и Ниязовым на кампанию по переподчинению и «покупке» общин, а также поддержкой ряда влиятельных чиновников¹⁸⁴.

Важным решением форума стало утверждение схемы территориального деления ДУМАЧР, которая предполагала создание казьятов — территориальных образований среднего уровня, в среднем объединявших 10—15 общин. Согласно новой схеме, Тюменский муфтият, составлявший ядро ДУМАЧР, предполагалось разделить на несколько казьятов, а его председателя Галимзяна Бикмуллина — понизить в ду-

ховном звании до казья¹⁸⁵. Такая реформа, главной целью которой являлась жесткая централизация ДУМАЧР, вызвала резкое неприятие у тюменского муфтия и привела его в стан многочисленных оппонентов «верховного муфтия Азиатской части России».

Вскоре после форума Аширов инициировал кампанию по отстранению Бикмуллина от должности, которая привела к выходу ДУМ Тюменской области из ДУМАЧР. Соответствующее решение было принято на съезде Тюменского муфтията 15 октября 1999 года, а 11 ноября того же года Галимзян Бикмуллин заключил с главой Регионального ДУМ Ханты-Мансийского автономного округа в составе ЦДУМ муфтием Тагиром Саматовым договор о совместных действиях против ДУМАЧР¹⁸⁶. Одобренный властями Тюменской области союз Бикмуллина и Саматова нанес сильный удар по интересам лидеров ДУМАЧР, которые лишились свободного доступа в богатые нефтяные регионы.

Развивающийся раскол сибирской и дальневосточной уммы вызвал серьезную озабоченность верховного муфтия Талгата Таджуддина. 12 февраля 1999 года он впервые посетил Омск, чтобы принять участие в созванном под эгидой ДУМ Сибири и Дальнего Востока съезде мусульман Сибири. Съезд осудил «раскольнические действия ДУМ Азиатской части России» и призвал к консолидации мусульманской общины Сибири и Дальнего Востока вокруг ЦДУМ, тем самым обозначив намерение Талгата Таджуддина бороться за каждую общину¹⁸⁷.

6. Возобновление раскола в Татарстане — воссоздание Регионального ДУМ Татарстана юрисдикции ЦДУМ

Кратковременный период спокойствия, установившийся в исламском сообществе Татарстана после первого пленума объединенного ДУМ РТ, закончился с отставкой главного

7. Мобилизация мусульманских партий в преддверии парламентских выборов 1999 года — создание блока «Меджлис»

цензора муфтията Фарид Салмана Хайдарова. Свой шаг Хайдаров объяснил невозможностью далее оставаться в «стремительно «ваххабизирующемся» управлении, лидер которого оказался салафитом». В апреле 1999 года Фарид Салман Хайдаров объявил о воссоздании Регионального ДУМ Татарстана в составе ЦДУМ и вновь занял пост его муфтия¹⁸⁸.

Политика Хайдарова получила поддержку и на VIII внеочередном съезде ЦДУМ, который прошел 8 июня 1999 года в татарстанском городе Булгар и был приурочен к 1110-й годовщине со дня принятия ислама Волжской Булгарией. Место и время проведения съезда не были согласованы с ДУМ РТ, что спровоцировало его лидеров на резкую критику в адрес «языческого обычая» паломничества к развалинам древних болгарских мечетей. Принципиальных решений VIII внеочередной съезд ЦДУМ не принял, ограничившись утверждением типовых уставов региональных духовных управлений и отдельных общин, а также переизбранием верховного муфтия Талгата Таджуддина председателем ЦДУМ¹⁸⁹.

Между тем раскол татарстанской уммы продолжал расширяться. О своем переходе в оппозицию к ДУМ Республики Татарстан и республиканским властям объявил экс-муфтий Габдулла Галиуллин, преобразовавший движение «Мусульмане Татарстана» в антишаймиевскую партию «Омет» и начавший кампанию по дискредитации Минтимера Шаймиева и Гусмана Исхакова. Ряды оппозиции пополнили также базирующееся в Набережных Челнах Центральное духовное управление мусульман-ханафитов Татарстана, Поволжья и Сибири «верховного муфтия» Фанавила Шаймарданова и несколько националистических партий¹⁹⁰.

Новый конфликт в татарстанской умме стал следствием грубого, хотя, возможно, и необходимого вмешательства властей Татарстана во внутримусульманские дела. Особо драматических последствий он не имел — со временем все оппозиционеры были задавлены административным ресурсом и перестали портить имидж республики.

Приближающиеся парламентские выборы 1999 года привели к предсказуемой активизации мусульманских партий, которые не оставляли надежд прорваться в Государственную Думу. Сомнительный результат «Нура» на предыдущих выборах убедил их в бесперспективности самостоятельного участия в предвыборной гонке, поэтому тактику было решено изменить. Для мусульманских политиков существовали всего две альтернативные возможности получить депутатские мандаты — либо по примеру Надиршаха Хачилаева баллотироваться по отдельному избирательному округу, либо предложить свои услуги партиям-фаворитам. Идея получить проходные места в списках в обмен за мобилизацию «мусульманских» голосов выглядела самой заманчивой и была принята всеми лидерами общероссийских мусульманских партий.

В июне 1999 года руководителями ЗАО «Нефтегаз-компани» Леонардом Рафиковым Маратом Хайруллиным, а также лидерами движений «Нур», Всероссийский исламский конгресс, «Мусульмане России» и «Рефах» был создан избирательный блок «Меджлис». Его председателем стал Леонард Рафиков, известный своими тесными связями с экс-премьером В.С. Черномырдиным. Блок «Меджлис» оказался наиболее крупным объединением мусульманских политических сил за новейшую историю и обладал неплохими шансами блокироваться с одним из фаворитов предвыборной гонки.

Действительно, определенные планы на «Меджлис» имело проправительственное движение «Наш дом — России», руководство которого предложило Рафикову и Хайруллину места в своих федеральных списках. Правда, отведенные им позиции практически не оставляли шансов пройти в Государственную Думу, а лидеры «Нура», «Мусульман России»,

«Рефаха» и Всероссийского исламского конгресса и вовсе оставались не у дел¹⁹¹.

Мусульманские политики оказались в патовой ситуации, которую разрешило неожиданное для многих создание нового проправительственного блока — Межрегионального движения «Единство». Имевший неплохие связи в Администрации Президента РФ Абдул-Вахед Ниязов узнал об этом первым и оперативно предложил включить в блок свою партию «Рефах»¹⁹². Сомнительная биография управляющего делами ДУМАЧР не успела смутить функционеров в спешке формируемого «Единства», о чем они впоследствии сильно пожалели.

Ловкий ход Ниязова привел к распаду блока «Меджлис», в котором остались только «Мусульмане России» и непосредственно подконтрольные Леонарду Рафикову силы. Движение «Нур» запоздало попыталось последовать примеру «Рефаха» и заблокироваться сначала с «Единством», а затем с «Яблоком», однако успеха в этом не имело¹⁹³. 20 декабря 2000 года «Нур» был преобразован в Демократическую мусульманскую организацию, однако не смог выйти из кризиса и постепенно законсервировал свою деятельность¹⁹⁴.

В свою очередь, не входивший в «Меджлис» Исламский комитет России сумел объединиться с движением «В поддержку армии» (ДПА) Виктора Илюхина. Председатель Исламского комитета Гейдар Джемаль получил довольно высокую позицию в федеральном списке этого движения, однако никаких шансов преодолеть пятипроцентный барьер у ДПА не было¹⁹⁵.

8. Мусульманские партии на парламентских выборах 1999 года — успех движения «Рефах»

2 октября в Москве прошел III внеочередной съезд общественно-политического движения «Рефах», имевший своей целью решить необходимые формальности с вхождением

в «Единство» и представить кандидатуры в его списки. К этому времени Абдул-Вахед Ниязов вышел из тени и стал сопредседателем «Рефаха», закрепив пост второго сопредседателя за своим соратником по ИКЦ России Дамиром Серажетдиновым. Среди гостей внеочередного съезда особо выделялись начальник управления Администрации Президента по вопросам внутренней политики А.В. Логинов и советник муфтия Равиля Гайнутдина В.С. Подосин, бывший заштатный протоиерей Калужской епархии Московского Патриархата, который за три месяца до этого объявил о переходе в ислам.

Решения рефаховского съезда оказались вполне предсказуемыми — специально подготовленные делегаты объявили о полной поддержке «Единства» и приняли решение включить в его списки пять человек: Абдул-Вахеда Ниязова, Башира Кодзоева, Ахмеда Билалова, Курбан-Али Амирова и Каадыр-оола Бичельдея. Из всех пятерых непосредственное отношение к исламу имел только Ниязов, в то время как Биалов, Амиров и Кодзоев получили известность только как преуспевающие бизнесмены. Выдвижение же тувинского депутата Бичельдея было призвано подтвердить стремление «Рефаха» к защите прав малых немусульманских народов, унаследованное им от Союза мусульман России.

Все выдвинутые «Рефахом» кандидаты получили проходные места в региональных списках «Единства» и 12 декабря стали депутатами Государственной Думы¹⁹⁶. Несмотря на предвыборные обещания «Рефаха» защищать права мусульман и малых народов, ни один из его депутатов не вошел в профильные думские комитеты. Лидер «Рефаха» Абдул-Вахед Ниязов, правда, сразу заявил о планах формирования в Думе отдельной фракции, в которую будто бы изъявили желание войти 20 депутатов, однако сам предпочел занять спокойную должность заместителя председателя Комитета по регламенту и организации работы парламента.

Как бы то ни было, пять представителей «Рефаха» стали первыми депутатами Государственной Думы, делегирован-

ными мусульманской политической структурой. Тактика объединения с блоками-фаворитами себя полностью оправдала, и для Абдул-Вахеда Ниязовга настал звездный час. Следует отметить, что из мусульманских духовных лидеров прямую поддержку «Рефаху» оказал только верховный муфтий Нафигулла Аширов, в то время как председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин занял нейтральную позицию, будучи связан некоторыми обязательствами перед блоком Ю.М. Лужкова «Отечество — Вся Россия». Комментируя парламентские выборы, московский муфтий дипломатично заметил, что мусульмане должны иметь своих депутатов в Государственной Думе, и совершенно неприципально, от каких именно блоков они избираются¹⁹⁷.

Движение «Нур», объединившее свои усилия с Исламским конгрессом России, решило прорываться в Думу самостоятельно и даже предоставило свои списки, однако из-за многочисленных нарушений они не были зарегистрированы¹⁹⁸. Движение в поддержку армии, предоставившее председателю Исламского комитета Гейдару Джемалю пятнадцатую позицию в своем федеральном списке, набрало всего 0,58% голосов.

9. Последствия вооруженного конфликта на Северном Кавказе для Поволжской уммы — начало масштабной кампании по борьбе с ваххабизмом

6 августа 1999 года банды чеченских полевых командиров Шамиля Басаева и Эмира Хаттаба вторглись в Дагестан, чем спровоцировали начало новой контртеррористической операции в Чечне. Эти события затронули в первую очередь Кавказскую умму, однако и мусульмане Поволжской уммы испытали на себя их трагические последствия.

21 августа новый председатель правительства РФ В.В. Путин встретился с председателем Совета муфтиев России

муфтием Равилем Гайнутдином и обсудил с ним ситуацию в Дагестане. Гайнутдин заверил премьера, что все попытки боевиков спровоцировать межрелигиозный конфликт тщетны и никто из российских исламских лидеров их не поддерживает. Через два дня миротворческие усилия московского муфтия оценил президент РФ Б.Н. Ельцин, выразивший ему благодарность за мобилизацию традиционных мусульманских лидеров на борьбу против экстремизма.

В сентябре 1999 года чеченская война пришла в Москву и Волгодонск. Во взрывах жилых домов погибло более 200 человек, сотни получили ранения. Главным подозреваемым в организации террористических актов стал уроженец Узбекистана Денис Сайтаков, шакирд набережночелнинского медресе «Йолдыз»¹⁹⁹. В ходе расследования выяснилось, что еще 2 сентября 1993 года руководство медресе подписало договор о сотрудничестве в сфере обучения и воспитания учащихся с саудовской благотворительной организацией «Тайба», фактически передав ей управление образовательным процессом. На деле «Тайба» оказалась вербовочной структурой исламских экстремистов, которая за 6 лет воспитала из студентов медресе несколько десятков боевиков. Похожая ситуация сложилась и в подчиняющемся Бугурусланскому муфтияту медресе «Аль-Фуркан», в котором учился еще один подозреваемый по делу о взрывах — Руслан Ахмяров, уроженец находящегося в Мордовии татарского села Белозерье²⁰⁰. Стало ясно, что идеи воинствующего ваххабизма распространились далеко за пределами Северного Кавказа и это течение стало серьезной проблемой в целом ряде приволжских и уральских регионов.

В начале октября представители ДУМ РТ и центрального аппарата Совета муфтиев России совершили инспекционную поездку в Набережные Челны, в ходе которой выявили определенные нарушения в учебном процессе медресе «Йолдыз». Деятельность медресе была приостановлена, однако как республиканские власти Татарстана, так и лидеры

татарстанского муфтията категорически опровергли причастность руководства «Йолдыза» к подготовке боевиков. Несмотря на эти успокаивающие заявления, в центральной и местной прессе появилось множество публикаций об активном распространении ваххабизма в республике²⁰¹.

1 декабря 1999 года на границе Республики Татарстан и Кировской области были взорваны несколько веток магистрального газопровода. Организаторов террористического акта удалось задержать. Ими оказались бывшие выпускники и шакирды медресе «Йолдыз», которые на допросах подтвердили предположения сотрудников Федеральной службы безопасности (ФСБ) о реальном положении дел в набережно-челнинском медресе²⁰².

19 мая 2000 года ФСБ официально объявила о начале активной борьбы с так называемыми благотворительными арабскими фондами. В первую очередь была прекращена деятельность организации «Аль-Харамейн», которую ФСБ объявило «одной из структур, негласно финансирующей наемников в Чечне»²⁰³. Вскоре аналогичные меры последовали в отношении фондов «Аль-Игаса», «Тайба» и «Ибрагим аль Ибрагим», известных своей поддержкой ряда российских исламских учебных заведений и духовных управлений мусульман.

Борьба с ваххабизмом, который теперь однозначно воспринимался как экстремистское течение, стала набирать обороты. 2 октября в Уфе прошло заседание Совета муфтиев ЦДУМ, приуроченное к торжествам по случаю 10-летия Исламского института им. Ризаэтдина Фахредина. Участники заседания приняли обращение, акцентирующее внимание на прогрессирующем распространении ваххабизма в Российской Федерации, в первую очередь — в Республике Татарстан²⁰⁴. Начавшаяся антиваххабитская кампания позволила руководству ЦДУМ перехватить инициативу в информационной войне со своими оппонентами, многие из которых защищали ваххабитов. В этой кампании на сторону

ЦДУМ встали уважаемые исламоведы, политологи и журналисты, которые видели в ваххабизме серьезную угрозу для безопасности страны.

15 ноября 1999 года успешные информационные атаки ЦДУМ спровоцировали крайне резкое заявление Совета муфтиев России, в котором верховный муфтий ЦДУМ Талгат Таджуддин огульно обвинялся в целом ряде серьезных преступлений. Это некорректное и откровенно хамское воззвание, опубликованное в правительственной «Российской газете», положило начало наиболее активной фазе противостояния ЦДУМ и Совета муфтиев, которая растянулась на последующие четыре года.

10. Новые инициативы Совета муфтиев России — празднование 1400-летнего юбилея с начала распространения ислама в России и воссоединение с ДУМ РТ.

Начало 2000 года оказалось отмечено важной инициативой Совета муфтиев России, предложившего широко отпраздновать 1400-летний юбилей (по мусульманскому календарю) с начала распространения ислама в России. Принципиальное решение об этом было принято еще 31 ноября 1996 года на первом заседании Совета муфтиев, а также на предшествовавшем ему пленуме ДУМЦЕР. При активной поддержке ряда чиновников и депутатов муфтий Равиль Гайнутдин поставил вопрос о проведении юбилейных торжеств на общероссийском уровне, указав на значительное государственное финансирование 2000-летнего юбилея христианства.

У предложенной инициативы нашлось немало противников, среди которых решающую роль сыграли лидеры ЦДУМ и дагестанские ученые. По их мнению, вряд ли стоило считать годовщину прихода первых арабских завоевателей в Дербент началом распространения ислама, тем более что никакой миссионерской активности пришельцы не проявляли.

Разгоревшийся спор пришлось разрешать Российской академии наук, президент которой аргументированно высказался против предложения Совета муфтиев²⁰⁵.

В итоге 1400-летний юбилей с начала распространения ислама в России не был внесен в федеральный план праздничных мероприятий, однако в некоторых регионах Совет муфтиев России смог заручиться поддержкой местных властей. Так, 14 февраля 2000 года мэр Москвы Ю.М. Лужков подписал распоряжение «О выделении ассигнований на проведение празднования 1400-летия начала распространения ислама в России» и рекомендовал столичным учителям обратить на это событие особое внимание учащихся. В рамках празднования юбилея в Москве, Республики Татарстан, Пензенской, Омской и Тюменской областях прошли несколько конференций, семинаров и театральных представлений²⁰⁶.

Помимо праздничных мероприятий особое внимание Совета муфтиев России привлекали завершающиеся переговоры с ДУМ РТ, согласившемуся войти в Совет. К 2000 году этот муфтият заметно укрепил свои позиции, чему немало способствовала целенаправленная поддержка республиканских властей. С их помощью в Татарстане удалось построить около тысячи новых мечетей, которым требовались сотни новых имамов. Действующие в республике медресе не могли полностью решить проблему подготовки новых кадров, поэтому было принято решение вернуть Казани утраченный статус центра исламского просвещения и открыть в ней исламский университет всероссийского значения. Эта инициатива, впервые озвученная в 1995 году лидерами ИКЦ России, быстро воплотилась в жизнь и уже 29 сентября 2000 года состоялась презентация Российского исламского университета, претендовавшего на роль отечественного «Аль-Азхара». Действительно, по своим размерам, материальной и технической оснащенности казанский университет выгодно выделялся среди всех духовных учебных заведений страны.

Растущее влияние ДУМ РТ позволило ему выйти за пределы республики и предъявить претензии на мусульманские

общины соседних регионов, в первую очередь — Кировской, Пермской, Нижегородской и Ульяновской областей. 24 февраля 2000 года за базе ДУМ РТ и Центрального ДУМ Ульяновской области — созданного летом 1999 года небольшого муфтията — была образована новая централизованная структура — Ассоциация мусульманских религиозных организаций «Казанский муфтият», которая предпочла не ограничивать зону своей юрисдикции только Поволжьем. 15 марта Казанский муфтият вошел в состав Совета муфтиев России, в то время как ДУМ РТ формально осталось независимой структурой. Слияние с Казанским муфтиятом значительно усилило Совет муфтиев, позволив ему получить перевес над ЦДУМ по количеству общин²⁰⁷.

11. Консолидация сторонников ЦДУМ — заключение союза с блоком «Меджлис» и первые серьезные успехи в информационной войне

23 марта в Уфе открылось совместное заседание Совета муфтиев ЦДУМ и Общероссийского союза общественных объединений «Меджлис». ЦДУМ и «Меджлис», еще в начале 2000 года заключившие стратегический союз, теперь официально заявили о своем партнерстве. 6 мая Совет муфтиев ЦДУМ принял еще одно антиваххабитское заявление, в котором были перечислены все враждебные ему мусульманские структуры, созданные «не без содействия некоторых международных исламских центров, отечественных чиновников и при попустительстве закона»²⁰⁸.

В начале июня 2000 года среди мусульманских духовных лидеров, исламоведов и журналистов началась оживленная дискуссия, вызванная предложением Ахмада Кадырова — новоутвержденного главы чеченской администрации законодательно запретить ваххабизм. В развернувшейся полемике приняли активное участие и лидеры ЦДУМ, обвинившие.

своих оппонентов в приверженности «чистому» исламу и оказанию помощи его миссионерам. В свою очередь, сторонники Совета муфтиев России высказывались о ваххабизме крайне осторожно, явно опасаясь испортить отношения с саудовскими и кувейтскими партнерами.

Используя сохранившиеся связи в Администрации Президента и правительстве, ЦДУМ смогло заручиться поддержкой премьер-министра В.В. Путина, который увидел в этой структуре главного союзника в деле борьбы с ваххабизмом. За несколько дней до президентских выборов 2000 года в Кремле прошла встреча Путина с верховным муфтием Талгатом Таджуддином, на которой председатель ЦДУМ заявил о полной поддержке «решительных и смелых действий» и.о. президента²⁰⁹.

Через три месяца, 5 июня 2000 года правительство Республики Башкортостан предприняло попытку присоединить ДУМ РБ к ЦДУМ, оказав давление на муфтия Нурмухаммеда Нигматуллина. Из-за утечки информации и неуклюжих действий исполнителей эта инициатива получила широкую огласку и привела к громкому скандалу, итогом которого стала отставка госсекретаря Республики Башкортостан Ильдуса Адигамова. Совет муфтиев России выпустил экстренное заявление «О нарушении прав мусульман рядом государственных структур в Республике Башкирия», а в прессу просочились слухи, что башкортостанские власти действовали по указке федерального центра и ФСБ²¹⁰.

В данном заявлении, в частности, упоминалось, что «7 июня в здании ДУМ РБ в Уфе состоялась межконфессиональная конференция с участием Православной церкви и Синагоги, которые также высказали свои претензии к аппарату Президента РБ». Эта фраза породила новый скандал, так как ни Уфимская епархия, ни иудейские организации Башкортостана вовсе не выражали поддержку ДУМ РБ и не озвучивали никаких претензий к башкортостанским властям.

30 июня в Москве прошло заседание Совета муфтиев России, посвященное рассмотрению вопроса о возможном

законодательном запрете ваххабизма на всей территории России²¹¹. Сопредседатели Совета констатировали, что бескомпромиссная антиваххабитская позиция ЦДУМ импонирует и федеральной власти, и средствам массовой информации, в связи с чем было принято решение бороться с Талгатом Таджуддином его же оружием. В принятом по итогам заседания обращении председателю ЦДУМ были предъявлены встречные обвинения «в покровительстве внедрению экстремизма в форме ваххабизма на территории РФ»²¹².

Вскоре острая, но достаточно голословная полемика между Советом муфтиев России и ЦДУМ получила явное подтверждение правоты одной из сторон. 27 июля 2000 года сотрудниками Управления ФСБ по Свердловской области был задержан преподаватель подконтрольного ДУМАЧР Красноуфимского медресе Махмуджон Сатимов, объявленный в международный розыск правоохранительными органами Узбекистана по статье 159 местного Уголовного кодекса (посягательство на конституционный строй)²¹³.

18–19 августа в Омске состоялся II курултай мусульман Азиатской части России, приуроченный к празднованию 1400-летнего юбилея с начала распространения ислама. Мероприятие, на которое лидеры ДУМАЧР и движения «Рефах» возлагали большие надежды, завершилось крупным скандалом. Один из делегатов курултая — имам мечети города Ишим Тюменской области Анбар Хаджахорджаров — был задержан по заявке Интерпола. Как и Махмуджон Сатимов, он обвинялся в причастности к покушению на президента Узбекистана Ислама Каримова и бандитизме²¹⁴. И Сатимов, и Хаджахорджаров оказались членами ферганских ваххабитских бандформирований.

Нафигулла Аширов и Абдул-Вахед Ниязов поспешили объяснить арест Хаджахорджарова и Сатимова происками узбекских спецслужб, преследующих религиозных диссидентов, однако их доводы прозвучали не слишком убедительно. 18 декабря 2000 года сотрудники ФСБ задержали

имама подконтрольной ДУМАЧР омской мечети «Хаир-Ихсан» Мухаммада Шоймуродова, уроженца Таджикистана, который обвинялся в организации подпольной сети по сбыту героина. Этот арест окончательно подорвал авторитет ДУМАЧР в Омской области. Ранее склонявшаяся к поддержке этого муфтията областная администрация стала искать новых партнеров в мусульманском сообществе. Пострадали позиции ДУМАЧР также в Свердловской, Челябинской и Тюменской областях, тем более, что описанными случаями дело не ограничилось²¹⁵.

В октябре 2000 года новый устав ЦДУМ, принятый на VIII чрезвычайном съезде, был зарегистрирован в Министерстве юстиции РФ. Согласно его положениям, учитывающим дополнения Минюста, ЦДУМ перерегистрировалось как Центральное духовное управление мусульман России. Ранее входившие в состав ЦДУМ ДУМ Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии юридически стали независимыми, однако фактически продолжали блокироваться с ЦДУМ²¹⁶.

12. Обострение ситуации в Дагестане и Чечне — начало вооруженного противостояния ваххабитов и сторонников традиционного ислама

Основными процессами этого периода новейшей истории в Кавказской умме стали, с одной стороны, ее объединение и возобновление тесных связей с Поволжской уммой, а с другой — резкая активизация сторонников радикального ислама. Борьба центробежных и центростремительных тенденций вызвала еще большее разделение мусульманских сообществ Дагестана и Чечни, что в итоге спровоцировало гражданскую войну.

Хасавюртовский мир 1996 года, фактически предоставивший Чеченской Республике статус независимого госу-

дарства, привел к коренным изменениям в менталитете ее мусульманского сообщества. Еще во время первой войны среди чеченцев стала распространяться идеология «чистого ислама», привнесенная в республику арабскими и афганскими наемниками. Благодаря значительным финансовым средствам и большому опыту работы ваххабитским эмиссарам за короткое время удалось завоевать симпатии у целого ряда полевых командиров и создать базу для дальнейшего распространения своей идеологии. Аслан Масхадов, избранный в 1997 году президентом Чечни, сразу же столкнулся с организованным ваххабитским движением, не признавшим его власти²¹⁷. Во главе этого движения встали влиятельные полевые командиры Мовлади Удугов, Зелимхан Яндарбиев и Эмир Хаттаб, позже к этому влиятельному альянсу примкнули Шамиль Басаев и Салман Радуев. Президент Чечни уже не контролировал ситуацию, и вскоре зона его влияния сократилась до ближайших окраин Грозного²¹⁸.

В ночь с 12 на 13 мая 1997 года в дагестанском селении Чабанмахи произошло вооруженное столкновение между ваххабитами и приверженцами суфийских орденов — тарикатистами, приведшее к гибели нескольких человек. Деятельность ваххабитов в Дагестане вступила в конечную фазу, предусматривавшую насильственный захват власти. Быстрый прогресс этого движения в Дагестане обеспечила поддержка чеченских ваххабитов, активно снабжавших своих дагестанских единоверцев всем необходимым — от литературы до тяжелого вооружения²¹⁹.

Расцвет ваххабизма на Северном Кавказе пришелся на 1998 год. 15 июля 1998 года боевики полевого командира Арби Бараева атаковали казармы Гудермесского батальона национальной гвардии Чечни. Бой продолжался два дня и лишь с немалым трудом верные Аслану Масхадову части отбили атаку. Это столкновение ознаменовало начало вооруженной борьбы между ваххабитами и тарикатистами в Чечне²²⁰. К этому моменту в соседнем Дагестане ревнители «чистого»

ислама установили полный контроль над тремя селами — Чабанмахи, Карамахи и Кадаром, изгнав из них всех представителей республиканской власти. 16 августа они объявили Кадарский анклав «отдельной исламской территорией», живущей по законам шариата и не подчиняющейся российским властям²²¹.

13. Консолидация традиционных мусульман Северного Кавказа перед лицом общей угрозы — создание Координационного центра мусульман Северного Кавказа

Стремительно нарастающая радикализация мусульманской общины Северного Кавказа создала мощный стимул для объединения его разрозненных муфтиятов. К 1998 году внутримусульманская ситуация в ДУМ Дагестана, ДУМ Чеченской Республики и ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края несколько стабилизировалась, существующие расколы и межнациональные противоречия были частично преодолены, в результате чего появилась возможность уделить внимание и внешней политике.

Распад ДУМСК по прошествии десяти лет стал восприниматься духовными лидерами Кавказа как однозначно негативное событие. Все чаще раздавались призывы к его реанимации в адаптированной к новым реалиям форме. Главным инициатором объединительного процесса выступил муфтий Ингушетии Магомед Албогачиев, заручившийся поддержкой президента Ингушетии Руслана Аушева и ряда других влиятельных политиков.

К этому моменту ситуация в ДУМах Северного Кавказа выглядела следующим образом. Управления Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя, Республики Северная Осетия — Алания, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Ингушетия все еще возглавляли их первые муфтии —

соответственно Исмаил Бердиев, Дзанхот Хекилаев, Шафиг Пшихачев и Магомед Албогачиев. Все они заняли свои посты приблизительно в одно время и неплохо знали друг друга еще по работе в ДУМСК. Лидеры трех оставшихся муфтиятов относились к иному поколению духовных лидеров и каждый из них имел троих предшественников. Председатель ДУМ Чеченской Республики Ахмад Кадыров стал муфтием в марте 1995 года, муфтий Дагестана Саид-Мухаммад Абубакаров — летом 1996 года, а муфтий Адыгеи Аскарбий Хачемизов — весной 1998 года.

17 августа 1998 года на конференции северокавказских духовных управлений в Назрани было принято решение о создании Координационного центра мусульман Северного Кавказа (КЦМСК), председателем которого стал муфтий Ингушетии Магомед Албогачиев. Новая централизованная организация мусульман объявила о выходе ее членов из ВКЦДУМР и вступлении в Высший религиозный совет народов Кавказа, руководимый духовным лидером мусульман Азербайджана шейх-уль-исламом Аллахшукюром Пашазаде. Создание КЦМСК трансформировало биполярность российской уммы в триполярность, однако полноценным полюсом эта структура стала только через три года²²².

Основной текущей задачей КЦМСК декларировалось противодействие распространению ваххабизма на Северном Кавказе. За две недели до его учредительной конференции в Ингушетии совместным решением руководства республики, имамов ингушских мечетей и религиозных авторитетов это религиозное течение было законодательно запрещено²²³.

Через три дня после учредительной конференции КЦМСК ваххабиты предприняли ответные меры, взорвав машину председателя ДУМ Дагестана Саида-Магомеда Абубакарова. Исполнители и заказчики этого убийства не найдены до сих пор, однако и представители ДУМ Дагестана, и правительство республики, и простые мусульмане посчитали теракт делом рук радикальных исламистов²²⁴. Гибель муфтия вызвала сильнейший резонанс и привела к масштабным народ-

ным волнениям. Традиционные мусульмане требовали у властей покончить с ваххабитами и разгромить их главное гнездо — Кадарский анклав²²⁵.

События в Дагестане вызвали серьезную обеспокоенность у федерального центра и в начале сентября 1998 года и.о. министра внутренних дел РФ Сергей Степашин посетил селение Карамахи. В ходе своей поездки он положительно отозвался о деятельности местных джамаатов и даже оказал им материальную помощь, чем внес немалое смятение в умы мусульман-тарикатистов. Поведение Степашина было расценено ими как самоустранение Москвы от проблемы радикального ислама и его фактическая легализация²²⁶. Надеяться теперь оставалось только на собственные силы, и дагестанские тарикатисты стали спешно вооружаться.

14. Начало масштабного вооруженного конфликта на Северном Кавказе — попытка создания единого исламского государства на территории Чечни и Дагестана

К началу 1999 года анархия в Чечне стала абсолютной. Два года фактической независимости привели к тому, что республика превратилась в откровенно бандитское государство. Похищения людей как на территории Чечни, так и за ее пределами приобрели постоянный характер, равно как и непрекращающиеся грабежи сопредельных территорий. К лету 1999 года чеченские боевики накопили достаточно людских ресурсов и материальных средств для внешней агрессии, целью которой был выбран соседний Дагестан. Формальным поводом для вторжения в Дагестан стали непрекращающиеся притеснения местных мусульман и их горячее желание воссоединиться с чеченским братьями в исламском государстве «от моря до моря»²²⁷. Внешняя война была важна для чеченцев и в том смысле, что перенасыщенность рес-

публики боевиками и оружием на фоне растущих противоречий между тарикатистами и ваххабитами могла в любой момент привести к началу полномасштабной гражданской войны²²⁸.

6 августа банды полевых командиров Шамиля Басаева и Эмира Хаттаба пересекли границу Дагестана и захватили несколько сел Ботлихского района республики. Ваххабиты Кадарского анклава, к этому моменту достроившие капитальные оборонительные сооружения и закупившие достаточно оружия, выступили на их стороне. Помощь боевикам обещал и объявленный в федеральный розыск лидер Союза мусульман России Надиршах Хачилаев, пытавшийся настроить местное население в их поддержку²²⁹.

После тяжелых месячных боев боевики были выбиты с территории Дагестана, а села Кадарского анклава взяты штурмом и очищены от ваххабитов. Надежды Басаева и Хаттаба на помощь местного населения не оправдались, чему в значительной степени способствовала пророссийская позиция большинства дагестанских имамов и старейшин. Отбив атаки боевиков, власти Дагестана совместно с мусульманскими духовными лидерами начали масштабную кампанию по искоренению в республике радикального ислама и за короткое время добились существенных успехов. 16 сентября 1999 года на сессии дагестанского парламента было объявлено о запрете ваххабизма на территории Республики Дагестан, правда, без конкретного упоминания его признаков.

15. Начало второй чеченской кампании — переход на сторону федеральных сил муфтия Ахмада Кадырова

Осенью 1999 года федеральные войска перенесли анти-террористическую операцию на территорию Чеченской Республики и добились значительного успеха благодаря привлечению на свою сторону большой группы пророссийски

настроенных боевиков. Главным союзником Москвы неожиданно стал муфтий республики Ахмад Кадыров, который в первую чеченскую кампанию считался одним из самых непримиримых полевых командиров. Свой непростой выбор Кадыров сделал прежде всего из-за ненависти к ваххабитам, практически лишившим его власти. Не сложились у чеченского муфтия и отношения с президентом Асланом Масхадовым, который в феврале 1999 года решил ввести в республике шариатское правление и стал не только политическим, но и духовным лидером²³⁰. В августе Ахмад Кадыров вступил в открытую конфронтацию с наиболее влиятельными полевыми командирами-ваххабитами, резко осудив рейд Басаева и Хаттаба в Дагестан. Все это привело к тому, что к концу 1999 года муфтий стал изгоем для большинства чеченских функционеров и жил в постоянном страхе за свою жизнь.

10 октября 1999 года решением президента Чеченской Республики Ичкерия Аслана Масхадова муфтий Ахмад Кадыров был освобожден от занимаемой должности, а 16 октября объявлен врагом чеченского народа, подлежащим немедленному уничтожению²³¹. Эти заявления, впрочем, не испугали Кадырова, который к этому времени уже пережил несколько покушений и потерял немало родных и близких.

Полная лояльность Кадырова федеральной власти и его авторитет духовного лидера республики вскоре сделали муфтия признанным лидером пророссийских чеченцев. Конструктивная политика Кадырова была по достоинству оценена Москвой и 8 июня 2000 года указом Президента РФ он был назначен главой временной администрации Чечни, временно сохранив полномочия муфтия²³². Одним из первых указов Кадырова на новом посту стало запрещение деятельности в республике ваххабитских групп. Вскоре он приступил к процедуре передачи духовной власти и 22 августа созвал съезд ДУМ Чеченской Республики. На этом съезде новым муфтием Чечни был избран имам Шатойского района Ахмад Шамаев, союзник и протеже Кадырова²³³.

Глава IV

ТРАНСФОРМАЦИЯ РАСКОЛА

(с зимы 2001 года по настоящее время)

Четвертую фазу новейшей истории российской уммы — фазу трансформации раскола — отличает переход дезинтеграционных процессов на новый, более глубокий уровень. Снижение накала борьбы между ЦДУМ и Советом муфтиев России, характерное для этой фазы, было вызвано не столько началом их примирения, сколько общей усталостью основных игроков. По ситуации на середину 2006 года можно было с уверенностью сказать, что ожидавшейся консолидации традиционных мусульман не произошло, зато их враги успешно объединились. Благодаря этому и ЦДУМ, и КЦМСК, и Совет муфтиев России стали подвергаться мощным и хорошо скоординированным информационным атакам, которые постепенно разрушали их единство.

К 2001 году российский ислам стал восприниматься государством как единая в своем многообразии система, хорошее состояние которой было важно не только для сохранения стабильности в стране, но и для реализации принципиальных внешнеполитических проектов. По-прежнему избегая открытого вмешательства во внутримусульманские дела, Администрация Президента требовала от его основных центров только одного — полной лояльности.

1. Завершение процесса поляризации российской уммы — регистрация КЦМСК и открытие его представительства в Москве

В феврале 2001 года в Москве было открыто официальное представительство КЦМСК, который незадолго до этого получил регистрацию в Министерстве юстиции. На посвя-

щенной этому событию пресс-конференции лидеры центра официально заявили, что являются самостоятельной структурой и не входят в состав Совета муфтиев России, представители которого, правда, настаивали на обратном. Прежде биполярная умма России преобразовалась в триполярную, причем ее новый центр предпочел занять нейтральную позицию в противостоянии ЦДУМ и Совета муфтиев²³⁴.

Усиление КЦМСК затронуло в первую очередь интересы муфтия Равиля Гайнутдина, который потерял возможность выступать от имени северокавказской уммы в своих контактах с федеральной властью. Кроме того, северокавказские муфтии безусловно признавали легитимность ЦДУМ и поддерживали тесные связи с его председателем, чем сильно снижали эффективность антитаджуддиновской кампании. Впрочем, правомерность существования Совета муфтиев ими также не оспаривалась, что делало бесперспективным затянувшееся противостояние Равиля Гайнутдина и Талгата Таджуддина²³⁵.

Взвешенная и конструктивная политика нового мусульманского центра была высоко оценена Администрацией Президента и Русской Православной Церковью. 25 декабря 2001 года КЦМСК был принят в Межрелигиозный совет России²³⁶, а летом 2002 года его председатель муфтий Магомед Албогачиев получил приглашение войти в Совет по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте России²³⁷.

Положительный пример северокавказских мусульман, сумевших преодолеть серьезные внутренние противоречия, несколько отрезвил сторонников эскалации конфликту между ЦДУМ и Советом муфтиев и уменьшил накал страстей в их междоусобном противостоянии. Кроме того, появились слухи, что Администрации Президента надоели внутритатарские склоки и она намеревается создать всероссийский муфтият именно на базе КЦМСК, назначив верховным муфтием страны Ахмада Кадырова²³⁸. Вряд ли эти слухи со-

ответствовали действительности, однако нейтралитет КЦМСК выгодно выделялся на фоне непрекращающихся стычек Совета муфтиев России и ЦДУМ.

2. Новые тенденции в мусульманской политической жизни — эволюция движения «Рефаха» и перенос борьбы ЦДУМ и Совета муфтиев России в сферу политического ислама

Между тем новые интересные тенденции наметились и в сфере политического ислама, получившего благодаря парламентским выборам 1999 года серьезный стимул для развития. Движение «Рефах», ставшее бесспорным фаворитом среди мусульманских партий, стало активно расширять и выстраивать сеть своих региональных филиалов. На прошедшем 3—5 марта 2000 года IV съезде движения было решено поддержать кандидатуру В.В. Путина на президентских выборах и начать пробовать свои силы в региональных выборах. К этому времени при «Рефахе» был создан Совет духовных наставников под руководством муфтия Равиля Гайнутдина, в который вошел и глава Буддийской традиционной сангхи России Пандидо Хамбо Лама Дамба Аюшеев. Его присутствие в совете имело своей целью подчеркнуть межрелигиозный, а точнее — исламско-буддийский характер «Рефаха

К 2001 году тесные рамки «Рефаха» перестали устраивать амбициозного Абдул-Вахеда Ниязова, который увидел свое новое призвание в эксплуатации модной тогда идеи евразийства. 15 марта 2001 года на очередном заседании «Рефаха» было объявлено о преобразовании движения в Евразийскую партию России «Благоденствие» (ЕПР). Эта инициатива сулила Ниязову немалые дивиденды, однако он оказался не единственным поклонником евразийской доктрины.

21 апреля 2001 года в Москве прошел учредительный съезд общероссийского политического общественного дви-

жения «Евразия», в котором из религиозных деятелей приняли участие председатель КЦМСК муфтий Магомед Албогачиев, высокопоставленные представители ЦДУМ и Русской Православной Церкви. Инициатором создания нового евразийского движения выступил известный конспиролог-старообрядец Александр Дугин, не скрывавший своих симпатий к верховному муфтию Талгату Таджуддину и неприязни к Абдул-Вахеду Ниязову. По утверждениям Дугина, движение «Евразия» было создано по согласованию с заместителем руководителя Администрации Президента России Владиславом Сурковым, который обеспокоился возросшей активностью Ниязова.

Действительно, поведение лидера «Рефаха» стало приобретать все более сомнительный характер. Так, в мае 2000 года Ниязов посетил Турцию, где принял участие в съезде антиправительственной партии «Фазилет» и пообещал ей поддержку от имени Государственной Думы²³⁹. 13 октября того же года он провел антиизраильский митинг, на котором в крайне резкой форме прозвучало осуждение позиции израильского руководства по отношению к палестинцам²⁴⁰. Все эти демарши были отслежены руководством «Единства» и 29 октября 2000 года ее лидер Сергей Шойгу, выступая на втором партийном съезде, подверг Ниязова жесткой критике, отметив, что «некоторые наши члены ведут себя, как дорожные проститутки». Гневное выступление Шойгу завершилось обещанием в самое ближайшее время рассмотреть вопрос об исключении лидера «Рефаха» из думской фракции «Единство»²⁴¹.

Окончательный разрыв «Рефаха» с «Единством» произошел 19 марта 2001 года, когда Абдул-Вахед Ниязов, не дожидаясь принудительного исключения, решил выйти из «Единства» по собственной воле. Основаниями для этого шага он назвал создание собственной партии, а также «политическую ревность» к своим успехам партийного и фракционного руководства «Единства»²⁴². К этому времени двое из рефа-

ховских депутатов — Ахмед Биалов и Каадыр-оол Бичелдей — прекратили все отношения с этим движением, однако на смену к ним пришли депутат от Чечни Асламбек Аслаханов и бывший мэр Владивостока Виктор Черепков.

В мае 2001 года монополия Ниязова на представление интересов мусульман в политической сфере была окончательно разрушена. 17 мая дагестанский банкир Магомед Раджабов при негласной поддержке ДУМ Дагестана зарегистрировал новую мусульманскую партию, без особой фантазии назвав ее Исламской партией России (ИПР). При ближайшем рассмотрении эта структура оказалась прямым наследником «Нура», поскольку все ключевые посты в ней заняли бывшие лидеры этого движения. В их иерархии, правда, произошло одно существенное изменение — Раджабов, бывший в «Нуре» на вторых ролях, теперь стал партийным лидером²⁴³.

В то время как ЕПР и движение «Евразия» представляли интересы соответственно Совета муфтиев и ЦДУМ, ИПР было призвано лоббировать интересы ДУМ Дагестана. Своим главным противником на политической арене оно видело партию Ниязова, тем более что в политсовет ИПР вошли его непримиримые враги Махмуд Велитов и Султан-Мурад Гуламов — действующий и бывший председатели Регионального ДУМ Москвы и Московской области юрисдикции ЦДУМ²⁴⁴.

3. Усиление сторонников верховного муфтия Талгата Таджуддина — успехи ЦДУМ и просчеты Совета муфтиев России

Возникновение в российской умме третьего самостоятельного полюса, как уже говорилось, оказалось выгодным прежде всего для ЦДУМ. 2001 год вообще оказался для структуры Талгата Таджуддина весьма удачным, что было

обусловлено не только его тактическими успехами, но и серьезными просчетами Совета муфтиев России.

Зимой 2001 года ЦДУМ заключило выгодный союз с Центром геополитических исследований философа Александра Дугина, получив в свое распоряжение профессиональную команду аналитиков и специалистов по связям с общественностью²⁴⁵. Основным совместным проектом ЦДУМ и центра Дугина стала прошедшая в июне 2001 года конференция «Исламская угроза — угроза исламу?», которая принесла немало дивидендов каждой стороне²⁴⁶. Кроме того, на сторону ЦДУМ встал популярный телеведущий Михаил Леонтьев, несколько раз озвучивший позицию Талгата Таджуддина по отношению к ваххабизму в своей программе «Однако»²⁴⁷.

Параллельно стала налаживаться работа центрального аппарата ЦДУМ, сильно запущенная за прошедшие годы. Этому способствовало назначение управляющим делами младшего сына Таджуддина Мухаммада, который прошел специальные курсы подготовки руководящего состава в Российской академии государственной службы. Усилиями пермского муфтия Мухаммедгали Хузина заработал официальный интернет-сайт ЦДУМ²⁴⁸, а газета «Маглюмат» увеличила свою периодичность и улучшила полиграфическое качество. В конце 2002 года в Москве началось создание полноценного представительства ЦДУМ, которое разместилось в благоустроенном здании бывшего детского сада²⁴⁹.

Стали заметны положительные сдвиги и во внешней политике ЦДУМ, которая осуществлялась прежде всего силами муфтия Пермской области Мухаммедгали Хузина и муфтия Татарстана Фариды Салмана Хайдарова, занимавших посты заместителей Талгата Таджуддина. Они успешно поддерживали контакты с посольствами мусульманских стран, Государственной Думой, традиционными религиями и научным миром. Большинство принципиальных документов, выработанных ЦДУМ, было подготовлено при их непосредственной участии.

Важным достижением председателя ЦДУМ в 2001 году можно считать установление открыто союзнических отношений с ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области²⁵⁰. Еще в 1999 году Нижегородский муфтият не продлил свое членство в Московском муфтияте, а летом 2000 года заявил о выходе из Совета муфтиев России*. Примечательно также, что на открытие новой нижегородской мечети «Таубэ», которое состоялось в июне 2001 года, муфтий Равиль Гайнутдин не приехал, в то время как верховный муфтий Талгат Таджуддин использовал это мероприятие для упрочения связей с полномочным представителем президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко.

Принципиальным шагом стало и примирение Таджуддина с бывшим председателем ВКЦДУМР и муфтием Татарстана Габдуллой Галиуллиным, который выразил публичное сожаление в своих раскольнических действиях и заявил о полной лояльности главе ЦДУМ.

В 2001 году Талгат Таджуддин неоднократно встречался с Президентом РФ В.В. Путиным и другими высшими политическими лидерами. К началу 2002 года он заручился поддержкой трех полномочных представителей Президента — Приволжского, Уральского и Центрального округов²⁵¹.

К тактическим успехам ЦДУМ следует в первую очередь отнести создание летом 2001 года трех новых региональных муфтиятов — Курганского, Ямало-Ненецкого и Молдавского и срыв попытки переворота в Региональном ДУМ Ульяновской области. На Дальнем Востоке и в Омске часть общин, разочаровавшись в ДУМАЧР, переориентировалась на ЦДУМ²⁵².

Успехам ЦДУМ немало способствовали и просчеты его оппонентов. Помимо проигрышной для Совета муфтиев дискуссии о ваххабизме, авторитет этой структуры постоянно подрывал верховный муфтий Нафигулла Аширов, чьи

* Впоследствии, правда, ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области вернулось в Совет муфтиев

резкие заявления зачастую шокировали не только общественность, но властные структуры. Так, комментарии верховного муфтия по поводу вторжения США в Афганистан были расценены большинством СМИ как обращенный к российским мусульманам призыв вступать в движение «Талибан» и воевать с американцами. Такому активному функционеру исламо-буддийской Евразийской партии России, каким являлся Аширов, также вряд ли стоило одобрять варварское разрушения талибами статуй Будды. Этот демарш не остался незамеченным российскими буддистами, которые немедленно порвали все отношения с ЕПР и ДУМАЧР²⁵³.

Столь невыдержанные выступления Аширова, сделанные им от имени Совета муфтиев России, поставили эту организацию в крайне неудобное положение и вынудили муфтия Равиля Гайнутдина публично денонсировать заявления своего сопредседателя. Стало очевидно, что председатель ДУМАЧР приносит Совету муфтиев больше вреда, чем пользы, однако никакие увещевания на Аширова не действовали. В январе 2002 года он вместе с председателем Исламского комитета Гейдаром Джемалем принял участие в международной конференции, посвященной поддержке Палестины в борьбе против Израиля и США. По ее итогам был принят документ, одобрявший использование против Израиля террористов-смертников, и российские представители поставили под ним свои подписи. В условиях нарастающей угрозы терактов со стороны чеченских террористов-самоубийц этот шаг верховного муфтия Азиатской части России был расценен Администрацией президента РФ как откровенно провокационный²⁵⁴.

Афганская и ближневосточная темы оказалась роковыми и для без того подмоченной репутации Ниязова. Помимо уже упоминавшегося антиизраильского митинга, он заявил о своем намерении в начале ноября 2001 года провести антивоенную акцию «Марш мира», на которой предполагалось призвать к отставкам ряда высокопоставленных российских чиновников. После окрика из Кремля эта акция была отме-

нена, однако публичная критика Ниязовым политики В.В. Путина все же вылилась на страницы газет²⁵⁵. 10 октября 2001 года на посвященном афганскому конфликту «круглом столе» «Россия. Ислам. Глобализация» Абдул-Вахед Ниязов нанес серьезное оскорбление Русской Православной Церкви, официальный представитель которой осмелился покритиковать движение «Талибан» и выразить неудовольствие присутствием на круглом столе представителей Татарского общественного центра, известного своей радикально антиправославной позицией²⁵⁶.

И все же 2001 год принес Совету муфтиев России не только одни потери. За это время Региональное ДУМ Татарстана юрисдикции ЦДУМ лишилось последней общины и прекратило свое существование, входящее в Совет муфтиев России Единое ДУМ Пензенской области сильно потеснило Независимое ДУМ Пензенской области в составе ЦДУМ, а зона реальной юрисдикции Бугурусланского муфтията заметно продвинулась на юг Оренбургской области. С зимы 2001 года обострилось внутримусульманское противостояние в Ульяновской области, что в итоге привело к сильному ослаблению подконтрольного ЦДУМ Регионального ДУМ Ульяновской области. Под юрисдикцию Совета муфтиев перешли почти все мусульманские общины Карелии, а также половина общин Республики Мордовия.

4. Переход внутримусульманского противостояния в вялотекущую стадию — неудачная попытка примирения Совета муфтиев России и ЦДУМ

Довольно длительный период относительного спокойствия, воцарившейся в российской умме после бурных событий 2001 года, создал видимость того, что основным соперникам на мусульманском поле надоело воевать и настал удачный момент для их примирения. Учитывая нарастающую

угрозу терроризма, это примирение было решено провести под эгидой совместной борьбы с этой «чумой XXI века».

Идея созыва общемусульманской конференции под рабочим названием «Ислам против терроризма» созрела еще осенью 2001 года, когда после террористических атак 11 сентября 2001 года возникла необходимость наглядно продемонстрировать мирную сущность ислама и приостановить рост исламофобии. В ходе консультаций с органами власти ведущие мусульманские лидеры России выразили понимание проблемы и пообещали всемерно содействовать проведению такого саммита²⁵⁷.

Изначально запланированная на конец 2001 года анти-террористическая конференция неоднократно переносилась и в итоге была назначена на конец мая 2002 года. Все три мусульманских центра пообещали направить на нее своих представителей и принять фетву «О недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны». Казалось, еще немного — и традиционные мусульмане забудут свою вражду перед лицом общей угрозы, однако время для этого еще не наступило. В преддверии конференции газета «Газета» опубликовала программное интервью верховного муфтия Талгата Таджуддина. В нем председатель ЦДУМ подверг жесткой критике Совет муфтиев и, комментируя планы объединения российских мусульман вокруг единого центра, заявил о своем категорическом отказе объединяться с провахабитски настроенными сторонниками Равиля Гайнутдина²⁵⁸.

Никаких особенных выпадов в адрес Совета муфтиев в этом интервью не содержалось — все приведенные в нем обвинения уже неоднократно озвучивались представителями ЦДУМ, однако реакция муфтия Равиля Гайнутдина оказалась на удивление резкой. В день выхода статьи на экстренном совещании Совета муфтиев было принято заявление, в котором появление такой публикации расценивалось как «сознательная и провокационная попытка ЦДУМ сорвать проводимую Президентом Российской Федерации В.В. Пу-

тиным политику, направленную на консолидацию и сплочение как мусульман, так и всего российского общества, политику, которую единодушно поддерживает Совет муфтиев России». В связи с этим Совет муфтиев посчитал «невозможным совместное участие в совещании с руководителем ЦДУМ Талгатом Таджуддином до принесения им покаяния в экстремистском отношении к своим соотечественникам, как неверующим, так и мусульманам, а также в разжигании религиозной розни»²⁵⁹. Впоследствии в той же газете муфтий Равиль Гайнутдин выступил с ответным интервью, в котором обвинил Талгата Таджуддина в целом комплексе прегрешений — от подделки документов до отступления от ислама²⁶⁰.

29 мая конференция «Ислам против терроризма» открылась в урезанном формате. Из представителей Совета муфтиев России на нее пришел муфтий Поволжья Мукаддас Бибарсов, который зачитал заявление Совета и немедленно удалился. Из мусульманских лидеров Северного Кавказа на конференции присутствовал только муфтий Чечни Ахмад Шамаев, что создало двойное впечатление: и ЦДУМ, и Совет муфтиев России заявили, что КЦМСК заняло в этом конфликте их сторону. Сам же председатель КЦМСК муфтий Магомед Албогачиев в этот день дипломатично заболел и по этой причине никак не прокомментировал выдвинутые предположения²⁶¹.

Абсолютное доминирование на конференции представителей ЦДУМ внесло кардинальные изменения в ее сценарий. Фетва «О недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны», на принятие которой возлагались особые надежды, была забракована — эксперты ЦДУМ обнаружили в ней выдержки из сочинений настоятеля московской Мемориальной мечети Шамиля Аляутдинова, который воспринимался ими не только как близкий соратник Равиля Гайнутдина, но и как активный проводник ваххабитских идей. Взамен фетвы было принято обращение к Президенту России, в котором содержался призыв

очистить территорию России от псевдоисламистских провокаторов, «которые совершают духовную агрессию против населяющих ее народов, дискредитируют Ислам, вносят раздор в мусульманскую умму»²⁶².

Таким образом, первая серьезная попытка со стороны государства запустить процесс объединения российских мусульман потерпела полный крах. Конечно, теоретически власть смогла бы заставить мусульманских лидеров войти в какой-нибудь Высший исламский совет России и признать легитимность его руководителя, однако такой сценарий перечеркнул бы все положительные достижения в области государственно-религиозных отношений. В итоге В.В. Путин заявил, что в принципе приветствовал бы появление верховного муфтия России, однако не намерен как либо вмешиваться в процесс его выдвижения²⁶³.

К этому времени дискуссия об образовании единого общероссийского мусульманского центра уже давно шла на страницах мусульманской и светской прессы²⁶⁴. Почти все мусульманские лидеры, выступавшие по этому вопросу, в целом поддерживали такую инициативу, однако оговаривались, что это возможно только после перевоспитания оппонентов. Политологи и исламоведы, в свою очередь, оценивали перспективы централизации как утопичные, указывая на слишком большие различия между Кавказской и Поволжской уммами. Со стороны казалось, что все заинтересованные стороны вроде бы стремятся к объединению, однако на деле стараются его саботировать — ведь цена единства могла оказаться слишком высокой. Верховным муфтием России мог стать только компромиссный духовный лидер, не замешанный в междоусобной борьбе, поэтому ни Талгат Таджуддин, ни Равиль Гайнутдин претендовать на эту должность не могли. Настораживало и активное лоббирование идеи объединения мусульман президентом Чечни Ахмадом Кадыровым, который, по слухам, сам планировал возглавить все-российский муфтият²⁶⁵.

5. Наступление очередной фазы территориального деления российской уммы — образование муфтиятов в слабоисламизированных регионах

Новое обострение отношений между ЦДУМ и Советом муфтиев России мало затронуло их региональные подразделения — сферы влияния к этому времени были уже поделены и сформировавшаяся система параллельных муфтиятов стала довольно устойчивой. Протекающие в этой области процессы приобрели вялотекущий характер и мало влияли на сложившейся баланс сил, однако совсем обойти их вниманием было бы неправильно.

Так, в конце 2001 года бурную деятельность развернуло ДУМ «Ассоциация мечетей», незадолго до этого восстановленное бугурусланским муфтием Исмаилом Шангареевым. За несколько месяцев его эмиссары объехали более 20 регионов Приволжского и Южного федеральных округов и перевели в свою юрисдикцию до 30 общин. Проводимая Шангареевым политика практически не повлияла на разделение сфер влияния между двумя административными центрами Поволжской уммы, однако внесла разлад в ряды Совета муфтиев — половина новых общин ДУМ «Ассоциация мечетей» ранее входила в состав ДУМЕР, ДУМ РБ или ДУМ Поволжья.

Стало ясно, что Исмаил Шангареев намеревается за счет своих союзников создать общероссийскую мусульманскую структуру. Это выглядело откровенно недружественным шагом и могло повлечь за собой обструкцию со стороны других сопредседателей Совета муфтиев. На деле активные меры по защите своей территории предпринял только саратовский муфтий Мукаддас Бибарсов, который с помощью областной администрации жестко пресек притязания Шангареева на мусульманскую общину города Энгельса. Летом 2002 года на Бугурусланском муфтияте появилась еще одна надстройка — Исламский правозащитный центр, который позволил муфтию Исмаилу Шангарееву делать частые пуб-

личные заявления по любым поводам. Таким образом, в Совете муфтиев России наряду с ДУМАЧР и ДУМ РТ возник еще один автономный субцентр²⁶⁶.

Помимо ДУМ «Ассоциация мечетей» в 2001—2002 годах был создан еще целый ряд новых муфтиятов. Общей чертой внешней политики этих управлений стало нежелание блокироваться со сторонами внутримусульманского противостояния — новые муфтии оценили разумную политику КЦМСК и предпочли не вмешиваться в конфликт ЦДУМ и Совета муфтиев. Впрочем, существовало одно исключение.

В конце 2001 года на базе мусульманских общин Петрозаводска, Кондопоги и Костомукши было создано, пожалуй, самое экзотическое мусульманское управление — ДУМ Республики Карелия. Уникальность нового муфтията заключалась не столько в том, что Карелия всегда считалась одним из наиболее слабоисламизированных регионов России, сколько в предпосылках его создания и этнической принадлежности руководящего звена.

Карельский муфтият стал первой мусульманской структурой России, созданной усилиями «русских мусульман» — принявших ислам людей православной культуры. У его истоков стоял приверженец ханбалитского мазхаба Олег-Мустафа Стародубцев, который в поисках имама для небольшой общины своих единомышленников познакомился с молодым палестинским студентом Висамом Али Бардвиллом. Всего за два года этот недоучившийся медик стал полновластным хозяином петрозаводской общины и выступил с инициативой объединения карельских общин в централизованную структуру²⁶⁷.

В декабре 2001 года ДУМ Карелии прошло регистрацию и присоединилось к Совету муфтиев России. Висам Бардвилл получил духовное звание муфтия и начал называть себя одним из сопредседателей Рафиля Гайнутдина. С этого момента ДУМ Карелии наряду с ДУМ Поволжья стало выступать самым активным ньюсмейкером российской уммы, ввиду огромного количества заявлений, писем и обращения, озвучиваемых карельским муфтием по самым разным поводам²⁶⁸.

Возникшее одновременно с Карельским муфтиятом ДУМ Калмыкии изначально задумывалось как независимый муфтият. Смешанный этнический состав калмыцкой уммы, не позволял без угрозы ее единству сделать выбор между КЦМСК и двумя полюсами Поволжской уммы. Несмотря на то, что муфтием Калмыкии был избран аварец Солтанахмед Каралаев, муфтият не стал поднимать вопрос о вхождении в КЦМСК и остался полностью автономной структурой²⁶⁹.

Скорее всего, такую же линию поведения выбрал бы и Ставропольский муфтият, создание которого активно лоббировалось краевой администрацией. У ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя было мало шансов отстоять свои интересы в этом регионе, однако ведущие этносы Ставропольского края не смогли договориться о кандидатуре муфтия. Целый ряд собраний и съездов, прошедших по инициативе ставропольских властей с лета 2001 года, так и не решил эту проблему²⁷⁰.

В декабре 2002 года и в июне 2003 года регистрацию прошли еще два новых муфтията: Единое ДУМ Красноярского края — Енисейский муфтият и ДУМ Республики Коми. Их председателями стали татарин Гаяз Фаткуллин и башкир Валиахмед Гаязов, которые дополнили ряды нейтральных муфтиев²⁷¹. Таким образом, к началу 2004 года в России действовало пять придерживающихся нейтралитета региональных управлений мусульман — ДУМ Тюменской области, ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области, ДУМ Калмыкии, Единое ДУМ Красноярского края и ДУМ Республики Коми.

б. Начало новой войны в Персидском заливе — драматические последствия иракского кризиса для российской уммы

В начале 2003 года самой волнующей темой для российских мусульман стала ситуация вокруг Ирака. Планы США и их союзников по свержению режима Саддама Хуссейна

были единодушно осуждены всеми мусульманскими центрами, которые заявляли о своей солидарности с многострадальным иракским народом. По мере нагнетания обстановки эти заявления становились все более резким, пока, наконец, 15 февраля 2003 года в Махачкале не прошел многотысячный антивоенный митинг, участники которого выразили готовность с оружием в руках сражаться за свободу Ирака. Антиамериканские выпады мусульман поначалу не осуждались российской властью, заинтересованной в срыве намечающейся военной операции, однако все попытки добровольцев выехать в Ирак ею деликатно пресекались²⁷².

На фоне волны антизападных настроений особую активность проявило ЦДУМ, предложившее направить в Багдад с миссией мира межрелигиозную делегацию. Эта удачная идея получила одобрение Русской Православной Церкви, и 17 марта христианско-мусульманская делегация вылетела в столицу Ирака. Со стороны ЦДУМ в нее вошли верховный муфтий Талгат Таджуддин, муфтий Пермской области Мухаммадгали Хузин, муфтий Ростовской области Джагофар Бикмаев, муфтий Москвы и Московской области Махмуд Велитов, муфтий Молдавии Альбэр Бабаев и муфтий Белоруссии. Исмаил Воронович. Православную часть делегации возглавил епископ Магаданский и Синегорский Феофан²⁷³.

Союзные Совету муфтиев России СМИ поспешили охарактеризовать инициативу Таджуддина как ярко выраженный популизм и «саморекламу на крови иракского народа»²⁷⁴, однако в целом эта акция была воспринята положительно. Во время двухдневного пребывания в Багдаде члены делегации встретились с мусульманскими и христианскими духовными лидерами, посетили Министерство по делам вакфов и вернулись обратно за сутки до начала боевых действий.

Миротворческая поездка в Ирак была подробно освещена российскими СМИ, и верховный муфтий Талгат Таджуддин на несколько дней стал главным ньюсмейкером религиозной сферы. Казалось, ЦДУМ одержало решающую победу в информационной войне и теперь могло рассчиты-

вать на режим максимального благоприятствования со стороны властей, однако вскоре достигнутый успех обернулся катастрофой²⁷⁵.

Начало бомбардировок Ирака вызвало новый взрыв возмущения в российской умме. Как и следовало ожидать, наиболее болезненно отреагировал на них верховный муфтий Талгат Таджуддин. 3 апреля 2003 года председатель ЦДУМ, выступая на митинге партии «Единая Россия» в Уфе, произнес крайне эмоциональную речь, в которой призвал мусульман всеми силами помогать иракскому народу и предсказал, что Америку в самое ближайшее время постигнет небесная кара за военные преступления в Ираке. Главным моментом выступления Таджуддина стало объявление священной войны основным членам антииракской коалиции — США и Великобритании²⁷⁶. Следует отметить, что идея объявить джихад этим странам возникла не сразу — за неделю до уфимского митинга пленум ЦДУМ отклонил аналогичное предложение муфтия Москвы и Московской области Махмуда Велитова²⁷⁷. Однако множась жертвы среди мирного иракского населения все-таки спровоцировали верховного муфтия ЦДУМ на столь рискованный шаг.

Объявленный Талгатом Таджуддином джихад уже имел прецеденты в новейшей истории российского ислама — помимо антироссийской священной войны, провозглашенной в 1995 году чеченским муфтием Ахмадом Кадыровым, можно вспомнить также демарш дальневосточного мусульманского лидера Алимхана Магруппова, весной 2001 года призывавшего к джихаду против мэрии Владивостока. Другое дело, что никогда такие призывы не звучали из уст столь высокопоставленного и влиятельного муфтия, к тому же входящего в Совет по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте РФ. Именно поэтому российская власть отнеслась к объявлению джихада крайне серьезно и немедленно приняла меры для его денонсации — исход очередной войны в Заливе выглядел очевидным и теперь было целесо-

образно не обострять отношения с победителями, а включиться в процесс послевоенного восстановления Ирака.

Уже на следующий день прокурор Республики Башкортостан Флорид Бойков объявил Талгату Таджуддину официальное предостережение о недопустимости нарушения закона «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку «заявления о священной войне мусульман способствуют религиозной розни»²⁷⁸, а представители Генпрокуратуры даже пригрозили приостановить деятельность ЦДУМ, если Талгат Таджуддин не дезавуирует свои заявления²⁷⁹. За всю историю существования в России мусульманских централизованных структур такие угрозы в адрес одной из них прозвучали впервые.

Уловив сложившуюся конъюнктуру, председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин оперативно обнаружил заявление, в котором определил объявленный Таджуддином джихад как не имеющий силы и призвал российских мусульман сохранять спокойствие. С ним солидаризировались и другие враждебные Таджуддину муфтии, а также многие мусульманские политические и общественные деятели, в число которых попали даже лидеры Всетатарского общественного центра, совсем недавно проклинаявшие Америку и восхищавшиеся «подвигами» чеченских боевиков. Поддержал это заявление и славящийся своей непримиримой антизападной позицией верховный муфтий Нафигулла Аширов, с присущим ему тактом уточнивший, что «сумасшедший Талгат дискредитировал хорошую идею»²⁸⁰.

14 апреля на внеочередном расширенном заседании Совета муфтиев России была принята фетва, которая констатировала, что Талгат Таджуддин вывел себя из лона ислама и предстал в виде лжепророка, поскольку присвоил полномочия пророка Мухаммеда говорить от лица Всевышнего. Впоследствии была принята дополнительная фетва, провозгласившая Талгата Таджуддина душевнобольным и, как следствие, недееспособным. Несмотря на то, что эти фетвы

имели силу лишь для последователей Совета муфтиев России, СМИ поспешили представить их как общемусульманское порицание главы ЦДУМ²⁸¹.

Оказавшееся под шквалом резкой критики и оскорблений ЦДУМ пыталось защищаться, толкуя злосчастное выступление Талгата Таджуддина как попытку призвать мусульман к мирным формам джихада, не подразумевавших вооруженную борьбу против стран антииракской коалиции. Некоторую надежду сторонникам верховного муфтия ЦДУМ оставляла позиция Президента России, который воздержался от резких оценок случившегося и лишь заметил, что «эмоции — плохой советчик», а также поведение КЦМСК, Русской Православной Церкви, иудейских центров и Буддийской традиционной сангхи России, представители которых лишь пожурили Талгата Таджуддина за излишнюю горячность. Внушал оптимизм и тот факт, что ни один из подконтрольных ЦДУМ муфтиятов не воспользовался разразившимся кризисом для перехода в Совет муфтиев России. И все-таки позиции ЦДУМ были фатально ослаблены. Главной целью этой структуры стала уже не победа над оппонентами, а элементарное выживание.

7. Предвыборная мобилизация исламских партий—трансформации Евразийской партии России и Исламской партии России

Приближение парламентских выборов 2003 года закономерно вызвало всплеск активности мусульманских партий. На этот раз свои силы решили попробовать три ориентированные на ислам политические структуры: Евразийская партия России и Исламская партия России намеревались идти на выборы самостоятельно, а движение «Евразия» не теряло надежды интегрироваться в какой-нибудь центристский блок из числа фаворитов. Конечно, лидер Евразийской партии Абдул-Вахед Ниязов трезво оценивал свои мизерные

шансы самостоятельно прорваться в Думу IV созыва, однако сопровождающие его деятельность скандалы уже не позволяли надеяться на союз с какой-либо серьезной политической силой. Исламская партия, в свою очередь, рассчитывала если не преодолеть пятипроцентный барьер, то, во всяком случае, улучшить достижение своего предшественника — движения «Нур», набравшего на вторых парламентских выборах около половины процента голосов²⁸².

Наиболее грамотную деятельность по подготовке своей партии к выборам развернул опытный Абдул-Вахед Ниязов. Каким-то образом ему удалось объединить усилия с бывшим управляющим делами Президента РФ Павлом Бородиным, экс-президентом Ингушетии Русланом Аушевым, популярным певцом Иосифом Кобзоном, а также послом Киргизии в Королевстве Бельгия Чингизом Айтматовым и преобразовать Евразийскую партию России в «Евразийскую партию — союз патриотов России». В сентябре 2003 года базе «Евразийской партии — союза патриотов России» был создан предвыборный блок «Великая Россия — Евразийский союз», в который вошли также «Российская партия мира», «Гражданская партия России», «Российская партия Труда», «Интернациональная Россия» и Всероссийское общественное движение «Державный союз России»²⁸³.

Федеральный и региональные списки блока «Великая Россия — Евразийский союз» были сформированы так, чтобы преобладание «мусульманских» фамилий не бросалось в глаза и не отпугивало иных по вероисповеданию избирателей. Тройку лидеров федерального списка составили Павел Бородин, Руслан Аушев и отставной генерал Леонид Ивашов, а сам Ниязов скромно занял четвертую позицию²⁸⁴. Реально «Великая Россия — Евразийский союз» рассчитывала на 1–2 процента голосов, хотя председатель ее наблюдательного совета Павел Бородин на одной из пресс-конференций заявил, что «если мы не наберем 40% голосов, то это будет политической импотенцией»²⁸⁵.

В свою очередь, Исламская партия России и не думала скрывать свое истинное происхождение. С момента регистрации в мае 2001 года она вынуждено пережила несколько переименований ввиду несоответствия своего первоначального названия закону о политических движениях. В мае 2003 года Исламская партия перерегистрировалась как Партия справедливости и развития России, а для сохранения аббревиатуры «ИПР» в 2002 году была дополнительно создана Истинная партия России, затем переименованная в партию Истинных патриотов России. В начале сентября 2003 года Партия справедливости и развития России и партия Истинных патриотов России на прошедшей в Махачкале совместной конференции объединились в избирательный блок «Истинные патриоты России»²⁸⁶.

Вся предвыборная кампания партии «Истинных патриотов России» была построена на апелляции к чувствам верующих мусульман, а в ее логотипе отчетливо просматривалось первоначальное название — «Исламская партия России». Партийный лидер Магомед Раджабов рассчитывал набрать до 30% голосов, однако в отличие от структуры Ниязова не счел нужным ввести в свой федеральный список сколько-нибудь узнаваемых политиков. Трудно сказать, какими мотивами он руководствовался, исключая из списка все бывшее руководство «Нура» и внося в него своих многочисленных родственников, которые заняли шесть позиций из первых десяти²⁸⁷.

Ход предвыборной борьбы несколько омрачило сообщение о гибели бывшего депутата Государственной Думы и лидера Союза мусульман России Надиршаха Хачилаева, застреленного 11 августа в Махачкале²⁸⁸. Столь печальный конец некогда ведущего мусульманского политика России заставил его коллег вспомнить о том, что взятые на себя серьезные обязательства лучше выполнять в полном объеме.

7 декабря 2003 года стало днем крушения всех надежд политиков исламского толка. Противостояние «истинных патриотов России» и просто «патриотов России» закончи-

лось в пользу последних, которые обогнали своих соперников на три сотые процента, набрав 0,28%. Рекорд движения «Нур» восьмилетней давности так и остался непревзойденным — суммарно «Великая Россия — Евразийский союз» и «Истинные патриоты России» набрали 0,53% процента голосов и перешагнули пятипроцентный барьер только в «родных» избирательных округах Раджабова и Аушева — Буйнакском и Ингушском²⁸⁹. Самым неприятным в этих результатах было то, что число проголосовавших за исламские партии оказалось заметно меньше заявленной численности их членов.

Вскоре за политическим кризисом «Великой России — Евразийского союза» и «Истинных патриотов России» последовал кризис финансовый — согласно избирательному законодательству партии-аутсайдеры были обязаны возместить государству расходы на агитацию, из которых только предоставление эфира на центральных телеканалах оценивалось в 50 млн. руб. «Платить за амбиции» было нечем, и мусульманские партии стали быстро деградировать. Так, на прошедший 25 декабря политсовет «Великой России — Евразийского союза» из всей тройки лидеров его федерального списка пришел лишь Павел Бородин, который не скрывал своего разочарования достигнутым «успехом»²⁹⁰.

Серьезные потери понесла и Исламская партия — 19 февраля 2004 года она была снята с регистрации в связи с многочисленными нарушениями, допущенными в ходе избирательной кампании 2003 года. Летом того же года Исламская партия России опять разделилась на две части — на ее базе были созданы «Партия справедливости и развития России» и партия «Истинные патриоты России — за гражданское общество», учредительные съезды которых прошли соответственно 11 и 10 июля 2004 года. Лидером «Истинных патриотов России — за гражданское общество» был избран Заур Раджабов, в то время как его отец Магомед возглавил «Партию справедливости и развития России»²⁹¹.

8. Повышение роли ислама в российской политике — заявление президента В.В. Путина о возможном вступлении России в ОИК

Вторая половина 2003 года запомнилась российской умме и гораздо более яркими событиями, чем провал исламских партий на парламентских выборах.

5 августа 2003 года во время своего визита в Малайзию Президент РФ В.В. Путин заявил о возможности вступления России в ОИК, оценив при этом численность российской уммы в 20 миллионов человек. Этому заявлению предшествовали интенсивные переговоры с властями Саудовской Аравии, которые вызвали значительное улучшение российско-саудовских отношений. Страна, некогда считавшаяся главным виновником радикализации российской уммы, стала теперь надежным союзником, пообещавшим употребить свое огромное влияние на мусульманский мир в целом и ОИК в частности для лоббирования внешнеполитических интересов России²⁹².

17 октября на очередной встрече глав государств и правительств стран — членов ОИК в Куала-Лумпуре Президент России выступил с программным докладом, в котором особое место было уделено описанию царящего в России согласия между христианами и мусульманами, которое «опровергает все ещё расхожие представления о непреодолимом конфликте между цивилизациями»²⁹³. Также в этом докладе были приведены некоторые статистические данные о российской умме, в частности, упомянуто о действующих в России семи тысячах мечетей. Особо теплые отношения российской власти к мусульманам подтверждали своим присутствием на саммите лидеры некоторых «мусульманских» регионов России и новый председатель КЦМСК муфтий Исмаил Бердиев²⁹⁴.

Планы России по сближению с ОИК получили поддержку Русской Православной Церкви и всех мусульманских лидеров, однако многие аналитики отнеслись к ним скептически, указав на несоответствие России любому из трех критериев вступления в «мусульманскую ООН». В итоге было принято решение подать заявку на вхождение в ОИК в качестве наблюдателя и провести один из ее будущих саммитов в Москве²⁹⁵.

Осень 2003 года российские мусульмане провели преимущественно в дискуссиях по поводу возможной интеграции России в ОИК. Первый раз эта тема отошла на второй план 14 октября, когда КЦМСК неожиданно сделало заявление, осуждающее чрезмерно лояльную позицию муфтия Равиля Гайнутдина по отношению к ваххабизму. В ответ северокавказские муфтии получили резкую отповедь, в которой основная вина за радикализацию российских мусульман возлагалась на них самих. На этом обмен мнениями и завершился, так как ни Совет муфтиев, ни КЦМСК не намеревались доводить дело до серьезной конфронтации²⁹⁶.

Следующее взбудоражившее российскую умму событие произошло 10 ноября, когда на пресс-конференции в информационном агентстве «Интерфакс» министром В.Ю. Зориным были обнародованы предварительные данные Всероссийской переписи населения 2002 года, согласно которой общая численность всех этнически мусульманских народов России не превышала 14,5 миллиона человек. Председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин немедленно усомнился в расчетах Зорина, заявив, что продолжает оценивать численность российской уммы в 20 миллионов мусульман, тем более что такую цифру озвучил президент России В.В. Путин. Сам же президент, ознакомившись с итогами переписи, предпочел впредь уточнять, что в России проживает «около 20 миллионов мусульман»²⁹⁷. Впоследствии он дополнительно скорректировал эту цифру, оценив численность отечественных мусульман в 15 млн. человек.

9. Начало примирения ЦДУМ и Совета муфтиев России – отказ от публичной критики и подписание совместных документов

Зимой 2004 года появились первые признаки долгожданного примирения между ЦДУМ и Советом муфтиев России. К этому времени стало ясно, что затянувшийся конфликт вряд ли закончится победой одной из сторон, тем более что государство принципиально не желало вмешиваться во внутримусульманские дела и насильно вводить пост верховного муфтия России²⁹⁸. Принималось во внимание и то неприятное обстоятельство, что борьба традиционных мусульманских структур льет воду на мельницу мусульман нетрадиционных, которые на ее примере убедительно доказывали несостоятельность всего официального исламского духовенства.

Первые шаги к сближению сделало ЦДУМ, чьи позиции был критически ослаблены апрельским кризисом 2003 года. Несмотря на то, что «джихадный скандал» не вызвал новых расколов внутри этого муфтията и не привел к потере заметного количества общин, возможности ведения им информационных войн оказались полностью исчерпаны. Уже 30 апреля 2003 года Совет муфтиев ЦДУМ решил выступить инициатором создания Высшего исламского совета СНГ и стран Балтии, в которой планировалось ввести и поименно перечисленных муфтиев Равиля Гайнутдина, Нафигуллу Аширова, Гусмана Исхакова, Умара Идрисова, Мукаддаса Бибарсова и Галимзяна Бикмуллина. Для установления рабочих контактов с лидерами Совета муфтиев России была создана специальная комиссия во главе с полномочным представителем ЦДУМ в Приволжском федеральном округе муфтием Айюбом Дебердиевым, при этом аналогичную комиссию предлагалось сформировать и муфтию Равилю Гайнутдину²⁹⁹.

19 января 2004 года на очередном пленуме ЦДУМ было принято решение отказаться от публичной критики Совета

муфтиев России. Этому заявлению предшествовала личная встреча Талгата Таджуддина и Равиля Гайнутдина, на которой они договорились, что «довольно ссориться и лить грязь друг на друга»³⁰⁰. Состоявшийся 13 июня IX съезд ЦДУМ, традиционно прошедший в татарстанском городе Булгар, одобрил решения январского пленума и обратился «к главам всех мусульманских центров России следующие торжества в Булгарах провести вместе, что послужило бы началом сближения между оппонирующими структурами страны, искусственно разделенными в последние годы»³⁰¹. В свою очередь, Совет муфтиев благожелательно воспринял заявления ЦДУМ и 26 мая пригласил его представителей принять участие в масштабных торжествах по случаю 100-летнего юбилея Московской Соборной мечети.

Нельзя сказать, что эти шаги на сближение нашли поддержку у всех лидеров ЦДУМ и Совета муфтиев, однако наметившиеся тенденции преодоления раскола можно было только приветствовать. 20 мая лидеры трех ведущих мусульманских структур России — КЦМСК, Совета муфтиев России и ЦДУМ заявили о создании Объединенного совета духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму, что стало их первой совместной инициативой. До этого подписи Равиля Гайнутдина и Талгата Таджуддина одновременно появлялись только под документами Совета по взаимодействию с религиозными организациями при Президенте РФ и Межрелигиозного совета России. Следует отметить, что инициатива создания Объединенного совета не была навязана мусульманским центрам, а стала их добровольным желанием³⁰².

Воодушевленный достигнутыми успехами, муфтий Равиль Гайнутдин анонсировал проведение совместной с КЦМСК и ЦДУМ конференции «Ислам против терроризма», которая была призвана закрепить достигнутые договоренности. Однако и вторая попытка собрать ведущих мусульманских лидеров России на антитеррористической конференции успехом не увенчалась — ни верховный муфтий

Талгат Таджуддин, ни муфтий Исмаил Бердиев на нее не приехали. Несмотря на то, что их отсутствие не носило демонстративного характера, многие аналитики поспешили сделать вывод, что до окончательного примирения лидеров российской уммы еще далеко³⁰³.

10. Дестабилизация обстановки в северокавказской умме — череда кризисов в муфтиятах — членах КЦМСК

Тяжелый кризис, поразивший ЦДУМ после объявления джихада США и Великобритании, фактически оставил на исламском поле России только двух игроков — Совет муфтиев России и КЦМСК. Но, если Совет муфтиев постарался извлечь из сложившейся ситуации максимальную выгоду, то КЦМСК сам едва не повторил судьбу ЦДУМ.

Первым ударом по северокавказскому альянсу стали досрочные перевыборы его председателя муфтия Магомед Албогачиева, которые прошли 17 апреля 2003 года на собрании глав и представителей семи муфтиятов. Согласно принятому в КЦМСК принципу ротации Магомед Албогачиев уступил свой пост лидеру Черкесского муфтията Исмаилу Бердиеву, за кандидатуру которого проголосовали четверо из семерых имевших право голоса участников заседания. Смена власти в КЦМСК выглядела вполне обыденно, тем более что Магомед Албогачиев не выказал никакой обиды по поводу случившегося и спокойно занял предложенный ему пост первого заместителя председателя КЦМСК. И все же отставка Албогачиева вызвала целый ряд недоброжелательных комментариев со стороны оппонентов КЦМСК, которые связывали ее с излишней лояльностью ингушского муфтия к ЦДУМ и Русской Православной Церкви, будто бы спровоцировавшей лидеров Совета муфтиев России на его смещение. Говорилось и о давней вражде Албогачиева с влиятельным муфтием Дагестана Ахмадом Абдулаевым, и даже о возможном роспуске КЦМСК. Авторы этих слухов, транс-

лируемых через новостные и аналитические сайты, явно пытались сравнить между собой муфтиев Северного Кавказа и противопоставить их лидерам Поволжской уммы³⁰⁴.

Впрочем, КЦМСК не поддавался на провокации. Его новый председатель муфтий Исмаил Бердиев не изменил внешнеполитические приоритеты этой структуры и сохранил тесные контакты и ЦДУМ, и с Русской Православной Церковью. Заместителями Бердиева стали муфтии Магомед Албогачиев и Шафиг Пшихачев. Последний в конце 2002 года добровольно сложил с себя полномочия председателя ДУМ Кабардино-Балкарской Республики и занял пост исполнительного директора КЦМСК³⁰⁵.

К сожалению, за первым ударом по единству северокавказских мусульман последовали и другие. Первая половина 2004 года обернулась серьезными потрясениями для ДУМ Карачаево-Черкесской Республики, ДУМ Чеченской Республики и Духовного центра мусульман Республики Ингушетия. Напряженной стала обстановка также в дагестанском, североосетинском и кабардино-балкарском муфтиятах, и лишь ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края счастливо избежало серьезных проблем.

Весной 2004 года вновь активизировались сторонники создания независимого Ставропольского муфтията, которые в апреле сформировали оргкомитет по проведению его учредительного съезда. Лидеры ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя не пожелали мириться с намечающимся расколом своего управления и начали активно противодействовать сепаратистским тенденциям. На двух экстренно собранных пленумах они приняли обращения к Президенту России, губернатору Ставропольского края и правоохранительным органам, в которых просили защиты от произвола районных администраций Ставропольского края. Главы этих администраций, по мнению соратников Исмаила Бердиева, и выступали главными инициаторами раскола, принуждая местных имамов к обособлению от Черкесского муфтията³⁰⁶.

Трудно сказать, насколько эти обращения повлияли на то, что состоявшийся 7 июля съезд мусульман Ставропольского края увенчался лишь частичным успехом. Несмотря на провозглашение независимого ДУМ Ставропольского края, делегаты съезда так и не смогли избрать председателя нового муфтията, отложив рассмотрение этого принципиального вопроса на неопределенное время. Конфликт между сторонниками и противниками сепаратизации ставропольской уммы вновь перешел в вялотекущую стадию, однако опасность раскола ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя сохранилась³⁰⁷.

25 апреля 2004 года во Владикавказе прошел III съезд ДУМ Республики Северная Осетия — Алания, участники которого призвали к отставке муфтия Дзанхота Хекилаева, по состоянию здоровья и преклонному возрасту уже не способного надлежащим образом исполнять свои обязанности. Полномочия для избрания нового муфтия были делегированы Совету ДУМ Республики Северная Осетия — Алания, в который вошли наиболее уважаемые мусульманские деятели республики. 12 мая этот совет принял решение присвоить Дзанхоту Хекилаеву пожизненное звание Почетного муфтия, а его преемником избрать председателя владикавказской мусульманской общины Руслана Валгасова. Через месяц почетный муфтий Дзанхот Хекилаев скончался в своем родном селе³⁰⁸.

Произошедшие в ДУМ Республики Северная Осетия — Алания перемены были интерпретированы некоторыми исламоведами и журналистами как переворот, организованный сторонниками «чистого ислама»³⁰⁹. Появились слухи, что муфтий Дзанхот Хекилаев назвал III съезд ДУМ Республики Северная Осетия — Алания «ваххабитским собранием» и всячески противился его решениям, однако не получил поддержки республиканских властей и был вынужден уйти в отставку. В то же время, присутствовавшие на съезде представительные делегации КЦМСК, Совета муфтиев России и правительства Северной Осетии не отметили в его ра-

боте каких-либо нарушений и не усомнились в полномочиях Совета ДУМ Республики Северная Осетия — Алания.

В любом случае, кадровые перестановки в ДУМ Республики Северная Осетия — Алания заметно ослабили его связи с КЦМСК. Муфтий Руслан Валгасов поспешил возобновить членство своего муфтията в Совете муфтиев России, а также прекратил бескомпромиссную борьбу со сторонниками «чистого» ислама, предпочтя ей путь переговоров и соглашений.

Драматически развивались события и в ингушской умме. 22 июня 2004 года отряд боевиков атаковал Назрань и расстрелял свыше ста сотрудников правоохранительных органов и мирных жителей. Число жертв мог бы пополнить и муфтий Магомед Албогачиев, которого специально искали для расправы. Та легкость, с которой террористы захватили хорошо охраняемый прифронтный город, вызвала возмущение у многих ингушей, обвинивших в случившемся правительство республики.

Через несколько дней после нападения Магомед Албогачиев созвал собрание имамов республики, на котором объявил о своей отставке в знак несогласия с неадекватной политикой президента Ингушетии Мурата Зязикова. 8 июля 2004 года новым муфтием Ингушетии был избран первый заместитель Магомеда Албогачиева Иса Хамхоев. Сам Албогачиев переехал в Москву, где сосредоточился на работе в КЦМСК и бизнесе³¹⁰.

Тем временем в Дагестане борьба с ваххабизмом, наоборот, резко активизировалась и приобрела совсем экзотические формы. В середине мая 2004 года Экспертный совет ДУМ Дагестана запретил продажу всех русскоязычных переводов Корана и любой литературы на исламскую тематику, не прошедшей его одобрения. Такие радикальные меры были призваны воспрепятствовать пропаганде ваххабитских идей через искаженное толкование неточно переведенных на русский язык коранических аятов, а также оградить Дагестанских мусульман от массово тиражируемых московскими издательствами проваххабитских сочинений³¹¹.

Представители Экспертного совета обошли все книжные магазины Махачкалы и порекомендовали их владельцам изъять из продажи указанную литературу, к которой оказались отнесены практически все изданные за пределами Дагестана книги. Отказавшиеся выполнить их рекомендации торговые точки стали объектами пристального внимания республиканского МВД, представители которого собственными методами добились неукоснительного исполнения рекомендаций Экспертного совета.

Введение ДУМ Дагестана цензуры на духовную литературу было немедленно осуждено Советом муфтиев России, директорами ведущих российских исламских издательств, многими журналистами и исламоведами. Никогда не скрывавший своей антипатии к ДУМ Дагестана председатель Исламского комитета России Гейдар Джемаль даже назвал этот шаг «клерикальным фашизмом». В то же время КЦМСК и ЦДУМ отнеслись к демаршу ДУМ Дагестана с пониманием, указав лишь на не вполне корректную формулировку решения Экспертного совета, предписывавшего запретить распространение «аудио-, видео-, фото- и порнопродукции на религиозную тематику без одобрения ДУМД»³¹².

Вполне возможно, что столь рискованная инициатива Махачкалинского муфтията была направлена на консолидацию традиционных мусульман перед лицом набирающего силу ваххабизма, успевшего оправиться от полученных в 1999 году ударов. Борьба с этим течением позволяла не только приостановить радикализацию республиканской уммы, но и упрочить позиции ДУМ Дагестана, которое все чаще становилось объектом резкой критики со стороны кумыкских, даргинских и лакских духовных лидеров. Так, по сообщению официального сайта ДУМ Дагестана «Ислам.ру», в середине апреля была «пресечена попытка расколоть единое Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) и создать на его базе национальные минидуховные управления». 18 апреля в махачкалинской мечети им. Алигаджи Акушинского должен был состояться съезд оппозиционных ДУМ Дагеста-

на имамов, однако его проведение было сорвано верными официальному муфтияту людьми и новый раскол дагестанской уммы был предотвращен. Тем не менее дагестанскому муфтию Ахмаду Абдуллаеву пришлось пойти на некоторые уступки и включить ряд оппозиционных имамов в Совет алимов Дагестана³¹³.

Неспокойная обстановка в дагестанской умме вкупе с растущим влиянием тарикатистов привела к заметному сокращению внешних контактов ДУМ Дагестана. Муфтий Ахмад Абдуллаев все реже покидал пределы республики, предпочитая посылать на встречи КЦМСК и Совета муфтиев России своих заместителей. Скандалы, сопровождавшие переизбрание председателя КЦМСК, введение цензуры на духовную литературу и встречу муфтия Рафиля Гайнутдина с израильским послом еще больше отдалили дагестанский муфтият от основных центров российского ислама. К 2004 году ДУМ Дагестана стал вполне автономной мусульманской структурой, притом достаточно мощной и развитой, чтобы претендовать на роль нового полюса российской уммы.

Обособление ДУМ Дагестана от остальных северокавказских муфтиятов, конечно, сильно ослабило влияние КЦМСК, однако наиболее тяжелым ударом по этой организации стала гибель президента Чечни Ахмада Кадырова, взорванного 9 мая 2004 года. Бывший чеченский муфтий, в 2000 году ставший светским лидером Чечни, не забывал своих соратников и оказывал им всемерную поддержку. Именно Кадыров был главным гарантом жизнеспособности КЦМСК, его харизматическим лидером, чей авторитет служил залогом единства муфтиев Северного Кавказа. Его смерть заметно деморализовала традиционных мусульман, а также лишила их важных источников финансирования. КЦМСК оказался перед реальной угрозой развала³¹⁴.

Таким образом, на конец 2004 года из семи муфтиев — инициаторов создания КЦМСК — на своем посту остался только председатель ДУМ Карачаево-Черкесской Республики Исмаил Бердиев. Саид-Мухаммад Абубакаров и Ахмад

Кадыров были убиты террористами, Аскарбий Хачемизов и Дзанхот Хекилаев умерли естественной смертью, а Шафиг Пшихачев и Магомед Албогачиев добровольно сложили с себя полномочия. Северокавказской уммой стало управлять новое поколение высших духовных лидеров.

11. Значительное укрепление позиций Совета муфтиев России — торжества в честь 100-летнего юбилея Московской Соборной мечети

К весне 2004 года Совет муфтиев России стал безусловным лидером среди трех ведущих мусульманских центров страны. Росту влияния этой организации способствовали не столько поразившие ее конкурентов кризисы, сколько эффективная работа ее центрального аппарата. Особый вклад в усиление Совета внесли также заместители Гайнутдинга Димар Гизатуллин, Фарид Асадуллин и Марат Муртазин.

В конце мая 2001 года Совет муфтиев России провел презентацию «Социальной программы российских мусульман», разработанной по аналогии с «Основами социальной концепции» Русской Православной Церкви и полностью копирующей ее структуру. Данный документ определял приоритеты внешней и внутренней политики Совета муфтиев, а также освещал некоторые спорные темы. Так, северокавказская форма ваххабизма называлась в нем «псевдомусульманским экстремистским течением», а полигамия признавалась допустимой практикой для российских мусульман.

Наиболее принципиальными в «Социальной программе» оказались два следующих положения: «Российская умма, признавая Конституцию РФ как высший договор, регулирующий жизнь всего населения страны, признает право высших органов государственной власти, избранной народом, включая и мусульман, решать вопросы войны и мира в соответствии с основным законом страны на благо всех российских

граждан» и «Неисполнение своих законных гражданских обязанностей, призывы от имени верующих и религиозных общин к участию в каких-либо акциях гражданского неповиновения и мятежа считаются в Исламе недопустимыми! Свое несогласие с правительством или с местными властями по любым вопросам мусульманин, как и каждый гражданин, может выражать исключительно в рамках действующего законодательства, всячески избегая акций, способных нарушить общественное согласие и мир, привести к кровопролитию и беспорядкам». Таким образом, лидеры Совета муфтиев заявили о своей полной лояльности государственной власти, отказавшись от права объявлять джихад и призывать к акциям гражданского неповиновения, что было адекватно оценено Администрацией Президента³¹⁵.

На деле реализация «Социальной программы» проходила вполне успешно. Совет муфтиев действительно поддерживал все инициативы российской власти, позволяя себе только критику правоохранительных органов, порой слишком вольно толкующих понятие «исламского экстремизма», а также СМИ, периодически позволяющих себе некорректные высказывания в адрес мусульман. Впрочем, подобные заявления мало затрагивали интересы власти и не портили ее отношений с муфтием Равилем Гайнутдином.

Важной составляющей растущего авторитета Совета муфтиев России стала его грамотная информационная политика, проводившаяся по всем основным направлениям. На телевидении дружественные муфтию Равилю Гайнутдину журналисты выпускали еженедельную программу «Мусульмане», а также обеспечивали доминирование представителей Совета в новостных сюжетах, аналитических передачах и ток-шоу. Печатные издания Совета были представлены наиболее солидными среди мусульманских периодических изданий газетами «Ислам Минбэре» и «Все об исламе», а также многочисленными печатными СМИ его региональных муфтиатов. Режим наибольшего благоприятствования предсе-

дателю Совета муфтиев обеспечивали и ведущие светские газеты.

В сети Интернет интересы Совета муфтиев России представляли его официальный сайт «Муслим.ру» и портал Союза мусульманских журналистов, не считая множества более мелких ресурсов. Усилиями муфтиев Мукаддаса Бибарсова, Нафигуллы Аширова, Исмаила Шангареева и Висама Бардвила новости, касающиеся Совета муфтиев России и его региональных подразделений, стали абсолютно доминировать в информационном поле, составляя до семидесяти процентов всех посвященных российскому исламу сообщений.

Продолжали укрепляться и региональные связи Совета муфтиев России. Количество подконтрольных ему общин росло, и все чаще местные власти склонялись к поддержке представителей Совета. 2 марта 2004 года в Совет муфтиев России вернулось ДУМ Тюменской области, покинувшее его ряды в 1999 году, а последовавшие в том же году визиты Равиля Гайнутдина в Пермскую и Свердловскую области позволили значительно укрепить позиции соответствующих региональных подразделений ДУМЕР и ДУМАЧР³¹⁶.

Настоящим триумфом Совета муфтиев России стало празднование 100-летия Московской Соборной мечети, собравшее десятки крупных политиков и бизнесменов федерального и регионального уровня. Размах торжеств и повышенное внимание к нему властных структур недвусмысленно свидетельствовало о том, что главная мечеть Совета муфтиев воспринимается теперь и как главная мечеть страны³¹⁷.

12. Усиление новых групп влияния в российском исламе — информационные кампании тарикатистов и «русских мусульман»

Рост влияния Совета муфтиев России сопровождался резкой активизацией доселе малозаметной на фоне противостояния ваххабитов с традиционалистами группы северо-

кавказских мусульман-тарикатистов. Будучи последовательными противниками ваххабитов, эти люди имели и серьезные разногласия с «официальными» муфтиями, позиция которых казалась им слишком мягкотелой. Идеалом взаимоотношений между уммой и российским государством тарикатистам виделся путь, при котором следовало избегать как экстремизма, так и чрезмерного сближения с властью. Этих людей отличала особо непримиримая позиция по отношению к США и его союзникам, в первую очередь — Государству Израиль. Любые контакты с представителями этих стран расценивались как предательство исламских интересов, в любом антиисламском выпаде виделся «сионистский» след.

Постепенно тарикатистскому исламу стали тесны границы Дагестана, Чечни и Ингушетии. Мюриды наиболее авторитетного суфийского шейха Саида-афанди Чиркейского, среди которых оказалось немало влиятельных чиновников и бизнесменов, к этому времени исчислялись уже тысячами. Вокруг их сплоченной группы стали собираться и нетарикатистские мусульмане из других регионов, которые не доверяли ни ваххабитам, ни сотрудничающим с государством исламским центрам. Постепенно в российской умме возник новый центр влияния, сформировавшийся вокруг ДУМ Дагестана при поддержке политической и деловой элиты этой республики.

Главным информационным рупором тарикатистов стал интернет-портал «Ислам.ру»*, значительно опередивший по популярности другие исламские ресурсы. На его страницах все чаще стали появляться материалы, критикующие не только заблуждения ваххабитов, но и политику ЦДУМ, КЦМСК и Совета муфтиев России, лидеры которых будто бы защищали интересы мусульман слишком слабо. Постепенно такая критика становилась все более жесткой и не-

* Кроме того, под контролем тарикатистского ДУМ Дагестана оказались все общероссийские исламские печатные СМИ — газета «Все об исламе» и журнал «Ислам».

корректной. Ее главной целью наряду с председателем ЦДУМ стал муфтий Равиль Гайнутдин, который одно время занимал раздражающую многих позицию высокой лояльности к властям и религии большинства — православному христианству.

29 июня 2004 года Равиль Гайнутдин провел рабочую встречу с послом Израиля в Москве Аркади Мил-Маном, которая была посвящена обсуждению путей урегулирования израильско-палестинского конфликта. На следующий день сайт «Ислам.ру» посвятил этой встрече обширный аналитический материал, в котором московский муфтий обвинялся в предательстве ислама. «Руководителям отечественных «официальных» мусульманских структур пока данные возмутительные выходки сходят с рук, что ярко иллюстрирует незрелость российского мусульманского сообщества», констатировал неизвестный автор этого материала. С оскорбительными обвинениями «Ислам.ру» полностью солидаризировались отец погибшего муфтия Дагестана Хасмухаммад Абубакаров, глава Исламского комитета России Гейдар Джемаль и сопредседатель Совета муфтиев Нафигулла Аширов³¹⁸.

Следует заметить, что выходка тарикатистского сайта не имела особых последствий и не вызвала новых обострений, однако муфтий Равиль Гайнутдин получил важный сигнал. Стало очевидно, что именно он теперь стал главным врагом противников «официального» ислама и именно против него будут направлены следующие удары. При этом весьма настораживало, что заявления сопредседателей Совета муфтиев России Нафигуллы Аширова, Мукаддаса Бибарсова и Исмаила Шангареева все чаще противоречили его официальной позиции и выражали все более радикальные идеи.

Параллельно с активизацией тарикатистов начался процесс консолидации «русских мусульман». Эта небольшая и довольно маргинальная группа новообращенных мусульман в июне 2004 года создала Национальную организацию русских мусульман (НОРМ) и начала громкую кампанию в

СМИ. Лидеры «русских мусульман» Анатолий-Абу-Талиб Степченко и Тарас Абдаль Карим Черниенко заявили о том, что в России насчитывается не менее 2,5 тысячи «русских мусульман» и для того, чтобы сделать ее мусульманской страной, достаточно обратиться в ислам каждого двадцатого русского. При этом резкому осуждению подверглась позиция татарстанского муфтия Гусмана Исхакова, в одном из своих интервью нелицеприятно отозвавшегося о неوفитах. Анатолий-Абу-Талиб Степченко даже потребовал «пресечь экстремизм и национализм со стороны муфтия Татарстана» и попросил рассматривать свое требование как обращение в прокуратуру³¹⁹.

Таким образом, НОРМ стала еще одним представителем третьей силы в российской умме, тем более, что ее «духовным отцом» оказался известный противник «официально-го» духовенства Гейдар Джемаль. Впрочем, приверженность значительной части «русских мусульман» идеалам ваххабизма позволяла с тем же успехом относить НОРМ и к открыто экстремистским организациям.

13 Возникновение нового полюса оппозиции институту муфтиятов—создание «Российского исламского наследия»

К началу 2005 года разнородная оппозиция институту муфтиятов приняла решение объединить усилия, забыв на время об идеологических расхождениях. В ее рядах оказались и дагестанские тарикатисты, и радикальные псевдошииты, и татарские националисты, и «русские мусульмане», и ваххабитские джамааты. То есть практически все, кто искренне ненавидел «гноусное порождение царизма» — систему духовных управлений мусульман. Спонсорами этого процесса выступили братья Умар и Хусаин Джабраиловы, ранее не замеченные в излишних симпатиях к исламу.

22 марта 2005 года в принадлежащей Джабраиловым гостинице «Россия» открылся учредительный съезд ключевой структуры объединенной оппозиции, получившей название Общероссийского общественного движения «Российское исламское наследие» (РИН). После первых же докладов стало ясно, что новое движение открыто позиционирует себя как враждебную всем действующим муфтиятам структуру, не скрывающую своих претензий на главенство в российской умме³²⁰.

Еще более резкие оценки прозвучали на пресс-конференции по итогам съезда. «Одной из основных причин появления РИН стал тот факт, что сегодня, по словам лидеров организации, мусульман России реально никто не представляет. Муфтияты, существовавшие в России с XVIII века, благополучно пережившие сталинизм и окончательно перессорившиеся друг с другом в 90-х годах прошлого века, с этой задачей не справились», — говорили ее участники³²¹.

Помимо борьбы «с перессорившимися муфтиями» лидеры РИНа обещали «содействовать консолидации нашего общества на основе приоритета единой гражданской идентичности; консолидировать российскую исламскую умму как важнейший фактор укрепления единства всего российского общества; сохранять и развивать исламское культурное наследие Российской Федерации как неотъемлемую часть общероссийской культуры; противодействовать любым формам политического экстремизма, расовой и религиозной нетерпимости, а также сегрегации как явлениям, противоречащим нашим убеждениям; обеспечивать отражение в информационном пространстве взглядов российской исламской уммы на события в стране и мире»³²².

Из мусульманских духовных лидеров инициативу по созданию РИНа поддержал только верховный муфтий Нафигулла Аширова, авторитету которого уже ничто не могло повредить. Впрочем, в руководство РИНа его не пригласили. Зато пригласили философа Гейдара Джемалья, его верного адепта журналиста Максима Шевченко, бывшего лидера ра-

дикального Всетатарского общественного центра Рашида Ягафарова, дудаевского министра иностранных дел Шамиля Бено, всемирно известно мусульманского богослова Вячеслава-Али Полосина и многих других ярких личностей. Председателем РИНа предсказуемо стал Хусаин Джабраилов, а его брат Умар возглавил попечительский совет этого движения³²³.

Следует заметить, что в руководство РИН первоначально предполагалось ввести также советника татарстанского президента Рафаэля Хакимова, однако его понимание ислама оказалось чересчур нетрадиционным даже для этой организации. Не пригласили в РИН и Абдул-Вахеда Ниязова, который после парламентских выборов 2003 года имел совсем уж недобрую славу³²⁴.

Лидеры ЦДУМ, КЦМСК и Совета муфтиев России отнеслись к появлению РИНа индифферентно, однако лидер ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов решил все-таки выразить отрицательное отношение к этой организации, разместив своем сайте «Ансар.ру» статью саратовской журналистки Елены Налимовой «Кто стоит и кто пойдет за «Исламским наследием?»». В данном материале, в частности, утверждалось: «Подводя итог, можно предвидеть два варианта развития событий. Первый — РИН станет еще одним пустым проектом, работающим исключительно на создание политического капитала его основателей. РИН определяет себя как движение, построенное по принципу широкой ассоциации, позволяющей участвовать в ней людям и организациям с разными политическими взглядами, без четкой ориентировки на какие-либо политические силы. Но, одновременно с этим, объявляется год подведения первых итогов деятельности «Наследия», неожиданно он совпадает с годом следующих президентских выборов в России — 2008. Не останется в проигрыше и сопредседатель РИН, Гейдар Джемаль — фигура, претендующая на роль исламского Жириновского. Для деятеля такого уровня громкие заявления, сделанные новой организацией, уже более чем достаточное политическое кредо. Еще несколько выступлений в прессе и портрет

полубизнесмена-полуполитика с мусульманским оттенком можно будет считать завершенным.

Второй вариант — активность новоявленной организации выйдет за пределы столичных съездов и Интернет-интервью, и о них узнают мусульмане в регионах. Активное противодействие традиционному исламу и духовным авторитетам создаст российскую исламскую оппозицию. Вряд ли она будет многочисленной и значимой, но вполне может заставить российский Ислам завязнуть в идеологических дебрях, отчего его прогрессивное развитие значительно замедлится. Разделение российского ислама на традиционный и «прогрессивный» неминуемо скажется и на отношениях России с ОИК»³²⁵.

Следует заметить, что идеологи РИНа правильно поняли адресованный им намек и пригласили Бибарсова в президиум своего движения. Действительно, воевать со всеми муфтиями без исключения было нецелесообразно — ведь среди представителей высшего исламского духовенства попадались и вполне порядочные, с точки зрения Гейдара Джемали или Али Полосина, люди, которые могли подсказать пути наилучшей расправы со своими коллегами. С помощью грамотных подсказок Бибарсова, Аширова и Полосина было решено сосредоточить усилия РИН на борьбе с ЦДУМ и КЦМСК, а Совет муфтиев России использовать для прикрытия. Таким образом, детище братьев Джабраиловых прочно обосновалось в той нише, которую раньше занимали Исламская партия возрождения, Союз мусульман России и «Рефах»³²⁶.

До осени 2005 год РИН копило силы, а затем нанесло удар по своей первой цели, которой оказалось ДУМ Кабардино-Балкарской Республики. Координатор РИНа по Северному Кавказу Руслан Нахушев, также являвшейся одним из лидеров кабардино-балкарского джамаата, развернул в СМИ кампанию по дискредитации муфтия Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева, его двоюродного брата Шафига и всех противников ваххабитского подполья. Довольно быстро единомышленники Нахушева перешли от слов к делу — 13

октября банда террористов под руководством Мусы Мукожева и Анзора Астемирова — заместителей Нахушева по Кабардино-Балкарскому институту исламских исследований — атаковала Нальчик, убив и ранив несколько десятков мирных жителей. Среди пострадавших оказался и отец муфтия Муса Пшихачев, получивший тяжелое ранение в голову.

Дружественные РИН журналисты, среди которых особо выделялись Максим Шевченко, его близкая подруга Надежда Кеворкова и сын Гейдара Джемаля Орхан, немедленно приложили все усилия к тому, чтобы представить случившееся как бунт правдолюбивой и благородной молодежи против продажного МВД республики и прогнившего муфтията. В адрес муфтия Анаса Пшихачева посыпались новые оскорбления, среди которых особо выделялось требование Максима Шевченко отдать председателя ДУМ Кабардино-Балкарской Республики под суд³²⁷.

Итогом этой кампании стало открытое осуждение КЦМСК политики РИН³²⁸, а также специальное обращение, направленное муфтием Исмаилом Бердяевым генеральному директору Первого канала Константину Эрнсту по поводу возмутительного поведения ведущего ток-шоу «Судите сами» Максима Шевченко. В данном обращении, в частности, говорилось: «Особый призыв мы обращаем к генеральному директору Первого канала Константину Эрнсту, который предоставил целую программу известному радикалу Максиму Шевченко, не скрывающему своей симпатии к террористам и призывающему уничтожить традиционные мусульманские структуры. Наше особое возмущение вызывает его провокационный призыв отдать под суд муфтия Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева, чей отец был тяжело ранен во время нападения на Нальчик. Оказывается, муфтий посмел призвать к борьбе с боевиками, которые, по мнению Шевченки, являются полноправными гражданами России. Благодаря этому деятелю Первый канал может стать настоящей трибуной для врагов нашей страны, которые настойчиво стремятся влиять на умы людей»³²⁹.

Непросто складывались отношения у РИН и с православной общественностью. Особую неприязнь православных вызвали инициированные этим движением богословские диспуты, на которых исламскую сторону представляли люди неизвестного вероисповедания, а также издание книги Али-Вячеслава Полосина «Евангелие глазами мусульманина: два взгляда на одну историю», которая была расценена как неприкрытое глумление над православной верой и даже осуждена Межрелигиозным советом России³³⁰. Квинтэссенция отношения православных к РИНу была выражена в специальном заявлении Союза православных граждан, посвященного выходу книги Полосина. «Мы с глубоким сожалением констатируем, что начавшийся 2006 год был омрачен крайне неприятной провокацией против христианского большинства нашей страны. Исламистская организация «Российское исламское наследие» (РИН), в руководстве которой собрались самые неадекватные представители мусульман и два русских хриstopродавца неизвестной религиозной принадлежности, выступила инициатором издания оскорбительной для христиан всех вероисповеданий книжки о Библии, издаваемой над Священным Писанием в лучших традициях Ярославского, Кривелева и фюреров современных неоязычников. Автором этого «научного» труда, откровенно списанного с детективного «Евангелия от Афрания» Кирилла Еськова, выступил бывший чиновник Госдумы, которого российские мусульмане уважительно именуют «Али-Гапоном».

Впрочем, не хотелось бы заострять внимание на его личности, поскольку сам он ничего не решает и лишь выполняет заказы своих новых хозяев. Однако еще раз предостерегаем мусульман — отбросы Русской Православной Церкви опасны и для здоровья вашей уммы! В данном же случае гораздо интереснее, что председатель РИНа чеченский бизнесмен Хусаин Джабраилов, как следует из его предисловия к книжке, с борьбы против московского правительства открыто переключился на борьбу с христианами. Мы это ценим и жела-

ем уважаемому Хусаину Алиевичу удачи в развитии бизнеса и политической карьеры. Теперь она ему сугубо пригодится.

Продолжает удивлять православных и саратовский имам Мукадас Бибарсов, выступающий от имени не существующего в природе Духовного управления мусульман Поволжья и активно воплощающий в жизнь заветы Павлика Морозова в отношении собственного отца-муфтия. «Считаю, что этот труд является достойным вкладом в возрождение исламского наследия в таких его измерениях, как познание других народов и их традиций, проповедь свободы вероисповедания и веротерпимости в развитие цивилизованного диалога между представителями различных традиций», — пишет этот сопредседатель Совета муфтиев России во втором предисловии к книге Али-Гапона. Интересно, а председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин тоже считает, что демонстративное глумление над евангельской историей способствует развитию цивилизационного диалога? Очень хотелось бы узнать его точку зрения

Также Союз православных граждан выражает искреннее сожаление, что согласился участвовать в провокационном диспуте с эмиссарами пресловутого РИНа. Теперь нам понятно, что говорить с упомянутыми «богословами» об исламе — все равно, что познавать буддизм через общение с соратниками Сёко Асахары. Мы также очень надеемся, что правоохранительные органы проявят большее внимание к деятельности РИНа, а лидеры этой организации разделят судьбу своего коллеги Руслана Нахушева, получившего справедливое возмездие за пособничество террористам»³³¹.

Тем не менее глава Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин оценивал деятельность РИНа в сугубо положительном ключе. Тяжелые финансовые проблемы, парализовавшие его организацию вследствие расширения московской Соборной мечети, сподвигли Гайнутдина на рискованный шаг — в феврале 2006 года он заключил союз с РИНа, став сопредседателем его попечительского совета³³². Этот альянс и стал первой крупной победой РИНа над институтом муфтиятов.

14. Развитие кризиса северокавказской уммы — укрепления ваххабитских джамаатов и переход конфликта в следующую стадию

К середине первого десятилетия XXI века ситуация в северокавказской умме стала критической. Ваххабитские джамааты перешли в наступление по всем фронтам, организовав настоящую травлю противостоящих им муфтиятов. Все более очевидным становился тот факт, что прежние методы борьбы с исламизмом уже не действенны, а новых пока никто не придумал. За 2005—2006 годы серьезные удары получили практически все духовные управления Северного Кавказа, самым пострадавшим из которых оказалось ДУМ Кабардино-Балкарской Республики.

К 2005 году салафитские джамааты в Кабардино-Балкарии окончательно вошли в силу. Разгром террористического джамаата «Ярмук» в конце 2004 года только озлобил лидеров экстремистского подполья, которые приняли решение нанести ответный удар. Совместно с Шамилем Басаевым амиры Кабардино-Балкарского джамаата Муса Мукожев и Анзор Астемиров разработали план нападения на Нальчик, который предполагалось осуществить по назранскому сценарию — то есть удерживать контроль над городом около суток, предварительно уничтожив все его ключевые объекты — военные части и управления силовых структур³³³.

Параллельно в дружественных террористам СМИ была развернута кампания по дискредитации руководства муфтията и МВД³³⁴ — президент Кабардино-Балкарии Валерий Коков скончался незадолго до запланированной атаки, а его преемник Арсен Каноков еще не успел себя ничем зарекомендовать³³⁵. Обязанности по информационному обеспечению готовящейся акции были возложены на директора Кабардино-Балкарского института исламских исследований, координатора Российского исламского наследия по Север-

ному Кавказу Руслана Нахушева, который стал активно давать интервью в центральных газетах, убеждая всех в том, что его единомышленники не террористы, а представители элиты кабардинского и балкарского народов. А их радикализм является прямым следствием «ежовской» политики органов внутренних дел и сервилизма ДУМ Кабардино-Балкарской Республики³³⁶. И некоторые в это верили.

Час Х был назначен джамаатовцами на утро 13 октября 2005 года³³⁷. Однако, в отличие от Назрани, силовые структуры успели подготовиться к их атаке. Достаточно быстро атакующие были локализованы и большей частью истреблены, не успев выполнить ни одну из поставленных задач³³⁸. Их потери составили более ста человек против 35 погибших сотрудников правоохранительных органов³³⁹. При операции погибло девять мирных жителей, более ста получили ранения. Среди пострадавших оказался и отец муфтия республики Муса Пшихачев, раненный боевикам в голову³⁴⁰. Между тем организаторам нападения Анзору Астемирову и Илессу Горчханову удалось скрыться³⁴¹. Ударился в бега и лидер джамаата Муса Мукожев³⁴².

После успешного отражения атаки правоохранительные органы занялись выявлением пособников боевиков. Неудивительно, что одним из первых в их поле зрения попал Руслан Нахушев, исполнявший обязанности юрисконсульта и пресс-секретаря Кабардино-Балкарского джамаата. 4 ноября он был вызван на допрос в местное отделение ФСБ, после чего скрылся в неизвестном направлении. Через три дня в его отношении было возбуждено уголовное дело за подстрекательство к терроризму. По состоянию на июль 2006 года Нахушев не найден, равно как не увенчались успехом поиски Мукожева с Астемировым³⁴³.

Несмотря на выход из игры своих лидеров, Кабардино-Балкарский джамаат продолжил борьбу. Его структура оказалась очень устойчива ко внешним воздействиям и могла функционировать даже в критических ситуациях. Посильную поддержку оказывали джамаатовцам и дружественные

журналисты, среди которых особо выделялись обозреватель «Версии» Орхан Джемаль и его отец Гейдар. «В России мучеников, павших в боях за веру, называют террористами. Для них написан специальный закон, в котором сказано: «Погребение террористов, умерших в результате пресечения террористической акции, осуществляется в порядке, устанавливаемом правительством Российской Федерации. При этом их тела для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается». Те, кто придумал это, не учли одного: шахиды не нуждаются в ритуальном погребении, и невозможность обмыть их тела, прочесть над ними дженазу, лишь подчеркивает их мученический статус. Но этим ущемляют тех, кто остался в живых, их лишают памяти, не дают отдать дань уважения могилам тех, кто был лучшим среди многих из нас. 13 октября 2005 года в Нальчике погибло более 90 мусульман, совершивших отчаянную, героическую атаку на врагов Аллаха, годами притеснявших верующих», — говорилось в статье «Электронный мемориал шахидам, павшим в Нальчике в октябре 2005 года», размещенной на сайте Исламского комитета³⁴⁴.

Продолжалась атака и на ДУМ Кабардино-Балкарской Республики, которая теперь велась через родственников погибших боевиков. В своих пикетах они обвиняли муфтия Анаса Пшихачева и его предшественника на этом посту Шафига Пшихачева в том, что они плохо защищал мусульман и вообще «с них все началось»³⁴⁵.

В Дагестане 2005 год ознаменовался серьезными столкновениями в Дербенте. 9 апреля в древнейшей российской мечети «Абуль-Баваб» в массовой драке сошлись мюриды Саида Чиркейского и его главного конкурента Серажутдина Исрафилова (Хурикского). При этом более 30 человек получили ранения, а убранство самой мечети сильно пострадало³⁴⁶. Формальным поводом для драки послужил спор о количестве необходимых поклонов во время совершения намаза³⁴⁷.

Актуальной для Дагестана оставалась и проблема ваххабитского подполья³⁴⁸, что, правда, не помешало влиятель-

ным мюридам Саида Чиркейского заключить тактический союз с Российским исламским наследием, лидеры которого не скрывали своей симпатии к сторонникам «чистого» ислама. В конце 2005 года Дагестан с дружественными визитами посетили Али Полосин и даже Гейдар Джемаль, который еще недавно именовал руководители ДУМ Дагестана не иначе как «клерикальными фашистами»³⁴⁹.

Трудно сказать, что послужило причиной для их сближения, однако главный информационный ресурс дагестанских тарикатистов веб-портал «Ислам.ру» стал настоящей трибуной Гейдара Джемалья и деятельно присоединился к травле традиционных муфтиятов³⁵⁰. В обмен на это антиваххабитские кампании ДУМ Дагестана не подвергались критике подконтрольных Российскому исламскому наследию СМИ, хотя аналогичные акции в других регионах немедленно клеймились позором. К примеру, объявление муфтиятом Чечни джихада ваххабизму видный функционер РИНа Мукаддас Бибарсов решительно осудил, заявив в интервью portalу «Ислам.ру», что оно «может лишь усугубить крайне сложную ситуацию в республике и привести к эскалации конфликта»³⁵¹.

Заметное усиление активности экстремистов отмечалось также в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае. В первом случае внимание правоохранительных органов привлекли имам майкопской Соборной мечети Руслан Хакиров и его коллега из города Адыгейска Наджмудин Абази. Точку зрения республиканских властей в данном случае очень удачно выразил мэр Адыгейска Ким Мамиек. «Если мы будем отмалчиваться, мы получим результат, как в Нальчике, где красивые и положительные мальчики с бородками в один день взяли автоматы и стали стрелять», — заявил он в одном из интервью, а помощник прокурора Адыгеи Василий Гук, в свою очередь, подтвердил, что «события у нас действительно развивались, как в Нальчике»³⁵². По результатам антиваххабитской операции Руслан Хакиров был отпущен, а репатриант из Косова Наджмудин Абази привлечен к уголовной ответственности за разжигание религиозной розни³⁵³.

В Карачаево-Черкесии министр внутренних дел Николай Осяк был вынужден обратиться к исламскому духовенству с просьбой помочь в выявлении ваххабитов среди прихожан. Муфтий Исмаил Бердиев согласился с его доводами и заявил, что с пониманием относится к проверке мечетей. Впрочем, и здесь ваххабиты встречались не только среди прихожан мечетей. 20 февраля 2006 года сотрудники правоохранительных органов задержали имама одной из мечетей города Карачаевска, у которого нашли автомат и две гранаты³⁵⁴. А за месяц до этого был арестован имам пятигорской мечети Абдулла-Антон Степаненко, обвиненный в похищении людей, незаконном хранении взрывчатых веществ, подделке документов и распространении экстремистской литературы³⁵⁵.

Вечером 9 февраля 2006 года в селе Тукуй-Мектеб Нефтекумского района Ставропольского края начался бой между спецподразделениями и боевиками местного ваххабитского джамаата. Бой продолжался почти сутки, спецназ уничтожил восьмерых боевиков, семеро спецназовцев погибли, шестеро получили ранения³⁵⁶. Это происшествие наглядно показало, что и ваххабитский «Ногайский батальон» рано списывать со счетов.

В 2005 году свои посты оставили муфтий Чечни Ахмад Шамаев, который уехал из республики и стал советником Равиля Гайнутдина и муфтий Северной Осетии Руслан Валгасов, сохранивший свои позиции в Совете ДУМ Республики Северная Осетия — Алания³⁵⁷. Их преемниками стали Султан Мирзоев, бывший председатель шариатского суда Ичкерии и сподвижник Ахмада Кадырова, и имам-хатыб владикавказской Соборной мечети Магомед Тавказахов. В марте 2006 года появились слухи и об уходе бессменного лидера ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополья муфтия Исмаила Бердиева, однако съезд оказал ему доверие и переизбрал на новый срок³⁵⁸. 2 июня 2006 года были продлены полномочия Бердиева и как председателя КЦМСК³⁵⁹.

Таким образом, ситуация на Северном Кавказе оставалась очень тяжелой. Традиционное мусульманское духовенство проигрывало войну экстремистам и сдавало все новые позиции. Самым болезненным для них стало поражение в информационной войне, которая, впрочем, велась в одностороннем порядке. Из-за этого даже такая психологически важная победа, как разгром боевиков в Нальчике, не возымела надлежащего пропагандистского эффекта. К середине 2006 года ваххабиты усилились настолько, что любой момент могли реализовать еще более крупные акции.

15. Дальнейшая эволюция татарстанской уммы – открытие мечети «Кул-Шариф» и проблемы с Российским исламским университетом

В июне 2005 года главным событием для Поволжской уммы стало празднование 1000-летия Казани и торжественного открытия в этом городе мечети «Кул-Шариф», ставшей самым дорогостоящим мусульманским храмом за новейший период истории. 24 июня в столицу Татарстана съехались все лидеры татарских и башкирских мусульман, включая Равиля Гайнутдина и Талгата Таджуддина³⁶⁰.

Как и следовало ожидать, главная роль в церемонии открытия была отведена председателю Совета муфтиев России, который к этому времени заметно упрочил свои позиции. Из мусульманских духовных лидеров он выступил первым и, воспользовавшись случаем, вручил президенту Татарстана Минтимеру Шаймиеву орден «Аль-Фахр» первой степени. «Аль-Фахр» второй степени получил генеральный директор акционерного общества «Татнефть» Шафагат Тахаутдинов, являвшийся главным спонсором строительства «Кул-Шарифа»³⁶¹.

После церемонии открытия сопредседатели Совета муфтиев собрались на совещание, в ходе которого предполагалось принять некоторые решения по строптивому муф-

тию Исмаилу Шангарееву, который никак не хотел согласовывать свои действия с Равилем Гайнутдином³⁶². Начали стучаться тучи и над головой татарстанского муфтия Гусмана Исхакова, которого все чаще критиковали как оппозиционные имамы, так и влиятельный советник президента Татарстана Рафаэль Хакимов, особенно недовольный положением дел в Российском исламском университете. Активно распространились слухи о том, что судьба Гусмана Исхакова решена и на следующем съезде ДУМ РТ его сменит новоиспеченный имам-хатыб мечети «Кул-Шариф» Рамиль Юнусов. Впрочем, серьезные претензии предъявлялись и к самому Юнусову — ряд ученых и духовных лидеров обратили внимание, что молитва, прочитанная им на церемонии открытия «Кул-Шарифа», совершенно не соответствовала традициям ханафитского мазхаба и была очень похожа на ваххабитскую³⁶³.

19 сентября 2005 года Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки отказалось продлевать лицензию на религиозную образовательную деятельность Российского исламского университета на том основании, что «РИУ является «учреждением высшего профессионального образования», т.е. светским учреждением, и, согласно Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях», не имеет права вести подготовку священнослужителей и религиозного персонала»³⁶⁴. В связи с этим Управление лицензирования, аттестации и аккредитации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки предложило РИУ определиться с приоритетами: либо выбрать сугубо светское направление и отказаться от религиозного направления, либо выбрать религиозное направление и зарегистрироваться в качестве религиозной организации³⁶⁵.

Такая трансформация ведущего исламского вуза страны была абсолютно неприемлема для ДУМ РТ, однако энергично лоббировалась Институтом истории АН Республики Татарстан им. Ш. Марджани, являвшимся соучредителем РИУ

Директор института Рафаэль Хакимов прямо заявлял, что РИУ «так и остался недостаточно развитым. Без науки не бывает университета — бывает институт, колледж, медресе. Но какая наука в РИУ? Ее и близко нет. (...) С точки зрения современных требований наш университет, конечно, просто медресе»³⁶⁶. После долгих дебатов ДУМ РТ и Совет муфтиев России приняли решение исключить Институт истории из числа соучредителей РИУ и зарегистрировать РИУ в качестве религиозной организации — учреждения высшего профессионального религиозного образования, однако в итоге победа осталась за Хакимовым.

Около полугода РИУ пребывал в неопределенном статусе — по настоятельной просьбе ДУМ РТ Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки предоставила ему отсрочку. За это время будущее университета прояснилось. 28 марта 2006 года муфтий Гусман Исхаков подал в отставку с поста ректора РИУ, а его место занял сподвижник Рафаэля Хакимова Ильдус Загидуллин, заведующий отделом средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани³⁶⁷. Новый ректор немедленно начал реструктуризацию РИУ, который предполагалось превратить в светский вуз. Для изучения религиозных дисциплин было решено создать Казанский исламский институт. При этой схеме студенты РИУ смогли бы обучаться сразу в двух ВУЗах и получать дипломы двух типов.

Данные реформы не нашли понимания сотрудников РИУ, и через месяц они стали массово увольняться. Вскоре их примеру последовали и студенты³⁶⁸. Учебный процесс в РИУ приостановился, и для разрешения сложившейся конфликтной ситуации в Казань была направлена специальная комиссия Совета муфтиев России³⁶⁹. В ходе переговоров с властями Татарстана ее главе Марату Муртазину дали понять, что вопрос с РИУ уже решен и точка зрения Совета муфтиев никого не интересует³⁷⁰. И действительно, вскоре РИУ был разделен на собственно РИУ — светский вуз — и Казанский исламский институт — де-факто высшее медресе³⁷¹.

Фактический развал РИУ стал не единственным несчастьем, постигшим татарстанского муфтия. 28 сентября он вместе с супругой попал в тяжелую автомобильную аварию, после которой многие сочли, что скоро у мусульман Татарстана появится новый муфтий³⁷². Тем не менее III съезд ДУМ РТ, прошедший 20 февраля 2006 года, продлил полномочия Гусмана Исхакова³⁷³. По традиции, правда, не обошлось без скандала — член ревизионной комиссии ДУМ РТ, имам-хатыб Исхак Лотфуллин обратился в суд с заявлением, в котором обвинял Гусмана Исхакова и его соратников в фальсификации устава духовного управления. По его мнению, в первоначальной редакции устава было прописано, что председатель ДУМ РТ может избираться только на два срока, в то время как Гусман Исхаков баллотировался уже на третий³⁷⁴. С Лотфуллиным солидаризировался и давний оппонент татарстанского муфтия Габдулла Галиуллин, который в резкой форме ставил этот вопрос во время съезда, однако их аргументы не нашли отклика у делегатов³⁷⁵.

16. Новые инициативы Совета муфтиев России — дискуссии о «верховном муфтии России» и «вице-президенте-мусульманине»

В 2005 году идеологи сильно окрепшего Совета муфтиев России приняли решение выйти на новый уровень деятельности и вбросить в информационное поле несколько инициатив, которые при успешном стечении обстоятельств могли принести большие дивиденды. Первой из них стало возобновление дискуссии об объединении мусульман России под руководством верховного муфтия. Данная идея озвучивалась советником Равиля Гайнутдина Вячеславом-Али Полосиным либо напрямую, либо через доверчивого муфтия Нижегородской области Умара Идрисова.

«Мы называем себя муфтиями, хотя наши знания явно не могут сравниться со знаниями сахабов (сподвижников

пророка Мухаммеда). Так произошло в силу исторических причин, в том числе по воле немусульманских правителей России, но сегодня, в новой ситуации, давайте посмотрим правде в глаза: разве мы имеем право именовать себя знатоками шариата, муфтиями? И разве может быть таких муфтиев в России много, когда мы десятилетиями были отгорожены от исламского мира и системы высшего исламского образования? Давайте все вместе откажемся от этого сомнительного наименования: муфтий в России останется только один, что и будет символическим шагом на пути к объединению мусульман», — заявил Идрисов на научно-практической конференции «Исламское возрождение в татарском обществе: проблемы и перспективы» 23 июня 2005 года. В высказанных им предложениях содержалась одна свежая идея — духовным лидерам мусульман предлагалось выбрать не только главного, но и единственного муфтия. А для этого нужно было признать, что почти все они недостойны носить высшее духовное звание мусульман-суннитов.

О серьезности намерений Идрисова говорило и то обстоятельство, что он анонсировал проведение в Нижнем Новгороде Всероссийского мусульманского съезда, на котором и предполагалось обсудить механизм объединения российских муфтиятов, и прямо заявил, что видит на посту единого муфтия России Равиля Гайнутдина³⁷⁶. Надо ли говорить, что перспектива добровольного отказа от сана муфтия в пользу Равиля Гайнутдина мало обрадовала лидеров Совета муфтиев России, которых и так раздражала усиливающаяся авторитарность своего председателя. Впрочем, у них был благовидный предлог отклонить предложение Идрисова — ведь исходило оно от человека, по собственному же признанию, не имеющего права именовать себя знатоком шариата и недостойного называться муфтием.

После проведения дополнительных консультаций с сопредседателями Совета идеологи этой организации решили не форсировать события, однако Умар Идрисов с ними не согласился. Идея проведения в Нижнем Новгороде общему-

сульманского объединительного съезда оказалось очень заманчивой и в случае успеха могла принести хорошие бонусы Нижегородскому муфтияту. Между тем это мероприятие было заведомо обречено на провал — муфтий Равиль Гайнутдин посчитал за благо дистанцироваться от сомнительных инициатив Умара Идрисова, а, точнее, его первого заместителя Дамира Мухетдинова.

«Мусульманский форум 4—5 ноября — как единственная альтернатива церковным торжествам и фашистскому маршу» в итоге собрал лишь второстепенных лидеров Совета муфтиев, которые не смогли принять никаких серьезных решений. «Наибольшая опасность самой идее мусульманского единства исходила, увы, не от недругов и недоброжелателей Ислама. Напротив, первую скрипку в попытке заблокировать проведение Всероссийского мусульманского форума, объявить ему бойкот играли лидеры самих же мусульман. Не задумываясь о том, что без достижения единства никакие цели и задачи развития и просто выживания мусульман в нынешних условиях недостижимы, еще не зная, к каким результатам придут участники форума и придут ли они вообще к согласию, многочисленные «муфтии» (слово закавычено потому, что в реальности человек, не знающий арабского языка, не может выносить фетвы, то есть быть муфтием) побоялись самого обсуждения темы объединения исламской уммы. Думается, что за этим стоят и непомерные амбиции «муфтиев», и их опасения быть отвергнутыми как самим народом, так и молодым, более грамотным поколением мусульман, получивших образование непосредственно на арабском языке»³⁷⁷, — с горечью констатировали организаторы форума, а Умар Идрисов прямо заявил, что «главный враг татарина — сам татарин»³⁷⁸. Главным результатом Всероссийского мусульманского форума стало резкое ухудшение отношений между Равилем Гайнутдином и Умаром Идрисовым, позволившее Дамиру Мухетдинову начать настоящую информационную войну против Совета муфтиев России³⁷⁹.

Параллельно с идеей объединения российских мусульман под единым руководством Умар Идрисов озвучил и более смелый проект, который предполагал закрепление за мусульманином поста вице-президента России. В течение лета 2005 года авторы этой идеи собирали на нее отклики, первоначально имевшие положительный характер. С «вице-президентским проектом» солидаризировался даже лидер партии «Родина» Дмитрий Рогозин, что позволило поднять данный вопрос на более высоком уровне³⁸⁰. В конце сентября 2005 года муфтий Равиль Гайнутдин заявил, что «в будущем мусульмане могут поставить вопрос о введении в стране поста вице-президента, которым был бы представитель исламской общины». Он уточнил, что мусульмане заслуживают, чтобы их представляли на высоком посту в государстве, и этот вопрос может назреть в случае, «если количество мусульман будет расти сегодняшними темпами, а демографическая ситуация будет ухудшаться»³⁸¹.

После этого выступления инициативу Идрисова заметили в Кремле и Равилю Гайнутдину было деликатно указано на его место. «У нас светское государство, и эта идея не может быть реализована никогда и ни при каких обстоятельствах», — прямо заявил влиятельный заместитель главы Администрации Президента Владислав Сурков³⁸², а вслед за ним от одобрения идрисовской инициативы откrestился и Дмитрий Рогозин³⁸³. Председатель Совета муфтиев сделал из этих заявлений правильные выводы и грамотно переложил всю ответственность на плечи неких радикальных деятелей. «Вопрос о введении должности вице-президента — мусульманина поднимают сегодня некоторые радикальные деятели мусульманского сообщества, аргументируя это тем, что мы — вторая по численности религия России. Но Совет муфтиев не является сторонником изменения Конституции. Для этого есть законодательный орган и сам народ, который принимает важные решения на референдуме», — подчеркнул он в интервью «Аргументам и фактам», тем самым зачислив Нижегородского муфтия в ряды радикалов³⁸⁴.

Из безобидных и аполитичных инициатив Совета муфтиев России за 2005 года стоит отметить проведение в Казани первого мусульманского кинофестиваля «Золотой минбар», имевший некоторый резонанс в российской киноиндустрии³⁸⁵, а также учреждение совместно с издательством «Умма» и Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям литературной премии «Исламский прорыв», названной в честь футуристического боевика «русско-го» мусульманина Дмитрия-Муслима Ахтямова³⁸⁶.

17. Переоценка численности исламского сообщества России — заявления президента Российской Федерации и реакция на них в исламском сообществе

В августе 2005 года глава Российского государства В.В. Путин серьезно скорректировал данные о численности мусульманского сообщества России. «В России живут 16 миллионов мусульман. Это не эмигранты, это российские граждане, и у них нет другой родины, они — часть исламского мира», — заявил он на встрече с королем Иордании Абдаллой II³⁸⁷. Два года раньше В.В. Путин называл другую цифру — 20 млн. человек, однако данные Всероссийской переписи населения наглядно показала ее несостоятельность. С учетом этого аналитики Администрации президента ввели в оборот уточненные данные о численности мусульман в России³⁸⁸.

В 2005 году Президент России касался численности ее основных религиозных сообществ еще дважды. Во время посещения горы Афон он подчеркнул, что в России проживает 130 миллионов православных³⁸⁹, а на встрече с премьер-министром Малайзии Абдуллой Бадави упомянул, что в России насчитывается свыше 15 млн. мусульман³⁹⁰.

Данная корректировка была без энтузиазма воспринята руководством Совета муфтиев России, которое всегда настаивало на цифре в 20—25 миллионов. Впрочем, проком-

ментировать заявления президента решился только Али-Вячеслав Полосин, написавший статью «Тревожный звонок многочисленным российским муфтиям». «Трудно поверить, чтобы число мусульман в России за год-полтора уменьшилось сразу на 4 млн., это было бы слишком заметно. Демографически же число «этнических» мусульман неуклонно растет. Поэтому такая публичная оценка Президентом численности российской уммы свидетельствует не о новых данных о демографических процессах в стране, а скорее о «политическом весе» «этнических» мусульман, который в глазах главы государства начал снижаться. Тем самым, речь идет о чисто политической оценке, в которой «исламский фактор» для главы государства пошел на убыль. Однако из самой по себе количественной оценки невозможно определить, какой компонент «исламского фактора» подвергся переоценке главой государства. Ясно лишь одно: прошла пора спекуляций на количестве для доказательства своего качества, своей необходимости для государства», — в частности, говорилось в ней³⁹¹. Столь парадоксальный вывод тут же получил оценку враждебного Совету муфтиев сайту «Муслим.сю», чьи аналитики прямо заявил, что Полосин продал Равиля Гайнутдина своим новым хозяевам из Российского исламского наследия³⁹².

Между тем и сам Равиль Гайнутдин не спешил соглашаться с Президентом, так как эти цифры носили для него принципиальный характер — от них напрямую зависел объем вложений от зарубежных спонсоров и количество квот на хадж. В феврале 2006 года он привел собственные данные о численности мусульман и православных в России, вступив, таким образом, в прямую полемику с главой государства. И не только с ним. По мнению московского муфтия, российских мусульман насчитывалось все-таки 20 миллионов, а в занижении этой цифры оказались виноваты завистливые православные архиереи, имеющие в семь раз меньшую паству³⁹³.

На этом, конечно, дискуссия о размере отечественной уммы не прекратилось, однако ее участники впредь предпо-

читали не озвучивать фантастические цифры о 25,35 или 50 миллионах российских мусульман. Ученые-исламоведы, конечно, остались при своем мнении — одни из них, как, например, академик Павел Пучков, опирались на собственные исследования и придерживались цифры в 8—10 миллионов, другие же, как Алексей Малашенко ссылались на данные лидеров Совета муфтиев России, полагая, что именно они владеют такими данными в наилучшей степени³⁹⁴.

18. Появления видимых признаков распада Совета муфтиев России — дискуссия об изменении Герба России

В декабре—январе 2005 года Совет муфтиев России, казавшийся самым влиятельным и преуспевающим центром российского ислама, неожиданно перенес несколько серьезных кризисов, которые дали основания говорить о начале его распада. Причиной постигших Совет неприятностей стали обострившиеся отношения между его лидерами, которые и до этого не сильно ладили между собой.

Как уже упоминалось в предыдущих главах, Совет муфтиев создавался именно как антипод ЦДУМ, а точнее — как клуб врагов Талгата Таджуддина. Централизованной структурой Совет мог считаться лишь с большой натяжкой — входившие в него муфтияты в полной мере сохраняли свою независимость, а их лидеры относились к Равилю Гайнутдину точно так же, как президенты России и США к генсеку ООН Кофи Аннуну — то есть уважали, но не подчинялись и могли безболезненно игнорировать его пожелания³⁹⁵. «Таким образом, в России в организационном плане в исламе есть две крайности — с одной стороны, практически патриархическое устройство, соответствующее форме абсолютной монархии, — это ЦДУМ, а с другой стороны — слабоструктурированный СМР (Совет муфтиев России), действующий в форме полужурбана, базирующийся в основном на

личных контактах и отношениях», — отмечает первый заместитель муфтия Татарстана Валиулла Якупов, считающийся одним из самых ярких лидеров Совета муфтиев³⁹⁶.

По Уставу Совета муфтиев России (версия 1999 года) его председатель имел право «осуществлять координационную и объединительную деятельность религиозных мусульманских организаций, входящих в состав Совета», по поручению сопредседателей выступать от имени религиозных мусульманских объединений, входящих в состав Совета, представлять их интересы в государственных, общественных, политических, религиозных и других организациях РФ, зарубежных и международных организациях» и должен был переизбираться каждые три года. То есть особыми полномочиями теоретически не обладал. Практически же муфтий Равиль Гайнутдин превратил Совет муфтиев в гораздо более авторитарную структуру, нежели ЦДУМ

За весь десятилетний период существования Совета муфтиев России ни в одном СМИ не появилось информации о продлении полномочий его председателя, которое должно было производиться каждые три года очень узким кругом людей — Меджлисом сопредседателей*. Между тем пожизненный верховный муфтий Талгат Таджуддин за это же время созвал два полноценных съезда ЦДУМ, на которые выносился вопрос о его переизбрании, а КЦМСК вообще устраивал ротацию своих председателей каждые три года. В последнем случае любой муфтий Северного Кавказа имел шансы стать мусульманским лидером всероссийского масштаба, в то время как сопредседатели Совета муфтиев России такой возможности не имели в принципе. И это обстоятельство вызывало плохо скрываемое раздражение таких амбициозных муфтиев, как Нафигулла Аширов и Мукаддас Бибарсов.

* При переговорах с Министерством юстиции представители Совета муфтиев, правда, утверждали, что в устав их организации со временем была внесена поправка, которая увеличивала срок полномочий председателя с трех до пяти лет, а переизбрание Равиля Гайнутдина состоялось летом 2001 года в рабочем порядке, поэтому о нем нигде не сообщалось

Собственно управление Советом муфтиев России осуществлялось аппаратом ДУМЕР и личными помощниками Равиля Гайнутдина, среди которых к 2006 году стали доминировать не татары, а «русские» мусульмане и кавказцы. Из последних самой колоритной фигурой выглядел бывший союзник чеченских боевиков Мухаммад Карачай, объявивший себя генеральным секретарем Совета³⁹⁷. В то время как Али-Вячеслав Полосин ссорил Равиля Гайнутдина с Русской Православной Церковью, протестантами и его же собственными сопредседателями, Карачай сконцентрировался на оскорбительной критике северокавказских муфтиев³⁹⁸. Остатки татарского лобби в Совете пытались, по мере своих сил, противодействовать «варягам», однако успеха в этом не имели и все больше отеснялись от рычагов управления.

Постоянные внешние войны и внутренние конфликты пагубно сказывались на делопроизводстве Совета муфтиев, которое велось крайне неаккуратно. Временами складывалось впечатление, что лидеры Совета даже приблизительно не представляют, сколько в него входят организаций и сколько духовных лидеров имеют право голоса на заседаниях меджлиса. К примеру, в переданном в Министерство юстиции списке членов Совета (по состоянию на середину 2002 года) можно насчитать около 20 грубых ошибок — как орфографических, так и фактических. Так, в числе учредителей Совета муфтиев указывалось ДУМ Республики Северная Осетия — Алания, представители которого не принимали участие в создании этой организации; среди членов Совета упоминались все северокавказские муфтияты, которые на самом деле входили в состав КЦМСК и неоднократно подчеркивали свою независимость от муфтия Равиля Гайнутдина; названные членами Совета ДУМ Поволжья и ДУМ Республики Чувашия не существовали в природе, а в ДУМах Мордовии и Ульяновской области были неправильно указаны фамилии председателей³⁹⁹. Менее авторитетная организация за подобные упущения могла бы лишиться регистра-

ции, и это обстоятельство было прекрасно известно недругам московского муфтия.

Помимо затянувшегося правления Равиля Гайнутдина и сомнительной деятельности его помощников, многих сопредседателей Совета смущали чересчур скромные успехи Московского муфтията. Несмотря на значительные финансовые вливания и режим наибольшего благоприятствования со стороны властей, ДУМЕР за 12 лет своего существования сумело построить лишь несколько скромных мечетей и создать карликовый Московский исламский университет, который не мог удовлетворить потребностей даже малочисленных общин Центральной России. В самой Москве по инициативе Равиля Гайнутдина не было построено ни одной мечети, зато целый ряд таких проектов был торпедирован именно по его настоянию⁴⁰⁰.

Дополнительно усугубляла ситуацию и начавшаяся в 2005 году реконструкция московской Соборной мечети, которая требовала значительных средств. Несмотря на заверения московского муфтия в том, что столичная умма превышает три миллиона человек и состоит преимущественно из обеспеченных людей, он ездил собирать деньги по всему миру и все равно не набирал нужной суммы⁴⁰¹. Финансовое положение Совета муфтиев стало резко ухудшаться и вскоре появились первые признаки банкротства его головной структуры ДУМЕР, которая не смогла вернуть беспроцентные займы на очень крупную сумму⁴⁰². Создавалось впечатление, что либо Равиль Гайнутдин не умеет привлекать средства, либо спонсоры ему просто не доверяют.

В период острого конфликта с ЦДУМ упомянутые проблемы отходили на второй план вследствие «военного положения», однако после одностороннего прекращения этого противостояния они снова приобрели актуальность. Прекрасно понимая, что Совет муфтиев России жизнеспособен только во время отражения внешних атак, идеологи этой структуры стали искать замену ЦДУМ, однако ни Русская Православная Церковь, ни КЦМСК, ни даже «сионистская

закулиса» на эту роль определенно не подходили. И тогда раздиравшие Совет муфтиев противоречия начали выплескиваться наружу.

Первый раз это произошло летом 2005 года, когда пресс-служба Совета муфтиев России денонсировала заявления сопредседателя Совета муфтия Исмаила Шангареева, который подверг резкой критике политику властей и намекнул, что в случае «цветной» революции ее организаторы смогут рассчитывать на его единоверцев⁴⁰³. Особой любви к действующей власти у Исмаила Шангареева действительно не было — в сентябре 2004 года правоохранительные органы окончательно закрыли созданное им медресе «Аль-Фуркан» в Бугуруслане, а в марте 2005 года арестовали его брата Мансура, обвиненного в незаконном хранении оружия и разжигании религиозной розни. Весьма показательным здесь выглядело то, что удары, нанесенные по Исмаилу Шангарееву, вызвали у коллег не столько сочувствие, сколько злорадство — активно расширяющее свое жизненное пространство ДУМ «Ассоциация мечетей России» давно раздражало и саратовского муфтия Мукадасса Бибарсова, и казанского муфтия Гусмана Исхакова; и уфимского муфтия Нурмухаммада Нигматуллина.

Другим проблемным сопредседателем для Совета муфтиев России неожиданно стал председатель ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области Умар Идрисов, который все сильнее подпадал под влияние своего молодого заместителя Дамира Мухетдинова. В ноябре — декабре 2005 года на официальном сайте его муфтията появилось несколько статей с резкой критикой нового государственного праздника — Дня народного единства, инициатива по введению которого была поддержана Советом муфтиев России. В материале «О необходимости выхода мусульманских организаций из Межрелигиозного совета России» муфтий Равиль Гайнутдин прямо обвинялся в предательстве мусульманских интересов и некомпетентности⁴⁰⁴. «В том, что день почитания списка иконы стал государственным праздником, ви-

дится огромная «заслуга» прежде всего не столько идеологов РПЦ, сколько некомпетентных участников Межрелигиозного Совета России», — утверждал анонимный идеолог Нижегородского муфтията⁴⁰⁵. Впоследствии отношения Умара Идрисова с Равилем Гайнутдином ухудшились еще сильнее, став откровенно враждебными.

Свою посильную лепту в развал Совета муфтиев вносили и активисты Российского исламского наследия. 5 декабря 2005 года на сайте Вячеслава-Али Полосина появилась подборка мнений ряда мусульманских деятелей, которые требовали убрать христианскую символику с Герба России. Причины, по которым верховный муфтий Нафигулла Аширов, карельский муфтий Висам Бардвил и первый заместитель муфтия Нижегородской области Дамир Мухетдинов заметили на гербе кресты и святого Георгия Победоносца только через пять лет после его утверждения Государственной Думой, так и остались неизвестными, однако резонанс их высказывания вызвали самый широкий.

Дискуссия об изменении герба быстро переросла в скандал, в котором все ведущие СМИ подвергли резкой критике «гербофобов». Не менее резкие заявления сделали представители Русской Православной Церкви, ЦДУМ и КЦМСК, иудейских и буддийских центров⁴⁰⁶. Муфтий Равиль Гайнутдин был приглашен в Администрацию Президента, где ему напомнили о недопустимости подобных выступлений и настоятельно рекомендовали денонсировать сделанные его соратниками заявления. На следующий день московский муфтий заявил, что «мы живем в светском государстве и уважаем государственную символику Российской Федерации, принятую Государственной Думой и утвержденную президентом России»⁴⁰⁷, однако его сопредседатели остались при своем мнении. И Аширов, и Бардвил, и Полосин, и солидаризовавшийся с ними муфтий Пензенской области Аббас Бибарсов продолжали настаивать на изменении герба, поскольку были прекрасно осведомлены о реальных границах полномочий Равиля Гайнутдина.

Через месяц после «гербового» скандала его инициаторы спровоцировали новую резкую дискуссию, предложив узаконить в России многоженство. Ее отправной точкой стало предложение и.о. премьер-министра чеченского правительства Рамзана Кадырова о легализации полигамии в его родной республике⁴⁰⁸. Идеи Кадырова нашли самое горячее понимание у Нафигуллы Аширова и его единомышленников, которые моментально развили эту мысль. В интервью «Интерфаксу» верховный муфтий азиатской части России с гордостью сообщил, что до 10% российских муфтиев имеют более одной жены, а саратовский имам Мукаддас Бибарсов прямо заявил, что живет с двумя женами и нормы Семейного кодекса для него значения не имеют⁴⁰⁹. Не остался в стороне от дискуссии и Вячеслав-Али Полосин, заявивший, что «моногамия, возведенная в ранг государственного закона и обязательная для всех граждан любого мировоззрения, является продуктом христианского клерикализма и атавизмом средневекового тоталитарного государства»⁴¹⁰. Наученный горьким опытом Равиль Гайнутдин уже не пытался опровергать прозвучавшие заявления, намекнув, правда, что лично он к изменению закона не призывает⁴¹¹.

Помимо отношения к гербу и полигамии мнения лидеров Совета муфтиев России расходились и по другим принципиальным вопросам. Несмотря на резкие выпады Совета организации против введения в школах «Основ православной культуры» (ОПК), ее сопредседатели Исмаил Шангареев и Висам Бардвил солидаризировались с позицией Русской Православной Церкви. ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области поддержало введение института военного духовенства, против которого также выступал Совет муфтиев, а первый заместитель муфтия Татарстан Валиулла Якупов демонстративно похвалил ненавистную Равилю Гайнутдину книгу «Новейшая история исламского сообщества России». Периодически напоминал о своей независимости от Гайнутдина и саратовский имам Мукаддас Бибарсов. Так, после предложения Мансура Шакирова, за-

местителя председателя Совета муфтиев России, усилить безопасность российских мечетей, пресс-секретарь ДУМ Поволжья назвал подобную инициативу «попыткой вторжения в личную жизнь мусульманина, и вследствие этого — контроля над деятельностью исламской общины в целом. От имени ДУМ Поволжья Ахмед Махметов отметил, что Шакиров не является заместителем председателя Совета муфтиев России. ДУМ Поволжья осудил ставшую чуть ли не модной среди чиновников от Ислама практику делать заявления для пиара собственных персон, чтобы попасть на страницы газет и Интернет-сайтов. Кроме того, Ахмед Махметов подчеркнул, что у Шакирова нет полномочий для приказа оборудовать мечети приборами слежения за верующими. Он предложил Мансуру Шакирову оборудовать камерой видеонаблюдения собственный дом, если тот опасается за свою безопасность»⁴¹².

Помимо внутренних раздоров положение Совета муфтиев осложнялось также переоценкой его деятельности со стороны внешних сил. Скандальная и непоследовательная политика этой организации, особенно ярко проявившаяся в истории с гербом, вызывала недоумение госструктур, которые все чаще задавались вопросом: от чьего имени может выступать Равиль Гайнутдин, если он не контролирует даже собственных заместителей и советников? Можно ли рассчитывать на Совет муфтиев в критической ситуации, если его руководство то требует изменить действующее законодательство, то угрожает «цветными» революциями, то вообще защищает террористов?

Между тем сближение с ОИК создавало благоприятную почву для привлечения в Россию многомиллиардных инвестиций из арабских стран и многие чиновники искренне надеялись, что муфтий Равиль Гайнутдин успешно поработает в этом стратегическом проекте. К их разочарованию московский муфтий во время своих зарубежных турне сконцентрировался на поиске денег для расширения московской Соборной мечети, которые реально можно было найти и в пределах Садового кольца. Подрывала авторитет Гайнутдина и

неожиданная активизация его давнего оппонента Талгата Таджуддина, который с начала 2006 года сделал целый ряд важных пророссийских заявлений и даже отметился во внешнеполитической деятельности, проведя важную встречу с президентом Египта Хосни Мубараком⁴¹³.

Усиление в Совете муфтиев России эмиссаров РИНа самым негативным образом сказалось не только на внутриисламских, но и на межрелигиозных связях этой организации. Наиболее заметной их деградация стала в диалоге с Русской Православной Церковью, которая негативно отнеслась к демаршам Совета муфтиев против «Основ православной культуры», присутствия православного духовенства в армии и Межрелигиозного совета России. Самым же оскорбительным для нее стало высказывание муфтия Равиля Гайнутдина о том, что в России проживает 20 миллионов мусульман и всего 3,5 миллиона православных⁴¹⁴. На местах особой нелюбовью к православным отличались лидеры Нижегородского муфтията, которые после публикации на своем сайте целой серии антиправославных материалов серьезно поссорились с Нижегородской епархией, которая просто объявила им бойкот⁴¹⁵.

По совету Вячеслава-Али Полосина муфтий Равиль Гайнутдин попытался развить отношения с неправославными религиозными организациями, созывая специальные межрелигиозные конференции и проводя встречи с их лидерами, однако его помощники не оставляли без внимания и эту сферу⁴¹⁶. Верховный муфтий Нафигулла Аширов, в свое время прославившийся особой неприязнью к буддистам, любил покритиковать также католиков, которых называл расистами и ксенофобами⁴¹⁷. Мукадас Бибарсов в июле 2005 года очень резко отозвался о лидере Федерации еврейских общин России Берле Лазаре, который был обвинен им в следовании фашистским традициям и причастности к тем, «кто стоит у истоков огромной лжи, формирующей негативное отношение общества к мусульманам»⁴¹⁸. Сам же Вячеслав-Али Полосин в конце 2005 года выпустил специальную антипротес-

тантскую книгу «Евангелие глазами мусульманина: два взгляда на одну историю», которая, впрочем, оскорбила и всех остальных христиан.

В итоге на середину 2006 года положение Совета муфтиев оказалось весьма шатким. Как-то выправить его могла бы внешняя война, однако все потенциальные оппоненты Равиля Гайнутдина были прекрасно об этом осведомлены и неизменно уклонялись от прямой конфронтации с московским муфтием, предпочитая просто издеваться над его политикой⁴¹⁹.

19. Активизация верховного муфтия Талгата Таджуддина — кадровые перестановки в ЦДУМ

К марту 2005 года кризис ЦДУМ, поразивший эту организацию в 2003 году, достиг своего апогея. Верховный муфтий Талгат Таджуддин практически перестал участвовать в публичных мероприятиях, выступать с заявлениями и давать интервью. Его организация медленно умирала, и ее позиция становилась все менее востребованной властными структурами.

Большинство муфтиев ЦДУМ смирилось с этим печальным фактом, однако муфтии Мухаммадгали Хузин, Фарид Салман Хайдаров, Альбир Крганов и Тагир Саматов не оставляли надежды исправить ситуацию. С другой стороны, эмиссары Совета муфтиев России также не упускали ЦДУМ из виду и активно вмешивались в его дела. Они активно распускались слухи, что внутри ЦДУМ зреет переворот и либо Мухаммадгали Хузин, либо Альбир Крганов, либо Фарид Салман Хайдаров хотят изолировать практически отошедшего от дела Таджуддина и занять его место. В апреле 2005 года муфтий Равиль Гайнутдин лично убеждал Талгата Таджуддина в том, что он давно предан своими ближайшими соратниками, которые теперь прямо лоббируют интересы Русской Православной Церкви, ФСБ и реваншистского

крыла Администрации Президента⁴²⁰. В итоге среди лидеров ЦДУМ начался кризис доверия, который в любой момент мог вылиться в серьезный внутренний конфликт.

11 апреля 2005 года на очередном пленуме ЦДУМ был создан Исполнительный комитет этой организации во главе с муфтием Пермского края Мухаммадгали Хузиным, получивший также должность первого заместителя Талгата Таджуддина. Другими заместителями председателя ЦДУМ стали муфтий Астраханской области Назымбек Ильязов, муфтий Чувашии Альбир Крганов и муфтий Санкт-Петербурга Джафар Пончаев. Ямальский муфтий Фарид Салман Хайдаров, возглавлявший Совет улемов ЦДУМ, был дополнительно назначен представителем верховного муфтия в Москве⁴²¹.

Предполагалось, что Исполком ЦДУМ, получив особые полномочия, поможет нормализовать работу этой организации и со временем выведет ее из кризиса. Такой вариант, конечно, не устраивал противников структуры Талгата Таджуддина, которые немедленно возобновили атаки в ее отношении. В информационное поле были брошены версии о том, что в ЦДУМ произошла «оранжевая революция» и верховный муфтий Талгат Таджуддин смещен группой Мухаммадгали Хузина⁴²². Даже самые непримиримые враги Таджуддина вдруг стали его жалеть и открыто выражать надежду, что к осени он возьмет ситуацию в свои руки и покарает «гэкачепистов»⁴²³. И в какой-то момент диффамационная кампания достигла своей цели.

21 ноября 2005 года на чрезвычайном пленуме ЦДУМ в Уфе исполком этой организации был распущен, а его председатель муфтий Мухаммадгали Хузин также лишился поста первого заместителя верховного муфтия. Ближайший соратник пермского муфтия Фарид Салман Хайдаров пострадал еще сильнее — его сняли не только со всех должностей в центральном аппарате ЦДУМ, но и попросили оставить пост председателя Регионального ДУМ Ямало-Ненецкого АО. Новым первым заместителем председателя ЦДУМ стал муфтий Чувашии Альбир Крганов, повысил свой статус также

муфтий Югры Тагир Саматов. Параллельно с этими перестановками шли активные консультации Талгата Таджуддина с руководством Совета муфтиев России, которое уже торжествовало победу и не без оснований надеялось, что ЦДУМ теперь будет идти в кильватере его политики. Впрочем, у Таджуддина было свое мнение на это счет⁴²⁴.

Произошедшие события резко мобилизовали верховного муфтия и вернули ему волю к борьбе. Заручившись поддержкой очень авторитетных в исламском сообществе людей, до этого момента находившихся в тени, он смог сохранить контроль над ситуацией. Конечно, ситуацию внутри ЦДУМ осложняли опала Мухаммедгали Хузина и Фариды Салмана Хайдарова, однако они не стали уподобляться лидерам Совета муфтиев и вести диффамационные кампании против своего учителя⁴²⁵. И это вселяло надежду на их примирение с Талгатом Таджуддином.

Вопреки надеждам Равиля Гайнутдина, глава ЦДУМ не только не поддержал его в ряде принципиальных антиправославных инициатив, но и демонстративно сблизился с Русской Православной Церковью⁴²⁶. Заявления, сделанные верховным муфтием в период с декабря 2005 года по июль 2006-го были очень корректными и прогосударственными, в отличии, например, от требований изменить российский герб. Так, во время «карикатурного» скандала, спровоцированного публикацией оскорбительных карикатур на пророка Мухаммеда в одной из датских газет, позиция Таджуддина оказалось самой вменяемой. «В культурном обществе нужно быть культурными людьми. Если же реагировать с ненавистью и злобой, то обратной реакцией тоже будут ненависть и злоба, а верующий человек до этого не должен доходить никогда», — заявил он в интервью «Интерфаксу», подчеркнув, что угрожать целому государству за выходки карикатуристов неправомерно⁴²⁷.

Свои выводы из сложившейся ситуации сделали и российские власти. Несмотря на приглашение Равиля Гайнутдина в Общественную палату, Президент России не спешил от-

давать ему предпочтение и продолжал встречаться с лидерами всех трех исламских центров, среди которых первым слово по-прежнему предоставлялось Талгату Таджуддину⁴²⁸.

Значительно повысили авторитет верховного муфтия и его выступления против проведения в Москве гей-парада. Талгат Таджуддин резко осудил его организаторов, напомнив им, что пророк Мухаммед приказывал убивать гомосексуалистов, поскольку «их занятия ведут к прекращению рода человеческого»⁴²⁹. После этого представители секс-меньшинств неоднократно пытались подать на него в суд, однако успеха в этом не достигли — сотрудники прокуратуры объяснили им, что по Корану гомосексуалистов действительно нужно убивать, а поскольку эта книга не является экстремистской, то и ссылки на нее противозаконными считаться не могут⁴³⁰. К маю 2006 года Таджуддин стал главным врагом геев и лесбиянок России, которые до сих пор пытаются ему навредить⁴³¹.

После успешного визита Таджуддина в Египет, во время которого он встретился с президентом этой страны Хосни Мубараком, стало ясно, что верховный муфтий в большей степени, чем Равиль Гайнутдин, подходит для работы с зарубежными исламскими лидерами. Во всяком случае, он мог вести переговоры на отличном арабском языке и затрагивать в принципе неизвестные московскому муфтию богословские темы⁴³².

Активизация Таджуддина удачно совпала по времени с финансовым кризисом Совета муфтиев России и конфликтом внутри этой организации. Сподвижники Равиля Гайнутдина даже начали сепаратные переговоры с председателем ЦДУМ. Так, верховный муфтий Нафигулла Аширов в преддверии очередного съезда ДУМАЧР посетил Уфу, где при встрече с Талгатом Таджуддином всячески выражал ему свое почтение и признавался в дружбе⁴³³. Кроме того, в июне 2006 года к традиционному паломничеству лидеров ЦДУМ в татарстанский город Булгар впервые присоединились высо-

копоставленные представители Совета муфтиев России — муфтии Гусман Исхаков, Нафигулла Аширов и Умар Идрисов, которые провели совместную молитву и мирно побеседовали. Тем самым они демонстративно нарушили фетву Равиля Гайнутлина трехлетней давности, которая отлучала Талгата Таджуддина от ислама и запрещала мусульманам молиться вместе с ним⁴³⁴.

Таким образом, на середину 2006 года для верховного муфтия Талгата Таджуддина ситуация складывалась относительно благоприятно. Однако его управление было слишком сильно ослаблено, чтобы рассчитывать на быстрое восстановление своих позиций.

20. Активизация борьбы с радикальным исламом — суды над членами экстремистских организаций и объявление джихада ваххабизму

К середине первой декады нового века стало ясно, что ваххабитское подполье в стране оправилось от нанесенных ему во время контртеррористической операции ударов и перешло в контрнаступление, опираясь теперь преимущественно на собственные источники финансирования. К уже хорошо известным псевдосалафитским джамаатам и турецким сектам присоединилась террористическая организация «Хизбут-Тахрир», ранее концентрировавшая свои усилия на установлении халифата в Средней Азии. Ее эмиссары первой волны — преимущественно узбеки и таджики по национальности — с 1996 года начали создавать сеть своих ячеек в России, чем привлекли внимание спецслужб. По настоянию Генерального прокурора в начале 2003 года Верховный суд постановил признать террористическими 15 довольно известных организаций, среди которых фигурировала и «Хизб уг-Тахрир аль-Ислами» — Партия исламского освобождения⁴³⁵.

«Основной проблемой мусульман всего мира является правление всеми законами, которые ниспослал Аллах таъала. Это достигается путем установления исламского государства Халифат, и назначения халифа для всех мусульман, которые присягают ему на Коране и Сунне Расулуллаха, с целью ликвидации кафирских порядков и установления вместо них законов Ислама (шариат), с преобразованием данных исламских стран в дару-л-Ислам, и общества в этих странах в исламское общество, а также с целью распространения миссии Ислама во всем мире путем даъва (призыва) и джихада», — говорится в программе «Хизбут-Тахрир»⁴³⁶. По мнению идеологов партии, данный «халифат» должен был устанавливаться всеми доступными путями, хотя в разговорах с правозащитниками они подчеркивали сугубо пацифистский характер своей организации. Другое дело, что никто, кроме правозащитников и специально подготовленных лоббистов, в их добрые намерения не верил⁴³⁷.

Первая кампания по борьбе с хизбутовцами началась осенью 2004 года. Были произведены аресты активистов этого движения в Нижневартовске, Казани и Нижнем Новгороде⁴³⁸. Среди задержанных самой колоритной личностью оказался узбек Алишер Усманов — преподаватель Казанского высшего медресе им. тысячелетия Ислама. При обыске у него были обнаружены довольно типичные улики: граната, взрыватель, тротиловая шашка, брошюры и листовки экстремистского содержания, включая сочинение печально известного Усамы Бен Ладена «Военные занятия в джихаде против тирании»⁴³⁹. В июне 2005 года Усманов был приговорен к 9 месяцам лишения свободы за незаконное хранение оружия — по другим статьям нужного количества доказательств собрать не удалось, зато трое коллег по татарстанской ячейке получили по 4,5 года⁴⁴⁰. Впоследствии Усманов был экстрадирован в Узбекистан, где его посадили уже на восемь лет — в память о былых «заслугах»⁴⁴¹.

Приверженцы «Хизбут-Тахрира» обычно привлекались по статьям 222 («Незаконное приобретение, передача, сбыт,

хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»), 205 («Терроризм») и 282 УК РФ («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»). География их арестов расширялась — ячейки «Хизбут-Тахрира» были обнаружены в Уфе, Баймаке, Белорецке, Набережных Челнах, Альметьевске, Чистополе, Самаре, Тюмени, Тобольске, Омске, ее листовки распространялись даже в московской Соборной мечети⁴⁴². При этом на Северном Кавказе активность хизбутовцев была значительно меньше — видимо, эта территория и без того неплохо осваивалась разного рода джамаатами.

Конечно, хизбутовцы пытались сопротивляться. Учтивая российскую специфику, они решили воздержаться от силовых акций, которые активно практиковали, например, в Узбекистане⁴⁴³. Кроме того, сеть их ячеек еще только формировалась, поэтому создавать на их базе террористические отряды было признано нецелесообразным. Помимо правоохранителей и ангажированных журналистов неоценимую помощь хизбутовцам оказал верховный муфтий Нафигулла Аширов, по заказу международного общества «Мемориал» подготовивший апологетическое заключение по брошюрам «Хизбу-т-Тахрира»⁴⁴⁴. После того, как данный документ стал использоваться эмиссарами этого движения наряду с уже имевшимися листовками, московская городская прокуратура вынесла «Мемориалу» предупреждение по факту размещения на его сайте пропагандистских материалов террористической организации. Сам Аширов при этом был обвинен в «пропаганде идей сопротивления «незаконным» (с его точки зрения), действиям исполнительной и судебной властей Российской Федерации»⁴⁴⁵.

В целом к середине 2006 года за решеткой оказались несколько десятков активистов «Хизбут-Тахрира», среди которых оказался даже один имам — «русский» мусульманин Дмитрий Петриченко из Тобольска⁴⁴⁶. Немало хизбутовцев получили условные сроки либо были приговорены к штра-

фам. Тем не менее российское руководство этой организации сумело избежать серьезных проблем и продолжило свою деятельность по установлению всемирного «халифата».

Помимо антихизбутовских кампаний, правоохранительные органы не забывали и о других участках работы. Наиболее сильные и последовательные удары были нанесены ими по семье Шангареевых, члены которой давно значились в числе приоритетных целей. 18 марта 2005 года Икрянинское РОВД Астраханской области возбудило уголовное дело в отношении Мансура Шангарева, брата муфтиев Исмаила и Тагира Шангареевых. 22 марта он был арестован по обвинениям в мошенничестве, хранении оружия и наркотиков, а также разжигании религиозной розни⁴⁴⁷. 26 декабря 2005 года Шангареев решением суда был признан виновным в незаконном хранении боеприпасов (ст. 222) и наркотиков (ст. 228) и осужден на три года лишения свободы⁴⁴⁸.

Захват боевиками школы в Беслане пагубно сказался и на судьбе бугурусланского медресе «Аль-Фуркан», несколько выпускников которого оказались причастны к этой террористической атаке⁴⁴⁹. С сентября 2004 года медресе неоднократно подвергалось обыскам, в ходе которых на его территории были обнаружены взрывчатые вещества и литература экстремистского содержания⁴⁵⁰. С марта 2006 года обыски стали проводиться и в московской квартире муфтия Исмаила Шангареева, который связывал свои беды с клеветническими выпадами коллег по цеху⁴⁵¹. По результатам антишангареевской кампании медресе «Аль-Фуркан» окончательно прекратило свое существование, а некогда активная информационная деятельность муфтия Исмаила Шангареева свелась к элементарной самозащите. Впрочем, возглавляемое им ДУМ «Ассоциация мечетей России» особого урона от этого не понесло.

В марте 2004 года в Россию были доставлены уроженцы Татарстана, Башкортостана, Кабардино-Балкарии, Тюменской и Челябинской областей, которые попали в американс-

кий концентрационный лагерь «Гуантанамо» за участие в боевых действиях на стороне движения «Талибан»⁴⁵². Вполне предсказуемо интерес к семерым «талибам» проявили и российские правоохранительные органы, которые инкриминировали им участие в преступном сообществе, незаконный переход границы и наемничество. Начавшийся по этому делу судебный процесс быстро завершился оправданием сторонников «Талибана», которые были отпущены по домам⁴⁵³. Правда, ненадолго.

В апреле 2005 года татарстанские «талибы» Тимур Ишмурадов и Равиль Гумаров подверглись аресту по обвинению в организации взрыва газопровода в татарском городе Бугульме⁴⁵⁴. Еще двое их коллег, Айрат Вахитов и Рустам Ахмяров 27 августа того же года были задержаны в квартире председателя Исламского комитета России и вывезены в Татарстан, где были допрошены по тому же делу и позднее отпущены⁴⁵⁵. Во время террористической атаки на Нальчик в октябре 2005 года в числе боевиков оказался и «талиб» Расул Кудаяв, который в настоящее время задержан и находится под следствием⁴⁵⁶.

В течение 2005—2006 годов эпизодические удары наносились также по эмиссарам пакистанского общества «Таблиг», пользовавшегося покровительством Саратовского муфтията⁴⁵⁷, последователям радикального турецкого мыслителя Сайда Нурси⁴⁵⁸, а также среднему медресе в пензенском селе Средняя Елюзань, которое оказалось крупным рассадником экстремистской идеологии⁴⁵⁹. Последний случай вызвал крайне бурную реакцию татарстанских властей и саратовского муфтия Мукаддаса Бибарсова, которые даже пожаловались на освещавшую эти события газету «Известия» Президенту России. Впрочем, Владимир Путин с их доводами не согласился⁴⁶⁰.

В целом же особых успехов на фронте борьбы с терроризмом достигнуто не было из-за несовершенства законодательства и умелой мимикрии экстремистских организаций.

21. Конфликт Совета муфтиев России с Русской Православной Церковью — выход в свет книги «Новейшая история исламского сообщества России»

30 сентября 2005 года Президент РФ Владимир Путин в пятницу подписал указ «Об утверждении членов Общественной палаты Российской Федерации». Интересы мусульманского сообщества в этом органе было поручено представлять муфтию Равилю Гайнутдину, который, наконец, получил некоторое преимущество перед своими конкурентами Талгатом Таджуддином и Исмаилом Бердиевым⁴⁶¹. С точки зрения самого московского муфтия, это назначение подняло его на недосягаемую высоту, тем более, что и ЦДУМ, и КЦМСК находились на тот момент в состоянии кризиса. Воодушевленный успехами Равиль Гайнутдин искренне недоумевал — почему архиереи Русской Православной Церкви не хотят последовать его примеру и предать Талгата Таджуддина, который почти уже вышел из игры? Почему они никак не реагируют на «отлучение» председателя ЦДУМ от ислама, не верят слухам о его психическом нездоровье и не хотят выгнать верховного муфтия из Межрелигиозного совета России?

Между тем это обстоятельство постоянно расстраивало планы Совета муфтиев России, претендовавшего на статус единственного выразителя интересов российской уммы. Точка зрения Равиля Гайнутдина интересовала представителей Русской Православной Церкви только в том случае, если совпадала с их собственной точкой зрения. В противном случае московскому муфтию деликатно давали понять, что помимо него в стране есть еще 60 человек с аналогичным духовным званием и они в большинстве своем ничего против инициатив Церкви не имеют. Действительно, и ЦДУМ, и КЦМСК всегда поддерживали планы по введению «Основ православной культуры» и института военных священни-

ков, равно как и не протестовали против повышения роли Церкви в обществе. И у них были на то веские причины — данные предложения вполне отвечали интересам компактно проживающих мусульман.

Такая ситуация категорически не устраивала руководство Совета муфтиев России, которое и без того не питало симпатий к православным. Ему нужен был повод для атаки на Церковь, которую требовалось наказать за неверное понимание исламской политики. Как ни странно, такой повод предоставила вышедшая в конце октября книга «Новейшая история исламского сообщества России».

О публикации исследования по новейшей истории российской уммы все ведущие мусульманские лидеры знали заранее, тем более, что в июне 2005 года ее проанонсировали ведущие информационные агентства. И Равиль Гайнутдин, и Талгат Таджуддин, и Магомед Албогачиев согласились, что необходимость в подготовке такой монографии назрела давно, и не возражали против того, что ее автором выступает исполнительный секретарь Межрелигиозного совета России. И ему не было оснований им не доверять.

Первым из мусульманских лидеров «Новейшую историю исламского сообщества России» прочитал саратовский имам Мукаддас Бибарсов. Что конкретно обидело его в этом исследовании, сказать сложно, однако 20 октября 2005 года он выразил глубокое негодование муфтию Равилю Гайнутдину. В тот же день Бибарсов выступил с программным интервью portalу «Ислам.ру», которое и дало старт многомесячному скандалу вокруг «Новейшей истории»⁴⁶².

По замыслу саратовского муфтия и его сподвижников, главную роль в начинающемся скандале должен был сыграть верховный муфтий Талгат Таджуддин, который специально настраивался в нужном ключе. «Доброжелатели» сочувственно поведали верховному муфтию, что вконец обнаглевшие православные специально написали эту книгу для его дискредитации. В свою очередь, председатель ЦДУМ дал понять, что поддержит Равиля Гайнутдина в том случае, если

он выдвинет ультиматум Русской Православной Церкви и пригрозит выйти из Межрелигиозного совета России. И Равиль Гайнутдин этому поверил, благодаря чему стал жертвой красивой комбинации своего бывшего учителя.

1 декабря Совет муфтиев России выступил с гневным обращением, в котором, частности, говорилось: «Вышедшая недавно книга «Новейшая история исламского сообщества России», написанная Исполнительным секретарем Межрелигиозного совета России (МСР) Романом Силантьевым, несопоставима не только с принципами честной и объективной дискуссии, но и с элементарнейшими нормами общечеловеческой этики и морали, а тем более этики межрелигиозного общения. Не прослеживается в ней и признаков научного исследования. (...)

Однако в книге с помпезным названием «Новейшая история исламского сообщества России», претендующей на статус фундаментального научного труда, не нашлось ни единого слова ни о восстановленных мечетях и помощи в этом богоугодном деле православных братьев наших, ни о пожертвовании мусульман на возрождение христианской святыни — Храма Христа Спасителя и других храмов, ни об участии воинов-мусульман в ратных подвигах за Россию, ни о подвиге дагестанских мусульман, отразивших агрессию международного терроризма в 1999 году и предотвративших полномасштабную войну внутри России, ни о муфтиях, выступающих против терроризма и экстремизма, ни о социальном служении российских мусульман! — Ни одного слова о чем-либо добром и полезном.

Зато все 600 страниц «фолианта» посвящены описаниям даже не проверенных, не говоря уже о научной достоверности, скандалов, слухов и сплетен, как если бы ничего иного за эти годы в жизни российских мусульман не происходило. Причем, большинство из приведенных слухов принадлежат анонимам или самому Силантьеву. — Без «ложной скромности» он многократно ссылается на себя как на первоисточник.

Так, про соучредителя и члена Президиума Межрелигиозного совета России, главу Совета муфтиев России Исполнительный секретарь МСР пишет: «Председатель СМР... неоднократно обвинялся своими оппонентами в тесных связях с «казанской» ОПГ, а также с различными чеченскими преступными группировками» (с. 443). Автор не опровергает и даже не подвергает сомнению приведенные им непроверенные слухи, но решает их опубликовать, тем самым солидаризируясь с приведенными им обвинениями. Поэтому есть все основания считать решение Силантьева опубликовать такие порочащие честь и достоинство человека слухи преднамеренной клеветой.

Для усугубления картины, Силантьев не гнушается использовать антисемитские настроения: он мусолит факт встречи муфтия Равиля Гайнутдина с послем Израиля, причем в негативной манере подачи информации (с. 446).

Предположение, что Силантьев в такой форме не вполне адекватно решил бороться с угрозой «радикальных исламистов» в России, является несостоятельным, поскольку всенародное шельмование и оскорбление руководителей почти всех центров традиционного ислама России и подчиненных им организаций — это не что иное, как прямое пособничество ваххабитам и подстрекательство к радикальным действиям всех, кто хочет заменить якобы «оскандалившихся» традиционных исламских священнослужителей — муфтиев — на вооруженных «амиров» экстремистских джамаатов.

В книге оказались «скандальными и порочными» все муфтияты, все российские священнослужители и мусульмане. Такой книге больше подошло бы название, как: «Дневник антиисламского папарацци» или «Пособие по разжиганию межрелигиозной нетерпимости и вражды». Мусульмане России выражают свое решительное возмущение фактом выхода в свет пасквильной по характеру книги «Новейшая история исламского сообщества России», оскорбительной по содержанию и манере изложения, порочащей честь и до-

стоинство Глав мусульманских религиозных центров и 20-миллионной уммы российских мусульман»⁴⁶³.

Ожидалось, что с этим заявлением вскоре солидаризируются Талгат Таджуддин, и страницы дружественных Гайнутдину СМИ уже запестрели заголовками типа «Православные объединили муфтиев», однако события стали развиваться совсем по другому сценарию. После недельного молчания председатель ЦДУМ заявил, что не имеет никаких претензий ни к Межрелигиозному совету России, ни к Русской Православной Церкви. В этом его поддержали мусульмане Северного Кавказа, после чего Равиль Гайнутдин в очередной раз обнаружил, что выступает только от своего собственного имени, а вовсе не выражает общую точку зрения российских мусульман.

Тем не менее 20 декабря 2005 года президиум Межрелигиозного совета принял отставку своего исполнительного секретаря и выступил со специальным заявлением по этому поводу⁴⁶⁴. Еще раньше скандал прокомментировала Служба коммуникаций Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, которая процитировала слова Р. Силантьева о том, что его позиция не должна ассоциироваться с позицией Церкви или Межрелигиозного совета России⁴⁶⁵.

Между тем автор «Новейшей истории» получил прекрасную возможность встать на место главных героев своей книги. Его обвиняли в исламофобии и шпионаже, злоупотреблении доверием людей и научной недобросовестности, работе на ЦРУ и «Моссад», тайной приверженности хасидизму, ваххабизму, движению скинхэдов и секте методологов, сумасшествию и алкоголизму⁴⁶⁶. Муфтии Равиль Гайнутдин и Мукадас Бибарсов требовали изгнать его из Русской Православной Церкви⁴⁶⁷, а Союз исламских журналистов выдвинул «Новейшую историю исламского сообщества России» на соискание премии «за лучшее произведение 2005 года в жанре художественной фантастики»⁴⁶⁸.

Апогеем этой кампании стало высказанное целым рядом аналитиков предположение, что скандал вокруг измене-

ния российского герба был устроен в отместку за «Новейшую историю»⁴⁶⁹. Впрочем, выдвигались и более экзотические версии. «Мы рассматриваем поднятую в ряде СМИ истерику с клеветническим приписыванием мусульманам каких-то «требований», «ультиматумов» и т.п. как недобросовестную попытку замаять скандал с книгой Р. Силантьева, взорвавшей изнутри Межрелигиозный совет России. Истинные виновники разжигания исламофобии и стали инициаторами пиар-кампании с госсимволикой, чтобы переложить ответственность с «больной головы на здоровую». Они готовы пожертвовать интересами межрелигиозного мира исключительно ради «чести мундира», — говорилось в заявлении сайта «Ислам-инфо»⁴⁷⁰.

С середины декабря вал отрицательных откликов на книгу сменился рецензиями противоположной тональности. Неожиданно выяснилось, что из всех исламоведов претензии к книге имеет только главный редактор гайнутдиновской газеты «Ислам Минбэре» Талиб Саидбаев⁴⁷¹, в то время как ведущие специалисты в этой области Айслу Юнусова, Рафик Мухаметшин, Павел Пучков и Алексей Малащенко сугубо приветствуют ее появление. Более того, положительные отклики на книгу дали муфтии Магомед Албогачиев, Шафиг Пшихачев, Мухаммадгали Хузин, Исмаил Шангареев и первый заместитель муфтия Татарстана Валиулла Якупов⁴⁷².

В начале февраля стало известно, что верховный муфтий Талгат Таджуддин изложил свою позицию по книге в письме Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, которое было зачитано на очередном заседании Межрелигиозного совета. «Монографию «Новейшая история исламского сообщества России» характеризует апологетический подход к традиционному исламу, солидная и детально проработанная фактологическая база, потребовавшая кропотливых и целенаправленных усилий по ее сбору и систематизации. Прделанная автором работа выгодно отличается как стремлением к минимизации авторских оце-

нок, так и отсутствием субъективизма в целом, что немало важно. Вместе с тем, Р.А. Силантьев должен был учитывать, что клеветнические измышления и неприглядные факты, приведенные им в качестве иллюстрации к диффамационным кампаниям против лидеров традиционного ислама, могут быть растиражированы в СМИ сторонниками ваххабитской идеологии вне того контекста, в котором они изложены в книге.

...

К сожалению, вынужден констатировать, что выход в свет научной монографии «Новейшая история исламского сообщества России» был использован рядом исламских деятелей для обострения отношений с Русской Православной Церковью, что явно свидетельствует о непонимании ими давно назревшей необходимости в появлении подобного труда, прежде всего для самого мусульманского сообщества России», — говорилось в нем⁴⁷³. Тогда же члены Межрелигиозного совета осудили антихристианскую книгу «Евангелие глазами мусульманина: два взгляда на одну историю», очень вовремя опубликованную советником Гайнутдина Вячеславом-Али Полосиным⁴⁷⁴.

В начале мая 2006 года газета «Известия» опубликовала интервью с председателем ЦДУМ, в котором он привел выдержки из ответа Патриарха на свое письмо по книге. «Его Святейшество направил мне весьма теплый ответ, в котором подчеркнул, что Русской Православной Церкви было весьма важно получить официальный комментарий старейшей мусульманской организации России по поводу данной книги. Он отметил, что значительная часть рецензентов солидарна со мной в положительных оценках научного труда Р.А. Силантьева и согласился с тем, что автор должен учесть высказанные замечания в своей дальнейшей работе. Для ЦДУМ особенно значимо, что Патриарх поблагодарил нас за конструктивную позицию по этому вопросу, а также выразил признательность Координационному центру мусульман Северного Кавказа и тем представителям Совета муфтиев Рос-

сии, которые объективно оценили книгу Силантьева. На этом, я полагаю, вопрос с «Новейшей историей исламского сообщества России» исчерпан», — заявил он тогда⁴⁷⁵. И действительно, на этом вопрос с книгой был исчерпан.

В итоге самым пострадавшим в этой истории оказался Равиль Гайнутдин. Неприглядные для него факты из книги была растиражированы центральными СМИ вне своего контекста, в результате чего слухи о связях московского муфтия с различными преступными группировками стали восприниматься мусульманами как реальный факт. Помимо этого, Гайнутдин смог в очередной раз убедиться в том, что его точка зрения малоавторитетна для большинства российских муфтиев и почти всех исламоведов, а заодно поссорился с православной общественностью. «Так уж вышло, что Силантьев сорвал овечьи шкуры с волков и показал истинные лица тех людей, которые хотели захватить власть в российском исламе. Теперь этим людям, которые хотели стать единоличными властителями отечественной уммы, следует подумать — а не стыдно ли им за свое прошлое? За предательство близких родственников, учителей и соратников, за реверансы в сторону бандитов и террористов, за оскорбления инаковерующих?», — говорилось в принятом ее акти-вистами обращении⁴⁷⁶.

Вряд ли повысился авторитет московского муфтия и в глазах высокопоставленных чиновников, которые воочию убедились в том, что он может устроить масштабный скандал на пустом месте и на основании непроверенных данных спровоцировать межрелигиозный конфликт. Лидеры иудейской общины также не порадовались случившемуся и выразили готовность предъявить Равилю Гайнутдину претензии относительно антисемитских выпадов его сопредседателя Мукаддаса Бибарсова⁴⁷⁷. Зато председатель ЦДУМ получил немало бонусов как мудрый и рассудительный духовный лидер, миротворец и настоящий друг Церкви.

Самолюбие московского муфтия не позволяло ему признать тот факт, что автором такой красивой партии высту-

пил «сумасшедший» Талгат Таджуддин, поэтому вся ответственность за случившееся была возложена на «антиисламское» крыло Русской Православной Церкви⁴⁷⁸. В середине февраля Гайнутдин нанес по православным ответный удар, заявив, что мусульман в России проживает в семь раз больше, чем православных, и вообще «православные архиереи занижают число мусульман в стране»⁴⁷⁹. Затем он подверг резкой критике Межрелигиозный совет России⁴⁸⁰ и объявил о создании при Совете муфтиев альтернативной ему комиссии по исламо-христианскому диалогу во главе с «русским» мусульманином Искандером Казаковым⁴⁸¹.

Кроме того, Совет муфтиев России выступил со специальными заявлениями против введения «Основ православной культуры» и института военных священников, в которых присутствовали следующие оценки: «Введение курса «Основ православной культуры» в основную программу государственной школы станет проявлением государственной политики в сфере образования и первым шагом к проявлению признаков становления «православного» государства»⁴⁸² и «нашу тревогу разделяют все, кроме РПЦ, представители религиозных направлений, в том числе христианские. Они, как и мы, выступают против поспешного введения в Армии института военных священников»⁴⁸³. На этой почве Совет муфтиев попытался сблизиться с католиками и протестантами⁴⁸⁴, однако вопреки его ожиданиям Католическая церковь поддержала все указанные инициативы Московского Патриарха⁴⁸⁵, а протестанты без восторга восприняли специально направленный против них труд Полосина⁴⁸⁶.

Конфликт Совета муфтиев с Русской Православной Церковью получил отражение и на региональном уровне. После ряда провокационных антиправославных публикаций на официальном сайте ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области⁴⁸⁷ Нижегородская епархия прекратила с ним всякие отношения и выступила со специальным заявлением следующего содержания: «В последнее время некоторые представители Духовного управления мусульман Нижегородской области (ДУМНО) выступили с заявлениями,

которые дестабилизируют сложившиеся межконфессиональные и межэтнические отношения в регионе. В связи с этим Нижегородская епархия Русской Православной Церкви заявляет, что Нижегородскую область всегда отличали веротерпимость, межрелигиозный мир и взаимное уважение традиционных для нашей страны религиозных сообществ. Подобного рода безответственные действия представителей Духовного управления мусульман Нижегородской области являются провокационными и направлены на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды. Нижегородская епархия выражает серьезную озабоченность в связи с вышеизложенным и призывает все здоровые силы общества противостоять участвующим попыткам расшатать стабильную политическую и религиозную ситуацию в регионе»⁴⁸⁸.

22. Исламское возрождение в период трансформации раскола

К середине 2006 года стало очевидно, что исламское возрождение в России состоялось. Количество мечетей в целом по стране практически сравнялось с дореволюционными показателями, а в некоторых регионах даже их превысило. Мусульманские общины, зарегистрированные и стихийные, появились в каждом регионе России, в каждом крупном городе. Количество исламских учебных заведений, внесенных в реестр Министерства юстиции на начало 2004 года, достигло 68, в то время как Русская Православная Церковь на это время располагала всего 59 учебными центрами. Значительный прогресс по сравнению с 1996 годом наблюдался и в других сферах.

Общее положение российской уммы на середину 2006 года. На начало 2005 года исламское сообщество России располагало 3642 зарегистрированными общинами (16,3% от

общего числа зарегистрированных общин), которые управлялись 59 централизованными структурами. Наибольшее количество мусульманских общин действовало в Республике Татарстан (1016), Республике Дагестан (622) и Республике Башкортостан (448). При этом в Совет муфтиев России входило около 1800 общин, в КЦМСК — около 1000, и в ЦДУМ — около 800⁴⁸⁹.

Перепись населения 2002 года показала, что верхняя планка численности российских мусульман даже с учетом неграждан России не превышает четырнадцати с половиной миллионов человек. За время, прошедшее с переписи 1989 года, этнический состав российской уммы претерпел существенные изменения. В ней возросла доля выходцев с Северного Кавказа и Средней Азии, в то время как доля татар заметно упала. В связи с растущей полиэтничностью исламской общины России татарский язык постепенно вытеснялся из мечетей языком межнационального общения — русским, на котором стала выпускаться основной объем религиозной литературы⁴⁹⁰.

Внешняя политика российской уммы. Заключительный период реисламизации характеризовался также значительным развитием внешних контактов российской уммы, которая окончательно осознала себя неотъемлемой частью мусульманского мира. Делегации российских мусульман стали чаще выезжать в арабские страны Ближнего Востока, принимать участие в исламских конференциях и вступать в международные мусульманские организации — Организацию Исламской конференции, Европейскую исламскую конференцию, Лигу исламского мира и целый ряд других. В марте 2004 года на II Межрелигиозном миротворческом форуме был создан Межрелигиозный совет СНГ, в который вошли шесть российских мусульманских лидеров — муфтии Исмаил Бердиев, Равиль Гайнутдин, Талгат Таджуддин, Мухаммадгали Хузин, Шафиг Пшихачев и имам-хатыб Харис Саубьянов. Соответственно в 2002 и в 2004 году муфтии Равиль и

Талгат Таджуддин были приглашены в Европейский совет религиозных лидеров, действовавший под эгидой Всемирной конференции религий за мир — самой крупной и авторитетной международной межрелигиозной организации⁴⁹¹.

Растущее число мусульман, желающих выехать на хадж, сделало это ежегодное паломничество вопросом государственной важности. 18 июня 2002 года по настоянию Саудовской Аравии был образован Совет по хаджу при Правительстве РФ, в который вошли представители всех крупнейших российских муфтиятов и ряд государственных чиновников. Этот совет был уполномочен решать все связанные с хаджем вопросы и делать его проведение максимально удобным для паломников, которые прежде нередко становились жертвами недобросовестных посредников⁴⁹².

Уполномоченным по хаджу стал депутат Госдумы Ахмад Билалов, баллотировавшийся по спискам движения «Рефах». К этому времени он прекратил свое участие в программах Абдул-Вахеда Ниязова и сконцентрировался на внешнеисламской деятельности. Трудями Билалова и его совета процедура выезда на хадж упростилась, однако при этом ежегодная квота российских паломников была сокращена.

Внутренняя политика российской уммы. К 2006 году в большинстве мест компактного проживания мусульман, а также крупных городах в достаточной мере сформировалась халяльная инфраструктура, позволявшая приверженцам ислама чувствовать себя максимально комфортно. К появившимся еще в начале 90-х годов специализированным кафе и ресторанам добавились «шариатские» супермаркеты, на многих мясокомбинатах и кондитерских фабриках были запущены специальные линии халяльной продукции, а в парфюмерных магазинах стал доступен большой ассортимент восточных благовоний и духов⁴⁹³. Кроме того, стали повсеместно возникать бутики мусульманской одежды, один из которых даже открыл специализированный сайт «Аль-Бара-

кят»⁴⁹⁴. «Бадр-Форте Банк» и потребительское общество «Мэнзил» разработали даже схему мусульманской ипотеки, при которой стало возможно приобретать квартиры в кредит сообразно нормам шариата⁴⁹⁵.

Значительный прорыв был достигнут в сфере медицинских услуг, ранее ограничившейся только кабинетами для сунната — обрезания. В 2002 году в Татарстане была создана Ассоциация табибов — мусульманских врачей, призванная с исламских позиций бороться с распространением алкоголизма, наркомании и курения⁴⁹⁶. Усилиями правозащитной ассоциации «Хак-Справедливость» осенью 2005 года в Москве открылись мусульманский родильный дом и семейный стоматологический центр, работающие в соответствии с требованиями шариата⁴⁹⁷. Впрочем, доходило и до курьезов — так, в 2006 году в Москве начал работу Центр пророческой медицины, специалисты которого обещали вылечить большинство известных болезней кровопусканием и черным тмином. Инициаторами создания Центра выступили представители салафитского крыла «русских мусульман», многие из которых действительно имели большой опыт в кровопускании⁴⁹⁸.

Со своей стороны, муфтияты не оставляли попыток изыскать дополнительные источники финансирования. Так, ДУМ РТ не оставляло надежды возродить практику закята, для чего организовало Комитет по сбору и Совет по распределению закятных средств⁴⁹⁹. ДУМЕР решило зарабатывать деньги на маркировке халяльной продукции, обязав ее производителей делать благотворительные взносы в свою пользу⁵⁰⁰, а также ввело принудительное платное рецензирование для литературы, распространяющейся в его книжных киосках⁵⁰¹. При этом большинство муфтиятов активно участвовало в организации хаджа, что также приносило определенный доход. В то же время ни одна мусульманская структура не последовала примеру Русской Православной Церкви и не открыла собственных производств или сельхозпредприятий.

23. Новыетенденции в информационной сфере российского ислама

Печатные СМИ. Первая серьезная попытка создать общероссийскую мусульманскую газету была предпринята в преддверии парламентских выборов 1999 года. В начале декабря этого года мусульманский деятель Вячеслав-Али Полосин совместно с движением «Рефах» основал новое печатное средство массовой информации, без особой фантазии названное «Мусульманской газетой». Тираж первых выпусков «Мусульманской газеты» составлял 500 тысяч экземпляров и распространялся преимущественно бесплатно, что стало прямым следствием ее рекламного характера. На страницах этой газеты преобладали материалы, восхваляющие движение «Рефах» и его союзников в исламском мире — в первую очередь муфтия Нафигуллу Аширова⁵⁰².

Довольно быстро лидер «Рефаха» Абдул-Вахед Ниязов посчитал, что «Мусульманская газета» выполнила все поставленные перед ней цели, и прекратил ее финансирование, однако идея создать полноценную общероссийскую исламскую газету оставалась весьма заманчивой. В конце 2001 года бывший главный редактор «Мусульманской газеты» Вячеслав-Али Полосин с помощью ДУМ Дагестана нашел средства на издание газеты «Все об исламе», ориентированной на максимально широкий круг читателей. Параллельно с этой газетой ДУМ Дагестана начало издавать богато иллюстрированный глянцевого журнала «Ислам», который, правда, выходил не чаще четырех раз в год. Таким образом, к 2002 году Махачкалинский муфтият завершил создание сильной медиа-группы федерального значения, которая включала в себя не только упомянутые печатные, но и сетевые СМИ⁵⁰³.

Из других мусульманских газет, возникших после 1995 года, можно отметить издания ДУМАЧР — газеты «Мусульмане Сибири» и «Регион Сибирь», издававшиеся довольно крупным тиражом и освещавшие жизнь зауральских общин

в выгодном для ДУМАЧР свете. Новые издания появились и у других муфтият — Регионального ДУМ Пермской области (газета «Халык Авазы»), Единого ДУМ Пензенской области (газета «Солнце Ислама»), ДУМ Республики Мордовия («Ислам в Мордовии»), ДУМ Самарской области (газеты «Азан» и «Салам») и целого ряда других. Печатными СМИ располагали и радикальные мусульмане — в первую очередь к ним относилась газета Исламского конгресса России «Мысль» (или «Современная мысль»), а также скандально известные издания ижевской ваххабитской общины «Саф Ислам» и «Ихлас».

Радиоэлектронные СМИ. Долгое время эта область СМИ была болезненным местом российской уммы. Конечно, в Дагестане, Ингушетии, Татарстане и Чечне таких проблем с освещением исламской жизни не существовало, однако многих мусульман обижало недостаточное, по их мнению, внимание к этой теме центральных телеканалов и радиостанций. Действительно, из светских радиостанций место для мусульманской передачи предоставило только «Радио России», на волнах которого с 1990 года выходила программа Сергея-Джанната Маркуса «Голос Ислама». Ориентированные же на мусульман передачи на федеральных каналах телевидения быстро закрывались из-за недостатка финансирования либо по идеологическим соображениям. Из подобных неудачных проектов можно вспомнить исламский раздел в религиозной программе «Ныне» на Первом канале, передачи «Все суры Корана» на канале «Культура» и «Тысяча и один день» на канале РТР. Следует заметить, что на закрытие этих программ не в последнюю очередь повлиял маргинальный философ Гейдар Джемаль, не стеснявшийся использовать их для пропаганды своих экстремистских взглядов⁵⁰⁴.

15 февраля 2002 года в эфире канала РТР вышел первый выпуск пятнадцатиминутной программы «Мусульмане», которая быстро завоевала популярность среди российских мусульман. Как и предыдущие телепередачи, она была ори-

ентирована на Совет муфтиев России, что, впрочем, объяснялось большей активностью этой структуры в информационном поле. К началу 2005 года программа «Мусульмане» выглядела успешным телевизионным проектом и не собиралась прекращать свою деятельность⁵⁰⁵.

Сетевые СМИ. С развитием информационных технологий в сети Интернет с 1998 года стали проявляться мусульманские русскоязычные ресурсы, количество которых к 2004 году достигло нескольких десятков. Большая часть подобных сайтов содержала только небольшую библиотечку исламской литературы, а также подборку статей с элементарным описанием мусульманского вероучения и культовой практики, однако лицо мусульманского Рунета определяли не они.

Самым посещаемым исламским сайтом стал «независимый информационный портал «Ислам.ру», который в действительности лоббировал интересы ДУМ Дагестана и всего тарикатистского движения этой республики. Публикации портала отличались непримиримым отношением к ваххабизму и одновременно содержали жесткую критику всего официального мусульманского духовенства — особенно муфтия Равиля Гайнутдина и руководства ЦДУМ.

Запущенный в 2000 году портал «Ислам.ру» практически сразу стал доминировать в мусульманском информационном пространстве, и лишь в 2003 году были предприняты попытки создать альтернативные ему новостные ресурсы, призванные отражать точку зрения Совета муфтиев России. Поставленных целей эти попытки не достигли — имевший все шансы стать серьезным конкурентом «Исламу.ру» портал «Исламинфо.ру» проработал всего год и прекратил свое существование из-за недостатка финансирования, а созданный на его базе сайт Союза мусульманских журналистов «Ислам-инфо.ру» оказался способен транслировать лишь выборочные новости и аналитические материалы⁵⁰⁶.

Помимо упомянутых ресурсов, интересы Совета муфтиев России в Рунете представляли его официальный сайт «Муслим.ру», аналитический портал ДУМ Поволжья «Ансар.ру», сайт настоятеля московской Мемориальной мечети имам-хатыба Шамиля Аляутдинова «Умма.ру», а также сайты ДУМ Республики Мордовия и ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Отдельного упоминания заслуживает блок татарстанских исламских сайтов, в первую очередь — официального сайта ДУМ Республики Татарстан и действующего при нем новостного портала. Свои странички в сети имели и отдельные общины Совета муфтиев — ивановская, санкт-петербургская, петрозаводская и некоторые другие⁵⁰⁷.

ЦДУМ вело свою работу в Интернете в основном благодаря усилиями пермского муфтия Мухаммадгали Хузина. Первые несколько лет все новости ЦДУМ транслировались через сайт Регионального ДУМ Пермской области www.gdumpo.permonline.ru, затем были разработаны более мощные порталы «ЦДУМ.ру» и «Мослем.ру». К 2004 году главным ресурсом ЦДУМ стал сайт «Мослем.ру», по целому ряду параметров превосходивший аналогичный сайт Совета муфтиев России. Также в сети появились сайты и отдельных муфтиятов ЦДУМ — самарского, екатеринбургского, омского, ханты-мансийского, украинского и чувашского⁵⁰⁸.

Слабее всего в Рунете оказались представлены традиционные мусульмане Северного Кавказа. Как уже упоминалось выше, портал «Ислам.ру» и другие дагестанские ресурсы не стали выразителем их интересов, а другими крупными ресурсами северокавказские мусульмане не располагали. В то же время радикально настроенные группы внутри российской уммы ориентировались преимущественно на главный новостной сайт чеченских боевиков «Кавказ-центр» и его многочисленные клоны, а также на сайты Исламского конгресса, Исламского комитета, портал «русских» мусульман «Коран.ру» и ресурс «Ваххабизм.ру»⁵⁰⁹.

Книгоиздательство и новые переводы Корана. Исламское книгоиздательство в России к 2004 году по-прежнему пребывало в неудовлетворительном состоянии. За прошедшие с начала исламского возрождения 15 лет книжный рынок оказался практически не заполнен сочинениями российских мусульманских деятелей. Ведущие издательства духовной литературы — «Бадр», «Ансар», «Умма» и фонд Ибрагима Бин Абдулазиза Аль Ибрагима выпускали в основном книги арабских и турецких мыслителей, немалую часть из которых составляли откровенно экстремистские сочинения.

Ассортимент среднестатистического мусульманского книжного магазина выглядел довольно скромно и был представлен в основном многочисленными переводными пособиями для неофитов, сочинениями многогранного турецкого ученого, скрывающегося под псевдонимом «Харун Яхья», календарями и полуокультурной литературой — сонниками, исследованиями о природе джиннов и инопланетян, любви и сексе с точки зрения шариата. По-настоящему серьезная литература часто ограничивалась различными переводами и пересказами Корана, а также сборниками хадисов и тафсиrow. Среди российских мусульманских лидеров наиболее популярными писателями оказались имам-хатыб московской Мемориальной мечети Шамиля Аляутдинова и имам набережно-челнинской мечети «Таубэ» Идрис Галяутдинов. В Москве в книжных ларьках и магазинах можно было часто встретить книги муфтия Равиля Гайнутдина, в Татарстане — муфтия Гусмана Исхакова и его первого заместителя Валиуллы Якупова, а в Дагестане — наиболее известного тарикатистского шейха Саида-афанди Чиркейского.

К началу нового века российская умма располагала значительным количеством русских переводов Корана, в том числе и совсем новыми — Магомеда-Нури Османова и Виктора Ушакова. Несмотря на это, наибольшей популярностью среди российских мусульман продолжал пользоваться выдержавший более 10 изданий перевод И.Ю. Крачковского образца 1963 года⁵¹⁰. В Казани даже возникла исламская сек-

та «крачковцев», признававшая только эту версию перевода. С другой стороны, часть склонных к реформированию российского ислама деятелей выбрала своим идеалом уже упоминавшейся ранее перевод Валерии Пороховой, обвиняя Крачковского в серьезных искажениях коранического текста. Впрочем, алимы ДУМ Дагестана вообще объявили антиисламским любой перевод Корана на русский язык⁵¹¹.

24. Исламское просвещение в период трансформации раскола

К началу XXI века система исламского образования в России была количественно восстановлена в полной мере, однако качественно оказалась одной из худших в мусульманском мире. В 2004 году количество зарегистрированных средних и высших медресе, а также исламских институтов и университетов достигло 68. Очевидными центрами исламского просвещения стали Москва, Казань и Махачкала, где оказались сосредоточены самые известные мусульманские вузы. В целом же большинство исламских учебных заведений среднего и высшего уровня действовало под эгидой ДУМ РТ и ДУМ Дагестана.

Самым крупным и технически оснащенным исламским вузом России стал Российский исламский университет (РИУ), открытый в Казани в 1998 году. Его явные претензии на лидерство в сфере исламского просвещения были благожелательно восприняты не только республиканскими властями, но и федеральным центром, который был готов признать РИУ за образец умеренного и прогосударственного высшего медресе. В рамках РИУ предусматривалась возможность подготовки не только богословов, но и специалистов-теологов, получающих дипломы государственного образца⁵¹². К сожалению, 19 сентября 2005 года лицензия этого университета на образовательную деятельность не была продлена — неожиданно выяснилось, что действующий как

светское учебное заведение РИУ не может преподавать чисто религиозные предметы. ДУМ РТ было предложено либо преобразовать РИУ в сугубо светское учебное заведение, либо зарегистрировать его как религиозную организацию. Руководство Казанского муфтията выбрало второй вариант, однако из-за юридических сложностей не смогло его реализовать. В итоге 28 марта 2006 года муфтий Гусман Исхаков подал в отставку с поста ректора РИУ, а через месяц его примеру последовали более 20 преподавателей университета. Сейчас усилиями нового ректора РИУ Ильдуса Загидуллина этот вуз преобразуется в светское учебное заведение, что означает конец истории самого известного высшего медресе России⁵¹³. Впрочем, существует шанс, что традиции РИУ продолжит специально созданный в мае 2006 года Казанский исламский институт.

Ведущим мусульманским вузом в столице считается Московский исламский университет (МИУ), образованный в 1999 году на базе Высшего духовного исламского колледжа при ДУМЕР. По количеству студентов и преподавателей он значительно уступал РИУ, хотя также претендовал на ведущую позицию среди российских высших медресе. При этом в 2005 году суммарный годовой выпуск дневных отделений РИУ и МИУ не превышал 10 человек⁵¹⁴.

В Республике Дагестан головным мусульманским вузом стал Северокавказский исламский университет им. Мухаммада Арипа (СИУ), открытый в 2000 году в Махачкале. Столь громкое название этого университета было во многом оправдано — действительно, сопоставимого с ним по уровню высшего медресе не было ни в одном регионе Северного Кавказа. Как и в случае с РИУ, ректором которого стал татарстанский муфтий Гусман Исхаков, СИУ возглавил муфтий Дагестана Ахмад Абдулаев. Кроме СИУ, в Дагестане на стыке веков появились и другие ВУЗы — Исламский университет им. Имама Шафии (Махачкала), Исламский университет им. Сайфуллы Кади (Буйнакс), Институт им. Имама Шамиля (Кизилюрт), Институт им. Сайидмухаммадхаджи Абубака-

рова (Хасавюрт) и целый ряд других высших медресе с общим количеством студентов более 5000 человек⁵¹⁵.

В июне 2000 года в Дагестане открылось специальное медресе для женщин «Муслимаат», филиалы которого вскоре появились во всех крупных городах республики. Осенью 2004 года женское отделение было открыто также в РИУ, а за несколько лет до этого специальные женские курсы появились при МИУ⁵¹⁶.

Так выглядела ситуация в российской умме на середину 2006 года. Хотелось бы надеяться, что самые тяжелые потрясения остались для традиционных мусульман в прошлом, однако никаких серьезных оснований для такой надежды нет. Ситуация имеет устойчивую тенденцию к ухудшению, и это печальный факт.

Как сказал первый заместитель муфтия Нижегородской области Дамир Мухетдинов о перспективах российского ислама: «Есть глубокий системный кризис. Старое, «бухарское» поколение не совсем осознает, как решать проблему в новом времени, прежде всего проблему образования. Ситуация предреволюционная: верхи не могут управлять по-новому, низы, то есть мы, рядовые граждане, не можем жить по-старому. Нас не устраивает, когда в нас стреляют в любой момент по непонятной причине. Нас не устраивает, когда мы не знаем, чему нас учат в медресе и кто выходит из этих учебных заведений. Революция — худший вариант. Я думаю, что старое поколение должно эволюционно достойным образом подготовить новую элиту. Но этого, к сожалению, нет. Поэтому дела не очень обнадеживающие и радостные. Кавказ наступает»⁵¹⁷.

МУСУЛЬМАНСКИЕ ЛИДЕРЫ О РАСКОЛЕ

Верховный муфтий Талгат Таджуддин

— *Какова причина разногласий, возникших среди мусульман?*

— Среди мусульман Башкортостана и Татарстана нет никаких разногласий. Мы составляем одно целое. Это территория, на которой ДУМ существует уже 203 года, и никаких поводов для разногласий ни среди мусульман, ни среди населения этих регионов не существует. Есть искусственно созданный конфликт, подогреваемый людьми и организациями с темными помыслами, это идет от тех же сил, которые расчленили нашу страну и сейчас пытаются посеять семена раздора для расчленения самой России. И средством для этого были избраны Башкортостан и Татарстан и объединяющее их Духовное управление.

Нет повода говорить о расколе Духовного управления. Отпочкование кучки молодых, корыстных, не осознающих свои поступки людей не может помешать мирному шествию по пути возрождения наших духовных ценностей⁵¹⁸.

— *И как действуют представители «нетрадиционного ислама»?*

— Сегодня в России продолжается распространение влияния ваххабизма. Есть регионы, где открыто созданы параллельные исламские структуры при поддержке исламских центров. Мы об этом заявили в открытую, т.к. не могли больше молчать. Международные исламские центры, поддержанные миллионами долларов, занимаются созданием параллельных исламских структур в России. Сейчас раздаются предложения о создании в России «Высшего исламского со-

вета», который объединил бы ЦДУМ России, Координационный центр духовных управлений мусульман Северного Кавказа (КЦДУМ СК) и так называемый «Совет муфтиев России» (СМР). В этом вопросе мы, Центральное духовное управление мусульман России и КЦДУМ Северного Кавказа, полностью против, т.к. в «Совет Муфтиев России», помимо прочего, входят организации, являющиеся проводниками ваххабитских идей в течение последних десяти лет. Эти организации проводят десятки летних лагерей по всей России для отбора детей и их направления в зарубежные центры подготовки. С этими ваххабитами мы объединяться не можем, пока они не принесут покаяние за кровь и слезы на Северном Кавказе, пока не прекратят вести работу по дестабилизации жизни мусульманских общин нашей страны, деятельности, направленной на подрыв основ мира и стабильности во взаимоотношениях народов и традиционных конфессий России. Параллельные исламские структуры, ответственные за захваты мечетей в Ульяновской, Пензенской областях, а также за захват исторической мечети в Москве на Пятницкой. В Татарстане 2 октября 2001 года была захвачена мечеть Булгар — в попытке захвата участвовали десятки экстремистов. С криками «Аллах Акбар» они ринулись на штурм и нанесли серьезный материальный ущерб мечети, от осколков пострадали прихожане и служители мечети. В Татарстане вообще почти открыто насаждается ваххабизм.

В Сибири, Екатеринбурге тоже беспокойно — все это намеренно подогревается организациями, входящими в состав Совета муфтиев России. Поэтому такое предполагаемое объединение будет в интересах тех, кто распространяет экстремизм и ваххабизм. Мы против всего этого. В канун праздника Победы мы обратились к президенту по этому вопросу, и он полностью поддержал позицию ЦДУМ и КЦДУМ Северного Кавказа. Когда кто-то поджигает твой дом, с поджигателями тушить его небезопасно. Поэтому мы не согласны

на фиктивное объединение мусульман России. Обманывать народ, государство, а тем более — Бога мы не собираемся. За все годы своего существования ЦДУМ стояло на позициях традиционного ислама в России, и никаких поучений из различных зарубежных исламских центров мы принимать не намерены. А деятельность параллельных исламских структур явно направлена на развал России. Ваххабизм вообще, в своей первооснове, задумывался как разрушительная сила. Это видно и из истории этого течения. Где бы он ни проявлялся, в любом регионе, роль ваххабитов, несмотря на пропагандируемые и рекламируемые цели об очищении Ислама, возвращении к первоистокам, к чистому Исламу, на самом деле сводится к ревизии Ислама. А любая ревизия — это есть противопоставление людей.

В то же время мы обращаемся ко всем духовным управлениям мусульман стран СНГ — Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана и других республик с предложением о создании консультативного органа, который помогал бы в решении общих проблем наших стран. Ведь везде мы сталкиваемся с одинаковыми проблемами — наглостью экстремистов, ваххабитов, а также проблемой подготовки собственных кадров. Мы надеемся на взаимопонимание с органами власти, уже есть устные и письменные договоренности о поддержке этого начинания⁵¹⁹.

— *Каковы перспективы развития внутриисламских взаимоотношений — раскол будет усиливаться или возможно примирение?*

— Я думаю, пена уйдет, а то, что полезно людям, останется, как говорится в Коране. Примирение не только возможно, оно нужно. Нам делить нечего. Если раскольники или люди, которые в свое время шли на поводу у зарубежных центров, одумаются и поймут, что настоящее и будущее наше здесь и Россия — наша Отчизна, если они будут думать о своих прихожанах, о своих детях и внуках, то покаяние и примирение возможно. Последние полтора года они (рас-

кольники. — *МЛ.*) говорят правильные речи. Дай Бог, чтобы и правильные действия были.

— *Есть информация, что в Кремле хотят объединить российских мусульман под руководством одного человека. Как вы считаете, возможно ли это и кто может стать такой объединяющей фигурой, которая может примирить хотя бы какие-то из конфликтующих сторон?*

— Знаете, я такого от представителей администрации президента не слышал. Это дело самих мусульман, мусульманских организаций. И кроме самих мусульман, никто их ни разъединить, ни объединить не сможет. Разъединить мусульман России из-за рубежа смогли, но как? При помощи денег. А объединить каким путем?

— *То есть дело здесь не в фигуре, не в личности?*

— Возьмем, например, экстремистов и особенно ваххабитов. Мне по роду деятельности приходится бывать в различных регионах страны. В Волгоградской области среди чеченской диаспоры есть молодые люди, придерживающиеся ваххабитских взглядов, и они говорят: «Если на нашем пути будет мой отец или мать, мы даже и с этим не посчитаемся». Кто для них может стать объединяющей фигурой? Кто может объединить нас и тех, кто даже могилу Пророка не чтит?⁵²⁰

Муфтий Габдулла Галиуллин

— *Какие причины привели к распаду Единого духовного правления мусульман — ДУМЕСа?*

— Можно сказать, что официальный распад ДУМЕСа начался в 1992 году. Именно тогда несколько казанских имамов выразили несогласие с линией, проводимой Талгатом Тажуддином, и образовали свое независимое духовное управление.

Причин распада ДУМЕСа было несколько. Одна из них — принятие декларации о суверенитете бывшими автономиями — Татарией, Башкирией, Кабардино-Балкарией. В республиках были избраны президенты, появились новые властные структуры.

Естественно, что должны были появиться и структуры духовные, независимые от Центрального духовного управления мусульман России. У каждой республики были свои интересы и свои тонкости во взаимоотношениях с федеральными властями.

Талгат Таджуддин в это время продолжал проводить жесткую линию Москвы. Таким образом, в регионах сейчас действуют два духовных управления, конкурирующих друг с другом. Достаточно сказать, что к началу распада Думеса по всей России насчитывалось чуть более 70 мечетей, а сегодня только в Татарии, например, зарегистрировано 675 приходов.

— *Таким образом, в сферу влияния так называемых независимых духовных управлений попадали новые приходы?*

— Да, именно так, причем это в основном молодежь. Среди священнослужителей произошла смена поколений. В конце 70-х годов для молодежи открылась возможность поступления в семинарии. По большей части это были люди, получившие светское высшее образование.

Сейчас среди российских мусульман образовалась прослойка молодых, довольно активных людей. Это муфтии Москвы, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Прибалтики, Крыма, Тюмени, Татарии. Это люди более демократичные и свободные, не прошедшие через репрессии 20—30-х годов. У нас с ними разный опыт, разное представление о взаимодействии со светскими властями.

— *В Татарии независимое духовное управление поддержало радикально настроенную оппозицию парламента партию «Иттифак» — всетатарский общественный центр. Означает ли это, что имамат в республике находится в оппозиции к власти?*

— Мы поддержали и будем поддерживать те партии и движения, которые ставят вопрос о возрождении ислама в том ракурсе, который нас устраивает. Официальная же власть старается вопрос о религии не затрагивать.

— *Но ведь раскол не был инициирован властью. Более того, президент Татарии Минтимер Шаймиев не раз выразил свою озабоченность по этому поводу. Вы говорите о заигрывании, значит, можно говорить о том, что раскол произошел по политическим мотивам?*

— Да, раскол среди мусульман России произошел не из-за религиозных разногласий. И появление — особенно перед выборами — новых политических организаций мусульман как раз и отражает спектр различных политических предпочтений.

Политические взгляды являются причиной как распада старых структур, так и образования новых. Например, Высший координационный центр, созданный муфтиями 17 регионов России, как орган, альтернативный ДУМЕСу, по сути, распался. Мы не смогли прийти к единому мнению по вопросу об участии в выборах в Государственную Думу России.

Наиболее политизированная часть муфтията создала движение Союз мусульман России, который поддержал объединение «Наш дом — Россия». Появление таких организаций, как «Нур» («Свет») и «Мусульмане России» перед выборами Президента РФ объясняется различными политическими взглядами их сторонников.

— *Созданный летом этого года Союз муфтиев, по сути, дублирует Высший координационный центр, который вы возглавляете. Не является ли организация политической? С чем связано появление этой структуры?*

— Одной из задач Высшего координационного центра было налаживание диалога с властями, но этого не произошло. Отчасти по моей вине как его председателя.

Сейчас большая часть духовенства делает ставку на московского муфтия Равиля Гайнутдина как на фигуру, способ-

ную оппонировать верховному муфтию России Талгату Таджуддину, официально признаваемому Москвой. Мы хотим обратить внимание на то, что ислам является второй по числу приверженцев религией в России, и с этим российские власти должны считаться⁵²¹.

Муфтий Фарид Салман Хайдаров

— *Фарид-хазрат, расскажите, с чего начался раскол в татарском исламе?*

— Сначала нужно вспомнить историю возрождения ислама в Татарстане. В 1989 году по инициативе Талгата Таджуддина прошло празднование 1100-летия принятия ислама нашими предками — волжскими булгарами. Это был взлёт Верховного муфтия, повсеместное признание и российскими властями, и за рубежом Талгата Таджуддина в качестве лидера мусульман СССР и как наиболее энергичного, образованного, эрудированного мусульманского деятеля. Это, естественно, вызывало зависть у многих, в том числе и у его родственников: Гусмана Исакова, Габдуллы Галиуллина, Равиля Гайнутдина.

— *Равиль Гайнутдин жинат на двоюродной сестре Талгата Таджуддина, а у других какая степень родства?*

— Они родственники в основном через жён. А Гусман Исаков как раз принадлежит к тому клану, который поставляет жён для священнослужителей. Он был единственным мальчиком в семье, и его женой стала двоюродная сестра Талгата-хазрата. В сегодняшнем Татарстане, как в Казанском ханстве, все представители властной верхушки связаны друг с другом родственными связями: мэр Казани Камиль Исаков тоже родственник Гусмана Исакова.

— *Как развивались события послераспада СССР?*

— 1992 год стал временем наибольшего подъёма национализма в Татарстане. Одной из неотъемлемых составных частей национал-сепаратистской идеологии стало появле-

ние независимого ДУМ как предвестника появления независимого от России Татарстана. Причём время появления идеи независимого ДУМ совпало со временем активизации деятельности саудовцев в России и Татарстане. В Москве в 1991 г. открывается саудовское посольство (господствующая идеология в Саудовской Аравии — ваххабизм. — *М.Т.*). Они пытаются наладить взаимоотношения с признанным лидером российских мусульман Талгатом Таджуддином, но, когда видят, что он занимает пророссийскую позицию и осуждает распространение в России сепаратистской и ваххабитской идеологии, они прекращают с ним какие-либо контакты. Напротив, уже в 1992 году саудовцы начинают борьбу с Таджуддином (которая продолжается до сих пор), поддерживая образование раскольнических ДУМ.

В Казани саудовцы начинают свою деятельность где-то в феврале 1992 г. В Набережных Челнах в июле этого года появляется первый саудовский ваххабитский лагерь, причем в нём присутствуют профессора Фенисан и аль-Муфлерх — профессора университета имама Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба в Эр-Рияде (элитного закрытого ваххабитского университета). Они были связаны с крупной саудовской банковской группой Араджихи, которая имеет филиалы по всему миру, в том числе в США. Уровень организации лагерей говорит о том, что Саудовская Аравия всерьёз заинтересовалась Татарстаном.

Саудовцы предлагали мне сотрудничество и обещали золотые горы, тем более что я знал арабский, был духовным лицом, занятым в структуре ДУМЕС, знал специфику российского ислама⁵²².

Муфтий Мукаддас Бибарсов

Если же господин Сафин (председатель-координатор ВТОЦ. — *Авт.*) искренне считает, что развал духовного управления осуществили силы, противостоящие нашему на-

циональному и государственному суверенитету, то позвольте мне кратко напомнить факты из нашей истории.

После уничтожения нашей государственности до 1879 (ошибка Бибарсова — имелось в виду до 1789 года) Ислам был запрещенной религией в Российской империи. Но, несмотря на насильственное крещение, наш народ остался верен Исламу, и постоянные восстания под зелеными знаменами вынудили царское правительство пойти на официальное признание Ислама. Но и тут произошло искажение принципов, присущих нашей религии, (отсутствие института церкви и духовенства в Исламе), путем внедрения института, полностью копирующего иерархию русской православной церкви: муфтий — патриарх; мухтасибаты — епархии; мухтасибы — епископы; имамы — настоятели приходов. Таким образом, осуществлялся жесточайший контроль над жизнью мусульман, ограничивались права татар и других мусульманских народов, о самостоятельности не могло быть и речи.

Результаты этих действий мы можем наблюдать и по сей день: просветительской литературой и газетами Татарстан снабжала Москва, Горьковская область, Саратов и другие города, а в мечетях Казани были 90-летние имамы, хотя очень уважаемые и грамотные. И развал этого монстра господин Сафин называет происками врагов татарского народа?⁵²³

Муфтий Нурмухаммад Нигматуллин

21 августа (1992 года) у нас проводился учредительный съезд религиозных деятелей Республики Башкортостан. В нем участвовало около 300 представителей от 120 приходов. Все участники единогласно проголосовали за образование отдельного духовного правления мусульман Республики Башкортостан, так как ДУМЕС не соответствовал их чаяниям и желаниям.

ДУМЕС правит мусульманами от Прибалтики до Камчатки и от Санкт-Петербурга до Астрахани. В таком огромном регионе один-единственный муфтий не мог удовлетворить потребности всех религиозных общин. В последнее время все чаще раздавались требования общественности, мусульман, о необходимости создания отдельного духовного управления. Я сам лично всегда был против его создания. Но последние события в Набережных Челнах и Уфе ускорили все процессы.

Образование отдельного духовного правления — это требование времени, требование народа, нашей современности.

На опасения, что образование отдельных духовных управлений повлечет за собой ухудшение отношений между татарами и башкирами, можно ответить следующее. В нашем учредительном съезде участвовали многие имамы из Татарстана. Все имамы, работающие у них (в ДУМЕС) и у нас, как правило, учились вместе. Между нами есть взаимопонимание. Наше духовное управление будет вести переписку, издавать книги на двух языках: татарском и башкирском⁵²⁴.

Верховный муфтий Нафигулла Аширов

Образование ДУМ РБ — это не чья-то выдумка, не какая-то импровизация на религиозной почве. Как вы знаете, империи везде распадаются. Они доказали свою несостоятельность. В настоящее время мы просто наблюдаем один из этих процессов: распад империи в религиозной сфере. И это происходит немножко болезненно. И, тем не менее, мусульмане республик Башкортостан и Татарстан решили организовать свои духовные центры.

Причины, послужившие образованию отдельных духовных управлений, следующие. Это необходимо для решения местных проблем: не нужно, например, чтобы из Иркутска человек ехал в Уфу для визирования у муфтия Устава

новой общины. Люди по несколько дней находились в Уфе, дожидаясь муфтия. Хотя были созданы мухтасибатские управления, они фактически не обладали полномочиями.

Многие думают, что с прекращением деятельности ДУМЕС прервутся отношения с нашими братьями за рубежом. Это абсурд. Например, недавно я был в Тюменской области и встретил там делегацию из Саудовской Аравии, наладившей контакты с местной общиной напрямую, минуя ДУМЕС. Наши мусульманские братья стараются нам помочь не ради ДУМЕСа или муфтия. Нам не нужна такая централизация, которая граничит с диктатурой, нам нужны простые, человеческие отношения.

Нам поступает столько предложений по обучению в религиозных заведениях за рубежом, что мы не успеваем их рассматривать. Из Чеченской Республики едут сотнями учиться, а у нас — единицы. А ДУМЕС игнорировал их. Мы отказываться от подобных предложений не будем⁵²⁵.

Муфтий Равиль Гайнутдин

— Возникли трудности в осуществлении религиозных контактов и духовного руководства мусульман, ведь сегодня почти невозможно руководить из Уфы мусульманскими общинами, оказавшимися в шести независимых государствах, часть из которых даже не входит в СНГ. Поэтому назрели определенные изменения в структуре и формах религиозного руководства. Я бы отметил два позитивных фактора, характеризующих нынешнее положение правоверных России: стремление к братской любви и духовного единению в очистительной вере Ислам, и, в то же время, поиск новых и действенных форм духовно-канонического, организационного и административного управления исламской уммой России. Говоря о создании Духовного Управления мусульман Центрально-Европейского региона России — Московского Муф-

тията, я считаю, что ни в коей мере нельзя согласиться с мнением о так называемом «разделении» или «расколе» ДУМЕС. Подобное утверждение, на мой взгляд, излишне драматизирует ситуацию и навряд ли оправданно. Что касается нашего Духовного Управления, то оно образовано исходя из интересов и многочисленных пожеланий, даже требований, мусульманских общин европейской части России.

— *То есть, резюмируя, раскола в умме нет?*

— Умма целостна. Есть несколько раскольников во главе с Талгатом, которые не умеют работать коллегиально, окружают себя узкой группой лиц, заинтересованных в своих корыстных интересах. Это мизерное число, так что раскола нет⁵²⁶.

Муфтий Тагир Саматов

— *Уважаемый муфтий-хазрат, 14 апреля с.г. Совет муфтиев России в Москве распространил фетву (заключение), изначально не имеющую юридической силы, но в то же время бросающую тень на Верховного муфтия. Такое впечатление, что все московские мусульманские ученики шейх-уль-ислама ждали удобного момента для очернения Талгата Таджуддина, стаяй бросившись добивать своего бывшего учителя...*

— Давайте начнем разговор на эту весьма для меня неприятную тему с другой стороны. Нашим верующим прихожанам, конечно, необходимо разъяснить глубинную суть разобщенности российских мусульман.

Начнем, прежде всего, с истории возникновения Центрального духовного управления мусульман России. Я бы хотел напомнить, что историческим центром российских мусульман является ЦДУМ в Уфе, созданное по просьбе правоверных указом Екатерины II 22 сентября 1788 года. С тех пор, вот уже более двух столетий, деятельность ЦДУМ неразрывно связана с судьбой России, положительно играя свою роль в деле совершенствования государственно-исламских отно-

шений, в борьбе за мир и добрососедские взаимоотношения между народами. Никто и никогда до начала 90-х годов прошлого XX века не оспаривал историческую правопреемственность ЦДУМ на мечети и мусульманские приходы России. По-большому счету, государство не создавало нам никаких проблем за это время демократических перемен в стране, мы сами себе их создали.

После распада СССР, когда начался парад суверенитетов, сами собой были созданы региональные ДУМы, преследовавшие одну-единственную цель — стать независимыми ни от кого. Почти все лидеры крупнейших из этих управлений, включая Рауля Гайнутдина, Нафигулу Аширова, Гусмана Исхакова, Аюпа Бибарсова и других являются в прямом смысле родоначальниками современного раскола мусульман в России, и, что совершенно неприемлемо для истинного мусульманина, они все пошли против своего духовного наставника и учителя Верховного муфтия, от которого в свое время получили благословение на служение Исламу. Они начинали свою религиозную деятельность с обучения в духовном медресе в Уфе, были направлены Талгат-хазратом Таджуддином имамами в общины Москвы, Казани, Саратова, Тобольска. Уже 10 лет длится (начатое учениками Верховного муфтия) разобщение, которое на руку как этим самопровозглашенным «шейхам», так и откровенным противникам нашей религии

— Скажите, Тагир-хазрат, повлияли ли в какой-то степени на деятельность председателя ЦДУМ заявления Рауля Гайнутдина о том, что Совет муфтиев вывел Верховного муфтия из лона ислама?

— Не только повлияет, но уже, я думаю, повлияло. Но не в том смысле, на который рассчитывали сидящие в Москве лидеры так называемого «Совета муфтиев». В юридическом смысле громкие заявления Рауля Гайнутдина, рассчитанные на желтую прессу как PR-акция, не имеют никакого значения. Судьбу председателя ЦДУМ может решить только

съезд наших общин, которые, кстати, полностью независимы от этого Совета муфтиев. Так что Верховный муфтий как был в своей должности, так и останется до определенного Уставом ЦДУМ времени.

Повлияли, к великому сожалению, и продолжают влиять слова Гайнутдина на общую ситуацию в российской умме мусульман. Приходится с горечью констатировать, что из-за этих постоянных, нескончаемых нападок и грязи, которую распространяет с экранов ТВ и на страницах столичных газет Совет муфтиев в адрес руководителя одного из крупнейших исламских организаций СНГ, страдает общественное сознание мусульман. Кто посчитает, сколько людей отшатнулось от нас из-за узкополитических амбиций таких религиозных деятелей в кавычках, как Гайнутдин и Аширов? Стремясь любой ценой опорочить основного лидера российских мусульман, думали ли они о простых россиянах, которые вне зависимости от веры горячо поддержали выступление Верховного муфтия против войны в Ираке? И как они оборачивают слова шейх-уль-ислама, который в своем выступлении на митинге 3 апреля в Уфе ни слова не сказал о вооруженном джихаде и сборе оружия. А что же в это время делал Совет муфтиев? Молчал, будто не их единоверцев — простых иракцев, мусульман, убивали... Ни слова осуждения не прозвучало из уст Гайнутдина в адрес США и Великобритании. А если агрессоры завтра пойдут на Иран и далее к границам нашей Родины, они тоже будут молча поддерживать их? 26 марта с.г. в Москве на совещании по поводу ситуации вокруг Ирака мы приглашали представителей Совета муфтиев, но они отказались прийти. И это далеко не первый случай, когда надо было, забыв распри и разногласия, обратиться совместно с заявлением против экстремизма или ваххабизма, но мы не получали от Совета никаких вразумительных ответов. Им выгоден продолжающийся раскол среди мусульман, чтобы можно было ловить рыбу в мутной воде нашего времени⁵²⁷.

**Валиулла Якупов, первый
заместитель муфтия Татарстана**

Меня поражает в ситуации, которая возникла вокруг труда Силантьева, то, что многие, не читая его книгу, высказали отрицательные оценки. Я лично как человек, ознакомившийся с этим трудом, могу сказать, что это большое событие в российском исламоведении, потому что создан обобщающий труд. В нем показано развитие ислама периода мусульманского возрождения. Действительно, для девяностых годов были характерны не только тенденции возрождения, но этот период омрачился и произошедшим расколом. И виновато в этом расколе конкретное поколение нашего постсоветского духовенства. Этот раскол не имеет никаких объективных причин, он основан исключительно на амбициях очень узкого круга людей. Эта группировка боится за свое будущее, хочет заранее добиться, чтобы эту книгу не читали. Это субъективный страх перед истиной.

Сейчас нужно врачевать этот раскол, а не усугублять его. Меня удивляет, что многие в этих бедах почему-то обвиняют автора книги, который, на мой взгляд, достаточно беспристрастно и объективно анализирует хронологию и события ведущегося раскола. Не вина научных исследователей в том, что некоторые из священнослужителей, носящих сан муфтия, вели себя в эти годы как базарные бабы, понося друг друга⁵²⁸.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ,

**произошедших в жизни исламского сообщества
России в период с 1989 по 2004 г.**

1989 ГОД

17—18 февраля. Первый всетатарский съезд учреждает «Народное движение в поддержку перестройки — Татарский общественный центр», впоследствии известное как Всесоюзный татарский общественный центр (с 16 февраля 1991 года) и Всетатарский общественный центр (с начала 1992 года). Новое движение становится «материнской» структурой для большинства радикальных националистических партий Татарстана.

Март. В Дагестане начинается кампании по смещению муфтия Духовного управления мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) Махмуда Геккиева.

13 мая. В Буйнакске открывается конференция мусульман Северного Кавказа, закончившаяся смещением муфтия Махмуда Геккиева и захватом резиденции ДУМ Северного Кавказа в Махачкале. Временно исполняющим обязанности муфтия избирается Магомед-Мухтар Бабатов.

10 июля. В.р.и.о. председателя ДУМСК Магомед-Мухтар Бабатов слагает с себя обязанности муфтия.

13 июля 1989 года. В Махачкале проходит экстренное заседание Совета алимов Северного Кавказа. В.р.и.о. муфтия становится Абдулла Алигаджиев. Выступивший на съезде казый Ставропольского края Ануарбек Абишев заявляет, что Совет алимов не уполномочен избрать нового муфтия Северного Кавказа, и объявляет о создании собственного ДУМа. Начинается раскол ДУМСК.

16—25 августа. В Поволжье проходят торжества, посвященные 1100-летию принятия Волжской Булгарией ислама и 200-летию Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС).

Октябрь 1989 года. В.р.и.о муфтия ДУМСК Абдулла Алигаджиев слагает себя обязанности и назначает в.р.и.о муфтия Ахмеда Магомедова.

Ноябрь—декабрь. ДУМСК распадается. Появляются национальные ДУМы Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, муфтиями которых становятся соответственно Шихид Газабаев и Шафиг Пшихачев.

1990 год

27 января. В Махачкале проходит чрезвычайный съезд мусульман Северного Кавказа. Председателем и муфтием ДУМСК, преобразованного в ДУМ Дагестана, избирается Багаутдин Исаев.

27 апреля. В Казани проходит учредительный съезд татарской националистической партии «Иттифак».

6—8 июня. В Уфе проходит V съезд Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС), в ходе которого председателю ДУМЕС муфтию Талгату Таджуддину присваивается почетный титул «шейх-уль-ислам». На съезде впервые звучит критика в адрес председателя ДУМЕС, озвученная казанским имамом Габдуллой Галиуллиным.

9 июня. На съезде мусульманских обществ СССР в Астрахани принимается решение об образовании Исламской партии возрождения, ставшей первой исламской партией на территории бывшего СССР. Одним из инициаторов создания Исламской партии возрождения выступает проживающий в Астрахани дагестанский религиозный авторитет А.А. Омаров (более известный как Айюб Астраханский). Вскоре Омаров начинает создание первой за пределами Северного Кавказа общины сторонников «чистого ислама» — ваххабитов.

12—13 октября. В Казани проходит учредительный съезд партии «Азатлык», ставшей молодежным крылом Все-татарского общественного центра.

1991 год

15 января. На заседании президиума ДУМЕС в Уфе принимается решение об образовании мухтасибатных округов для повышения эффективности управления общинами. Формируются. Астраханский, Бугульминский, Зеленодольский, Куйбышевский, Нижегородский, Казанский, Чистопольский, Омский, Ленинградский, Октябрьский, Сибайский, Пермский, Пензенский, Крымский Уфимский, Свердловский, Тюменский, Московский, Саратовский, Ростовский, Челнинский, Прибалтийский, Ульяновский, Оренбургский и Стерлитамакский мухтасибаты.

31 марта. В Казани проходит учредительный съезд Исламской демократической партии Татарстана.

5 апреля. Создается Исламский культурный центр. Его генеральным директором становится молодой мусульманский активист В.В. Медведев, впоследствии известный как Абдул-Вахед Ниязов.

4—10 июня. В Уфе проходит учредительное собрание Всеисламской демократической партии.

Середина июня. В Махачкале проходят серьезные волнения мусульман, связанные с повышением цен на хадж.

Сентябрь. Сторонниками президента Чеченской республики Джохара Дудаева создается Высший исламский совет Чеченской республики (позже известный как Исламский центр Чеченской республики).

14 октября. Совет имамов Чеченской республики создает независимое ДУМ Чеченской республики (ДУМ ЧР), муфтием которого избирается авторитетный имам Магомед-Башир Арсанукаев. Начинается противостояние Высшего исламского совета Чеченской республики и ДУМ ЧР.

1992 год

1—2 февраля. В Казани проходит I курултай татарского народа, который избирает Милли Меджлис (Национальный парламент). Новая организация объединяет значительную часть татарских националистических партий.

Февраль. В Махачкале проходит I съезд мусульман Дагестана, результатом которого становится смещение муфтия ДУМ Дагестана Багаутдина Исаева. Новым председателем ДУМ Дагестана избирается Ахмед Дарбишгаджиев. Вскоре Багаутдин Исаев создает собственный, кумыкский, муфтият. Начинается раскол ДУМ Дагестана по национальному признаку.

29 мая. В Казани по инициативе исламской партии «Возрождение», Милли-меджлиса, общества Марджани, саратовского общества «Исламский призыв», молодежного центра исламской культуры «Иман» создается Исламский центр Татарстана. Один из лидеров центра Габдулла Галиуллин заявляет об оппозиционности новой структуры руководству ДУМЕС, что становится первым открытым вызовом муфтию Талгату Таджуддину.

4 июля. Съезд Исламского центра Чеченской республики и «Мехк Кхел» (Совета старейшин) объявляет о роспуске ДУМ Чеченской республики. Руководители ДУМ ЧР отвергают решения съезда как незаконные.

6 августа. В Грозном проходит внеочередной (Объединительный) съезд исламского духовенства Чеченской республики. Съезд поддерживает муфтия Магомеда-Башира Арсунукаева и объявляет о роспуске Исламского центра Чеченской республики, а также всех «исламских» политических партий и групп».

21 августа. В Уфе проходит съезд мусульман Республики Башкортостан, результатом которого становится образование самостоятельного ДУМ Республики Башкортостан. Председателем и муфтием новой структуры избирается

имам-мухтасиб Уфимского мухтасибата ДУМЕС Нурмухаммад Нигматуллин.

22 августа. В Набережных Челнах проходит аналогичный съезд, по итогам которого создается ДУМ Республики Татарстан во главе с муфтием Габдуллой Галиуллиным. Начинается раскол ДУМЕС.

26 августа. В Уфе проходит расширенный пленум ДУМЕС. Согласно решениям пленума, действия раскольников осуждаются, а инициаторы раскола — казыи Нурмухаммед Нигматуллин и Нафигулла Аширов, а также имам-мухтасибы Гусман Исхаков (Октябрьский мухтасибат), Мукадас Бибарсов (Саратовский мухтасибат), Галимзян Бикмуллин (Тюменский мухтасибат), Гумар Валеев (Свердловский мухтасибат), Газиз Агьямов (Сибайский мухтасибат), Сулейман Зарипов (Бугульминский мухтасибат), Ришат Рафиков (Стерлитамакский мухтасибат), Наиль Сахибзянов (Пермский мухтасибат) и Идрис Галяутдинов (Набережночелнинский мухтасибат), освобождаются от занимаемых должностей.

Август—декабрь. Раскол ДУМЕС прогрессирует. Создаются Межрегиональное ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской области (известно также как ДУМ Среднего Поволжья) и ДУМ Тюменской области.

Сентябрь. В Уфе происходит несколько попыток захвата резиденции ДУМЕС сторонниками ДУМ Республики Башкортостан.

9 сентября. Проходит регистрацию ДУМ Украины — первый муфтият в составе ДУМЕС.

30 сентября. На встрече глав и представителей ДУМ Республики Татарстан, ДУМ Республики Башкортостан, Межрегионального ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей, ДУМ Тюменской области, ДУМ Крыма и ряда других централизованных мусульманских организаций принимается решение о создании Координационного совета глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири (впоследствии известного как Высший координационный центр духовных

управлений мусульман России), призванного объединить всех противников ДУМЕС.

9—10 ноября. В Уфе проходит VI чрезвычайный съезд мусульман Европейской части СНГ и Сибири. Съезд одобряет действия председателя ДУМЕС верховного муфтия Талгата Таджуддина и осуждает действия раскольников.

21 октября. В Казани проходит первый съезд Координационного совета глав региональных духовных управлений мусульман Европейской части бывшего СССР и Сибири. Координационный совет преобразуется в Высший координационный центр духовных управлений мусульман России (ВКЦДУМР). Принимается устав новой организации и проходят выборы ее председателя, которым становится муфтий ДУМ Республики Татарстан Габдулла Галиуллин, в 1994 году получивший титул «Верховного муфтия России».

22 октября. В Казани проходит I съезд ДУМ Республики Татарстан.

9 декабря. ДУМ ЧР проходит регистрацию.

1993 год

Январь. Представители мусульманского духовенства Чечни — сторонники Д. Дудаева — создают Духовный центр мусульман ЧР (ДЦМ ЧР) для противодействия ДУМ ЧР.

28 января. Под давлением правительства Чечни муфтий Магомед-Башир Арсунукаев подает в отставку, однако Совет улемов ДУМ ЧР ее не принимает.

25 февраля. Внеочередной съезд мусульманского духовенства Чечни вновь избирает Магомеда-Башира Арсунукаева муфтием Чеченской Республики.

13 марта. II съезд мусульман Адыгеи утверждает устав ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК) и выбирает имама Мусу (Моса) Чениба его председателем в духовном звании муфтия.

19—20 марта. На III съезде Всетатарского общественно-го центра происходит раскол этой организации на умеренное и радикальное крылья. Радикальное крыло получает название Татарского общественного центра, умеренное — сохраняет наименование «Всетатарский общественный центр».

14 апреля. Национальный комитет по правовой реформе Чеченской республики регистрирует ДЦМ ЧР в качестве руководящего органа мусульман Чечни и аннулирует регистрационное свидетельство ДУМ ЧР.

4 июня. Муфтий Чечни Магомед-Башир-Хаджи в знак протеста против государственного переворота в Чеченской Республике Ичкерия подает в отставку с поста главы ДУМ ЧР. Новым муфтием Чечни становится Мухаммад-Хусейн Алсабеков.

15 августа. Межрегиональное ДУМ Саратовской, Пензенской и Волгоградской областей входит в состав ВКЦДУМР.

20 августа. ДУМ Республики Башкортостан входит в состав ВКЦДУМР.

25 августа. ДУМ Республики Татарстан входит в состав ВКЦДУМР.

2 сентября. Подписывается договор о сотрудничестве между набережночелнинским медресе «Йолдыз» и организацией «Тайба» в области обучения и воспитания учащихся. Начинается постепенное превращение медресе в крупный центр по подготовке боевиков.

18—19 октября. В Казани проходит очередной пленум ВКЦДУМР, отмечается сближении позиции мусульманских центров в решении ключевых вопросов. Лидеры ВКЦДУМР встречаются с президентом Татарстана М.С.Шаймиевым.

1994 год

29 января. В составе ЦДУМ создается ДУМ Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) с центром в Москве. Его председателем становится второй имам-хатыб

Московской соборной мечети Равиль Гайнутдинов, получивший духовное звание муфтия.

22 февраля. ВКЦДУМР проходит регистрацию.

26 февраля. Аварское ДУМ Дагестана регистрируется как единый для всех мусульман республики духовный центр.

6 марта. Новый устав ДУМЕС регистрируется в Минюсте. Согласно его положениям ДУМЕС преобразовывается в ЦДУМ, а его председатель получает пожизненный титул верховного муфтия. Начинается преобразование части мухтасибатов ДУМЕС в муфтияты.

11 марта. ДУМ Сибири (ДУМ Тюменской области) входит в состав ВКЦДУМР.

16 марта. ДУМ стран Балтии входит в состав ВКЦДУМР.

4 апреля. ДУМ Кабардино-Балкарии входит в состав ВКЦДУМР.

11 мая. Духовный центр мусульман Республики Ингушетия входит в состав ВКЦДУМР.

18 июня. ДУМ Республики Беларусь входит в состав ВКЦДУМР.

18 июля. По решению съезда мусульман Ульяновской области создается ДУМ Ульяновской области «Ассоциация мечетей» (впоследствии Региональное ДУМ Ульяновска и Ульяновской области).

16 сентября. МВД Республики Башкортостан передает в президиум ЦДУМ информацию о готовящемся захвате резиденции ЦДУМ сторонниками ВКЦДУМР. Начинается мобилизации сторонников ЦДУМ.

18 сентября. Президиум ЦДУМ направляет Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II телеграмму, в которой просит содействия в связи намечающимся захватом своей резиденции.

21 сентября. Решением пленума ЦДУМ муфтий Равиль Гайнутдин выводится из состава президиума ЦДУМ и освобождается от всех занимаемых должностей.

23 сентября. ДУМЦЕР выходит из состава ЦДУМ. Начинается конфликт ДУМЦЕР и ЦДУМ.

25 октября. ДУМ Адыгеи и Краснодарского края входит в состав ВКЦДУМР.

27 октября. По инициативе ответственного секретаря ЦДУМ Замира Хайруллина и ряда его соратников, впоследствии названных «инициативной группой», созывается чрезвычайный расширенный пленум ЦДУМ, который смещает с занимаемого поста председателя ЦДУМ верховного муфтия Талгата Таджуддина и назначает дату VII чрезвычайного съезда ЦДУМ. Исполняющим обязанности муфтия становится Замир Хайруллин.

29 октября. В Саратове проходит первый съезд мусульман Поволжья. Межрегиональное духовное управление мусульман Саратовской, Волгоградской и Пензенской областей преобразуется в ДУМ Поволжья.

1 ноября. В Уфе проходит VII чрезвычайный съезд мусульман ЦДУМ, созданный оппозиционной верховному муфтию Талгату Таджуддину «инициативной группой». По решению съезда новым муфтием ЦДУМ становится Замир Хайруллин. Вносятся существенные изменения в устав ЦДУМ.

1 ноября. Проходит всероссийский межжлис членов президиума, совета улемов и ревизионной комиссии ЦДУМ, который денонсирует решения VII чрезвычайного съезда мусульман ЦДУМ, ссозванного «инициативной группой». Начало активного противостояния «инициативной группы» и сторонников верховного муфтия Талгата Таджуддина.

1 ноября — 7 декабря. Продолжается противостояние «инициативной группы» и сторонников верховного муфтия Талгата Таджуддина. Резиденция ЦДУМ в Уфе находится на «осадном положении».

7 декабря. В Уфе проходит расширенный пленум ЦДУМ, который денонсирует решения чрезвычайного пленума (от 27 октября 1994 года) и VII чрезвычайного съезда (1 ноября 1994 года) и принимает решение о созыве чрезвычайного съезда ЦДУМ.

10 декабря. Заканчивается противостояние верховного муфтия Талгата Таджуддина с «инициативной группой».

Предается огласке совместное заявление Таджуддина и Хайруллина, в котором последний сообщает о сложении с себя всех полномочий и просит прощения за содеянное.

11 декабря. ДУМ Оренбургской области — Бугурусланский муфтият входит в состав ВКЦДУМР.

1995 год

17 января. В Уфе проходит VII чрезвычайный внеочередной съезд ЦДУМ, который выражает доверие верховному муфтию Талгату Таджуддину и осуждает действия «инициативной группы» и других «раскольников».

Февраль. Председатель ДУМ ЧР Хуссейн Алсабеков уходит в отставку. Муфтием Чечни вновь становится Магомед-Башир Арсунукаев.

22—25 января, В Казани проходит II съезд ДУМ Республики Татарстан. Влияние муфтия Габдуллы Галиуллина достигает своего пика.

24 марта. В селении Ведено (Чеченская Республики Ичкерия) полевой командир Ахмад Кадыров избирается (а фактически назначается) муфтием Чечни. Вскоре после этого Ахмад Кадыров объявляет России священную войну — джихад.

31 мая. В Москве проходит учредительная конференция Союза мусульман России.

4 июня. В Москве проходит учредительная конференция Общероссийского мусульманского общественного движения «Нур».

10 июля. В Москве создается Исламский комитет России,

31 августа — 2 сентября. В Москве проходит I съезд Союза мусульман России. Председателем Союза мусульман России избирается глава ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов.

17 сентября. В Москве проходит конференция Общероссийского мусульманского общественного движения «Нур», выдвинувшая списки кандидатов от «Нура» для участия в парламентских выборах.

16 октября. Студенты казанского медресе «Мухаммадийя» захватывают принадлежавшее ему до революции здание. Начинается конфликт президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева с муфтием Габдуллой Галиуллиным.

17 декабря. Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур» принимает участие в парламентских выборах и набирает 0,58% голосов. Союз мусульман России не успевает вовремя представить необходимые документы и к участию в выборах не допускается.

1996 год

19 февраля. Председатель Союза мусульман России Мукаддас Бибарсов подает в отставку. Вскоре новым председателем движения избирается дагестанский бизнесмен Надиршах Хачилаев.

13—14 апреля. В Саратове проходит учредительный съезд движения «Мусульмане России», в которое входят члены Союза мусульман России, несогласные с его политикой, ориентированной на всецелую поддержку президента РФ Б.Н. Ельцина. Председателем политсовета движения избирается председатель ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов.

22 июня. В Казани проходит учредительный съезд движения «Мусульмане Татарстана». Председателем движения избирается муфтий ДУМ Республики Татарстан Габдулла Галиуллин.

1 июля. По инициативе председателя ДУМ Центрально-Европейского региона муфтия Равиля Гайнутдина создается Совет муфтиев России, в который входят ДУМ Центрально-Европейского региона России, ДУМ Республики Татарстан, ДУМ Республики Башкортостан, ДУМ Поволжья, ДУМ Оренбургской области — Бугурусланский муфтият и Региональное ДУМ Ульяновска и Ульяновской области. Равиль Гайнутдин становится его председателем.

21 августа. Совет муфтиев России проходит регистрацию.

1 октября. Происходит первый захват Исторической мечети. Начинается открытая борьба между различными группировками за установление контроля над старейшей мечетью Москвы.

5 декабря. В Махачкале проходит II съезд Союза мусульман России.

8 декабря. Председатель Союза мусульман России Надиршах Хачилаев избирается в Госдуму по 11 Махачкалинскому избирательному округу и впоследствии входит во фракцию «Наш дом — Россия».

1997 год

Ночь с 12 на 13 мая. В селении Чабанмахи (Республика Дагестан, Буйнакский район) происходит вооруженное столкновение между сторонниками «чистого ислама» — ваххабитами и приверженцами суфийских орденов — тарикатистами, приведшие к гибели нескольких человек. Деятельность ваххабитов в Кадарском анклав вступает в активную фазу.

Июнь. Начинается конфликт между председателем ДУМ Центрально-Европейского региона России и Совета муфтиев России муфтием Равилем Гайнутдином и татарским бизнесменом и меценатом, председателем ДУМ Сибири Р.Ж. Баязитовым. Баязитов переходит на сторону ЦДУМ и становится советником председателя ЦДУМ верховного муфтия Талгата Таджуддина по национальным вопросам.

Июль. Эмиссар астраханского лидера ваххабитов Айюба Омарова О.В. Марушкин, более известный как Абузар, основывает в мордовском селе Белозерье ваххабитскую ячейку, которая впоследствии становится ядром крупного ваххабитского анклава в Ромодановском районе Республики Мордовия

23 июня. Подконтрольное Р.Ж. Баязитову ДУМ «Ассоциация мечетей» заявляет о выходе из состава Совета муфтиев России.

23 июня. Подконтрольное Р.Ж. Баязитову ДУМ Сибири и Дальнего Востока (ДУМ Сибири) заявляет о выходе из состава Совета муфтиев России.

26 июня. Подконтрольное Р.Ж. Баязитову ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области заявляет о выходе из ДУМ Центрально-Европейского региона России и Совета муфтиев России.

8—10 августа. В Тобольске проходит I конференция мусульман Сибири и Дальнего Востока, итогом которой становится образование Духовного управления мусульман Сибири и Дальнего Востока (Межрегионального духовного управления Сибири и Дальнего Востока). Председателем нового ДУМа избирается бывший председатель ВКЦДУМР Нафигулла Аширов, впоследствии получивший титул «верховный муфтий Азиатской части России». Его заместителями становятся генеральный директор Исламского культурного центра России Абдул-Вахед Ниязов и председатель ДУМ Тюменской области Галимзян Бикмуллин.

Октябрь. ДУМ Сибири выводится из состава Совета муфтиев России. Начинается противостояние ДУМ Сибири и Межрегионального духовного управления Сибири и Дальнего Востока.

1998 год

29—31 января. Лидер американской радикальной мусульманской организации «Нация ислама» Луис Фаррахан при содействии лидеров Союза мусульман России Нафигуллы Аширова и Надиршаха Хачилаева посещает Москву, Тюмень и Махачкалу. В Махачкале он участвует в митинге в поддержку одного из кандидатов в мэры этого города, после чего выдворяется из России по настоянию властей Республики Дагестан.

14—15 февраля. В Казани проходит III съезд мусульман Татарстана, впоследствии названный Объединительным.

Действующие в Татарстане мусульманские централизованные структуры объединяются в единое ДУМ Республики Татарстан, председателем которого избирается первый заместитель Габдуллы Галиуллина Гусман Исхаков. Председатели ДУМ Татарстана юрисдикции ЦДУМ муфтий Фарид Салман Хайдаров и ДУМ Республики Татарстан муфтий Габдулла Галиулла объявляют состоявшийся съезд инспирированным правительством Татарстана, а его результаты — не имеющими юридической силы.

18 марта. На пленуме ДУМ Республики Татарстан муфтии Фарид Салман Хайдаров и Габдулла Галиуллин признают легитимность муфтия Гусмана Исхакова и слагают с себя полномочия. Также на пленуме принимается устав ДУМ Республики Татарстан (ДУМ РТ) и решаются принципиальные вопросы, связанные с его организационной структурой.

25 апреля. V съезд мусульман Адыгеи избирает новым муфтием ДУМ Республики Адыгея Аскарбия Хачемизова.

20—21 мая. В Махачкале проходят беспорядки, главными организаторами которых выступают братья Хачилаевы. Минюст России начинает работу по ликвидации Союза мусульман России.

4 июня. В Москве проходит заседание Совета послов арабских государств в Москве, которое осуждает деятельность генерального директора Абдул-Вахеда Ниязова и ряда его сторонников.

15 июля. Банда полевого командира Арби Бараева атакует казармы Гудермесского батальона национальной гвардии Чечни. В Чечне начинается вооруженное противостояние ваххабитов и сторонников традиционного ислама.

2 августа. В Республики Ингушетия совместным решением руководства республики, имамов мечетей и религиозных авторитетов запрещается ваххабизм.

16 августа. Ваххабиты дагестанских сел Карамачи, Чабанмахи и Кадар объявляют о создании на территории Кадарского анклава «отдельной исламской территории», живу-

щей по законам шариата и не подчиняющейся российским властям

17 августа. На конференции Духовных управлений мусульман Северного Кавказа в Назрани принимается решение о создании Координационного центра мусульман Северного Кавказа. Его председателем избирается муфтий Ингушетии Магомед Албогачиев.

21 августа. В результате террористического акта в Махачкале погибает председатель ДУМ Дагестана Саид-Магомед Абубакаров.

3 сентября. Исполняющий обязанности министра внутренних дел РФ Сергей Степашин посещает селение Карамачи. И.о. министра внутренних дел положительно отзываясь о ситуации в Кадарском анклав и оказывает его жителям материальную помощь.

18 сентября. Государственная Дума снимает депутатскую неприкосновенность с Надиршаха Хачилаева, обвиняемого в организации массовых беспорядков в Махачкале.

29 августа. Новым муфтием Дагестана избирается Ахмад Абдулаев.

7 сентября. Совет муфтиев России выступает с призывом к российскому правительству признать независимость Чечни.

Ноябрь. В Омске проходит учредительная конференция Межрегионального духовного управления мусульман Сибири и Дальнего Востока (МДУМСДВ). МДУМСДВ преобразуется в ДУМ Азиатской части России (ДУМАЧР).

10 ноября. В Москве учреждается общероссийское политическое общественное движение «Рефах».

17 ноября. Председатель ДУМ «Ассоциация мечетей» муфтий Махмуд Велитов заявляет о сложении своих полномочий и присоединении к ЦДУМ.

24—25 ноября. В Москве проходит расширенное совместное заседание Совета муфтиев России и ВКЦДУМР, итогом которого становится их объединение. ВКЦДУМР фактически прекращает свое существование.

16 декабря. ДУМАЧР проходит регистрацию.

23 декабря. На встрече глав и представителей Русской Православной Церкви, ЦДУМ, Совета муфтиев России, Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений и Буддийской традиционной сангхи России принимается решение об образовании Межрелигиозного совета России.

1999 год

1—5 февраля. В ДУМЕР проходит совещание ДУМов — членов Совета муфтиев России, посвященное совершенствованию организационной деятельности религиозных центров мусульман

18 января. ДУМ Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) проходит перерегистрацию и меняет название на ДУМ Европейской части России (ДУМЕР).

12 февраля. В Омске открывается съезд мусульман Сибири, в котором принимает участие председатель ЦДУМ верховный муфтий Талгат Таджуддин. Съезд осуждает «раскольнические действия ДУМАЧР».

13—14 февраля. В Тюмени проходит II форум ДУМАЧР. Происходит окончательное формирование административно-территориальной структуры этого муфтията.

Начало апреля. Сторонники ДУМЕР устанавливают контроль над Исторической мечетью в Москве.

9 апреля Главный цензор ДУМ РТ Фарид Салман Хайдаров заявляет о выходе из этой структуры. Вскоре он создает собственный муфтият — Региональное ДУМ Татарстана в составе ЦДУМ и становится его муфтием. Начинается борьбы между ДУМ РТ и ЦДУМ.

8 июня. В г. Булгар (Республика Татарстан) проходит VIII внеочередной съезд ЦДУМ, приуроченный к 1110-й годовщине со дня принятия ислама Волжской Булгарией. На съезде утверждаются типовые уставы ЦДУМ, региональных ДУМов и махаллей (приходов).

6 августа. Начинается вторжение чеченских группировок в Дагестан. Ваххабиты Кадарского анклава вступают в боевые действия на стороне боевиков.

Август. Движение «Рефах» входит в состав политического блока «Единство» и становится его «блокообразующей партией».

21 августа. В Москве проходит встреча муфтия Равиля Гайнутдина и премьер-министра В.В. Путина, посвященная ситуации в Дагестане.

23 августа. За большой вклад в установление мира и согласия в обществе муфтию Равилю Гайнутдину объявляется благодарность Президента РФ Б.Н. Ельцина

27 августа. В Москве проходит учредительный съезд Общероссийского Союза общественных объединений «Меджлис». Новое движение призывает все мусульманские партии России объединиться под его эгидой для участия в парламентских выборах.

9 сентября. В Москве проходит совместное заседание СМР и КЦМСК, посвященное углублению диалога между этими структурами и совместному празднованию 1400-летия ислам в России.

9 и 13 сентября. Террористы взрывают дома на улице Гурьянова и Каширском шоссе в Москве. Одним из главных подозреваемых в организации террористических актов становится уроженец Узбекистана Денис Сайтаков, шакирд (студент) набережночелнинского медресе «Йолдыз».

16 сентября. На сессии дагестанского парламента объявляется о запрещении ваххабизма на территории Республики Дагестан.

2 октября. Сотрудниками правоохранительных органов г. Набережные Челны задерживается имам-хатыб центральной мечети «Таубе», выпускник медресе «Йолдыз» Айрат Вахитов. Ему предъявляется обвинение по статье 208, часть вторая Уголовного кодекса России — участие в вооруженных формированиях, не предусмотренных федеральным законом. Вскоре еще 10 бывших студентов «Йолдыза» объяв-

ляются в розыск в связи с их участием в чеченских бандформированиях.

2 октября. В Уфе проходит Совет муфтиев ЦДУМ, приуроченный к торжествам по случаю 10-летия Исламского института им. Ризаэтдина бин Фахретдина. По итогам совета принимается обращение, акцентирующее внимание на прогрессирующем распространении ваххабизма в Российской Федерации.

6 октября. Сотрудники ФСБ задерживают находящегося в федеральном розыске председателя Союза мусульман России Надишаха Хачилаева.

8—9 октября. Представители ДУМ РТ и Совета муфтиев России совершают инспекционную поездку в «Йолдыз».

10 октября. Решением президента Чеченской Республики Ичкерия председатель ДУМ Чеченской Республики Ичкерия муфтий Ахмад Кадыров освобождается от занимаемой должности.

15 октября. На съезде ДУМ Тюменской области председатель ДУМ ТО муфтий Галимзян Бикмуллин заявляет о выходе своего муфтията из ДУМ Азиатской части России.

16 октября. Президент Чеченской Республики Ичкерия Аслан Масхадов объявляет муфтия Чечни Ахмада Кадырова врагом чеченского народа с формулировкой «подлежит уничтожению».

11 ноября. Председатель ДУМ Тюменской области заключает с главой ДУМ Ханты-Мансийского автономного округа юрисдикции ЦДУМ муфтием Тагиром Саматовым договор о совместных действиях против ДУМАЧР.

15 ноября. Совет муфтиев России принимает заявление, направленное против верховного муфтия ЦДУМ Талгата Таджуддина и председателя ДУМ Сибири Р.Ж. Баязитова. Начинается новый виток борьбы между ЦДУМ и СМР.

1 декабря. Террористы взрывают несколько веток магистрального газопровода на границе Республики Татарстан и Кировской области. Организатором террористического акта выступает группа татарстанских ваххабитов, среди которых есть выпускники набережночелнинского медресе «Йолдыз».

24 февраля. На базе ДУМ РТ и Центрального ДУМ Ульяновской области (образовано летом 1999 года) создается новая централизованная структура — Ассоциация мусульманских религиозных организаций «Казанский муфтият», призванная расширить зону юрисдикции ДУМ РТ до территории всего Поволжья, а впоследствии и всей страны.

Начало марта. Председатель общины Исторической мечети Фуат Юсупов заявляет о выходе из ДУМ Европейской части России и присоединении к ЦДУМ. В мечети происходит очередное столкновение противников и сторонников ДУМЕР.

15 марта. Ассоциация мусульманских религиозных организаций «Казанский муфтият» входит в состав Совета муфтиев России (образованное в 1998 году ДУМ РТ в Совет муфтиев России не входило).

23 марта. В Уфе проходит совместное заседание Совета муфтиев ЦДУМ и Общероссийского союза общественных объединений «Меджлис», ЦДУМ и «Меджлис» заключают стратегический союз.

23 марта. Совет муфтиев России проходит перерегистрацию.

6 апреля. В Москве по инициативе Совета муфтиев России начинаются торжества, посвященные 1400-летию ислама в России.

20 апреля. На очередном съезде ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края его новым муфтием избирается имам из Успенского района республики Энвер Шумафов.

22 апреля. Решением пленума ДУМ РТ и семинара руководителей высших и средних учебных заведений Республики Татарстан на базе набережночелнинских медресе «Йолдыз», «Танзиля», «Ихлас», «Нурутдин» и «Иман» создается Набережночелнинское высшее медресе.

19 мая. ФСБ России официально заявляет о начале активной борьбы с «благотворительными» арабскими фондами. Первой под удар попадает организация «Аль-Харамейн», которую ФСБ объявляет «одной из структур, негласно финансирующей наемников в Чечне», и начинает работу по прекращению ее деятельности. Вскоре аналогичные меры принимаются против фондов «Аль-Игаса», «Тайба» и «Ибрагим аль Ибрагим», известных своей широкой поддержкой ряда российских исламских учебных заведений и духовных управлений мусульман.

Июнь. В мусульманском сообществе России начинается дискуссия о возможном запрете ваххабизма на всей территории России.

5 июня. Правительство Республики Башкортостан принимает неудачную попытку воссоединения исламского сообщества республики путем присоединения ДУМ Республики Башкортостан к ЦДУМ.

8 июня. Муфтий Чечни Ахмад Кадыров назначается главой временной администрации Чечни.

30 июня. В Москве проходит заседание Совета муфтиев России, посвященное рассмотрению вопроса о возможном законодательном запрете ваххабизма на всей территории России. В принятом по итогам заседания обращении председатель ЦДУМ называется «раскольником» и «инициатором и покровителем внедрения экстремизма в форме «ваххабизма» на территории РФ». Начинается новый виток борьбы между ЦДУМ и СМР, отличительной чертой которого становятся взаимные обвинения в приверженности ваххабизму.

25 июля. Глава временной администрации Чечни Ахмад Кадыров официально запрещает деятельность в республике ваххабитских групп.

18—19 августа. В Омске проходит II курултай мусульман Азиатской части России, приуроченный к празднованию 1400-летия ислама в России. Курултай завершается задержанием одного из его делегатов — имама мечети г. Ишима Анбара Хаджахорджарова, объявленного в международный розыск правоохранительными органами Узбекистана по

статье 159 УК Республики Узбекистан (посягательство на конституционный строй).

22 августа. Съезд духовенства Чеченской Республики избирает нового муфтия Чечни. Им становится главный имам Шатойского района Ахмад Шамаев.

29 сентября. В Казани торжественно открылся Российский исламский университет.

2 октября. В Ханты-Мансийске проходит Совет муфтиев Духовных Управлений мусульман юрисдикции ЦДУМ Уральского федерального округа. На совете, в частности, обсуждаются меры по противодействию экспансии ДУМАЧР.

Октябрь. ЦДУМ перерегистрируется как Центральное духовное управление мусульман России. Ранее входившие в состав ЦДУМ ДУМы Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии юридически становятся независимыми, однако фактически остаются в составе ЦДУМ. Принимается новый устав ЦДУМ.

2 ноября. В Майкопе торжественно открывается Соборная мечеть. В церемонии открытия принимают участие лидеры КЦМСК, Совета муфтиев России и ЦДУМ.

11 ноября. На меджлисе в селе Белозерье создается Региональное ДУМ Республики Мордовия в составе ЦДУМ. Его председателем избирается муфтий Зяки Айзатуллин.

23 ноября. На съезде мусульман в Саранске создается альтернативное ДУМ Республики Мордовия. Его муфтием избирается Наиль Фахретдинов.

20 декабря. Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур» преобразуется в Демократическую мусульманскую организацию.

2001 год

31 января. В Москве проходит торжественная встреча, посвященная регистрации Координационного центра мусульман Северного Кавказа.

5—6 апреля. В Черкесске проходит IV съезд ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя, в котором принимают участие председатель Управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллахшукюр Паша-заде и председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин. Съезд продлевает полномочия муфтия Исмаила Бердиева.

25 марта. В Москве проходит учредительный съезд Исламской партии России.

24 апреля. На встрече-семинаре с участием представителей органов государственной власти России и Российской академии госслужбы при Президенте РФ Совет муфтиев России принял заявление «О сохранении и укреплении национального единства в Российской Федерации», в котором выступил против планов празднования годовщины Куликовской битвы. В свою очередь, председатель ЦДУМ верховный муфтий Талгат Таджуддин выступил с заявлением в поддержку празднования.

30 апреля. На внеочередном меджлисе ДУМ Республики Мордовия его новым муфтием избирается Рашид Халиков.

25 мая. В Москве проходит презентация Социальной программы российских мусульман, подготовленной специалистами Совета муфтиев России.

19 июня. В подмосковном пансионате «Голицыне» проходит учредительный съезд Евразийской партии России, созданный на базе ОПОД «Рефах».

28 июня. В Москве проходит международная конференция «Исламская угроза или угроза исламу?», организованная ЦДУМ и движением «Евразия».

Июль—август. Предпринимается попытка переворота в Региональном ДУМ Ульяновской области Ульяновске, инициированная председателем ЦДУМ Ульяновской области муфтием Фатыхом Аллиуловым.

2 августа. Совет муфтиев России в очередной раз выражает свое отношение к ваххабизму через соответствующее заявление.

11—12 сентября. Все ведущие мусульманские лидеры России выступают с осуждением терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне.

25 сентября. Президент РФ Владимир Путин встречается с тремя ведущими мусульманскими лидерами России — муфтиями Талгатом Таджуддином, Равилем Гайнутдином и Магомедом Албогачиевым.

28 сентября. Возрожденная муфтием Исмаилом Шангареевым ДУМ «Ассоциация мечетей России» проходит регистрацию и начинает активную кампанию по установлению контроля над мусульманскими общинами в Приволжском и Южном федеральном округах.

5 ноября. Сопредседатель Совета муфтиев России муфтий Нафигулла Аширов делает ряд заявлений в поддержку движения «Талибан» и косвенно призывает российских мусульман оказать ему вооруженную поддержку.

3 декабря. В Петрозаводске проходит регистрацию ДУМ Республики Карелия в составе Совета муфтиев России. Его председателем и муфтием становится палестинец Висам Али Бардвил.

Декабрь. В Элисте создается независимое ДУМ Республики Калмыкия, муфтием которого становится аварец Солтанахмед Каралаев.

Конец декабря. Передается огласке письмо, направленное председателем ДУМ РТ муфтием Гусманом Исхаковым папе римскому, в котором он приглашает его посетить в августе 2005 года Казань. Председатели ЦДУМ и Совета муфтиев России осуждают инициативу Исхакова.

25 декабря. КЦМСК входит в Межрелигиозный совет России.

2002 год

9—11 января. В Бейруте проходит конференция, посвященная поддержке Палестины в ее борьбе против Израиля и США. Принимавшие в ней участие муфтий Нафигулла Аши-

ров и маргинальный мусульманский философ Гейдар Джемаль одобряют тактику использования в борьбе против Исламского террористов-смертников, что вызывает резкое неодобрение властных структур России.

12 февраля. Верховный муфтий Талгат Таджуддин и с ним еще несколько мусульманских лидеров осуждают планы создания в России католических епархий.

27 апреля. В Москве проходит съезд Евразийской партии России, на котором она преобразуется в общероссийскую политическую партию.

29 мая. В Москве открывается конференция «Ислам против терроризма», на которой предполагалось принять фетву «О недопустимости оправдания экстремизма и терроризма нормами Корана и Сунны», а также примирить Совет муфтиев России и ЦДУМ. В итоге конференция не достигает поставленных целей и лишь приводит к новому витку внутриисламской напряженности

30 мая. В Москве состоялся съезд общественно-политического движения «Евразия», на котором было принято решение о преобразование его в партию.

18 июня. В Москве создается Совет по хаджу при Правительстве РФ.

29 июня. В Москве проходит регистрацию Исламский правозащитный центр, созданный по инициативе председателя ДУМ «Ассоциация мечетей» муфтия Исмаила Шангареева.

4 сентября. ДУМ Республики Мордовии входит в состав Совета муфтиев России.

1 октября. Татарские националисты в очередной раз разрушают православную часовню в Набережных Челнах. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II направляет президенту Татарстана М.Ш. Шаймиеву письмо, в котором выражает возмущение по поводу случившегося и говорит о далеком от нормы уровне межрелигиозных и межнациональных отношений в Татарстане. В свою очередь, председатель СМР муфтий Равиль Гайнутдин, комментируя разрушение часовни, предлагает Русской Православной

Церкви впредь согласовывать с мусульманами места строительства культовых зданий.

9 октября. Евразийская партия России проходит регистрацию под названием «Евразийская партия — Союз патриотов России».

24—26 октября. В Москве банда чеченского полевого командира Мовсара Бараева захватывает заложников в театральном центре на Дубровке. Все мусульманские лидеры России резко осуждают данную акцию, однако ДУМ Поволжья частично солидаризируется с террористами, требуя немедленно выполнить часть их требований.

20 ноября. На очередном съезде ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края его новым муфтием избирается Нурбий Эмиж.

29 ноября. Главный редактор мусульманского портала «Ислам.ру» Марат Сайфутдинов подает в суд на газету «Известия», опубликовавшую оскорбительные для мусульман статьи. Начинается многолетний судебный процесс.

Декабрь. Активизируется дискуссия по вопросу перевода татарского языка на латиницу. ЦДУМ и Совет муфтиев России делают заявления с осуждением этой инициативы.

11 декабря. Председатель ДУМ Кабардино-Балкарской Республики муфтий Шафиг Пшихачев уходит в отставку. Исполняющим обязанности муфтия становится его двоюродный брат Анас Пшихачев.

15 декабря. Единое ДУМ Красноярского края проходит регистрацию. Муфтием новой независимой мусульманской структуры становится имам-хатыб красноярской Соборной мечети Гаяз Фаткуллин.

2003 год

Весна. В СМИ разворачивается дискуссия о проекте религиозных аналитиков Приволжского федерального округа «Русский ислам». Все ведущие мусульманские лидеры России осуждают данный проект.

17—18 марта. Мусульманско-христианская делегация во главе с верховным муфтием Талгатом Таджуддином с миссионерской миссией посещает предвоенный Багдад.

25 марта. В Набережных Челнах производится арест известного татарского националиста Рафиса Кашапова.

3 апреля. На митинге партии «Единая Россия» в Уфе верховный муфтий Талгат Таджуддин объявляет джихад странам — членам антииракской коалиции. Вскоре после этого прокурор Башкирии Флорид Бойков направляет ему предупреждение. ЦДУМ входит в период затяжного кризиса.

14 апреля. В Москве проходит расширенное заседание Совета муфтиев России, на котором принимается осуждающая призывы Талгата Таджуддина фетва.

17 апреля. На прошедшем в Москве заседании КЦМСК его новым председателем избирается муфтий Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя Исмаил Бердиев.

Май. Начинается скандал, связанный с планами строительства мечети в Сергиевом Посаде.

15—17 мая. В Нижнем Новгороде проходят масштабные торжества, посвященные десятилетнему юбилею ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

6 июня. В Усинске (Республика Коми) создается независимое ДУМ Республики Коми. Его муфтием избирается усинский имам Валиахмед (Винер) Гаязов.

Июль. После теракта на Тушинском поле правоохранительные органы разворачивают операцию «Фатима», направленную на выявление потенциальных террористок-смертниц. В числе задержанных оказывается супруга муфтия Нафигуллы Аширова.

30 июля. 53 членам исламистской организации «Хизбут-Тахрир» рекомендовано покинуть Россию.

5 августа. Президент России В.В. Путин заявляет о возможности вступления России в Организацию исламской конференции, оценивая при этом численность российских мусульман в 20 миллионов человек. Все мусульманские лидеры страны приветствуют заявление президента.

11 августа. В Махачкале неизвестные убивают бывшего депутата Госдумы и председателя Союза мусульман России Надиршаха Хачилаева.

16 сентября. В Москве проходит III съезд Евразийской партии России, во время которого на ее базе создается предвыборный блок «Великая Россия — Евразийский союз».

14 октября. КЦМСК делает заявление, осуждающее чрезмерно лояльную позицию муфтия Равиля Гайнутдина по отношению к ваххабизму.

Ноябрь. По обнародованным результатам Всероссийской переписи населения 2002 года верхняя планка численности мусульман в России оказывается равна 14,5 миллионам человек. Муфтий Равиль Гайнутдин выражает свое несогласие с этими данными и продолжает оценивать численность российской уммы в 20 миллионов человек.

7 декабря. По итогам прошедших в этот день парламентских выборов имеющие исламскую окраску партии: «Великая Россия — Евразийский союз» и «Истинные патриоты России» (Исламская партия России) набирают соответственно 0,28% и 0,25% голосов.

24 декабря. Муфтий Равиль Гайнутдин защищает кандидатскую диссертацию по теме «Ислам в России (опыт философского анализа)».

2004 год

19 января. В Москве проходит пленум ЦДУМ, одним из решений которого становится отказ от публичной критики Совета муфтиев России.

Февраль. Бывший лидер организации «Имамат Карачая» Магомед Биджиев (Биджи-улла) становится заместителем председателя ДУМЕР.

19 февраля. Исламская партия России — Истинные патриоты России снимается с регистрации в связи с многочис-

пенными нарушениями, допущенными в ходе избирательной кампании 2003 года.

27 февраля. У двух московских мечетей — Исторической и Мемориальной — проводятся массовые проверки документов и задержания молящихся. Многие мусульманские лидеры и журналисты резко осуждают данную акцию, обвинив МВД в провокации.

2 марта. На заседании Совета муфтиев России принимается решение о поддержке кандидатуры В.В. Путина на предстоящих президентских выборах. В тот же день в состав Совета муфтиев входит ДУМ Тюменской области.

2—3 марта. По итогам прошедшего в Москве II Межрелигиозного миротворческого форума создается Межрелигиозный совет СНГ, в президиум которого входят муфтии Равиль Гайнутдин, Талгат Таджуддин и Исмаил Бердиев, а в исполнительный комитет — муфтий Пермского края Мухаммадгали Хузин, руководитель аппарата СМР Харис Саубянов и исполнительный директор КЦМСК Шафиг Пшихачев.

5 марта. Председатель ДУМ Поволжья муфтий Мукадас Бибарсов публично осуждает теорию «евроислама», выдвинутую советником президента Татарстана Рафаэлем Хакимовым.

26 марта. В ответ на предложение президента Чечни Ахмада Кадырова учредить пост верховного муфтия России Президент РФ В.В. Путин заявляет, что приветствовал бы появление в стране верховного муфтия, но считает это делом самих мусульман.

Конец марта — начало апреля. Все ведущие мусульманские организации высказываются против строительства в Москве Центра ведической культуры и благотворительных программ Общества сознания Кришны. О своей поддержке кришнаитов заявляют только председатель ДУМ Азиатской части России муфтий Нафигулла Аширов и председатель ДУМ «Ассоциация мечетей» Исмаил Шангареев.

12 апреля. Заместитель Генерального прокурора РФ Владимир Колесников предлагает ввести уголовное наказа-

ние за пропаганду ваххабизма, чем стимулирует очередную дискуссию о роли этого исламского течения.

15 апреля. В Черкесске проходит внеплановое совещание ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя, призванное выработать меры противодействия созданию в Ставропольском крае отдельного муфтията.

16 апреля. Суд оправдывает одиозного татарского националиста Рафиса Кашапова, обвиненного в разжигании межнациональной и межрелигиозной вражды.

20 апреля. На совещании имамов и аксакалов восточных районов Ставрополя создается оргкомитет по подготовке съезда мусульман Ставропольского края.

22 апреля. В Нальчике проходит IV съезд мусульман Кабардино-Балкарской Республики, на котором Анас Пшихачев избирается новым муфтием ДУМ Кабардино-Балкарской Республики.

25 апреля. Во Владикавказе проходит очередной съезд ДУМ Республики Северная Осетия — Алания, по результатам которого его председатель муфтий Дзанхот Хекилаев освобождается от своих обязанностей.

12 мая. Новым муфтием Северной Осетии избирается председатель владикавказской мусульманской общины Руслан Валгасов.

20 мая. Лидеры трех ведущих мусульманских структур России — СМР, ЦДУМ и КЦМСК — объявляют о создании Объединенного Совета Духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму

26 мая. В Москве на беспрецедентно высоком уровне проходят торжества в честь 100-летнего юбилея Московской Соборной мечети.

3 июня. Под эгидой Совета муфтиев России в Москве проходит конференция «Ислам против терроризма», призванная закрепить достигнутые двумя неделями до этого договоренности между СМР, ЦДУМ и КЦМСК. Поставленной цели конференция не достигает — представители ЦДУМ и КЦМСК ее игнорируют.

10—12 июня. В Омске проходит съезд «Национальной организации русских мусульман», председателем которой становится лидер омской общины «русских мусульман» Абу-Талиб Степченко.

13 июня. В татарстанском городе Булгар проходит IX съезд ЦДУМ, не принявший никаких заметных решений.

16 июня. Умирает первый муфтий Северной Осетии Дзанхот Хекилаев.

25 июня/Президент России награждает муфтия Равиля Гайнутдина Орденом Почета.

29 июня. Муфтий Равиль Гайнутдин встречается с послом Израиля в РФ Аркадием Мил-Маном. На следующий день информационный портал «Ислам.ру» обвиняет его в предательстве мусульманских интересов. С этими обвинениями солидаризируются муфтий Нафигулла Аширов и председатель Исламского комитета философ Гейдар Джемаль.

5 июля. В знак несогласия с политикой президента Ингушетии Мурада Зязикова председатель Духовного центра мусульман Республики Ингушетия муфтий Магомед Албогачиев уходит в отставку.

7 июля. В Ставрополе проходит съезд мусульман Ставропольского края, на котором принимается решение о создании независимого ДУМ Ставропольского края.

8 июля. Новым муфтием Ингушетии избирается первый заместитель председателя Духовного центра мусульман Республики Ингушетия Иса Хамхоев.

10—11 июля. В Москве проходят учредительные съезды партий «Истинные патриоты России — за гражданское общество» и «Партии справедливости и развития России», образованных на базе Исламской партии России (Истинных патриотов России).

14 июля. В Черкесске проходит пленум ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополья, посвященный итогам неудачного съезда мусульман Ставропольского края и КЧР.

12 октября. В Москве создается общероссийская мусульманская общественная организация «Хак — Справедливость», призванная защищать права мусульман.

Октябрь — декабрь. Правоохранительные органы разворачивают крупномасштабную кампанию по борьбе с последователями движения «Хизбут-Тахрир».

2005 год

22 марта. В Москве проходит съезд общероссийского общественного движения «Российское исламское наследие» (РИН), созданного по инициативе чеченских бизнесменов братьев Джабраиловых. Один из них, Хусаин, становится лидером РИНа.

2 февраля. Во Владикавказе по обвинению в незаконном хранении взрывчатых веществ и компонентов к ним арестовывается лидер Исламского культурного центра Владикавказа Ермак Тегаев

2 марта. Участники заседания Совета муфтиев России приняли обращение к Президенту, правительству и Федеральному Собранию с требованием сохранить светский характер образования «в государственных и муниципальных учреждениях», тем самым выступив против преподавания «Основ исламской культуры». В течение последующих месяцев муфтии Ахмад Шамаев, Исмаил Шангареев и Висам Бардвил дезавуировали это решение.

8 марта. Бойцы спецназа российской армии уничтожают формального лидера чеченских боевиков Аслана Масхадова. Глава ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов осуждает эту акцию, а радикальный философ Гейдар Джемаль называет погибшего истинным шахидом.

18 марта. Икрянинское РОВД Астраханской области возбуждает уголовное дело в отношении Мансура Шангарева, брата муфтиев Исмаила и Тагира Шангареевых. Ему инкриминируются мошенничество, хранение оружия и наркотиков.

22 марта. В с. Бахтемир Икрынинского района Астраханской области сотрудники правоохранительных органов задерживают Мансура Шангареева — брата лидера ДУМ «Ассоциация мечетей России» Исмаила Шангареева

11 апреля. На очередном пленуме ЦДУМ создается Исполнительный комитет этой организации, председателем которого становится муфтий Пермской области Мухаммад-гали Хузин. Он также назначается первым заместителем верховного муфтия Талгата Таджуддина.

Весна. Муфтий Северной Осетии Руслан Валгасов уходит в отставку. Его преемником становится имам-хатыб владикавказской Соборной мечети Магомед Тавказахов.

19 августа. Президент России В.В. Путин на встрече с королем Иордании оценил численность российских мусульман в 16 млн. чел., тем самым дезавуировав называвшуюся ранее цифру в 20 млн.

25 мая. Председатель ДУМЕР муфтий Равиль Гайнутдин заявляет, что в каждом округе Москвы необходимо построить хотя бы по одной мечети. К этому времени московские власти начали работы по расширению московской Соборной мечети.

26 мая. Муфтий Чечни Ахмад Шамаев подает в отставку «по состоянию здоровья». Новым председателем ДУМ ЧР становится его первый заместитель Султан Мирзаев

Июнь. Муфтий Нижегородской области Умар Идрисов призывает российские власти ввести пост вице-президента, который должен быть закреплен за мусульманином. 28 сентября того же года о поддержке этой инициативы заявляет муфтий Равиль Гайнутдин, однако представители Администрации Президента категорически отвергают возможность изменения Конституции.

24—25 июня. В Казани проходит международный исламский форум, приуроченный к торжественному открытию казанской мечети «Кул-Шариф». В рамках форума собирается очередное заседание Совета муфтиев России.

1 июля. Совет муфтиев России выступает со специальным заявлением, в котором осуждает высказывания своего сопредседателя муфтия Исмаила Шангареева, двумя днями ранее поддержавшего антиправительственные выпады оппозиционного «Комитета-2008».

12 июля. В составе ДУМЕР создается Московский областной мухтасибат во главе с имам-хатыбом сергиевopсaдской общины Арсланом Садриевым.

12 июля. Имам-хатыб Арслан Садриев объявляет о своем намерении выставить на аукцион недостроенное здание мечети в Сергиевом Посаде.

4 августа. Советулемов ДУМ ЧР объявляет джихад ваххабизму. Сторонники этого течения среди мусульманского духовенства немедленно подвергают принятое решение жесткой критике.

5 сентября. В Казани открывается Первый международный фестиваль мусульманского кино «Золотой минбар».

10 сентября. Во время церемонии закладки первого камня в основание фундамента новой московской Соборной мечети председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин заявляет, что на сегодняшний день в Москве существуют только четыре мечети, причем две из них находятся при посольствах Ирана и Азербайджана

12 сентября. Посольство Азербайджана распространяет официальный пресс-релиз, в котором опровергает утверждение Равиля Гайнутдина о том, что на территории посольства находится мечеть.

19 сентября. Под давлением активистов «Российского исламского наследия» был уволен со своей должности шеф московского бюро катарского спутникового канала «Аль-Джазира» Акрам Хузам.

19 сентября. Истекает срок лицензии на преподавание религиозных предметов Российского исламского университета. Отдел лицензирования и аккредитации Министерства образования и науки РФ отказывает в ее продлении ввиду несоответствия организационно-правовой формы универ-

ситета (светской) его практической деятельности (религиозной). После дополнительных переговоров решение этого вопроса откладывается до июня 2006 года.

21 сентября. Муфтий Татарстана Гусман Исхаков и его жена попадают в тяжелую автомобильную аварию. По выходе из больницы, несмотря на появившиеся слухи, председатель ДУМ РТ продолжил исполнение своих обязанностей, а не подал в отставку.

22 сентября. На конференции ДУМ Поволжья «Золотая середина» — принцип ислама» советник Президента России Асламбек Аслаханов опять заявляет о необходимости объединения российских мусульман под единым руководством, в очередной раз вызывая к жизни дискуссию о введении поста верховного муфтия России.

29 сентября. Председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин назначает имам-хатыба чебоксарской общины «Иман» Айрата Хайбуллова муфтием Чувашии.

13 октября. Боевики кабардино-балкарских джамаатов вместе с людьми Шамиля Басаева атакуют Нальчик. Сотрудникам правоохранительных органов удается успешно отразить это нападение, однако среди пострадавших оказывается отец муфтия Кабардино-Балкарии Муса Пшихачев, раненый террористами в голову.

14 октября. Несколько молодых людей врываются в недостроенную сергиевопосадскую мечеть и побивают лопатой ее имам-хатыба Арслана Садриева, главу Московского областного мухтасибата ДУМЕР

20 октября. В Чебоксарах создается Центральное ДУМ Чувашской Республики во главе с муфтием Айратом Хайбулловым.

24 октября. Центральное ДУМ Чувашской Республики проходит регистрацию.

20 ноября. В автокатастрофе погибают муфтии Курганской и Челябинской области Рамазан Ишмухамметов и Габдулла Шакаев,

21 ноября. По результатам прошедшего в Уфе пленума ЦДУМ муфтии Мухаммадгали Хузин (Пермский край) и Фарид Салман Хайдаров (Ямало-Ненецкий автономный округ) освобождаются от должностей заместителей председателя ЦДУМ. Фарид Салман Хайдаров освобождается также от должности председателя Регионального ДУМ Ямало-Ненецкого автономного округа. Созданный в апреле 2005 года исполком ЦДУМ расформировывается. Новыми заместителями Талгата Таджуддина назначаются Альбир Крганов (Чувашия), Тагир Саматов (Ханты-Мансийский автономный округ), Джафар Пончаев (Санкт-Петербург) Джагофар Бикмае (Ростовская область) и Назымбек Ильязов (Астраханская область).

Начало декабря. После заявлений ряда представителей Совета муфтиев России о необходимости изъятия из российского герба христианской символики в СМИ начинается резкая полемика на эту тему.

1 декабря. Совет муфтиев России направляет в президиум Межрелигиозного совета России заявление в связи с выходом книги «Новейшая история исламского сообщества России».

1 декабря. В с. Шыгырыдан Чувашской Республики проходит IV съезд Регионального ДУМ ЧР в составе ЦДУМ, главной темой которого становится противодействие начинающемуся расколу республиканской уммы.

12 декабря. Выступая на заседании чеченского парламента Президент России В.В. Путин называет Россию «верной защитницей ислама». «Я хочу напомнить тем, кто на другой стороне, тем, кто якобы радеет за ислам, что Российская Федерация всегда была самым последовательным, верным и твердым защитником ислама, являющегося религией мира», в частности, заявил глава государства.

13 декабря. Нижегородская епархия Русской Православной Церкви выступает со специальным заявлением, в котором осуждает «безответственные действия представи-

телей Духовного управления мусульман Нижегородской области, направленным на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды».

14 декабря. Президент России В.В. Путин на встрече с премьер-министром Малайзии заявляет, что в России проживает более 15 млн. мусульман, чем окончательно денонсирует называвшуюся ранее цифру в 20 млн.

20 декабря. Президиум Межрелигиозного совета России выражает сожаление относительно публикации книги «Новейшая история исламского сообщества России» и принимает отставку своего исполнительного секретаря Р.А. Силантьева.

26 декабря. Шангареев решением суда признан виновным в незаконном хранении боеприпасов и наркотиков и осужден на три года лишения свободы

28 декабря. В Тюмени проходит очередной съезд ДУМ ТО, который продляет полномочия муфтия Галимзяна Бикмуллина.

29 декабря. Председатель ЦДУМ назначает новым муфтием Челябинской и Курганской областей (Южного Урала) ректора уфимского Исламского института им. Ризаэтдина Фахреддина Рината Раева

В течение года. В Москве, Татарстане, Башкортостане, Удмуртии, Самарской, Нижегородской и Тюменской областях проходит серия судов над членами экстремистской партии «Хизбут-Тахрир».

2006 год

18 января. Верховный муфтий Талгат Таджуддин официально заявляет о том, что взял себе новое имя Шейхулла.

Конец января. Предложение и.о. премьер-министра Чечни Рамзана Кадырова о легализации многоженства в его республике вызывает оживленную дискуссию на эту тему.

Февраль. Практически все мусульманские лидеры России осуждают публикацию датской газетой «Юлланден Пост» карикатур на пророка Мухаммеда.

7 февраля. На очередном заседании Межрелигиозного совета России передается огласке письмо верховного муфтия Талгата (Шейхуллы) Таджуддина Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, в котором он дает положительную оценку книге «Новейшая история исламского сообщества России». В тот же день с ним солидаризируется первый заместитель председателя КЦМСК муфтий Магомед Албогачиев.

14 февраля. Председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин заявляет, что в России проживает 20 млн. мусульман и всего 3,5 млн. истинных православных.

16 февраля. Муфтий Равиль Гайнутдин становится сопредседателем попечительского совета «Российского исламского наследия»

20 февраля. По итогам III съезда ДУМ РТ его председатель муфтий Гусман Исхаков переизбирается на третий срок.

26 февраля. Прокуратура г. Москвы выносит официальное предупреждение обществу «Мемориал» по факту размещения на его сайте апологетического отзыва на литературу террористической организации «Хизбут-Тахрир», подготовленного муфтием Нафигуллой Ашировым.

1 марта. В Ноябрьске (Ямало-Ненецкий автономный округ) проходит II внеочередной съезд РДУМ ЯНАО. Новым муфтием и председателем РДУМ избираются соответственно имам-мухтасиб Нового Уренгоя Хайдар Хафизов и председатель благотворительного фонда «Ихлас» Анур Загидулин.

4 марта. Председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин встречается с делегации палестинского движения ХАМАС.

11 марта. Совет муфтиев России выступает против введения института военных священников и преподавания в школах «Основ православной культуры».

11 марта. Центральное ДУМ Чувашской Республики входит в состав Совета муфтиев России.

26 марта. В Екатеринбурге проходит III съезд ДУМАЧР, участие в котором впервые принимают представители ЦДУМ.

Конец мая. Российский исламский университет преобразуется в светское учебное заведения, а функции по преподаванию религиозных дисциплин передаются выделенному из него Казанскому исламскому институту.

2 июня. На очередном заседании КЦМСК его новым председателем избирается муфтий Карачаево-Черкесии и Ставрополя Исмаил Бердиев.

Часть II

ПРЕДПОСЫЛКИ РАСКОЛА ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Глава I

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Описанные в последующих разделах политические, этнические, религиозные и финансовые предпосылки раскола исламского сообщества России, безусловно, сыграли свою разрушительную роль, однако только их было явно недостаточно, чтобы привести российскую умму в состояние полной раздробленности. Следует с сожалением отметить, что главной причиной дезинтеграционных процессов в ней стали конфликты на личной почве, в которые оказались вовлечены многие ведущие лидеры российского ислама.

Особенно драматическими последствия таких конфликтов оказались для ДУМЕС. В 1980 году председателем этого управления был избран молодой муфтий Талгат Таджуддин, который благодаря своей харизматичности, образованности и ораторскому таланту быстро завоевал симпатии имамов и простых мусульман, которые увидели в нем настоящего исламского лидера. Постепенно авторитет Таджуддина рос и вокруг него стали собираться молодые имамы, для которых он стал не только муфтием, но и духовным отцом.

Председатель ДУМЕС действительно относился к своим сподвижникам по-отечески, принимая деятельное участие в устройении их жизни. Он направлял наиболее перспективных мусульман на обучение, снимая им за счет ДУМЕС удобные квартиры и присылая посылки с едой, вещами и литературой, а по окончании обучения назначал их на престижные должности и нередко помогал устраивать личную жизнь⁵²⁹.

Между тем выстроившаяся между муфтием и его сподвижниками система взаимоотношений имела и свои отрицательные стороны. Талгат Таджуддин отличался довольно резким, хотя и не злопамятным характером, и нередко поучал своих учеников весьма радикальными методами. Одни из них воспринимали это как должное, тем более что муфтий не был самодуром и наказывал за реальные, а не выдуманные проступки, однако другие копили в себе обиды. Кроме того, председатель ДУМЕС произвел серьезные перестановки в высшем эшелоне этой структуры — так, он освободил от занимаемых должностей настоятеля уфимской Соборной мечети Аббаса Бибарсова и его коллегу из Ленинграда Хафиза Махмудова, ответственного секретаря ДУМЕС Фаизрахмана Саттарова и некоторых других функционеров⁵³⁰.

Таким образом, оппозиция муфтию Талгату Таджуддину начала формироваться уже в начале 80-х годов. Так, на V съезде ДУМЕС, прошедшем летом 1990 года в Уфе, недовольство политикой Таджуддина открыто высказал имам казанской Соборной мечети «Марджани» Габдулла Галиуллин*. В перерыве он выслушал резкую отповедь ответственного секретаря ДУМЕС Нафигуллы Аширова, который считал себя ближайшим соратником муфтия. Впрочем, Талгат Таджуддин не оценил позиции своего ответственного секретаря и через некоторое время предложил ему заняться воз-

* Вскоре Галиуллин был снят с этой должности и переведен в менее посещаемую мечеть «Нурулла» в районе Сенного рынка Казани.

рождением ислама в родном Тобольске, чем нажил себе смертельного врага⁵³¹.

Оскорбленный в лучших чувствах Нафигулла Аширов встал во главе «инициативной группы», летом 1992 года начавшей подготовку к смещению Таджуддина. Именно он организовал недовольных муфтием имамов и общественных деятелей, большинство из которых имели личные счёты с председателем ДУМЕС, и разработал план переворота. Вполне возможно, что скандальная история, случившаяся в июле 1992 года во время церемонии открытия мечети «Таубэ» в Набережных Челнах, произошла неслучайно. Имам-хатыб этой мечети Идрис Галяутдинов, самочинно демонтировавший «экуменический» витраж, не мог не осознавать, что тем самым он демонстрирует публичное неподчинение своему духовному лидеру и учителю. Ожидаемая вспышка гнева Талгата Таджуддина, вылившаяся в прилюдное побиеие Галяутдинова посохом, была профессионально заснята на видеокамеру и впоследствии ее запись использовалась как главное доказательство невеняемости председателя ДУМЕС⁵³².

Случившееся происшествие представило муфтия Талгата Таджуддина в крайне невыгодном свете. Многие его сподвижники стали открыто сочувствовать Галяутдинову, в положение которого они раньше попадали и сами. Их общее мнение через полтора месяца на учредительном съезде ДУМ РТ выразила известная татарская националистка Фаузия Байрамова, заявившая, что «Талгат избил не Идриса, он избил ислам, наши чувства»⁵³³.

Тем не менее одного «витражного» скандала было еще недостаточно для раскола ДУМЕС. Процесс распада стал необратим после ссоры Талгата Таджуддина с имам-мухтасибом Уфимского мухтасибата Нурмухаммадом Нигматуллинным, который за какой-то дисциплинарный проступок получил гневную отповедь председателя ДУМЕС, был назван «тупым башкиром» и получил пожелание «убраться в свое Темясово». Конечно, муфтий Талгат Таджуддин не был наци-

оналистом и уважительно относился к башкирам, однако неосторожно сказанные слова поссорили его с набирающим силу башкирским национальным движением и стали главным катализатором создания независимого ДУМ РБ.

Следует отметить, что учредительные съезды ДУМ РБ и ДУМ РТ были посвящены критике именно личных качеств председателя ДУМЕС, в то время как целесообразность сохранения этой структуры как таковой никем открыто не оспаривалась. Выступавшие на съездах имамы и общественные деятели жаловались, что поведение муфтия Талгата Таджуддина стало невыносимым и именно по этой причине они выходят из ДУМЕС. Говорилось также, что если бы на место Таджуддина пришел более дипломатичный лидер, раскола удалось бы избежать.

Таким образом, достаточно очевидно, что роль межличностных трений в первичном расколе ДУМЕС не уступала по своему значению роли экономических, политических, этнических и религиозных факторов. Впрочем, самым известным из такого рода конфликтов стала ссора между Талгатом Таджуддином и его московским представителем муфтием Равилем Гайнутдином.

Отношения между этими исламскими лидерами стали портиться по мере обострения борьбы ДУМЕС-ЦДУМ с альянсом новых муфтиятов. Московский муфтий старался по возможности дистанцироваться от этой борьбы и дружить с обоими лагерями, однако такая двуличная позиция не получила заслуженной оценки. Систематическое отсутствие Гайнутдина на заседаниях президиума ЦДУМ навлекло на него подозрения в недостаточной лояльности к муфтию Талгату Таджуддину, который требовал конкретных действий в свою поддержку. Так, в сентябре 1994 года он призвал всех своих сподвижников прибыть на защиту резиденции ЦДУМ, которую угрожали захватить боевики ДУМ РБ. Равиль Гайнутдин в очередной раз проигнорировал приглашение в Уфу, и это оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения Талгата Таджуддина. 21 сентября решением

плenums ЦДУМ московский муфтий был снят со всех должностей, однако не подчинился и сумел отстоять свои позиции.

С этого момента Равиль Гайнутдин стал обвиняться сторонниками Талгата Таджуддина в предательстве своего наставника, а затем и в потворстве миссионерской деятельности ваххабитов. В первые месяцы эти обвинения высказывались преимущественно через третьих лиц, однако после создания Совета муфтиев России они выплеснулись и на страницы газет. Равиль Гайнутдин поначалу старался избегать полемики на эту тему, однако по прошествии времени начал резко парировать обвинения в свой адрес и предавать огласке порочащие своего учителя сведения. Так, в ноябре 1998 года по итогам совместного расширенного заседания Совета муфтиев и ВКЦДУМР было обнародовано первое антитаджуддиновское заявление, подписанное среди прочих и Равилем Гайнутдином. В этом документе председатель ЦДУМ обвинялся в незаконном присвоении звания «Верховный муфтий России». Степень накала заочной дискуссии двух муфтиев, приходившихся друг другу довольно близкими родственниками, достигла своего апогея в июне 2002 года. Тогда в ответ на довольно резкое интервью Талгата Таджуддина газете «Газета» Равиль Гайнутдин на ее же страницах охарактеризовал своего бывшего учителя как «надевшего митру и носящего чалму шайтана», которому «вручают дрова со словами «Готовься гореть в аду!».

Равиля Гайнутдина и других критиков председателя ЦДУМ мало волновал тот факт, что с медицинской, да и просто с технической точки зрения один человек не мог быть одновременно алкоголиком и наркоманом; гомосексуалистом и сторонником неограниченных гетеросексуальных связей; страдать шизофренией и паранойей, осложненными манией величия и истерическим синдромом; исповедовать около десятка ересей, делать лжепророчества, работать на КГБ, ФСБ, «Моссад» и спецслужбы Русской Православной Церкви; сотрудничать со многими ОПГ и националистичес-

кими партиями. Враги Таджуддина упорно не понимали, что, до бесконечности расширяя круг прегрешений председателя ДУМЕС, они противоречат сами себе и доводят ситуацию до абсурда.

Конечно, на самом деле Талгат Таджуддин страдал вышеозначенными пороками ничуть не в большей степени, чем Равиль Гайнутдин, Мукаддас Бибарсов или Нурмухаммад Нигматуллин. Не был он ни еретиком, ни агентом спецслужб, ни плохим управленцем, ни тайным приверженцем православного христианства или язычества. Зато среди его критиков встречались и душевнобольные, и гомосексуалисты, и воры, и бандиты, и сторонники ваххабизма, и даже отцеподавцы. И вот их пороки как раз имели документальное подтверждение.

Затянувшийся конфликт между Талгатом Таджуддином и альянсом его недругов нанес серьезный урон всему традиционному исламу России и позволил набрать силу сторонникам ваххабизма и экспансионистского суфизма, который вообще выступали против любого «официального» исламского духовенства. К сожалению, в разжигании этой ссоры сыграли свою роль СМИ, рассматривавшие ее как постоянный источник сенсационных материалов. Стоит ли говорить, что простые мусульмане оказались немало смущены и деморализованы непрекращающимися диффамационными кампаниями против своих духовных лидеров.

Помимо конфликтов Талгата Таджуддина с членами «инициативной группы» Нафигуллы Аширова и Равилем Гайнутдином, следует упомянуть несколько менее заметных столкновений на личной почве, также негативно отразившихся на единстве российской уммы.

В апреле 1991 года при поддержке посольства Саудовской Аравии в Москве был создан Исламский культурный центр, во главе которого стал молодой мусульманский активист Вадим Медведев, впоследствии известный как Абдул-Вахед Ниязов. Довольно быстро Медведев смог получить некоторый авторитет в мусульманских кругах столицы и ре-

шился на дерзкий шаг — воспользовавшись командировкой имам-мухтасиба Московского мухтасибата ДУМЕС Равиля Гайнутдина, он попытался узурпировать его полномочия, однако не нашел поддержки верующих и был с позором изгнан из московской Соборной мечети. После этого Исламский культурный центр претерпел раскол на Исламский культурный центр России (ИКЦ России) и Исламский культурный центр Москвы и Московской области, а отношения Вадима Медведева и Равиля Гайнутдина надолго испортились.

При расколе ДУМЕС Медведев-Ниязов занял сторону оппонентов муфтия Талгата Таджуддина и сблизился с Нафигуллой Ашировым, который стал помогать ему в борьбе против Равиля Гайнутдина. Эта борьба до 1995 года носила вялотекущий характер, однако после создания по инициативе Ниязова Союза мусульман России резко обострилась. Политические инициативы генерального директора ИКЦ России были осуждены муфтием Равилем Гайнутдином и его соратниками, которые в июне 1995 года разослали во все заинтересованные инстанции специальное письмо. В этом письме они выражали озабоченность «крайне негативным воздействием Исламского культурного центра России (ИКЦР) на религиозную жизнь мусульманской общины России» и обвиняли его генерального директора «в неблагоприятной деятельности, различного рода махинациях и закулисных интригах»⁵³⁴.

В свою очередь, Абдул-Вахед Ниязов пытался всячески скомпрометировать Равиля Гайнутдина и вторично оспорить его полномочия. Его соратник Нафигулла Аширов обвинил московского муфтия в «узурпации власти, противопоставлению себя большинству мусульманских лидеров и пренебрежении их мнением». К этому времени конфликт между Ниязовым и Гайнутдином приобрел дополнительные измерения, однако их личная неприязнь по-прежнему играла в нем главную роль⁵³⁵.

В конце октября 1996 года новообразованный Совет муфтиев России выступил со специальным заявлением «О так

называемых «исламских» партиях и «мусульманских» общественно-политических движениях», в котором окончательно развенчал все попытки Ниязова использовать религиозные чувства мусульман в корыстных политических целях. К этому времени стало ясно, что изрядно скомпрометированный ИКЦР и слабеющий ВКЦДУМР не могут рассчитывать на победу в противостоянии с набирающей силу структурой Равиля Гайнутдина, поэтому их лидеры стали искать пути примирения.

В начале 1997 года Абдул-Вахед Ниязов и Нафигулла Аширов признали авторитет Совета муфтиев России и попросили его поддержки в создании ДУМАЧР. Впоследствии они примирились с муфтием Равилем Гайнутдином и стали его союзниками, однако довольно автономными и непредсказуемыми.

Впрочем, примирение Равиля Гайнутдина с лидерами ИКЦР и ВКЦДУМР происходило на фоне его серьезной ссоры с председателем ДУМ Сибири, мишарским бизнесменом Ряшитом Баязитовым. Поводом для нового конфликта стала резкая дискуссия относительно права собственности на две новые мечети, построенные Баязитовым в московском районе Отрадное. Равиль Гайнутдин настаивал на том, чтобы эти мечети были переданы ДУМЕР, в то время как Баязитов хотел сохранить над ними полный контроль.

В итоге их ожесточенный спор вылился в серьезный конфликт, который привел к сближению Баязитова с ЦДУМ и выходом из Совета муфтиев России подконтрольных ему ДУМ Сибири, ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области и ДУМ «Ассоциация мечетей»*. Есть все основания считать, что именно этот конфликт на личной почве сделал возможным экспансию ДУМАЧР и перенес раскол на мусульманские сообщества Сибири и Дальнего Востока. Кроме

* ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области, правда, ограничилось только уведомительным письмом о выходе из Совета муфтиев и не предприняло никаких реальных шагов по разрыву отношений с этой структурой.

того, Ряшит Баязитов помог ЦДУМ создать в Москве альтернативный ДУМЕР муфтият, который возглавил бывший председатель ДУМ «Ассоциация мечетей» муфтий Махмуд Велитов.

В ноябре 1998 года участники расширенного заседания Совета муфтиев России и ВКЦ ДУМР приняли специальное заявление «По предотвращению деятельности раскольнических групп в мусульманском сообществе России», в котором, в частности, говорилось: «Довести до сведения Р. Баязитова и братьев Шакирзяновых, что при продолжении ими раскольнической деятельности, несовместимой с общечеловеческими и исламскими принципами нравственности и морали, главы Духовных управлений мусульман России, муфтии примут в отношении их фетву (религиозно-правовое заключение) о несоответствии их деятельности и нравственных принципов нормам, предъявляемым к мусульманину»⁵⁵⁶. Кроме того, в июне 1999 года Равиль Гайнутдин направил мэру Москвы письмо, в котором протестовал против строительства «шиитской» мечети в Отрадном. По его мнению, она могла стать «очагом напряженности» и «внутриконфессионального противостояния»⁵⁵⁷. Конфликт между Ряшитом Баязитовым и Равилем Гайнутдином продолжается до сих пор, однако со временем он потерял свою остроту.

В заключение следует упомянуть несколько второстепенных конфликтов на личной почве, которые имели последствия только на региональном уровне. Так, раскол мусульманского сообщества Санкт-Петербурга был вызван ссорой между имам-хатыбом Соборной мечети Хафизом Махмудовым и его преемником на этой должности Джагофаром Пончаевым, внутримусульманский конфликт в Омске стал следствием восходящих еще к 80-м годам трений между муфтием Зулкарнаем Шакирзяновым и лидером казахской общины Омской области Ануарбеком Жунусовым, а ссора муфтия Чечни Ахмада Кадырова с главой непризнанной Ичкерии Асланом Масхадовым во многом обусловила его переход на сторону федерального центра.

Видимым проявлением конфликтов на личной почве стали оскорбительные обвинения, выдвигавшиеся мусульманскими лидерами в адрес своих оппонентов. К сожалению, для составления объективной картины раскола их придется рассмотреть, исключая, может быть, только обвинения в девиациях половой сферы.

СПРАВКА О РОДСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ ЛИДЕРОВ ПОВОЛЖСКОЙ УММЫ

Следует заметить, что многие лидеры ЦДУМ и Совета муфтиев России связаны родственными узами, что придавало начавшемуся между ними конфликту дополнительные измерения и позволяет объяснить многие парадоксальные повороты новейшей истории российских мусульман.

Самой авторитетной женщиной среди казанских татар считается Рашида Исакова, почтительно именуемая Рашида-абыстай. Она поддерживает тесные связи с семьей президента Татарстана, духовно наставляя его супругу, курирует деятельность ряда женских мусульманских организаций и является матерью действующего муфтия Татарстана Гусмана Исакова. Мужьями ее многочисленных дочерей в свое время стали муфтии Исмаил Шангареев, Габдулла Галиуллин и Саид-Джалиль Ибрагимов (первый председатель ДУМ Крыма), авторитетные имам-хатыбы Наиль Сахибзянов (экс-мухтасиб Пермского мухтасибата ДУМЕС и действующий мухтасиб Альметьевского района Татарстана) и Сулейман Зарипов (экс-мухтасиб Бугульминского мухтасибата ДУМЕС и до недавнего времени первый проректор Российского исламского университета). Одна племянница Рашиды-абыстай стала супругой верховного муфтия Талгата Таджуддина, а другая вышла замуж за Абдул-Вахеда Ниязова. Первый муфтий Татарстана по версии ЦДУМ Габдельхамид Зинатуллин также приходится родственником Рашиды Исаковой.

Талгат Таджуддин и Равиль Гайнутдин были связаны родственными узами благодаря своим теткам, которые приходятся друг другу родными сестрами. Одна из дочерей Талгата Таджуддина вышла замуж за Наиля Валеева — старшего брата полномочного представителя ЦДУМ в Москве Растама Валеева. Мужем Мухаммада Таджуддина, муфтия Регионального ДУМ Республики Башкортостан, стала внучка авторитетного мишаря Габдулхака Саматова, долгое время занимавшего пост главного казья ДУМРТ. Один из сыновей Саматова, Тагир, сейчас является заместителем Талгата Таджуддина и муфтием Регионального ДУМ Ханты-Мансийского автономного округа.

1. Обвинения в алкоголизме и наркомании

Подобного рода обвинения, несмотря на шариатский запрет употребления одурманивающих веществ, были весьма популярны в кампаниях, направленных на смещение муфтиев: среди высших мусульманских лидеров действительно встречаются люди, эпизодически или периодически употребляющие алкоголь. После уже упоминавшегося Бабаханова в неумеренном употреблении спиртных напитков был обвинен председатель ДУМ СК муфтий Махмуд Геккиев⁵³⁸. Возможностей для своей защиты он не имел, поэтому вопрос о его злоупотреблениях в этой сфере так и остался открытым.

В августе 1992 года обвинения в алкоголизме и наркомании были выдвинуты против председателя ДУМЕС верховного муфтия Талгата Таджуддина⁵³⁹. Привести конкретные примеры употребления Таджуддином алкогольных напитков и наркотиков его противники не смогли, однако рассказы о таких случаях и связанных с ними дебошах до сих пор активно циркулируют в мусульманской среде и используются в качестве «неотразимых» аргументов в антитаджуддинских кампаниях⁵⁴⁰.

Оппоненты действующего первого заместителя председателя ЦДУМ астраханского муфтия Назымбека Ильязова также обвиняли его в прогрессирующем пьянстве и распускали на эту тему самые невероятные слухи. Так, притчей во языцех стала история о том, что Ильязов в пьяном виде попал в ДТП и лишился своих прав. Недоброжелатели муфтия каким-то образом достали копию протокола ДТП и размножили его, распространив впоследствии по всем мечетям области. В вину Ильязову ставился и запой во время инаугурации губернатора Астраханской области, вызвавший большое неудовольствие последнего⁵⁴¹.

Как бы то ни было, никаких последствий для карьеры Ильязова эти обвинения не имели. Региональное ДУМ Астраханской области сохранило свое единство, однако лидеры нескольких общин перешли в оппозицию к астраханскому муфтию, периодически угрожая войти в состав ДУМ Европейской части России или ДУМ Саратовской области (до 1999 года — ДУМ Поволжья).

Следует отметить, что любые обвинения, касавшиеся таких деликатных сфер, как вредные привычки и половые девиации, практически никогда не подкреплялись серьезными доказательствами, поэтому не могут рассматриваться иначе как сомнительный способ личной мести. На самом деле представители ЦДУМ были привержены алкоголизму ничуть не в большей степени, чем их критики из лагеря Равиля Гайнутдина — ведь все-таки большинство татарских муфтиев и учились, и воспитывались вместе.

2. Обвинения в связях с криминальными структурами и в криминальном прошлом

В ходе кампаний по свержению либо дискредитации каких-либо мусульманских лидеров важную роль играла реви́зия их биографий. Результатом подобных исследований не-

редко становились эффективные компрометирующие материалы. Так, председатель Совета муфтиев России муфтий Равиль Гайнутдин на третьем заседании Межрелигиозного совета России заявил о 4 тюремных сроках волгоградского муфтия Рашита Альмухамметова* и впоследствии намекал на криминальные связи самого Талгата Таджуддина и его ближайшего окружения⁵⁴².

В вину Таджуддину ставилось использование боевиков чеченских ОПГ во внутримусульманских конфликтах (в частности, в стычке в пензенском селе Средняя Елюзань летом 2001 года), тем более что еще в августе 1992 года Нафигулла Аширов заявлял о «чеченской мафии» в ДУМЕС на основании национальности главного бухгалтера этого духовного управления⁵⁴³. Противники пермского муфтия Мухаммадгали Хузина пытались использовать против него тот факт, что помощник муфтия по экономическим вопросам чеченец Ибрагим Хамидов вместе с братом проходил по делу о мошенничестве⁵⁴⁴.

Из историй, выявивших криминальные связи лидеров ЦДУМ и их соратников, наиболее громкий резонанс имела кампания по свержению первого заместителя председателя ЦДУМ муфтия Ульяновской области Айюба Дебердиева. Среди прочих компрометирующих муфтия материалов особое внимание было уделено его отношениям с «песковской» ОПГ.

Со ссылкой на газету «Правопорядок» от 14 сентября 2000 года анонимный автор статьи «Вор в законе» писал, что «24 августа 2001 г. события развернулись вокруг мечети № 66 в Банном переулке. 60 бритых здоровенных молодцов пришло «разбираться» с 50 молящимися в мечети почтенными стариками. 60 бритых ребят, которые, по неофициальным данным правоохранительных органов, состоят в «песковской» группировке, привел *А. Дебердеев*, имеющий сан муф-

* Другими источниками она не подтверждается

тия. Возглавлял бандитов *Камалеев Рамиль*, который позже везде щеголял с удостоверением советника, выданным *Татом. Таждуддином* — Уфимским муфтием, Председателем ЦДУМ России. ... Среди... молодчиков были трое братьев *Алиевых*, один из которых является мужем дочери *А. Дебердеева*⁵⁴⁵.

Оппоненты Совета муфтиев России, в свою очередь, выяснили интересные детали биографий генерального директора ИКЦ России Абдул-Вахеда Ниязова, до 1991 года именовавшегося Вадимом Валериановичем Ниязовым и сопредседателя Совета муфтиев России муфтия Нафигуллы Аширова, имевшего, пожалуй, самую экзотическую жизненную историю.

Аширов был впервые осужден народным судом Тобольска 29 ноября 1971 года — по 145-й статье УК РСФСР к трем годам лишения свободы, был досрочно освобожден и вторично осужден 6 мая 1972 года по 206-й статье УК, отсидев в общей сложности три года⁵⁴⁶. Наличие двух судимостей и многочисленных «блатных» татуировок не помешало Аширову отучиться в ташкентском медресе «Мир-Араб» и стать ответственным секретарем ДУМЕС, однако после его активного участия в расколе этот неприглядный факт был предан широкой огласке. Помимо вышеуказанных судимостей, в вину Аширову ставилась также связи с разнообразными криминальными группировками — от ОПГ «Уралмаш» до боевиков узбекской вооруженной оппозиции. Последний факт, кстати, подтвердился в 2000 году, когда сотрудники екатеринбургского и омского управлений ФСБ задержали двух узбекских имамов — сотрудников ДУМАЧР — Махмутжана Сатимова и Хаджи Худжаева. Впоследствии криминальные наклонности обнаружили еще у четырех функционеров ДУМАЧР — омского имама Мухаммеда Шоймуродова, челябинского казья Салеха Рахмана Гази, читинского казья Розумбая Сопыева и камчатского казья Усмана Усманова⁵⁴⁷.

**Справка Генеральной прокуратуры
по верховному муфтию азиатской части России
Нафигулле Аширову**

По информации Главного информационного центра МВД Российской Федерации Аширов Нафик Хуьчатович, 10.09.54 года рождения, дважды осуждался народным судом города Тобольска Тюменской области. Первый раз — 29 ноября 1971 года по ч.2 ст. 145 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы. Освобожден условно по определению суда города Тобольска от 27.04.72 года. Второй раз — 6 мая 1972 года по ч.2 ст. 206 УК РСФСР к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, в силу ст. 41 УК РСФСР присоединен неотбытый срок по приговору 29.11.71. Общий срок составил 3 года лишения свободы. Освобожден 15.02.77 года по отбытию срока.

*Заместитель Генерального прокурора
Российской Федерации
Государственный советник юстиции 1 класса
С.Г.Кехлеров*

21 мая 1996 года, исх. номер 15-7/96

Самый известный мусульманский политик — Абдул-Вахед Ниязов, в отличие от Аширова, не имел столь богатой криминальной биографии, однако, по мнению своих недоброжелателей, значительно превзошел его в области различных противозаконных действий. Помимо многочисленных финансовых злоупотреблений генеральному директору ИКЦР России вменялись в вину поддержка чеченских боевиков, сотрудничество с зарубежными спецслужбами и террористическими группировками, связи с ОПГ и с отдельными преступными лидерами, мошенничество и подлог⁵⁴⁸.

Широко цитируемый противниками Ниязова протокол заседания Совета послов арабских государств в Москве, в частности, содержит утверждение, что «опасный характер его (Ниязова) деятельности, основанный на обмане и мо-

шенничестве, порочащие мусульман действия и слухи, поддерживаемые внешними силами, создают разногласия как в среде самих российских мусульман, так и затрудняют положение посольств арабских государств, нанося вред их отношениям с российскими властями и российскими религиозными кругами»⁵⁴⁹.

Среди ближайших сподвижников Ниязова своими криминальными деяниями наиболее отличился дагестанский бизнесмен Надиршах Хачилаев, который вместе с братом Магомедом совершил немало преступлений — от финансовых махинаций до попытки насильственного изменения строя⁵⁵⁰. Иркутский бизнесмен Башир Кодзоев, с помощью Ниязова ставший депутатом Государственной Думы, также имел весьма сомнительную репутацию и считался одним из лидеров ингушской ОПГ Иркутска. В частности, газета «Коммерсант» писала, что «будущий депутат (Башир Кодзоев), а также два его брата, Тимур и Мурад, занимались летним завозом в северные районы Иркутской области. В 1993 году Мурад «для обеспечения своевременной оплаты поставок продуктов» взял в Ленинском отделении Сбербанка кредит на сумму 300 млн. рублей, после чего его кооператив закрылся, а вся документация сгорела вместе с бухгалтером. В 1996 году всех трех братьев подозревали в хищении 53 вагонов с сахарным песком (тогда ущерб составил 13 млрд. рублей в ценах 1996 года). Однако все свидетели либо исчезли, либо погибли, а документы сгорели. Кроме того, братьев Кодзоевых в свое время обвиняли и в запугивании журналистов»⁵⁵¹.

Два других соратника Абдул-Вахеда Ниязова — «русские мусульмане» Дамир Марковский и Сергей Басов (Пашенко), по информации журналиста Алексея Челнокова, являются преступными «авторитетами» соответственно Екатеринбург и Владимира и замешаны в ряде громких уголовных дел. Лидер Союза молодых мусульман Екатеринбург (определяемого как мусульманское крыло «уралмашевской» ОПГ) Дамир Марковский помог осуществить ини-

циативы ДУМАЧР в Свердловской области и принял деятельное участие в расколе ее мусульманского сообщества. В свою очередь, лидер владимирского отделения ОПОД «Рефах» Сергей Басов по данным того же журналиста, «возглавляет общественную организацию «Солидарность» формально существующую за счет взносов и пожертвований. На деле, по оперативным данным милиции, «Солидарность» представляет собой «легализованный общак» лидеров ОПГ Владимирской области. В начале этого (1999) года Басов учредил во Владимире мусульманскую общину «Свет ислама». В состав общины вошли несколько человек, хорошо известных в местных правоохранительных органах как члены криминальных группировок, среди которых держатель владимирского общака и некий Шамурзаев, один из лидеров чеченской ОПГ»⁵⁵².

Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин неоднократно обвинялся своими оппонентами в тесных связях с «казанской» ОПГ, а также с различными чеченскими преступными группировками. Сильно подорвала репутацию московского муфтия история с задержанием имам-хатыба пермской Соборной мечети Аббоса Мирахмедова, являвшегося одним из лидеров пермского представительства ДУМЕР⁵⁵³. При расследовании выяснилось, что под прикрытием мечети действовала целая сеть по распространению наркотиков, а в 2005 году депортированный из России Мирахмедов был арестован в Таджикистане уже как главарь бандформирования⁵⁵⁴. Здесь же можно упомянуть имама лямбирьской мечети ДУМЕР (Республика Мордовия) Фаиля Юсупова, осужденного на 18 лет лишения свободы за убийство⁵⁵⁵.

22 февраля 1996 года в центральном сквере Саратова был жестоко избит московский журналист Александр Крутов. «Сам пострадавший наиболее вероятной причиной расправы считает статью, подготовленную для «Московских новостей», но еще не опубликованную. В этом материале он рассказал о некоторых сторонах деятельности духовного управления мусульман Поволжья»⁵⁵⁶. Помимо этого неприят-

ного эпизода Мукаддас Бибарсов обвинялся в двоеженстве, и, как следствие, демонстративном нарушении Семейного кодекса. Впрочем, сам саратовский имам такие обвинения не отрицал, с гордостью утверждая, что «полигамный брак — это не вздохи на скамейке»⁵⁵⁷.

В интервью «Независимой газете» председатель ЦДУМ верховный муфтий Талгат Таджуддин упомянул о связях своего некогда главного оппонента Габдуллы Галиуллина с «некоторыми молодежными мафиозными группировками»⁵⁵⁸.

Описываемая разновидность обвинений была востребована не только в противостоянии ЦДУМ с объединенной оппозицией. Бывший чеченский муфтий Ахмад Кадыров не скрывал, что во время первой чеченской кампании воевал на стороне сепаратистов и имел собственную банду, сформированную по тейповому признаку⁵⁵⁹. Неудивительно, что, эта деталь биографии Кадырова активно муссировалась его оппонентами.

3. Обвинения в психических расстройствах

Такого рода обвинения использовались во внутримусульманской борьбе только против четырех человек — главы ДУМЕС-ЦДУМ верховного муфтия Талгата Таджуддина, председателя Совета муфтиев России муфтия Рафиля Гайнутдина, председателя Центрального духовного управления мусульман-ханафитов Татарстана, Поволжья и Сибири Фанавиля Шаймарданова и лидера Исламского комитета России Гейдара Джамалая.

Впервые слухи о психической болезни Таджуддина возникли после открытия в Набережных Челнах мечети «Таубэ» летом 1992 года. На церемонии открытия Таджуддин прилюдно избил своего бывшего ученика имам-хатыба Идриса Галяутдинова, самовольно снявшего витраж с изображением «экуменической» символики. Этот скандальный эпизод дал повод оппонентам верховного муфтия обвинить

его в психических нарушениях. Специально снятый тогда видеофильм был передан неизвестным психиатрам, которые только на этом основании сделали вывод о предрасположенности Таджуддина к шизофрении. В дальнейшем это псевдозаключение стало одним из главных аргументов сторонников смены руководства ДУМЕС в августе 1992 года и в октябре 1994 года⁵⁶⁰. Про психическое нездоровье Таджуддина распускались самые невероятные слухи, причем отнюдь не анонимные — некоторые мусульманские лидеры (Нафигулла Аширов, Валиулла Якупов) открыто утверждали, что были непосредственными свидетелями его неадекватного поведения⁵⁶¹.

Осенью 1994 года противники Таджуддина предприняли попытку насильно увезти его в психиатрическую больницу прямо с конференции «Переход цивилизации в высшую Эру Мироздания — Эру Творца», и лишь вмешательство милиции спасло верховного муфтия от принудительной госпитализации⁵⁶². С учетом того, что слухи о психическом нездоровье оказались самыми живучими, глава ДУМЕС был вынужден сделать нестандартный шаг — получить заключение комиссии психиатров о своей дееспособности и обнародовать его (правда, не в печати). Однако и эта крайняя мера не спасла его от новых нападков в этой области⁵⁶³.

В заявлении Совета муфтиев России от 15 ноября 1999 года, в частности, говорилось: «Нам по-человечески жаль бывшего духовного руководителя, нездоровье которого используется врагами Ислама и противниками единой и великой, многонациональной и многоконфессиональной России. Мы молим Всевышнего Аллаха, чтобы Он помиловал несчастного человека, но мы решительно осуждаем те силы, которые развязали его руками в большинстве СМИ исламофобию»⁵⁶⁴. Столь прозрачные намеки на психическое нездоровье главы ЦДУМ вызвали неоднозначную реакцию даже в самом Совете муфтиев, не все члены которого одобрили использование настолько подлых методов ведения полемики.

Через пять лет аналогичные обвинения были выдвинуты и адрес муфтия Рафиля Гайнутдина. «Все прогрессивное

человечество, люди разных национальностей и религий, осуждают преступную политику так называемого «Израиля», избегают любых контактов с сионистами, — заявил он «Ислам.Ру». — Сам факт встречи Равиля Гайнутдина с послом «Израиля» не только резко возмущает меня, как мусульманина, но и, как у психиатра, вызывает сомнения в психической адекватности главы Совета муфтиев России. Я бы посоветовал ему пройти серьезное обследование в Институте Сербского в Москве» — так прокомментировал дагестанскому интернет-порталу «Ислам.ру» встречу московского муфтия с послом Израиля Хасмухаммад Абубакаров, отец муфтия Саида-Мухаммада Абубакарова⁵⁶⁵.

А еще через год информационно-аналитический портал «Муслим.сю» опубликовал небольшой материал под названием «Признаки распада личности налицо», в котором в лучших традициях Сулеймана Зарипова доказывал психическую неадекватность московского муфтия на примере его странных высказываний относительно количества столичных мечетей. Действительно, заявление Равиля Гайнутдина о том, что в Москве действует всего четыре мечети, причем две из них недоступны для простых верующих ввиду размещения на территории азербайджанского и иранского посольств, вызвало заметный скандал. Так, азербайджанское посольство в специальном заявлении опровергло информацию о мечети на своей территории, а противники Гайнутдина деликатно напомнили ему о том, что в Москве действует не четыре, а шесть мечетей, пять из которых являются общедоступными⁵⁶⁶.

Альтернативный мусульманский лидер Татарстана и по совместительству депутат местного Госсовета Фанавиль Шаймарданов с самого начала своей политической карьеры отличался экстравагантными и непредсказуемыми поступками. Участие Шаймарданова в политической и духовной жизни Татарстана характеризовалось множеством скандалов, пик которых пришелся на 1999 год. После ряда предельно жестких и противоречивых выпадов муфтия-депутата

против руководства ДУМ РТ и ряда татарстанских политиков пленум ДУМ РТ и руководство Всетатарского общественного центра обвинили его в отклонениях психического плана⁵⁶⁷. В ответ на это Шаймарданов подал иск о защите чести и достоинства и 3 июня 1999 года в судебном порядке доказал свою нормальность⁵⁶⁸.

Таким образом, не возникает никаких сомнений, что и Талгат Таджуддин, и Равиль Гайнутдин и даже Фанавиль Шаймарданов — совершенно нормальные люди. Что нельзя сказать о популярном философе Гейдаре Джемале.

Если обратиться к базе Министерства внутренних дел «Спецучет МВД: в розыске, приводы, штрафы, задержания, возбужденные уголовные дела, прочие наказания», то среди прочих документов можно найти справку о том, что «Джемаль Гейдар Джахидович, 06.11.47 года рождения, психбольной шизофрения инвалид 2 группа, поставлен на картотечный учет ОВД-0603 Зюзино в августе 1986 года, снят с учета в июне 1989 года».

Действительно, лидеру Исламского комитета России неоднократно приходилось выслушивать в свой адрес обвинения в психической неадекватности, которые ввиду наличия вышеупомянутой справки выглядели вполне обоснованными. Доброжелатели философа, правда, объясняли сложившуюся ситуацию по-другому. «Психиатрией интересовался и Гейдар Джемаль. В середине 70-х друзья посоветовали ему разыграть душевное недомогание, чтобы как-то решить проблемы с милицией, которая пыталась привлечь юношу «за тунеядство». У Гейдара все получилось неплохо: его поставили на учет в психоневрологическом диспансере», — утверждал журналист «Независимой газеты» Григорий Нехорошев⁵⁶⁹.

Помимо нетрадиционной психологической ориентации Джемале обвиняли также во многих прегрешениях, которые он сам адресовал «официальному» мусульманскому духовенству. Занятие оккультизмом и сатанизмом, пропаганда половых извращений, спекуляция предметами старины,

поддержка террористов, разжигание межрелигиозной розни, сотрудничество со спецслужбами (причем иностранными) — вот далеко не полный их перечень⁵⁷⁰. И нужно заметить, что большинство из этих обвинений, к несчастью для Джемалы, имело документальное подтверждение.

БАЗА ДАННЫХ «ЗИЦ МВД — ПОДУЧЕТНЫЕ ЛИЦА (г.МОСКВА)

(Спецучет МВД: в розыске, приводы, штрафы, задержания, возбужденные уголовные дела, прочие наказания), август 2002:

ДЖЕМАЛЬ ГЕЙДАР ДЖАХИДОВИЧ. ДИСЕМАЛЬ ГЕЙДАР ДЖАХИДОВИЧ

Дата и место рождения: 06.11.47. М.

Пол: МУЖ.

Национальность: УР-КАВКАЗА, АЗЕРБАЙДЖАНЕЦ.

Зарегистрирован: ЮЗ-ОКРУГ ОВД-0603 ЗЮЗИНО-МО БОЛОТНИКОВСКАЯ Д.28, К.1, КВ.17.С 82, 264336.

Профессия, местоработы: СЛЕСАРЬ.

Рост: Рост 162, НИЗКИЙ.

Телосложение: ПЛОТНОЕ.

Особые приметы: КРУГЛОЕ, ЛОБ ВЫСОКИЙ, БРОВИ НИЗКИЕ, БРОВИ ПРЯМЫЕ, БРОВИ ТЕМНЫЕ, ГЛАЗА КАРИЕ, НОС МАЛЫЙ, ГУБЫ ТОНКИЕ, УШИ БОЛЬШИЕ, ВОЛОСЫ ЧЕРНЫЕ, УСЫ, БОРОДА-

Категория: ПСИХБОЛЬНОЙ, ШИЗОФРЕНИЯ. ИНВАЛИД 2 ГРУППА.

Место ббыта: ПРОЛЕТАРСКИЙ 037 НАРОДНАЯ Д20 КВ19 ПРОЖИВАЛ

Карта: 894Н6.

Тип: АРХ.

Информация: КАРТОТЕЧНЫЙ УЧЕТ ЮЗ-ОКРУГ ОВД-0603 ЗЮЗИНО-МО 08. 86

СНЯТ 06.1989. ВХ 4585

4. Обвинения в ереси

Среди выпадов, делавшихся в отношении неугодных мусульманских лидеров, не последнее место занимали упреки в отступлении от канонов ислама*. Перечень ересей обычно ограничивался тремя пунктами: язычеством, экуменизмом и ваххабизмом.

16 июля 1992 года в Набережных Челнах состоялось торжественное открытие мечети «Таубе» («Покаяние»). Церемонию открытия сопровождал скандал, вызванным тем, что имам-хатыб мечети «Таубе» Идрис Галяутдинов проигнорировал распоряжение муфтия Талгата Таджуддина установить в мечети витраж экуменического содержания. Многие аналитики склонны считать, что именно этот случай открытого неподчинения Таджуддину стал отправной точкой раскола ДУМЕС. Как бы то ни было, в числе обвинений, выдвинутых Талгату Таджуддину в преддверии учредительных съездов ДУМ Республики Башкортостан и ДУМ Республики Татарстан, равно как и на самих съездах, фигурировало обвинение в еретическом экуменизме, выраженном в попытке смешать ислам, христианство и иудаизм. Таджуддин в свое оправдание отвечал, что видел подобный витраж в стамбульской Голубой мечети, однако в начале 90-х идеи экуменизма и межрелигиозного сотрудничества не были особенно популярны в мусульманской среде.

Со временем Талгат Таджуддин, активно участвовавший в межрелигиозном диалоге, дал новые поводы для критики. Весьма бурную реакцию оппонентов главы ДУМЕС-ЦДУМ вызвали его высказывания о «Святой Руси», об «огромных праздниках для мусульман» — Рождестве Христовом и Пасхе⁵⁷¹, об объединении ислама и христианства в XXI веке. Помимо прохристианских заявлений, в вину Талгату Таджуддину вменялись и конкретные действия той же направ-

* Эта предпосылка расколов может быть в равной степени отнесена как к социальным, так и религиозным.

ленности, как то: прилюдное целование руки Патриарху Московскому и Всея Руси Алексию II на приеме в Кремле и ношение переделанной в чалму православной архиерейской митры. Участие ЦДУМ в работе ОПОД «Евразия» Александра Дугина дало повод инкриминировать Таджуддину близость к радикальному сионистскому движению Агвидора Эскина, также входящему в «Евразию». Более того, по сообщению официального сайта Исламского конгресса со ссылкой на газету «Современная мысль» он якобы одобрил употребление свинины, комментируя акцию Эскина по осквернению мусульманской святыни Аль-Акса отрезанными свиными головами⁵⁷².

«Лишившись поддержки среди мусульман, Таджуддин стал лицемерно использовать контакты с Русской православной церковью в своекорыстных целях, изображая из себя чуть не единственного друга церкви и представляя всех остальных врагами христианства, рассчитывая на поддержку государства. При этом он перешел все мыслимые для мусульманина границы: стал носить на голове православную митру, обернутую снаружи зеленой тканью», — вторил им Совет муфтиев России⁵⁷³.

Другими «доказательствами» еретической сущности Таджуддина стали его «сомнительные фетвы» и кощунственные заявления. «Входя в мечеть, он далеко не всегда снимает обувь, ограничиваясь порой одеванием на ботинки целлофановых мешков. К ритуальной чистоте прихожан он также не предъявляет завышенных требований, сказав однажды собравшимся, что в молельный зал они могут идти без омовений, так как «на улице дождь и Аллах вас уже омыл» ...Со временем Таджуддин пошел еще дальше и объявил доисламскую языческую религию древних тюрков «тенгрианство» (веру в мирового духа Тенгри) — первой формой монотеизма. По его версии, предки татар подразумевали под Тенгри именно Аллаха задолго до пророка Ибрагима (Авраама). На первый взгляд, безобидное утверждение на самом деле преследует далеко идущую антиисламскую

цель — оторвать татарских мусульман от традиционных центров исламской мысли, не допустить возрождения среди татар традиционного ислама, навязать им духовный суррогат, состоящий из смеси языческих верований, а несогласных объявить «ваххабитами» и подвергнуть репрессиям», — утверждает Тимур Вахитов, автор «программной» антитаджуддиновской статьи «Нетрадиционный ислам», опубликованной в газете «Звезда Поволжья», а впоследствии перепечатанной подконтрольной ДУМАЧР и Евразийской партии России газете «Регион Сибирь» и размещенной на официальном сайте ДУМЕР и Совета муфтиев России⁵⁷⁴. Языческим пережитком было названо и пропагандируемое верховным муфтием ЦДУМ ежегодное паломничество в татарстанский город Булгары, место принятия ислама волжскими булгарами.

На самом деле никаким еретиком Таджуддин, конечно, не был. Другое дело, что он нередко изъяснялся притчами в стиле Ходжи Нассредина, сам жанр которых допускал парадоксальные выводы. Что же до переделанной в митру чалмы, то сама форма митры не позволяет использовать ее не по назначению. По всей видимости, критики Талгата Таджуддина были уверены, что православная митра — это просто разновидность фески.

Кроме Таджуддина, аналогичным обвинениям подверглись и два наиболее активных муфтия ЦДУМ — глава Регионального ДУМ Татарстана Фарид Салман Хайдаров и муфтий Пермской области Мухаммадгали Хузин. При этом, если Хайдарову вменялось вину только излишняя симпатия к иудеям и христианам, то «еретическую сущность» Хузина характеризовали его фетвы, направленные на упрочение властной вертикали в Пермском муфтияте, и призывы к властям жестче бороться с прикрывающимися исламом экстремистами⁵⁷⁵.

Со своей стороны лидеры ЦДУМ также активно использовали в своих «пиар-кампаниях» обвинения оппонентов в ереси, правда, не либеральной, а радикально-фундаменталистской.

Первые упоминания ваххабизма в негативном ключе прозвучали еще в 1990 году из уст дагестанских духовных лидеров, обеспокоенных ростом популярности Исламской партии возрождения. В 1991 году в принадлежности к радикальному исламу был обвинен альтернативный мусульманский лидер Карачаево-Черкесской Республики Магомед Биджиев, известный также как Мухаммад Биджи-улла и Мухаммад Карачай⁵⁷⁶.

До 1994 года проблема «чистого ислама» была актуальна только для Северного Кавказа, где «ваххабитский» фактор все чаще фигурировал во внутримусульманском противостоянии, однако вскоре деятельность салафитов-ваххабитов стала явной и на территории Поволжской уммы.

Первый публичный скандал, связанный с «чистым исламом», оказался связан с посещением верховным муфтием Талгатом Таджуддином медресе башкирского города Октябрьский 10 октября 1994 года. Этот визит, выявивший наличие в медресе курсов по подготовке боевиков, окончился пятичасовым задержанием верховного муфтия сотрудниками местной милиции по сигналу руководства медресе. До 1999 года в полемике Талгата Таджуддина с оппонентами с его стороны изредка озвучивались обвинения в ваххабизме, однако в связи с неоднозначным восприятием этого течения как в исламской среде, так и во властных структурах, большого резонанса они не имели⁵⁷⁷.

Ситуация кардинально изменилась лишь после атаки чеченских боевиков на Дагестан и участия в этой акции ваххабитов Кадарского анклава. За короткое время антиваххабитские законы были приняты в четырех субъектах РФ, а на повестку дня был поставлен вопрос о запрете этого религиозного течения в масштабах всей страны.

ЦДУМ не упустило возможности использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах и обвинило оппонентов в симпатиях к ваххабизму. 14 ноября 1999 года верховный муфтий Талгат Таджуддин озвучил данную версию в про-

грамме «Итоги». Судя по быстрой и бурной реакции Совета муфтиев России на это выступление, нанесенный удар достиг своей цели⁵⁷⁸. Муфтий Равиль Гайнутдин и его союзники пробовали защищаться, отвергая диффамационные заявления оппонентов и всячески демонстрируя свою лояльность власти, однако большого успеха в этом не имели — финансовая зависимость от благотворительных структур из Саудовской Аравии, Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов и других арабских стран вынуждала их крайне осторожно подходить к осуждению ваххабизма, в то время как ЦДУМ призывало искоренять это течение всеми способами.

Осознавая, что политика ЦДУМ более соответствует точке зрения Президента РФ, Равиль Гайнутдин сменил тактику, выдвинув Талгату Таджуддину встречные обвинения в ваххабизме и заявив, что именно он способствовал началу экспансии ваххабизма в России и брал от саудовских арабов значительные суммы денег⁵⁷⁹. После сентябрьских терактов 2001 года в США в СМИ появились статьи о связях Талгата Таджуддина и его первого заместителя ульяновского муфтия Айюба Дебердеева с братом Усамы бен Ладена Тариком⁵⁸⁰, а сподвижник Абдул-Вахеда Ниязова депутат Госдумы Владимир Семенов предложил думскому комитету по безопасности сделать запрос в ФСБ на предмет финансовых отношений председателя ЦДУМ с братом террориста Усамы бен Ладена⁵⁸¹.

Исход полемики о запрете ваххабизма стала первым серьезным поражением Совета муфтиев в информационной войне с ЦДУМ. Его причиной стали не только грамотные действия сторонников Талгата Таджуддина, которые заручились поддержкой КЦМСК, но и противоречивые и двусмысленные заявления лидеров Совета муфтиев России⁵⁸². С одной стороны, Равиль Гайнутдин заявлял о поддержке борьбы с исламским экстремизмом⁵⁸³ и приветствовал запрет этого течения в Чечне Ахмадом Кадыровым⁵⁸⁴, а с другой стороны утверждал, что «отождествляя ваххабитов с

террористами*, мы можем оскорбить народы стран, где ваххабизм возведен в ранг государственной идеологии» и что «ваххабизм — официальная идеология Саудовской Аравии, где нет ни терроризма, ни экстремизма. Он основан на учении Корана и Сунны Пророка. И как любое течение ислама выступает против насилия, требует любить ближнего, распространять мир и любовь между народами»⁵⁸⁵, а также критиковал антиваххабитский закон в Дагестане⁵⁸⁶. В итоге истинное отношение Равиля Гайнутдина к ваххабизму так и осталось неизвестным. Осложняли ситуацию и опрометчивые заявления верховного муфтия Нафигуллы Аширова, который признался в своих связях с узбекскими исламскими экстремистами и делал откровенно проваххабитские заявления⁵⁸⁷.

Дискуссия о ваххабизме развернулась и на региональном уровне. В середине июля 2001 года имам из села Верхняя Елюзань Пензенской области Фаиль Гильфан обнаружил открытое письмо, в котором предупреждал об активной экспансии ваххабитов в регионе⁵⁸⁸. Это письмо затронуло интересы Единого ДУМ Пензенской области юрисдикции Совета муфтиев России, фактический лидер которого имам-хатыб пензенской Соборной мечети Абдурауф Забиров немедленно выступил с опровержением. Впрочем, главный федеральный инспектор по Пензенской области Владимир Фомин подтвердил информацию Гильфана⁵⁸⁹.

И в других случаях проверка правоохранительными органами информации ЦДУМ о ваххабитских ячейках признала ее соответствующей действительности. За распространение ваххабитской идеологии были закрыты указанные Талгатом Таджуддином бугурусланское медресе «Аль-Фуркан» и набережночелнинское «Йолдыз», выявлена деятельность салафитов в Мордовии, Ульяновске, Альметьевске и Нижнекамске.

* Интересно, что 19 февраля 1998 года на пресс-конференции, посвященной распространению ваххабизма на Северном Кавказе, Равиль Гайнутдин назвал это течение ислама «псевдорелигиозным» и «политическим экстремизмом под знаменем ислама» (сообщение ИА «РИА-Новости» от 19 февраля 1998 года).

Вообще же из оппонентов Талгата Таджуддина самым ярким извратителем ислама оказался философ Гейдар Джемаль. Его путь в эту религию вообще проходил не просто. «Несколько человек, в их числе и Джемаль, изучали труды мистиков и эзотеристов, добытые с превеликими усилиями в спецхранах «иностранки». Томящиеся в собственном соку, «чернокнижники» чудачили как могли: придумывали ритуалы, наподобие тех, что приняты в сатанинских сектах; обряды инициации (посвящения) сопровождалось обильными возлияниями и употреблением наркотических снадобий», — писал журналист Алексей Челноков⁵⁹⁰.

Впоследствии Джемаль также публиковал весьма неординарные для исламского деятеля рассуждения о метафизическом смысле фаллоса и вагины⁵⁹¹. «Истинный фаллицизм — это отказ идти в ловушку неизбывной вагинальной вопро- сительности», «Метафизическая автоэротика фаллоса лежит в основе героического вызова, обращенного к силам судьбы», «Участие фаллоса в андрогинате предполагает принятие жертвенной обреченности и перспективы кастрационной гибели» и другие глубокие мысли немало смущали простых мусульман, которые стали называть Джемалья философом-фаллистом⁵⁹². В свою очередь, специалисты по исламу немало удивлялись тому обстоятельству, что, называя себя шиитом, Гейдар Джемаль очень положительно отзывается о салафизме и нередко озвучивает его идеологические установки. Кстати, вследствие этого вопрос о настоящем вероисповедании Джемалья остается открытым.

5. Обвинения в авторитарном руководстве и профессиональном несоответствии занимаемой должности

Первым из российских мусульманских лидеров такие обвинения пришлось выслушать председателю ДУМ Северного Кавказа муфтию Махмуду Геккиеву. В вину ему стави-

лось, помимо всего прочего, нежелание и неумение способствовать возрождению ислама в Дагестане, в частности, решить вопрос со строительством в Махачкале большой соборной мечети. Как уже неоднократно упоминалось выше, Геккиев не имел возможности оправдаться, поэтому прокомментировать достоверность этих обвинений не представляется возможным.

Поскольку акция по смещению Геккиева увенчалась успехом, все инкриминировавшиеся ему проступки были востребованы при позднейших расколах. В январе 1992 года в авторитарном руководстве был обвинен уже председатель ДУМ Дагестана Багаутдин Исаев⁵⁹³. Ему также инкриминировалась попытка создать отдельное ДУМ для тюркских народов, что могло квалифицироваться как злоупотребление служебным положением⁵⁹⁴.

В августе 1992 года на учредительных съездах ДУМ РБ и ДУМ РТ ряд выступающих отметили, что глава ДУМЕС верховный муфтий Талгат Таджуддин «не любил прислушиваться к мнению других, не избирались его заместители, поссорился со многими казьями, работа в ДУМЕС не шла» и «всегда пленумы и съезды проходили под его нажимом, формально»⁵⁹⁵, упомянули о «бесконечных оскорблениях и побоях со стороны Таджуддина»⁵⁹⁶. Судя по частоте упоминания об авторитарных методах управления Талгата Таджуддина, можно сделать вывод, что эти обвинения сыграли не последнюю роль в мотивации раскола ДУМЕС.

«Дезорганизацию деятельности управления» приписывали Таджуддину и осенью 1994 года во время переворота «инициативной группы» ответственного секретаря ЦДУМ Замира Хайруллина⁵⁹⁷. После 1994 года оппоненты акцентировали внимание на авторитарных методах руководства и профессиональном несоответствии занимаемой должности только двух муфтиев — председателя Ульяновского муфтията ЦДУМ Аюба Дебердиева и председателя Регионального ДУМ Пермской области Мухаммадгали Хузина.

Противники Совета муфтиев России, в свою очередь, указывали на низкий профессиональный уровень муфтиев

Равиля Гайнутдина, Умара Идрисова, Мукаддаса Бибарсова, а также Гейдара Джемалы, Валерии Пороховой и Вячеслава-Али Полосина.

В отношении председателя Совета муфтиев России распускались самые невероятные слухи, среди которых можно отметить историю о защите кандидатской диссертации Гайнутдина. Якобы в данной работе содержалась ссылка на несуществующий коранический аят, а также множество других грубых ошибок. Со своей стороны автор может заметить, что, хотя данная диссертация действительно подвергалась резкой критике ученых, вряд ли в ней содержались настолько серьезные ошибки. Очень живучими оказались слухи о том, что Равиль Гайнутдин плохо владеет арабским языком, а также не имеет привычки предварительно читать подписываемые бумаги и озвучиваемые речи. Этим обстоятельством, в частности, объяснялись его крайне противоречивые заявления в отношении ваххабизма, численности мусульманских общин и межрелигиозного диалога⁵⁹⁸.

«Вчера журналистов познакомили со своей позицией изгнанные Гайнутдиновым имамы соборной мечети Рамиль Аляутдин и Хасан Фахретдинов, а также глава Исламского культурного центра Абдель-Вахед Ниязов. Они пожаловались на нанесенные им обиды и на «рознь, которую сеет имам Гайнутдинов». Г-н Аляутдин убежден, что конфликт приобретает особенную важность в преддверии выборов и на фоне конфликтов в Чечне и Таджикистане. В «обвинении», предъявленном Гайнутдинову, важное место занимает использование им в борьбе с конкурентами связей в высших эшелонах власти России. В частности, прозвучали фамилии Андрея Козырева и Виктора Черномырдина.

По словам г-на Ниязова, имам московской мечети заливает правоохранительные органы клязумами на исламские организации, обвиняя их в поддержке фундаментализма. За последнее время, заявил г-н Ниязов, «по наводке» имама было проведено более тридцати проверок МВД и ФСБ. Равиль Гайнутдинов оказался повинен и в грехе властолюбия:

им создано Духовное управление мусульман Центрально-европейского региона России (ДУМЦЕР), создавшее конкуренцию «общепризнанному» Духовному управлению во главе с Талгатом Таджуддином. Последний, кстати, в результате конфликта оказался, по сути, не у дел, поскольку главные бои ведут ДУМЦЕР и Исламский центр г-на Ниязова», — писал журналист газеты «Сегодня» Роман Вершилло⁵⁹⁹.

Аналогичные обвинения выдвигались и в адрес лидера мусульман Нижегородской области Умара Идрисова. С июня 2005-го он сделал немало противоречивых заявлений, эффект от которых усугубили еще более противоречивые пояснения. Так, однажды он заявил, что геев нужно бить камнями, через неделю уточнил, что геев нужно бить палками, а камнями необходимо побивать исказивших его слова журналистов, а еще через полгода стал утверждать, что ни про геев, ни про камни с палками никогда не говорил. Кроме того, до сих пор не ясна позиция Нижегородского муфтията по вопросу празднования Дня народного единства. На официальном сайте Умара Идрисова резко критические материалы в отношении 4 ноября мирно соседствуют с восторженными отзывами об этом празднике⁶⁰⁰.

По мнению сторонних аналитиков, такая странная ситуация объяснялась просто — молодой заместитель Умара Идрисова решил скомпрометировать шефа, поссорив его с властями, Нижегородской епархией и даже Советом муфтиев России путем размещения на сайте откровенно провокационных материалов. Чтобы самому впоследствии занять его место. Это объяснение выглядит вполне правдоподобно, однако не снимает ответственности с самого нижегородского муфтия, который обязан контролировать все вверенные ему СМИ.

В свою очередь, Мукадас Бибарсов обвинялся в неумении управлять ДУМ Поволжья (впоследствии — ДУМ Саратовской области). Действительно, за прошедшие с его основания 15 лет это управление потеряло две трети общин, превратившись из межрегионального в областное. Заметный

урон авторитету Бибарсова нанесла также история с общиной города Энгельса, вознамерившейся перейти в ДУМ «Ассоциация мечетей России». Исчерпав все возможности удерживать эту мечеть с помощью внутренних ресурсов, Бибарсов запросил поддержку административного ресурса, то есть втянул власти во внутримусульманский конфликт.

В начале 2006 года Союз православных граждан уличил Бибарсова в незнании основ арабского языка на том основании, что «имам Поволжья» написал хвалебное предисловие к труду Вячеслава-Али Полосина «Евангелие глазами мусульманина: два взгляда на одну историю» — а среди прочего в данной книге утверждалось, что в арабском языке нет гласных букв. В том же заявлении упоминались сложные отношения Мукадаса Бибарсова с его отцом и приводилось оскорбительное, но популярное прозвище саратовского имама — «Павлик Морозов».

Гейдар Джемаль вместе с идеологами «русских мусульман» — Вячеславом-Али Полосиным и Валерией Пороховой обвинялся в незнании арабского языка и базовых основ исламского вероучения. Действительно, из них троих арабским владела только Порохова, однако свой перевод Корана она все-таки сделала с английского.

На региональном уровне авторитарное руководство и рукоприкладство стало одной из причин раскола мусульманского сообщества Челябинской области. Имам одного из приходов города Троицк Наиль Усманов с некоторого времени стал вести себя крайне экстравагантно, узурпировав всю полноту власти в общине и физически воздействуя на недовольных. После жалоб прихожан Усманов был отстранен от занимаемой должности муфтием Челябинской области Габдуллой Шакаевым, что, впрочем, не остановило его деятельности. В начавшемся конфликте Усманова поддержали лидеры новообразованного Челябинского казыята ДУМАЧР, в знак благодарности которым он сменил юрисдикцию, спровоцировав тем самым раскол троицкой общины⁶⁰¹.

В конце 2005 года аналогичная история случилась в Томске, где местный казый ДУМАЧР Низамутдин Жумаев был

обвинен в узурпации власти, малограмотности, слабом владении русским языком и полном незнании татарского. «Нам нужны имамы с широким кругозором, идущие в ногу с прогрессом, — говорится в обращении. — До 1917 года наш город входил в десятку центров мусульманской культуры России. Томск — город науки, современных технологий, не зря его называют Сибирскими Афинами». При Жумаеве, по мнению авторов обращения, «мечеть перестала выполнять функции духовного и просветительского учреждения», а «ислам потерял привлекательность в этом регионе, перестал быть центром притяжения», говорилось в обращении оппонентов Жумаева⁶⁰².

б. Обвинения в финансовых злоупотреблениях

На Северном Кавказе к 1991 году не существовало даже видимости единства мусульманского сообщества и финансовый аспект не мог существенно усугубить и без того тяжелый раскол. Однако и там экономический фактор присутствовал во время кампании по свержению главы ДУМ Северного Кавказа муфтия Махмуда Геккиева («увеличил себе зарплату в три раза, купил себе четыре квартиры и три машины»)⁶⁰³, обвиняли в воровстве также первого председателя ДУМ Дагестана муфтия Багаутдина Исаева⁶⁰⁴.

В августе 1991 года правительство Саудовской Аравии перечислило ДУМЕС первый благотворительный взнос в размере полутора миллионов долларов⁶⁰⁵. В том же году от Объединенных Арабских Эмиратов было получено 50 тысяч долларов, в 1992 году 140 тысяч долларов передала в дар ДУМЕС кувейтская делегация, присутствовавшая на открытии мечети «Таубэ» в Набережных Челнах. На этом, по словам Таджуддина, его финансовые дела с арабскими «благотворителями», активно пытавшимися вмешиваться во внутреннюю политику ДУМЕС, завершились. Впоследствии верховный муфтий утверждал, что «разъединить мусульман России из-за рубежа смогли, но как? При помощи денег»⁶⁰⁶.

Противники Таджуддина, в свою очередь, объясняли его разрыв с зарубежными спонсорами нецелевым использованием средств и «еретическими заявлениями». В ходе антитаджуддиновской кампании оппоненты ЦДУМ особенно часто упрекали верховного муфтия в расхищении саудовских полутора миллионов долларов, однако Таджуддин утверждал, что получил из этих денег только 410 тысяч долларов, которые были израсходованы на строительство мечетей в Бугульме, Октябрьске и Альметьевске. И это было правдой⁶⁰⁷.

После разрыва Таджуддина с арабскими фондами главным камнем преткновения между ДУМЕС-ЦДУМ и его противниками стало распределение государственной помощи, равно как и дотаций региональных властей.

В различное время обвинения в воровстве и злоупотреблении служебным положением звучали в адрес лидера ВКЦДУМР Габдуллы Галиуллина⁶⁰⁸, председателя Совета муфтиев России муфтия Рафиля Гайнутдина⁶⁰⁹, муфтия Татарстана Гусмана Исхакова⁶¹⁰, «имама Поволжья» Мукаддаса Бибарсова и главы ДУМАЧР верховного муфтия Нафигуллы Аширова⁶¹¹. С деятельностью последнего была связана одна из наиболее громких афер в области освоения арабской помощи.

В сентябре 1998 года в екатеринбургском районе Эль-маш при большом стечении мусульманского духовенства и зарубежных гостей была торжественно заложена мечеть, призванная стать Соборной мечетью города. Инициаторами закладки выступили лидеры ДУМАЧР Нафигулла Аширов и Абдул-Вахед Ниязов, получившие, по их собственным уверениям, санкцию губернатора Свердловской области Эдуарда Росселя⁶¹². Через три дня после церемонии сотрудники ДУМАЧР вырыли и увезли закладной камень, мотивировав свои действия боязнью вандализма. Вскоре выяснилось, что городская администрация не только не давала разрешения на строительство мечети, но и даже не была поставлена в известность о церемонии закладки. По прошествии десяти лет ситуация со строительством мечети, на которое было выде-

лено более одного миллиона долларов, нисколько не продвинулась. В свое оправдание Нафигулла Аширов заявлял, что строительство начнется в ближайшее время и все технические вопросы практически урегулированы⁶¹³.

Не менее часто в финансовых махинациях обвинялся и ближайший сподвижник Аширова Абдул-Вахед Ниязов. Вся его деятельность на посту генерального директора ИКЦ России оказалась связана с многочисленными финансовыми скандалами — от продажи бесплатных квот на хадж⁶¹⁴ до торговли голосами мусульман в преддверии президентских выборов 1996 года⁶¹⁵. Близкую к Ниязову мусульманскую активистку Валерию Порохову обвиняли в том, что она «преднамеренно строит свое благополучие на торговле искаженным переводом Корана»⁶¹⁶.

Сугубо не повезло ректору Московского исламского университета Марату Муртазину, который был уличен в крупных финансовых махинациях с беспроцентными займами. Так, заняв у целого ряда фирм крупные суммы денег, он направил им письма следующего содержания: «В связи с отсутствием средств, МИУ просит Вас передать в качестве пожертвования Московскому Исламскому университету сумму, указанную в договоре займа». К сожалению, не все бизнесмены согласились пожертвовать на ведущий исламский вуз столицы, поэтому в мае 2005 года ООО «Авеста-С» обратилось в Арбитражный суд с требованием взыскать с ДУМЕР (как учредителя МИУ) 4 млн. 200 тыс. рублей⁶¹⁷.

Кроме этого, ректору МИУ вменялось в вину нецелевое использование площадей, выделенных под его учебное заведение, 80% из которых были якобы сданы в аренду. Со своей стороны, автор может заметить, что по его личным наблюдениям, все-таки не менее 30% помещений МИУ используется по прямому назначению. Другое дело, что во втором по значимости исламском вузе страны обучается всего 20 студентов, что делает его похожим скорее на примечетскую воскресную школу.

На региональном уровне особый резонанс имела история с неудачной попыткой смещения главы Регионального ДУМ Ульяновской области в составе ЦДУМ муфтия Айюба Дебердиева⁶¹⁸, противники которого открыли целых два сайта <http://sos-muslim.narod.ru/> и <http://www.islams.narod.ru/>, целиком посвященные его финансовым и административным злоупотреблениям. Муфтий Ульяновской области был обвинен в присвоении пожертвований, нецелевом использовании средств муфтията, манипуляциях с путевками на хадж и в даче значительных взяток (в 130 тысяч долларов и 1 миллион рублей) чиновникам областной администрации и даже в дружбе с братом Усамы бен Ладена Тариком, якобы передавшим ему в 1991 году значительную сумму денег⁶¹⁹.

«Межнациональной розни никогда в Ульяновске не было. Здесь идет противостояние вора А.Дебердеева при поддержке областной администрации и 160 тыс. мусульман, которые не хотят, чтобы их общину возглавлял падший человек», — отметил анонимный автор статьи «Вор в законе» во главе мусульманского духовенства Ульяновской области», размещенной на первой странице сайта <http://www.islams.narod.ru/> и официальном сайте Совета муфтиев России и ДУМЕР www.muslim.by.ru. Неизвестный автор «Симбирского курьера» даже утверждал, что из Управления по борьбе с организованной преступностью в следственное управление (СУ) УВД ушло письмо, для рассмотрения, как сказано в тексте, и принятия решения в порядке ст. 109 УПК РСФСР материала проверки «по заявлению... по фактам злоупотребления полномочиями, присвоения денежных средств... муфтием регионального духовного управления мусульман Ульяновской области — Дебердеевым А.Х.»⁶²⁰.

Антидебердиевская акция частично увенчалась успехом — 26 июня 2001 года новым председателем Регионального ДУМ Ульяновской области был избран давний оппонент Дебердиева Фатых Алиуллоев⁶²¹, до этого возглавлявший Центральное ДУМ Ульяновской области в составе Казанского муфтията, однако 22 августа того же года на меджлисе му-

сульман Ульяновской области Дебердиев был восстановлен в должности⁶²².

Из других региональных лидеров ЦДУМ чаще всего в финансовых махинациях обвинялись муфтий Астраханской области Назымбек Ильязов, муфтий Москвы и Московской области Махмуд Велитов (правда, в бытность свою имам-хатыбом московской Исторической мечети), председатель ДУМ Сибири Ряшит Баязитов, председатель курганской общины Габдулла Исакаев и читинский казый ДУМАЧР Розумбай Сопыев⁶²³. Лидеры вологодской мусульманской общины братья Мустафины пережили несколько неприятных объяснений с правоохранительными органами, уличивших в нарушении закона принадлежащие им фирмы «Хануссен» и «Тат-расинвест», офисы которых к тому же занимали большую часть вологодской Соборной мечети⁶²⁴.

В Арбитражный суд г. Москвы

Истец: ООО «Авеста-С»

Ответчики: 1. Духовное Управление мусульман
Европейской части России (ДУМЕР)

129090 г. Москва, Выползовпер., д. 7 (юр. адрес).

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин

2. Московский Исламский университет

129090 г. Москва, Выползовпер., д. 7,

факт, адрес — г. Москва, ул. Стасовой, д. 2-Б

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

о возврате суммы денежного займа

30 октября 2001 года между ООО «Авеста-С» и Московским Исламским университетом был заключен договор целевого займа, по которому истец передал по частям денежный заем Московскому Исламскому университету (МИУ) в сумме 105 000 долларов США в рублях по курсу ЦБ РФ.

Согласно п. 1.3 договора займа ООО «Авеста-С» передало деньги ответчику МИУ сроком на шесть месяцев с даты первой передачи займа. 01 ноября 2001 года Московский Исламский университет обратился к ООО «Авеста-С» с письмом №12 с просьбой в счет договора займа оплатить ООО «Норма-Строй» 100 000 руб. по договору генподряда №2 от 26.10.2001 года. Платежным поручением №24 от 05.11.2001 года ООО «Авеста-С» перечислило 100000 руб. в счет договора займа ООО «Норма-Строй» в виде оплаты договора генподряда за Московский Исламский университет. Всего общая сумма займа в размере 1 697 412 руб. 92 коп. в период времени с 5 ноября по 24 декабря 2001 года была истцом также перечислена МИУ по его письмам на указанные университетом цели.

Таким образом, первая передача заемных денег МИУ состоялась 05 ноября 2002 года. В апреле 2005 года истец письменно потребовал у МИУ погасить задолженность по заемному обязательству, указав срок возврата денежных средств — 29 апреля 2005 года. Однако до настоящего времени Московский Исламский университет денежную сумму истцу не возвратил, мотивируя это тем, что на его расчетном счету денег не имеется. В соответствии со ст. 120 ГК РФ Московский Исламский университет как учреждение отвечает по обязательствам своими денежными средствами, а если их недостаточно, то субсидиарную ответственность несет собственник (учредитель) учреждения. Таким собственником (учредителем) Московского Исламского университета является Духовное Управление мусульман Европейской части России (ДУМЕР), о чем свидетельствует Устав учреждения и изменения в Уставе, зарегистрированные Московской регистрационной палатой 26.04.1999 года за №76407. Истец отправил письменное требование о возврате заемного долга ответчику МИУ, но денег так и не получил.

На основании изложенного, ООО «Авеста-С» привлек в качестве ответчика (учредителя) основного должника Московского Исламского университета — ДУМЕР.

Согласно п. 3.1 договора займа за нарушения срока возврата суммы займа ответчик уплачивает ООО «Авеста-С» пеню в размере 0,1% от суммы задолженности за каждый день просрочки. С 06 мая 2002 года до 29 апреля 2005 года прошло 1089 дней, что составляет пеню 108,9% от суммы займа или 1 848 482 руб. 66 коп.

В соответствии со ст. 811 ГК РФ и ст. 395 ГК РФ помимо пени ответчик обязан уплатить проценты за пользование чужими денежными средствами (законная неустойка) в размере учетной ставки банковского процента (ставка рефинансирования) на день предъявления иска. В настоящее время телеграммой ЦБ РФ от 11.06.2004 года №1443-У такая ставка рефинансирования установлена в размере 13%. Таким образом, исходя из суммы заемного долга, законная неустойка, предусмотренная ст. 395 ГК РФ, составляет (1 697 412 руб. 92 коп. × 13% × 2) 661 991 руб.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 120, 809, 810, и 811 ГК РФ, прошу суд:

1. Взыскать с Духовного Управления мусульман Европейской части России в пользу ООО «Авеста-С» сумму займа в размере 1 697 412 руб. 92 коп.

2. Взыскать с Духовного Управления мусульман Европейской части России пользу ООО «Авеста-С» пеню за просрочку заемного обязательства в размере 1 848 482 руб. 66 коп.

3. Взыскать с Духовного Управления мусульман Европейской части России в пользу ООО «Авеста-С» законную неустойку за пользование чужими денежными средствами в размере 661 991 руб.

Всего взыскать с Духовного Управления мусульман Европейской части России в пользу ООО «Авеста-С» (1 697 412 руб. 92 коп. + 1 848 482 руб. 66 коп. + 661 991 руб.) 4 207 886 руб. 58 коп. Прошу суд также взыскать с ответчика в пользу истца судебные расходы по уплате госпошлины в сумме 32 539 руб. 35 коп.

В соответствии с ч. 1 ст. 92 АПК РФ одновременно с иском заявляю ходатайство об обеспечении иска по следую-

щим основаниям. Ответчик длительное время (на протяжении трех лет) уклонялся от возмещения причиненного истцу ущерба, на письменное предложение истца добровольно вернуть сумму не реагирует, поэтому принятие судом срочных временных обеспечительных мер будет способствовать защите имущественных интересов заявителя. На основании п. 1ч. 1 ст. 91 АПК РФ прошу суд в качестве обеспечительной меры наложить арест на денежные средства и иное имущество, принадлежащие ответчику и находящиеся у него.

Генеральный директор ООО «Авеста-С» С.К. Айдарханов

7. Обвинения в связях с террористами

Такого рода обвинения стали востребованы после первых серьезных актов террора, произошедших на территории России. «Басаев действовал адекватно, захватывая заложников в Буденновске» — так прокомментировал захват больницы чеченскими боевиками лидер Исламского комитета России Гейдар Джемаль⁶²⁶. С этого момента среди части мусульманских деятелей стало модно заниматься апологией терроризма. По неизвестным причинам террористофилы сгруппировались в двух организациях — Российском исламском наследии и Совете муфтиев России.

Генеральный секретарь Совета муфтиев России, заместитель председателя Мухаммед Биджиев, ныне именуемый себя Мухаммадом Карачаем, принял активное участие в формировании ваххабитского подполья Карачаево-Черкесской Республики и Дагестана⁶²⁷. Этот деятель в 1991—1993 годах также являлся лидером карачаевских сепаратистов, названным братом Джохара Дудаева, впоследствии активно сотрудничал с международным террористом Зелимханом Яндарбиевым⁶²⁸.

«Согласно заявлениям посетившего Москву заместителя Зелимхана Яндарбиева по «Кавказской конфедерации», в

недавнем прошлом — имама республики Карачай Мухаммада Биджи-улу, контактам с российскими политиками руководство мусульманских традиционалистов отдает особый приоритет. Такие позиции к тому же разделяют и в руководстве «Исламской нации». Господин Биджи-улу разъяснил позиции представляемой им дагестанской общественной организации «Аль-исламия» по отношению к ваххабитским движениям в республике. Их политический экстремизм чужд мусульманским традиционалистам, и отношения между ваххабитами и приверженцами «Исламии» на сегодняшний день отсутствуют (при том, что и те и другие раньше вместе стояли у истоков первой мусульманской политической структуры в регионе — Исламской партии возрождения).

Однако именно с представителями «Аль-исламии» предпочитают иметь дело влиятельные политики в Чечне — по просьбе Мовлади Удугова его заместителем по «Исламской нации» и руководителем шариатского суда движения стал устаз «Исламии» Ахмад-кади Ахтаев — так описывал деятельность Биджиева в 1998 году журналист «Независимой газеты» Сергей Дунаев⁶²⁹.

В декабре 1999 года Биджиев-Карачай был задержан и допрошен в следственном изоляторе «Лефортово» по делу о взрывах московских домов. Действительно, «имам Карачая» плотно общался с лидерами террористической группировки Ачемеза Гочияева. Примечательно, что вместе с Биджиевым в Лефортове оказался препровожден и другой функционер Совета муфтиев России — верховный муфтий Нафигулла Аширов⁶³⁰.

Как уже неоднократно упоминалось в предыдущих главах, Нафигулла Аширов играл в Совете муфтиев России роль «анфан террибля», постоянно шокируя чиновников и журналистов неоправданно резкими заявлениями. С декабря 1999 года он стал попадать в неприятные истории, связанные с деятельностью международных террористов. Так, летом 2000 года сотрудники ФСБ арестовали двух сподвижников Аширова — имамов Сатимова и Хаджиходжарова, заяв-

ленных в международный розыск за участие в узбекских террористических организациях. Осенью 2001 года председатель ДУМАЧР сделал несколько заявлений в поддержку движения «Талибан», а в январе 2002 года подписал итоговую резолюцию Международной конференции исламского духовенства в Бейруте (9—11 января), которая фактически оправдывала мотивы террористов-смертников.

В мае 2005 года Нафигулла Аширов решил из исламской солидарности помочь гонимой организации «Хизбут-Тахрир», по заказу общества «Мемориал» написав положительную рецензию на ее брошюры. То обстоятельство, что в 2003 году партия «Хизбут-Тахрир» решением Верховного суда была признана террористической структурой, ничуть не смутило уважаемого муфтия. Не смутило его и то, что цитаты из вышеупомянутого заключения перекочевали в хизбутовские листовки, которые активно распространялись в крупнейших мечетях страны и призывали к свержению законных мусульманских лидеров.

В феврале 2006 года прокуратура г. Москвы направила обществу «Мемориал» предостережение. «Согласно заключению судебной социально-психологической экспертизы, указанное «Заключение...» можно расценивать как пропагандистский материал с точки зрения социальной психологии», — говорится в предостережении, текст которого распространило общество «Мемориал». Главной характеристикой «Заключения...», по мнению прокуратуры, является «фальсификация фактов и сознательное использование своего религиозного авторитета в политических целях». «Так, в указанном тексте пропагандируются идеи и идеология партии «Хизбут-Тахрир», а следовательно, идея создания Халифата в России, и, используя свой авторитет, Нафигулла Аширов пропагандирует идеи сопротивления «незаконным» (с его точки зрения), действиям исполнительной и судебной властей Российской Федерации», — сказано в документе, — говорится в сообщении ИА «Интерфакс-Религия» от 1 марта 2006 года.

Сам Аширов и его соратники из «Мемориала» категорически отвергли обвинения в свой адрес. В свое оправдание председатель ДУМАЧР указывал на тот факт, что не давал оценку деятельности «Хизбут-Тахрир», о которой знал только понаслышке, а оценивал содержание хизбутовских брошюр. Тем не менее эта история нанесла дополнительный урон его и без того ослабленному авторитету⁶³¹.

В симпатиях к терроризму недруги уличали и коллегу Аширова Мукаддаса Бибарсова, муфтия Саратовской области и сопредседателя Совета муфтиев России. В ноябре 2002 года он выступил со странным заявлением, в котором потребовал выполнить часть требований Мовсара Бараева, а в марте 2005 года осудил уничтожение международного террориста Аслана Масхадова⁶³². Кроме того, в вину Бибарсову вменялись и экстремистские материалы, опубликованные на сайте «Ансар.ру», рассматривавшегося как информационное подразделение ДУМ Поволжья. Действительно, на данном ресурсе можно встретить немало перепечаток с сайта чеченских сепаратистов «Кавказ-Центр» и других радикальных СМИ, включая даже злосчастное заключение Нафигуллы Аширова по брошюрам «Хизбут-Тахрир». Впрочем, упоминания о связи сайта «Ансар.ру» с ДУМ Поволжья можно встретить только на портале Совета муфтиев России «Муслим.ру»⁶³³.

Тем не менее обвинять весь Совет муфтиев России в симпатиях к терроризму было бы неправильно. И его председатель Равиль Гайнутдин, и многие сопредседатели Совета неоднократно выступали с осуждением псевдорелигиозного экстремизма и прикрывающихся им бандитов. В отличии, например, от лидеров союзного ему Российского исламского наследия (РИН).

Данная организация, созданная в марте 2005 года, объединила, пожалуй, самых неоднозначных представителей исламской уммы России. Члены ее президиума представляли разные силы и солидаризировались, по большому счету,

только в неприязни к «официальному» мусульманскому духовенству и симпатиях к борцам за торжество «чистого ислама».

Об особой позиции члена президиума РИН Гейдара Джемаля по акции Басаева уже упоминалось выше, однако на этом его высказывания в поддержку террористов не закончились. В августе 1999 года председатель Исламского комитета открыто поддержал нападение банд Басаева и Хаттаба на Дагестан, осенью 2001 года заявил, что полностью поддерживает взрывы буддийских памятников талибами на том основании, что буддизм — это не безобидная вещь, в январе 2002 года вместе с Ашировым подписал протеррористическую декларацию мусульманской конференции в Бейруте, а в марте 2005 года провозгласил уничтоженного международного террориста Аслана Масхадова шахидом без кавычек⁶³⁴.

Близкий друг и ученик Джемаля журналист Максим Шевченко в полной мере унаследовал от своего наставника ненависть к традиционному мусульманскому духовенству и симпатии к его врагам. После нападения боевиков на Нальчик в октябре 2005 года он выступил с сенсационным заявлением, в котором вину за случившееся возложил не на террористов, а на муфтия Кабардино-Балкарии Анаса Пшихачева, который якобы обидел хороших людей и спровоцировал их на бунт. При этом Шевченко, также входящий в президиум РИНа, призвал отдать муфтия под суд. «Сильна вина муфтия Пшихачева, очень сильна. Я считаю, что этот человек должен предстать перед судом. Не перед каким-то судом общности, а конкретно перед судом российским, прокуратура должна завести уголовное дело по Пшихачеву. Пшихачев откровенно призывал силовые структуры расправиться с людьми, которые предъявляли к нему претензии. В итоге мы получили то, что случилось в Нальчике», — заявил он радиостанции «Свобода»⁶³⁵.

Реакция традиционных мусульманских лидеров на этот демарш оказалась вполне предсказуемой. Вскоре председа-

тель КЦМСК муфтий Исмаил Бердиев выступил со специальным заявлением, в котором назвал Шевченко известным радикалом и призвал генерального директора Первого канала Константина Эрнста не предоставлять трибуну врагам России (к этому времени Шевченко стал ведущим ток-шоу «Судите сами») ⁶³⁶.

Атака на Нальчик пагубно отразилась на авторитете еще одного функционера РИНа — координатора этой организации по Северному Кавказу Руслана Нахушева, директора Кабардино-Балкарского института исламских исследований. Так уж вышло, что оба заместителя Нахушева по институту, Муса Мукожев и Анзор Астемиров, оказались главарями напавших на Нальчик террористов. Что, впрочем, было неудивительно — данное заведение специально создавалось как легальная надстройка над ваххабитскими джамаатами Кабардино-Балкарии, а Нахушев выполнял функции пресс-секретаря Мукожева с Астемировым.

4 ноября Руслан Нахушев пошел на допрос в местное отделение ФСБ, после чего его больше никто не видел. Через три дня в его отношении было возбуждено уголовное дело по ч. 4,5 ст. 33 и ст. 205 (подстрекательство к терроризму). По всей видимости, директор Исламского института решил последовать примеру своих коллег по научной работе и удариться в бег. Впрочем, лидеры РИН уверяли, что никакого отношения к террористам Нахушев не имеет и скорее всего его похитили некие темные силы, желающие дестабилизации обстановки на Северном Кавказе ⁶³⁷.

Член Совета РИНа Рашид Ягафаров, бывший председатель Всетатарского общественного центра, в свое время также был склонен к довольно резким заявлениям. Вот что писало информационное агентство «Регионс.ру» о пресс-конференции ВТОЦ, посвященной захвату Театрального центра на Дубровке: «31 октября Всетатарский общественный центр провел пресс-конференцию, где председателем ВТОЦ Рашидом Ягафаровым были сделаны заявления о позиции орга-

низации по отношению к событиям, связанным с захватом заложников в Театральном центре Москвы.

Выступавшие лидеры ВТОЦ не осуждали террористов, которых называли борцами за свободу Ичкерии, а сам захват заложников был назван «вынужденным нецивилизованным шагом героических сынов и дочерей чеченского народа». Трагедию в Москве члены ВТОЦ считают «результатом все той же тупоумной политики имперской России» (цитата из заявления Президиума ВТОЦ).

На пресс-конференции были распространены заявления ВТОЦ «О трагической ситуации с заложниками в Москве», «О ситуации в России после трагических событий в Москве», «В связи с усилением тоталитарных тенденций в российских властных структурах», а также обращение к президенту РТ Минтимеру Шаймиеву, председателю госсовета РТ Фариду Мухаметшину, председателю комиссии госсовета РТ по науке, образованию, культуре и национальным вопросам Разилу Валееву.

В своих заявлениях ВТОЦ требует «на основе международного права о самоопределении народа и деколонизации признать Ичкерия-Чечню независимым государством».

В одном из этих документов говорится, что «комментарии ведущих политических обозревателей СМИ России по поводу трагических событий с заложниками в Москве вызывает решительный протест всех честных людей. Результат полицейской операции по «освобождению» заложников, приведший к чудовищным последствиям, расценивается как выдающаяся победа российских спецслужб. Однако, с точки зрения здравомыслящих людей, это «пиррова победа» на крови сотен заложников».

На встрече с журналистами лидерами ВТОЦ высказывались мнения, что операция по захвату заложников была чуть ли не спланирована спецслужбами. «Правящий режим превзошел в своих преступлениях против человечности германский фашизм: с одной стороны — геноцид и насилие в

Чечне, а с другой — применение для уничтожения собственных граждан (напоминаем, что альтернативой был стол переговоров) химическое оружие» (цитата из заявления президиума ВТОЦ «О ситуации в России после трагических событий в Москве»)»⁶³⁸.

Исходя из вышеприведенных свидетельств нельзя не отметить, что РИН является уникальной организацией — ведь собрать воедино настолько ярких личностей не удавалось ни Исламской партии возрождения, ни Союзу мусульман России, ни даже движению «Рефах». Впрочем, именно из-за этого обстоятельства история РИНа может оказаться гораздо короче, чем у них.

Объективности ради следует отметить, что член президиума РИНа Вячеслав-Али Полосин пытался обвинять в терроризме и Талгата Таджуддина, отталкиваясь от сделанных лидером ЦДУМ антиамериканских призывов, однако успеха в этом не и имел и был высмеян даже собственными коллегами⁶³⁹.

В заключение автор считает нужным отметить, что приведенные выше документы и свидетельства лишь призваны проиллюстрировать конкретные диффамационные кампании, а вовсе не нацелены на дискредитацию конкретных духовных лидеров исламского сообщества России. Личное мнение автора может не совпадать с изложенными выше свидетельствами, в том числе и с теми, которые он не считает нужным опровергать. В то же время нельзя отрицать тот факт, что методы борьбы, использованные бывшими учениками муфтия Талгата Таджуддина против своего учителя, в итоге нанесли тяжелый урон их же репутации. На этом фоне обращает на себя внимание порядочное и корректное поведение духовных лидеров Кавказской уммы, которые принципиально воздерживались от грязных способов ведения борьбы со своими оппонентами.

Глава II

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

По своим негативным последствиям для целостности исламского сообщества России этнические предпосылки раскола уступают только личностным и финансовым. Накладываясь на уже существующие межнациональные противоречия, они конвертируют их в этноконфессиональные, чем вызывают гораздо более продолжительные и сложные для преодоления конфликты.

1. Биэтнические расколы

Среди этнических предпосылок раскола исламского сообщества России особое место занимают так называемые биэтнические расколы, спровоцированные противостоянием двух этнических групп, обычно существенно различающихся по численности.

Наиболее серьезные последствия для российской уммы имели трения между татарами и башкирами. Историческое соперничество между этими народами обычно ограничивалось бытовым национализмом, однако под влиянием внешних факторов могло выливаться и в серьезные конфликты. После Февральской революции башкирское национальное движение, по мнению А.Б. Юнусовой, стало одним из наиболее активных в России. В 1917 году на III Всебашкирском съезде было принято решение о создании автономного Башкирского духовного управления, поскольку «в Магометанском духовном Собрании, находящемся в Уфе, сидят руководители пантюркистической политики и служат главным

источником татаризации башкир. В интересах ограждения башкир от татарского ига ... мы организуем отдельное Башкирское Духовное Правление»⁶⁴⁰. Активное противостояние Башкирского духовного Управления (впоследствии известного как Центральное ДУМ БАССР) и ДУМ Внутренней России и Сибири (впоследствии известного как Центральное ДУМ РСФСР) началось в 20—30-е годы, когда их интересы напрямую пересеклись. Соответствующие госорганы умело использовали эту ситуацию для подавления ислама в целом и уже к концу 30-х годов оба управления претерпели большой урон. В итоге в 1936 году ЦДУМ БАССР было «воссоединено» с полуразгромленным ЦДУМ РСФСР⁶⁴¹.

В 1948 году ЦДУМ РСФСР трансформировалось в (Центральное) ДУМ Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) и вошло в систему духовных управлений мусульман СССР. Полный контроль над ДУМЕС установили татары.

В конце перестройки национальные движения СССР вновь активизировались. Не обошел стороной этот процесс и Башкирскую АССР, в которой возникло несколько националистических партий, выступавших за особый статус башкирского народа. Своего пика процесс «национального возрождения» достиг в 1991 году, когда после развала СССР начался «парад суверенитетов». Полиэтническое, межрегиональное ДУМЕС встало перед лицом целого ряда реанимированных проблем, наиболее серьезными из которых оказались требования татарских националистов перенести резиденцию ДУМЕС в «столицу российского ислама» — Казань, а также и обострившиеся противоречия между татарами и башкирами, получившими подобия независимых государств.

До лета 1992 года авторитет председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина позволял избежать серьезных проблем на этом направлении, однако других сдерживающих факторов уже не существовало.

В августе 1992 года брожение в ДУМЕС достигло своего предела. Формальным поводом для начала раскола стало ос-

корбление, нанесенное Талгатом Таджуддином главе Уфимского мухтасибата ДУМЕС Нурмухаммеду Нигматуллину. Распекая Нигматуллину за какие-то административно-хозяйственные недоработки, он прилюдно назвал его «тупым башкиром» и предложил «убираться в свое Темясово». Сам Нигматуллин, возможно, не придавал бы этому столь большого значения, если бы не позиция радикальной части башкирской интеллигенции, усмотревшей в действиях Таджуддина casus belli. Подстрекаемый своими соплеменниками, уфимский имам-мухтасиб 19 августа выступил по местному телевидению и заявил о переходе в оппозицию к Таджуддину и начале создания своего собственного, башкирского, ДУМ⁶⁴².

21 августа 1992 года Нурмухаммад Нигматуллин, ответственный секретарь ДУМЕС Нафигулла Аширов и главы Стерлитамакского, Октябрьского и Сибайского мухтасибатов созвали съезд, поставившей своей целью учредить независимое ДУМ Республики Башкортостан⁶⁴³. Все выступавшие на этом съезде акцентировали внимание на открытости нового муфтията для всех национальностей, хотя фактически его создание инициировали башкирские имамы, недовольные «татарским засильем» в ДУМЕС. Действительно, по состоянию на 10 декабря 1988 года из 128 имамов ДУМЕС лишь трое были башкирами (менее 3%)⁶⁴⁴, в то время как общее соотношение татар и башкир в России равнялось 6 к 1. Основную поддержку ДУМ РБ оказали именно башкирские общины, в то время как большинство татарских осталось в юрисдикции ДУМЕС⁶⁴⁵.

В целом сценарий возникновения ДУМ РБ очень напоминал аналогичный процесс первых лет советской власти, что позволило его лидерам учесть ошибки своих предшественников. Председатель ДУМ РБ муфтий Нурмухаммед Нигматуллин постоянно подчеркивал, что его муфтият является республиканским, но ни в коем случае не национальным⁶⁴⁶. В подтверждение бинационального (башкиро-татарского) статуса ДУМ РБ пост первого заместителя муфтия был негласно закреплен за татаринном (первоначально первым за-

местителем работал Нафигулла Аширов, впоследствии его сменил брат главы ДУМ Поволжья Айюб Бибарсов).

Несмотря на заверения лидеров ДУМ РБ, процесс сепарации башкирского муфтията резко обострил татаро-башкирские противоречия в республике. К счастью, эти трения не распространились за ее пределы и немалая часть имамов-башкир поддержала Талгата Таджуддина в начавшемся внутримусульманском противостоянии⁶⁴⁷.

Со временем национальная составляющая в конфликте ДУМ РБ и ДУМЕС отошла на второй план и в 1994 году верховный муфтий Талгат Таджуддин создал в рамках ЦДУМ Региональное ДУМ Республики Башкортостан (Салаватский муфтият) во главе муфтием-башкиром Рамилем Насыровым, ориентированное на воссоединение с ЦДУМ башкирских общин. Эта структура просуществовала недолго, однако сам факт ее создания стал своеобразным символом преодоления татаро-башкирского конфликта.

27 сентября 2001 года в Челябинске прошло открытое судебное заседание по рассмотрению иска лидеров Челябинского казьята ДУМАЧР Салеха Абдель Рахмана Гази и Мухамеда Габидуллина о защите чести, достоинства и деловой репутации к редакции газеты «Возрождение Урала» за публикацию статьи председателя комитета Челябинской областной администрации по делам национальностей, религиозных и общественных организаций Хамзиной А.М. «Ваххабизм пришел на Урал?»⁶⁴⁸. Все факты, изложенные в статье, за исключением упоминания о причастности Салеха к поджогу одного из административных помещений Белой мечети, были признаны соответствующими действительности⁶⁴⁹.

В статье А.М. Хамзиной, в частности, приводилась следующая цитата из письма председателя Мусульманского религиозного общества при мечети Исмагила: «Подначивая верующих из числа лиц башкирской национальности, Салех допускает заявления типа «Истинным мусульманином является только татарин (в другой аудитории с точностью до на-

оборот он говорит об истинности мусульманства башкир — примечание Хамзиной)».

По данному факту суд опросил трех свидетелей, подтвердивших его достоверность. Следовательно, в данном случае ревнитель «чистого» ислама Салех Абдель Рахман Гази сознательно разжигал рознь между татарами и башкирами, надеясь ослабить позиции Челябинского муфтията ЦДУМ, возглавляемого муфтием-башкиром Габдуллой Шакаевым. Особых последствий для межнациональных отношений в Челябинской области эта сторона деятельности Салеха не имела, однако сам факт использования ваххабитскими эмиссарами трений между различными этническими группами весьма примечателен.

Трения между татарами и казахами не имели столь фатальных последствий для единства исламского сообщества России, как татаро-башкирский конфликт, однако в ряде регионов именно они послужили одной из предпосылок раскола.

В 1989 году в Омске началось противостояние между региональным лидером ДУМЕС татаринном Зулькарнаем Шакирзяновым и имамом одной из омских мечетей Ануарбеком Джунусовым. Вследствие недальновидной политики обеих конфликтующих сторон этот конфликт привел к расколу мусульманской общины области на татарский и казахский лагеря, а также к обособлению от Омского мухтасибата нескольких казахских мечетей. В июне 1997 года Зулькарнай Шакирзянов, ставший к этому времени муфтием и председателем ДУМ Сибири и Дальнего Востока — Омского муфтията, вышел из состава Совета муфтиев России и к октябрю того же года вступил в прямое противостояние с этой организацией. В 1998 году мусульманские общины Омской области подверглись экспансии входящего в Совет муфтиев ДУМАЧР. Вполне предсказуемо главным союзником Нафигуллы Аширова в регионе стал лидер казахской диаспоры Ануарбек Джунусов. Именно Джунусову было поручено воз-

главить Омский казыят ДУМАЧР, костяк которого составили казахские общины⁶⁵⁰.

Наименее изученным среди этнических предпосылок раскола является конфликт между двумя субэтническими группами татар — мишарями и казанскими татарами. Ряд исследователей считают, что данный конфликт восходит своими корнями ко временам Ивана Грозного, когда во время штурма Казани мишари выступили вместе с русскими против казанских татар. Ведущие лидеры татарского ислама Талгат Таджуддин и Равиль Гайнутдин являются казанскими татарами, что создает у мишарей чувство собственной ущемленности, особенно сильно проявляющейся на их исторических территориях — Московской, Рязанской и Нижегородской областях. Среди лидеров как Совета муфтиев России, так и ЦДУМ постоянно циркулируют слухи о возможном «мишарском перевороте». Эти слухи не получили отражения в прессе, однако сомневаться в их достоверности не приходится.

Этническая ситуация в исламских сообществах Краснодарского края и Кабардино-Балкарской Республики позволяет предположить, что при внешнем влиянии в этих регионах могут возникнуть татаро-адыгский и кабардино-балкарский конфликты. Так, известный российский этнограф М.Н. Губогло в своей статье «Этничность, религиозность, государственность» («Этнопанорама», №3, 2000 год) упоминал о соперничестве между кабардинцами и балкарцами за пост главы ДУМ Кабардино-Балкарии⁶⁵¹.

2. Полиэтнические расколы

Среди прочих предпосылок раскола наиболее тяжелые последствия для единства мусульманского сообщества трех субъектов Федерации — Республики Дагестан, Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края — имели межнациональные конфликты, в которые вовлекались более

двух народов. Спроецировавшись на внутримусульманские взаимоотношения, такие конфликты породили полиэтнические расколы, ставшие причиной появления сразу нескольких враждующих между собой мусульманских структур.

Республика Дагестан является самым многонациональным субъектом Российской Федерации. Ни один народ не составляет в ней большинство населения, поэтому в советское время в Дагестане существовала сложная схема разделения власти между различными этническими группами. Некоторый приоритет в ней отдавался аварцам как самому многочисленному этносу.

Незадолго до развала Советского Союза схема этнического паритета была упразднена и к власти в Дагестане пришли даргинцы, занявшие большинство ключевых постов. Изменения коснулись и высшего руководящего звена ДУМСК, в котором с 1944 года соблюдался принцип ротации, позволявший занимать пост муфтия Северного Кавказа представителям разных народов.

Смещение в мае 1989 года председателя ДУМСК балкарца Махмуда Геккиева осуществлялось силами «инициативной группы», состоящей преимущественно из дагестанцев. Неудивительно, что ее вдохновитель Зейдулла Алибекова, внезапно ставший значимым мусульманским лидером, желал видеть новым муфтием своего земляка и принял для этого все необходимые меры. В октябре 1989 года в Махачкале открылся съезд мусульман Северного Кавказа, поставивший себе задачу избрать нового председателя ДУМСК. Все выдвинутые на эту должность кандидаты оказались дагестанцами, и вскоре съезд свелся к жесткой полемике между представителями различных этнических групп Дагестана. Представители других северокавказских народов, формально имевшие не меньше прав бороться за пост муфтия, некоторое время с недоумением взирали на происходящее, а затем уполномочили казья Карачаево-Черкесии изложить их общее мнение. В своем выступлении казый с сожалением от-

метил, что интересы дагестанских народов в ДУМСК более не учитываются, в связи с чем они оставляют за собой право обособиться от этого муфтията.

Это заявление и стало кульминацией съезда — выборы муфтия ДУМСК успехом не увенчались. Так искусственно подогретые противоречия между дагестанскими и дагестанскими мусульманами привели к распаду ДУМСК, которого вполне можно было избежать.

В дальнейшем межнациональные противоречия стали фатальными и для единства ДУМ Дагестана, в которое трансформировалось ДУМСК. 27 января 1990 года в Махачкале открылся очередной съезд мусульман Северного Кавказа, фактически ставший съездом дагестанских мусульман. На нем вновь проявилось соперничество основных этнических групп Дагестана — в первую очередь аварцев и кумыков — и связанное с этим желание дагестанских властей предпринять результат голосования, исходя из собственных представлений об этническом паритете⁶⁵². В итоге и.о. муфтия даргинцев Ахмед Магомедов, имевший наилучшие шансы на успех, был вынужден снять свою кандидатуру. По результатам голосования большинство голосов набрал имам махачкалинской соборной мечети кумык Багаутдин Исаев, в то время как протезе правительства Республики Дагестан аварец Абдулла Эльдарханов занял только второе место. Примечательно, что избранный делегатами съезда Совет алимов ДУМ Дагестана был сформирован с учетом процентного соотношения основных дагестанских этносов.

Относительно мирный период в дагестанской умме продолжался всего два года. Противоречия между аварцами и кумыками нарастали и в итоге привели к новому конфликту.

29 февраля 1992 года в Махачкале открылся первый (по другой хронологии — третий) съезд мусульман Дагестана, созванный по инициативе аварских духовных лидеров, чье влияние в исламском сообществе за прошедшие два года резко возросло. Несмотря на призывы к единению мусульман и намерение оргкомитета реанимировать ДУМСК, в

действительности произошло прямо обратное. Муфтий Багаутдин Исаев отказался принять участие в работе съезда, что, правда, не помешало сместить его с занимаемой должности и избрать нового председателя ДУМ Дагестана, которым стал аварец Саид-Ахмед Дарбишгаджиев. Под давлением делегатов-аварцев был также избран новый Совет алимов, в котором 10 мест из 27 заняли представители их народа.

Столь вопиющее нарушение прав других этнических групп Дагестана, каждая из которых теперь могла рассчитывать только на одно место в Совете алимов, вкупе с весьма сомнительными обстоятельствами избрания Дарбишгаджиева, привело к бойкоту выборов кумыкскими и даргинскими делегатами, поспешившими покинуть съезд. Багаутдин Исаев денонсировал все решения своих оппонентов, однако, не имея возможности восстановить status quo, заявил о начале формирования национального кумыкского ДУМ. 4 марта 1992 года перед штаб-квартирой ДУМ Дагестана прошел митинг кумыков и даргинцев, которые заявили о создании оргкомитета по подготовке альтернативного съезда и начале создания альтернативных духовных управлений — кумыкского и даргинского. Вскоре их примеру последовали лезгины и ногайцы. Начался раскол ДУМ Дагестана по национальному признаку, приведший к появлению, по меньшей мере, 4 моноэтнических муфтиятов⁶⁵³. Ситуацию еще более усугубили многочисленные межнациональные конфликты, ставшие следствием масштабных миграций внутри Дагестана⁶⁵⁴.

Этот период новейшей истории стал для исламского общества Дагестана наиболее драматичным. Полиэтнический раскол отбросил крупнейшую региональную умму на периферию исламского мира России, надолго заставив ее замкнуться на решении собственных проблем. Долгое отсутствие в Дагестане единого духовного центра создало режим максимального благоприятствования для проникновения в республику эмиссаров «чистого ислама».

К 1997 году дагестанские власти смогли формально преодолеть полиэтнический раскол, упразднив национальные

ДУМы и замкнув всех традиционных мусульман на аварское ДУМ Дагестана. Многие исламоведы, правда, отмечают, что противоречия в религиозной сфере между основными этническими группами Дагестана сохраняются и духовная монополия ДУМ Дагестана основана только на поддержке власть имущих.

Полиэтнические конфликты нанесли тяжелый урон и другой мусульманской централизованной структуре Северного Кавказа — ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя (ДУМ КЧРиС). Зона его юрисдикции, как следует из названия, распространялась на территорию Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, чьи мусульманские сообщества оказались крайне неоднородными в этническом плане.

Первые несколько лет истории ДУМ КЧРиС на ситуацию внутри этого муфтията влияло только мусульманское сообщество Карачаево-Черкесии — умма Ставрополя была слишком неорганизована и располагала незначительным числом общин. Выделение Карачаево-Черкесии из Ставропольского края в отдельный субъект Федерации вызвало всплеск национальной активности в пределах новообразованной республики и привело к обострению отношений между ее титульными этническими группами — карачаевцами и черкесами.

Карачаево-черкесский конфликт имел давнюю историю и во многом был спровоцирован идеологами советской национальной политики. В 1990 году его обострила борьба за власть между черкесской и карачаевской национальными элитами, закончившаяся победой карачаевцев, явно доминировавших по своей численности. Черкесы, управлявшие Карачаево-Черкесией в советское время, не смирились с поражением и продолжили борьбу, пытаясь добиться паритетного представительства в высших органах власти⁶⁵⁵.

В сентябре 1989 года в ауле Псыж Прикубанского района Карачаево-Черкесской автономной области состоялось

собрание мусульман Ставропольского края, на котором было решено образовать независимый казыят мусульман Ставропольского края на правах Духовного центра. Организационное оформление казыята произошло на I съезде мусульман Ставропольского края в январе 1990 года. В марте 1991 года на II съезде казыят был преобразован в муфтият, который после изменений в административно-территориальном делении Ставропольского края стал именоваться ДУМ КЧРиС.

В 1990 году казыем Ставропольского казыята был избран карачаевец Исмаил Бердиев, в 1991 году получивший духовное звание муфтия. Карачаевцы заняли и другие руководящие посты в ДУМ КЧРиС, однако серьезных трений на этой почве с черкесами, абазинами и ногайцами не возникло. Бердиев приложил все усилия, чтобы не допустить перенос карачаево-черкесских противоречий в религиозную сферу, благодаря чему сохранил целостность своей структуры.

Первую реальную угрозу единству ДУМ КЧРиС создала, как это ни парадоксально, деятельность карачевского активиста Мухаммада Биджиева, известного также как Мухаммад Биджи-уллу и Мухаммад Карачай. 17 ноября 1991 года Биджиев со своими сторонниками принял участие в митинге, посвященном годовщине провозглашения Карачаевской Республики, и объявил его бессрочным. 30 ноября в Доме Советов Карачаевска их усилиями открылся I съезд мусульман Карачая, по итогам которого было объявлено о создании новой централизованной мусульманской организации — Имамата Карачая во главе с Биджиевым⁶⁵⁶. Попытка создания Имамата Карачая, независимого от ДУМ КЧРиС, совпала с борьбой за обособление Карачаевской республики.

Начало центробежных тенденций в республиканской умме побудило руководство ДУМ КЧРиС к оперативным и решительным действиям. 11 декабря 1991 года в Черкесске открылся III внеочередной съезд мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополя, на котором были осуждены и признаны незаконными все мероприятия Биджиева и его сторонников⁶⁵⁷. Существенную помощь в преодолении начинающе-

гося раскола оказали ДУМ КЧРиС и республиканские власти, видевшие в «имаме Карачая» воинствующего сепаратиста.

Проводя параллель с аналогичными событиями в других субъектах Федерации, нужно отметить, что целостность ДУМ КЧРиС спасло только отсутствие в описанном конфликте этнической составляющей, в противном случае этот муфтият разделил бы судьбу ДУМ Дагестана и ДУМЕС.

В течение еще полугода Биджиев продолжал бороться против республиканского муфтията, однако наиболее значимым его достижением стало образование в Малокарачаевском районе республики первых ваххабитских общин. Со временем их активисты составили костяк влиятельного салафитского движения, охватившего к 1999 году весь юг республики. Руководство ДУМ КЧРиС, достаточно успешно справившееся с политическим экстремизмом под знаменем ислама, оказалось бессильно против экстремизма религиозного⁶⁵⁸.

Распространение ваххабизма происходило преимущественно среди карачаевцев, что было эффективно использовано активистами черкесского национального движения, растрогажавшими в своих СМИ скандальные репортажи тележурналистов Елены Масюк и Сергея Доренко по этой теме, а также наиболее острые публикации центральной прессы⁶⁵⁹.

«Ваххабитский фактор» стал косвенной причиной нового вызова единству ДУМ КЧРиС, исходившему от правительства Ставропольского края. Идеология «чистого ислама» проникала в Ставропольский край и через граничащий с ним Малокарачаевский район Карачаево-Черкесской Республики, что свидетельствовало о малоэффективной борьбе ДУМ КЧРиС с исламскими экстремистами. Именно слабость ДУМ КЧРиС побудила ставропольские власти инициировать процесс создания собственного муфтията.

С другой стороны, к 1999 году исламское сообщество Ставропольского края уже располагало достаточным количеством общин для организации собственной централизо-

ванной структуры, тем более что доминировали в нем не представленные в руководстве ДУМ КЧРиС ногайцы и даргинцы. 20 марта 1999 года в селе Канглы Минераловодского района была проведена встреча шести ставропольских имамов, выступивших с инициативой проведения в крае съезда всех руководителей мусульманских общин с целью создания самостоятельного ДУМ Ставропольского края. Начавшийся процесс сепаратизации, достигший своего апогея летом 2004 года, резко обострил взаимоотношения даргинцев и ногайцев, равно претендующих на лидерство в будущем Ставропольском муфтияте, и создал угрозу возникновения в Ставропольском крае национальных ДУМов.

Таким образом, ДУМ КЧРиС сейчас пребывает на грани полиэтнического раскола, грозящего затронуть не только его ставропольскую часть, но вызвать цепную реакцию в нестабильном мусульманском сообществе самой Карачаево-Черкесии. Особенностью этой ситуации является невозможность для руководства ДУМ КЧРиС как-либо воздействовать на развитие процесса и принять эффективные превентивные меры.

Исламовед Магомед Магомедов об этнической составляющей раскола в Дагестане

В общественном сознании за Дагестаном прочно закрепились репутация республики, раздираемой межэтническими и внутриконфессиональными конфликтами. И если межнациональные конфликты в полиэтничном Дагестане являются следствием борьбы этнических группировок за власть, то религиозный конфликт как между представителями «традиционного» ислама и фундаментализма, так и внутри этих течений во многом является отражением этой борьбы.

Уже в первые постперестроечные годы Духовное управление мусульман Дагестана оказывало заметное влияние на

религиозную жизнь республики. В первые же годы существования оно превратилось в поле битвы между представителями кумыкской и аварской национальностей за право руководства мусульманской общиной Дагестана. Борьба завершилась «победой» аварцев и привела к расколу и появлению национальных Духовных управлений: аварского, даргинского, кумыкского. И в настоящее время, несмотря на заверения руководства ДУМД о разрешении конфликта, ни для кого не секрет, что нынешнее ДУ опирается в первую очередь на представителей аварской этнической группы.

С середины 90-х годов по республике ходит видеокассета, где духовные лица, по национальности кумыки, рассказывают о злоупотреблениях действующего ДУМД. Проблему противостояния в плоскости кумыки — аварцы в сфере традиционного ислама на встрече мэра Махачкалы Саида Амирова с духовенством РД в июне 1999 г. поднял советник председателя правительства РД по вопросам религии Ильяс-хаджи Ильясов: «Даже если здесь, в Дагестане, не будет ни одного ваххабита, раскол между мусульманами все равно сохранится. Он произошел 28 февраля 1998 г., когда произошел незаконный съезд и когда было незаконно перерегистрировано ДУМД в 1994 г.».

Тот же раскол между кумыками и аварцами в рамках традиционного ислама наблюдается в Хасавюрте. Противостояние проходит в нескольких плоскостях: 1) численное превосходство аварцев-переселенцев как в городе, так и в районе, что вызывает недовольство коренного населения; 2) борьба за власть в г. Хасавюрте и в районе, в которой победили представители аварской этногруппы; 3) религиозное противостояние: пятничный намаз в городе кумыками и аварцами совершается в разных мечетях. Точно так же отдельные пятничные мечети кумыков действуют и в Махачкале.

Таким образом, борьба за руководство мусульманской общиной тесно взаимосвязана с борьбой за политическую власть и подогревается недовольством коренного населения

низменных районов переселенцами, так как традиционно духовной жизнью на низменности управляли религиозные лидеры-кумыки, и нарушение этой традиции вызвало у них недовольство.

«Земельный вопрос» вызвал разделение по этническому признаку в рамках традиционного ислама и в селах Ленинаул и Калининаул Казбековского района, ранее входивших в состав Чечни: аварцы и чеченцы в этих селах еще задолго до боевых действий в горных районах Дагестана пятничный намаз совершали раздельно.

Недовольство не только кумыков, но и других национальностей Дагестана вызывает и то, что в деятельности ДУМД странным образом сочетается призыв к установлению шариата и активная политическая деятельность, направленная на обеспечение политических интересов аварской этнической группы. Шейх Саид-афанди Чиркейский уже давно имеет тесные контакты с представителями политической и экономической элиты как внутри республики, так и за ее пределами. Причем этническая принадлежность этих представителей не оставляет сомнений относительно основы контактов⁶⁶⁰.

3. Роль диаспор в расколе — «миграционные» конфликты

С 1989 года в центральные и азиатские регионы России хлынули потоки вынужденных мигрантов, спасающихся от вооруженных конфликтов либо просто ищущих лучшей жизни. Среди них было немало этнических мусульман из Азербайджана, Средней Азии, а впоследствии и с Северного Кавказа. К 1999 году во многих российских регионах их доля превысила процент традиционно проживавших там мусульман, преимущественно татар, башкирки казахов. Мигрантов

отличала более высокая по сравнению с коренными мусульманами религиозность и нередко лучшая осведомленность в духовных вопросах. Выигрывали они и в самоорганизации — смена привычного образа жизни резко обострила чувство землячества, позволившее мигрантам сплотиться в созданные по этническому признаку сообщества.

Сначала приезжие мусульмане вынужденно посещали татарские мечети, однако службы, проводившиеся на непонятном языке, и общая специфика «татарского ислама», не удовлетворяли в полной мере их религиозных потребностей. Попытки мигрантов обратить внимание на свои проблемы редко находили понимание, зато нередко провоцировали недовольство чрезмерно активными «пришельцами». Не найдя поддержки, они были вынуждены либо создавать собственные мусульманские общины, либо приходить к власти в татарских махалля. Во втором случае мигранты автоматически включились во внутримусульманские конфликты, осложняя их новым фактором. Наиболее активными на этом поприще стали узбеки, таджики, чеченцы и аварцы, наиболее пассивными — азербайджанцы. Особое место среди новоприбывших мусульман заняли арабы, нередко приезжавшие в Россию из вполне благополучных стран в качестве инструкторов по идеологии.

Противоборствующие мусульманские структуры довольно быстро научились извлекать выгоду из сложившейся ситуации. Мусульмане-мигранты были востребованы ДУМАЧР, ДУМЕР и ДУМ Поволжья, в то время как ЦДУМ и ДУМ РТ предпочли вести «ксенофобскую» линию.

Выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа приняли активное участие в становлении ДУМАЧР, составив заметную часть его региональных лидеров. Авторитет имеющего криминальное прошлое «верховного муфтия Азиатской части России» Нафигуллы Аширова среди татарских и башкирских имамов оказался не слишком высок, поэтому его главными союзниками на Урале, в Забайкалье и на Даль-

нем Востоке стали узбеки, таджики, аварцы, вайнахи и арабы. Представители этих народов возглавили Челябинский, Приморский, Саянский (Хакаский), Томский, Забайкальский (Читинский), Саха-Якутский и Камчатский казыяты, весьма заметно их влияние стало в Курганском, Свердловском и Омском казыятах.

Муфтий Умар Идрисов о миграции

«Одним из вызовов татарской нации является усиливающаяся миграция кавказских и среднеазиатских мусульман во внутренние районы России. На протяжении веков наша нация была единственной мусульманской силой в этих регионах; с учетом менталитета татар, и с учетом того, что во многих землях внутренней России татары являются коренным народом, у нас никогда не было такого уровня межэтнической напряженности, которая возникла в последние годы и грозит усилиться в ближайшем будущем. Фактически продолжение этого процесс грозит татарам утратой их статуса второй по численности нации в России, со всеми вытекающими последствиями. Изменяется облик наших мечетей, мы вынуждены переходить на русский язык в общении с прихожанами во время даже пятничных проповедей. Они гораздо более пассионарны, чем татары, и уже сегодня требуют пока еще не числом, но, как говорится, качеством — а именно своей напористостью и энергичностью. Если сегодня татары все еще находятся в большинстве в тех или иных общинах, то с учетом дальнейшего роста миграции уже в ближайшее время это может привести к тому, что во главе мечетей и духовных управлений мусульман станут представители совсем других наций, воспитанные в совершенно иных условиях и даже не представляющие всей истории взаимоотношений мусульман и христиан в том или ином городе»⁶⁶¹.

Курганская область долгое время находилась вне арены мусульманского противостояния. Раскол в ней начался лишь в 1997 году, когда усилиям эмиссаров Аширова курганская община вышла из состава ЦДУМ и выступила одним из соучредителей МДУМСДВ-ДУМАЧР. Вскоре эта община стала центром Курганского казьята ДУМАЧР, который возглавил имам-мухтасиб Салават Каримов, ранее занимавший аналогичный пост в Челябинско-Курганском муфтияте ЦДУМ⁶⁶².

Смена юрисдикции не принесла татарину Каримову ожидаемых благ — фактическое руководство казьятом стали осуществлять имам-хатыб курганской общины таджик Зейдулло Мизропов и члены чеченской диаспоры. Вскоре они окончательно оттеснили имам-мухтасиба на второй план, «отлучив» его от пятничного намаза за «несовместимое с нормами ислама поведение». Впоследствии был смещен со своей должности и председатель курганской общины Габдулла Исакаев, обвиненный в присвоении 15 тысяч долларов, выделенных на строительство Курганской соборной мечети⁶⁶³. В итоге среди курганских мусульман начался межнациональный конфликт.

Выразителем интересов Нафигуллы Аширова в Челябинской области стал сириец Салех Абдель Рахман Гази, получивший пост казья Челябинского казьята. Методы его работы отличались большой оригинальностью, и вскоре в адрес казья были выдвинуты документально подтвержденные обвинения в приверженности к экстремистской идеологии и разжигании межнациональной вражды. К 2000 году деятельность Салеха спровоцировала несколько стычек между сторонниками ДУМАЧР и ЦДУМ, чем сильно осложнила ситуацию в мусульманском сообществе области⁶⁶⁴. В итоге администрация Челябинской области подписала соглашение о сотрудничестве с ЦДУМ, по которому его приоритетным партнером стало Региональное ДУМ Челябинской и Курганской областей⁶⁶⁵.

4 июля 2000 года сотрудники УФСБ по Свердловской области задержали преподавателя медресе при мечети де-

ревни Нижние Ари Ачитского района Махмутжана Сатимова. За месяц до этого генеральный прокурор Узбекистана официально обратился в Генеральную прокуратуру России с ходатайством о задержании и выдаче Сатимова, подозреваемого в совершении преступлений по статье 159 УК Республики Узбекистан «Посягательство на конституционный строй». В постановлении указывалось, что Сатимов с 1990 года активно занимался ваххабитской пропагандой среди населения Ферганской долины, а также принимал участие в массовых беспорядках, организованных религиозными экстремистами⁶⁶⁶.

Арест Сатимова наряду с появившимися слухами о связи лидеров Свердловского казьята ДУМАЧР и самого Аширова с идеологами свердловских сторонников «чистого ислама» чеченцем Ахметом Абуевым и алжирцем Рашидом Бенсхтиером испортили репутацию ДУМАЧР в глазах региональных властей, которые перестали оказывать ему приоритетную поддержку.

В Омской области в 2000 году сотрудники ФСБ задержали сразу двух имамов ДУМАЧР — Хаджи Худжаева⁶⁶⁷ и Мохаммада Шоймуродова⁶⁶⁸.

Имам ишимской общины ДУМАЧР Хаджи Худжаев был объявлен в международный розыск за преступления, направленные на насильственный захват власти в Узбекистане. Примечательно, что его задержание производилось во время проходившего в Омске II курултая ДУМАЧР и фактически привело к срыву этого мероприятия. В свою очередь, имам омской мечети «Хаир-Ихсан» таджик Мохаммад Шоймуродов был арестован в декабре 2000 года за сбыт героина. При этом Управление ФСБ по Омской области отметило, что мечеть «Хаир-Ихсан» является местом притяжения для «экстремистски настроенных «прихожан» из других регионов страны и даже из-за границы» и что Шоймуродов является уже вторым ее имамом, задержанным за оборот наркотиков⁶⁶⁹.

Интересно отметить, что лидеры подконтрольной ДУМАЧР общины «Хаир-Ихсан» принимали активное участие в борьбе против недружественного Совету муфтиев России председателя ДУМ Сибири муфтия Зулькарная Шакирзянова, в том числе используя существующие в регионе трения между казахами и татарами.

В Томске одним из инициаторов раскола местной мусульманской общины выступил имам-хатыб Красной мечети Низамутдин Джумаев, таджик по национальности. Интересно, что его главным оппонентом оказался киргиз Нурулла Колькахунов, также уроженец Средней Азии⁶⁷⁰. Лидер Забайкальского (Читинского) казьята ДУМАЧР узбек Розумбай Сопыев своим поведением вообще дискредитировал в глазах читинских мусульман духовное звание имама. В 2004 году принадлежавший ему конь, содержащийся в городской застройке и скудно питавшийся отбросами с помойки, сильно покусал маленькую девочку. По итогам судебного разбирательства Сопыев был признан виновным и обязывался выплатить пострадавшим 26 тыс. рублей. Впрочем, читинский казый обвинялся также в узурпации власти и в присвоении денег, собранных на строительство мечети в городе Борзя⁶⁷¹.

В Республике Хакасия местные власти весьма настороженно восприняли информацию о том, что на пост главы Саянского казьята ДУМАЧР претендует племянник первого чеченского президента Салман Дудаев⁶⁷². В сообщении Агентства деловой информации по этой теме, в частности, отмечалось, что «традиционно лидерами мусульман в Хакасии становились татары и узбеки»⁶⁷³.

В ноябре 1993 года во Владивостоке была зарегистрирована первая мусульманская община — Приморская краевая религиозная мусульманская община «Ислам», которую возглавил узбек Алимхан Магруппов. Первоначально представители всех мусульманских диаспор города входили в «Ислам», однако со временем стало явно проявляться тяготение лидера «Ислама» к чечено-ингушской, узбекской и таджикской

диаспорам в ущерб интересам татаро-башкир и азербайджанцев⁶⁷⁴.

В 1997 году в общине «Ислам» произошел первый раскол. Один из лидеров татаро-башкирской общины края Ринат Якупов из-за разногласий с Магрупповым вышел из «Ислама» и предложил свои услуги ЦДУМ. Вскоре после этого Талгат Таджуддин назначил Якупова своим полномочным представителем в Приморском крае и поручил ему образовывать Региональное ДУМ Приморья, которое, правда, было создано только на бумаге.

К весне 2001 года Магруппов, к этому времени возглавивший Приморский казьят ДУМАЧР, испортил отношения даже с северокавказской общиной Владивостока. Помимо этого, его деятельность спровоцировала в Приморском крае христианско-мусульманский конфликт, осложненный серьезными трениями между общиной «Ислам» и мэрией Владивостока. Лидеры дагестанской общины «Ватан» стали серьезно задумываться о выходе из ДУМАЧР и переходе в юрисдикцию ЦДУМ⁶⁷⁵.

8 июня 2001 года Магруппов был освобожден от должности председателя общины «Ислама». Новым председателем общины стал татарин Риф Харисов, после чего жизнь приморских мусульман вошла в нормальную колею.

До 1999 года единственная мусульманская община Камчатской области, существовавшая с 1991 года, входила в юрисдикцию ЦДУМ, однако вскоре после образования ДУМАЧР перешла в его подчинение. Председатель петропавловской общины аварец Усман Усманов был назначен главой образованного на территории Камчатской области и Корякского автономного округа Камчатского казьята ДУМАЧР⁶⁷⁶.

Произошедшая смена власти не вызвала большого энтузиазма у татар и башкир, составлявших большинство мусульман области, тем более, что Усманов имел устойчивую репутацию одного из крупнейших бандитских «авторитетов» региона. Масла в огонь подлила и ссора между Усмановым и приехавшим по его приглашению татарским имамом

Маратом Разуваевым, который не получил достаточного денежного содержания и был вынужден устроиться на работу в порт. Подобно Магруппову, Усманов успел спровоцировать в Петропавловске-Камчатском межрелигиозный конфликт и надолго испортить отношения с местными властями⁶⁷⁷.

Не избежали проблем с мигрантами и другие духовные управления — члены Совета муфтиев России. Особенно не повезло Региональному ДУМ Ульяновска и Ульяновской области муфтия Тагира Шангареева. В середине 90-х годов он пригласил трех арабов-преподавателей для работы в своем медресе. К 1999 году деятельность гостей, по мнению Шангареева, приобрела формы, несовместимые с первоначальными договоренностями. Альтернативный муфтий Ульяновской области попытался избавиться от своих гостей, что в итоге привело к распаду его карликового муфтията. Летом 1999 года на базе 3 из 5 общин Регионального ДУМ Ульяновска и Ульяновской области было создано Центральное ДУМ Ульяновской области, которое возглавил сподвижник арабских преподавателей муфтий Фатых Алиуллов.

Вскоре Центральное ДУМ Ульяновской области стало главным оппонентом Регионального ДУМ Ульяновской области юрисдикции ЦДУМ. Летом 2001 года Фатых Алиуллов смог даже сместить председателя РДУМ УО муфтия Айюба Дебердеева и на несколько недель установить контроль над его муфтиятом. Деятельность, направленная на раскол российского ислама, инкриминировалась также арабским преподавателям октябрьского и бугурусланского медресе.

В июле 2001 года в аэропорту «Шереметьево-1» был задержан уроженец Ленинабадской области Таджикистана Аббос Мирахмедов. Помимо подложного заграничного паспорта, у него была обнаружена большая доза героина, спрятанная между страницами Корана⁶⁷⁸. Аббос Мирахмедов работал имам-хатыбом пермской Соборной мечети — единственной на то время мусульманской общины Пермской области, находящейся в юрисдикции ДУМЕР, и занимал должность заместителя полномочного представителя ДУ-

МЕР в области по работе с имамами. В ноябре 2005 года депортированный в Таджикистан Мирахмедов был арестован по обвинению в террористической деятельности и других крупных государственных преступлениях. Этому соратнику муфтия Равиля Гайнутдина инкриминировалось создание террористической ячейки печально известного Исламского движения Узбекистана⁶⁷⁹.

Летом 1998 года начались серьезные трения между общиной пермской Соборной мечети и новым муфтием Пермской области Мухаммедгали Хузиным⁶⁸⁰. Большая часть прихожан этой общины состояла из этнических чеченцев, азербайджанцев и таджиков, что привнесло в конфликт этнический фактор. В полемике со своими оппонентами Хузин обвинил фактического лидера общины Соборной мечети Аббоса Мирахмедова в распространении ваххабизма и участии в наркомафии. В ответ пресс-секретарь общины Радик Гарипов заявил, что «имеют место попытки противопоставить татарское население прихожанам мечети других национальностей. Результаты этой работы мы тоже видим, потому что татары, действительно, не так часто заходят, как азербайджанцы, таджики, узбеки», и определил информацию Хузина относительно ваххабизма и наркотиков в мечети как клевету⁶⁸¹.

В 1999 году мятежная община вышла из ЦДУМ и подала документы на перерегистрацию в ДУМЕР. Зимой 2000 года председатель ДУМЕР муфтий Равиль Гайнутдин посетил Пермь и основал в ней постоянное представительство ДУМЕР во главе с Хамидом Галяутдиновым⁶⁸². Галяутдинов, Гарипов и Мирахмедов развернули в области активную работу по привлечению мусульманских общин на свою сторону и даже попытались открыть в Перми отделение Московского исламского университета. Случай с Мирахмедовым сильно затруднил их работу и только после второго визита Равиля Гайнутдина в Пермь ДУМЕР удалось примириться с областными властями.

Предположительно в 1999 году русский мусульманин Олег (Мустафа) Стародубцев и студент-медик палестинского происхождения Эль Бардвил Висам Али Мохамед Ибрагим начали активно формировать новую мусульманскую общину в Петрозаводске, привлекая в нее преимущественно людей православной культуры (русских, карелов, финнов) и арабских студентов, обучавшихся в вузах города. В 2000 году община была зарегистрирована в составе ДУМЕР, а ее имам-хатыбом стал Висам Бардвил⁶⁸³.

К концу 2000 года Бардвил перевел в юрисдикцию ДУМЕР костомукшскую махалля, а также сформировал в Кондопоге этническую чеченскую общину, зарегистрированную в начале 2001 года. Тем самым имам-хатыб создал необходимую базу для регистрации централизованной мусульманской структуры.

Петрозаводская община сразу привлекла к себе пристальный интерес правоохранительных органов Карелии — заместитель Висама Бардвила Мустафа Стародубцев открыто заявлял о своей принадлежности к ханбалитскому мазхабу суннизма, да и биография самого палестинского имама оказалась весьма интересной⁶⁸⁴.

Эль Бардвил Висам Али Мохамед Ибрагим родился в 1975 году в Ливии, там же окончил среднее медресе. В 1993 году он приехал в Карелию, получив визу для обучения на медицинском факультете Петрозаводского университета. До этого некоторое время путешествовал по России, в частности, проведя два месяца в Астрахани. В 1994 и 1996 годах Бардвил дважды отчислялся за неуспеваемость, выезжал за рубеж, однако впоследствии восстанавливался. Постепенно Бардвил стал неформальным лидером небольшой мусульманской общины, состоявшей преимущественно из студентов-медиков арабской и пуштунской национальностей. В 2000 году он был окончательно отчислен из медицинского университета, однако к этому времени успел жениться на русской немке Виктории-Фатиме Вебер и получить российское гражданство.

Биография Бардвила, типичная для исламистского эмиссара, заинтересовала правоохранительные органы. Их подозрения усилились после того, как летом 2000 года Стародубцев и Бардвил в ультимативной форме поставили перед мэрией Петрозаводска вопрос о предоставлении землеотвода под строительство мечети. Средства на этот проект предполагалось получить у зарубежных спонсоров.

15 августа 2000 года община получила разрешение на строительство мечети в достаточно престижном районе Петрозаводска. После того, как планы строительства мечети были преданы огласке, последовала волна протестов, инициированная в первую очередь представителями обществности близлежащих районов. В полемику, выплеснувшуюся на страницы местных и общероссийских газет, включился даже сын Гейдара Джемаля Орхан, под псевдонимом «Карабааги» опубликовавший статью в поддержку общины Бардвила⁶⁸⁵.

В итоге действия Бардвила и Стародубцева раскололи карельскую умму. Татарская и азербайджанская община Петрозаводска не поддержали их инициатив и весной 2001 года создали альтернативную мусульманскую общину «Ислам», изъявившую желание войти в Региональное ДУМ Северо-Западного региона России юрисдикции ЦДУМ⁶⁸⁶.

Портал «Ислам.ру» о ксенофобских высказываниях нижегородского муфтия

Настоящее недоумение и возмущение вызвало выступление председателя Духовного управления мусульман Нижегородской области Умара Идрисова на состоявшемся в прошлый четверг «круглом столе» «Европа — Россия — Исламский мир». По его словам, основные сложности в регионе, в котором действует возглавляемая им структура, начались после того, как наряду с представителями «культурной татарской общины» в мечетях Нижнего появились приезжие с юга.

«Они, извините, не моются», «ходят в грязных и рваных носках», «вести себя не умеют», «лезут в первый ряд», — в общем, пояснил Идрисов, — «окультуривать» их надо. Слава Аллаху, до откровенной брани, вроде «черно...е» (или близкий к нему татарский аналог «каралар»), «чурки» и проч., дело не дошло, но между строк нечто близкое в словах главы Нижнегородского ДУМ многие услышали отчетливо. Из такого рода высказываний, кстати, также становится понятно, откуда растут ноги у схожих своей логикой утверждений о «нежелательности» и «опасности» принятия ислама русскими...

По окончании мероприятия, на котором присутствовали, помимо российских, многочисленные лидеры европейских исламских организаций, некоторые его участники прямо выразили Ирисову свое негодование.

Но, что больше всего вызывает сожаление, — Идрисов лишь выразил определенное настроение, присутствующее в коридорах и кабинетах некоторых духовных управлений мусульман. Даже в Москве, где мечети процентов на 80 заполняются мусульманами — уроженцами южных регионов России и стран СНГ, как-то пришлось быть свидетелем, выступления одного возмущенного имама, который, прервав пятничную хутбу из-за услышанного сигнала мобильного, стал причитать, что, мол, это не у московских татар телефоны звонят, т.к. они бедные и сотовых у них нет, а у тех, про кого все знают, откуда они понаехали и откуда у них деньги...⁶⁸⁷

Среди этнических предпосылок раскола особую роль играет участие во внутримусульманской борьбе новообращенных мусульман или, на религиозоведческом жаргоне, «конвертов». В настоящее время точная численность новообращенных мусульман неизвестна. Некоторые мусульманские

лидеры, в частности председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, говорят о «десятках тысяч русских, принимающих ислам»⁶⁸⁸, православные эксперты полагают, что их количество не превышает двух-трех тысяч человек, а сами «русские мусульмане», как ни странно, с ними солидаризируются⁶⁸⁹. Действительно, число активных «русских мусульман» не превышает двух-трех сотен, однако благодаря постоянным пиар-кампаниям они кажутся большой и влиятельной группировкой.

Большинство традиционных мусульманских организаций России имеют джентльменское соглашение с Русской Православной Церковью о недопущении взаимного прозелитизма. Такое соглашение подразумевает, что его стороны не ведут целенаправленной миссионерской работы друг в отношении друга, однако принимают людей, самостоятельно решивших сменить веру. При этом некоторые мусульманские организации не признают либо нарушают такие договоренности.

Помимо программ дагвата — «призыва к исламу», существуют и другие предпосылки, обуславливающие увеличение численности «русских мусульман».

Среди причин, побуждающих людей принимать ислам, можно выделить две основных — общественные и религиозные⁶⁹⁰.

В России наиболее велико число новых мусульман, которых к смене веры побудили смешанные браки. Распространенный среди тюрских народов ханафитский мазхаб суннизма позволяет жениться на христианке, не принуждая ее к смене веры, поэтому ислам принимают в основном жены арабов и представителей нахско-дагестанских народов. Любое направление ислама запрещает мусульманке выходить замуж за христианина, поэтому изредка можно услышать и о принятии исламской веры будущим мужем. Человек, живущий в преимущественно мусульманском окружении, вполне может сменить веру, чтобы «быть, как все». Афганская война

и чеченские войсковые операции породили феномен насильственного обращения в ислам в плену (к этой теме обратился режиссер Владимир Хотиненко в своем фильме «Мусульманин»). На «круглом столе» информационно-аналитического агентства «Росбалт» «Ислам и Христианство. Межэтнические отношения: диалог культур» полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В.Кириенко отметил и экономические предпосылки для обращения в ислам. По его словам, отмечались случаи принятия ислама мелкими предпринимателями в надежде избежать поборов со стороны этнических мусульманских преступных группировок, либо же просто влиться в мусульманское деловое сообщество⁶⁹¹.

Численность людей, принявших ислам по идеологическим мотивам, значительно меньше. По классификации православного исламоведа Ю.В. Максимова, в исламе их привлекает, с одной стороны, его рационализм и простота, а с другой — изощренный мистицизм суфизма и шиитских сект группы "гулат". Другими факторами здесь могут стать также неизменность основных положений ислама по сравнению с некоторыми направлениями христианства (католичеством, протестантизмом), минимальные требования в ряде сфер и даже врожденная склонность к смене веры. Среди «идеологических» новообращенных немало людей с высшим образованием, они осознанно исповедуют ислам и могут вести полемику с представителями других религий⁶⁹². На практике нередко можно увидеть и разные сочетания описанных факторов.

Необходимость для новообращенных мусульман зарекомендовать себя с положительной стороны способствуют их религиозному рвению (часто, правда выражающему в так называемом «синдроме неофита»), что наряду с достаточно высоким уровнем образования или технических навыков позволяет им занимать ведущие роли в мусульманских общинах.

В настоящее время среди мусульманских лидеров России достаточно много этнических христиан. В первую очередь это один из идеологов Совета муфтиев России, политический советник его председателя Вячеслав-Али Полосин, до 1999 года бывший заштатным протоиереем Калужской епархии Русской Православной Церкви⁶⁹³. Среди политических и региональных духовных лидеров российского ислама можно отметить активиста мусульманской общины Санкт-Петербурга «Ад Дауа» Ислама Яблокова⁶⁹⁴, одного из лидеров «Исламского конгресса» Хусейна Макарова, владимирского криминального «авторитета» Сергея Басова (Пашенко), ваххабитских эмиссаров Олега-Абузара Марушкина и Олега-Мустафу Стародубцева, а также руководство Национальной организации русских мусульман. Среди части российской уммы весьма популярна «русская дворянка» Валерия-Иман Порохова, автор «перевода смыслов Корана» и бывшая телеведущая⁶⁹⁵.

В мусульманской среде также активно циркулируют вполне правдоподобные слухи о русском (или даже еврейском) происхождении еще одного мусульманского лидера — главы Евразийской партии России и вакиля (управляющего делами) ДУМАЧР Абдул-Вахеда Ниязова, который до 1991 года был по паспорту Вадимом Валериановичем Медведевым⁶⁹⁶.

Высокая активность русских мусульман обуславливает их деятельное участие во внутренней жизни мусульманской общины, и как следствие — участие в расколах, которые приобретают с их помощью новое измерение. Чувствуя свою ущербность по сравнению с этническими мусульманами, новообращенные мусульмане инстинктивно обращаются к отрицающей этнические границы концепции «исламской нации», чем немало раздражают своих единоверцев. Другим конфликтогенным фактором является то, что «русские мусульмане» в подавляющем большинстве тяготеют к нетрадиционному исламу.

Советник председателя Совета муфтиев России Вячеслав-Али Полосин принял ислам летом 1999 года и сразу

включился в работу Совета муфтиев, быстро сделавшись его самым плодовитым публицистом. Осенью 1999 года он принял участие в избирательной кампании общественно-политического движения «Рефах», став главным редактором рефаховской «Мусульманской газеты», а впоследствии и сопредседателем «Рефаха»⁶⁹⁷.

Свою деятельность Полосин осуществлял в двух основных направлениях. Летом 2001 года он на базе своих полемических статей издал брошюру «Манифест новой России: третий путь — прямой», в которой резко критиковал православное христианство и доказывал необходимость принятия ислама русским народом. Параллельно с этим Полосин включился в борьбу против главного оппонента Совета муфтиев верховного муфтия ЦДУМ Талгата Таджуддина, обвиняя его в отступлении от ислама⁶⁹⁸. Впрочем, антитаджуддиновские заявления бывшего православного священника не имели особого успеха, так как исходили от человека, имеющего об исламе достаточно смутное представление и часто допускающего противоречащие исламской догматике высказывания.

Промежуточным итогом деятельности Полосина на новом поприще стало резкое ухудшение отношений между Советом муфтиев России и Русской Православной Церковью. В конце 2001 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл направил муфтию Равилю Гайнутдину письмо с просьбой прокомментировать кощунственные антихристианские выпады официального представителя Совета муфтиев и настоятельно рекомендовал воздержаться от активной рекламы новообращенных мусульман, поскольку она противоречит базовым принципам межрелигиозного диалога⁶⁹⁹. В ответном письме муфтий Мукаддас Бибарсов заявил, что Полосин пишет свои книги как частное лицо, поэтому все претензии к Совету муфтиев со стороны Московского Патриархата абсолютно необоснованны⁷⁰⁰.

Весной 2001 года Али-Вячеслав Полосин вышел из общественно-политического движения «Рефах», переживавшего в то время период кризиса. Через некоторое время он начал открыто интриговать против лидеров Евразийской партии России (ставшей преемницей «Рефаха») Абдул-Вахеда Ниязова и муфтия Нафигуллы Аширова, провоцируя конфликт уже внутри Совета муфтиев России. Впоследствии курируемый Полосиным сайт Союза мусульманских журналистов www.islam-info.ru неоднократно критиковал политику Совета муфтиев России, выступая, например, против одобренного этой организацией празднования 4 ноября как Дня народного единства или оскорбительно критикуя его сопредседателей⁷⁰¹.

После ряда провокаций, направленных на развал Совета муфтиев России, в мусульманской среде стало крепнуть подозрение, что Полосин является тайным агентом Русской Православной Церкви с оперативным псевдонимом «Аль-Гапон» (по другой версии — «Али-Гапон»). Сторонники такой версии указывали на то, что Али-Вячеслав не был отлучен от Церкви, лишен сана или даже запрещен в служении, никто не видел его совершающим намаз, зато нелицеприятные высказывания в адрес мусульманских деятелей озвучивались бывшим протоиереем весьма часто. Для полноты картины упоминалось также, что Полосин бросил жену-инвалида и женился на ее малолетней племяннице⁷⁰².

На самом деле Русская Православная Церковь, конечно, не внедряла Полосина в исламскую среду, так как в оппозицию к ней он перешел задолго до смены веры. Тот факт, что его не лишили сана и не запретили в служении, подробно и аргументированно объяснялся правящим архиереем отца Вячеслава митрополитом Калужским и Боровским Климентом⁷⁰³. Измышления же о конфликте Полосина с бывшей женой иначе, чем клеветой, считать нельзя — на самом деле она не возражала против его брака с племянницей и добровольно освободила для них квартиру.

Валерия-Иман Порохова, автор весьма сомнительного с точки зрения большинства исламоведов и мусульманских лидеров «перевода смыслов Корана»⁷⁰⁴, в своей деятельности не ограничилась только научными изысканиями. В 2000 году она вошла в общественно-политическое движение «Рефах» и стала активным популяризатором его идей. Весной 2001 года муфтий Равиль Гайнутдин заявил на пресс-конференции, посвященной празднику Курбан-Байрам, что Вячеслав-Али Полосин и Валерия-Иман Порохова «много делают для популяризации ислама среди русских и других христианских народов»⁷⁰⁵.

В 1995 году в Республике Чувашия было создано альтернативное Чебоксарское ДУМ Чувашии юрисдикции ВЦКДУМР. Его возглавил муфтий Марат Архипов, чуваш по национальности. 11 ноября того же года председатель Регионального ДУМ Республики Чувашия в составе ЦДУМ муфтий Альбир Крганов собрал съезд махалля республики и сравнительно безболезненно ликвидировал начинающийся раскол. Такая легкая победа над региональной структурой весьма сильно тогда ВКЦДУМР во многом объяснялась позицией президента Чувашии Николая Федорова, крайне болезненно относившегося к распространению ислама среди чувашей⁷⁰⁶.

В июне 2004 года несколько группировок «русских мусульман» приняли решение создать Национальную организацию русских мусульман (НОРМ), призванную объединять только этнических русских. Лидерами НОРМа почему-то стали два украинца — Абу-Талиб Степченко и Абдуль-Керим Черниенко, исповедовавшие соответственно суннизм и шиизм*. Первоочередной задачей НОРМа декларировалось обращение в ислам хотя бы 5% русских, что теоретически позволило бы сформировать мусульманскую властную элиту. Духовным наставником НОРМа стал лидер Исламского комитета Гейдар Джемаль, который даже среди радикалов

* В реальности русских в НОРМе оказалось меньше половины.

выделялся своей патологической ненавистью к христианам, иудеям и действующей власти. Свою помощь НОРМу предложил и Культурный центр при иранском посольстве, особенно заинтересованный в «шиитизации» будущей властной элиты⁷⁰⁷.

Созданию НОРМа предшествовала публичная дискуссия московского джамаата «русских мусульман» «Бану Зулкарнайн» («Нация Александра Македонского») с Вячеславом Али-Полосиным, который обвинялся в целом ряде прегрешений. Так, он «осудил перед кафирами редактора сайта русских мусульман Koran.ru Шамиля Матвеева», «вонзил нож в спину еще не окрепшему Русскому Мусульманскому Движению», а работа его сайта Союза мусульманских журналистов «вообще должна вызывать у кафиrow только одобрение». Опубликованный на сайте «Коран.ру» перечень обвинений заканчивался выражением Полосину «вотума недоверия как публичному деятелю, представляющему позицию русских мусульман в глазах широкой общественности». В свою очередь, лидер Союза мусульманских журналистов упрекал своих оппонентов в излишнем радикализме и пропаганде идей национального превосходства⁷⁰⁸.

После создания НОРМ место главного врага «русских мусульман» занял муфтий Татарстана Гусман Исаков, публично усомнившийся в полезности «конвертов» для российской уммы. Председатель НОРМа Абу-Талиб Степченко потребовал «пресечь экстремизм и национализм со стороны муфтия Татарстана» и попросил рассматривать свое требование как обращение в прокуратуру⁷⁰⁹. Впоследствии, правда, НОРМ предпринимал вялые попытки подружиться с некоторыми муфтиями, однако так и не дождался открытой поддержки со стороны кого-либо из них.

К началу 2005 года в среде «русских мусульман» сформировались несколько группировок. Одну из них составили лояльные официальному мусульманскому духовенству «конверты», как правило, выраженные сторонники либе-

ральных политических ценностей. Самыми известными из них стали Вячеслав-Али Полосин, Валерия Порохова и Марат Архипов, задействованные в работе структур Совета муфтиев России. Противники «конформистов» презрительно именовали последователей Полосина «татарскими шестерками» и указывали на присутствие в их рядах группы «русских мусульман-сионистов», к которой относились опальный пресс-секретарь Совета муфтиев России Джаннат-Сергей Маркус, его супруга Анна-Айна Леон и сотрудник пиар-подразделения околоправославной секты лурьитов («неосуздальских педофилов») Валерий-Исмаил Емельянов. Последний, правда, к 2006 году перешел из ислама в некий неденоминированный монотеизм-«ханифизм», поэтому претензии к нему были сняты⁷¹⁰.

Более многочисленную группировку «русских мусульман» составили бывшие члены фашистских и неоязыческих организаций, которые пришли в ислам после долгих духовных исканий и видели в нем преимущественно эффективный инструмент для борьбы с «жидо-масонским заговором», антинародным режимом Ельцина — Путина и ведущим геноцид русского народа иудеохристианством в лице Русской Православной Церкви. Такого рода «конвертов» отличала также идея о превосходстве русских над другими национальностями (за исключением, может быть, чеченцев и некоторых арабов) и, как следствие, теория о том, что российский ислам должны возглавлять именно русские, а не «продажные татарские муфтии». «На Русских как на передовом бастионе Арийской расы в полной мере лежит миссия Зулькарнайна (МЕ), соорудившего железные ворота для сдерживания inferнальных орд гогов и магогов» — гласит Декларация о создании движения русских мусульман, обнародованная в 2004 году джамаатом «Бану Зулькарнайн»⁷¹¹.

Большая часть постфашистских «конвертов» первоначально объединилась в рамках НОРМ, однако их крайняя разнородность быстро привела к многочисленным раско-

лам. Так, вышедший в НОРМе на первые роли Абдуль-Керим Черниенко стал активно насаждать среди ее членов шиизм, утверждая, что эта форма ислама более подходит для утонченных русских мозгов: По словам Черниенко, доля шиитов среди новообращенных мусульман достигла 90% в Москве и 40% в целом по России, что вызвало резкую критику суннитского крыла нормовских «конвертов».

Резкая полемика между шиитами и суннитами внесла первый раскол в ряды НОРМ, однако этим дело не ограничилось. В то время как нормовские шииты сгруппировались вокруг Черниенко и его сподвижника из Йошкар-Олы Абдуллы Веснина и стали создавать свой собственный джамаат (его официальный сайт стал ресурс www.shianet.ru, нормовские сунниты сплотились вокруг нового лидера этой организации — Вадима Сидорова по кличке «мухтасиб Харун ар-Руси». Бывший неоязычник (и лидер «Бану Зулькарнайна») Сидоров, также как Черниенко со Степченко, имел к русским достаточно отдаленное отношение, что не помешало ему трансформировать НОРМ в непримиримо националистическую структуру. Впоследствии приверженцы Сидорова, которых осталось не более ста человек, разделились на сторонников и противников Гейдара Джемала, который неожиданно начал блокироваться с относительно умеренным Российским исламским наследием и даже обвинил НОРМ в ереси⁷¹².

В начале февраля 2006 года в руководстве НОРМ произошли серьезные перестановки. Оттесненный резко активизировавшимся Сидоровым на второй план Абу-Талиб Степченко восстановил свои позиции и объединил усилия с Полосиным, который стал его первым заместителем и первым русским среди лидеров НОРМа⁷¹³. После заключения этого союза НОРМ сблизилась с Российским исламским наследием и Советом муфтиев России — так, активист этой организации Искандер Казаков стал секретарем созданной при Совете комиссии по исламо-христианскому диалогу⁷¹⁴.

К этому времени НОРМ, правда, заметно деградировала, превратившись в конгломерат карликовых обществ различной ориентации — от салафитского Культурно-просветительского центра «Ахль Сунна Валь Джама»а Сидорова-Ар-Руси до Шиитского координационного аналитического центра Абдуль-Керима Черниенко и Антона-Абдуллы Веснина.

Помимо нормовцев и «конформистов» в среде активных «русских мусульман» можно выделить группировки последователей неосуфизма и «русских ваххабитов»*. Довольно малочисленные адепты первой группировки, самыми известными из которых стали основатель петрозаводской общины «русских мусульман» Мустафа-Олег Стародубцев, впоследствии перешедший в тарикат тиджанийя, и лидер ордена Ниматуллахи Леонид Тираспольский, уже не проявляют особой активности, в то время как последователи второй группировки почти еженедельно попадают в оперативные сводки МВД и ФСБ.

Среди «русских ваххабитов» можно выделить «идеологов» и «исполнителей». «Идеологи», как правило, неплохо образованы, что позволяет им входить в среднее звено руководящего состава ваххабитских организаций. Именно «русскому ваххабиту» Олегу-Абузару Марушкину и его жене Елене-Лейле обязан своим появлением ваххабитский анклав в Ромодановском районе Мордовии. В настоящее время изгнанный из Мордовии Марушкин возглавляет региональную районную ячейку астраханской общины знаменитого Айюба Астраханского (Омарова). Конфликты между «русскими ваххабитами» и этническими мусульманами-традиционалистами отмечались также в Санкт-Петербурге, Москве и Самаре.

Журналист «Независимой газеты» Василий Суриков, отмечал, что «еще до начала контртеррористической операции учащиеся медресе Йолдыз из Набережных Челнов и

* Русские последователи сект Вера Бахаи, ахмадийя и СУБУД вряд ли вообще могут считаться мусульманами.

Альметьевского исламского института, прослышав о том, что в Чечне бесплатно глубоко и истинно преподают ислам в специальных институтах, небольшими группами устремились туда. Установлено, что своеобразным подстрекателем выступил житель РТ, удмурт по национальности, некий Алексей Ильин»⁷¹⁵.

Самым ярким представителем «идеологов», безусловно, может считаться главный редактор сайта «Коран.ру» Шамиль Матвеев, который всегда открыто заявлял о поддержке чеченских боевиков и даже написал компьютерную игру, в которой пользователю предлагалось расстреливать русских солдат от лица террористов Шамиля Басаева. Именно его сайт стал первым ресурсом «русских мусульман» и благодаря умелой «накрутке» до сих пор занимает второе место по посещаемости среди русскоязычных исламских порталов. Радикализм Матвеева вызывал неудовольствие даже у Вадима Сидорова, который на форуме сайта «Правовере.org» (www.pravoverie.org) с сожалением отмечал, что «не знал бы я лично Шамиля, сказал бы, что он провокатор, как многие и считают. Но лично я списываю это на такую своеобразную диссидентскую демшизу, которую он, к сожалению, никак не изживет»⁷¹⁶.

Другую группу «русских ваххабитов» составляет своеобразный технический персонал, звено исполнителей. В обязанности таких людей, принявших ислам в плену, либо вследствие влияния мусульманского окружения, входит непосредственное проведение террористических актов и разные вспомогательные работы, подобные охране заложников. Славянская внешность исполнителей притупляет бдительность сотрудников правоохранительных органов, а их технические навыки очень полезны для подрывного дела.

27 сентября 1999 года был предотвращен теракт на владикавказском рынке «Фаллой». Его готовили выпускники диверсионно-разведывательной школы Абу Саида — одного из сподвижников Хаттаба — Николай Епринцев и Виктор Мирошкин⁷¹⁷. 1 декабря 1999 года группа татарстанских вах-

хабитов из города Кукмор взорвала несколько веток магистрального газопровода на границе Республики Татарстан и Кировской области. Среди непосредственных исполнителей теракта был и один русский — 21-летний Олег Бабушкин. В июне 2000 года в Грозном было совершено два теракта террористами-смертниками. В их роли выступили принявшие ислам Александр Алексеев и Сергей Дмитриев. В феврале 2001 года закончился суд еще над одной группировкой, подчинённой Хаттабу, занимавшейся похищениями людей, членом этой группы состоял 27 летний Максим Гапонов. 19 декабря 2003 года в Ульяновске были арестованы десять членов экстремистской организации «Джамаат», подозреваемых в подготовке террористических атак, разбоях и грабежах. Общая численность этой группировки достигала 80 человек, преимущественно русских и чувашей. Как верно отмечает автор статьи «Тайный отряд «золотого миллиарда» Петр Иванченко, этот список можно продолжать еще долго⁷¹⁸.

Интересно отметить, что оба вышедших из среды «русских» мусульман имама — Дмитрий Петриченко и Абдул-Керим Степченко в настоящее время находятся под арестом. Так, задержанный в конце июня 2004 года Петриченко обвинялся в распространении экстремистской литературы и подготовке террористических атак, за что 4 октября 2005 года был приговорен к заключению в исправительной колонии общего режима сроком на шесть лет⁷¹⁹. Вместе с ним за решетку отправились и другие лидеры тюменской ячейки террористической партии «Хизбут-Тахир». Пятигорский коллега Петриченко имам Абдулла Степаненко был арестован 25 января 2006 года и в настоящее время обвиняется в похищении людей, вымогательстве, распространении экстремистской литературы и подделке документов. «По данным правоохранительных органов, господин Степаненко обвиняется в том, что насильно удерживал в домовладении одного из своих родственников — подростка, которого сам же привлек в общину. Насильственные действия в его отношении имам объяснил тем, что мальчик украл из молебельного

дома 30 тыс. руб., принадлежавших мусульманскому обществу. Перед этим к подростку были применены меры воспитательного воздействия: двое взрослых прихожан по просьбе имама вывезли мальчика в лесной массив, где избili его и заставили признаться в краже. Через сутки родителям подростка было объявлено, что они получают ребенка только в том случае, если расплатятся по долгу. Семья была не очень состоятельная, тем не менее мать юного мусульманина пообещала отдать общине деньги в рассрочку. Однако быстро собрать нужную сумму родителям мальчика так и не удалось, и после очередных угроз со стороны имама и его подручных они обратились с заявлением в УБОП.

Результаты обыска по месту жительства Антона Степаненко превзошли все ожидания. Оперативники обнаружили литературу ваххабитского толка, аудио- и видеокассеты экстремистского содержания, руководство по минно-взрывному делу и ксерокопии загранпаспортов с фотографией господина Степаненко, выписанных на другие фамилии.

Одновременно с господином Степаненко УБОП задержал одного из прихожан, участвовавших в избииении подростка (как пояснили в ГУВД, это молодой человек без определенных занятий). Еще один подозреваемый по делу о «насильственном удержании» находится сейчас в розыске... В поле зрения правоохранительных органов господин Степаненко попал, кстати, еще до захвата подростка. Как сообщили в УБОП, наблюдать за общиной сыщики стали после того, как два ее члена были арестованы в Кабардино-Балкарии как участники нападения на Нальчик в октябре 2005 года», — писала об этом деле газета «Коммерсант»⁷²⁰.

В целом же известно по меньшей мере 200 «русских мусульман», арестованных за участие в экстремистских и террористических организациях, что позволяет считать их сообщество самой криминогенной этноконфессиональной группой в стране. Кстати, и в западных странах новообращенные мусульмане печально известны своим крайним радикализмом, непримиримостью к христианству и симпатиям к «Аль-Каиде».

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что новообращенные мусульмане стали по-настоящему серьезной проблемой для всего исламского сообщества России. Подавляющее большинство «конвертов» пополнило ряды экстремистов и даже террористов, что бросило тень на весь российский ислам, у противников которого появились дополнительные аргументы. Действительно, пока еще никто не дал внятного объяснения феномену, при котором принятие ислама — уважаемой мировой религии — русским или русскоязычным человеком с высокой долей вероятности трансформирует его в непримиримого радикала, антисемита и христианофоба.

К настоящему времени острота конфликтов между соперничающими в границах одной территории этнических групп заметно ослабла, зато напряжение между мигрантами и коренными мусульманами, напротив, заметно выросло. Из мечетей Поволжской уммы вытесняется татарский язык, который заменяет понятный всем этническим группам русский. Зона влияния Кавказской уммы смещается не только с юга на север, но и с востока на запад — в большинстве мусульманских общин Сибири и Дальнего Востока татары и башкиры остались в меньшинстве. Аналогичная ситуация складывается в крупных городах и территориях «нового освоения» — регионах Северо-Западного федерального округа и Черноземья.

К сожалению, татары являются одним из самых быстро вымирающих народов России. Их численность уменьшается как за счет низкой рождаемости, так и вследствие ассимиляции, приобретший в последние годы невиданные ранее масштабы. Российский ислам стремительно теряет свое «татарское» лицо, и переломить эту тенденцию вряд ли удастся. Весьма показательны, что уже сейчас в центральном аппарате Совета муфтиев России доминируют русские, карачаевцы и чеченцы, а московской Соборной мечети татар среди прихожан осталось не больше четверти.

Глава III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Специфика исламского вероучения, не отделяющего религию от других сфер жизни, обусловила повышенное и часто негативное влияние на него политического фактора. Политизация ислама нередко приводила к серьезным внутримусульманским конфликтам и даже к междоусобным противостояниям. Российская умма не стала исключением из правил, тем более что на ее единстве не лучшим образом сказались последствия развала СССР и новые политические процессы в России.

1. «Административно-территориальные» расколы

В процессе развала Советского Союза ряд субъектов Российской Федерации изменили своего статус. Чечено-Ингушская АССР разделилась на Чеченскую и Ингушскую Республики, Карачаево-Черкесская и Адыгская автономные области выделены соответственно из Ставропольского и Краснодарского края, Татарская АССР объявила себя «суверенной Республикой Татарстан». Такие изменения в административно-территориальном делении стали серьезным вызовом для целого ряда межрегиональных ДУМов⁷²¹.

Разделение Чечено-Ингушской АССР на Ингушскую и Чеченскую Республики поставило точку в недолгой истории её муфтията. ДУМ Чечено-Ингушетии распалось на ДУМ Чеченской Республики и Духовный центр мусульман Республики Ингушетия, причем муфтий Шахид Газабаев не унаследовал власти ни в одном из них. ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополья (ДУМ КЧРиС) и ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края, оказавшиеся в

аналогичной ситуации, не претерпели столь быстрого раскола только потому, что в 1991 году подавляющее большинство их общин было сосредоточено в национальных республиках. Однако со временем межрегиональный статус стал серьезной проблемой для единства и этих муфтиятов.

Наиболее остро центробежные тенденции стали проявляться в ДУМ КЧРиС, имевшее выраженный национальный (карачаевский) характер. Реальное влияние муфтията в Ставропольском крае ограничивалось районами компактного проживания карачаевцев в зоне Кавказских Минеральных Вод, в то время как даргинские общины края ориентировались на ДУМ Дагестана, кабардинские — на ДУМ Кабардино-Балкарии, а ногайские — на Чечню и Региональное ДУМ Ростовской области и юга России в составе ЦДУМ. Отсутствие единства среди мусульман Ставропольского края делало их весьма уязвимыми перед экспансией ваххабизма, сторонники которого активно действовали в Степновском, Нефтекумском и Минераловодском районах и к 1998 году стали представлять реальную угрозу для безопасности всего региона⁷²².

К началу 1999 года количество мусульманских общин в Ставропольском крае достигло 30 фактически действующих приходов при 11 зарегистрированных, а численность его исламского сообщества стала сопоставима с численностью карачаево-черкесской уммы. Все это создало реальные предпосылки для формирования в крае самостоятельного муфтията, тем более что такой сценарий отвечал планам правительства Ставропольского края, всерьез обеспокоенного отсутствием полноценного контроля над своими мусульманами.

Вследствие сложной этнической ситуации в крае и трений между даргинцами, ногайцами и карачаевцам инициатором создания Ставропольского муфтията выступил Совет по экономической и общественной безопасности Ставропольского края. По его указанию 20 марта 1999 года в селе Канглы Минераловодского района была проведена встреча шести имамов из сел Кара-Тюбе, Канглы, Серноводское и

Иргаклы, договорившихся провести учредительный съезд ДУМ Ставропольского края. По итогам этой встречи была образована инициативная группа по подготовке съезда, призвавшая все общины края включиться в процесс создания нового муфтията⁷²³.

Через два года, 27 августа 2001 года, в селе Новкус-Артезиан Нефтекумского района прошло учредительное собрание имамов Нефтекумского и Степновского районов края, на котором был сформирован Совет имамов Ставрополя и вновь поставлен вопрос о Ставропольском муфтияте. По совету властей имамы направили верховному муфтию Талгату Таджуддину обращение с просьбой создать Региональное ДУМ Ставропольского края в составе ЦДУМ, однако не получили положительного ответа.

К 2004 году Совет имамов Ставропольского края уже приобрел некоторый опыт самостоятельной работы и процесс сепарации ставропольской уммы вновь активизировался. 7 июля 2004 года в Ставрополе открылся учредительный съезд ДУМ Ставропольского края, однако благодаря вмешательству муфтия Исмаила Бердиева и обострившимся национальным противоречиям он не достиг поставленных целей. Интересно отметить, что после съезда Бердиев направил письма на имя генерального прокурора РФ и губернатора Ставропольского края, в которых подчеркивал, что «подготовка к «съезду» проводилась не мусульманами, а местными, районными и краевыми органами государственной власти... которые закрыли заседание, увидев, что нужная им кандидатура не получает необходимого числа голосов».

Похожая ситуация сложилась и в Краснодарском крае. При выделении адыгейской части края в самостоятельный субъект Федерации, реальная зона влияния ДУМ Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РАиКК) сузилась до границ Республики Адыгея и межрегиональный статус этого муфтията был поставлен под сомнение. Мусульманское сообщество Краснодарского края, так же, как и ставропольское, оказалось этнически неоднородным, что не позволило

лишенному эффективной поддержки краевых властей Адыгейскому муфтияту установить контроль над всеми его общинами. Большинство татарских общин края предпочли ориентироваться сначала на Региональное ДУМ Ростовской области и юга России в составе ЦДУМ и ДУМ «Ассоциация мечетей», а затем и на ДУМЕР⁷²⁴.

Лидеры ДУМ РАиКК с пониманием отнеслись к сложившейся ситуации и не стали оспаривать присутствие в Краснодарском крае других мусульманских централизованных структур, однако отсутствие единого мусульманского центра в регионе продолжает создавать серьезные предпосылки для возникновения самостоятельного ДУМ Краснодарского края. Впрочем, краевые власти относятся к Адыгейскому муфтияту лояльно и не поощряют центробежные процессы.

«Административно-территориальные» расколы проявились и в пределах Поволжской уммы. Немалую роль в их возникновении сыграло решение пленума ДУМЕС об образовании 25 мухтасибатов — структур, представляющих средний уровень властной вертикали⁷²⁵. Растущее в геометрической прогрессии количество общин действительно требовало кардинальной реформы управления, однако мухтасибатная реформа ДУМЕС привела в итоге не только к ужесточению иерархизации, но и к выделению из общей массы имамов относительно небольшой группы региональных лидеров — имам-мухтасибов и фактически заложила границы будущего раскола, совпавшие с границами мухтасибатов.

В 1992 и 1994 годах именно имам-мухтасибы стали лидерами новых муфтиятов. Для этого им было нужно только сменить духовное звание имам-мухтасиба на более высокое — муфтия. Все административные рычаги воздействия на свои общины они уже имели, а хорошие отношения с региональными властями гарантировали моральную поддержку и финансовую помощь.

Из духовных управлений Поволжской уммы от раздела регионов более всего пострадало ДУМ Тюменской области, в конце концов лишившееся контроля над общинами Ханты-

Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Следует отметить, что дополнительные расколы вызовет и укрупнение регионов, начавшееся в 2005 году.

2. Роль региональных властей в расколах

Особую роль в расколе российского ислама сыграла позиция региональных лидеров. В период безграничного «поглощения» суверенитета каждый из них был заинтересован в комплексном укреплении своих позиций, в том числе и с религиозной стороны. Наиболее активно использовали религиозный фактор лидеры республик с преобладающей или высокой долей мусульман. Обладая большей, по сравнению с главами православных регионов, властью, они нередко вмешивались в дела мусульманских общин, пытаясь поставить их на службу своим интересам.

В одних регионах исламские лидеры смогли отстоять свою независимость, добившись паритетных отношений со светской властью, в других они добровольно-принудительно признали ее диктат, в третьих же давление властных структур привело к затяжным конфликтам, как государственно-религиозным, так и внутррелигиозным.

Наиболее драматично противостояние властей и духовных структур протекало в Чечне. В 1991 году исламское духовенство весьма прохладно отнеслось к политике первого президента республики Джохара Дудаева, который, несмотря на свой недавний атеизм и полное невежество в вопросах ислама, стал активно «возрождать» эту религию в своей республике. Возможно, духовные лидеры поняли, что Дудаев просто желает подмять под себя исламское сообщество республики и воспользоваться им для прикрытия политических интриг. В противовес позиции духовенства в сентябре 1991 года сторонники президента создали Высший исламский совет Чеченской Республики, позже переименованный в Исламский центр Чеченской Республики Ичкерия. Эта

структура, ставшая первой централизованной мусульманской организацией Чечни, была призвана сплотить все исламское духовенство вокруг Джохара Дудаева, однако породила лишь серьезный раскол мусульманского сообщества республики⁷²⁶.

14 октября того же года Совет имамов Чеченской Республики избрал нового муфтия — Магомед-Башира Арсанукаева и создал под его руководством независимое ДУМ Чеченской Республики (ДУМ ЧР), оппозиционное как Дудаеву, так и его Исламскому центру. С этого момента раскол чеченских мусульман приобрел видимый характер. 4 июля 1992 года съезд Исламского центра Чеченской Республики и Совета старейшин объявил о расформировании ДУМ ЧР. Руководители ДУМ ЧР отвергли решения съезда как незаконные и провели в Грозном Объединительный съезд исламского духовенства Чеченской Республики. Съезд поддержал муфтия Магомед-Башира Арсанукаева и объявил о роспуске Исламского центра Чеченской Республики, а также всех «исламских» политических партий и групп.

В течение последующего полугодия ДУМ ЧР явно удерживало инициативу в противостоянии с Исламским центром. 9 декабря 1992 года оно, наконец, добилось официальной регистрации, однако в январе 1993 года сторонники Дудаева создали Духовный центр мусульман Чеченской Республики, ставший преемником изрядно скомпрометировавшего себя Исламского центра.

Новые методы подавления духовной оппозиции довольно быстро принесли свои плоды. 28 января глава ДУМ ЧР муфтий Магомед-Башир Арсанукаев под сильным давлением лидеров Духовного центра мусульман и светских властей ушел в отставку, однако Совет улемов ДУМ ЧР ее не принял. 25 февраля 1993 года Внеочередной съезд мусульманского духовенства Чечни вновь избрал Арсанукаева муфтием Чеченской Республики, что стало последней попыткой ДУМ ЧР сохранить свою независимость.

14 апреля 1993 года Национальный комитет по правовой реформе Чеченской Республики зарегистрировал Духовный центр мусульман Чеченской Республики в качестве единственного руководящего органа мусульман Чечни и аннулировал регистрационное свидетельство ДУМ ЧР. Через два месяца муфтий Чечни Магомед-Башир Арсанукаев в знак протеста против государственного переворота в Чеченской Республике Ичкерия повторно подал в отставку с поста главы ДУМ ЧР. Новым муфтием Чечни стал Мухаммад-Хусейн Алсабеков, бывший до этого чиновником правительства Джохара Дудаева⁷²⁷.

Новый муфтий Чечни сохранял лояльность президенту Дудаеву только до обострения вооруженного противостояния с оппозицией, достигшего своего пика в сентябре 1994 года. Не желая принимать участие в этом конфликте и занимать чью-либо сторону, Алсабеков заявил о своей отставке, которая, правда, не состоялась⁷²⁸. После начала первой чеченской войны политика главы ДУМ ЧР вступила в явное противоречие с интересами дудаевских боевиков. Миротворческая деятельность Алсабекова и его отказ объявить России джихад сделали муфтия заклятым врагом боевиков. Чтобы избежать судьбы бывшего муфтия ДУМ Чечено-Ингушетии Шахида Газабаева, жестоко избитого, а затем похищенного боевиками, в феврале 1995 года Алсабеков бежал в Казахстан*. Новым муфтием Чечни вновь стал Магомед-Башир Арсанукаев. Ненадолго.

В марте 1995 года в селении Ведено глава небольшого бандформирования Ахмад Кадыров на сходе ведущих полевых командиров был избран (а фактически назначен) новым муфтием Чечни. Вскоре он объявил России джихад от имени Исламской республики Ичкерия, образованной на том же сходе. По информации корреспондента «Новой газеты» Анны Политковской, за это Кадыров был премирован несколькими нефтевозами и нефтескважинами на территории

* С 1990 по 1991 год он был ректором Исламского института в Алма-Ате.

Ножай-Юртовского и Грозненского сельского районов⁷²⁹. Как бы то ни было, новый муфтий Чечни надолго стал верным союзником Джохара Дудаева, а затем и его преемника Аслана Масхадова.

Такая «симфония» светской и духовной власти продолжалась достаточно долго — почти четыре года. Первые признаки нового кризиса в отношениях между муфтием и президентом Чечни Асланом Масхадовым проявились в 1998 году, когда резко активизировавшиеся в республике салафиты-ваххабиты начали наступление на традиционный ислам, избрав своей главной целью Кадырова. Пережив к маю 1999 года шесть покушений, Кадыров стал серьезно сомневаться в способности Масхадова справиться со сторонниками «чистого» ислама, на стороне которых находились уже почти все ведущие полевые командиры⁷³⁰. Кроме того, в феврале 1999 года Масхадов, желая упрочить свою власть, ввел в республике шариатское правление и лишил Кадырова значительной части административных полномочий⁷³¹.

После начала контртеррористической операции в Чечне Кадыров, которого больше ничто не связывало с Масхадовым и полевыми командирами, стал лидером промосковских чеченцев. Летом 2000 года он возглавил временную администрацию Чечни и одним из первых указов запретил деятельность в республике ваххабитов, законодательно закрепив разделение чеченских мусульман на «хороших» и «плохих»⁷³². Сейчас именем Кадырова называют улицы, площади и школы, причем не только в Чечне.

В других субъектах Российской Федерации взаимоотношения светских и духовных властей протекали далеко не столь остро, как в Чечне, однако и в смягченном варианте попытки манипулирования исламским сообществом не так редко приводили к тяжелым последствиям.

Наибольший урон от политики региональных лидеров претерпело ДУМЕС, распространявшее свою юрисдикцию на территории от Камчатки до Молдавии. Развал Советского Союза и последовавший за ним «парад суверенитетов» внут-

ри самой России имели для единства ДУМЕС фатальные последствия. Общины ДУМЕС, находившиеся в европейских странах СНГ — Украине, Молдавии, Белоруссии и странах Балтии, уже не могли юридически обозначить свое членство в этой структуре, что принудило их создавать собственные централизованные организации. Процесс становления новых муфтиятов сопровождался неизбежными расколами, особенно серьезно поразившими украинскую умму.

На территории России главную угрозу для целостности ДУМЕС стали представлять Республики Татарстан и Башкортостан, получившие особо привилегированный статус и всячески укреплявшие свою новообетенную государственность любыми, в том числе и весьма сомнительными, способами.

Изменения в статусе бывшей Татарской АССР привели к тому, что власти «суверенного государства» Республики Татарстан просто не могли позволить, чтобы их ведущие религиозные структуры России. ~~Всерьез обсуждался вопрос о преобразовании Казанской епархии Русской Православной Церкви в Татарстанскую автокефальную церковь, либо создании такой «церкви» на основе альтернативной Московскому Патриархату юрисдикции.~~ На этом фоне мусульманское сообщество республики, на которое возлагались особые надежды, не имело никаких шансов избежать принципиальных реформ своего административно-территориального деления.

Президент Татарстана Минтемир Шаймиев в 1991 году попытался уговорить верховного муфтия Талгата Таджуддина перенести штаб-квартиру ДУМЕС в «центр российского ислама» — Казань, и, получив отказ, стал готовить почву для создания собственного муфтията. Роль «застрельщиков» сепарационного процесса была отведена татарстанским националистическим партиям, в первой половине 90-х годов вполне подконтрольных республиканским властям.

В августе 1992 года активисты партий Всетатарский общественный центр, «Иттифак» и «Азатлык» сыграли решающую роль в созыве учредительного съезда независимого ДУМ РТ. По мнению Талгата Таджуддина, озвученному «Российской газетой», этот съезд финансировался лидерами Всетатарского общественного центра братьями Кашаповыми⁷³³. После создания ДУМ РТ власти Татарстана без проволочек признали его легитимность и стали открыто отдавать предпочтение муфтию Габдулле Галиуллину, хотя лояльные ДУМЕС имам-мухтасибы все еще контролировали большинство общин республики.

В конце 1995 года Габдулла Галиуллин перешел в оппозицию Шаймиеву, и татарстанский президент, дороживший своим авторитетом в мусульманском мире, впервые открыто вмешался во внутримусульманские дела⁷³⁴. По его инициативе в феврале 1998 года был созван III съезд ДУМ РТ, названный впоследствии Объединительным. Новым председателем ДУМ РТ стал полностью лояльный Шаймиеву Гусман Исхаков. Многие аналитики и мусульманские лидеры склонны считать, что итоги съезда были заранее predeterminedены работой, проведенной среди его делегатов местными администрациями по указанию республиканских властей⁷³⁵.

Чтобы закрепить достигнутый успех и застраховать мусульманское сообщество от новых расколов, в июле 1999 года был принят Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях», в соответствии со статьей 10 (пункт 5) которого «мусульманские религиозные организации в Республике Татарстан представляются и управляются одной централизованной религиозной организацией — Духовным управлением мусульман Республики Татарстан»⁷³⁶. Эта статья (отмененная по решению Конституционного суда России летом 2001 года) фактически поставила вне закона все альтернативные ДУМ РТ мусульманские централизованные структуры. Попытки воссоздать в республике Региональное ДУМ Татарстана в составе ЦДУМ особым успехом не увенчались, и последняя община этого муфтията — ка-

занская мечеть «Булгар» была силой переведена в юрисдикцию ДУМ РТ в октябре 2001 года.

В свою очередь, власти Республики Башкортостан имели другую мотивацию для раскола ДУМЕС⁷³⁷. Более всего в этой организации их не устраивал крайне низкий процент башкир в руководящем звене. Данный факт особенно болезненно воспринимался на фоне бурного роста башкирских националистических движений, ставшего неизбежной издержкой первого этапа «суверенизации». Организации такого рода, будучи зависимыми от республиканских властей, в свою очередь, оказывали заметное влияние на формирование новой башкортостанской идеологии. Основным источником идей для нее стал недолгий период политической активности башкир в 1917—1918 году, в частности, ознаменовавшийся созданием национального ДУМ.

Возникшее в августе 1992 года независимое ДУМ РБ, несмотря на провозглашенный башкиро-татарский характер, стало точной копией башкирского ДУМ советских времен, осенью 1994 года почти дословно воспроизведя его требования об отчуждении всего недвижимого имущества ЦДУМ Внутренней России и Сибири в свою пользу⁷³⁸.

Со временем борьба ДУМЕС-ЦДУМ и ДУМ РБ приобрела затяжной характер, и власти Башкортостана предпочли от нее дистанцироваться. Политика невмешательства во внутримусульманский конфликт проводилась властями республики вплоть до весны 2000 года, когда Президент РФ В.В. Путин якобы намекнул президенту Республике Башкортостан Муртазе Рахимову о необходимости оказать поддержку ЦДУМ и по возможности устранить раскол исламского сообщества республики. 5 июня 2000 года госсекретарь республики И.А. Адигамов вызвал председателя ДУМ РБ муфтия Нурмухаммада Нигматуллина и его первого заместителя Айюба Бибарсова для приватной беседы и предложил им на «принудительно-добровольной основе» войти в состав ЦДУМ, в противном случае обещая провести работу на местах и инициировать воссоединение муфтиятов «снизу». Эту

встречу предварил ряд статей в правительственных СМИ, направленных на дискредитацию ДУМ РБ.

Нурмухаммед Нигматуллин, весьма серьезно воспринявший угрозы Адигамова, поспешил обратиться за помощью к председателю Совета муфтиев России муфтию Равню Гайнутдину. 9 июня Совет муфтиев России обнародовал заявление, в котором, в частности, утверждалось, что «попытка грубого вмешательства со стороны должностных лиц государственного аппарата Республики Башкортостан во внутренние дела верующих представляет собой явное нарушение Конституции и законов РФ и РБ и норм международного права». Оперативная реакция лидеров Совета муфтиев на попытку ликвидации ДУМ РБ и кампания в дружественных им СМИ вынудили башкортостанские власти объявить произошедший инцидент личной инициативой Адигамова и освободить его от занимаемой должности⁷³⁹.

Эта история наглядно продемонстрировала, что манипуляции с мусульманским сообществом не всегда заканчиваются победой местных властей. Впрочем, скорее всего скандал с объединением ЦДУМ и ДУМ РБ действительно был вызван личной инициативой Адигамова, не имевшего никакой санкции сверху.

К последнему случаю открытого вмешательства светских властей во внутримусульманские дела можно отнести проекты ставропольского Совета по экономической и общественной безопасности. Неоднородный этнический состав ставропольской уммы и связанные с ним межнациональные трения на фоне пассивности ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя (ДУМ КЧРиС), не способного препятствовать радикализации мусульман края, вынудили правительство Ставропольского края начать работу по созданию собственного ДУМ с центром в Ставрополе. Эта работа была поручена Совету по экономической и общественной безопасности, сотрудники которого собрали 20 марта 1999 года встречу шести имамов из сел Кара-Тюбе, Канглы, Серноводское и Иргаклы, выступивших с инициативой про-

ведения в крае съезда всех руководителей мусульманских общин с целью создания самостоятельного ДУМ Ставропольского края. По итогам встречи была образована инициативная группа по подготовке съезда, которая разослала во все общины края письмо с предложением включиться в процесс образования нового муфтията. Мнение лидеров ДУМ КЧРиС было, естественно, проигнорировано⁷⁴⁰.

Единственным положительным примером вмешательства региональных властей во внутримусульманское противостояние стали усилия правительства Республики Дагестан, направленные на преодоление полиэтнического раскола мусульманского сообщества. В 1994 году правительство республики (ключевые посты в котором занимали даргинцы) определило своим приоритетным партнером аварское ДУМ Дагестана, зарегистрировав его как единое дагестанское ДУМ. Деятельность же других централизованных мусульманских структур была приостановлена. В 1997 году эта практика получила обоснование в местном законе «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях» (глава IV, статья 6)⁷⁴¹.

Далеко не все мусульманские лидеры республики одобрили действия властей и признали особый статус аварского ДУМ, однако к 1997 году раскол дагестанской уммы был хотя бы внешне устранен, что стало неоспоримым плюсом для всего дагестанского общества.

Нужно заметить, что в полемике между ЦДУМ и Советом муфтиев России соратники муфтия Талгата Гаджуддина (муфтии Мухаммадгали Хузин, Альбир Крганов, Барый Хайруллин и Назымбек Ильязов) часто обвинялись в использовании административного ресурса для защиты своих интересов и недопущении альтернативных мусульманских структур на свою территорию. Между тем наиболее выраженные формы такая практика приобрела как раз в лагере гайнутдиновцев — так, сам Равиль Гайнутдин при помощи властей жестко пресекал любые попытки строительства в Москве неподконтрольных себе мечетей (истории с Мусуль-

манским благотворительно-культурным центром России на ул. Островитянова, соборной мечетью ЦДУМ в районе Лужников, мечетью ДУМ «Ассоциация мечетей России» в Юго-Восточном административном округе и шиитской мечетью в Отрадном). Татарстанский муфтий Гусман Исхаков вообще был официально признан единственным легитимным муфтием республики, а «имам Поволжья» Мукаддас Бибарсов боролся за общину г. Энгельса, вознамерившуюся перейти в ДУМ «Ассоциация мечетей», путем мобилизации половины чиновников Саратовской области.

3. Политические предпочтения мусульманских лидеров как причина внутримусульманских конфликтов

Нередко серьезными неприятностями для мусульманского сообщества оборачивалось не только желание региональных властей установить полный контроль над мусульманской общиной, но и просчеты самих духовных лидеров ислама в политической сфере. Участие муфтиев либо их доверенных лиц в политической борьбе, особенно во время выборов, часто приводило к затяжным конфликтам со властью имущими и провоцировало их на вмешательство во внутримусульманские дела.

16 октября 1995 года шакирды (студенты медресе), подстрекаемые руководством ДУМ РТ, захватили здание бывшего медресе «Мухаммадийя» в Казани⁷⁴². Данный захват прошел без ведома и в отсутствие президента Татарстана Минтимера Шаймиева, поэтому был расценен им как неприкрытый вызов. По мере развития конфликта обе его стороны заняли крайне жесткую позицию, что в итоге привело к личной ссоре между Шаймиевым и председателем ДУМ РТ муфтием Габдуллой Галиуллиным.

Правоохранительные органы возбудили против инициаторов захвата здания бывшего медресе Габдуллы Галиулли-

на и ректора казанского медресе имени 1000-летия ислама Исхака Лутфуллина уголовные дела, инкриминировав им также захват мечети «Аль-Марджани» в 1994 году⁷⁴³. Параллельно в республиканской прессе была развернута кампания по дискредитации Галиуллина и Лутфуллина, обвинявших их в краже одноразовых шприцов, избииении пожилых прихожан и связях с криминальными структурами⁷⁴⁴. Габдулла Галиуллин, в свою очередь, стал активно заниматься политикой и в июне 1996 года выступил инициатором создания движения «Мусульмане Татарстана» естественно, оппозиционного Шаймиеву. По мнению автора статьи «Омет» в справочнике по общественно-политическим движениям и партиям Татарстана, «до начала 1998 г. движение «Мусульмане Татарстана» потенциально обладало значительными электоральными возможностями» и, следовательно, представляло реальную угрозу для режима Шаймиева⁷⁴⁵.

Наличие в республике двух муфтиятов, лидеры которых были равно недружественны власти Татарстана, и потенциальная опасность политических инициатив Габдуллы Галиуллина подвигли президента Татарстана Шаймиева на прямое вмешательство во внутримусульманские дела. В конце 1997 года власти Татарстана начали подготовку к III съезду ДУМ РТ, на который возлагались особые надежды. Президент Татарстана организовал встречу Габдуллы Галиуллина и председателя ЦДУМ Талгата Таджуддина и заручился их поддержкой, пообещав обеспечить честные выборы единого татарстанского муфтия⁷⁴⁶. Однако за 10 дней до открытия съезда муфтий Габдулла Галиуллин и лидеры партии «Иттифак» обвинили светские власти Татарстана в давлении на будущих участников съезда и пригрозили отменить его созыв⁷⁴⁷.

14 февраля 1998 года, как и планировалось заранее, в Казани открылся III съезд ДУМ РТ, впоследствии названный Объединительным. Съезд прошел без каких-либо эксцессов и по заранее прописанному сценарию. Президент Татарстан Минтемир Шаймиев в своей программной речи достаточно прозрачно намекнул, кого он хотел бы видеть на посту муф-

тия единого ДУМ РТ. Вкупе с проделанной региональными администрациями работой и усилиями правоохранительных органов речь Шаймиева предопределила итоги голосования и новым председателем ДУМ РТ был избран заместитель Габдуллы Галиуллина Гусман Исхаков, сын духовной наставницы жены президента Шаймиева Рашиды-абыстай.

Интересно, что на пост татарстанского муфтия по предложению председателя центра «Иман» Валиуллы Якупова⁷⁴⁸ выдвигалась и всерьез рассматривалась кандидатура самого Шаймиева, однако президент Татарстан предпочел отказаться от сомнительного статуса «халифа»⁷⁴⁹.

Муфтии Габдулла Галиуллин и Фарид Салман Хайдаров, председатель Регионального ДУМ Татарстана в составе ЦДУМ, по итогам съезда лишившиеся своих постов, заявили о подтасовке его результатов и непризнании Исхакова главой ДУМ РТ⁷⁵⁰. 22 февраля в Нижнекамске прошел альтернативный съезд мусульманского духовенства, столь же представительный, как и III съезд ДУМ РТ. Принятую резолюцию — «признать решение объединительного съезда, организованного аппаратом президента, недействительным» — они направили муфтию Габдулле Галиуллину, считая его и впредь своим муфтием. Руководитель пресс-центра ДУМ РТ Зухра Гайсина пообещала, что подобные съезды пройдут и в других городах — в первую очередь в Набережных Челнах⁷⁵¹.

Предсказанная лидерами «Иттифака» кампания неповиновения началась, однако желаемых результатов не достигла: зарождающийся бунт был быстро подавлен совместными усилиями лидеров единого ДУМ РТ и правительства Татарстана. На состоявшемся 18 марта 1998 года первом пленуме ДУМ РТ Фарид Салман и Габдулла Галиуллин добровольно сложили с себя полномочия и согласились работать в новом муфтияте. Галиуллин был избран председателем Совета улемов, а Хайдаров возглавил цензорскую комиссию, контролирующую издание религиозной литературы⁷⁵².

В 1999 году и Хайдаров, и Галиуллин вновь перешли в оппозицию к ДУМ РТ и правительству Татарстана. Габдулла

Галиуллин преобразовал движение «Мусульмане Татарстана» в партию «Омет», вступившую в союз с левыми силами, а Фарид Салман Хайдаров реанимировал Региональное ДУМ Татарстана в составе ЦДУМ⁷⁵³.

Движение «Омет», лидер которого лишился поддержки большей части мусульманского духовенства и блокировался с достаточно маргинальными организациями, уже не представляло прежней угрозы для татарстанских властей, а для нейтрализации Регионального ДУМ Татарстана и аналогичных организаций в июле 1999 года был принят Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях», в 5-м пункте 9-й статьи которого было прописано, что «мусульманские религиозные организации в Республике Татарстан представляются и управляются одной централизованной религиозной организацией — Духовным управлением мусульман Республики Татарстан»⁷⁵⁴.

Раскол мусульманского сообщества Пензенской области произошел еще в 1992 году, когда часть пензенских общин под руководством имама Аббаса Бибарсова вошла в созданное его сыном Межрегиональное ДУМ Среднего Поволжья (МДУМ СП). Большая же часть мусульманских приходов осталась в юрисдикции ЦДУМ, и в 1994 году на их базе было создано Региональное ДУМ Пензенской области, которое возглавил имам одной из мечетей села Средняя Елюзань Адельша Юнкин. Вялотекущая борьба между двумя духовными управлениями продолжалась до декабря 1997 года, когда при невыясненных обстоятельствах был собран расширенный пленум ДУМ Пензенской области с участием представителей общин юрисдикции МДУМ СП. Участники пленума освободили от занимаемых должностей муфтия Адельшу Юнкина и его ближайшего соратника Абубакра Бикмаева, имам-хатыба Пензенской соборной мечети, провозгласив единым муфтием Пензенской области Аббаса Бибарсова. В марте 1998 года на базе лояльных новому муфтию общин было создано Единое ДУМ Пензенской области (ЕДУМ ПО), вошедшее в состав Совета муфтиев России⁷⁵⁵. В

свою очередь, муфтий Адельша Юнкин зарегистрировал на базе оставшихся общин альтернативное Независимое ДУМ Пензенской области.

Ситуация, сложившаяся в пензенской умме, была по своему типична и противостояние двух управлений могло продолжаться неопределенно долго без существенных изменений, если бы не один фатальный просчет Независимого ДУМ Пензенской области. Близкий соратник Юнкина Хафиз Акчурин во время губернаторских выборов 1998 года втянул муфтия в политическую борьбу и заставил его выступить в поддержку действующего губернатора Анатолия Ковлягина. Вопреки всем ожиданиям, Ковлягин выборы проиграл, а новый губернатор Василий Бочкарев припомнил муфтию его заявления, став открыто поддерживать ЕДУМ Аббаса Бибарсова, занявшего более дальновидную позицию во время предвыборной гонки. Вскоре ЕДУМ ПО было признано единственным легитимным управлением мусульман в области со всеми вытекающими последствиями. Подконтрольное Бочкареву Управление юстиции Пензенской области попыталось лишить муфтия Юнкина регистрации через суд, но после ряда неудач сменило тактику, просто отказывая подчиненным ему общинам в перерегистрации. В итоге к осени 2001 года Независимое ДУМ Пензенской области, некогда объединявшее две трети мусульманских приходов области, сохранило контроль только над 5 общинами из 46 зарегистрированных в регионе⁷⁵⁶.

Аналогичные просчеты допустил в 1997 году муфтий ДУМ Сибири и Дальнего Востока Зулькарнай Шакирзянов, вмешавшийся в борьбу между главой областной администрации Леонидом Полежаевым и мэром Омска Валерием Рощупкиным на стороне последнего, после чего губернатор отказался иметь с ним какие-либо дела и стал искать альтернативную фигуру. Неудивительно, что 1998 году лидеры ДУМАЧР встретили в Омской области теплый прием и смогли без труда заручиться содействием ее администрации в создании альтернативной Омскому муфтияту структуры.

Даже скандальный курултай августа 2000 года, серьезно подорвавший авторитет ДУМАЧР, не привел к нормализации отношений Шакирзянова и Полежаева.

В Свердловской области глава местного муфтията Сибгатулла Сайдуллин также включился в борьбу между губернатором области и мэром Екатеринбурга, однако его мотивация была совсем иной, чем у коллег из Пензы и Омска. В 1997 году губернатор Свердловской области Эдуард Россель принял делегацию новообразованного ДУМАЧР и одобрил предложенные инициативы по активизации мусульманской жизни в регионе, видимо забыв, что в области уже существует вполне дружественная ему мусульманская централизованная структура. Реализованная Нафигуллой Ашировым и Абдул-Вахедом Ниязовым программа «активизации мусульманской жизни» на деле привела к возникновению альтернативной Екатеринбургскому муфтияту структуры — Свердловского казыята ДУМАЧР, который был зарегистрирован летом 1999 года при деятельном участии советника Росселя по религиозным вопросам Виктора Смирнова⁷⁵⁷.

Обеспокоенный развитием ситуации верховный муфтий Талгат Таджуддин направил Эдуарду Росселю письмо с просьбой воздержаться от поддержки ДУМАЧР, аналогичные рекомендации поступили также из Управления ФСБ по Свердловской области, однако губернатор проигнорировал эти предупреждения, в итоге настроив против себя ранее лояльного муфтия Сибгатулла Сайдуллина. На очередных выборах губернатора Сайдуллин поддержал кандидатуру мэра Екатеринбурга Аркадия Чернецкого, в то время как сторонники ДУМАЧР и лично Аширов вели энергичную агитацию за действующего губернатора. После победы Росселя положение екатеринбургского муфтия еще более ухудшилось. К середине 2000 года раскол затронул уже треть общин Регионального ДУМ Свердловской области и лишь скандал с арестом активиста Екатеринбургского казыята Махмуджона Сатимова несколько приостановил экспансию ДУМАЧР⁷⁵⁸.

В отличие от региональных муфтиев ЦДУМ, искусенные в политических интригах лидеры Совета муфтиев России предпочитали действовать более осторожно, не предпринимая рискованных авантур в ходе предвыборных кампаний и поддерживая только заведомых победителей. Единственным исключением из этого правила стали выборы губернатора Тюменской области, в ходе которых Нафигулла Аширов поддержал не явного фаворита — действующего губернатора Тюменской области Леонида Рокецкого, а его главного оппонента — Сергея Собянина, который в итоге и стал новым губернатором. Конечно, можно объяснить выбор Аширова особой политической прозорливостью, однако в действительности отношения «верховного муфтия Азиатской части России» с Рокецким были настолько натянутыми, что дополнительно испортить их было уже невозможно. С другой стороны, в случае победы Собянина ДУМАЧР имело неплохие шансы получить преимущество перед своими конкурентами и вновь установить контроль над мусульманским сообществом Тюменской области.

В итоге план Аширова реализовался лишь частично. Благодаря победе Собянина ДУМАЧР действительно смогло восстановить свои позиции в регионе, однако преимущества перед своим главным конкурентом — Региональным ДУМ Ханты-Мансийского АО в составе ЦДУМ — все же не получило. Председатель Сургутского муфтията муфтий Тагир Саматов также принял участие в предвыборной борьбе на стороне Собянина (которого поддерживали власти Ханты-Мансийского округа) и тем самым сохранил status quo.

Помимо агитации на выборах — губернаторских и президентских (на последних, впрочем, все муфтии поддерживали Ельцина и Путина) мусульманские лидеры также часто делали неоднозначные заявления по внешнеполитическим вопросам. Так, реплики верховного муфтия Нафигуллы Аширова про «гуманный режим талибов» и намеки относительно возможности участия российских мусульман в афганской войне на стороне «Талибана»⁷⁵⁹ вызвали критику не

только представителей ЦДУМ и КЦМСК, но и вынудили председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина давать официальное опровержение⁷⁶⁰. Оправдание же Ашировым разрушения талибами статуй Будды привело к разрыву отношения между Буддийской традиционной сангхой России и духовно окормляемым верховным муфтием Азиатской части России движением «Рефах».

В апреле 2003 года высказывания верховного муфтия Талгата Таджуддина в адрес стран антииракской коалиции едва не привели к запрету ЦДУМ и нанесли фатальный урон его авторитету. По их горячим следам Совет муфтиев России принял беспрецедентно резкое заявление, в котором по пунктам значилось: «признать деятельность Талгата Таджуддина, присвоившего себе пророческую миссию, отступничеством от основ Ислама; объявить о невозможности Талгатом Таджуддином занимать должность духовного руководителя мусульманских организаций в РФ; признать заявление Талгата Таджуддина об объявлении военного джихада против США не имеющим ни богословской, ни правовой, ни моральной силы и не подлежащим к исполнению российскими мусульманами; объявить, что отныне никто из мусульман не вправе совершать с Талгатом Таджуддином совместно намаз и следовать каким-либо указаниям и советам с его стороны. Сделанное Таджуддином предсказание, что в ближайшие два-три дня один из американских авианосцев потонет, а Америки не станет, так как она распадется на пятьдесят штатов, является в этой связи лжепророчеством»⁷⁶¹.

В июне 2004 года муфтий Равиль Гайнутдин встретился в своей резиденции с послом Израиля Аркади Мил-Маном, чем навлек на себя гнев мюридов дагестанского шейха Саида Чиркейского, Национальной организации русских мусульман и философа Гейдара Джемалю, которые требовали прекратить все отношения «с так называемым «Израилем». Впоследствии к ним присоединился и муфтий Карелии Висам Бардвил, который в силу своей палестинской национальности любви к Израилю также не испытывал. Председа-

тель Совета муфтиев, категорически отказавшийся менять свою линию поведения, услышал в свой адрес немало «лестных» эпитетов, многие из которых годом раньше употреблялись в отношении Талгата Таджуддина⁷⁶².

4. Исламские партии как инструмент раскола

Конец перестройки вызвал в исламском сообществе СССР всплеск не только религиозной, но и политической активности. Желание представителей «мусульманского подполья» прийти к власти выразилось не только в попытках сменить руководство в существующих муфтиятах, но и в создании альтернативных им структур. Распространенным типом таких структур стали исламские партии. На первой, идеалистической, волне было образовано немало партий, чьи основатели искренне считали, что некая политическая идея, украшенная религиозным содержанием, способна сплотить всех мусульман и сделать ее главных носителей политических лидерами федерального масштаба⁷⁶³.

В последние 10 лет технология возникновения исламских партий претерпела изменения — печальный опыт участия в выборах показал, что партии такого рода не могут стать механизмом прихода к власти, однако способны удовлетворить некоторые экономические и тактико-политические цели своих функционеров. Начиная с 1995 года большинство новых исламских партий, движений и объединений было создано с целью политических спекуляций, финансовых манипуляций и даже прикрытия криминальной деятельности. В такое же состояние пришли и многие «старые» партии, окончательно дискредитировав саму идею политического ислама.

Исламские партии стали эффективными инструментами раскола, втянув часть мусульманского духовенства в политическую борьбу и добавив еще один разделительный критерий. Политические предпосылки раскола не стали важ-

нейшими лишь потому, что ни одна из исламских партий не смогла объединить сколько-нибудь заметную часть мусульман.

В феврале 1989 года в Казани прошел Первый всетатарский съезд, который учредил «Народное движение в поддержку перестройки — Татарский общественный центр», впоследствии известное как Всесоюзный татарский общественный центр (с 16 февраля 1991 года) и Всетатарский общественный центр (с начала 1992 года). 9 июня 1990 года на съезде мусульманских обществ СССР в Астрахани было принято решение об образовании Исламской партии возрождения, ставшей первой чисто религиозной партией на территории бывшего СССР. И Всетатарский общественный центр, и Исламская партия возрождения просуществовали недолго, уже к 1994 году сошли с политической сцены, однако именно они стали питательной средой для появления наиболее влиятельных мусульманских партий страны.

27 апреля 1990 года в Казани прошел учредительный съезд Татарской партии национальной независимости «Иттифак» («Согласие»), созданной на основе радикального крыла Всетатарского общественного центра, а через полгода к ней присоединилась молодежная группировка «Азатлык». К концу 1991 года в республике действовало уже более десяти партий схожей направленности, которые в феврале 1992 года даже сформировали альтернативное правительство — Милли Меджлис, занявшее радикально антироссийские позиции. Националистическое движение в Татарстане развивалось без препятствий со стороны республиканских властей, видевших в нем важный козырь для переговоров с Москвой.

Стратегическими целями татарских партий первоначально объявлялись возрождение татарской нации, восстановление государственной независимости татарского народа через отделение от России и реализация неотъемлемых прав татарского народа как субъекта международного права. Со временем к чисто националистическим требованиям добавились и претензии религиозного характера, что зало-

жило основы конфликта националистов с умеренным мусульманским духовенством, не желающим ввязываться в политическую борьбу.

Главной мишенью для критики татарских националистов стал председатель ДУМЕС муфтий Талгат Таджуддин. Еще в 1991 году активисты Татарского общественного центра и «Иттифака» потребовали перенести резиденцию председателя ДУМЕС из Уфы в «центр российского ислама» — Казань⁷⁶⁴. Надо заметить, что эти требования вполне отвечали интересам татарстанского президента, желавшего преобразовать Казань в «поволжскую Мекку» и упрочить свой авторитет в исламском сообществе. Талгат Таджуддин, однако, отверг поставленный ультиматум, после чего националисты начали работу по созданию собственной мусульманской структуры. В этом им помогли недовольные Таджуддином имамы, самым обиженным из которых оказался имам казанской Сенной мечети Габдулла Галиулин.

В Республике Башкортостан основную борьбу против ДУМЕС развернули башкирские националисты, видевшие в нем враждебный «татарский муфтият». «У меня есть документы, подтверждающие, что Башкирский национальный центр и Башкирская народная партия принимают самое непосредственное участие в событиях вокруг Духовного управления», — указывал Талгат Таджуддин в интервью «Независимой газете»⁷⁶⁵.

«Витражный скандал» в Набережных Челнах подал сигнал к началу антитаджуддиновской кампании в национальных СМИ Татарстана и Башкортостана. В иной ситуации возникший конфликт мог быть урегулирован полюбовно, однако башкирские националисты оказали на Нигматуллину сильное давление, провоцируя его на антитаджуддиновские выступления. Уфимский мухтасиб выступил по местному телевидению и заявил о переходе в оппозицию к Таджуддину, а также начале создания своего собственного, башкирского, ДУМ. Затем Башкирский национальный центр «Урал» и Татарский общественный центр Башкортостана

выступили с совместным заявлением по ситуации в ДУМЕС, в котором обвинили Таджуддина в сумасшествии, авторитарном руководстве, финансовых злоупотреблениях и призвали к созыву учредительного съезда башкортостанского ДУМ. Одновременно в соседнем Татарстане активизировались их коллеги, начавшие подготовку к созданию своего собственного ДУМ⁷⁶⁶.

Лидеры националистических партий приняли активное участие в учредительных съездах ДУМ Республики Башкортостан и ДУМ Республики Татарстан. Председатель партии «Иттифак» Фаузия Байрамова на съезде в Набережных Челнах заявила, что Таджуддин «ворует деньги чемоданами», и призвала избрать муфтием Татарстана своего сподвижника, имам-хатыба казанской мечети «Нурулла» Габдуллу Галиуллина. По итогам съезда именно он и стал председателем независимого ДУМ Республики Татарстан, что обусловило быструю политизацию мусульманского духовенства республики. На VI съезде ДУМЕС некоторые выступавшие прямо указывали на партию «Иттифак» и Милли Меджлис как возбудителей религиозно-национального сепаратизма⁷⁶⁷.

В октябре 1992 года Галиуллин возглавил ВКЦДУМР и в 1994 году, после его регистрации, получил титул «верховный муфтий России». Возглавив оппозицию ДУМЕС-ЦДУМ, переживавшую в тот момент пик всего расцвета, Галиуллин явно перерос уровень регионального муфтия, став мусульманским лидером всероссийского масштаба. Такие изменения в статусе Галиуллина позволили ему проводить самостоятельную политику, которая не всегда учитывала интересы республиканских властей. Близость муфтия к крайним татарским националистам, враждебным не только Москве, но и Шаймиеву, дополнительно усугубила его противоречия с татарстанским президентом.

Прямое столкновение интересов Галиуллина и Шаймиева случилось в конце 1995 года, когда люди татарстанского муфтия захватили задание бывшего казанского медресе «Мухаммадия». В ходе начавшегося конфликта Галиуллин

открыто бросил вызов Шаймиеву, создав в июне 1996 года общественно-политическое движение «Мусульмане Татарстана», предъявившее претензии на приход к власти⁷⁶⁸. В феврале 1998 года противостояние муфтия и президента закончилось победой Шаймиева, приложившего все усилия для замены Галиуллина на более лояльного муфтия. Партия «Иттифак», предпринявшая энергичные меры для защиты Галиуллина, к тому времени уже не имела достаточного влияния, чтобы расколоть объединенное ДУМ РТ.

На время Галиуллин смирился со своей судьбой, согласившись работать в структуре ДУМ РТ, однако вскоре вновь перешел в открытую оппозицию Шаймиеву и новому муфтию Гусману Исхакову. Он преобразовал «Мусульман Татарстана» в движение «Омет», вступившее в союз с левыми силами, и начал издавать наиболее последовательную антишаймиевскую газету «Надежда-Омет»⁷⁶⁹. В декабре 1999 года движение «Омет» неудачно пыталось войти в «Единство» и в итоге присоединилось к «Сталинскому блоку — за СССР», где его глава занял вторую позицию в татарстанском региональном списке («Сталинский блок» набрал 0,61% голосов). В 2001 году Галиуллин восстановил свои отношения с ЦДУМ, примкнув к протаджуддиновскому ОПОД «Евразия». Бывший муфтий до сих пор пользуется поддержкой части мусульманского духовенства республики и имеет немало союзников среди левых и националистических партий Татарстана⁷⁷⁰.

Основанная в 1990 году Исламская партия возрождения (ИПВ) с момента своего создания включилась в процесс реформации советской системы духовных управлений и немало в этом преуспела. Основных «успехов» эта партия достигла в Таджикистане, где ее активисты со временем составили костяк вооруженной оппозиции и надолго ввергли республику в гражданскую войну, однако и в России активисты ИПВ сыграли важную роль в расколе мусульманского сообщества⁷⁷¹. Мусульманские лидеры бывшего СССР изначально негативно отнеслись к появлению «зеленой» партии. Узнав о создании ИПВ, председатель ДУМ Средней Азии и Ка-

захстана муфтий Мухаммад-Содик Мухаммад-Юсуф написал статью, в которой обвинил ее основателей в образовании «фирка», т.е. группы людей, обособившихся от других мусульман⁷⁷². Его поддержали и лидеры других духовных управлений⁷⁷³.

Активисты ИПВ отвечали официальному мусульманскому духовенству взаимностью. Согласно признаниям бывшего пресс-секретаря ИПВ Валиахмета Садура «вообще отношение Исламской партии возрождения (ИПВ) к муфтиям и прочим руководителям мусульман, назначенным правительством, было всегда негативным. ... Впрочем, позиция руководителей ИПВ легко объяснима: многие из них свой первый политический опыт приобретали в ходе свержения таких одиозных муфтиев, как Геккиев на Северном Кавказе и младший Бабаханов в Средней Азии»⁷⁷⁴. Помимо этих переворотов функционеры ИПВ приняли участие и в расколе ДУМЕС⁷⁷⁵. После распада ИПВ ее активисты Гейдар Жемаль, Мухаммед Салахеддин, Шамиль Султанов, Валиахмет Садур и Мукаддас Бибарсов продолжили политическую карьеру, поучаствовав в создании большинства межрегиональных исламских партий.

С 1990 года ИПВ активно действовала в Дагестане, призывая к созданию на его территории исламского государства, а с февраля 1992 года включилась в конфликт между различными духовными управлениями Дагестана. Деструктивная деятельность ИПВ в регионе вынудила представителей официального мусульманского духовенства создать в сентябре 1990 года альтернативную ей Исламскую демократическую партию. Председатель ДУМ Дагестана с февраля 1992 года муфтий Ахмед Дарбишгиджиев характеризовал ИПВ как «ваххабитскую партию» и отмечал, что неуважительное отношение со стороны ИПВ к официальному исламскому духовенству и мюридизму вызывает в республике большое раздражение.

В противостоянии ДУМЕС-ЦДУМ с альтернативными структурами сторонники интеграции ислама в политику

объединились с противниками Талгата Таджуддина. И без того жестокая борьба за раздел сфер влияния в российском исламе еще больше осложнилась из-за участия в ней политических сил. Главным проводником идей политического ислама в среде оппозиции ЦДУМ стал председатель ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов. Именно при его деятельном участии была создана самая одиозная среди всероссийских исламских партий — Союз мусульман России.

Вообще инициатором создания Союза мусульман России выступил близкий соратник В.В. Жириновского Ахмет Халитов⁷⁷⁶. Вплоть до смены руководства Союза мусульман, произошедшей на первом съезде движения в сентябре 1995 года, эта организация ориентировалась на ЛДПР⁷⁷⁷. Политическая программа Союза, не претерпевшая со временем существенных изменений, была направлена на защиту прав российских мусульман во всех возможных сферах — от объявления мусульманских праздников нерабочими днями во всероссийском масштабе до привлечения дополнительных инвестиций в «мусульманские» регионы. Другие ее пункты выглядели весьма туманно, что позволило этому движению с легкостью менять политическую ориентацию⁷⁷⁸.

На первом съезде Союза мусульман, прошедшем в сентябре 1995 года, Ахмета Халитова отстранили от руководства, а его преемником стал председатель ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов. При этом ключевые позиции в движении заняли сподвижники генерального директора ИКЦ России Абдул-Вахеда Ниязова, которые быстро переориентировали СМР на движение «Наш дом — России» и сделали его полностью проправительственной партией⁷⁷⁹.

19 февраля 1996 года вследствие несогласия с проельцинской политикой «теневого» руководства Союза мусульман и фактической узурпацией власти ниязовскими ставленниками Мукаддас Бибарсов подал в отставку, и вскоре новым лидером движения стал дагестанский бизнесмен Надиршах Хачилаев. Абдул-Вахед Ниязов, в свою очередь, возглавил исполнительный комитет Союза мусульман России⁷⁸⁰.

И Надиршах Хачилаев, и Абдул-Вахед Ниязов заняли неприемлемую позицию в отношении верховного муфтия Талгата Таджуддина, призывавшего не вовлекать российских мусульман в политическую борьбу. Дело дошло до того, что люди Хачилаева едва не избили Таджуддина, попытавшегося выступить на торжественном открытии московской Мемориальной мечети.

Впоследствии Хачилаев принял активное участие во внутриадагестанской политической борьбе, используя для этого свой новый статус — в декабре 1995 года он стал депутатом Государственной Думы⁷⁸¹. Деятельность Хачилаева в Дагестане спровоцировала несколько вооруженных столкновений, что послужило основанием для лишения его депутатской неприкосновенности и последующего ареста. В мае 1998 года Минюст России начал работу по ликвидации Союза мусульман России, к этому времени ставшего более чем одиозной организацией⁷⁸².

Создание Союза мусульман не только усугубило раскол между ЦДУМ и блоком альтернативных муфтиятов, но и вызвало внутренний конфликт в самом этом блоке. Начавшееся противостояние между Союзом и движением «Мусульмане России», а также противозаконная деятельность его руководства нанесли серьезный урон самой идее политического ислама, и многие лидеры антитаджуддиновской оппозиции поспешили дистанцироваться от участия в политических баталиях. Характеризуя эту ситуацию, Совет арабских послов в Москве выразил беспокойство по поводу того, что «деятельность ИКЦ (Исламского культурного центра России) активизируется только в период выборов или других политических мероприятий» и отметил, что «она, по большей части своей, связана с проведением провокационных кампаний по созданию исламских политических движений и партий»⁷⁸³.

С другой стороны, именно благодаря Союзу мусульман генеральный директор ИКЦ России Абдул-Вахед Ниязов приобрел тот политический вес, который позволил ему

впоследствии стать депутатом Государственной Думы. Он умело разыграл мусульманскую карту на президентских выборах 1996 года (в парламентских выборах 1995 года Союз мусульман России не принял участие по техническим причинам) и убедил руководство Администрации Президента РФ, что в победе Ельцина есть и его заслуга. Крах же Союза мусульман не сильно поколебал позиции Ниязова, успевшего вовремя отмежеваться от Хачилаева⁷⁸⁴.

Участие в парламентских выборах 1995 года приняло только Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур», близкое по политической программе Союзу мусульман России, однако возглавляемое менее радикальными людьми, лояльно относившимися к ЦДУМ. Полпроцента голосов, набранных «Нуром» на выборах, показали реальные шансы исламских партий прийти к власти самостоятельно⁷⁸⁵.

Новый всплеск политической активности российских мусульман пришелся на конец 1998 года — первую половину 1999 года и был приурочен к очередным выборам в Государственную Думу.

В июне 1999 года руководителями ЗАО «Нефтегаз-компани» Леонардом Рафиковым и Маратом Хайруллинским вместе с лидерами движений «Нур», Всероссийский исламский конгресс, «Мусульмане России» и «Рефах» был создан избирательный блок «Меджлис». Председателем «Меджлиса» предсказуемо стал Леонард Рафиков. Этот блок оказался самым крупным в истории объединением мусульманских политических сил, благодаря чему имел неплохие шансы войти в состав в одного из объединений-фаворитов предвыборной гонки. Лидеры «Меджлиса», однако, исходя из личных соображений предпочли блокироваться с движением «Наш дом — Россия», имевшим крайне незначительные шансы на успех.

Абдул-Вахед Ниязов, создавший в конце 1998 года движение «Рефах», также принял участие в формировании «Меджлиса», однако после переориентации этого блока на

черноярдинский «Наш дом» резко охладел к детищу Рафикова. Как наиболее опытный из мусульманских политиков, он безошибочно определил фаворита предвыборной гонки — пропрезидентский блок «Единство» и успел ввести свой «Рефах» в его состав в статусе «блокообразующей партии». Дефицит известных людей в «Единстве» позволил Ниязову занять проходное место в уральском региональном списке и поставить на первые позиции в других региональных списках четверых своих сподвижников⁷⁸⁶.

Успех «Единства» на парламентских выборах обеспечил Ниязову место в Думе и вернул его в высший эшелон исламских лидеров. «Рефах» стал безусловным лидером мусульманской политики, в то время как остальные партии переживали состояние тяжелого упадка, за исключением разве что «Меджлиса». В конце октября 1999 года Центральная избирательная комиссия России отказала в регистрации федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутого избирательным объединением «Движение «Нур» («Свет»). Причиной отказа в регистрации стало несвоевременное внесение избирательного залога на избирательный счет, а также задержка с подачей первого финансового отчета. Аналитики охарактеризовали данный факт как поражение «Нура» в его давней борьбе с ИКЦ России и его дочерними организациями⁷⁸⁷.

Начало 2000 года выглядело для «Рефаха» и его лидера весьма многообещающим. При распределении думских постов Ниязов получил должность заместителя председателя Комитета по регламенту и обеспечению работы Госдумы и начал создавать свою собственную парламентскую фракцию. Часть соратников Ниязова, попав в Думу, предпочла отмежеваться от «Рефаха», однако ему удалось пополнить свои ряды за счет независимых депутатов. Политические успехи Ниязова позволили активизировать экспансию ДУМАЧР в азиатские регионы и заручиться поддержкой ряда губернаторов. Ощутимую пользу от пребывания Ниязова в парламенте извлекли и другие члены Совета муфтиев России⁷⁸⁸.

С другой стороны, успехи Ниязова привели к консолидации его противников. 12 февраля 2000 года в Москве прошел второй съезд Общероссийского союза общественных объединений «Меджлис», в котором приняли участие многие мусульманские духовные лидеры, в том числе — все руководство ЦДУМ. К «Меджлису» примкнул и лидер ДУМ Поволжья Мукаддас Бибарсов, еще с 1996 года питавший недоверие к политическим инициативам Ниязова. Съезд «Меджлиса» не изменил принципиального соотношения сил в политическом исламе, однако продемонстрировал решимость противников Ниязова продолжать борьбу на всех фронтах.

Первые признаки кризиса «Рефаха» стали заметны в августе 2000 года, после скандального II курултая ДУМАЧР. Арест сотрудниками Управления ФСБ по Омской области одного из делегатов курултая и последующие действия лидеров «Рефаха» и ДУМАЧР сильно подмочили репутацию этой партии. По сообщению агентства ИТАР-ТАСС, начальник Управления ФСБ по Омской области Виктор Миронов даже заявил, что «собравшиеся в Омске делегаты курултая и движения «Рефах» — сторонники так называемого «радикального ислама». Попытка лидеров «Рефаха» и духовного управления мусульман азиатской части России проникнуть во власть на базе религии вызывает озабоченность и может перерасти в серьезную проблему»⁷⁸⁹.

К весне 2001 года положение «Рефаха» резко ухудшилось. Лидеры ЦДУМ и их союзники к этому времени уже наладили тесные взаимоотношения с президентом РФ В.В. Путиным и его командой, начав оказывать реальное влияние на мусульманскую политику правительства. В свою очередь, обвинения лидеров «Рефаха» в дружбе с мусульманскими экстремистами, появившиеся в электронных и печатных СМИ еще в 1999 году, получили новые подтверждения. Особенное раздражение в руководстве «Единства» и Администрации Президента РФ вызывала активная международная

деятельность Ниязова, нередко идущая вразрез с интересами государства⁷⁹⁰.

29 октября 2000 года на втором съезде партии «Единство» ее лидер Сергей Шойгу заявил, что на ближайшем заседании политсовета движения он намерен поставить вопрос об исключении из думской фракции «Единства» депутата Абдул-Вахеда Ниязова за поддержку им оппозиционной турецкой партии вахабитского толка*. По словам Шойгу, эти действия Ниязова нанесли серьезный урон имиджу «Единства»⁷⁹¹.

Ниязов предпринял несколько неудачных попыток затушевать скандал, однако к весне 2001 года был вынужден признать свершившийся факт. По информации официального сайта движения «Рефах» «19 марта 2001 года состоялось заседание президиума ОПОД «Рефах» («Благоденствие»). На заседании было принято решение о выходе лидера ОПОД «Рефах» («Благоденствие») из «Единства». Во исполнение решения президиума 20 марта 2001 года депутат А. В. Ниязов на заседании фракции «Единство» подал заявление о выходе. Решение президиума ОПОД «Рефах» («Благоденствие») связано с решением расширенного Совета ОПОД «Рефах» («Благоденствие») от 15 марта о преобразовании ОПОД «Рефах» («Благоденствие») в общероссийскую политическую партию — «Евразийскую партию России». Ниязов давно обратил внимание на «политическую ревность» к своим успехам партийного и фракционного руководства «Единства». Выход А. В. Ниязова из фракции не означает разрыва руководства ОПОД «Рефах» («Благоденствие») с «Единством»⁷⁹².

Несмотря на усилия своих лидеров, «Рефах» стал стремительно разваливаться. Не спасло его и преобразование в Евразийскую партию России. Дагестанский веб-портал «Ислам.ру» в своем сообщении об учредительном съезде этой партии отметил, что «ранее Абдул-Вахед Ниязов намеревался создать Исламскую партию. Однако, он не только не нашел поддержки со стороны мусульманского духовенства

* Партии «Фазилет».

России, но и потерял доверие самих членов движения. Деятельность Ниязова привела к тому, что «Рефах» покинули 4 из 5 депутатов Государственной Думы, прошедших в парламент от этого движения: Каадыр-оол Бичелдей, Ахмед Билялов, Башир Кодзоев, Курбан-Али Амиров, а также депутат Госсовета Республики Дагестан Абусупьян Хархаров и секретарь Союза писателей России академик Бронтой Бедюров. Последним из «Рефаха» ушел советник Совета муфтиев России, председатель мусульманской общины «Прямой путь» Али Вячеслав Полосин»⁷⁹³.

Неадекватные заявления председателя Совета духовных наставников «Рефаха» верховного муфтия Нафигуллы Аширова относительно разрушения талибами статуй Будды в Бамиане привели к разрыву отношений между «Рефахом» и Буддийской традиционной сангхой России, лишив это движение и без того эфемерного статуса «партии коренных народов России».

Упадок «Рефаха» привел к активизации и даже реанимации его оппонентов. 20 декабря 2000 года Общероссийское мусульманское общественное движение «Нур» трансформировалось в Демократическую мусульманскую организацию, а весной 2001 года на его базе была создана Исламская партия России (ИПР), которую возглавил дагестанский бизнесмен Магомед Раджабов. Бывшие лидеры «Нура» Садыков и Яруллин заняли соответственно посты председателя президиума партии и первого заместителя ее председателя. В генеральный совет ИПР вошли председатель Регионального ДУМ Москвы и Московской области юрисдикции ЦДУМ Махмуд Велитов и бывший председатель этого же управления Султан-Мурад Гуламов.

Новая исламская партия заручилась поддержкой дагестанского мусульманского духовенства и была признана Советом муфтиев России, чему немало поспособствовал покинувший «Рефах» советник муфтия Равиля Гайнутдина Вячеслав-Али Полосин.

Параллельно с лояльной Талгату Таджуддину ИПР весной 2001 года возникло еще одно политическое движение, позиционировавшее себя как прямого выразителя интересов ЦДУМ. Советник спикера Государственной Думы, известный геополитик и евразиец Александр Дугин выступил инициатором создания ОПОД «Евразия», учредительный съезд которого прошел 21 апреля 2001 года в Москве. На съезд прибыли не только почти все главы региональных муфтиятов ЦДУМ (союз между Дугиным и главой ЦДУМ Талгатом Таджуддином был заключен еще в феврале 2001 года), но и лидер северокавказских мусульман муфтий Магомед Албогачиев, явно продемонстрировавший свои симпатии к новому движению. «Евразию» явно или негласно поддержали Русская Православная Церковь, Федерация еврейских общин России и Буддийская традиционная сангха России⁷⁹⁴.

Профессиональная команда Дугина оказала ЦДУМ значительные услуги в области «паблик рилейшенс». Основным совместным проектом ЦДУМ и ОПОД «Евразия» стала июньская конференция «Исламская угроза — угроза исламу?», принесшая немало дивидендов каждой стороне. Разрабатывались и другие проекты⁷⁹⁵.

Итог противостояния ЦДУМ и его оппонентов в политической сфере окончательно определила реакция Абдул-Вахеда Ниязова и его ближайших сподвижников на операцию США против движения «Талибан». Несколько мероприятий, проведенных Евразийской партией России по этому поводу, в особенности антиамериканский и проталибский митинг «За мир и согласие, против шовинизма и ксенофобии» (30 ноября, ЦПКиО им. Горького в Москве), вызвали плохо скрываемый гнев Администрации Президента РФ и даже породили слухи о скором лишении Ниязова депутатской неприкосновенности и заведении на него уголовного дела⁷⁹⁶.

Впрочем, на этом политическая карьера Ниязова отнюдь не закончилась. В апреле 2002 года он начал воплощать в жизнь новую глобальную инициативу — евразийский про-

ект. Движение «Рефах» преобразовалось в Евразийскую партию России, призванную самостоятельно участвовать в следующих парламентских выборах. Новой партии, правда, предстоял тернистый путь — серьезную конкуренцию ему составляла как исповедовавшая аналогичные принципы «Евразия», так и опиравшаяся на избирателей-мусульман Исламская партия России. На «мусульманско-евразийском» поле развернулась острая борьба, инициативу в которой удалось перехватить более опытному Ниязову. Он сумел привлечь в свою партию таких известных политиков и общественных деятелей, как Павел Бородин, Руслан Аушев, Иосиф Кобзон и Чингиз Айтматов, после чего развернул масштабную предвыборную кампанию⁷⁹⁷.

Довольно быстро движение «Евразия» было вынуждено признать свое поражение в соперничестве с Евразийской партией, однако ИПР своих позиций не сдавала и даже юридически переходила в контрнаступление. Осознавая невозможность идти на выборы под содержащим конфессиональную окраску названием, лидер ИПР Магомед Раджабов внес ее в предвыборный бюллетень под именем «Истинные патриоты России», чем вынудил Ниязова сменить название своей партии с «Евразийской партии — Союза патриотов России» на «Великую Россию — Евразийский союз». В преддверии выборов стало ясно, что основная борьба за голоса упомянутых выше 300 тысяч избирателей развернется между «патриотами России» той или иной степени истинности и что ее результат вполне предсказуем. Ниязов и Раджабов, правда, бодрились и даже делали заявления типа «если мы не наберем 40% голосов, то это будет политической импотенцией», однако позорный итог неотвратимо приближался⁷⁹⁸.

При изучении федеральных списков ИПР и «Великой России — Евразийского союза» бросалось в глаза, что Абдул-Вахед Ниязов в последний момент заменил большинство своих мусульманских сподвижников на людей с русскими фамилиями, в то время как Магомед Раджабов предпочел избавиться от всего бывшего руководства «Нура» в пользу

своих многочисленных родственников, которые заняли в его федеральном списке 6 мест из первых 10⁷⁹⁹.

В итоге обе партии набрали практически поровну голосов — чуть более 0,2%, показав тем самым, что их электорат составляют исключительно партийные члены, которых будто бы и насчитывалось приблизительно по 150 тысяч. Впрочем, некоторые эксперты уверяли, что половину голосов «патриоты» получили по ошибке — люди просто ошибались квадратиками или перепутали их с другими партиями.

Единственным положительным моментом в этой истории можно считать лишь тот факт, что и «Великая Россия — Евразийский союз», и ИПР в отличие от «Нура» образца 1995 года все-таки вошли в двадцатку лидеров предвыборной гонки. Интересно также отметить, что в соперничестве теперь уже бывшего депутата Госдумы Ниязова и дагестанского банкира Раджабова верх одержал Раджабов, который без единого узнаваемого лица в своем списке достиг таких же результатов, а в одном из избирательных округов даже смог преодолеть пятипроцентный барьер*.

В начале следующего года ИПР лишилась регистрации в связи с многочисленными нарушениями, допущенными в ходе избирательной кампании. Летом 2004 года на ее базе были созданы две новые партии — «Истинные патриоты России — за гражданское общество» и «Партия справедливости и развития России», которые возглавили соответственно Магомед Раджабов и его подросший сын Заур. Что до Абдул-Вахеда Ниязова, то созданный им блок де-факто прекратил свое существование еще в конце декабря 2003 года, когда от него отвернулись все узнаваемые политики⁸⁰⁰.

Тем не менее один мусульманский депутат все-таки смог пройти в Госдуму IV созыва. Им оказался бывший активист ИПВ и близкий сподвижник Мукаддаса Бибарсова

* Партия Ниязова также преодолела пятипроцентный барьер в одном из округов — Ингушском, что было связано с присутствием Руслана Аушева в тройке ее лидеров

Шамиль Султанов, получивший проходное место в списках блока «Родина»⁸⁰¹. Впрочем, сам этот блок никакой симпатии у мусульманских лидеров не вызывал и периодически подвергался критике за ксенофобские и националистические выступления⁸⁰².

В будущем, по всей видимости, роль исламских партий в истории российской уммы заметно снизится. События последних пятнадцати лет наглядно показали, что вреда от них значительно больше, чем пользы, что, впрочем, справедливо и для других религиозно ориентированных политических структур.

Глава IV

ФИНАНСОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСКОЛА ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Четвертой по важности предпосылкой раскола исламского сообщества России стали финансовые разногласия между мусульманскими лидерами — духовными, политическими и общественными. Эта деликатная сфера оказалась слабо отражена в СМИ и в доступных архивах*, поэтому для ее рассмотрения придется ограничиться описанием общих аспектов.

В советское время бюджет мусульманских организаций складывался из пожертвований верующих и довольно высоких зарплат, выплачиваемых государством имамам и муфти-

* Единственным трудом, в котором присутствует описание финансовых предпосылок раскола, остается статья М. Тульского «Причины раскола мусульманских организаций России», опубликованная в журнале «Центральная Азия и Кавказ» 1 сентября 2004. Из неопубликованных работ можно отметить также кандидатскую диссертацию автора «Этносоциальные, политические и религиозные аспекты раскола исламского сообщества России», защищенную в июне 2003 года.

ям. Несмотря на то, что заметная часть доходов «добровольно» перечислялась в Фонд мира, финансовое положение муфтиятов, как, впрочем, и других религиозных организаций СССР, оставалось весьма стабильным. Сотни тысяч людей сохранили исламскую веру и пусть нерегулярно, но вносили в немногочисленные мечети свои садака — пожертвования, которые суммарно исчислялись многими миллионами рублей. Тратить эти средства было некуда — атеистическое государство препятствовало строительству новых мечетей, книгоиздательству и особенно миссионерской деятельности. Мусульманское духовенство было материально обеспечено, имело личный транспорт (нередко с шоферами) и комфортабельные квартиры. Наличие большого количества свободных денег позволяло, в частности, ДУМЕС оказывать финансовую помощь отдельным нуждающимся мусульманам и даже всерьез обсуждать вопрос о покупке собственного самолета. С 1990 года муфтияты прекратили перечислять средства в Фонд мира, что еще более укрепило их положение.

Столь идиллическая картина кардинальным образом изменилась с началом исламского возрождения, потребовавшего принципиального пересмотра экономической политики. На первых порах строительство новых мечетей, открытие медресе и исламских курсов, издание литературы и отправление студентов на учебу финансировалось непосредственно муфтиятами, однако вскоре их ресурсы оказались исчерпанными. Быстрее всего финансовый кризис поразил ДУМСК, понесшего серьезные потери сначала от действий «инициативной группы» Зайдуллы Алибекова, а затем от начавшегося раскола по этническому признаку. ДУМЕС удалось продержаться до всеобщего экономического кризиса на рубеже 1991—1992 годов, после которого большая часть его сбережений девальвировалась, а долг перед государством достиг 50 млн. рублей.

С начала 1992 года финансовые поступления в мусульманские структуры стали делиться на четыре основных потока — зарубежную помощь, помощь крупных и средних бизнесменов, помощь государства (как правило, региональ-

ных властей) и пожертвования простых верующих. Все эти поступления носили добровольный характер, поскольку нормы закята так и не прижились на российской почве.

«Верховенство в мусульманской общине сулит и известные материальные блага, как в рублевом, так и в валютном исчислении. Тем более что ближневосточные спонсоры до конца не решили, кому же отдавать приоритет в оказании морально-финансовой помощи», — справедливо утверждал исламовед Алексей Малашенко⁸⁰³.

1. Распределение зарубежной помощи как фактор раскола

В первое время из всех способов поиска денежных средств самым привлекательным выглядело обращение к богатым единоверцам из монархий Персидского залива или Турции, Пакистана и Ливии. С конца 80-х годов в Россию стали приезжать многочисленные делегации из этих стран, которые с восхищением отмечали начавшееся в стране исламское возрождение и выражали готовность вкладывать в него немалые суммы денег.

Естественно, что до середины 1992 года главным и единственным партнером зарубежных благотворителей было ДУМЕС. В 1991 году благотворители из Объединенных Арабских Эмиратов выделили ДУМЕС 250 тыс. долларов, а в январе 1992 года Таджуддин заключил договор с Исламским банком развития (Саудовская Аравия) о предоставлении ДУМЕС, по разным данным, от 1,2 до 1,5 млн. долларов на строительство мечетей в Уфе, Казани и Москве, а также на открытие нескольких средних медресе. В июле 1992 года 140 тыс. долларов пожертвовали кувейтцы, присутствовавшие на открытии набережночелнинской мечети «Таубэ»⁸⁰⁴, а в 1991 году саудовский бизнесмен Тарик бен Ладен передал муфтию Талгату Таджуддину 20 тыс. долларов в качестве начального взноса на строительство мечети «Абдель Азиз бен Сауди» в Ульяновске⁸⁰⁵.

Помимо непосредственно финансовой помощи зарубежные благотворители передавали ДУМЕС религиозную литературу, в особенности русскоязычные Кораны, выделяли бесплатные путевки на хадж и умру, предоставляли гранты на обучение студентов и повышение квалификации имамов. Все эти блага распределялись через центральный аппарат ДУМЕС по указаниям муфтия Талгата Таджуддина и естественно, что многие духовные лидеры чувствовали себя обделенными. «Можно себе представить чувства раскольников, видевших, как Таджуддин бесконтрольно (и без их участия) тратит огромные деньги» — отмечал исламовед М. Тульский⁸⁰⁶.

Со своей стороны, зарубежные фонды нередко рассматривали помощь российским единоверцам не как бескорыстную милостыню, а как инвестиции, должны со временем окупиться и принести хороший доход. В этом они солидаризировались с протестантскими миссионерами и эмиссарами новых религиозных движений, все «благотворительные» акции которых были нацелены на привлечение новых adeptов. До двух третей ориентированных на Россию исламских фондов оказались дочерними структурами экстремистских организаций, которые ставили перед собой следующие перспективные задачи: установление контроля над исламской элитой России; проникновение в высшие эшелоны власти и формирование влиятельного лобби; обращение в свою веру мусульманских сообществ отдельных регионов с их последующим отторжением от страны; создание в России масштабного антиправительственного подполья; поддержка миссионерской деятельности среди людей неисламской культуры.

Первоначально они пытались проводить свою политику через ДУМЕС, что в случае успеха гарантировало быстрые и существенные дивиденды, однако муфтий Талгат Таджуддин сумел разобраться в ситуации и стал очень придиристо относиться к выбору зарубежных партнеров. Тогда ставка была сделана на оппозиционных ему имамов, с начала 1991 года получивших высокую степень свободы. В доступных источниках нет свидетельств о том, что раскол ДУМЕС был спро-

воцирован извне, однако нельзя не отметить, что иностранным «благотворительным» структурам он был очень на руку⁸⁰⁷. «При объективном анализе легко заметить, что раскол случился лишь по приезду делегаций из Саудовской Аравии и ряда других стран, члены которых прозрачно намекали на щедрую финансовую помощь в случае возникновения альтернативы ДУМЕС», — совершенно справедливо отмечал авторитетный исследователь татарстанского ислама Валиулла Якупов⁸⁰⁸.

С конца 1992 года ДУМЕС практически лишилосьграничной помощи, в то время как отпочковавшиеся от него муфтияты, наоборот, приобрели влиятельных союзников в странах Ближнего Востока. Объем предоставляемой «благотворителями» помощи зависел в первую очередь от личных качеств их российских партнеров, реальные же нужды муфтиятов учитывались в меньшей степени. Самими удачливыми на этой ниве оказались генеральный директор ИКЦ России Абдул-Вахед Ниязов, имам-мухтасиб, а впоследствии муфтий Равиль Гайнутдин, лидеры ДУМ «Ассоциация мечетей» братья Шангареевы — Тагир, Исмаил и Мансур, председатель исполкома ВКЦДУМР Нафигулла Аширов и муфтий Сибири Зулькарнай Шакирзянов.

Иностранная помощь делилась на финансовую, гуманитарную, предполагавшую поставки религиозной литературы, оргтехники, издательского оборудования и даже продуктовых наборов, и опосредованную, позволявшую получать бесплатные путевки на хадж и умру, обучать студентов за счет зарубежных медресе и привилегированно участвовать в различных конференциях и семинарах. Наличие или отсутствие доступа к такой помощи поставило мусульманские организации в неравные стартовые условия, причем, как выяснилось по прошествии нескольких лет, в более выгодном положении оказались именно радикальные общины или даже целые муфтияты.

К 1999 году мусульманские структуры России окончательно определились со своими спонсорами. ЦДУМ стара-

лось вести дела только с государственными турецкими структурами; центральный аппарат Совета Муфтиев России и ДУМЕР поддерживали особо тесные отношения с куветским комитетом мусульман Азии 809 саудовским фондом «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», Лигой исламского мира (Всемирной исламской лигой) и Исламским банком развития⁸¹⁰; мусульмане Северного Кавказа, в особенности ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя, получали помощь от азербайджанского Высшего религиозного совета народов Кавказа; ДУМ РТ продолжало сотрудничать с организацией «Тайба» и смогло установить тесные контакты с государственными структурами Катара; ДУМАЧР и сблизившийся с ним ИКЦ России ориентировались на самый широкий круг спонсоров, в число которых попало даже правительство Ирана, спонсировавшее также некоторые проекты маргинального философа-шиита Гейдара Джемаля; братья Шангареевы заручились поддержкой саудовского муфтия Абдель Азиза Бин База и подконтрольных ему структур; сибирские духовные лидеры братья Шакирзяновы получали транши от пакистанского Всемирного исламского университета, а ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области вело дела с саудовским Исламским банком развития⁸¹¹. Заметное финансирование из-за рубежа получали также Карельский муфтият и ДУМ РБ⁸¹².

Организация Исламской конференции, Международный гуманитарный призыв, Комиссия по научным знакам в Коране и Сунне, Исламское агентство помощи и спасения, Всемирная ассамблея исламской молодежи, Всемирный исламский конгресс, Всемирная организация «Исламский призыв» и пакистанский «Таблиг» работали со многими мусульманскими центрами, предпочитая, правда, оппозиционные ДУМЕС-ЦДУМ организации.

"Терроризм в России финансируют 60 исламских экстремистских организаций, около ста коммерческих фирм за пределами РФ и 10 банковских групп". Эти данные привел заместитель начальника центра общественных связей ФСБ

Николай Захаров в ходе «круглого стола» «Международный терроризм — взгляд из России», который был организован РИА «Новости» и Российским институтом культуры⁸¹³.

Среди таких организаций назывались, в частности «Аль-Харамейн», «Исламик релиф», «Тайба», «Аль-Игаса», «Ассамблея мусульманской молодежи», «Организация исламского спасения Чечни», «Возрождение исламского наследия», «Общество социальных реформ», «Благотворительное общество Катара», «Общество исправления» и «Всемирная организация исламского спасения»⁸¹⁴.

О масштабах вкладываемых в боевиков денег можно судить по цифрам, приводимым в статье «Деньги едут на войну», опубликованной в журнале «Коммерсант-Власть».

«В Дагестане до последнего времени действовал филиал саудовского международного благотворительного общества «Катар». Летом 1999 года руководство «Катара» из зарубежных источников получило и передало боевикам, воевавшим в Ботлихском, Цумадинском и Новолакском районах республики, около полумиллиона долларов. В августе МВД Дагестана возбудило против главы фонда уголовное дело, обвинив его в мошенничестве.

Саудовские благотворительные организации «Хаятуль-Игаса» и «Исламский конгресс» собрали в Саудовской Аравии, Кувейте и ОАЭ несколько миллионов долларов и также переправили на Северный Кавказ. «Хаятуль-Игаса», или «Международная исламская организация спасения», штаб-квартира которой находится в городе Джидда в Саудовской Аравии, официально спонсирует исламские учебные заведения, ее миссионеры проповедуют по всему миру идеи ваххабизма. Однако деятельность организации этим не ограничивается. Ее представители воевали в Боснии, Афганистане, Таджикистане, Косово и Чечне.

Иорданское отделение международной террористической организации «Братья мусульмане» в начале 1999 года собрало для Чечни около 20 млн. дол.. Координирует эту работу глава чеченского шариатского суда Абу-Умар, иорданец по

происхождению. Деньги поступают в Баку, в офис неправительственного фонда «Аль-Харамейн», а затем в Чечню. За один раз перевозится примерно \$100 тыс. До войны в Чечне было налажено вертолетное сообщение с Азербайджаном. В распоряжении Басаева было несколько экипажей вертолетчиков, прошедших подготовку в Пакистане. Сейчас курьеры доставляют валюту горными тропами через Грузию»⁸¹⁵.

Среди отдельных спонсоров экстремистов выделялся египтянин Саад Эддин эль-Лабан. С 1992 года он находился в международном розыске за аферу с организацией паломничества в Мекку, в ходе которой он украл 8 млн. долларов. В 1995 году эль-Лабан появился в Москве, где организовал корпорацию «Развитие», которая торговала конфетами и макаронными изделиями, а в 1996 году создал благотворительный фонд «Зам-Зам». В декабре 1998 года на конференции Конгресса народов Ичкерии и Дагестана эль-Лабан передал чеченским боевикам \$200 тыс. Эти деньги были проведены по документам как «пожертвование в поддержку постящихся мусульман». После взрывов в Москве египтянин был объявлен в розыск и скрылся⁸¹⁶.

Следует заметить, что особого соперничества за внешние источники финансирования не возникало — благодаря обширной сети осведомителей зарубежные спонсоры неплохо представляли, в кого действительно следует вкладывать деньги*. Так, при саудовском посольстве был создан целый отдел, который занимался фундаментальными исследованиями российской уммы, а также формировал из ученых и журналистов просаудовское лобби, предоставляя им гранты и оплачивая зарубежные поездки. Аналогичные функции осуществлял и Культурный центр при посольстве Ира-

* Автору известен только один случай, когда распределение зарубежной помощи стало одной из причин серьезного конфликта между муфтиями. В 1997 году Совет муфтиев России потребовал от ДУМ Сибири провести через него полумиллионный долларовый транш, выделенный предположительно одним из пакистанских фондов, чем вызвал резкое недовольство омского муфтия Зулькарная Шакирзянова, имевшего свои планы на эти деньги.

на, который особенно интересовался образовательными программами и поддержкой миссионерской деятельности в среде людей православной культуры⁸¹⁷.

После вооруженного конфликта в Дагестане спецслужбы начали активно пресекать деятельность «благотворительных» фондов, после чего доля зарубежных вложений в бюджеты российских муфтиятов заметно снизилась. В первую очередь это коснулось официальных ДУМов, в то время как джамааты ваххабитского подполья сохранили прежний объем финансирования, которое осуществлялось теперь более сложными путями. В настоящее время самые крупные мусульманские организации России стараются изыскивать источники финансирования внутри страны, однако до сих пор зарубежные вливания составляют заметную часть бюджета ДУМЕР, ДУМ «Ассоциация мечетей России», ДУМАЧР, ИКЦ России и ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя.

На основании имеющихся данных, общий объем зарубежных средств, вложенный в российский ислам, можно оценить в несколько миллиардов долларов. Так, известно, что только ДУМ РТ получило от арабских спонсоров около 200 млн. долларов (из них 70 млн. — за 2002—2004 годы)⁸¹⁸. «В середине 90-х годов только саудовские фонды, официально не имеющие отношения к семье короля и госструктурам КСА, ежегодно выделяли до 40 миллионов долларов США на финансирование развала официального традиционного Ислама в России» — отмечалось в аналитическом материале сайта «Муслим..сю»⁸¹⁹.

2. Основные механизмы нецелевого использования зарубежной помощи

Как уже упоминалось выше, борьба за внешние источники финансирования не приводила к публичным конфликтам между мусульманскими структурами, однако использо-

вание полученных средств нередко становилось мощным деструктивным фактором. Действительно, сам механизм внесения денег изначально имел серьезные изъяны, что позволяло духовным лидерам получать крупные суммы под простые расписки.

Так, М. Тульский утверждает, что часть денег из Саудовской Аравии и других стран поступала «черным налом», и приводит следующие слова Нафигуллы Аширова: «Я лично писал расписку (Талгат сперва ее написал, а потом сказал мне переписать) о том, что в 1992 году Таджуддин получил 200—250 тыс. долл. от генерального секретаря Лиги исламского мира Омара Насыра. Заключен договор на строительство мечети «Кул-Шариф» в Казани и соборной мечети в Уфе, взносы на эти цели привезли наличными, естественно, эти мечети так и не были построены*. Потом он эти деньги отдал на раскрутку московским бизнесменам — часть из них Талгат не смог вернуть, его фактически «кинули»⁸²⁰.

Впрочем, впоследствии гораздо большие суммы по той же схеме передавались и самому Аширову, а также его ближайшему сподвижнику Абдул-Вахеду Ниязову. «Так, вышвырнутый из «Медведя» депутат Ниязов совершал поступки, достойные «сына лейтенанта Шмидта». По словам «медвежьих» аппаратчиков, Ниязов разъезжал по арабским странам в качестве «спецпредставителя Путина и его фракции» и выпрашивал финансовые пожертвования. Получить таким образом удалось не один миллион долларов» — такую оценку получила деятельность генерального директора ИКЦ России в статье «Порка после вотума», опубликованной в марте 2001 года в «Московском комсомольце»⁸²¹.

Высокая степень доверия арабских спонсоров к своим российским единоверцам создавала идеальные условия для нецелевого использования получаемых средств. До середины 90-х годов благотворители, выделившие деньги на строительство мечети или медресе, не требовали детальных отчетов

* На самом деле они были построены.

тов и зачастую довольствовались только фотографиями построенных зданий. Сравнивая объем перечисленных средств с количеством открытых мечетей, можно с уверенностью констатировать, что большая их часть была использована не по назначению. По всей видимости, столь значительные размеры воровства объяснялись не только доверчивостью зарубежных благотворителей, но и деятельностью различных посредников, которые за определенный процент брались обеспечить получение транша и предоставить надлежащий отчет его отправителям.

Серьезные злоупотребления порождено и распределение других видов помощи, в первую очередь бесплатных путевок на хадж. До недавнего времени власти Саудовской Аравии ежегодно выделяли несколько сотен таких приглашений, которые должны были раздаваться малообеспеченным мусульманам, не способным самостоятельно заплатить около тысячи долларов за поездку в Мекку⁸²². «О бесплатных приглашениях Саудовская Аравия сообщила за неделю до хаджа, и, распределяя их впопыхах, мусульманские лидеры часто привлекали родственников или хороших знакомых. В этом году распределение началось заранее, соответственно, порядка было больше/Бывали и такие случаи: получая бесплатное приглашение, мусульманин жертвовал в пользу того или иного центра 100—200 долларов, зная, что иначе его расходы были бы в 10 раз больше» — писала в 1999 году журналистка газеты «Время MN» Елена Супонина⁸²³.

Таким образом, на каждой бесплатной путевке на хадж распространители могли заработать от 200 долларов, причем нередко они продавались за 500—600 долларов. Чаще всего обвинения в подобных махинациях адресовались ИКЦ России, который в начале 90-х годов выступал в роли основного источника льготных приглашений в Саудовскую Аравию. «Хадж превратился в доходный бизнес, пополняющий кошельки организаторов», — справедливо отмечала журналистка «Московских новостей» Санобар Шерматова⁸²⁴.

Помимо продажи бесплатных путевок, большие нарекания вызывало и их распределение. Многие мусульманские лидеры, в частности муфтий Ульяновской области Айюб Дебердеев, муфтий Татарстана Гусман Исхаков и председатель ДУМ «Ассоциация мечетей» муфтий Исмаил Шангареев упрекали своими оппонентами в том, что распределяли путевки среди своих родных и близких. Так, в числе материалов уголовного дела, заведенного в начале 2002 года на муфтия Айюба Дебердеева, фигурировали документы о ненадлежащем использовании средств, выделенных областной администрацией на оплату хаджа нескольким ульяновским мусульманам⁸²⁵.

Со временем зарубежные структуры, подсчитав потери, стали гораздо осторожней относиться к выделению помощи российским мусульманам. Теперь они старались вкладывать деньги только в особо значимые проекты и требовали отчитаться за каждый доллар, а практика выделения бесплатных путевок на хадж вообще прекратилась. Впрочем, это не остановило желающих обогатиться за счет богатых арабов. С конца 90-х годов в целом ряде регионов России были опробованы сходные схемы хищения средств.

На первом этапе мусульманские лидеры местного, а чаще межрегионального уровня, договаривались о выделении средств на строительство мечетей с «особым» статусом («самая северная», «самая восточная», первая в крупном городе, первая в городе — православном центре). Приоритетными здесь считались зоны «нового мусульманского освоения», в которых исламские общины сформировались в постсоветское время.

В регионах с ярко выраженной православной доминантой (которыми, как правило, и являются районы «нового мусульманского освоения»), обычно в региональных центрах либо других крупных городах создавались мусульманские общины (в случае их отсутствия). Эти общины оперативно проходили регистрацию и предъявляли городским властям требование предоставить землеотвод для строительства ме-

чети. Как правило, процесс выделения участка под мечеть проходил без уведомления общественности, которое предусматривается по закону при строительстве особо значимых либо культовых зданий, путем частных переговоров мусульманских лидеров с городскими чиновниками, а само место предполагаемой закладки выбиралось как можно ближе к центру города, нередко в заведомо неприемлемых местах*. Сразу же после оформления документов на участок, а в некоторых случаях и без этого, обычно в присутствии зарубежных спонсоров проводилась торжественная церемония закладки первого камня в основание мечети.

Продемонстрировав свое желание обеспечить мусульман достойным молитвенным зданием, организаторы аферы получали от арабских спонсоров первый денежный перевод (обычно порядка 100—300 тыс. долл.), реже — всю запрашиваемую сумму сразу, после чего присваивали полученные деньги. Тем временем горожане начинали протестовать против преданных огласке планов строительства мечети, а инициаторы этого проекта, в свою очередь, начинали информационную кампанию по защите прав «дискриминируемых мусульман». При этом отсутствие прогресса в постройке мечетей объясняется активным противодействием со стороны местной православной общественности, епархиальных архиереев, властных структур и правоохранительных органов. На нейтрализацию такого противодействия (взятки чиновникам, заказные материалы в СМИ и т.д.) списываются значительные, но, увы, не поддающиеся строгой отчетности суммы из «строительного» взноса. В конце концов деньги заканчивались, новые транши обычно не поступали, а избран-

* К таким местам относились исторические части городов, реконструкция которых регламентировалась строгими правилами; территории парков; площадки, расположенные на месте разрушенных христианских храмов, синагог, а также немусульманских кладбищ; площадки, орографически доминирующие над значимыми православными храмами (обычно кафедральными соборами).

ные города «украшались» закладными камнями, памятными стелами, а изредка даже недостроенными фундаментами мечетей.

Видимым итогом подобных афер, реализованных по меньшей мере в десяти российских городах, становилось резкое падение авторитета мусульманских общин, ухудшение внутримусульманских и межрелигиозных отношений, а также возникновение серьезных трудностей для мусульман, действительно желающих построить мечеть.

«Интерфакс» о продаже мечети в Сергиевом Посаде

Мусульманская община Сергиево-Посадского района, возможно, продаст здание мечети в Сергиевом Посаде, которое находится на стадии завершения строительства, сообщил «Интерфаксу» глава религиозного общества мусульман района Арслан Садриев.

По его словам, поводом для столь радикального решения стала нерентабельность этого недавно построенного здания, которое община не может самостоятельно содержать.

Мечеть рассчитана на 280 человек, в то время как активных членов исламской общины только 30 (из 80 пожелавших вступить в общину), при том, что во всем Сергиево-Посадском районе, по данным А. Садриева, проживает более 10 тыс. этнических мусульман.

«Если община не в состоянии достроить и содержать мечеть, то надо ее продать и купить помещение, которое будет под силу содержать, — сказал А. Садриев, по мнению которого, проще купить микроавтобус и отвозить верующих в одну из московских мечетей.

В свое время возведению мечети в Сергиевом Посаде активно противились православные верующие. В итоге, как сказал А. Садриев, трехэтажный исламский центр, включающий в том числе и помещение для молитвы, все же был воз-

веден в полтора километрах от Троице-Сергиевой лавры — духовного центра русского православия.

Строительство мечети, сообщил А. Садриев, закончилось около года назад, и уже полгода в ней проходят богослужения, однако полумесяца над зданием пока нет, предстоит и внутренняя отделка. Однако неспособность местной общины содержать построенный храм вынуждает, по словам А. Садриева, продать недостроенное здание⁸²⁶.

3. Роль представителей крупного и среднего бизнеса в новейшей истории российского ислама

С середины 90-х годов важной статьей бюджета мусульманских организаций стали пожертвования представителей деловых кругов, среди которых оказалось немало верующих мусульман. Они выражали желание вкладывать деньги в строительство мечетей и медресе, оплачивать книгоиздательские программы и выезд на хадж, спонсировать газеты и телепередачи. Одни бизнесмены помогали бескорыстно, другие взамен просили лоббировать их интересы перед лицом власти имущих, включать в списки выезжающих в арабские страны делегаций и даже содействовать в обретении депутатского мандата. Со временем каждая мусульманская структура обзавелась кругом крупных и средних спонсоров, некоторые из которых оказали заметное влияние на новейшую историю российского ислама.

Самым известным из спонсоров ЦДУМ стал мишарский бизнесмен Ряшит Баязитов, который начал свою благотворительную деятельность со строительства нескольких мечетей и храмов в Нижегородской области, а также здания медресе «Махинур» при нижегородской Соборной мечети. В 1995 году он подружился с братьями Шакирзяновыми, к этому времени создавших независимое ДУМ Сибири и Дальнего Востока, и помог им построить омскую и новосибирскую Соборные мечети.

В 1996 году Баязитов получил землеотвод под строительство Духовно-просветительского комплекса традиционных религий в московском районе Отрадное, доминантой которого должна была стать крупная мечеть. Через год мечеть была построена, однако переговоры между Ряшитом Баязитовым и муфтием Равилем Гайнутдином об ее статусе успехом не увенчались. Более того, обиженный московским муфтием Баязитов заключил демонстративный союз с ЦДУМ и приложил все усилия к тому, чтобы вывести из Совета муфтиев России подконтрольные ему муфтияты. В конце июня 1997 года по его настоянию нижегородский муфтий Умар Идрисов, омский муфтий Зулькарнай Шакирзянов и председатель ДУМ «Ассоциация мечетей» муфтий Махмуд Велитов заявили о выходе из структуры Равиля Гайнутдина.

Этот демарш имел серьезные последствия для развития исламского сообщества России. Так, отпадение ДУМ Сибири и Дальнего Востока от Совета муфтиев России создало главную предпосылку для создания ДУМАЧР и переноса внутримусульманского противостояния на приходы Сибири и Дальнего Востока, а на базе московских общин ДУМ «Ассоциация мечетей» было образовано альтернативное ДУМЕР Региональное ДУМ Москвы и Московской области в составе ЦДУМ. ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области, объединявшее большинство общин ДУМЕР, в свою очередь, продемонстрировало, что его союзнические отношения с Советом муфтиев России в любой момент могут быть разорваны.

Впоследствии Ряшит Баязитов принимал активное участие в борьбе Омского муфтията и ДУМАЧР, однако не достиг на этом поприще заметных результатов. В настоящее время он сохраняет контроль над ДУМ Сибири и Региональным ДУМ Москвы и Московской области, а также продолжает серьезно влиять на политику ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Баязитов остается единственным бизнесменом, который по праву может считаться мусуль-

манским духовным лидером — в 1995 году он занял пост председателя ДУМ Сибири и Дальнего Востока⁸²⁷.

Помимо Баязитова, финансовую помощь ЦДУМ оказывали и другие крупные бизнесмены — руководители «ЛУКОЙЛа» Вагит Алекперов и Ралиф Сафин, управляющий «Межпромбанком» Сергей Веремеенко однако их вложения носили эпизодический характер и направлялись преимущественно на строительство мечетей. Гораздо большее влияние на развитие ЦДУМ оказали представители среднего бизнеса: директор фирмы «Мешиаф» Ильдар Давлетшин, оплативший поездку делегации ЦДУМ в предвоенный Багдад и впоследствии назначенный полпредом этой организации в Дальневосточном федеральном округе; генеральный директор уфимской группы компаний «Наш город» Алексей Черечон, создавший в 2002 году московский аппарат ЦДУМ и завершивший ремонт новой столичной резиденции верховного муфтия Талгата Таджуддина, а также многочисленные сыновья и зятья Таджуддина, помогавшие поддерживать работу уфимской штаб-квартиры ЦДУМ. Особую роль в становлении ЦДУМ сыграл предприниматель Растам Валеев, в разные периоды времени занимавший ключевые посты в его администрации. Благодаря его усилиям ЦДУМ удалось сделать несколько серьезных прорывов в самых разных областях.

В свою очередь, Совет муфтиев России привлекал средства из более обширного круга представителей деловой элиты. Собственно центральный аппарат этой организации спонсировали нефтяные магнаты Зия и Муса Бажаев, председатель межотраслевой ассоциации «Марат» Ринат Сетдинов, а также целый ряд других крупных бизнесменов, среди которых выделялся председатель Попечительского комитета Совета муфтиев Фарит Фарисов. Другое дело, что во многом из-за дружбы с Фарисовым муфтия Рафиля Гайнутдина обвиняли в связях с «казанской» ОПГ⁸²⁸.

Из многочисленных спонсоров ДУМ РТ можно отметить генерального директора АО «Татнефть» Рената Галева,

построившего в Татарстане несколько крупных мечетей, и генерального директора страховой компании «Наско», руководителя программы «Идель-хадж» Рустама Гатауллина, который смог монополизировать организацию хаджа и умры в пределах своей республики. ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области финансирует уже упоминавшийся Рашит Баязитов, а Единое ДУМ Пензенской области опирается на ресурсы средних бизнесменов из села Средняя Елюзань Городищенского района и деньги пензенского предпринимателя Рафиля Салюкова.

ИКЦ России и ДУМАЧР тесно сотрудничали с иркутскими предпринимателями ингушского происхождения Тимуром и Баширом Кодзоевыми, директором ЗАО «Югра-Траст» Курбаном-Али Амировым, председателем совета директоров АО «Компания «Север» Ахмедом Билаловым* и президентом банка «Акрополь» Ахметом Паланкоевым. С помощью Абдул-Вахеда Ниязова в 1999 году Башир Кодзоев, Ахмед Билалов и Ахмет Паланкоев получили мандаты депутатов Государственной Думы, что позволило привлечь в ИКЦ России и ДУМАЧР весьма значительную сумму денег. Впоследствии Ниязову удалось заполучить в свою Евразийскую партию России таких крупных бизнесменов, как бывший управделами президента России Павел Бородин бывший президент Ингушетии Руслан Аушев и президент Фонда экономического развития и сотрудничества «Громос» Саламбек Маигов⁸²⁹.

Немало бизнесменов спонсировало северокавказские муфтияты. Представители самых авторитетных семей Ингушетии почитают за честь жертвовать деньги на развитие Духовного центра мусульман своей республики. Среди них наибольшей щедростью отличались Гуцериевы, Мальсагавы, Аушевы и Кодзоевы. В соседней Чечне значительные средства в ислам вкладываются семьями Кадыровых и Завгаевых.

* В 2002 году Билалов стал уполномоченным Совета по хаджу при Правительстве РФ.

4. Борьба за получение бюджетных средств

ДУМ Дагестана существует за счет бизнесменов-мюридов шейха Саида-Афанди Чиркейского, среди которых стоит отметить директора Махачкалинского морского международного порта Абусупьяна Хархарова, на деньги которого существует веб-портал «Ислам.ру». В 2003 году широкую известность приобрел еще один спонсор ДУМ Дагестана — банкир Магомед Раджабов, «купивший» движение «Нур» и преобразовавший его в Исламскую партию России⁸³⁰.

Впрочем, нередко представители деловых кругов не столько укрепляли, сколько разрушали единство российских мусульман. Так, в августе 1992 года муфтий Талгат Таджуддин заявил, что проведение съезда ДУМ РБ финансировал уфимский кооперативный банк «Восток», перечисливший 120 тысяч рублей новому муфтияту и оплативший аренду его штаб-квартиры, а ДУМ РТ было создано при активном содействии татарских националистов во главе с бизнесменами братьями Кашаповыми. На Северном Кавказе тяжелый урон от обанкротившегося банка «Нарт» понесло ДУМ Кабардино-Балкарской Республики, в 1995 году потерявшее более 80 млн. рублей, собранных на строительство Соборной мечети в Нальчике⁸³¹.

Некоторые представители крупного и среднего бизнеса предпочитали вкладывать деньги в экстремистские организации либо структуры, противостоящие признанным муфтиятам. В 90-х годах клан махачкалинских бизнесменов Хачилаевых активно спонсировал ваххабитское подполье и скандально известный Союз мусульман России. Председатель Бадр-Форте-банка (Первого российского исламского банка) и лидер Гильдии деловых мусульман России Адалет Джабиев оплачивал некоторые проекты радикального философа Гейдар Джемаля, а президент группы «Плаза» и сенатор от Чечни Умар Джабраилов выступил инициатором создания Российского исламского наследия — организации, не скрывавшей своей глубокой враждебности к самому институту муфтиятов⁸³².

Для дружественных государственной власти мусульманских структур, к которым относятся почти все российские муфтияты, существует возможность поправить свое финансовое положение за счет бюджетных средств или денег, привлеченных с помощью власть имущих. В обмен за это федеральная власть требует от них полной лояльности и одобрения своих инициатив (например, борьбы с экстремизмом и терроризмом), а главы регионов, городов или иных населенных пунктов нередко просят от мусульман поддержки на выборах.

Первые централизованные транши были направлены мусульманским организациям в 1995 году и выглядели своеобразной компенсацией за потери, нанесенные им безбожной коммунистической властью. Больше всего денег досталось ДУМЦЕР — 3,5 млрд. рублей, ЦДУМ и ВКЦДУМР получили, соответственно, по 2,2 и 1,2 млрд.⁸³³ Мусульмане Северного Кавказа не получили денег вообще, хотя, возможно, это произошло по причине отсутствия у них единой централизованной организации. Как видно, при распределении траншей решающую роль сыграла близость их получателей к ключевым структурам федерального центра, поэтому впоследствии все мусульманские центры страны постарались создать полноценные представительства в Москве.

В настоящее время режим наибольшего благоприятствования со стороны властей имеет ДУМ РТ, значительная часть затрат которого компенсируется властями Татарстана и администрациями его населенных пунктов. Так, комплекс Российского исламского университета, здание резиденции ДУМ РТ, а также значительная часть республиканских мечетей, включая помпезную «Кул-Шариф», были построены либо напрямую за счет республиканского правительства, либо путем добровольно-принудительного сбора денег с

коммерческих организаций. Имамы бедных сельских приходов имеют возможность по совместительству устраиваться на относительно престижные должности агрономов или бухгалтеров, а в некоторых районах мусульманским организациям централизованно передается часть урожая⁸³⁴. Дело-производство и внешние связи Казанского муфтията осуществляются в тесном взаимодействии с местными госструктурами, что позволяет значительно повышать их эффективность и не тратить средства на оплату высококвалифицированных специалистов.

Единственным заметным минусом для ДУМ РТ здесь стала его полная зависимость от президента Шаймиева, который вполне может рассматривать муфтия Гусмана Исхакова как своего советника по исламским вопросам. В случае с приглашением папы римского на празднование тысячелетнего юбилея Казани эта зависимость сыграла с муфтием злую шутку, подставив его под град резкой критики коллег из других духовных управлений⁸³⁵. Впрочем, столь показательному союзу между властью и муфтиятом предшествовал длительный период конфронтации, во время которого структуры Шаймиева не только не помогали мусульманам, но и пытались отправить их лидеров за решетку⁸³⁶.

Пример ДУМ РТ, на данный момент оставшейся единственной реальной мусульманской структурой своего региона, наглядно демонстрирует, что проще всего господдержку получить муфтиятам-монополистам или хотя бы субмонополистам. К таким ДУМам могут быть также отнесены все северокавказские управления, Московский муфтият, ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области, ДУМ Поволжья (в пределах Саратовской области), ДУМ Республики Коми, Региональное ДУМ Самарской области, Региональное ДУМ Астраханской области, Региональное ДУМ Волгоградской области, Региональное ДУМ Пермского края, Региональное ДУМ Республики Удмуртия, Региональное ДУМ Республики Марий Эл, ДУМ Республики Калмыкия, Енисейский муфтият, Региональное ДУМ Ханты-Мансийского АО,

также Курганский и Якутский казьяты ДУМАЧР. Их статус позволяет без особых проблем привлекать больший или меньший объем средств из региональных бюджетов и рассчитывать на опосредованную помощь властей. Такого рода помощь предполагает: предоставление духовным лидерам некоторых привилегий чиновников (служебных квартир, служебного автотранспорта, особых номеров и документов, облегчающих доступ в госучреждения); льготную аренду помещений; финансирование учебных заведений и курсов, помощь в проведении социальных инициатив, льготные расценки в типографиях; предоставление времени на радио и телевидении, а также режим наибольшего благоприятствования со стороны официальных печатных СМИ; помощь в проведении конференций и семинаров; получение различных видов гуманитарной помощи; беспрепятственное открытие молельных комнат в военных частях и местах заключения. Следует ли говорить, что все эти льготы сильно облегчают жизнь вышеперечисленным муфтиятам, однако помимо них в стране действует и немало конкурирующих мусульманских структур⁸³⁷.

Действительно, если в регионе оказывалось несколько централизованных мусульманских организаций, то его власти становились перед выбором — кому из них и в каком объеме помогать. При этом лидеры субъектов Федерации имели полное право сделать своим приоритетным партнером только одну мусульманскую структуру, в то время как ее конкуренты объявлялись раскольниками, аферистами, экстремистами или просто утратившими свой авторитет «советскими муллами». Это обстоятельство стимулировало соперничающие мусульманские организации бороться за расположение властей, а в случае неудачи вынуждало их закрутиться финансовой поддержкой оппозиции.

Первыми с полноценным мусульманским расколом столкнулись власти Татарстана и Башкортостана. Но, если президент Шаймиев сумел, в конце концов, объединить своих мусульман в единую организацию, то президент Рахимов

до сих пор вынужден мириться с присутствием в своей республике двух сопоставимых по влиянию муфтиятов — ЦДУМ (в лице Регионального ДУМ Республики Башкортостан) и ДУМ РБ. В 1992 году он пытался поддерживать ДУМ РБ, затем переключился на более авторитетную структуру верховного муфтия Талгата Таджуддина. Так, в 1997 году Рахимов возглавил попечительский совет по строительству уфимской Соборной мечети «Ляля-Тюльпан» и издал указ «О льготах для предприятий и организаций, направляющих средства на строительство новой соборной мечети-медресе в городе Уфе», что позволило оперативно привлечь нужные средства и всего за год завершить строительство мечети⁸³⁸. Впрочем, впоследствии власти Башкортостана поддержали также инициативу ДУМ РБ по возведению альтернативной Соборной мечети⁸³⁹. В настоящее время и ЦДУМ, и ДУМ РБ получают поддержку как республиканских властей, так и структур более низкого уровня и не выдвигают никаких претензий относительно ее объемов.

Башкортостанская схема поддержки мусульманских организаций применяется также в Республике Мордовия, в которой одновременно появилось два конкурирующих муфтията, Ульяновской области, где их насчитывается целых три, Томской области, в которой продолжается противостояние Томского мухтасибата ДУМ Сибири и Томского казьята ДУМАЧР, Кемеровской области с ее Кемеровским мухтасибатом ДУМ Сибири и Кузнецким казьятом ДУМАЧР, и Ямало-Ненецкого АО, где сосуществуют Региональное ДУМ Ямало-Ненецкого АО в составе ЦДУМ и Ямало-Ненецкий казьят ДУМАЧР. Кроме того, после некоторых колебаний к такой модели пришли власти Пензенской, Свердловской и Омской областей, которые сначала отдавали предпочтение соответственно Единому ДУМ Пензенской области, Свердловскому и Омскому казьятам ДУМАЧР, а затем восстановили партнерские отношения с их конкурентами — Независимым ДУМ Пензенской области, Региональным ДУМ Свердловской области и Омским муфтиятом.

В свою очередь, администрации Санкт-Петербурга, Ленинградской, Ростовской, Оренбургской, Кировской, Новосибирской, Челябинской, Тюменской и Волгоградской областей, Ханты-Мансийского АО считают своими единственными партнерами только муфтияты и мухтасибаты ЦДУМ, в то время как их оппоненты, по сути, приравниваются к сектантам*. Естественно, что такая модель вызывает серьезную критику «обиженных» мусульманских организаций, провоцируя их на конфронтацию с властями и на публичные заявления о нарушении своих прав. Чтобы избежать такой критики, некоторые региональные власти — ставропольская, краснодарская, приморская, сахалинская — просто не оказывают никаким мусульманам помощь.

Интересно отметить, что первый заместитель муфтия Татарстана Валиулла Якупов выделяет три основных способа самофинансирования ДУМов, которые, по его мнению, позволили бы им стать более независимыми от бюджетной помощи: использование вакуфного имущества, возрождение гошера — «10%-ного отчисления от урожая неорошаемых культур и 5%-ное отчисление от орошаемых участков», а также систематический сбор садаки и поступлений от проведения религиозных обрядов⁸⁴⁰.

6. Разница в экономико-географическом положении мечетей как фактор раскола — финансовые предпосылки смены юрисдикционной принадлежности

Диспропорция бюджетов враждующих центров ислама, сложившаяся вследствие вышеописанных причин, позволяла им успешно использовать финансовый фактор для расширения сфер влияния. Условия жизнедеятельности му-

* Впрочем, в свое время «сектантскими» считались и такие подразделения ЦДУМ, как Региональное ДУМ Татарстана, Региональное ДУМ Москвы и Московской области и Независимое ДУМ Пензенской области.

сультманских центров допускали возможность конвертации материальных ценностей в блага иного плана, в том числе и те, которые, казалось бы, за деньги купить нельзя.

Общины любой традиционной религии в России делятся на бедные и богатые, однако именно в исламе разница в их доходах наиболее велика. В отличии, например, от православных приходов, географически мусульманские общины расположены достаточно неравномерно — так, в чувашском селе Шыгырдан действует столько же мечетей, сколько и в Москве, в то время как московская умма по размерам крупнее шыгырданской в 200 раз. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в более исламизированных регионах — в Казани действует около 40 мечетей, а в Уфе, превосходящей ее по численности мусульманского сообщества, — всего 3. В итоге рентабельными оказываются только общины крупных либо богатых городов*, да и то при условии относительной монополии (не более 3—4 на город), в то время как большинство остальных постоянно испытывает недостаток финансовых поступлений.

Существующее материальное неравенство может сгладить только политика централизованных мусульманских организаций, которые имеют право перераспределять средства между общинами, однако такая практика нередко приводит к внутренним конфликтам. Богатые общины, не желая делиться своими доходами, начинают выбирать менее принципиальные муфтияты, готовые предоставить им полную финансовую свободу. При этом они легко переходят из одной организации в другую. Бедные общины, в свою очередь, также нестабильны и часто меняют юрисдикцию в обмен за единократные выплаты, гуманитарную помощь, либо даже простые обещания, а их наиболее искушенные председатели успешно шантажируют вышестоящие организации — мухтасибаты и муфтияты.

* Имеются в виду «нефтяные» города Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого АО, Норильск и др.

Экономический фактор четко прослеживается в борьбе за вторую по доходности в Москве Историческую мечеть, община которой меняла свою юрисдикцию не менее четырех раз. Конфликт между московским муфтием Равилем Гайнутдином и нижегородским бизнесменом и меценатом Ряшитом Баязитовым был во многом вызван проблемой контроля над финансовыми потоками отрядненской мечети. Раскол в Пермской области начался с того, что община пермской Соборной мечети воспротивилась решению муфтия Мухаммадгали Хузина, потребовавшего отчислять в пользу муфтията пятую часть ее доходов. Вне всякого сомнения, финансовый аспект присутствовал и в конфликтах вокруг «мятежных» мечетей Ульяновска и Астрахани, пензенской Соборной мечети, общин Тюмени, Омска, Томска⁸⁴¹ и Новосибирска⁸⁴².

Мусульманские централизованные организации, имевшие мало авторитета, но много денег, всегда имели возможность приобрести вес за счет «покупки» общин. Для регистрации централизованной организации достаточно собрать три общины, что, в принципе, стоит не дороже тысячи долларов. Бедные сельские общины можно «приобрести» всего за 100—200 долларов, выплаченных имам-хатыбу или председателю. Такая схема позволяет за короткое время и сравнительно небольшие деньги набрать значительное количество общин (на бумаге все они выглядят одинаково, поэтому важно не качество, а количество). Кстати, купить можно было не только общины, но и отдельных людей, включая чиновников, журналистов, ученых-исламоведов и даже бывших православных священников. Другое дело, что они обходятся дороже.

Реализацию вышеописанной схемы вменяли в вину лидерам ДУМАЧР и ДУМ «Ассоциация мечетей России» Нафигулле Аширову и Исмаилу Шангарееву, которые в короткий срок добились поразительных успехов. ДУМАЧР за два года установило контроль над более чем 100 общинами от Кургана до Петропавловска-Камчатского при том, что дейс-

твовало на «канонической территории» ЦДУМ и ДУМ Сибири. ДУМ «Ассоциация мечетей России», ставшее всероссийской надстройкой Бугурусланского муфтията, всего за год основало более двух десятков общин от Ростовской области до Удмуртии, вторгшись не только в сферу влияния ЦДУМ, но и напрямую затронув интересы своих союзников по Совету муфтиев России. Все источники отмечают, что в обоих случаях образование либо переподчинение общин осуществлялось в максимально сжатые сроки и с высоким профессионализмом. Для обеспечения такого результата использовались даже выездные бригады юристов, способных за день провести собрание актива общины и внести изменения в ее устав⁸⁴³.

«Покупка» общин, правда, не гарантировала долгосрочного результата. Для нормального контроля над ними требовались постоянные вложения, что было накладно и не всегда целесообразно. Поэтому обычно подпитывался лишь костяк из 15–20 крупных общин, в то время как остальные приходы сохраняли лояльность только из-за отсутствия средств на перерегистрацию.

Описанные схемы особенно активно использовали эмиссары экстремистских течений. «Сегодня во многих селах Карачаево-Черкесии есть сторонники ваххабизма, и их влияние распространяется и на восточные территории Ставропольского края. Есть среди них и свои духовные наставники — муллы, у которых налажены тесные контакты с исламистами Чечни и Дагестана. Для привлечения единомышленников ваххабисты используют материальный стимул, который категорически осуждается в традиционном исламе. К примеру, муллам, согласившимся стать сторонниками ваххабистов, выдают единовременное пособие в размере 1000–1500 долл., а затем выплачивают ежемесячно 100–150 долл. — весьма неплохие суммы для северокавказского региона.

Внутри же самой «общины» отношения строятся по принципу пресловутой финансовой пирамиды. За каждого приведенного сюда нового соратника тот, кто его привел, по-

лучает 50–100 долл., а потом ему выдают проценты с каждого, кого сагитировал на свою сторону подопечный. Мулла получает валютные переводы через филиалы банков и имеет корреспондентские счета от различных международных организаций. Самим же «духовным наставникам» предписывается не выдавать свою причастность к ваххабизму официальным органам, поэтому они тщательно маскируют собственные взгляды и убеждения перед теми, кто не согласен с ними, показывая свою суть лишь перед проверенными людьми», — писала журналистка «Независимой газеты» Алевтина Полякова⁸⁴⁴.

Таким образом, получение и распределение материальных благ стали для исламского сообщества России серьезным дестабилизирующим фактором, причем со временем его роль в расколах ничуть не уменьшается. Полностью исключить такое влияние на взаимоотношения между мусульманскими лидерами невозможно, поэтому и в будущем денежный вопрос будет портить отношения между мусульманскими лидерами, хотя, по всей видимости, в несколько иных формах.

Глава V

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАСКОЛА ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Первые и самые тяжелые расколы, поразившие российскую умму в начале 90-х годов, практически не имели религиозной составляющей. На начальном этапе исламского возрождения мусульмане не делили друг друга по вероисповедной принадлежности, а привнесенное зарубежными миссионерами салафитское движение еще не приобрело сколько-нибудь заметного влияния. Тем не менее, уже к 1997 году в некоторых региональных уммах именно религиозный

фактор стал главным катализатором внутримусульманских разделений, а еще через несколько лет он вышел на первое место по своим деструктивным последствиям для единства всей российской уммы.

Раскол российских мусульман на религиозной почве в первую очередь стал следствием агрессивной миссионерской деятельности салафитов, которые видели в инакомыслящих мусульманах стихийных язычников, нуждающихся в немедленном приобщении к ценностям «чистого» ислама.

Многочисленные группы салафитов не имели единого координационного центра и разнились по своим идеологическим установкам, однако все их последователи получили прозвище ваххабитов, которое прочно вошло в современный русский язык. Как правило, под ваххабитами в России понимаются люди, называющие себя приверженцами салафизма, «саф ислама» или «чистого» ислама, ханбализма, хабашизма, таблигизма, нурсизма, «исламских джамаатов», «внемазхабного» суннизма, воинствующего шиизма, а также партии «Хизбут-Тахрир» и ее многочисленных клонов.

Для такого рода группировок свойственны нетерпимое отношение к инакомыслящим и инаковерующим, стремление к созданию «шариатского» государства, уверенность, что они ведут джихад против безбожной власти, и склонность к силовым методам в миссионерской работе. Многие ваххабитские группы признают терроризм самым эффективным способом достижения поставленных целей.

По разным оценкам, ваххабиты составляют от 2 до 10% всех российских мусульман (соответственно, от 300 до 1500 тыс. человек). Их доля наиболее высока среди мусульман Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края, а также среди новообращенных мусульман (в последнем случае она достигает 50—60%).

Помимо ваххабитов, к нетрадиционному для России исламу можно отнести новые религиозные движения исламского происхождения: секты ахмадия, Вера Бахаи и СУБУД, различные неосуфийские движения, а также небольшие сек-

тантские группировки российского происхождения. Последователи этих течений, как правило, не склонны к экстремизму, что позволяет отнести их к умеренному крылу нетрадиционных мусульман. Общая численность их адептов не превышает 20 тыс. человек, сосредоточенных преимущественно в крупных городах.

Противостояние традиционных и нетрадиционных для нашей страны мусульман усугубилось конфликтами в среде самих традиционалистов. Трения между суннитами и шиитами, ханафитами и шафиитами, различными суфийскими тарикатами, а также между тарикатами и муфтиятами не позволили им объединиться против ваххабитов, которые, наоборот, выступили единым фронтом.

1. Противостояние салафитов и традиционных для России мусульман

Как уже упоминалось выше, наиболее серьезным идеологическим вызовом целостности российского ислама стал вызов радикального ислама, который исламоведы называют салафизмом или «чистым исламом», а традиционные мусульманские лидеры — ваххабизмом⁸⁴⁵.

История салафизма началась в XVIII веке, когда ханбалитский проповедник Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб провозгласил, что ислам после смерти пророка Мухаммеда был извращен и поэтому необходимо вернуться к истокам. Новое течение по отчеству своего основателя получило название ваххабизма — ведь называть его мухаммадизмом было бы крайне некорректно. Главной чертой нового течения стало крайне буквалистское и примитивное толкование Корана, породившие отрицание значительной части мусульманской вероучительной литературы, а также целого ряда догматов и обрядов, определенных как «бида» — запрещенные нововведения. Опираясь на свое видение Корана, ваххабиты

антропоморфизировали Аллаха, запретили почитание умерших в любой форме и объявили целый ряд направлений ислама еретическим, приравняв их последователей к «неверным»⁸⁴⁶. Особую ненависть у ваххабитов вызывали шииты и суфии, практиковавшие почитание святых мест, полумистические формы богослужений и аскетизм⁸⁴⁷.

В начале XIX века ваххабиты захватили Мекку и Медину, нанеся этим городам немалый урон. Ими была осквернена Кааба, полностью уничтожена могила матери пророка Мухаммеда*, разграблена сокровищница Запретной мечети. Со временем ваххабиты стали считать «неверными» всех не принадлежащих к этому течению, что позволяло им оправдывать грабежи направляющихся в Мекку паломников. В ответ на бесчинства ваххабитов власти Османской империи, а впоследствии и многие лидеры традиционного ислама объявили это течение продуктом диверсии английских спецслужб, направленным на ослабление всего исламского мира⁸⁴⁸.

В 1925 году в результате слияния королевства Хиджаз и султаната Нежд было образовано Королевство Саудовская Аравия, официальной религией которой стал ваххабизм. Экономический расцвет Саудовской Аравии позволил ее правящей династии начать экспорт салафизма в соседние регионы, а впоследствии и в более отдаленные страны. К 2000 году это направление ислама в той или иной форме распространилось по всему миру и стало доминировать также в Объединенных Арабских Эмиратах, Кувейте, Катаре и Судане.

Новые реалии жизни привели к формированию политической доктрины салафизма. Ее отличительными особенностями стали непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к замене его исламским, устроенным по законам шариата, недопустимость раздельного существования религии и государства, противопоставление исламского мира остальным цивилизационным моделям, отрица-

* Планировалось даже уничтожение могилы самого пророка, которую спасло только вмешательство Кемалю Ататюрка.

ние всех неисламских законов. При этом методы работы салафитов характеризовались исключительной гибкостью, допускающей тактические компромиссы и союзы с идеологически враждебными силами⁸⁴⁹.

Примечательной чертой вероучения большинства салафитов являлось их крайне отрицательное отношение к христианам и иудеям, которых они отнюдь не отождествляли с кораническими «людьми Книги». «Историческое христианство, сложившееся в рамках Римской империи, не является единобожием авраамических пророков, а представляет собой митраизм в библейской редакции с заимствованием библейской терминологии. Так, мифологический образ церковного Христа не имеет практически никакой связи с реальным Иисусом — завершителем адамического цикла, пророком монотеизма и мессией, возглавившим zelotское сопротивление Кесарю. Церковный Христос — это Ормузд, сыновняя ипостась в митраистско-манихейской «Троице». Это фундаментальная нестыковка и подмена, лежащая в основе ложного выведения христианства из Торы, определяет и практическую сторону конфликта» — так, например, излагал салафитское понимание христианства «шиитский мыслитель» Гейдар Джемаль⁸⁵⁰.

Распространение салафизма вызвало серьезные внутренние конфликты в целом ряде стран, в некоторых случаях спровоцировавшие гражданские войны. Наиболее уязвимыми перед ваххабизмом оказались исламские сообщества с низким уровнем религиозной грамотности. В то же время Советский Союз, считавшийся одной из первоочередных целей «экспортной программы», долгое время был защищен от ее эмиссаров «железным занавесом» и его спецслужбы отмечали лишь единичные всплески экстремизма среди мусульман⁸⁵¹.

Ситуация кардинально изменилась в конце 80-х годов, когда перестройка ослабила внешние границы страны и на ее территорию через Афганистан проникли первые ваххабитские амиры, основавшие свои ячейки в Таджикистане и

Ферганской долине⁸⁵². Комитет государственной безопасности, доживавший последнюю пятилетку, уже не имел возможностей завершить кампанию по локализации этого течения, и в 1989 году ваххабиты появились на Северном Кавказе. Развитие «чистого ислама» шло исключительно быстрыми темпами⁸⁵³. Уже в 1990 году возникла проваххабитская Исламская партия возрождения, вокруг которой собрались наиболее радикальные мусульманские деятели, а в Таджикистане и Узбекистане тогда же были зафиксированы первые столкновения между ваххабитами и традиционалистами⁸⁵⁴.

До 1994 года приоритетным регионом для функционеров «экспортной программы» являлась Средняя Азия, однако и в России их деятельность приносила ощутимые результаты. В 1991 году саудовские благотворительные фонды предложили «бескорыстную» помощь ДУМЕС, однако их сотрудничество с этой структурой продлилось недолго. Через год муфтий Талгат Таджуддин отказался иметь какие-либо дела с арабскими «благотворителями», и они стали искать новых партнеров, появлению которых весьма поспособствовал раскол ДУМЕС.

Особое внимание зарубежные фонды уделяли образовательным программам, призванным воспитать радикальных имамов и сформировать из них новую генерацию духовных лидеров. С 1989 года молодые мусульмане из республик Северного Кавказа, а впоследствии и из других российских регионов, сотнями отправлялись на учебу в зарубежные медресе в рамках арабских и турецких программ содействия возрождению российского ислама. Мусульманские централизованные структуры, испытывая острую потребность в образованном духовенстве, поддерживали такую практику, обычно выбирая учебные заведения, оплачивавшие своим студентам проезд, учебу, питание и проживание. В итоге большинство молодых людей попали в центры идеологической, а в некоторых случаях и комплексной подготовки «бойцов джихада». Некоторые из них не поддались на навязчи-

вую агитацию и сохранили свои прежние убеждения, однако большинство согласилось на роль миссионеров «чистого» ислама. К середине 90-х годов сотни образованных и амбициозных радикалов начали возвращаться в Россию, формируя костяк салафитского движения⁸⁵⁵.

Сходные процессы шли и в самой России. ДУМ РТ, Региональное ДУМ Ульяновска и Ульяновской области, ДУМ Оренбургской области — Бугурусланский муфтият открыли собственные медресе, преподавание в которых осуществляли в основном арабы с сомнительной репутацией. В 1993 и 1995 годах были основаны медресе «Йолдыз» в Набережных Челнах и «Аль-Фуркан» в Бугуруслане, получившие печальную известность осенью 1999 года. С 1995 года в Дагестане и Чечне стали создаваться лагеря по комплексной (боевой и идеологической) подготовке боевиков, вербовавшие людей по всей стране⁸⁵⁶. Расцвет их деятельности пришелся на 1997—1999 гг., когда ставшая фактически независимой Чечня попала под контроль исламских радикалов.

Миссионерская работа проводилась и среди действующего мусульманского духовенства. В первой половине 90-х годов многие муфтии и имамы были приглашены в страны Ближнего Востока, где им предложили весьма выгодное в финансовом плане сотрудничество. Некоторые из них согласились, что позволило ваххабитам значительно ускорить свою экспансию. Особое внимание уделялось также прозелитизму среди этнических христиан, которым отводилась роль наиболее надежного и боеспособного звена первичных ячеек-джамаатов⁸⁵⁷.

Прямая вербовка сторонников дублировалась кампанией по изданию многомиллионными тиражами и преимущественно бесплатного распространения экстремистской литературы. Особенно в этом деле преуспели фонд «Ибрагим бин Абдулазиз Аль Ибрагим» и издательство «Бадр», выпустившие десятки книг, интерпретирующие ислам с точки зрения салафизма. Подобные книги издавались под эгидой ВКЦДУМР, ДУМ РТ и ряда других духовных управлений⁸⁵⁸.

В целом работа зарубежных фондов осуществлялась по всем правилам ведения крупномасштабных идеологических диверсий. Исламовед Александр Акпадшахов в своей статье «Ваххабиты — джихад против России» весьма точно охарактеризовал методiku деятельности ваххабитов, выделив в ней 8 основных этапов⁸⁵⁹:

1. В стране или области появляются «ваххабитские» вербовщики, они не ведут пропаганды, они просто присматриваются. Без всяких условий предоставляют финансовую помощь, особенно исламским организациям, отбирают перспективных кандидатов на роль лидеров местных объединений (джамаатов). Знакомят их со своим учением. Предполагаемым лидерам — будущим амирам в течение хаджа в Мекке обычно открыто предлагают присоединиться к «ваххабитам» (христианам — в течение иностранного визита). Считается, что после предварительной обработки и демонстрации огромных материальных благ кандидат не сможет отказаться.

2. Будущие амиры пытаются занять видные места в традиционных религиозных структурах данной местности. Открытая пропаганда пока не производится, акцент делается на создании широкого круга сторонников через выдачу финансовых субсидий на лечение, на светское образование за границей и т. п.

3. Формируется небольшая община — «джамаат». Участники нового джамаата проходят курсы обучения в иностранных лагерях ваххабитов. Амиры переходят к широкой проповеди ваххабизма.

4. В месте нахождения джамаата на основе традиционных структур развивается сепаратистское (в небольших странах — оппозиционное) движение. Джамаат поддерживает мятежников, становясь наиболее боеспособной их воинской частью. Военные успехи притягивают молодежь, джамаат расширяется, открывает первичные учебные лагеря, увеличивается и число прошедших полный курс обучения за границей.

5. Делается все для эскалации возможно более острого военного конфликта. Всеми доступными способами стимулируются потоки беженцев, вообще любые значительные перемещения людей. Ситуация кризиса приводит к ослаблению традиционных структур и к усилению джамаатов. На месте создаются учебные лагеря для прохождения основного курса.

6. Реальная власть переходит к шуре (совету) амиров всех основных джамаатов данной области. Традиционные структуры на этом этапе предпочитают сохранять для легитимизации шариата в глазах населения и внешнего мира.

7. В случае распада или деморализации правительственных войск их быстро ликвидируют вместе с традиционными структурами, на базе которых существовал сепаратизм (оппозиция), приписывая уничтожение этих структур властям. В случае невозможности быстрой победы над правительственными войсками, устраивается затяжная партизанская война с тем же результатом. Но если и такая тактика оказывается недостаточно эффективной, ваххабитам остается рассчитывать на военную поддержку НАТО (Косово). На войне, так же как и в своей пропаганде, салафиты широко используют подкуп. Поэтому начало ваххабитами военных действий всегда означает, что среди их неприятеля активно и широко действует их агентура.

8. Мобилизация всех сил для распространения ваххабизма на соседние территории.

Распространение ваххабизма на территории Кавказской уммы. Столь крупномасштабная деятельность салафитов не могла не сказаться на внутримусульманских отношениях. Первые конфликты были отмечены в 1990 году в Дагестане⁸⁶⁰. Эта республика, значительно опережавшая другие российские регионы по численности активного мусульманского населения, быстро избавилась от атеистического наследия коммунистического режима и первой приняла на себя удар воинствующих салафитов. В своей миссионерской ра-

боте они нашли поддержку эндемичных ваххабитов под руководством лидера Исламской партии возрождения Ахмада-кади Ахтаева.

Произошедший в 1992 году раскол ДУМ Дагестана на небольшие национальные муфтияты резко ослабил традиционных мусульман и позволил салафитам беспрепятственно осуществлять свою деятельность. Их агрессивные методы работы, порицание многовековых обычаев и обрядов, привели к вооруженным столкновениям с традиционалистами, которые в 1991—1995 годах были отмечены в Кизилюртовском и Казбековском районах, а также в самой Махачкале⁸⁶¹.

Главным препятствием экспансии салафитов в Дагестане оказалось возрождающееся суфийское движение, представленное тарикатами шазилийя, нашкбандийя и кадарийя. В 1996 году основной ареной борьбы между салафитами и тарикатистами стала так называемая Кадарская зона, в которую входили села Карамахи, Чабанмахи и Кадар Буйнакского района республики.

В мае 1997 года в селе Чабанмахи произошло первое крупномасштабное столкновение между тарикатистами и ваххабитами, стоившее жизни двум жителям села⁸⁶². Его спровоцировал митинг тарикатистов, требовавших изгнания из села ваххабитов как создающих «нетерпимую обстановку по отношению к людям, исповедующим нормальное направление ислама». «Случившееся в селении Чабанмахи — результат того, что официальные власти Дагестана и России игнорировали предупреждение об опасности распространения фундаментального ислама» — так прокомментировал случившееся заместитель муфтия Дагестана Ахмед Тагаев⁸⁶³.

К весне 1998 года ваххабиты завершили процесс захвата власти в Кадарской зоне, фактически образовав в ее пределах шариатское мини-государство. Финансовую поддержку кадарским джамаатам обеспечивали арабские фонды и организованные преступные группировки⁸⁶⁴, в то время как чеченские боевики снабжали их оружием. 24 мая 1998 года из сел с боем были изгнаны последние представители свет-

кой власти, причем в завязавшей перестрелке погибли двое сотрудников МВД. 5 июля 1998 года в селе Карамахи прошел съезд «Конгресса народов Чечни и Дагестана» на котором, по сообщению пресс-центра Госсовета и правительства Дагестана, «допускались антироссийские и антидагестанские выпады, раздавались призывы к свержению конституционного строя, а выступления «гостей» нельзя расценивать иначе как вмешательство во внутренние дела республики». Одновременно с карамахинским съездом представителей «Конгресса народов Чечни и Дагестана», объединяющего ваххабитские общины обеих республик, в Чечне, в районе Сержень-юрта, прошел смотр военной «миротворческой» бригады Конгресса. Смотри прошел в учебном центре по подготовке бойцов вооруженных сил Чеченской республики, и командовал им полевой командир Хаттаб, кстати, женатый на уроженке села Карамахи⁸⁶⁵.

Власти Дагестана, всерьез обеспокоенные развитием ситуации, пытались вести переговоры с мятежными селами, однако успеха в этом не достигли. Усугубляла ситуацию и позиция федерального центра, не желавшего вмешиваться в конфликт. 16 августа Кадарская зона была провозглашена «отдельной исламской территорией», живущей по законам шариата и не подчиняющейся российским властям⁸⁶⁶. Столь явный вызов российской государственности уже не мог более игнорироваться Москвой, тем более, что 21 августа в результате террористического акта погиб председатель ДУМ Дагестана Саид-Магомед Абубакаров, известный противник ваххабизма. Смерть муфтия всколыхнула республику, поставив ее перед реальной угрозой гражданской войны. Ни духовенство Дагестана, ни его светские власти не сомневались, что к этому теракту причастны ваххабиты⁸⁶⁷.

3 сентября исполняющий обязанности министра внутренних дел РФ Сергей Степашин посетил селение Карамахи. В ходе поездки он положительно отозвался о деятельности местных джамаатов и даже оказал им материальную помощь, чем внес немалое смятение в умы традиционных мусульман

и властей Дагестана, оказавшихся в весьма щекотливом положении, Демарш Степашина сделал бессмысленной дальнейшую борьбу с кадарскими ваххабитами и дал им годичную передышку, которая была использована для укрепления сел и закупки тяжелого вооружения⁸⁶⁸.

6 августа 1999 года банды полевых командиров Шамиля Басаева и Хаттаба пересекли границу Дагестана и захватили несколько сел Ботлихского района республики. Ваххабиты Кадарского анклава вступили в боевые действия на стороне чеченцев. После месячных боев боевики были выбиты с территории Дагестана, а села Кадарского анклава освобождены от ваххабитов.

С этого момента власти Дагестана совместно с мусульманскими духовными лидерами начали полномасштабную кампанию по искоренению в республике радикального ислама, сумев в короткое время восстановить контроль над ситуацией в религиозной сфере. Все подозреваемые в симпатиях к салафизму были поставлены на учет в правоохранительных органах, а подозрительные общины закрыты. 16 сентября на сессии дагестанского парламента было объявлено о запрещении ваххабизма на территории Республики Дагестан⁸⁶⁹. Тем не менее ваххабитское подполье в республике сохранилось, и до сих пор его активисты методично уничтожают членов дагестанского правительства и сотрудников правоохранительных органов⁸⁷⁰.

Подводя итог, можно отметить, что деятельность ваххабитов в Дагестане стала катализатором вооруженного противостояния, нанесла серьезный урон целостности его исламского сообщества и усугубила существующие межэтнические трения. Большие потери от этого течения понесла только соседняя Чечня.

В этой республике ваххабиты появились благодаря ее первому президенту Джохару Дудаеву, сделавшего ставку на зарубежные структуры в деле возрождения ислама. Его партнерами стали радикальные исламские организации «Братья мусульмане», «Джамаат Ислами», «Исламская молодежь» и

целый ряд других⁸⁷¹. С учетом того, что традиционные мусульманские организации Чечни находились в оппозиции Дудаеву и подвергались изошренным притеснениям, умма республики стала быстро радикализироваться.

Процесс радикализации был значительно ускорен первой чеченской кампанией, которую Дудаев поспешил объявить джихадом. На помощь «чеченским братьям» пришли сотни наемников из Афганистана, стран Ближнего Востока и Магриба⁸⁷². Среди них наибольшую известность получил полевой командир Эмир Хаттаб, предположительно иорданский араб⁸⁷³. После ряда удачных боевых операций он заслужил уважение ведущих лидеров боевиков и установил тесные связи с братьями Басаевыми. Как оказалось, он был не только наемным боевиком, но и ваххабитским амиром⁸⁷⁴.

За два-три года усилиями Хаттаба и его единомышленников большинство чеченских лидеров стали рьяными приверженцами ваххабизма. Салафиты предлагали своим потенциальным последователям не только новую идеологию, но и значительные по местным меркам суммы денег. Сотни молодых чеченцев охотно поступили на обучение в ваххабитские лагеря комплексной подготовки, легализованные после Хасавюртовского мира. Наиболее известным среди них стал хаттабовский лагерь «Кавказ» в Сержень-Юртовском районе⁸⁷⁵.

Второй президент Чечни Аслан Масхадов и муфтий республики Ахмад Кадыров, оставшиеся едва ли не единственными противниками ваххабизма, с большой тревогой наблюдали за его стремительным развитием. Несмотря на свое формально высокое положение, они не имели достаточных сил, чтобы как-то повлиять на ситуацию. Любые попытки помешать ваххабитам приводили лишь к покушениям на президента и муфтия, которые стали ощущать себя вождями гонимого меньшинства.

15 июля 1998 года боевики полевого командира Арби Бараева, известного последователя «чистого ислама», атаковали казармы масхадовского Гудермесского батальона наци-

ональной гвардии Чечни. Бой продолжался два дня и стоил жизни нескольким десяткам человек. Эта акция ознаменовала начало вооруженной фазы в противостоянии между ваххабитами и тарикатистами в Чечне. Исход этого противостояния был очевиден, и если бы в августе 1999 года салафитские полевые командиры не напали на соседний Дагестан, то через несколько лет традиционный ислам в Чечне просто перестал бы существовать⁸⁷⁶.

Вторая чеченская кампания окончательно расколола чеченское общество на традиционалистов, принявших сторону федерального центра, и ваххабитов, к которым были отнесены все мятежные полевые командиры. При этом ряды ваххабитов значительно пополнились за счет людей, пострадавших в ходе военных действий или просто испытывавших ненависть к русским. Борьба с этим радикальным течением ведется до сих, однако не приносит никаких заметных плодов. Жертвами ваххабитов стали тысячи чеченцев, включая несколько десятков имамов и бывшего муфтия Чечни Ахмада Кадырова.

В других северокавказских республиках экспансия «чистого ислама» оказалась не такой масштабной, как в Дагестане и Чечне. Республика Адыгея вообще смогла избежать этой проблемы, а в Ингушетии зарождавшееся салафитское движение было быстро локализовано совместными усилиями мусульманского духовенства и светских властей. Оставшиеся три республики — Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия понесли от ваххабитов существенные потери, однако сумели маргинализировать это течение и приравнять его приверженцев к обычным бандитам⁸⁷⁷.

История ваххабитского движения в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии восходит к 1990 году, когда активист Исламской партии возрождения Мухаммед Биджиев (известный также как Мухаммад Карачай и Мухаммад Биджи-уллу) основал в Карачаево-Черкесской АО первые джамааты⁸⁷⁸. Осенью 1991 года их активисты составили костяк движения за восстановление Карачаев-

ской Республики, в которой предполагалось создать автономную от ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополья мусульманскую структуру — Имамат Карачая во главе с Биджиевым.

После действенных мер, предпринятых властями Карачаево-Черкесской Республики и Черкесским муфтиятом, ситуация в южных районах республики была урегулирована. Имамат Карачая, правда, просуществовал до 1993 года, после чего Биджиев переехал в Москву и сосредоточился на работе в Межрегиональной исламской организации. В декабре 1999 года он был арестован ФСБ по подозрению в причастности к организации серии терактов, однако вскоре был освобожден и в 2004 году стал заместителем председателя ДУМЕР и генеральным секретарем Совета муфтиев России⁸⁷⁹.

После отъезда Биджиева ваххабитское движение в республике возглавил уроженец села Учкекен Рамазан Борлаков, близкий соратник чеченского полевого командира Хаттаба⁸⁸⁰. К 1999 году ваххабиты, действовавшие преимущественно в карачаевской части республики, стали реальной угрозой не только для духовной, но для светской власти, повторяя в своем развитии кадарский сценарий.

Террористические акты в Москве и последовавшая за ним вторая чеченская кампания привлекли к карачаевским ваххабитам внимание московских спецслужб, получивших информацию о воюющем в Чечне «карачаевском батальоне», а также обнаруживших «карачаевский след» в деле о взрывах московских домов. В свою очередь, правительство Карачаево-Черкесии отрицало наличие в своей республике крупной группы ваххабитов и утверждало, что вообще не видит в их деятельности серьезной угрозы для безопасности республики⁸⁸¹.

Ситуация принципиально изменилась весной 2001 года, когда президент Карачаево-Черкесской Республики Владимир Семенов был вынужден заявить, что одной из главных проблем сейчас является борьба с религиозным экстремизмом, и признал, что численность активных ваххабитов в рес-

публике значительно превышает приводившуюся до этого цифру в 200 человек⁸⁸². Были предприняты профилактические меры по противодействию экстремистским группам, в частности, закрыто несколько общин в Малокарачаевском районе и приостановлена работа медресе в селе Учкёкен. По-видимому, особого эффекта эти меры не возымели, поскольку 16 августа 2001 года генеральный прокурор РФ Владимир Устинов сделал заявление о предотвращении попытки государственного переворота в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Он сообщил, что целью этого мятежа было свержение законных властей и установление ваххабитского режима с последующим созданием объединенного теократического государства⁸⁸³.

В настоящее время карачаевские ваххабиты понесли заметные потери и несколько снизили свою активность, в то время как их соратники из соседней Кабардино-Балкарии, наоборот, перешли в наступление. В этой республике салафитское движение зародилось несколько позже и развивалось в тесном контакте с карачаевским, во многом повторяя его путь⁸⁸⁴. Центром «чистого ислама» в республике стал Эльбрусский район, населенный преимущественно балкарцами⁸⁸⁵.

Правительство и традиционное исламское духовенство Кабардино-Балкарии сразу отнеслись к росту исламского экстремизма со всей серьезностью и смогли частично локализовать его распространение⁸⁸⁶. 5 мая 2001 года республике был принят антиваххабитский закон «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности»⁸⁸⁷. Принятые меры, правда особого результата не дали — ваххабитские джамааты, самым известным из которых стал джамаат «Ярмук», продолжали активную работу, которая нередко выражалась в акциях бандитизма и терроризма.

Под влиянием Мусы Мукожева, одного из лидеров кабардино-балкарских салафитов, это течение распространи-

лось на соседнюю Северную Осетию. Оплотом ваххабитов здесь стала община Ермака Тегаева и Сулеймана Мамиева, известная как Исламский культурный центр Северной Осетии. Ее деятельность нанесла серьезный урон авторитету ДУМ Республики Северная Осетия — Алания, главная мечеть которого — владикавказская Соборная — в конце концов перешла под контроль людей Тегаева и Мамиева⁸⁸⁸.

Распространение ваххабизма на территории Поволжской уммы. С 1992—1993 годов салафиты развернули активную деятельность на территории Поволжской уммы. Их главными партнерами стали обособившиеся от ДУМЕС муфтияты, многие из которых с радостью приняли предложенную помощь. Помимо целевых траншей на строительство мечетей были развернуты образовательные программы, направленные на обучение молодых российских мусульман как за рубежом, так и в пределах России. Особое внимание уделялось изданию литературы соответствующего толка — так, усилиям Комитета мусульман Азии, фонда «Ибрагим бин Абдулазиз Ибрагим» и издательства «Бадр» было выпущено более 200 книг и брошюр, многие из которых распространялись бесплатно⁸⁸⁹.

Не менее активно шла работа и на низовом уровне. Ваххабитские эмиссары посещали общины, предлагая их имамам и председателям «бескорыстную» помощь в обмен на содействие своим миссионерским программам. Параллельно с этим они создавали и собственные общины, сознательно разжигая внутримусульманские конфликты и противопоставляя «молодое» поколение имамов «старому». Особенно успешно такая работа шла в православных городах, где мусульманские сообщества отличались этнической пестротой и отсутствием традиций.

Через несколько лет плоды деятельности салафитов приобрели видимую стороннему наблюдателю форму. К расколу на уровне муфтиятов добавились и многочисленные внутриобщинные расколы, искусственно подогретые извне.

На территории от Петропавловска-Камчатского до Калининграда и от Мурманска до аулов Южного Дагестана были созданы сотни ваххабитских джамаатов, ставшие весьма заметной силой.

Среди джамаатов за пределами Северного Кавказа наибольшую известность получила астраханская община Айюба Омарова (Астраханского), созданная еще в 1990 году. К 1995 году члены этой общины, преимущественно дагестанцы по национальности, образовали первичные ячейки в большинстве районов Астраханской области и перенесли свою деятельность за ее пределы. Бурное развитие «чистого ислама» в Астрахани привело к серьезному конфликту внутри дагестанской диаспоры между ваххабитами и тарикатистами. Этот конфликт, осложненный противоречиями между Омаровым и лидерами Регионального ДУМ Астраханской области юрисдикции ЦДУМ, привел к гибели нескольких человек и сильно осложнил внутримусульманские отношения в регионе⁸⁹⁰. В 1999—2000 годах община Омарова была практически разгромлена совместными усилиями правоохранительных органов, тарикатистов и Астарханского муфтията, однако ее активисты продолжили свою деятельность в других регионах⁸⁹¹.

В июле 1997 года эмиссар Айюба Абузар-Олег Марушкин основал первичную ячейку в мордовском селе Белозерье Ромодановского района Мордовии. Через некоторое время в деятельность его группы была вовлечена значительная часть сельской молодежи. Белозерские ваххабиты стали выезжать на обучение в наиболее odioзные медресе России — ульяновское, бугурусланское и набережночелнинское, а также в их зарубежные аналоги. Местное исламское духовенство в силу своего низкого образовательного уровня не могло эффективно противодействовать радикалам, и вскоре они распространили свое влияние на несколько соседних сел, создав некое подобие Кадарской зоны. Неприятно удивленные развитием ситуации правоохранительные органы республики смогли депортировать Марушкина с его наиболее близкими

соратниками в Астраханскую область, однако полностью восстановить контроль над ситуацией им не удалось⁸⁹².

Первыми обстановкой в Белозерье обеспокоились лидеры ЦДУМ, считавшие Мордовию зоной своей юрисдикции. К весне 1998 года трения между белозерскими мусульманами стали выливаться в драки, и даже визит верховного муфтия Талгата Таджуддина в Белозерье не смог их примирить. Влияние белозерских ваххабитов стало ослабевать только после создания в Мордовии двух централизованных структур — Саранского и Белозерского муфтиятов.

В 1999 году уроженец села Белозерье и выпускник бугурусланского медресе «Аль-Фуркан» Руслан Ахмяров был объявлен в федеральный розыск за участие во взрывах двух московских домов. В ходе второй чеченской кампании группа белозерских ваххабитов приняла участие в боевых действиях на стороне боевиков, вернувшись домой с полным вооружением и рассказами о своих «подвигах». И в настоящее время белозерский джамаат остается серьезной проблемой для безопасности Мордовии, хотя пик его активности уже прошел.

Среди прочих регионов ареала Поволжской уммы проблемой «чистого ислама» сильнее всего оказался затронут Татарстан. Целенаправленное распространение ваххабизма в этой республике началось с 1993 года, когда саудовская «благотворительная» организация «Тайба» заключила договор о содействии образовательному процессу с дирекцией новообразованного набережночелнинского медресе «Йолдыз», что привело к трансформации медресе в центр по комплексной подготовке боевиков⁸⁹³. Осенью 1999 года выпускник медресе Денис Сайтаков вошел в число подозреваемых в организации терактов в Москве, впоследствии была доказана причастность шакирдов «Йолдыза» еще к нескольким подобным акциям, а также подтверждены факты сотрудничества руководства медресе с чеченскими полевыми командирами Басаевым и Хаттабом, которые проводили для студентов «Йолдыза» «полевую практику»⁸⁹⁴. Осенью 1999

года специальная комиссия Совета муфтиев России приостановила работу «Йолдыза», а в начале 2000 года оно было расформировано и преобразовано в женское медресе. Такие меры, правда, не решили проблемы ваххабизма в Набережных Челнах⁸⁹⁵.

2 октября 1999 года сотрудниками правоохранительных органов был задержан имам-хатыб центральной мечети Набережных Челнов «Таубэ», йолдызовский выпускник Айрат Вахитов⁸⁹⁶. Ему предъявили обвинение по статье 208, часть вторая Уголовного кодекса России — участие в вооруженных формированиях, не предусмотренных законом. Вскоре еще 10 бывших студентов «Йолдыза» были объявлены в розыск по этой же статье.

После изоляции Вахитова главным проводником идей «чистого ислама» стал бывший имам-мухтасиб Набережно-челнинского мухтасибата ДУМЕС Идрис Галяутдинов, в начале 2001 года вернувшийся из Саудовской Аравии с титулом «муфтия Набережных Челнов». Явное влияние ваххабитской идеологии претерпел и без того маргинальный Татарский общественный центр, один из лидеров которого Фанис Шайхутдинов был задержан в апреле 2001 года за распространение листовок Шамиля Басаева⁸⁹⁷.

После истории с Денисом Сайтаковым в СМИ появились десятки статей, посвященных проблеме ваххабизма в Татарстане⁸⁹⁸. Помимо Набережных Челнов журналисты обнаружили активные ячейки ваххабитов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе и целом ряде других населенных пунктов. Появились слухи об успешном проникновении ваххабитов во властные структуры районного уровня и даже в руководство Казанского муфтията. Правительство республики и руководство ДУМ РТ пытались опровергать такие утверждения, однако делали это не слишком убедительно⁸⁹⁹.

Во многих случаях единство местных мусульманских общин и даже муфтиятов было нарушено сторонниками «чистого ислама». Стычки между ваххабитами и традиционными мусульманами были отмечены также в Башкортоста-

не⁹⁰⁰, Москве⁹⁰¹, Ульяновске⁹⁰², Волгограде⁹⁰³, Перми⁹⁰⁴, Ижевске, Петрозаводске⁹⁰⁵, Екатеринбургe⁹⁰⁶, Тюмени и Омске.

Описывая действующие в России радикальные группировки, необходимо особо остановиться на организациях турецкого происхождения, пропагандирующих идеи богослова Саида Нурси. В западной части страны их интересы представлял фонд «Толеранс», на Северном Кавказе — фонд «Торос» и фирма «Эфляк», в Поволжье — фирма «Серхат», на Урале и в Сибири — фонд «Уфук». Все эти организации задумывались как вербовочные структуры секты «Нурджулар», запрещенной турецким правительством за свою экстремистскую деятельность. Отличительной чертой этой организации стало повышенное внимание к средним учебным заведениям⁹⁰⁷.

Благодаря значительным финансовым ресурсам и поддержке мощного медиа-холдинга эмиссары «Нурджулара» достигли немалых успехов в этой сфере, основав по всему миру сотни лицеев, колледжей и других учебных заведений такого класса. В России к 2003 году им удалось открыть до 50 лицеев, как правило, содержавших в своем названии прилагательное «турецкий» — «татарско-турецкий лицей», «хакасско-турецкий лицей» и т.д. Подобного рода «учебные» заведения в 1994—2001 годах появились в Нижнем Новгороде, Челябинске, Ростове-на-Дону, Черкесске, Майкопе, Иркутске, Абакане, Улан-Удэ и во многих других городах. Наибольшее количество — целых семь — «турецких» лицеев было зарегистрировано в Татарстане⁹⁰⁸.

В 2003 году деятельностью секты «Нурджулар» заинтересовались правоохранительные органы, обратившие внимание на ведущуюся в ее лицеях пропаганду пантюркизма и нетрадиционных исламских ценностей. Так, несмотря на сложные отношения «Нурджулара» с турецким правительством, российские подразделения секты имели возможность беспрепятственно вывозить своих учеников в Турцию, где открыто приобщали их к ценностям нурсизма. Дополнительно удалось выяснить, что аналогичной деятельностью в

нашей стране занимались близкая к «Нурджулару» турецкая неосуфийская секта «Сулейманджилар» и ряд пантюркистских организаций, подобных башкирской группировке «Серые волки»⁹⁰⁹.

С 2004 года основными фигурантами сводок о задержании ваххабитов стали члены террористической партии «Хизбут-Тахрир», среди которых в первое время доминировали эмигрировавшие в Россию узбекские диссиденты⁹¹⁰. К этому времени отделения партии открылись в большинстве крупных городов России, причем их особая плотность наблюдалась в Татарстане, Башкортостане и Тюменской области. В свою очередь, в регионах Северного Кавказа деятельность хизбутовцев была практически незаметна, что наводило на мысль о разделении сфер влияния между различными ваххабитскими группировками⁹¹¹.

Начиная с 1999 года правоохранительные органы России развернули широкомасштабную кампанию по борьбе с радикальным исламом, в ходе которой были закрыты российские представительства фондов «Аль-Харамейн», «Аль-Игаса» и «Тайба», ликвидирована сеть учебных заведения турецких сект «Сулейманджар» и «Нурджулар», прекращена деятельность наиболее одиозных издательств и печатных СМИ, проведены массовые аресты последователей партии «Хизбут-Тахрир», а также выдвинуто несколько инициатив о законодательном запрете ваххабизма.

14 февраля 2003 года на закрытом судебном заседании Верховного суда РФ было рассмотрено гражданское дело по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации о признании ряда организаций террористическими и запрещении их деятельности на территории Российской Федерации. По его итогам «Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана», «База» («Аль-Каида»), «Асбат аль-Ансар», «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»), «Исламская группа» («Аль-Гама аль-Исламия»), «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-

Муслимун»), «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»), «Лашкар-и-Тайба», «Исламская группа» («Джамаат-и-Ислами»), «Движение Талибан», «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»), «Общество социальных реформ» («Джамият аль-Ислах аль-Иджтимаи»), «Общество возрождения исламского наследия» («Джамият Ихья ат-Тураз аль-Ислами»), «Дом двух святых» («Аль-Харамейн») были признаны террористическими со всеми вытекающими последствиями.

В то же время несовершенство действующего законодательства и неясность самого термина «ваххабизм» не позволили сколько-нибудь серьезно поколебать позиции радикальных мусульман, которые до сих пор продолжают активно развиваться и не торопятся переходить в глухую оборону. Особенно заметной их деятельность остается в республиках Северного Кавказа, в то время как в регионах Поволжья, Урала и Сибири накал противостояния между ваххабитами традиционалистами немного спал⁹¹².

Структура и особенности функционирования ваххабитских общин в России. Ваххабитская община, именуемая своими членами джамаатом, обычно невелика по размеру. Крупные джамааты, насчитывающие от 200 до 2000 человек чрезвычайно редки и встречаются лишь в Чечне, Дагестане, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Небольшие размеры делают ваххабитские общины более управляемыми и мобильными, что весьма полезно в условиях партизанской войны.

Российские джамааты входят в международную сетевую структуру экстремистских и террористических организаций, которая объединяет весьма различные силы, по большому счету солидарные лишь в ненависти к властям, другим религиям и инакомыслящим мусульманам. Среди ячеек этой сети встречаются как искусственно созданные различными спецслужбами организации, так и стихийные банды, которые никто не контролирует. Естественно, что при такой схе-

ме единого руководства у террористического интернационала быть не может, равно как и нет у него и уязвимых точек — уничтожение любой ячейки сети не нарушает ее целостность и нормальное функционирование⁹¹³.

Таким образом, даже такие популярные лидеры ваххабитов, как Шамиль Басаев или Ачемез Гочияев, контролируют в лучшем случае по несколько тысяч человек, в то время как остальные сторонники «чистого» ислама ориентируются совсем на других вождей. Отсутствие единого управляющего центра, тем не менее, не мешает ваххабитским лидерам координировать свои действия и проводить совместные акции, как, например, вторжение в Дагестан или нападение на Нальчик.

Лидер джамаата обычно именуется амиром (эмиром) и сочетает в себе всю полноту и политической и духовной власти. Приказы амира не обсуждаются, любое непослушание жестоко карается. Нередки случаи, когда отступников специально искали для физической расправы⁹¹⁴. По сути, джамаат является минидеструктивной сектой, лидер которой может лично контролировать каждого из своих адептов.

Привлечение новых членов в джамаат производится разными путями. Те ваххабитские структуры, которые нацелены на идеологический «джихад», вполне могут принимать добровольцев, в то время как террористические структуры стараются сами набирать подходящих людей с тем, чтобы минимизировать вероятность внедрения агента спецслужб. Вербовка неофитов осуществляется в самых разных социальных группах, при этом наибольшую ценность для ваххабитов представляют обеспеченные молодые люди с высшим образованием. Особое внимание уделяется миссионерской работе среди мусульманского духовенства, чиновников, военнослужащих, юристов и журналистов.

Вопреки расхожему мнению, популярность ваххабитских идей у населения не связана с уровнем его благосостояния. Костяк джамаатов составляют грамотные и обеспеченные люди, выходцы из элит мусульманских народов. Пред-

ставители же социальных низов представляют для ваххабитов интерес только как «пушечное мясо», которое может за 200—300 долларов заложить фугас на дороге или провезти через границу партию листовок. Именно поэтому не следует думать, что увеличение дотаций северокавказским республикам сможет ослабить влияние сторонников «чистого» ислама. Как правило, от притока денег их позиции только укрепляются⁹¹⁵.

Внутренняя жизнь джамаата строится по стандартной для тоталитарной секты модели, главным элементом которой являются общие молитвенные собрания. Помимо собственно молитвы, на данных собраниях изучается специальная литература, призванная поддерживать на надлежащем уровне мотивацию членов общины. Деньги на содержание джамаатов могут собираться из трех источников: «закята» его членов, доходов от преступной деятельности и пожертвований дружественных зарубежных структур. При этом наименее уязвимы те джамааты, которые опираются на внутренние источники. Так, кабардино-балкарский и ульяновский джамааты зарабатывали деньги на рэкете и грабежах, пермские и омские ваххабиты торговали наркотиками, а их чеченские и дагестанские коллеги специализировались на похищениях людей, работоторговле и банковских аферах.

На начальном этапе ваххабитской экспансии последователей этого течения можно было распознать по ряду внешних признаков — окладистым бородам, коротким штанам, отсутствию нижнего белья. В повседневной жизни их выделяли нигилизм по отношению к традициям собственных народов, неуважение родителей и пренебрежительное отношение к умершим. Впоследствии ваххабиты стали искусно маскироваться, и сейчас довольно сложно отличить их от добропорядочных мусульман. Важно отметить, что в среде ваххабитов прижилась шиитская практика такыйи — «благоразумного скрывания веры».

Внешняя деятельность ваххабитских общин обычно сводится к разного рода диверсиям — как идеологическим,

так и вооруженным. Для дискредитации противников ими используются все доступные способы — сбор и распространение слухов, раздача специальной литературы и листовок, подготовка заказных материалов в прессе и прямые провокации⁹¹⁶. Особое внимание уделяется работе в сети Интернет, где большая часть сайтов мусульманской тематики уже контролируется ваххабитами и их союзниками⁹¹⁷. Наиболее грамотные амиры создают специальные структуры прикрытия — фонды, учебные заведения или правозащитные организации, которые резко повышают результативность их работы⁹¹⁸.

В условиях демократического общества не существует эффективных методик борьбы с распространением ваххабизма. Благодаря сетевой организации и искусной мимикрии под нормальных мусульман ваххабитские джамааты малоуязвимы для признающих презумпцию невиновности правоохранительных органов. Между тем превентивные удары по ячейкам «чистых» мусульман и последовательная контрпропаганда способны значительно затормозить их развитие⁹¹⁹.

2. Новые религиозные движения исламского происхождения как дополнительный фактор раскола

Параллельно с масштабной экспансией различных течений радикального ислама исламское сообщество нашей страны пережило менее заметную атаку, которую с одной стороны предприняли зарубежные новые религиозные движения (НРД), а с другой — отечественные реформаторы исламской теологии.

Первыми НРД исламского происхождения, начавшими миссионерскую работу в России, стали секта ахмадийя (кадианистская ветвь) и синкретическое учение Вера Бахаи. Их эмиссары посетили нашу страну еще в начале XX века, одна-

ко тогда особых успехов они не достигли. Вторая попытка, датирующаяся началом 90-х годов, оказалась более успешной. Ахмадитам и бахаистам удалось основать общины в крупнейших городах и склонить на свою сторону часть мусульманской интеллигенции, самым ярким представителем которой стал писатель и журналист Равиль Бухараев. Он приложил немало усилий для распространения ценностей ахмадитского вероучения, которое в первую очередь характеризуется пониманием джихада как исключительно мирной формы распространения ислама, а также заимствованием некоторых догматических положений индуизма и христианства⁹²⁰.

В отличие от ахмадитов, особо специализировавшихся на тюркоязычных народах, бахаисты предпочитали обращаться в свою веру этнических христиан. Их вероучение предполагало смешение ислама с христианством, иудаизмом, буддизмом, индуизмом, конфуцианством и даосизмом, вследствие чего об изначально исламском характере этой секты напоминало только почитание пророка Мухаммеда и запрет на употребление алкоголя. К 2006 году бахаиты образовали 20 общин от Москвы до Южно-Сахалинска⁹²¹.

Помимо бахаитов и ахмадитов к исламским НРД зарубежного происхождения можно отнести также неосуфийские ордена Ниматуллахи и СУБУД. Эти организации, подобно бахаитам, предпочитали вести миссионерскую работу среди людей православной культуры, однако большая часть критики в их адрес исходила от дагестанских тарикатистов. Приверженцы муршида Саида-афанди Чиркейского на своих порталах «Ислам.ру» и «Суфизм.ру» обвиняли лидера ордена Ниматуллахи Леонида Тираспольского, издателя русскоязычного сетевого журнала «Суфизм», в преднамеренном искажении суфизма и приписывании ему полирелигиозного характера. По мнению дагестанских тарикатистов, к появлению неосуфизма можно также отнести весьма популярное в России «оздоровительное» учение казахстанского целителя Мирзакарима Норбекова⁹²².

Впрочем, попытки глобального реформирования ислама предпринимались и российскими деятелями. Так, в конце 90-х годов политический советник татарстанского президента Рафаэль Хакимов презентовал свой религиозно-политический проект, названный им «евроисламом». Главной целью проекта было обозначено приведение исламских догматов и обрядов в соответствие с духом временем, что предполагало их существенное преобразование. Опираясь на высказывания некоторых татарских, арабских и малайзийских богословов, Хакимов призывал шире использовать методы иджтихада — независимого юридического суждения по спорным богословским вопросам — и на их основании отменить такие «пережитки», как многократный намаз, закят, пост в месяц Рамадан и запрет на употребление алкоголя. «Обряды даны, чтобы облегчить жизнь человека, а не усложнить ее», — утверждал реформатор ислама в своей программной брошюре «Где наша Мекка», изданной весной 2003 года⁹²³.

Заявления Хакимова о том, что «попытка исповедовать традиционные мазхабы суннизма в современном обществе невозможна и является лукавством»⁹²⁴, окончательно настроили против него мусульманское духовенство России. Ни один муфтий или имам не поддержал теории «евроислама», которая ввиду особых взглядов ее автора на употребление алкоголя была остроумно названа «пьяным исламом». Резкая критика идей Хакимова прозвучала из уст первого заместителя муфтия Татарстана Валиуллы Якупова и муфтия Саратовской области Мукаддаса Бибарсова, а имам-хатыб нижекамской Соборной мечети Рамиль Юнусов даже назвал его работу «подрывающей основы ислама»⁹²⁵.

Таким образом, концепция «евроислама» не нашла понимания у российских мусульман и была благожелательно воспринята только западными учеными, увидевшими в ней способ приучения мусульман к «общечеловеческим» ценностям. В целом же по своей скандальности она может сравниться только с проектом двух философов-методологов

Петра Щадровицкого и Сергея Градировского, который получил название «русский ислам» и был запущен в 2000 году при информационной поддержке сектоведа Игоря Понкина.

Подобно «евроисламу», «русский ислам» ставил своей главной целью изменение мусульманского менталитета и адаптации его к современным реалиям, правда, конкретно российским. Для этого федеральному центру предлагалось установить жесткий контроль над российской уммой, воспитать прослойку лояльных духовных лидеров в специально созданном для этого вузе и добиться перевода намаза на русский язык. «России необходим русский ислам — ислам, укорененный в русской культурной почве и преданный российской государственности», утверждал Сергей Градировский, уточняя при этом, что «русский ислам — это не русские, принявшие ислам, а ислам, принявший форму русского»⁹²⁶.

В 2003 году после случайного или сознательного predания огласке внутренних материалов проекта разразился крупный скандал. Духовные лидеры Поволжской уммы были оскорблены содержащимися в них нелестными оценками своей профессиональной пригодности, а представителей православной общественности возмутили предлагавшиеся Градировским планы исламизации российской элиты и закрепление за исламом особых привилегий.

После острой дискуссии проект «русский ислам» был свернут. Против него единым фронтом выступили ЦДУМ, Совет муфтиев России, московская организация «русских мусульман» «Прямой путь» и Союз православных граждан. При этом один из муфтиев подчеркнул, что творцы «русского ислама» не имеют никакого отношения ни к русским, ни к исламу, поэтому придавать их трудам серьезное значение не стоит. Полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе Сергей Кириенко, советником которого по совместительству работал Градировский, также поспешил отмежеваться от опасной инициативы своего подчиненного⁹²⁷.

Несмотря на достаточно широкую известность проекты Рафаэля Хакимова и Сергея Градиловского так и остались сугубо теоретическими, в то время как их коллеги Файзрахман Саттаров и Нурулла Мофлюхунов смогли привлечь на свою сторону немало единомышленников и создать в Татарстане несколько полноценных общин. Эти религиозные деятели в свое время занимали высокие посты в ДУМЕС, однако были изгнаны оттуда муфтием Талгатом Таджудином. Вполне возможно, что при других обстоятельствах Саттаров и Мофлюхунов пополнили бы ряды его оппонентов во время раскола 1992 года, однако они предпочли создать собственные исламские группы.

Бывший ответственный секретарь ДУМЕС Файзрахман Саттаров, известный также как Насурулла-бабай, основал свою секту в конце 80-х годов. Отличительными чертами ее вероучения стали отрицание суннитских мазхабов, непризнание значительной части хадисов, сильно увеличенная ставка закятной «десятины» (реально достигающей в этом случае 20%) и ярко выраженные эсхатологические мотивы. Файзрахман Саттаров не скрывает своей враждебности к ДУМ РТ, руководители которого, в свою очередь, считают его душевнобольным человеком. Штаб-квартирой файзрахманитов является небольшая мечеть на Торфяной улице в Казани. По данным исследователя исламского сектантства Валиуллы Якупова, сейчас их общины действуют также в Уфе, Набережных Челнах, Лениногорске, Альметьевске и отдельных татарстанских селах⁹²⁸.

Нурулла Мофлюхунов до 1998 года работал имам-хатыбом в мечети города Чистополь и параллельно занимался исследованием тафсиров. В результате конфликта с муфтием Талгатом Таджудином он пережил сильное потрясение и решил бороться вообще против любых представителей «официального» ислама. Вероучение созданной им группы отрицает аутентичность всех хадисов и по многим позициям сближается с салафизмом. Относительно малочисленные

последователи Мофлюхунова проживают преимущественно в Чистополе и Казани⁹²⁹.

Помимо описанных сект и сектантских теорий следует отметить также малоизученное пока движение махдистов, последователи которого встречаются в Ингушетии, Чечне и Дагестане. По всей видимости, они вероучительно близки к суданским махдистам и также проповедуют скорое пришествие «мессии» — махди.

Общая численность ахмадитов, бахаистов, файзрахманитов, мофлюхуновцев, махдистов и последователей неосуфийских орденов в нашей стране не превышает 20 тыс. человек. Серьезных конфликтов между ними и традиционными мусульманами пока не отмечалось, однако на страницах основных мусульманских СМИ нередко появляются статьи с резкой критикой ахмадии и неосуфизма.

3. Роль тарикатов в расколе

Такая специфическая предпосылка раскола, как трения между суфийскими тарикатами, присутствовала только в расколе исламских сообществ Чечни и Дагестана. Существенного влияния на становление современной системы мусульманских централизованных организаций Северного Кавказа она не оказала, однако ряд внутримусульманских конфликтов был вызван именно тарикатно-вирдовыми противоречиями.

До появления на Северном Кавказе салафитов нишу «исламских экстремистов» с подачи Совета по делам религий СССР и КГБ занимали мюриды тарикатов нашкбандийя, кадирийя и шазилийя, распространенных в Дагестане и Чечено-Ингушской АССР. Тарикатистов обвиняли в разжигании межнациональной розни, распространении антисоветских идей и религиозного мракобесия⁹³⁰. В июне 1986 года под давлением партийных органов муфтий Северного Кавказа Махмуд Геккиев издал фетву «О несовместимости «мюри-

дизма» с основными догмами учения исламского шариата», в которой резко критиковались конкретные суфийские обычаи — зикр и паломничество к святым местам — зияратам⁹³¹.

Начало демократических перемен показало, что борьба научных атеистов с суфийскими тарикатами только прибавила последним авторитета. С 1989 по 1992 год некогда подпольные тарикаты пережили период бурного возрождения, интегрировавшись во все слои чеченского и дагестанского общества и став значимой религиозно-политической силой. При этом процесс возрождения суфизма имел и негативные издержки — солидаризировавшиеся перед лицом атеистических гонений тарикаты стали теперь конкурирующими структурами, что не могло не сказаться на их взаимоотношениях⁹³².

В 1991 году первый президент Чечни Джохар Дудаев верно оценил роль тарикатов в чеченском обществе и объявил себя последователем наиболее влиятельного кадирийского вирда Кунта-Хаджи, контролировавшего горные районы «Малой Чечни». Ему удалось также заручиться поддержкой второго по значимости вирда кадирийи — Вис-Хаджи, мюридом которого был старший брат чеченского президента Бекмирза. В дальнейшем наиболее последовательными сторонниками Дудаева стали «горные» кадирийцы, поставившие своей целью низложить власть «равнинных» нашкбандийцев, обвиненных в прокоммунистических настроениях и оппортунизме. Как отмечает исследовательница чеченского ислама Гурия Мурклинская, «поддержка «зикристов»*, как кунтахаджинцев, так и висхаджинцев, оказалась не бескорыстной — многие из них при Дудаеве приобрели баснословные богатства»⁹³³.

Начавшийся, а точнее возобновившийся, конфликт между нашкбандией и кадирией имел давнюю предысторию. Как отмечали исследователи этого процесса, «во время кавказской войны XIX века наиболее ожесточенное сопротив-

* Мюридов кадирийского тариката называли «зикристами» из-за их обычая совершать «громкий», публичный, зикр.

ление российским войскам оказывали именно члены вирда нашкбандийа. К этому братству принадлежал и сам Шамиль, и его мюриды. Распространение же на территории Чечни учения братства кадирийа связано с именем знаменитого проповедника шейха Кунта-Хаджи Кишиева. Он призывал смириться с русской оккупацией во имя сохранения нации, Однако за прошлый век установки двух братств поменялись на прямо противоположные. Значительная часть религиозных авторитетов нашкбандийа сотрудничали с атеистическими советскими властями. Из числа формальных приверженцев этого вирда назначались и первые лица Чечено-Ингушетии»⁹³⁴.

Попавшие в опалу нашкбандийцы в большинстве своем перешли в оппозицию Дудаеву. Особенно упорное сопротивление его режиму оказали вирд Дени Арсанова и прикнувший к нему вирд Докки Шептукаева, чьи представители оказались вытесненными из всех государственных структур, в которых они традиционно присутствовали в предшествующий исторический период. В дальнейшем именно лидеры вирда Дени Арсанова братья Ильяс и Багаутдин стали духовными лидерами оппозиции, организовав ряд антидудаевских митингов и вооруженных выступлений⁹³⁵.

Борьба кадирийцев и нашкбандийцев сильно ослабила традиционный чеченский ислам, который в том числе и поэтому оказался не в состоянии противостоять экспансии «чистого ислама». Лидеры враждующих тарикатов слишком поздно поняли исходящую от ваххабизма опасность и не успели объединить свои силы, чтобы дать эффективный отпор общему противнику. Со временем трения между ними ослабли, что, впрочем, стало следствием общего угнетения суфизма в Чечне.

В соседнем Дагестане те же суфийские ордена проводили несколько иную политику, которая лучше соответствовала особенностям местного исламского сообщества⁹³⁶. Росту влияния суфийских шейхов особенно способствовало появление в Дагестане ваххабитских эмиссаров. Именно лидеры

тарикатов оказались единственной реальной силой, способной противостоять экспансии «чистого ислама». Традиционные мусульмане, в советское время неоднозначно относившиеся к суфизму, в сложившейся ситуации предпочли его откровенно радикальному исламу, и дагестанская умма, ранее делившаяся на последователей лояльного властям «мечетского» ислама и «немечетских» тарикатистов, теперь разделилась на тарикатистов и ваххабитов⁹³⁷.

Первоначально дагестанские тарикаты имели многонациональный характер, а их лидеры старались избегать участия в межэтнических конфликтах и политической борьбе. Другой отличительной особенностью дагестанского суфизма стало большое число ярких шейхов, которые активно передавали свой опыт мюридам и фактически выступали в роли основателей новых вирдов⁹³⁸. Вследствие этого дагестанские тарикатисты стали делиться не столько по орденам, сколько по духовным наставникам, некоторые из которых выступали от имени сразу нескольких тарикатов⁹³⁹.

Самым известным муршидом Дагестана считается житель села Чиркей Гумбетовского района аварец Саид Ацаев, более известный как Саид-афанди Чиркейский. Он представлял интересы сразу двух тарикатов — шазилийи и нашкбандийи, благодаря чему получил дополнительные возможности для привлечения новых последователей. Подавляющее большинство его мюридов составили аварцы, самые активные из которых в 1992 году пришли к власти в ДУМ Дагестана. Начиная с муфтия Саида Дарбишгаджиева все председатели этого духовного управления контролировались Саидом-афанди.

Между тем муфтий Багаутдин Исаев был мюридом авторитетного кумыкского шейха Магомед-Эмина Параульского, и его смещение вызвало конфликт не только между кумыками и аварцами, но и между их ведущими муршидами⁹⁴⁰. Первоначально возникшие трения носили скрытый характер, однако по мере усиления позиций Саида-афанди Чиркейского альтернативные ему шейхи все больше отес-

нялись на второй план. Контролирующие большинство республиканских СМИ мюриды Ацаева создали ему образ авторитетнейшего в пределах всей мировой исламской уммы алима, истинного лидера дагестанского ислама и главного борца с ваххабизмом. В знак особого почтения к Саиду-афанди Чиркейскому его именем даже стали называться мечети и медресе⁹⁴¹.

Помимо контроля над ДУМ Дагестана (названного по этой причине «гумбетовским»), с 1994 года ставшего единственным легитимным муфтиятом Дагестана, Саид Чиркейский заручился поддержкой и высшего эшелона светской власти, по степени своего влияния выйдя на уровень председателя Госсовета Магомедали Магомедова⁹⁴². По мнению дагестанского ученого Гаджи Магомедова, «и без того разделенная исламская община республики теперь просто дробится на противоборствующие кусочки во главе со «святыми» лидерами. При этом деятельность многих шейхов направлена далеко не всегда только лишь на «достижение божественной истины» посредством авторского тариката, но и на постепенное усиление собственного религиозно-политического влияния, которое осуществляется через учеников. Больше всего в этом преуспел уже упомянутый Саид Афанди, под влиянием которого находится Духовное управление мусульман Дагестана. Его мюридами считают треть депутатского корпуса республиканского Народного собрания. Имеются Они и в правительстве, включая министров и некоторых руководителей республики»⁹⁴³.

Магомедов отмечал также, что «большинство шейхов находятся в постоянном противоборстве друг с другом. В эту борьбу вовлечены также их последователи. В селениях Нижнее Казанище Буйнакского района и Шамхал Кумторкалинского района верующие, выступая против экспансии шейха Саида афанди Чиркейского и подконтрольного ему ДУМДа, пытаются отстоять «своих имамов» кумыкской национальности»⁹⁴⁴. Оппозиционные Ацаеву шейхи обвиняли его в продвижении нетрадиционного для Дагестана шази-

лийского тариката и разрушении единства умеренных мусульман, которые оказались расколоты не только по национальному, но и по религиозному признаку.

Полемика между сторонниками и противниками Ацаева постепенно обострялась и местами стала выливаться в прямые столкновения. Так, по утверждению дагестанского исламоведа Руслана Курбанова, в сентябре 2001 года «группа сторонников Мухаммада Мухтара Кяхулайского ворвалась в здание ДУМД, угрожая «не оставить камня на камне от Духовного управления» если не прекратятся оскорбления Мухаммада Мухтара со стороны мюридов Саида-афанди». Курбанов также утверждал, что весной 2004 года представители других тарикатских ветвей, возмущенные политикой «гумбетовского» ДУМ Дагестана, пытались создать на базе мечети в Редукторном поселке Махачкалы альтернативное Духовное управление, однако нанятые «гумбетовцами» боевики вынудили их отказаться от своего решения⁹⁴⁵.

К 2000 году мюриды Саида Чиркейского стали самой крупной и влиятельной партией среди мусульман Дагестана. Им удалось практически монополизировать отношения с властными структурами и привлечь на свою сторону целый ряд крупных бизнесменов, деньги которых позволили начать несколько миссионерских проектов. Так, под эгидой («при духовном попечительстве») ДУМ Дагестана, благотворительного фонда им. Сайидмухаммада Абубакарова и благотворительного фонда «Ансар» был запущен «независимый исламский информационный канал» «Ислам.ру», который быстро стал крупнейшим русскоязычным мусульманским порталом. Впоследствии ДУМ Дагестана стало также выпускать ежемесячный иллюстрированный журнал «Ислам»⁹⁴⁶.

Первоначально «Ислам.ру», главным редактором которого был назначен татарин Марат Сайфутдинов, старался с уважением относиться к основным мусульманским структурам страны и вел полемику только с последователями ваххабизма, однако постепенно его материалы стали наполняться жесткой критикой «татарских муфтиятов». Первым

под удар мюридов Саида Чиркейского попало ЦДУМ, обвиненное в излишней лояльности к Русской Православной Церкви, а с июня 2004 удары начали наноситься и по Совету муфтиев России, председатель которого посмел ослушаться размещенных на «Исламе.ру» фетв и встретился с послом Израиля в России⁹⁴⁷.

Вскоре из аналитических статей «Ислама.ру» стало ясно, что его редколлегия вообще считает официальные мусульманские структуры — конечно, за исключением ДУМ Дагестана — ненужными пережитками прошлого и не стесняется презрительно именовать их «духовками». Председатели целого ряда ДУМов, в число которых помимо Талгата Таджуддина и Рауиля Гайнутдина попали также муфтии Мухаммадгали Хузин, Джагофар Пончаев, Назымбек Ильязов, Сибгатулла Сайдуллин, Зилькарнай Шакирзянов, Исмаил Шангареев, Умар Идрисов, а также целый ряд московских и казанских имамов, обвинялись авторами портала как минимум в полной некомпетентности и невежественности. При этом особую ненависть среди них вызывали критики скабрёзной книги «Любовь и секс в исламе», выпущенной издательством «Ансар» в 2004 году⁹⁴⁸.

Таким образом, к концу 2004 года портал «Ислам.ру» стал окончательно позиционировать себя в качестве ресурса экспансионистски настроенных тарикатистов из Дагестана. При этом его информационная политика оказалась идентичной политике ведущих ваххабитских ресурсов, также направленной на подрыв авторитета официального мусульманского духовенства и разжигание межрелигиозной вражды. Частыми гостями портала стали Гейдар Джемаль и его адепты — Орхан Джемаль, Максим Шевченко, Надежда Кеворкова и другие деятели, которые ранее резко критиковались за приверженность идеологии ваххабизма.

Трудно сказать, какие цели в действительности ставят перед собой последователи чиркейского муршида, однако на практике их действия приводят еще к большему расколу российского ислама и роняют его авторитет в глазах после-

дователей других религий. Именно их стараниям умеренный ислам был окончательно вытеснен из русскоязычного Интернета, и теперь пользователи Сети видят только негативные стороны этой мировой религии.

4. Трения между ханафитами и шафиитами

Все религиозно-правовые школы — мазхабы — суннизма признаются равнозначимыми, что в принципе сильно затрудняет любое противостояние между их последователями. Традиционно взаимоотношения между последователями мазхабов ханафизма и шафиизма, распространенных в нашей стране, характеризуются взаимным уважением и сотрудничеством, однако в 1989 году их конфессиональные различия стали одной из причин раскола⁹⁴⁹.

Весной 1989 года «инициативная группа» начала кампанию по смещению председателя ДУМСК муфтия Махмуда Геккиева. Среди многочисленных свидетельств его морального разложения, нечистоплотности и профессиональной непригодности, призванных оправдать необходимость смены власти, фигурировало и обвинение в принадлежности Геккиева к ханафитскому мазхабу, в то время как «большинство мусульман Дагестана — шафииты»⁹⁵⁰. Действительно, как и подавляющее большинство балкарцев, Геккиев был ханафитом, однако смешанный шафиито-ханафитский характер ДУМСК вполне допускал такую ситуацию.

Летом 1989 года лидер «инициативной группы» Зайдулла Алибеков, после переворота в ДУМСК приобретший немалый вес, высказал пожелание, чтобы новым муфтием Северного Кавказа стал человек, знающий основные дагестанские языки и исповедующий шафиитский мазхаб, что фактически ограничило круг кандидатов дагестанцами и, с большими допущениями, вайнахами. Подобная политика привела в итоге к распаду ДУМСК.

5. Трения между суннитами и шиитами

Среди прочих религиозных предпосылок раскола российского ислама трения между суннитами и шиитами были, пожалуй, наименее значимыми. Ни в одном из расколов они не фигурировали даже в числе второстепенных причин, выплескиваясь на поверхность лишь эпизодически. Все ведущие духовные лидеры российского ислама, за исключением муфтия Равиля Гайнутдина, относились к шиитам дружелюбно и никаких препон им не чинили.

Численность этнических шиитов в России достаточно велика и составляет, по разным подсчетам, от 400 тыс. до 1 млн. человек. В то же время подавляющее большинство шиитов составляют азербайджанцы, которые отличаются особой веротерпимостью и не имеют склонности к миссионерской деятельности. Они обычно посещают суннитские мечети, и лишь в нескольких городах (Дербенте, Махачкале, Астрахани и Москве) имеют самостоятельные общины. Признанным духовным лидером азербайджанцев-шиитов (равно как и суннитов) является председатель Управления мусульман Кавказа шейх-уль-ислам Аллашукюр Паша-заде, который пользуется большим авторитетом среди верующих не в последнюю очередь за взвешенную и грамотную политику в суннито-шиитских взаимоотношениях⁹⁵¹.

И все-таки трения между шиитами и суннитами оказались перенесены на российскую почву, причем получилось это во многом благодаря усилиям Культурного центра при посольстве Исламской республики Иран в Москве. Его сотрудники быстро наладили связи со всеми интересующимися шиизмом людьми, среди которых следует особо отметить неоднозначного философа Гейдара Джемаля, верховного муфтия Нафигулла Аширова и молодого банковского клерка Тараса Черниенко, который впоследствии стал фактическим лидером Национальной организации «русских мусульман» (НОРМ)⁹⁵².

По всей видимости, иранцы желали распространить свою религиозно-политическую идеологию среди элиты российских мусульман, которые впоследствии могли бы принести определенную пользу интересам Исламской республики. Россияне стали приглашаться в Иран на многочисленные конференции, на учебу или стажировку в город Кум; была развернута работа по переводу на русский язык трудов ведущих иранских мыслителей — в первую очередь аятоллы Хомейни. При поддержке иранского посольства муфтий Нафигулла Аширов в 1998 году открыл в подмосковном Зеленограде колледж «Расуль Акрам», которому отводилась роль главного учебного заведения ДУМАЧР⁹⁵³. Тем самым предполагалось, что будущие духовные лидеры этого управления если и не примут шиизм, то, во всяком случае, займут проиранские позиции.

С активизацией движения «русских мусульман» функционеры Культурного центра увидели в нем оптимальную сферу для приложения своих усилий. Их главным помощником в миссионерской работе стал Гейдар Джемаль, благодаря своей харизме и радикальным взглядам быстро сделавшийся кумиром для большинства неопитов. При его непосредственном участии в июне 2004 года два украинца — суннит Абу-Талиб Степченко и шиит Абдуль-Керим-Тарас Черниенко выступили инициаторами создания НОРМа, которая продекларировала желание представлять интересы всех новообращенных мусульман⁹⁵⁴.

Через полгода после учредительного съезда НОРМа вице-президент этой организации Абдуль-Керим-Тарас Черниенко в своем интервью «Интерфаксу» заявил, что по его подсчетам, до 90% московских и до 40% всех «русских мусульман» являются приверженцами шиизма. Такие оценки вызвали неоднозначную реакцию многих «официальных» мусульманских лидеров, которые неожиданно обнаружили, что «русские мусульмане» представляют собой немислимый конгломерат шиитов, ваххабитов и относительно малочисленных приверженцев разнообразных суфийских орденов.

Кроме того, стало очевидно, что резкие нападки Гейдара Джемалья и его учеников из НОРМа в адрес крупнейших муфтиятов обусловлены не только их политической позицией, но и приверженностью к наиболее радикальным ценностям «исламской революции»⁹⁵⁵.

Следует заметить, что и внутри самих «русских мусульман» стал зарождаться раскол на почве догматических разногласий между шиитами и суннитами. Приверженцы шиитского крыла НОРМа в своих высказываниях не скрывали, что считают суннитский ислам слишком примитивным и пригодным только для малообразованных людей, в то время как интеллектуалы должны прибегать к мистическим тайнам шиизма⁹⁵⁶.

Можно предположить, что духовные искания многих «русских» шиитов в итоге приведут их в шиитские секты группы «гулат», среди которых самой привлекательной выглядит секта неоиismaитов. Учитывая их рвение и целеустремленность, это вполне может закончиться возрождением секты ассасинов образца эпохи Крестовых походов, которая будет придерживаться весьма своеобразных форм миссионерской деятельности. Впрочем, приобщение значительной части «русских мусульман» к шиизму свидетельствует о том, что их истинными мотивами перехода в ислам стали духовные искания, обычно не прекращающиеся в течение всей жизни.

В июле 2006 года противоречия между салафитским и шиитским крылом НОРМа достигли своего апогея и вылились в открытое противостояние. Этот конфликт вспыхнул на почве отношения к ливанской организации «Хезболла», которая резко усилила свое влияние после ливано-израильской войны. Нормовские шииты всячески приветствовали успех «Хезбаллы», в то время как салафитов эти успехи совсем не радовали. На страницах сетевых «Живых журналов» стали разгораться настоящие словесные баталии, которые вылились в заявление «мухтасиба» НОРМ Харуна-Вадима Сидорова-ар-Руси, который заявил о начале непримиримой

борьбы с «рафидитским наджасом» (шиитскими нечистотами) и зачем-то обвинил аятоллу Хомейни в пропаганде педофилии⁹⁵⁷. Тем самым он положил конец истории НОРМа и свел к нулю возможность примирения двух крыльев «русских мусульман».

Помимо уже описанной полемики радикальных шиитов с прогосударственным мусульманским духовенством, а также их конфликта с «русскими» салафитами, можно отметить только два известных скандала на почве трения между суннитами и шиитами.

Так, в 2001 году группа молодых мусульман в городе Альметьевске (Республика Татарстан) под влиянием миссионерской поездки иранских проповедников перешла в шиизм и попыталась спровоцировать конфликт с суннитами. Данный конфликт был быстро урегулирован силами местных мусульман и особых последствий не имел. Кроме того, суннито-шиитские противоречия присутствовали в противостоянии муфтия Мухаммадгали Хузина с активом общины пермской Соборной мечети, который был сформирован преимущественно из азербайджанцев-шиитов. Впрочем, главной причиной этого противостояния стали финансовые интересы, а не вероисповедная принадлежность⁹⁵⁸.

б. Межрелигиозный диалог как фактор исламской политики

Диалог между представителями традиционных религий в России начался еще в советское время, когда пропаганда воинствующего атеизма сблизила православных христиан, мусульман, иудеев и буддистов. С 60-х годов в рамках новой внешнеполитической доктрины в СССР стали проводиться представительные межрелигиозные конференции, призванные доказать, что никаких гонений на верующих в стране нет, а есть сотрудничество во имя мира во всем мире. На та-

кого рода мероприятиях отечественные духовные лидеры могли пообщаться как с зарубежными единоверцами, так и друг с другом, обсудить общие проблемы и прояснить интересующие их богословские вопросы. Это общение проходило в дружеской атмосфере и нередко продолжалось на неофициальном уровне.

После развала Советского Союза межрелигиозный диалог был востребован уже как инструмент урегулирования межнациональных конфликтов, которые в любой момент могли приобрести религиозную составляющую. Так, благодаря миротворческим усилиям Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, лидера мусульман Закавказья шейх-уль-ислама Аллахшукюра Паша-заде и католиков Армянской апостольской церкви удалось предотвратить трансформацию Карабахского конфликта в межрелигиозный, а переговоры в Москве, проведенные представителями Русской Православной Церкви и муфтием Чечни Хусейном Алсабековым, свели на нет все попытки превратить чеченскую войну в джихад против России.

Помимо миротворческой составляющей межрелигиозный диалог был весьма востребован и в других сферах — например, законодательной, поэтому начиная с 1990 года сотрудничество между Русской Православной Церковью и ведущими центрами других традиционных религий стало приобретать регулярный характер. В 1991 году в ходе консультаций было принято принципиальное решение создать постоянно действующий межрелигиозный орган, однако начавшийся раскол российской уммы не позволил реализовать эту инициативу.

В течение последующих лет православная сторона, выступавшая главным инициатором создания Межрелигиозного совета России, терпеливо ждала, когда ситуация в российском исламе, наконец, нормализуется. После семи лет ожидания было принято решение воспроизвести в Межрелигиозном совете России схему президентского Совета по взаимодействию с религиозными объединениями и пригла-

силь в него сразу двух мусульманских лидеров: верховного муфтия Талгата Таджуддина и муфтия Равиля Гайнутдина. Действительно, существовала вполне оправданная надежда, что два уважаемых духовных лидера не будут переносить свою вражду в сферу межрелигиозного диалога и смогут принимать совместные решения. Между тем муфтий Равиль Гайнутдин имел свою точку зрения на эту проблему.

23 декабря 1998 года в Москве состоялось учредительное заседание Межрелигиозного совета России (МСР), на котором были выбраны пять членов его президиума: митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, верховный муфтий Талгат Таджуддин, муфтий Равиль Гайнутдин, главный раввин России Адольф Шаевич и глава Буддийской традиционной сангхи России пандито хамбо-лама Дамба Аюшев. Около года МСР работал нормально, однако на его третьем заседании, состоявшемся 22 марта 2000 года в Мемориальной синагоге на Поклонной горе, произошел серьезный скандал.

При обсуждении одного из вопросов между представительной делегацией ЦДУМ и муфтием Равилем Гайнутдином начался резкий спор, в ходе которого председателю Совета муфтиев деликатно напомнили, что предавать своего учителя очень нехорошо. Ответить на этот упрек было нечем, поэтому оскорбленный Равиль Гайнутдин покинул заседание, и вскоре его позиция по этому вопросу была приведена в «Мусульманской газете» Вячеслава-Али Полосина, опубликовавшей статью «Кому выгоден раскол мусульман?»⁹⁵⁹. Главная мысль этой статьи заключалась в том, что у мусульман России есть один законный лидер — Равиль Гайнутдин, поэтому Православная Церковь поступила провокационно, позвав в МСР также «запыленную фигуру прошлого» — верховного муфтия Талгата Таджуддина. «А кому вообще было нужно приглашать «альтернативное» Совету муфтиев России уфимское центральное духовное управление? Как отреагировал бы сам митрополит, если бы, придя на заседание МСР, он увидел бы рядом с собой анафематствованного им

священника Глеба Якунина, киевского патриарха, епископов зарубежной и катакомбной церковей? Имеет ли сам митрополит полномочия представлять интересы самой древней христианской церкви в России — старообрядческой?» — вопрошал автор статьи. В личных беседах представители Совета муфтиев России еще дальше развили данную мысль, пообещав назло Церкви и ЦДУМ начать диалог с «Богородичным центром», пятидесятниками и кришнаитами.

В свою очередь, митрополит Кирилл прояснил позицию Церкви по отношению к исламу в интервью «Независимой газете», в котором подтвердил ее желание сотрудничать со всеми лидерами многополярной российской уммы, причем в первую очередь — с Талгатом Таджуддином и муфтием Чечни Ахмадом Кадыровым. «Конечно, Церковь могла бы выбрать для диалога какую-нибудь одну мусульманскую структуру, тем более что она уже имеет давних и надежных партнеров в исламской умме, контакты с которыми сложились еще в трудное для всех религий время господства воинствующего безбожия. Однако мы предпочитаем сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами вне зависимости от их размера и влияния», — заявил он⁹⁶⁰.

После инцидента в синагоге представители Совета муфтиев почти два года не посещали заседания МСР, однако на его работе это никак не сказалось. Более того, в конце 2001 года в президиум МСР вошел председатель КЦМСК муфтий Магомед Албогачиев, которого совсем не смущало соседство с верховным муфтием Талгатом Таджуддином. Между тем ЦДУМ и КЦМСК контролировали большинство мусульманских общин страны, поэтому вполне могли говорить от имени всех российских мусульман. Так, попытки Совета муфтиев России выступить против введения в школах «Основ православной культуры» были денонсированы позицией ЦДУМ и КЦМСК, не усмотревших этой инициативе ничего антиисламского.

В 2002 году Совет муфтиев России примирился с МСР и муфтий Равиль Гайнутдин опять начал посещать его заседа-

ния. В 2004 году под эгидой МСР успешно был проведен II Межрелигиозный миротворческий форум, после чего отношения внутри Совета приблизились к оптимальным — ЦДУМ и Совет муфтиев России начали постепенно примиряться и сохраняющиеся между ними трения уже не выносились в публичную сферу.

Между тем муфтий Равиль Гайнутдин не оставлял надежды стать главным выразителем интересов российской уммы и летом 2005 года московскому муфтию удалось сделать важный шаг в этом направлении — именно на нем остановился выбор президента России, набиравшего членов Общественной палаты. С этого времени начался новый кризис МСР — Равиль Гайнутдин дал понять, что быть одним из трех мусульманских членов президиума Совета он не хочет, поскольку теперь ни Талгат Таджуддин, ни Исмаил Бердиев ему не ровня.

Между тем у Русской Православной Церкви были свои предпочтения в мусульманской сфере. Поддерживая ровные отношения со всеми тремя мусульманскими центрами, православные не могли не замечать, что их лидеры относятся к Церкви по-разному. И что красивые декларациями о дружбе и сотрудничестве могут скрывать не очень добрые намерения.

Изучая высказывания муфтия Равиля Гайнутдина в отношении Русской Православной Церкви и ее лидеров, трудно отделаться от мысли, что председатель Совета муфтиев России испытывает к ним искреннюю ненависть. Конечно, при встречах с представителями Церкви, в поздравлениях ее предстоятелю и в разного рода программных выступлениях Гайнутдин всячески подчеркивал свою приверженность ценностям мусульманско-православного диалога и хвалил Церковь даже сильнее своего учителя Талгата Таджуддина, однако существовала и обратная сторона медали.

Так, встретившись в сентябре 1998 года с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, Гайнутдин поспешил заявить, что по его требованию Патриарх снял с занимаемой должности архиепископа Ярославского и Ростовского Ми-

хея, которой якобы препятствовал строительству второй мечети в Ярославле. На самом деле никаких санкций в отношении архиепископа не последовало, зато первая встреча Гайнутдина с патриархом стала и последней. Впрочем, и до, и после нее глава Совета муфтиев России делал весьма показательные заявления, некоторые из которых стоит воспроизвести.

«К сожалению, высшие иерархи наших церквей в основном встречаются, декларируют, а на деле не осуществляются те достигнутые договоренности. И я хотел бы показать на примере. И Святейший Патриарх Московский и Всея Руси, и другие руководители, встречаясь с мусульманскими религиозными деятелями, говорят, что на территории Чечни ведется конфликт не на религиозной основе. Мы уважаем друг друга и призываем наших верующих, чтобы они встали на путь мира и согласия. В то же время Русская Православная Церковь направляет своих священнослужителей в войсковые части, которые ведут войну на территории Чечни. Отправляя воинов на войну, они благословляют их на убийство. И мусульмане, увидев, что священник Русской Православной Церкви благословляет на убийство и освящает оружие, спрашивают: а где же та искренность, а где же те договоренности, которые были заявлены, что «мы не будем поощрять войну, убийства наших граждан?»⁹⁶¹.

«Обеспокоенность тем, что РПЦ претендует на особую роль среди других конфессий, высказал председатель Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) шейх Равиль Гайнутдин. Выступая 1 июля в Московской соборной мечети на конференции «Демократия и судьбы ислама в России», шейх Р. Гайнутдин отметил, что «дело доходит до того, что в парламенте циркулируют проекты придания РПЦ статуса государственной религии»⁹⁶².

«В этой связи следует задаться вопросом, почему ЦДУМ, в отличие от СМР, в глазах Русской православной церкви считается всегда хорошеньким и удобеньким? Это именно из-

за того, что мы обращаем внимание Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго на определенные моменты, скажем, когда нам запрещают в одном из городов строить мечеть, ссылаясь на то, что РПЦ против, или когда мусульманскую общину направляют к митрополиту за благословением для получения земельного участка под строительство мечети. Это, возможно, не нравится руководству РПЦ, но кто же будет защищать интересы, права наших мусульман, если не мы — мусульманские лидеры и организации»⁹⁶³.

«Равиль Гайнутдин призвал Русскую Православную Церковь учитывать мнение мусульманской общины при возведении храмов, «чтобы непродуманные шаги не наносили ущерб межнациональному миру и согласию в России». В этой связи муфтий обратил внимание на время, которое было выбрано для строительства часовни в Набережных Челнах. «Дело в том, что на текущий год приходится скорбный для татарского народа юбилей: 450-летие завоевания Казани русским царем Иваном Грозным, когда кровь текла рекой и убивали всех татарских мужчин вплоть до семилетних мальчиков, а также происходило насильственное крещение татар», — напомнил Равиль Гайнутдин. «Вот почему строительство православной часовни в год такого юбилея было не вполне корректным и даже оскорбительным для религиозных чувств мусульманского населения города», — отметил муфтий. Говоря о будущем разрушенной в Татарстане часовни, муфтий сообщил, что вопрос о месте ее возведения будет решаться на региональном уровне и что, скорее всего, ее предложат построить подальше от мечети»⁹⁶⁴.

«Использование в архитектуре некоторых православных храмов православного креста, водруженного над полумесяцем, вызывает негативное, а порой резко отрицательное чувство мусульман», — заявил, обращаясь к Священноначалию Русской Православной Церкви председатель Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России муфтий Равиль Гайнутдин. Он попросил «во имя согласия и спокойствия представителей двух великих религий

во вновь сооружаемых, строящихся православных храмах не ставить под крестом полумесяц в виде поверженного символа ислама», тем более что в новых исторических условиях такая символика лишена реального смысла»⁹⁶⁵.

«Не Русская православная церковь, не буддисты, не иудеи, а именно мусульмане в нашей стране стали инициаторами создания Межрелигиозного совета России. Мы подчеркнули, что знаем: Русская православная церковь ведет диалог с мусульманами Ирана, и пора начать диалог с мусульманами своей страны»⁹⁶⁶.

«Например, председатель совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин в интервью «Итогам» подчеркнул, что идея строительства православных храмов на территории посольств неконституционна. «Создание храмов одной религии, пусть и уважаемой и имеющей большинство последователей в России, будет означать, что в стране господствует одно вероучение. Мне кажется, это вызовет недоуменные вопросы в арабо-мусульманском мире», — подчеркнул главный муфтий России»⁹⁶⁷.

«В некоторых подмосковных городах нам указывают, чтобы мы брали ходатайство у Митрополита Ювеналия, чтобы получить земельный участок под строительство мечети. Мусульмане должны идти с поклоном к иерарху Русской православной церкви для того, чтобы получить согласие Русской православной церкви — давать или не давать строительство мечети мусульманам»⁹⁶⁸.

«Глава-Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин заявил, что в России проживает 20 млн. мусульман, в то время как истинных православных — не более 2,5% (то есть около 3,6 млн. — «ИФ»). На пресс-конференции в Москве он выступил с критикой в адрес Московского Патриархата в связи с тем, что православные архиереи, по его мнению, занижают число мусульман в стране.

«Наши религиозные праздники — а их два — не являются государственными, и наших верующих не пускают в мечети. Считать поголовно, что их, оказывается, мало, это не-

красиво и неэтично, когда делаются такие заявления со стороны нашей братской Церкви», — подчеркнул глава Совета муфтиев.

«Не более 2,5% активно верующих православных христиан (в России — «ИФ»), в отличие от 80%, которые заявляют иерархи Православной церкви», — сказал Р.Гайнутдин.

Между тем этнические мусульмане, по его словам, рождаются мусульманами, «они приходят на эту землю верующими». При этом, полагает муфтий, неважно, посещают мусульмане мечеть или нет, «убеждение и вера — в душе». Согласно данным всероссийской переписи населения 2002 года, в России проживает 14,5 млн. этнических мусульман. В ходе социологических опросов православными себя называют около 80% верующих»⁹⁹.

Суммируя вышеприведенные высказывания, можно констатировать, что муфтий Равиль Гайнутдин считает Патриарха Алексия II лицемером, называет строительство православных часовен оскорбительным для религиозных чувств мусульманского населения, и полагает, что Русская Православная Церковь должна учитывать мнение мусульманской общины при возведении своих храмов (но почему-то обижается, когда его имамов просят учитывать мнение православного населения при строительстве мечетей), считает «якорные» кресты антимусульманским символом и очень обеспокоен тем фактом, что Церковь благословляет солдат на убийство граждан России. По его мнению, Русская Православная Церковь возмутительно претендует на особый статус в государстве и пытается неконституционно строить свои храмы при посольствах в то время, как ее приверженцев в России в семь раз меньше, чем мусульман.

К этому можно также добавить, что председатель Совета муфтиев России обвинял епископа Ставропольского и Владикавказского Феофана, предложившего построить храм на месте бесланской школы, в разжигании межрелигиозной вражды, в качестве примера деградации татарского народа приводил массовые крещения детей от смешанных браков, в

крайне оскорбительной форме отзывался об инициативе введения в школах «Основ православной культуры», а в армии — института капелланов⁹⁷⁰.

Трудно сказать, чем руководствовался Равиль Гайнутдин, перемежая заверения в дружбе совершенно недружественными высказываниями, однако отношение к нему в православных кругах сформировалось вполне определенное. И совсем неслучайно православная общественность целого ряда городов выступает против строительства мечетей только на том основании, что их общины ориентируются на Совет муфтиев России. При этом и ЦДУМ, и КЦМСК строят свои мечети беспрепятственно и зачастую при поддержке местных епархий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала возрождения исламского сообщества России до настоящего времени прошло почти 20 лет — немалый для новейшей истории срок. Конечно, исламский ренессанс в России далеко не завершен и вряд ли будет завершен в ближайшее время, однако уже сейчас можно подвести его предварительные итоги. И они не внушают оптимизма.

Да, за последние годы миллионы людей осознали себя мусульманами. Были построены тысячи мечетей и десятки медресе, возникли сотни газет, журналов и веб-сайтов, открылся целый ряд издательств исламской литературы и местами сформировалась халяльная инфраструктура. Сейчас любой желающий мусульманин может спокойно молиться, питаться в соответствии с требованиями своей веры, совершать хадж или выезжать на обучение в зарубежных медресе. Мусульмане широко представлены во властных структурах и бизнесе, оскорбление их чувств считается серьезным преступлением, в то время как сами они зачастую могут безнаказанно выражать очень радикальные точки зрения.

Более того, ислам стал самой привилегированной религией России. Боязнь повторения «чеченского» сценария заставила федеральный центр создать режим наибольшего благоприятствования «мусульманским» регионам, лидеры которых в обмен на лояльность получили возможность вести максимально независимую внешнюю политику и получать огромные дотации. При этом российские законы в них действуют только в том случае, если не противоречат местным обычаям.

Так, в Ингушетии, Чечне и Дагестане — единственных по-настоящему мусульманских республиках России — многоженство считается совершенно обычным явлением, которое не только не осуждается, но и откровенно поощряется властями. Во многих аулах и даже крупных селах этих республик реальная власть принадлежит не главам администраций, а духовным авторитетам. Получают все большее распространение шариатские суды, решения которых зачастую выполняют и чиновники светского российского государства. Во время месяца Рамадан считается в порядке вещей введение моратория на продажу алкоголя и развлекательные мероприятия, ведется борьба с игорным бизнесом и пропагандой разврата в СМИ. В школах, а зачастую и в детских садах, в обязательном порядке преподаются основы ислама, в то время как сомнительные с точки зрения исламской морали предметы (дарвинистская биология, валеология) категорически не приветствуются. По сути, указанные республики в лучших традициях Российской Империи получили «карт-бланш» на построение полноценных исламских сообществ. При этом православные регионы России пока лишены аналогичных возможностей.

Благоприятна для приверженцев ислама и демографическая ситуация. Благодаря высокой рождаемости у дагестанцев, чеченцев, ингушей, узбеков, таджиков и азербайджанцев численность этнических мусульман растет, их семьи считаются крепкими и благополучными. Разводы и аборт, отказ от детей и непочтение к родителям однозначно порицаются.

Международная обстановка дополнительно стимулирует развитие российского ислама. Мощный рост влияния исламского мира, демонстративное сближение России с ОИК и отдельными мусульманскими странами, учащающиеся моральные победы мусульман над западной цивилизацией, а также целый ряд других факторов позволяют российским мусульманам чувствовать себя частью значимой силы, силы,

реально претендующей на мировое господство. И это сильно поднимает их настроение.

Впрочем, нельзя игнорировать и обратную сторону медали. Да, вне всякого сомнения, российский ислам почти возродился, однако восстановление его позиций произошло очень непропорционально.

Так, в тысячи построенных мечетей не пришли тысячи образованных имамов. Исламское образование в России пребывает в столь же печальном состоянии, как и 15 лет назад. Из 69 исламских университетов, институтов и медресе только Российский исламский университет, в который были вложены рекордные деньги и силы, был хоть как-то похож на высшее учебное заведение. Большинство же остальных напоминают скорее многолетние курсы арабского языка и не дотягивают даже до уровня провинциального ПТУ. Доходит и до откровенных курьезов — так, суммарный годовой выпуск двух ведущих исламских вузов страны — Российского исламского университета и Московского исламского университета — составляет менее десяти человек!

Нужно признать, что в России просто не выросло целое поколение образованных имамов. Их место сейчас занимают выпускники зарубежных ваххабитских медресе, которым, видимо, и предстоит со временем заменить действующих муфтиев. Впрочем, и ваххабиты в подавляющем большинстве не могут похвастаться хорошим образованием — ведь средний срок их обучения не превышает 4—5 лет, хотя только для нормального изучения арабского языка требуется минимум 3 года.

Еще хуже обстоит дело с исламскими богословами и мыслителями, которых осталось всего двое — Тауфик-Ибрагим и Азер Алиев. Со временем, может быть, к ним смогут присоединиться Валиулла Якупов, Шамиль Аляутдинов и Шафиг Пшихачев. Иные деятели, позиционирующие себя в таком качестве, на деле не имеют высшего богословского образования и даже просто не владеют арабским языком. Однако именно они — бывшие научные атеисты, отставные

политики и философы-окультисты — выступают от имени всех российских мусульман в печатных и электронных СМИ. И излагают такие мысли, за которые в настоящих мусульманских странах можно сесть в тюрьму за богохульство. Глядя на них, арабы, иранцы и турки задаются логичным вопросом — что же за мусульмане живут в России, если это — их элита? Стоит ли вообще тратить время и деньги на их поддержку?

Прямым следствием кадрового кризиса стала тяжелая ситуация в исламских СМИ, которые так и не возникли в нормальном виде. До сих пор мусульмане не имеют общероссийской газеты или журнала. Претендовавшие на этот статус издания «Мусульманская газета» и «Все об исламе» обслуживали интересы специфических групп влияния, поэтому никакой популярностью в исламской среде не пользовались и очень быстро прекратили свое существование. Газеты и журналы, издаваемые муфтиятами, как правило, имеют небольшой тираж (за исключением газеты ДУМЕР «Ислам Минбэре») и очень узкую специализацию.

Средняя мусульманская газета сейчас представляет собой дайджест материалов из сети Интернет, выдержек из переводных брошюрок и сборника поучительных историй из жизни Ходжи Насреддина. Эксклюзивные материалы присутствуют в них в очень слабой степени и зачастую ограничиваются простым изложением официальной хроники отдельных муфтиятов. Конечно, такая пресса не способна серьезно влиять на умы мусульман, поэтому главным источником информации и свежих идей для них стали веб-сайты.

Именно интернет-порталы являются сейчас единственным общедоступными СМИ, и они могли бы служить главным средством пропаганды истинных исламских ценностей. Могли бы, но не стали. Все самые посещаемые русскоязычные сайты исламской тематики ведут пропаганду весьма радикальных, а зачастую и откровенно экстремистских идей. Случайно или сознательно зашедший на них христианин, иудей или буддист прочтет немало оскорбительных эссе о

своей вере, узнает о том, что все муфтии — суть кремлевские марионетки, а настоящие мусульмане скрываются в горах Кавказа и периодически несут знамя священной войны на города «неверных». Почерпнуть же позитивные сведения об исламе на подобных порталах практически невозможно.

В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда от имени российских мусульман на телевидении, радиостанциях и в Интернете выступают «шейхи» с уголовным прошлым, по любому поводу грозящие православным «второй Чечней», душевнобольные философы, изъясняющиеся в любви к международным террористам, экзальтированные переводчицы Корана, победно рапортующие о неизбежной исламизации России, а также многочисленные «русские мусульмане», которые главным предназначением ислама считают борьбу с иудео-христианским заговором. А ведь после каждого их заявления количество людей, уверенных в агрессивной и человеконенавистнической сущности ислама, заметно возрастает! Можно с уверенностью сказать, что львиная доля вины за формирование искаженного образа ислама в светских СМИ лежит на кучке радикалов, присвоивших себе право выражать чаяния российских мусульман. И помешать им некому, поскольку нормальных мусульманских журналистов в России практически нет.

В то же время другие религиозные традиции России не имеют аналогичных проблем с кадрами духовенства, преподавателей и специалистов иного профиля. Иудеи, протестанты и католики преимущественно благодаря поддержке из-за рубежа смогли выстроить всю необходимую образовательную инфраструктуру, а Русская Православная Церковь восстановила духовные учебные заведения почти исключительно за счет внутренних ресурсов и российских меценатов. Даже малочисленная и небогатая буддийская община, серьезно спонсируемая одним лишь президентом Калмыкии Кирсаном Илюмжиновым, располагает солидными университетом в Иволгинском дацане (Бурятия) и имеет возможность обучать будущих лам в престижных вузах Индии и

Монголии. Поэтому очевидно, что система подготовки исламских кадров находится в столь плачевном состоянии не из-за финансовых проблем — скорее ее деградация является следствием целенаправленного саботажа.

Нельзя сказать, что государство не пыталось вмешаться в ситуацию и помочь мусульманам. Помимо заведомо бесполезных вложений в уже существующие медресе, Администрация Президента пыталась реализовать несколько собственных проектов, среди которых можно отметить открытие специализированного отделения при Институте стран Азии и Африки МГУ (этот эксперимент, начавшийся в 2004 году, пришлось свернуть менее чем через два года) и квотирование мест для мусульман в Московском Лингвистическом университете, Нижегородском университете им. Лобачевского и Санкт-Петербургском Смольном гуманитарном университете (введено с 2005 года, общее количество квот — до 30). Такие вспомогательные инициативы, конечно, не могли серьезно повлиять на ситуацию, поэтому изучался также вопрос о создании в Москве общероссийского исламского ВУЗа. К сожалению, этот проект не продвинулось дальше начальной стадии.

Следует заметить, что в большинстве своем мусульманские лидеры отнеслись к предложениям Администрации без энтузиазма. Некоторые из них даже высказывали предположение, что власти по совету ФСБ хотят внедрить в их ряды специально обученных агентов влияния.

Тяжелейший кадровый кризис практически лишил российский ислам нормального будущего. Однако и его настоящее далеко от идеала благодаря сохраняющемуся расколу традиционных мусульман и очень заметному влиянию мусульман нетрадиционных.

Крах коммунистической идеологии и распад Советского Союза спровоцировали расколы не только в исламе. Тяжелые потери понесла Русская Православная Церковь, пережившая возрождение униатства, автокефалистский и «филаретовский» раскол на Украине, «бессарабский» раскол в

Молдавии, экспансию Константинополя в Эстонию и появление целого ряда «истинно-православных» сект в самой России. Грузинская Православная Церковь потеряла Сухумо-Абхазскую епархию и большинство приходов в Южной Осетии, а Болгарская Православная Церковь вообще долгое время была вынуждена терпеть навязанного ей властями «патриарха». Серьезные разделения пережили также буддисты с иудеями. И все-таки притчей во языцех стал именно раскол российских мусульман.

Так чем же уникален этот раскол?

Во-первых, своей длительностью и отсутствием положительных тенденций. Начавшиеся в 1989 году дезинтеграционные процессы продолжаются по сей день, и нет никаких серьезных оснований ожидать их скорого прекращения. Складывается устойчивое ощущение, что этот раскол прекратится лишь тогда, когда каждая мусульманская община окажется полностью автономной. При этом у других религиозных традиций, переживших внутренние разделения, ситуация если не исправилась, то, во всяком случае, стабилизировалась. Так, Русская Православная Церковь объединяется с Русской зарубежной церковью на фоне полной деградации «альтернативно-православных» группировок в России, а Болгарская Церковь вообще преодолела свой раскол. Соперничающие между собой Федерация еврейских общин России и Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России уже не только воздерживаются от публичной полемики, но и ведут переговоры о совместных проектах. Даже исключительно разнообразные российские протестанты, и те стараются объединяться в союзы и ассоциации.

Во-вторых, впечатляют масштабы раскола. Присутствие в одной стране более 60 муфтиятов, а также значительного числа действующих параллельно с ними исламских политических движений, суфийских орденов и просто отдельных мечетей, является уникальным в мировом масштабе явлением. При этом ни один из игроков на исламском поле не кон-

тролирует даже четверти всех общин. Такая сложная административно-территориальная структура делает российскую умму похожей на мозаичные исламские сообщества стран Западной Европы, которые были сформированы мигрантами из десятков стран. Это сходство усиливается и благодаря реализуемым моделям государственной политики — власти России, подобно властям Франции, Бельгии или Великобритании уже не надеются, что их мусульмане выдвинут единого представителя, поэтому ведут переговоры сразу с несколькими духовными авторитетами. Так что имеющая тысячелетнюю историю умма России по своей самоорганизации опустилась на уровень самых молодых мусульманских общин мира. И это вряд ли нормально.

В-третьих, не может не вызывать удивления тот факт, что многие исламские лидеры России считают раскол совершенно нормальным явлением и вовсе не считают нужным его преодолевать. Мол, ислам — это не христианство, церкви в нем нет, поэтому в административной централизации он не нуждается. Такая точка зрения, конечно, легко опровергается как историей ислама, так и современным положением умм таких показательных-мусульманских стран, как Египет или Сирия, однако популярности своей все же не теряет.

Между тем, исламские сообщества других постсоветских стран не имели столь драматичной новейшей истории. Раскол САДУМ удалось остановить на стадии возникновения республиканских муфтиятов — соответственно, ДУМов Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Турмениистана и Казахстана, которые дальше уже не дробились. Азербайджанское ДУМЗАК сохранило и даже частично приумножило зону своей юрисдикции. Мусульманская заедница бывшей Югославии, имевшая все шансы повторить судьбу российской, все-таки сохранила свое единство — а ведь мусульмане Сербии и Черногории вполне могли отказать в доверии проживающему в Сараево раис-уль-улему! Болгарская умма, долгое время страдавшая от борьбы двух главных муфтиев, все-таки обрела единого лидера. Мусульмане Поль-

ши, Молдавии и Эстонии вообще не раскалывались, а их единоверцы из Белоруссии, Литвы и Латвии пережили расколы в не очень острой и малозаметной извне форме.

Похожая на российскую ситуация наблюдается только на Украине, где одновременно сосуществуют три централизованных организации — ДУМ Крыма, ДУМ Украины (ориентирующееся на ЦДУМ) и Духовный центр мусульман Украины. В истории их взаимоотношений случались довольно острые моменты, однако к настоящему времени это противостояние уже не получает отражения в СМИ. Впрочем, и раньше полемика между лидерами Крымского, Киевского и Донецкого муфтиятов велась в рамках приличий и не сопровождалась обсуждением личной жизни ее главных участников.

В книге «Новейшая история исламского сообщества России» автор высказывал осторожные предположения, что острая фаза раскола традиционного ислама в России преодолена, и главные его участники — Совет муфтиев России и ЦДУМ если не помирятся, то, во всяком случае, прекратят открытую вражду, однако его оптимизм оказался преждевременным. Да, основные центры традиционного ислама действительно приостановили открытую войну друг против друга, однако сделали это слишком поздно — их авторитет оказался кардинально подорван. При этом внутритатарская, по большому счету, ссора больно ударила и по северокавказским муфтиям, которые всегда избегали междоусобных противостояний.

В итоге 2006 год российский ислам встретил в крайней степени дезинтеграции. ЦДУМ, едва оправившееся от «джихадного» скандала, получило серьезный внутренний конфликт в конце 2005 года, а КЦМСК из-за длительной полосы преследовавших его неудач вообще чудом сохранил статус самостоятельного полюса российской уммы. Казалось, настал звездный час третьей мусульманской структуры высшего уровня — Совета муфтиев России, однако она так и не смогла превратиться в нечто больше, чем просто клуб врагов Талгата Таджуддина. И чем менее опасен становился вер-

ховный муфтий своим оппонентам, тем сильнее деградировал их союз.

Несмотря на внешнее благополучие, как то: доминирование Равиля Гайнутдина в информационном поле, его эксклюзивное членство в Общественной палате и выполнение роли главного «представительского» муфтия России, — Совет муфтиев России переживает тяжелейший кризис управления. С недавнего времени мнение председателя Совета интересует его сопредседателей и даже простых заместителей только в том случае, если совпадает с их собственной точкой зрения. В ином случае оно игнорируется, причем игнорируется демонстративно, что наглядно показали polemические дискуссии вокруг изменения российского герба, легализации многоженства, запрета ваххабизма и даже первого издания данной книги. Муфтии Нафигулла Аширов, Умар Идрисов, Мукадас Бибарсов, Исмаил Шангареев и Висам Бардвил при каждом удобном случае подчеркивают свою независимость от Гайнутдина, который действительно не имеет возможности призвать их к повиновению. Даже личный советник московского муфтия Али Полосин, и тот не стесняется открыто заявлять, что Совет муфтиев России — это рыхлая и плохо координируемая структура.

Серьезно усугубляет ситуацию также финансовый кризис Совета муфтиев, который явно переоценил свои возможности в плане расширения московской Соборной мечети. Средств, привлекаемых от «трех с половиной миллионов» московских мусульман и их единоверцев из других регионов, катастрофически не хватает, что вынуждает муфтия Равиля Гайнутдина просить деньги у арабов, турок и даже у президента Азербайджанской Республики. Именно на финансовой почве в начале 2006 года московский муфтий сблизился с «Российским исламским наследием», став сопредседателем его попечительского совета. Возможно, деньги братьев Джабраиловых и помогут Равилю Гайнутдину решить свои проблемы, однако со стороны его альянс с РИНОм выглядит полной капитуляцией перед радикальной частью

российских мусульман — ведь лидеры РИН изначально не скрывали своей враждебности к самому институту муфтиятов, называя его неэффективным пережитком советской системы, в лице Гейдара Джемаля критиковали лично Равиля Гайнутдина, называя его предателем ислама, а самое главное — поддерживали одного из главарей ваххабитского подполья в Кабардино-Балкарии Руслана Нахушева, объявленного в розыск за подстрекательство к терроризму.

Впрочем, экспансия радикального ислама в России и так идет беспрепятственно. Все меры по ее противодействию носят узкооборонительный характер, что позволяет ваххабитам постоянно удерживать инициативу. Предпринимающиеся попытки законодательного запрета ваххабитской идеологии на федеральном уровне грамотно блокируются, более или менее эффективные инициативы на местах жестко критикуются специально обученным правозащитниками, а любая критика мотивируемого исламом экстремизма расценивается как проявление исламофобии и разжигание межрелигиозной розни.

Самое страшное, что носители экстремистской идеологии доминируют в СМИ, формируя выгодный для себя образ ислама, который выглядит очень непривлекательно. Особенно заметной эта проблема стала после террористической атаки на Нальчик, по итогам которой многие центральные газеты, Интернет-порталы и радиостанции поспешили оправдать нападавших, возложив всю вину за случившееся на правоохранительные органы и ДУМ Кабардино-Балкарской Республики. Дошло до того, что председатель КЦМСК муфтий Исмаил Бердиев был вынужден написать письмо генеральному директору Первого канала Константину Эрнсту с тем, чтобы тот призвал к порядку ведущего ток-шоу «Судите сами» Максима Шевченко. Поводом для этого стал призыв Шевченко отдать под суд кабардино-балкарского муфтия Анаса Пшихачева, который, оказывается, сам и спровоцировал нападение на Нальчик.

Следует честно признать, что никакой серьезной борьбы с ваххабизмом в нашей стране (за исключением, может быть, Чечни) сейчас не ведется. Эпизодические задержания чеченских террористов и членов партии «Хизбут-Тахрир» особого влияния на ситуацию не оказывают, тем более, что эти люди осуждаются на небольшие, а часто и условные сроки. За последние годы к потенциально взрывоопасным Чечне, Ингушетии и Дагестану добавились также Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Северная Осетия. Очень беспокойно в Ставропольском крае, Астраханской и Пензенской областях. Быстро ухудшается ситуация в Татарстане, Башкортостане, Мордовии, Тюменской области и Москве.

Конечно, можно возразить, что подавляющее большинство российских мусульман не исповедует ваххабизм и никогда не будет этого делать. Это бесспорно. Однако задачей-максимум идеологов радикального ислама является вовсе не тотальное обращение в свою веру. Им достаточно заручиться поддержкой мусульманской элиты, за которыми пойдут и все остальные. Пример масхадовской Чечни очень нагляден — разве не кучка ваххабитов поставила на колени ее традиционное исламское духовенство, а затем втянула весь чеченский народ в новую войну? Разве Басаев и Хаттаб интересовались мнением большинства чеченцев, когда планировали вторжение в Дагестан? И их единомышленники никого спрашивать не будут, когда решат взорвать очередное село или республику.

Нужно отметить, что по-настоящему действенных методов противодействия ваххабизму пока не изобретено, во всяком случае, методов, приемлемых для демократических форм правления. Ваххабитские джамааты очень невелики по размеру (даже самые авторитетные амиры вряд ли могут мобилизовать более 2— 3 тысяч человек), как правило, автономны. Наличие общих целей и отсутствие единого руководства делают их работу особенно эффективной, поскольку в этом случае весьма трудно предугадать направление следу-

ющих атак или же просто начать переговоры с ключевыми фигурами.

В тот момент, когда доля ваххабитов среди мусульман России достигнет критической отметки — по всей видимости, это 5—7%, они просто захватят власть в умме, предварительно подставив под удар умеренных мусульман. И если существующие тенденции сохраняться в течение еще 2—3 лет, то никаких шансов избежать вооруженного межрелигиозного конфликта не останется.

Таким образом, растущее влияние радикальных исламистов на фоне продолжающегося раскола традиционных мусульман и катастрофической ситуации с их кадрами перечеркивает все положительные достижения российских мусульман. И хочется спросить — почему же так получилось? По чьей вине российский ислам ввергнут в такой кризис? Ответить на этот вопрос несложно.

Большая часть ответственности лежит на российской власти, которая не сумела вовремя выстроить грамотную политику по отношению к исламу. После 1990 года отечественная умма была предоставлена самой себе, отделена от государства по примеру Русской Православной Церкви. Тогда чиновникам казалось, что и православие, и ислам, и другие религии успешно самоорганизуются, самостоятельно изыщут ресурсы на восстановление разрушенных храмов и озаботятся воспитанием новых кадров. А если очень попросят, можно дать им немного денег.

В итоге Московский Патриархат, наконец, получил долгожданную свободу от навязчивой опеки властей, которая угнетала его развитие еще с петровских времен. Действительно, оптимальной моделью отношений с государством для Церкви является симфония или хотя бы ее подобие. А вот «золотым веком» российской уммы, наоборот, оказался период с момента создания ОМДС до 1917 года, во время которого ее управленческие структуры были интегрированы в госаппарат. Благодаря этому муфтии ОМДС получали генеральские звания и высокие награды, и даже простые муллы

пользовались немалыми привилегиями. Звание имама вообще считалось очень престижным, и рассчитывать на него мог только образованный и лояльный власти человек. При поддержке государства процветали мусульманское образование, книгоиздательство и наука, в армии создавались особые мусульманские части, которые имели специальный рацион и специальные, «политкорректные», награды. И приверженцы ислама чувствовали, что они не люди второго сорта, а полноценные граждане России. Поэтому неудивительно, что мусульмане едва ли не дольше всех сражались за старые порядки, да и сейчас с ностальгией вспоминают царские времена. А вот начало 90-х годов XX века с ностальгией вспомнят разве что ваххабиты и аферисты от ислама.

Сейчас в мире существуют, по большому счету, две основных модели взаимоотношений государства с исламом — «восточная» и «западная». При «восточной» модели ислам де-юре или де-факто является государственной религией и его лидеры тесно взаимосвязаны с властными структурами. Классические формы такая модель приобрела, например, в Саудовской Аравии и Иране, законы которых защищают мусульман не только от реальных угроз, но даже и от таких простых искушений, как ношение женщинами нескромной одежды, несовместимые с исламскими нормами увеселения, или доступность алкоголя. Однако при этом каждая мечеть находится под жестким контролем, а каждый имам четко осознает, что за малейшее вольнодумство он немедленно лишится своей работы. Так, в Объединенных Арабских Эмиратах во все мечетях по пятницам читаются одинаковые проповеди, предварительно прошедшие проверку в МВД, а в Саудовской Аравии постоянно проводятся проверки лояльности мусульманского духовенства, последние годы сопровождающиеся массовыми увольнениями проштрафившихся имамов.

Следует заметить, что такого рода меры призваны не подавлять, как уверяют пострадавшие от них диссиденты и правозащитники, а защищать исламскую религию. Лидеры

исламских стран хорошо понимают, что если они сами не будут контролировать своих мусульман, то это сделает кто-нибудь другой. В таком же ключе мыслят и президенты республик Средней Азии, а также Азербайджана и Казахстана, которые уже имели возможность воочию убедиться, как политика невмешательства в исламские дела приводит к гражданской войне. Ведь когда-то узбекский лидер Ислам Каримов дистанцировался от переворота в САДУМ, позволив оппозиционерам свергнуть муфтия Бабаханова. А через два года стало понятно, что распад САДУМ значительно упростила работу исламским экстремистам. И теперь, если группа воинственно настроенной молодежи потребует отставки председателя ДУМ Узбекистана муфтия Абдурашида Бахромова, разбираться с ними будет не муфтий, а сотрудники ташкентского ОМОНа.

Несмотря на светский характер Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Киргизии, Казахстана и Азербайджана, их исламские сообщества находятся под особой опекой властей. В обмен на лояльность традиционные мусульмане практически поставлены на бюджетное финансирование, что позволяет им функционировать в нормальном режиме, а не лихорадочно искать деньги в ущерб просветительской деятельности. При этом им гарантируется защита от экстремистов, с которыми ведет последовательная и целенаправленная борьба, причем нередко превентивная. Нельзя сказать, что ситуация в этих республиках идеальна, однако их власти четко знают, чего хотят от ислама, и правильно оценивают его роль. При этом остальные неисламские религиозные организации с пониманием относятся к такой практике, поскольку понимают, что их безопасность напрямую зависит от безопасности традиционных мусульман.

Между тем, в странах Западной Европы и США принята другая модель отношений с исламом, при которой данная религия никак не выделяется среди других. На практике это приводит к тому, что исламские сообщества быстро эволюционируют в никем не контролируемые и не управляемые

общности, которые демонстративно живут по собственным законам. И очень скоро эти законы входят в противоречие со светским законодательством постхристианских стран, что неизбежно приводит к серьезным конфликтам. Как видно на примере Франции, власти рано или поздно осознают, что ислам — это особенная религия, поэтому требует особенного подхода. Однако выработать такой подход или хотя бы проводить внутренне непротиворечивую политику никак не получается. Те привилегии, которые в итоге получили мусульмане (финансовую помощь, поощрение иммиграции их родственников, полную свободу миссионерской деятельности) расцениваются ими как проявление слабости деморализованного государства, а не как акт доброй воли с его стороны. И вместо ожидаемого умиротворения они начинают выдвигать новые, еще более радикальные, требования.

Сейчас в Западной Европе описанная модель взаимоотношения с исламом сводится к тому, что власти одновременно заигрывают с мусульманами и пытаются ограничить их активность, например, путем запрета на ношение хиджабов или депортации наиболее агрессивных проповедников. Очевидно, что быстро растущий ислам вызывает у них страх, в то время как эту религию нужно уважать, а не бояться.

В современной России удивительным образом сосуществуют обе модели. В четырех ее республиках — Ингушетии (с 1992 года), Дагестане (с 1994—1996 годов), Татарстане (с 1998 года) и Чечне (с 2000 года) прижилась «восточная» модель в своем узбекском воплощении, внедренная по разумной инициативе местных властей. Теперь мусульманское духовенство этих республик чувствует себя вполне уверенно и относительно успешно противостоит натиску экстремистов. Возможно, со временем этот подход будет востребован также в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии и Ставропольском крае.

Между тем в других регионах господствует «западная» модель, которой руководствуется и федеральный центр. Главным ее кредо является демонстративное невмешательс-

тво во внутренние дела мусульман, от которых требуется только публичное выражение лояльности властям. Впрочем, каждый новый теракт привносит в эту модель свои коррективы — страх перед исламом растет и появляется искушение задобрить его лидеров во избежание новых эксцессов. За умиротворение Чечни, пусть даже номинальное, Кремлю пришлось заплатить не только миллиарды рублей разного рода компенсаций, но и удостоить муфтия Ахмада Кадырова (а впоследствии и его сына Рамзана) невиданных почестей.

Постепенно взаимоотношения исламского сообщества и государства приобретают в России выраженный «французский» оттенок. Все больше мусульманских лидеров и политиков считают самым эффективным инструментом решения проблем шантаж властей. Бунтует молодежь в Кабардино-Балкарии? Дайте денег джамаатам и все успокоится. По крайней мере, пока деньги не кончатся. Активизировались националисты в Татарстане? Выплатите им компенсацию за взятие Казани Иваном Грозным и все наладится. Нижегородский муфтий Умар Идрисов недоволен празднованием 4 ноября? Сами виноваты. Нужно было вовремя оплачивать его курултай и сабантуу.

Самое страшное, что такой шантаж все чаще удается, и аппетиты вымогателей растут. Параллельно растет недовольство и православного большинства, которое опосредованно приучается к мысли, что наибольшие привилегии может выбить себе только агрессивное религиозное сообщество. Пагубность такой политики видна невооруженным глазом, однако кардинально изменить ее без глобальных потрясений уже невозможно.

В 1991 году у новой России был шанс возродить зарекомендовавшую себя «имперскую» модель взаимоотношений с исламом. Правда, только теоретически. Практически для этого пришлось бы регулировать отношения с исламом специальными законами и официально предоставлять ему особые права, что неизбежно породило бы массу новых проблем. А времени и сил для их решения не было — сменяющие

друг друга кризисы — политический, экономический, социальный отодвигали мусульманскую тему на второй план, а когда, наконец, появилась возможность заняться ей всерьез, время было уже упущено. И вряд ли сейчас наше государство способно восстановить контроль над ситуацией.

Если конкретных виновников невнятной государственной политики по отношению к исламу назвать сложно, то те деятели, которые нанесли фатальный урон авторитету традиционного мусульманского духовенства, напротив, хорошо известны. Предательство верховного муфтия Талгата Таджуддина его учениками навсегда останется одной из самых черных страниц истории российского ислама. Самое печальное, что это предательство было совершено публично и демонстративно, так, чтобы о нем узнали все. И какие бы мотивы ни двигали Нафигуллой Ашировым, Мукаддасом Бибарсовым и Равилем Гайнутдином, оправдать их действия невозможно. Предав огласке самые грязные слухи о жизни своего учителя, человека, который в свое время вырастил из них имамов и распределил на престижные должности, лидеры новых муфтиятов нанесли тяжелый удар по репутации всего татарского мусульманского духовенства.

Война компроматов, до сих пор по инерции сотрясающая российский ислам, началась в 1992 году, когда бывшие соратники председателя ДУМЕС стали заниматься откровенным самооправданием. Они стремились убедить окружающих, что их выход из ДУМЕС вовсе не связан с жадной властью и желанием получить доступ к арабским деньгам. Что виноват во всем нехороший Талгат Таджуддин, который злобно притесняет молодых и перспективных имамов.

Да, возможно, Таджуддин действительно сильно обидел Гайнутдина и других лидеров Совета муфтиев. Но зачем же было выносить эту обиду на широкое рассмотрение, привлекать в качестве арбитров внутрисемейного, по сути, спора (напомним, что большинство функционеров Совета муфтиев являются родственниками Таджуддина) чиновников, зарубежных дипломатов, журналистов и лидеров других ре-

лигиозных общин? Почему муфтии Северного Кавказа ни разу не предали свои трения публичной огласке? Почему попавшие в опалу к Таджуддину муфтии Мухаммадгали Хузин и Фарид Салман Хайдаров повели себя достойно, а не стали выставлять на всеобщее усмотрение грязное белье ЦДУМ? Почему сам Таджуддин в ответных выпадах принципиально не касался личной жизни Гайнутдина, Бибарсова или Аширова?

Совершенное в отношении Таджуддина предательство впоследствии спровоцировало кризис доверия внутри альянса его противников, которые начали писать доносы уже друг на друга. В свою очередь, мусульмане Северного Кавказа, представители властей и лидеры других религий четко усвоили, что эти люди являются крайне ненадежными партнерами и рассчитывать на них особо не стоит. Дополнительно усугубили ситуацию и многочисленные антитаджуддиновские заявления ВКЦДУМР и Совета муфтиев России, которые, несмотря на свою надрывную резкость, никак не влияли на отношение внешних сил к руководству ЦДУМ. Даже памятная фетва 2003 года, объявлявшая председателя ЦДУМ лжепророком и отступником от ислама, не была воспринята всерьез даже ближайшими соратниками Равиля Гайнутдина. И президент России, и послы мусульманских стран, и муфтии Северного Кавказа, и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II свое общение с Талгатом Таджуддином не прекратили и муфтием его считать не перестали. Зато значимость заявлений Совета муфтиев России в их глазах заметно девальвировалась.

Перенасыщенность информационного исламского поля компрометирующими материалами негативно сказалась на репутации и тех исламских лидеров, которые воздержались от участия в междоусобной войне. От антитаджуддиновской кампании пострадали все без исключения российские муфтии, и это печальный факт. Лишь через десятки лет традиционным мусульманам удастся возместить тот урон, который нанесли их авторитету воинствующие борцы с «культурой личности» председателя ЦДУМ.

В развал традиционного российского ислама и в развитие ислама нетрадиционного вложили немало сил не только отечественные деятели, но и зарубежные «благотворители». Именно их вмешательство стало последним решающим фактором постигшего российскую умму кризиса. И ваххабизм, и таблигизм, и хизбутизм возникли отнюдь не в России. Они были целенаправленно привнесены в среду ее мусульман иностранными эмиссарами, не жалевшими денег и сил на пропаганду своих ценностей. И эти люди достигли впечатляющих успехов. К сожалению.

Как же будет развиваться российский ислам при описанных выше обстоятельствах? Очевидно, что до президентских выборов 2008 года особых потрясений на исламском фронте не будет, хотя ситуация продолжит ухудшаться. И ЦДУМ, и Совет муфтиев России, и КЦМСК гарантированно проживут еще полтора года, сохранив действующее руководство, а вот затем возможны варианты. Если политика Кремля по отношению к мусульманам станет продолжением той политики, которая велась на протяжении последних 15 лет, тогда события будут развиваться по наихудшему сценарию. Радикалы рано или поздно одержат верх над традиционными мусульманами, разгромив самые неуступчивые муфтияты и захватив контроль над остальными. Из трех центров российского ислама уцелеет только Совет муфтиев России, возможно, преобразованный в некий общероссийский муфтият. Его председатель, несмотря на свои громкие титулы, никакой властью обладать не будет, и все его функции сведутся к озвучиванию позиции новых хозяев российского ислама — влиятельных бизнесменов и ваххабитских амиров. Или даже таких людей, как покойный террорист Хаттаб.

Параллельно будет расти общая нестабильность в исламском сообществе. Ускорить этот процесс позволят участвовавшие теракты, уличные беспорядки или просто нарочито оскорбительные требования представителей новой «мусульманской элиты». Исламофобия в обществе начнет неудержимо расти, что вполне отвечает планам ваххабитов —

ведь чем больше традиционных мусульман пострадает от этого явления, тем больше новых членов вольется в их ряды. Борьба же с антиисламскими настроениями станет попросту некому — нормальные муфтии к тому времени уйдут со сцены, а контролируемые радикалами СМИ будут только подливать масло в огонь. И через какое-то время нормальных приверженцев ислама в стране останется настолько мало, что они уже не смогут предотвратить «столкновение цивилизаций» в отдельно взятой стране. Деморализованные власти тоже вряд ли смогут что-то сделать — лишённые опоры на лидеров традиционного ислама, они смогут проводить только репрессивные меры. В итоге мы получим масштабный и затяжной конфликт на межрелигиозной почве. Россия от этого, конечно, не развалится, но население ее сильно уменьшится и станет моноконфессиональным.

Впрочем, существует вероятность, что после президентских выборов 2008 года Кремль возьмет курс на выстраивание жесткой и последовательной политики по отношению к исламу, которая позволит поддержать дружественных ему муфтиев и загнать враждебные им силы обратно в подполье. Мирным путем это сделать уже не удастся — радикалы реально сильны и без боя сдаваться не будут, однако, если власть проявит твердость, то глобального конфликта, возможно, не будет.

Нужно заметить, что даже самый худший сценарий не будет сюрпризом ни для Русской Православной Церкви, ни для других религиозных организаций страны. В церковной элите остается все меньше людей, которые надеются, что войны с ваххабизмом можно избежать. Более того, многие из них уже морально готовы к такой войне. Аналогичные, хотя и политкорректно скрываемые настроения весьма популярны также среди старообрядцев, протестантов, иудеев и буддистов.

После изложения столь пессимистических сценариев вполне логично возникает вопрос — а реально ли как-то исправить ситуацию и вывести российский ислам из кризиса?

Если отвечать на это вопрос честно, следует признать, что шансов на благополучный исход практически нет. Тем не менее, было бы правильно описать здесь комплекс мер, которые, в случае их применения самое позднее в 2000 году, возымели бы положительный эффект.

В первую очередь государству следовало бы выработать четкую и внутренне непротиворечивую политику по отношению к исламу. Совершенно недопустима ситуация, при которой высокопоставленные госчиновники озвучивают взаимоисключающие инициативы поддержки «хороших» мусульман или борьбы с «плохими», по-разному оценивают ваххабизм или высказываются по поводу мотивируемого исламом терроризма. Нормальные отношения государства с исламским сообществом невозможны до тех пор, пока все уровни власти, все ее заинтересованные структуры не будут проводить одну и ту же политику. Публичный же плюрализм в этой сфере приводит только к тому, что одни чиновники агитируют за создание единого общероссийского муфтията, а другие активно дробят уже существующие; одни называют ваххабизм террористическим течением, а другие настаивают на том, что это сугубо мирное направление ислама. В итоге позитивные шаги в отношении ислама постоянно компенсируются негативными воздействиями, что не только не позволяет решить накопившиеся проблемы, но и роняет авторитет власти в глазах мусульман. Особенно важно, чтобы политика региональных властей была симфонична политике Кремля. Для лидеров субъектов Федерации должен существовать жесткий запрет на использование исламского фактора для политтехнологических манипуляций или прямого шантажа центральной власти.

После определения приоритетов в мусульманской сфере — причем приоритетов как внутренних, так и внешних, властям следует обратить внимание на тот факт, что далеко не все лидеры традиционного ислама ей действительно дружественны и что духовное звание муфтия может быть узурпировано откровенными экстремистами или просто афе-

ристами. Весьма полезным здесь представляется изучение биографий исламских лидеров, истории их высказываний по ключевым вопросам, конкретных действий по возрождению ислама, а также основных источников финансирования. Очевидно, что государство не обязано помогать тем духовным лидерам, которые призывают нарушать его законы, разжигают межрелигиозную рознь, поддерживают террористов или же финансово зависят от зарубежных организаций с сомнительной репутацией.

Далее весьма важно определиться относительно оптимальной системы управления российской уммы. Все всякого сомнения, существующий раскол является аномалией, однако и искусственное объединение мусульман под единым руководством вряд ли целесообразно. Наиболее жизнеспособной здесь видится схема, которая предусматривает параллельное существование двух мусульманских централизованных структур — северокавказской и поволжской, лидеры которых имели бы равные права и привилегии. Учитывая факт присутствия в России значительного количества азербайджанцев — шиитов и суннитов, было бы допустимо возложить координацию их духовной деятельности на представительство азербайджанского Управления мусульман Кавказа. Эта организация имела возможность зарекомендовать себя как авторитетный и дружественный нашей стране духовный центр.

Следующим принципиальным вопросом является вопрос подготовки новых исламских кадров. Как показал опыт последних лет, с этой задачей отечественные светские и религиозные вузы справиться не в состоянии. Не решает проблемы и распространенная практика направления молодых мусульман в зарубежные медресе, поскольку не существует никаких гарантий, что их выучат на имамов, а не на диверсантов со знанием основ ваххабизма. При этом следует также учитывать, что для получения высшего богословского образования среднестатистическому российскому мусульманину требуется не менее 8 лет, три года из которых отво-

дится на изучение арабского языка. Именно на арабском написана вся основная богословская литература исламской цивилизации и без свободного владения его классической формой не может быть речи об адекватном познании ислама. Именно поэтому отучившиеся по 4— 5 лет в саудовских, кувейтских или турецких медресе студенты в большинстве своем имеют недостаточную квалификацию и не могут претендовать на вхождение в круг высшего мусульманского духовенства.

Тем не менее ситуация с исламским образованием не является неразрешимой. Так, вполне реально открыть государственные трехлетние курсы классического арабского языка, на которых наиболее перспективные мусульмане смогли бы не только выучить язык, но и определить для себя целесообразность дальнейшей карьеры в качестве духовного лица. Выпускники курсов получили бы возможность продолжать свое обучение либо в финансируемом из бюджета исламском университете на территории России, в котором бы преподавали специально приглашенные из арабских стран и Ирана ученые, либо в аналогичном учебном заведении на территории Иордании или Сирии. Учебные программы таких вузов необходимо строить с учетом специфики и выдавать их выпускникам светские дипломы о высшем образовании. В идеале все высшие исламские лидеры России должны иметь гарантированно качественное образование, полученное в авторитетном и пророссийском учебном заведении. Единственной проблемой здесь остается только недостаток времени — восьми относительно спокойных лет у страны, увы, нет.

Параллельно с реформой образования профильные министерства и ведомства должны озаботиться изданием на русском, татарском, башкирском и других распространенных среди российских мусульман языках переводной богословской литературы традиционного содержания и высокого качества. Следует помнить, что пока мусульмане изучают свою религию по неумело переведенным с английского язы-

ка Коранам или по полуокультурным брошюрам неизвестного происхождения, появление в их рядах истинных богословов будет сильно затруднено. Необходимо создать и полноценные мусульманские СМИ, в которых первое время могут работать и журналисты неисламского вероисповедания. Параллельно с этим важно следить за корректным освещением исламской тематики светскими СМИ, которые не должны транслировать искаженных сведений об этой религии и разжигать ненависть в отношении ее последователей.

Касаясь вопроса о непосредственной финансовой помощи государства мусульманским структурам, необходимо подчеркнуть, что эта помощь должна быть целевой, иметь прозрачные механизмы использования и направляться действительно на нужные проекты. Так, гораздо эффективнее вложить несколько десятков миллионов рублей в книгоиздание, нежели в строительство мечети в отдаленном селе, а сто тысяч рублей, потраченных на зарплату сотрудников ключевого муфтията, принесут большую пользу, чем аналогичные вложения в оплату хаджа неимущим паломникам. Кроме того, государство может изыскивать средства на мусульманские программы через привлечение представителей крупного бизнеса, что, например, в Татарстане дает неплохие результаты.

Реализация государственной политики в описанных сферах вполне может осуществляться через уже существующие структуры, наиболее эффективна из которых Администрация президента. Создание специальных органов контроля над исламом целесообразно лишь при выполнении целого ряда условий, а вот введение поста уполномоченного представителя президента по взаимодействию с исламом вполне реалистично. По крайней мере, этот чиновник сможет координировать усилия вовлеченных в процесс подразделений и следить за корректной реализацией выбранной в отношении ислама политики.

Конструктивные шаги государства в отношении традиционного российского ислама должны сопровождаться де-

структивными мерами в отношении его врагов. Вряд ли вызывает сомнение необходимость скорейшего законодательного определения всех форм прикрывающегося исламом экстремизма и начала последовательной борьбы против их последователей. Конечно, такая борьба будет непростой — ведь ваххабиты активно мимикрируют под нормальных мусульман, грамотно используют просчеты правоохранительных органов и успешно апеллируют к правозащитным организациям, имеющим особый заказ на их поддержку, однако альтернативы такой борьбе нет.

Главную работу по противодействию экстремизму должны осуществлять спецслужбы, однако органы исполнительной и законодательной власти обязаны им ее облегчить. Помимо принятия соответствующих законов весьма важно перекрыть радикалам доступ в СМИ, учебные заведения и посольства арабских стран. Любая апология терроризма должна немедленно пресекаться, а в отношении проводящих ее людей и подконтрольных им структур следует принимать демонстративно жесткие меры. Правозащитникам же следует доступно объяснить, что в случае прихода их подзащитных к власти «борцов за права человека» в России останется не больше, чем в талибском Афганистане. Было бы весьма разумно последовать призыву Межрелигиозного совета России и уничтожить террористов с их пособниками превентивно.

Особое внимание необходимо уделить контрпропаганде. Общеизвестные штампы, заполняющие телеэкраны и страницы газет после очередного теракта («террористы не имеют национальности и вероисповедания», «ислам — религия мирная, потому что мировая»), ничего, кроме раздражения, у широких слоев населения уже не вызывают. Поэтому нужно пересмотреть данные идеологемы, заменив их на более искренние и понятные. Очень полезными здесь могут стать публичные диспуты настоящих мусульманских богословов с представителями «параллельного» ислама. Так, широко разрекламированный философ Гейдар Джемаль не

имеет шансов выиграть богословский спор у простого выпускника каирского университета «Аль-Азхар» хотя бы потому, что не владеет арабским языком и не может грамотно объяснить ни одного сложного места из Корана.

При всем при этом следует всегда помнить, что прикрывающиеся исламом экстремисты понимают только язык силы и только сильная, последовательная в своих действиях власть может призвать их к порядку. Любые уступки, пусть даже сделанные из самых гуманистических соображений, неизбежно будут трактоваться как проявления слабости и вызывать новые приступы агрессии. С террористами договариваться невозможно, и эта аксиома уже вписана в новейшую мировую историю кровавыми буквами.

Суммируя высказанные предложения, следует заметить, что за небольшой срок можно дать традиционным мусульманам деньги и доступ в СМИ, загнать в подполье их врагов и запретить, наконец, пресловутый ваххабизм, однако нельзя воспитать новые кадры. Именно в этом и заключается весь драматизм сложившейся ситуации. И именно поэтому вероятность благополучного исхода очень мала.

ИСТОЧНИКИ

1. Banna al H. Five Tracts of Hasan al-Bannah. L., 1978.
2. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategik imperatives. N.Y., 1997.
3. Forest J. Religion in the new Russia. N.Y., 1990.
4. Jansen J.J.G. The dual nature of islamic fundamentalism. L., 1997. Vol. XVII.
5. Jenkins B. International Terrorizm: A new mode of conflict. Los Angeles, 1975.
6. Hantington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order. N.Y., 1996.
7. Laffin J. The dagger of Islam (год и место выпуска не указаны).
8. Maudidi A. Jihad in Islam. Lahore, 1980.
9. Moslems in the Soviet Union. Moscow, 1983.
10. Ziyauddin Khan ibn Ishan Babakhan. Islam and the Muslims in the land of Soviets. Ташкент, 1980.
11. Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. М., 1990
12. Абдулатипов Р.Г. Судьбы ислама в России. М., 2002.
13. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII—XIX вв. Уфа, 1996.
14. Алимь и ученые против ваххабизма. Сборник статей. Махачкала, 2001.
15. Алов А.А., Владимиров Н.Г. Ислам в России М., 2001.
16. Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999.
17. Амиров Р. Ислам и политика. Беседы об исламе. М., 2005
18. Арсюхин Е.В. Полумесяц над Волгой. Нижний Новгород, 2005.
19. Арухов З. С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999.

20. Асадуллин Ф.А. Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. М., 1998.
21. Атлас современной религиозной жизни России. Под редакцией М. Бурдо и С. Филатова. М., 2005.
22. Ахмадуллин В., Мельков С. Государственно-исламские отношения в России. История. Теория. Механизмы. Военно-политические аспекты. М., 2000.
23. Ахмадуллин В.Б. Политика советского государства по отношению к мусульманской религии (1917—1945 гг.): Дипломная работа / Воен. ун-т. — М., 1998.
24. Ахмедов А.В. Социальная доктрина ислама, М., 1982.
25. Аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. М., 1984.
26. Багауддин М. Намаз. М., 1999.
27. Баисова Л. Тревоги Карачаево-Черкесии // Обозреватель. М., 1995. № 10; Баисова Л. Этнический конфликт в Карачаево-Черкесской Республике: от истоков до наших дней // Центральная Азия и Кавказ, 2000. № 6 (12).
28. Баишев Ф.Н. Общественно-политические и нравственно-этические взгляды Ризы Фахретдинова. Уфа, 1996.
29. Балтанова Г.Р. Ислам в современном Татарстане // Ислам в истории и культуре татарского народа Казань, 2000.
30. Баширов Л.А.. Ислам и этнополитические процессы в современной России. М., 2000.
31. Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.
32. Беляев А.Е. Мусульманское сектанство. М., 1957.
33. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983.
34. Браславский Л.Ю. Ислам в Чувашии. Чебоксары, 1997.
35. Вагабов М.В. Ваххабизм: история и современность. Махачкала, 2000.
36. Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1997.
37. Васильев А.Н. Пуритане ислама. М., 1974.
38. Васильева О.В., Латыпова В.В. Дорога к храму. Уфа, 1993.
39. Ваххабизм: понимание корней и ролевых моделей исламского экстремизма. Казань, 2005.

40. Векторы толерантности: религия и образование. Сборник докладов. Казань, 2006.
41. Величко А.М. Церковь, власть и право. СПб., 2005.
42. «Воинствующий ислам» и меры противодействия его влиянию. Сборник статей, М., 1988.
43. Высочайшее повеление императрицы Екатерины II об учреждении Оренбургского Магометанского духовного собрания // Наука и религия, №1, 1990.
44. Гайнутдин Р. Ислам: вера, милосердие, терпимость. М., 1997.
45. Гайнутдин Р. Ислам в современной России. М., 2004.
46. Гайнутдин Р., Муртазин М. В молитве спасение. М., 1997.
47. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001.
48. Глотов С. Татарский мир. М.—Пенза, 2006.
49. Государство и религия в Дагестане. Информационно-аналитический бюллетень. 2002—2005.
50. Голубчиков Ю.Н., Мнацаканян Р.А. Исламизация России: тревожные сценарии будущего. М., 2005.
51. Государственная национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в субъектах Российской Федерации в 2004 году. Т. 2. М., 2005.
52. Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане. Казань, 2003.
53. Губогло М.Н. Этничность, религиозность, государственность // Этнопанорама, №3, 2000 год.
54. Гусева Ю.Н. История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901—1985 гг.) Нижний Новгород, 2003.
55. Давлетшин Т. Национальное собрание мусульман Внутренней России // Татарстан, №11—12, 1993 год.
56. Документальные материалы о деятельности ДУМ Республики Татарстан с 14.02.1998 г. по 14.02.1999 г. Казань, 1999.
57. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000.
58. Добаев И.П. Исламский радикализм. Ростов-на-Дону, 2003.
59. Добаев И.П., Немчинова В.И. Новый терроризм в мире на юге России: сущность, эволюция, опыт. Ростов-на-Дону, 2005.

60. Журавский А.В. Христианство и ислам. М., 1996.
61. Евангелие от Варнавы. М., 2005
62. Емельянова Н. М. Мусульмане Кабарды. М., 1999.
63. Емельянова Н.М. Мусульмане Северной Осетии: на перекрестке цивилизаций. М., 2003.
64. Ермаков И., Микульский Д. Ислам в России и Средней Азии. М., 1993.
65. Жданов Н.В., Игнатенко А.А. Ислам на пороге XXI века, М., 2000.
66. Игнатенко А.А. Халифы без халифата, М., 1988.
67. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000, №2(8).
68. Игнатенко А.А. Интертеррор в России. М., 2005.
69. Идрисов У., Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.М. Совет улемов, Нижний Новгород, 2005.
70. Из истории религиозных конфессий Бурятии. Сборник документов, М., 2001.
71. Ионова А.И., Султангалиева А.К., Юсупов П.С. Современный ислам, человек и общество // Культура и религия, №7, 1991.
72. Иордан М.В., Кузеев Р.Г., Червоная С.М. Ислам в Евразии М., 2001.
73. Ислам. Историографические очерки. Под редакцией С.М. Прозорова. М., 1991.
74. Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.
75. Ислам в истории и культуре татарского народа. Казань, 2000.
76. Ислам в России и Средней Азии. М., 1993.
77. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / составитель Д.Ю. Арапов М., 2001.
78. Ислам в СНГ. Сборник статей, М., 1996.
79. Ислам в Татарском мире: история и современность (материалы международного симпозиума). Казань, 1997.
80. Ислам в Татарстане: опыт толерантности и культура сосуществования. Казань, 2002.

81. Ислам: вопросы истории, образования, цивилизаций. Сборник научных статей, НН., 2001.
82. Ислам и исламизм. М., 1999.
83. Ислам и межнациональные отношения (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996.
84. Ислам и мусульмане: 40 вопросов об исламе. М., 2000.
85. Ислам и мусульмане в России. Сборник статей, М., 1999.
86. Ислам и народная культура. М., 1998.
87. Ислам на Нижегородчине. Сборник статей, НН., 2001.
88. Ислам на пороге XXI века. Материалы международной научной конференции, НН, 1997.
89. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. Сборник статей. М., 2001.
90. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь, М., 1998—1999.
91. Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. Казань, 1994.
92. Ислаев Ф.Г. Ислам и Православие в Поволжье XVIII столетия — от конфронтации к терпимости. Казань, 2001.
93. История религий в России. Учебное пособие под общей редакцией Н.А. Трофимчука. М., 2000.
94. Итоговые документы международной конференции «Угроза исламу или угроза исламу?». М., 2001.
95. Ишмухамметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии. Казань, 1979.
96. Кашкаев Б. О. Гражданская война в Дагестане 1918—1920 гг. М., 1976.
97. Керимов Г. М. Ислам и его социальная сущность. М., 1978.
98. Керимов Г.М. Шариат. М., 1999.
99. Кисриев Э.Ф. Ислам и власть в Дагестане. М., 2004.
100. Коблов Я.Д. О магометанских мullah. Казань, 1998.
101. Концепция деятельности региональных религиозных организаций и местных религиозных общин ДУМАЧР. М., 2001.
102. Конфессии и религиозные объединения в Тюменской области. Справочное издание. Тюмень, 2005.

103. Конфессии, религиозные объединения в Ярославской области. Справочное пособие. Ярославль, 2002.
104. Коровинов А.В. Исламский экстремизм в арабских странах. М., 1990.
105. Крепость мусульманина. М., 1997.
106. Криминальный режим. Чечня. 1991—1995 гг. М., 1995.
107. Кричлов Д. Ислам в Советской Средней Азии: возрождение или революция? // Релиджион ин комьюнист лэндз (Религия в коммунистических странах), том 18. X 3., осень 1990 года, перевод с английского.
108. Кудрявцев А.В. Ислам и государство в Чеченской республике. М., 1994.
109. Кураев А. Как относиться к исламу после Беслана? М., 2005.
110. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995.
111. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005.
112. Личность мусульманина. Учебное пособие. Нижний Новгород, 2005.
113. Маевская Л. Осторожно, экстремизм! Киев, 2002.
114. Максименко В.И. Фундаментализм и экстремизм в исламе. М., 1999.
115. Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.
116. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001.
117. Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000.
118. Манифест. Нижегородские мусульмане за укрепление российского государства и построение гражданского общества. Нижний Новгород, 2006.
119. Мантаев А.А. Ваххабизм и политическая ситуация в Дагестане, диссертации на соискание научной степени кандидата политических наук М., 2002.
120. Марданов Р.Т., Китаева Н.Б. Средняя Елюзань. Казань, 2006.

121. Материалы конференции мусульманской молодежи Татарстана «Иманлы буын» («С верой — в будущее!»). Казань, 2006.
122. Материалы научно-практической конференции «Общественно политическая жизнь Татарстана в условиях социокультурного и конфессионального плюрализма» и XVI съезда ЦИК «Иман», приуроченные к 15-летию центра «Иман». Казань, 2006.
123. Материалы Первого (Объединительного) съезда мусульман Республики Татарстан. Казань, 1999.
124. Медведко Л.И., Германович А.В. Именем Аллаха... Политизация ислама и исламизация политики М., 1988.
125. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Республике Татарстан. Казань, 1993.
126. Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. М., 2001.
127. Мордовия, энциклопедия. Саранск, 2005.
128. Мустафа Н. Ислам — религия мира. Вологда, 1999.
129. Мухаммад Хуссейн Табатабаи. Шиизм в исламе. Кум, Исламская республика Иран (год выпуска не указан).
130. Материалы IV конференции (съезда) Общероссийского политического общественного движения «Рефах» (Благоденствие). М., 2000.
131. Микульский Д.В. Актуальные проблемы современной мусульманской общественной мысли (арабские страны), М., 1990.
132. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в конце XX века. Казань, 2000.
133. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005.
134. Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. М., 2001.
135. Мухаммад бин Джамиль Зину. Исламская акида, М., 1998.
136. Мухаммад бин Джамиль Зину. Достоинства Пророка, М., 1998.
137. Мухаммад бин Салих аль-Усаймин. Объяснение основ веры, М., 1999.

138. Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Отведение сомнений, М., 1998.
139. Мухаметдинов Р.Ф. Зарождение и эволюция тюркизма. Казань, 1996.
140. Мухаммедходжаев А. Идеология накшбандизма. Душанбе, 1991.
141. Мухетдинов Д. Из прошлого религиозного мусульманского образования. Нижний Новгород, 2004.
142. Любовь и секс в исламе. Сборник статей. М., 2004.
143. Набиев Р.А. Ислам и государство. Казань, 2002.
144. Народы и конфессии Приволжского федерального округа. Справочник для государственных служащих. М., 2001.
145. Народы и религии мира. Энциклопедия, М., 1999.
146. Народы России. Энциклопедия, М, 1994
147. Обратимся к нашему многовековому опыту. Интервью председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина // Наука и религия, №1, 1991 год.
148. Орлов А.М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. НН., 2001.
149. Основные положения социальной программы российских мусульман. Ярославль, 2001.
150. Ислам и Россия. Отечественные записки, №5, 2003.
151. Позднякова О.Г., Садченков Ю.Т. и др. Религии в междуречье Волги и Дона, Волгоград, 2000.
152. Полосин В.-А. Преодоление язычества. М., 2001.
153. Полосин В.-А. Прямой путь к Богу. М., 2000.
154. Полосин В.-А. Манифест новой России: третий путь — прямой. М., 2001.
155. Полосин В.-А. Евангелие глазами мусульманина: два взгляда на одну историю М., 2005.
156. Поляков К.И. Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2001.
157. Поляков К.И. Арабские страны и ислам в России (90-е годы XX века). М, 2001.

158. Пономарев А.В. Политические аспекты реформирования религиозных структур. М., 1999.
159. Постсоветское мусульманское пространство: Религия, политика, идеология. М., 1994.
160. Православие в поликонфессиональном обществе. Сборник докладов. Казань, 2006.
161. Программа партии «Иттифак». Набережные Челны, 1993.
162. Пути мара на Северном Кавказе: Независимый экспертный доклад. Под редакцией В.А.Тишкова. М., 1999.
163. Пучков П.И., Казьмина О.Е. Религии современного мира. М., 1998.
164. Религии народов современной России. Словарь, М., 2000.
165. Религия и политика в современной России, М., 1997.
166. Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала, 2001.
167. Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции. Сборник статей. Казань, 1998.
168. Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерение. Сборник статей. М., 2006.
169. Религиозные и национальные объединения Ямало-Немецкого автономного округа (2004—2005 годы). Салехард, 2006.
170. Религиозные объединения в современной России // Аналитические обозрения центра комплексных социальных исследований и маркетинга, серия: Социология, выпуск №4 (18), 1996.
171. Религиозные объединения Московской области. Справочник. М., 1998.
172. Религиозные организации Краснодарского края. Справочник. Краснодар, 2001.
173. Религиозные организации России. Справочник. М., 1997.
174. Регионы России в 1998 году / Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России». М., 1999.
175. Религия и государство в современной России. Сборник статей. М., 1997.
176. Роль мусульманских организаций в решении социальных проблем. Материалы III всероссийского семинара руководителей

духовных управлений мусульман (Москва, 28 июня — 2 июля 2000 года). М., 2000.

177. Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. СПб., 1994.

178. Россия и Кавказ: история, религия, культура. Сборник статей. СПб., 2002.

179. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2000.

180. Ротарь И. Ислам и война. М., 1999.

181. Ротарь И. Под зеленым знаменем ислама. Исламские радикалы в России и СНГ. М., 2001.

182. Рубан Л.С. Молодежь на пути к культуре мира и согласия. М., 2003.

183. Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане. Казань, 1998.

184. Садур В. Исламский фактор. Заметки размышления российского мусульманина // Диа-Логос. Религия и общество. М., 1997.

185. Саидбаев Т.С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. М., 1984.

186. Салих бин Абдулах бин Хумид. Понятие мудрости в деле призыва к Аллаху. М., 1999.

187. Салих бен Фаузан бен Абдалла Аль Фаузан. Хадж и Умра. М., 1998.

188. Сборник материалов научно-практической конференции «Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы». Казань, 2005.

189. Сборник фетв ДУМСК за 1987 год.

190. Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю. Н. История исламских общин Нижегородской области. Нижний Новгород, 1998.

191. Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России. Нижний Новгород, 2005.

192. Сенюткина О.Н. Третий съезд мусульман России. Нижний Новгород, 2006.

193. Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. Нижегородские мусульмане на службе Отчеству. М., 2005.

194. Силантьев Р.А. Этнический аспект раскола исламского сообщества России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, №149, М., 2003.

195. Силантьев Р.А. Новейшая история исламского сообщества России М., 2005.

196. Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1993. № 48.

197. Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994.

198. Современный ислам в диалоге культур. Тезисы докладов Международной исламской конференции 19—20 апреля 1996 года. НН., 1997

199. Справочник по исламу. Саратов, 1998.

200. Султанов Ф.М. Ислам и татарское национальное движение в российском и мировом мусульманском контексте: история и современность. Казань, 1999.

201. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

202. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. М., 1998.

203. Тагаев М. Наша борьба, или Повстанческая армия имама. Киев, 1997.

204. Татары: история в документах, Саратов, 1998.

205. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

206. Тишков В., Беляева Е., Марченко Г. Чеченский кризис // Генеральный проект «Россия в третьем тысячелетии». М., 1995.

207. Требин М. П. Терроризм в XXI веке М., 2004.

208. Тримингэм Дж. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.

209. Толгуров Т. Кабардино-Балкария: религиозные институты в условиях политической нестабильности // Центральная Азия и Кавказ, 1999. № 2(3).

210. Тысяча и сто лет по лунной хиджре. Интервью председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина // Наука и религия, №1, 1990 год.
211. Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 сентября 2004.
212. Тульский М. Раскол в руководстве российских мусульман: 1994—2004 годы // Центральная Азия и Кавказ, 1 сентября 2004.
213. Фаизов С. Ислам в Поволжье. VIII—XX вв. Очерк истории. М., 1999
214. Фаизхановские чтения 15 мая 2004 года. Сборник материалов. Нижний Новгород, 2004.
215. Фаизхановские чтения 17 июня 2005 года. Сборник материалов. Нижний Новгород, 2005.
216. Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. М., 1998.
217. Фахрутдинов Р. Основные этапы политической истории татарского народа // Татарстан, №5—6, 1992 год.
218. Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия. Нижний Новгород, 2006.
219. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.М. Всероссийские мусульманские съезды 1905—1906 гг. Нижний Новгород, 2005.
220. Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.М. Общественное движение мусульман-татар: итоги и перспективы. Нижний Новгород, 2005.
221. Хаджж и Умра. Памятка паломнику, М., 1998.
222. Хайбуллов А.Р. Ислам в Чувашии (1991—2000). Чебоксары, 2001
223. Хайбуллов А.Р. Ислам и реальность. Чебоксары, 1997.
224. Хайретдинов Д. Ислам в Осетии: Информационный материал Исламского Конгресса России. М., 1997.
225. Хайретдинов М.З. Цели и способы джихада. Нижний Новгород, 2005.
226. Хайрутдинов А. Последний татарский богослов. Казань, 1999.

227. Хакимов Р. Где наша Мекка? Казань, 2003.
228. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
229. Хасанов М. Наш путь — согласие и сотрудничество // Наука и религия, №1, 1990 год.
230. Хачилаев Н. Наш путь к газавату. Год выпуска и издательство не указаны.
231. Хафизов М.З. Нижегородские татары. Нижний Новгород, 1998.
232. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Ростов-наДону, 1997.
233. Христианство и ислам: пути реального взаимодействия. Сборник статей. М., 2006.
234. Четыре года служения людям. Жизнь мусульман Урала, Сибири и Дальнего Востока. М., 2001.
235. Шейх Саид-Афанди Чиркейский. Мажмуатуль Фаваид. Махачкала, 1997
236. Щипков А. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. СПб., 1998.
237. Чечня и Россия: общества и государства. Выпуск 3. М., 1999.
238. Шаг на пути к Аллаху. Саратов (год выпуска не указан).
239. Шихсаидов А.Р. Ислам и исламская культура в Дагестане. М., 2001.
240. Этнический сепаратизм в России. Электронная версия. Размещена на сайте www.panorama.ru.
241. Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. Сборник статей. М., 1998.
242. Этнос и религия. Сборник статей. М., 1998.
243. Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, №24, ноябрь 2001 года.
244. Юнусов А.С. Ислам в Азербайджане. Баку, 2004.
245. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.
246. Яблоков И.Н. Религиоведение: необходимый словарь-минимум. М., 2002.

247. Якупов В. Адреса Сунны, Казань, 2004.
248. Якупов В. Благодетельность и социальная работа в исламе. Казань, 2004.
249. Якупов В. Деятельность ДУМ РТ в 2003 году. Казань, 2005.
250. Якупов В. Ислам в Татарстане в 90-е годы. Казань, 2005.
251. Якупов В. Мера ислама. Казань, 2004.
252. Якупов В. Неофициальный ислам в Татарстане: движение, течения, секты. Казань, 2003.
253. Якупов В. Уставная литература Духовных управлений мусульман Татарстана. Казань, 2006.
254. Якупов В. Ханафитский мазхаб, его значение и актуальность. Казань, 2004.
255. Яндарбиев З. Чечения — битва за свободу. Львов, 1996.

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА АВТОРА

МАТЕРИАЛЫ СЪЕЗДОВ, ПЛЕНУМОВ, КОНФЕРЕНЦИЙ И ИНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

1. Выписка из протокола пленума ЦДУМ от 21 сентября 1994 г.
2. Духовному управлению мусульман Центрально-Европейского региона России 5 лет, буклет // ДУМЦЕР, 1998.
3. Информационное сообщение о 1-м Съезде мусульман Карачая.
4. Информационное сообщение об учредительном съезде ОСОО «Меджлис».
5. Итоговый документ конференции «Ислам против терроризма».
6. Материалы II форума Духовного управления мусульман Азиатской части России.
7. Материалы V съезда ДУМЕС.
8. Материалы VI чрезвычайного съезда ДУМЕС.
9. Материалы VII чрезвычайного съезда ЦДУМ (1 ноября 1994 г.).
10. Материалы VII чрезвычайного съезда ЦДУМ (17 января 1995 года).
11. Материалы VIII чрезвычайного съезда ЦДУМ.
12. Материалы IX съезда ЦДУМ.
13. Материалы II форума Духовного управления мусульман Азиатской части России.
14. Материалы Всероссийского меджлиса членов президиума, совета улемов и ревизионной комиссии ЦДУМ от 1 ноября 1994 г.

15. Материалы закрытого заседания Совета муфтиев России от 30 июня 2000 г.
16. Материалы II форума Духовного управления мусульман Азиатской части России.
17. Материалы пленума ДУМ РТ 3-го созыва.
18. Материалы совместного расширенного заседания Совета муфтиев России и Высшего координационного центра духовных управлений мусульман России.
19. Материалы учредительного съезда ОПОД «Евразия».
20. Материалы Чрезвычайного расширенного пленума ЦДУМ от 27 октября 1994 года.
21. Материалы II Межрелигиозного миротворческого форума (Москва, 2—3 марта 2004 года).
22. Повестка дня Третьего (внеочередного) съезда ОПОД «Рефах» (Благоденствие).
23. Повестка заседания конференции мусульман Сибири и Дальнего Востока.
24. Послание командующего Дагестанской повстанческой Армии Имама при ОПС Кавказской Конфедерации Магомеда Тагаева.
25. Постановление 1-го съезда мусульман Карачая об избрании имама Карачая.
26. Пресс-релиз II съезда ОПОД «Рефах».
27. Программный манифест ООПД «Рефах».
28. Программа Исламской партии возрождения.
29. Программа организации «Хизбут-Тахрир».
30. Протокол конференции духовных управлений мусульман Северного Кавказа от 17 августа 1997 года.
31. Протокол заседания Совета послов арабских государств в Москве 4 июня 1998 года.
32. Протокол заседания Совета муфтиев России от 2 марта 2004 года.
33. Протокол Объединительного съезда (Казань, 13—14 февраля 1998 года).
34. Протокол пленума ДУМЕС от 15 января 1991 года.

35. Протокол пленума ЦДУМ от 19 января 2004 года.
36. Протокол третьего заседания Межрелигиозного совета России.
37. Протокол учредительного съезда ДУМ Республики Башкортостан (Уфа, 21 августа 1992 г.).
38. Протокол учредительного съезда ДУМ Республики Татарстан (Набережные Челны, 22 августа 1992 года).
39. Резолюция II съезда Конгресса народов Ичкерии и Дагестана от 17 апреля 1999 года.
40. Решение пленума ЦДУМ от 3 мая 1994 года.
41. Создан Координационный совет, пресс-релиз.

УСТАВЫ

1. Программа Общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России» (СМР).
2. Программный манифест ООПД «Рефах».
3. Устав Единого ДУМ Пензенской области.
4. Устав ДУМ Сибири.
5. Устав ДУМ «Ассоциация мечетей России».
6. Устав Казанского муфтията.
7. Устав Общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России».
8. Устав ЦДУМ.
9. Устав Совета муфтиев России.
10. Устав ДУМЕР.

ОБРАЩЕНИЯ И ЗАЯВЛЕНИЯ

1. Заявление председателя ЦДУМ (ноябрь 1994 г.).
2. Заявление Союза мусульман России от 21 мая 1998 г.
3. Заявление Совета муфтиев России от 15 ноября 1999 г.
4. Заявление Совета муфтиев России «О нарушении прав мусульман рядом государственных структур в Республике Башкортостан» от 9 июня 2000 г.

5. Совместное заявления БНЦ «Урал» и Татарского общественного центра Башкортостана от 20 августа 1992 г.
6. Обращение медреса Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (Московского муфтията) 29 января 1994 г.
7. Совместное обращение председателя Духовного управления мусульман-ханафитов Республики Татарстан муфтия Фанавиля Шаймарданова и председателя Регионального ДУМ Татарстана Фариды Салмана Хайдарова к председателю ДУМ РТ муфтию Гусману Исхакову.
8. Совместное заявление Совета муфтиев ЦДУМ и Общероссийского союза общественных объединений «Меджлис».
9. Обращение Совета муфтиев Центрального духовного управления мусульман России от 2 октября 1999 г.
10. Обращение Совета муфтиев России главе администрации Омской области Л.К. Полежаеву от 16 января 1998 г.
11. Обращение медреса Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (Московского муфтията) 29 января 1994 г.
12. Обращение президиума ДУМЕС от 26 августа 1992 г.
13. Запись выступления верховного муфтия Талгата Таджуддина на митинге «Единой России» в Уфе 3 апреля 2003 г.
14. Обращение-предупреждение Экспертного совета ДУМ Дагестана к продавцам и распространителям печатной продукции.
15. Послание командующего Дагестанской повстанческой Армии Имама при ОПС Кавказской Конфедерации Магомеда Тагаева.

ПИСЬМА, ЛИСТОВКИ И ТЕЛЕГРАММЫ

1. Листовка «инициативной группы» по смещению Махмуда Геккиева.
2. Листовка «инициативной группы» по смещению Талгата Таджуддина (от 1992 г.).

3. Листовка «инициативной группы» по смещению Талгата Таджуддина (от 1994 г.).
4. Открытое письмо имам-мухтасиба Фаиля Гильфана.
5. Письмо Замира Хайруллина председателю ЦДУМ верховному муфтию Талгату Таджуддину.
6. Письмо председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла муфтию Равилю Гайнутдину (декабрь 2001 г.).
7. Ответ муфтия Мукаддаса Бибарсова на Письмо председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла муфтию Равилю Гайнутдину (февраль 2001 г.).
8. Письмо президиума Всетатарского общественного центра председателю Госсовета Республики Татарстан Фариту Мухаметшину.
9. Письмо муфтия Равиля Гайнутдина заместителю председателя правительства РФ СМ. Шахраю от 23 июня 1995 г. исх. №225.
10. Письмо муфтия Равиля Гайнутдина мэру Москвы Ю.М. Лужкову от 28 июня 1999; исх. №214.
11. Письмо президента Российской академии наук Ю.С. Осипова заместителю руководителя аппарата Правительства РФ А.Е. Себенцову от 15 ноября 1996 года.
12. Приветственный адрес Патриарха Московского и всея Руси Пимена участникам юбилейных торжеств Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири.
13. Приветственный адрес Совета министров РСФСР участникам юбилейных торжеств Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири.
14. Телеграмма президиума ЦДУМ Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II (сентябрь 1994 г.).
15. Уведомительные письма о выходе из Совета муфтиев России ДУМ Сибири, ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области и ДУМ «Ассоциация мечетей».

ИНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Выступление Талгата Таджуддина на конференции Христианского межконфессионального консультативного комитета «Христианство в III тысячелетии» (ноябрь 1999 года) и V Всемирном русском народном соборе (Москва, декабрь 1999 года).
2. Исламский культурный центр России, рекламная подборка.
3. Определение Судебной коллегии Челябинского областного суда от 27 сентября 2001 г., дело №4111.
4. Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 22 февраля 2000 г.
5. Приказ председателя ДУМ РТ муфтия Гусмана Исакова от 22 апреля 2000 г.
6. Программа организации «Хизбут-Тахрир».
7. Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 августа 2002 г.
8. Состав Совета муфтиев России по состоянию на июнь 2002 г.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АО — Автономный округ.
- ВКЦДУМР — Высший координационный центр духовных управлений мусульман России.
- ДУМ — Духовное управление мусульман.
- ДУМАЧР — Духовное управление мусульман Азиатской части России.
- ДУМЗАК — Духовное управление мусульман Закавказья.
- ДУМЕС — Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири.
- ДУМЕР — Духовное управление мусульман Европейской части России.
- ДУМ РБ — Духовное управление мусульман Республики Башкортостан.
- ДУМ РТ — Духовное управление мусульман Республики Татарстан.
- ДУМСК — Духовное управление мусульман Северного Кавказа.
- ДУМЦЕР — Духовное управление мусульман Центрально-европейского региона России.
- ЕПР — Евразийская партия России.
- ИКЦ — Исламский культурный центр.
- КЦМСК — Координационный центр мусульман Северного Кавказа.
- ОИК — Организация Исламская конференция.
- МП — Московский Патриархат.
- РДУМ — региональное духовное управление мусульман.
- САДУМ — Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана.
- СМИ — средства массовой информации.
- РФ — Российская Федерация.

НЕКОТОРЫЕ ПОЯСНЕНИЯ О НАПИСАНИИ ИМЕНИ ФАМИЛИЙ

Так сложилось, что многие имена и фамилии мусульманских деятелей нашей страны могут иметь несколько вариантов написания, что стало следствием как их искаженного отображения в паспортах, так и ряда иных причин: желания дополнительно «исламитизировать» имя или фамилию, придать ей больший национальный колорит или особое звучание, а также стойких ошибок вследствие восприятия антропонимов на слух (например, Татжуддин вместо Таджуддин или даже Мудакдас вместо Мукаддас).

К примеру, покойный президент Чечни Кадыров именовался как Ахматом, так и Ахмадом, а первый муфтий Ульяновской области вообще мог называться а) Аюбом Дибердиевым, б) Аюбом Дебердеевым, в) Аюбом Дебердиевым, г) Айюбом Дибердиевым, д) Айюбом Дебердеевым, е) Айюбом Дебердиевым, ж) Аюпом Дибердиевым, з) Аюпом Дебердеевым, и) Аюпом Дебердиевым. Ввиду того, что автор не имел возможности ознакомиться с паспортными данными всех интересовавших его лиц, он вынужден считать равнозначными следующие варианты имен и фамилий:

Арсанукаев и Арсунукаев
Дибердеев, Дебердеев и Дибердиев
Ильязов и Ильясов
Аюб, Айюб и Аюп,
Рашид, Рашит и Ряшит
Ахмат и Ахмад, Ахмет и Ахмед
Хусейн и Хуссейн
Исмаил и Исмагил
Мауледдин — Мавлюдин
Нурмухаммет или Нурмухаммед
Джафар — Джагофар

Саид-Мухаммад и Саид-Магомед
Мухаммадгали и Мухаммедгали
Мухаммад-гали и Мухаммад-Али
Венер и Винер
Фарит и Фарид
Ильдар и Эльдар
Гусман и Усман

Между тем, по отношению к конкретным лицам часто применяются конкретные формы имен и фамилий. Например, фамилия «Гайнутдин» всегда пишется через «тд», а вот образованная по такому же принципу фамилия «Таджуддин» почти всегда содержит двойное «д». Имя пермского муфтия Хузина правильно звучит «Мухаммедгали», а муфтия Татарстана Исакова следует называть именно «Гусман», а не «Усман».

Из часто встречающихся арабизированных имен, фамилий и прозвищ по географическому признаку можно отметить следующие сочетания:

Гайнутдинов — Гайнутдин
Таджуддинов — Таджуддин
Фахретдинов — Фахреддин (Фахретдин)
Якупов — Якуб
Исхаков — Исхаки
Биджиев — Биджи--уллу
Аширов — Ашир
Идрисов — Идрис
Нафик — Нафигулла
Винер — Венерулла, Валиулла и Валиахмед
Чиркейский — Чиркави
Ростовский — Ростоуи
Сидоров — Ар-Руси

В данном случае новые фамилии прижились только у Гайнутдина с Таджуддином, в то время как остальные исламские лидеры обычно используют формы, заканчивающиеся на «ов» и «ев». Что же касается арабизированных имен, то они прижились в полном объеме, поэтому сейчас весьма некорректно именовать верховного муфтия Аширова его «паспортным» именем «Нафик».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под настоящим временем в данной работе понимается июль 2006 г.
- ² Именно в таком значении оно употребляется в документах большинства российских мусульманских централизованных структур.
- ³ Сафронов С.Г. Ислам: поиски организационных форм и места в социальной жизни // Регионы России в 1998 году М., 1999; Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе. Сборник статей М., 1998; Ислам в СНГ. Сборник статей. Москва, 1998.
- ⁴ Forest J. Religion in the new Russia. N.Y., 1990; Фаизов С. Ислам в Поволжье. VII—XX вв. Очерки истории. М., 1999; Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. М., 2001; Беннигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983; Moslems in the Soviet Union. Moscow, 1971.
- ⁵ Добаев И.П. Исламский радикализм. Ростов-на-Дону, 2003.
- ⁶ Народы России. Энциклопедия. М., 1994; Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991; Народы и религии мира. Энциклопедия. М., 1998; Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2000; Религии народов современной России. Словарь. М., 2000.
- ⁷ Народы и конфессии Приволжского федерального округа. Справочник для государственных служащих. М., 2001; Религиозные объединения Московской области. Справочник. М., 1998; Религиозные организации Краснодарского края. Справочник. Краснодар, 2001.
- ⁸ Концепция деятельности региональных религиозных организаций и местных религиозных общин ДУМАЧР. М., 2001; Четыре года служения людям. Жизнь мусульман Урала, Сибири и Дальнего Востока. М., 2001; Основные положения социальной программы российских мусульман. Ярославль, 2001.
- ⁹ Материалы Первого (Объединительного) съезда мусульман Республики Татарстан. Казань, 1999; Роль мусульманских организаций в решении социальных проблем. Материалы III всероссийского семинара руководителей духовных управлений мусульман (Москва, 28 июня — 2 июля 2000 года). М., 2000.

- ¹⁰ Гайнутдин Р. Ислам в современной России. М., 2004; Якупов В. Не-официальный ислам в Татарстане. Казань, 2003.
- ¹¹ Тагаев М. Наша борьба, или Повстанческая армия Имама. Киев, 1997; Мухаммад бин Джамаль Зину. Исламская акида. М., 1998; Мухаммад бил Салих аль-Усаймин. Объяснение основ веры. М., 1999.
- ¹² «Воинствующий ислам» и меры противодействия его влиянию. Сборник статей. М., 1988; Вагабов М.В. Ваххабизм: история и современность. Махачкала, 2000; Мухаммедходжаев А. Идеология накшбандизма. Душанбе, 1991; Тримингэм Дж. Суфийские ордены в исламе. М., 1989; Игнатенко А.А. Халифы без халифата. М., 1988.
- ¹³ Религия и государство в современной России. Сборник статей. М., 1997; Этнос и религия. Сборник статей. М., 1998; Ротарь И. Ислам и война. М., 1999; Васильев Л.С. История религий Востока. М., 1997.
- ¹⁴ Религии и религиозные организации в Дагестане. Справочник. Махачкала, 2001. С. 8; Ислам и мусульмане в России. Сборник статей. М., 1999. С. 91—92.
- ¹⁵ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 13.
- ¹⁶ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Иваново, 2001. С. 41—42.
- ¹⁷ Там же, с. 43.
- ¹⁸ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 132; История религий в России. Учебное пособие под общей редакцией Н.А. Трофимчука. М., 2000. С. 251.
- ¹⁹ Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Иваново, 2001. С. 45
- ²⁰ До этого Хусейнов был дипломатом и разведчиком на Кавказе и в Средней Азии, где выполнял особые поручения властей.
- ²¹ Высочайшее повеление императрицы Екатерины II об учреждении Оренбургского Магометанского духовного собрания // Наука и религия, 1990, №1.
- ²² Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Иваново, 2001. С. 53—55.
- ²³ О приеме в статскую службу Татар духовного звания, в окладе несостоящих. Указ Сенатский от 30 ноября 1806 года.

²⁴ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 18.

²⁵ На этих территориях были образованы самостоятельные муфтияты или управления.

²⁶ Первый раз Коран в России был издан в типографии Академии наук в 1787 году по приказу Екатерины II.

²⁷ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 135.

²⁸ О правилах для Магометанского Духовенства Елисаветопольской округи. Указ Именной, данный Князю Цицианову 30 июня 1805 года.

²⁹ Свод законов Российской империи. Том 11. Часть первая. Свод учреждений и уставов Управления духовных дел иностранных исповеданий Христианских и иноверных. Книга шестая «Об управлении духовных дел Магометан». Раздел третий «Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства Шиитского и Суннитского учений» (издание 1896 года).

³⁰ Аранов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Иваново, 2001. С. 66—67.

³¹ Там же, с. 98.

³² Там же, с. 105.

³³ Там же, с. 137.

³⁴ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995, с. 173.

³⁵ Там же, с. 134.

³⁶ Там же, с. 138.

³⁷ Аранов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Иваново, 2001. С. 175—182.

³⁸ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1998—1999.

³⁹ Аранов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. Иваново, 2001. С. 310—311.

⁴⁰ Там же, с. 312.

⁴¹ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С.97.

⁴² Давлетишин Т. Национальное собрание мусульман Внутренней России // Татарстан, 1993, №11—12.

⁴³ Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

⁴⁴ Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь. М., 2000.

⁴⁵ Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

⁴⁶ Усманов М. Изучать наше духовное наследие // Религия в СССР, 1989. №11.

⁴⁷ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 170—190.

⁴⁸ Давлетишин Т. Национальное собрание мусульман Внутренней России // Татарстан, 1993, №11—12.

⁴⁹ Материалы по истории ДУМСК // Архив автора.

⁵⁰ Ziyauddin Khan ibn Ishan Babakhan. Islam and the Muslims in the land of Soviets. Ташкент, 1980. Pp. 146—157; Moslems in the Soviet Union. Moscow, 1971. P. 115—125.

⁵¹ Moslems in the Soviet Union. Moscow, 1971. Pp. 7—28, 42—49, 89—97, 100—108; Forest J. Religion in the new Russia. N.Y., 1990. Pp. 156—174.

⁵² Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада. Статья из сборника «Многомерные границы Центральной Азии»; Малащенко А., Муфтии, муллы, имамы и политика // Независимая газета, 24 октября 1992.

⁵³ Пономарев В.А. Ислам в Узбекистане, 1989—1995 // Полис, 1 апреля 1996.

⁵⁴ Forest J. Religion in the new Russia. New York, 1990; Кричлов Д. Ислам в Советской Средней Азии: возрождение или революция? // «Релиджион ин комьюнист лэндз» («Религия в коммунистических странах»), 1990, том 18. X 3, перевод с английского.

⁵⁵ Мурслиев А. Духовный переворот в Ташкенте // Комсомольская правда, 9 июля 1991.

⁵⁶ Материалы по истории ДУМСК // Архив автора.

⁵⁷ Материалы по истории ДУМСК // Архив автора.

⁵⁸ Сборник фетв ДУМСК за 1987 год // Архив автора; Малащенко А.В., Исламские ориентиры Северного Кавказа, М., 2001, с. 46

⁵⁹ Листовка «инициативной группы» по смещению Махмуда Геккиева // Архив автора.

⁶⁰ Абхалиев А.А. История Духовного управления мусульман Дагестана, рукопись.

⁶¹ Минеев А. Быть ли муфтию на Северном Кавказе? // Наука и религия, №6, 1990.

⁶² Абхалиев А.А. История Духовного управления мусульман Дагестана, рукопись.

- ⁶³ Материалы по истории ДУМСК // Архив автора.
- ⁶⁴ Материалы по истории ДУМСК // Архив автора.
- ⁶⁵ Орлюк С. Волнения в Махачкале продолжаются // Комсомольская правда, 15 мая 1991; Снопов А., Глебов Р. Дагестан: мусульман в Мекку, оппозицию в тюрьму // Коммерсант, 17—24 июня 1991.
- ⁶⁶ Глебова А. Мусульмане собираются в хадж // Новое время, №30, 1991.
- ⁶⁷ Малащенко А. Исламское возрождение — дагестанский вариант // Независимая газета, 7 ноября 1991.
- ⁶⁸ Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России: сборник статей под редакцией С.Б. Филатова, М., 2002, стр. 163.
- ⁶⁹ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М, 1998, с. 40; Дагестан: национальности и национальные проблемы // Якутия, 18 сентября 1999.
- ⁷⁰ Ханбабаев К.М. Суфизм в современном Дагестане, рукопись.
- ⁷¹ Криминальный режим. Чечня, 1991—1995 гг. М., 1995, с. 20.
- ⁷² Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М, 1998, с. 167.
- ⁷³ Там же, с. 171.
- ⁷⁴ Чечня. Белая книга // Российский информационный центр и РИА «Новости»; электронная версия размещена на сайте www.infocentre.ru/; Этнический сепаратизм в России, электронная версия (размещена на сайте www.panorama.ru), статья *Сепаратизм в Чечне*.
- ⁷⁵ Материалы по истории ДУМ Чеченской Республики // Архив автора.
- ⁷⁶ Чечня. Белая книга // Российский информационный центр и РИА «Новости»; электронная версия размещена на сайте www.infocentre.ru/.
- ⁷⁷ Ваххабизм в импортной упаковке. Религиозные экстремисты активизируют свою деятельность на Северном Кавказе // Независимая газета, 13 мая 1998 г.
- ⁷⁸ Первое послание Имама Карачая Биджи-уллу Мухаммад к верующим мусульманам-карачаевцам, людям других национальностей, других конфессий и верований // Ислам Ньюю, №5, декабрь 1991 — январь 1992.
- ⁷⁹ Духовное управление протестует // День Республики, 25 марта 1992.
- ⁸⁰ Приветственный адрес Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена участникам юбилейных торжеств Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири; Приветственный адрес Со-

вета министров РСФСР участникам юбилейных торжеств Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири // Архив автора.

- ⁸¹ Тысяча и сто лет по лунной хиджре: интервью председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина // Наука и религия, №1, 1990; Хасанов М. Наш путь — согласие и сотрудничество // Наука и религия, №1, 1990; Обратимся к нашему многовековому опыту. Интервью председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина // Наука и религия, №1, 1991.
- ⁸² Материалы V съезда ДУМЕС // Архив автора; Обратимся к нашему многовековому опыту. Интервью председателя ДУМЕС муфтия Талгата Таджуддина // Наука и религия, №1, 1991.
- ⁸³ Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России. Сборник статей под редакцией С.Б. Филатова, М., 2002, с. 126.
- ⁸⁴ Материалы по истории ДУМЕС-ЦДУМ // Архив автора.
- ⁸⁵ Материалы по истории ДУМЕС-ЦДУМ // Архив автора.
- ⁸⁶ Этнический сепаратизм в России, электронная версия (размещена на сайте www.panorama.ru), статья «*Всетатарский общественный центр*».
- ⁸⁷ Этнический сепаратизм в России, электронная версия (размещена на сайте www.panorama.ru), статья «*Азатлык*».
- ⁸⁸ Валиахмет Садур: законы шариата не распространяются на тех, кто не живет по этим законам // Панорама, №1 (31), апрель 1992; Малащенко А.В. Застенчивый фундаментализм // НГ-Религии, 28 июня 2000; Иваненко С., Миккульский Д. Под знаменем ислама // Наука и религия, №12, 1992.
- ⁸⁹ Программа Исламской партии возрождения // Архив автора.
- ⁹⁰ Салахеддин М. Партия интеграции ислама в современное общество // НГ-Религии, 28 июня 2000; Садур В. Партия сохранения баланса // НГ-Религии, 14 ноября 2001; Джемаль Г. Упущенная возможность на закате советской истории // НГ-Религии, 28 июня 2000.
- ⁹¹ Протокол пленума ДУМЕС от 15 января 1991 года // Архив автора.
- ⁹² Исламский культурный центр России. Рекламная подборка // Архив автора; Помочь своим ближним // Наука и религия, №12, 1992.
- ⁹³ Челноков А. Как «Медведь» ислам принимал // Московские новости, 29 сентября 2001.
- ⁹⁴ Трофимчук Н.А., Свищев М.П. Экспансия. М., 2000, с. 84.
- ⁹⁵ Протокол заседания Совета арабских послов в Москве от 4 июня 1998 года // Архив автора.
- ⁹⁶ Сообщения ИА «Интерфакс» от 19 марта 1992 и 30 мая 1992.

⁹⁷ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России, М., 1998, с. 112.

⁹⁸ Протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора.

⁹⁹ Силантьев Р.А. Этнические причины раскола исламского сообщества // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, №149, М., 2002, с. 3.

¹⁰⁰ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России, М., 1998, с. 112.

¹⁰¹ Совместное заявления БНЦ «Урал» и Татарского общественного центра Башкортостана от 20 августа 1992 года // Архив автора.

¹⁰² Байназаров Р. Покаяся, муфтий! // Башкортостан, 20 августа 1992 (на татарском); Байназаров Р. На праведном пути // Башкортостан, 26 августа 1992; Аюпов Р. В ссорах забывается Коран // Вечерняя Уфа, 27 августа 1992.

¹⁰³ Протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора.

¹⁰⁴ Протокол учредительного съезда ДУМ РТ // Архив автора.

¹⁰⁵ Якупов В. Ислам в Татарстане в 90-е годы. Казань, 2005, с. 59.

¹⁰⁶ Бибарсов А. Новости из духовного управления // Замандаш, 2 декабря 1992; Создан Координационный совет. Пресс-релиз // Архив автора.

¹⁰⁷ Обращение президиума ДУМЕС // Архив автора.

¹⁰⁸ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане, Уфа, 1998, с. 283.

¹⁰⁹ Создан Координационный совет. Пресс-релиз // Архив автора; Материалы пресс-службы ВКЦДУМР // Архив автора.

¹¹⁰ Материалы пресс-службы ВКЦДУМР // Архив автора.

¹¹¹ Коммюнике VI чрезвычайного съезда мусульман европейской части СНГ и Сибири // Архив автора.

¹¹² Сафронов С. Ислам: поиски организационных форм и места в политической жизни (1997—1998 гг.) // Регионы России в 1998 году. М., 1999.

¹¹³ Обращение меджлиса Духовного управления мусульман Центрально-Европейского региона России (Московского муфтията) 29 января 1994 года // Архив автора.

¹¹⁴ Духовное управление мусульман Европейской части России // Московский муфтият. Информационная справка. Размещена на официальном сайте ДУМЕР www.muslim.ru; Духовному управлению мусульман Центрально-Европейского региона России 5 лет. Буклет. Издан ДУМЦЕР в 1998 году.

¹¹⁵ Беседа с муфтием Центрально-Европейского региона России муфтием Равилем Гайнутдином // Независимая газета, 3 марта 1994.

¹¹⁶ Байт Аллах, газета ДУМ «Ассоциация мечетей», №1, август 1994 г.

¹¹⁷ Решение пленума ЦДУМ от 3 мая 1994 года // Архив автора.

¹¹⁸ Якупов В. Неофициальный ислам в Татарстане Казань, 2003, с. 20.

¹¹⁹ Телеграмма президиума ЦДУМ Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II // Архив автора.

¹²⁰ Материалы Чрезвычайного расширенного пленума ЦДУМ от 27 октября 1994 года // Архив автора.

¹²¹ Материалы VII чрезвычайного съезда ЦДУМ от 1 ноября 1994 года // Архив автора.

¹²² Материалы Всероссийского меджлиса членов президиума, совета улемов и ревизионной комиссии ЦДУМ от 1 ноября 1994 года // Архив автора.

¹²³ Зиновьев А. Экс-муфтий не сдастся // Известия, 22 ноября 1994; Михайлин Д. Можно ли поделить Всевышнего // Российская газета, 30 ноября 1994.

¹²⁴ Письмо Замира Хайруллина председателю ЦДУМ верховному муфтию Талгату Таджуддину от 10 декабря 1994 года // Архив автора; Муфтии помирились // Сообщение ИМА-пресс (Уфа) от 16 декабря 1994 г.

¹²⁵ Материалы VII внеочередного съезда ЦДУМ // Архив автора.

¹²⁶ Тульский М. Лидеры мусульманского раскола // Независимая газета, 28 июня 2001.

¹²⁷ Беседа с муфтием Центрально-Европейского региона России муфтием Равилем Гайнутдином // Независимая газета, 3 марта 1994.

¹²⁸ Выписка из протокола пленума ЦДУМ от 21 сентября 1994 года // Архив автора.

¹²⁹ Обращение мусульманских, татарских организаций и имамов Москвы и Московской области // Московский комсомолец, 2 марта 1995.

¹³⁰ Лебедева Е. Центр культуры или раздора? // Московские новости, 28 сентября 1999.

¹³¹ Лебедева Е. Черный камень с красной краской // Московские новости, 10 сентября 1994.

¹³² Черкасов Г. Русские общины зачищают зеленую зону // Сегодня, 9 сентября 1994.

¹³³ «О событиях в Исторической мечети Москвы», заявление пресс-центра Совета муфтиев России // «Ислам Минбэре», ноябрь 1996.

¹³⁴ Заявление Совета муфтиев России от 31 октября 1996 года «О так называемых «исламских» партиях и «мусульманских» общественно-политических движениях» // «Ислам Минбэре», ноябрь 1996.

¹³⁵ Письмо муфтия Равиля Гайнутдина заместителю председателя правительства РФ С.М.Шахраю от 23 июня 1995 год, исх. №225 // Архив автора.

¹³⁶ Сообщение ИА «Постфактум» от 26 мая 1995.

¹³⁷ Муфтия обвинили в узурпации власти // Российские вести, 30 мая 1995.

¹³⁸ *Меньшикова Н., Петрович Б.* Рука Каддафи дотянулась до Госдумы // Московский комсомолец, 5 сентября 1995; Устав Общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России» (принят 31 мая 1995 года) // Архив автора.

¹³⁹ *Хамраев В.* На съезде «Союза мусульман» взяли верх «пророссийские настроенные силы» // Сегодня, 7 сентября 1995; Сообщение программы РТР «Вести» от 2 сентября 1995.

¹⁴⁰ Нур // статья размещена на сайте ИИЦ «Панорама», www.panorama.ru.

¹⁴¹ *Шерматова С.* Мусульманский бум // Московские новости, 6 сентября 1995.

¹⁴² Материалы сайта www.kontrudar.ru.

¹⁴³ Материалы II съезда ДУМ РТ // Архив автора.

¹⁴⁴ *Гафарлы М.* Мусульмане и российская власть // Независимая газета, 9 апреля 1996.

¹⁴⁵ Создано движение «Мусульмане России» // Сообщение ИА «Партиформ» от 24 апреля 1996.

¹⁴⁶ Заявление пресс-центра Союза мусульман России // Новое дело, 8 марта 1996.

¹⁴⁷ Создано движение «Мусульмане России» // Партиформ, 24 апреля 1996.

¹⁴⁸ *Шерматова С.* Мусульмане России – руки прочь от политики? // Московские новости, 23 апреля 1996.

¹⁴⁹ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 17 апреля 1996.

¹⁵⁰ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 16 февраля 1996.

¹⁵¹ *Басыров Р.* Исламский пейзаж после выборов // Профиль, 12 августа 1996.

¹⁵² *Джемаль Г.* Исламская революция и русский патриотизм // Размещено на сайте <http://www.kontrudar.ru/>.

¹⁵³ Материалы по истории ДУМ ЧР // Архив автора.

¹⁵⁴ От объявления джихада России до звезды Героя России // Профиль, 17 мая 2004.

¹⁵⁵ *Политковская А.* Супермаркет «война» // Новая газета, 26 июня – 2 июля 2000.

¹⁵⁶ *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001, с. 99.

¹⁵⁷ Материалы по истории ДУМ Дагестана // Архив автора.

¹⁵⁸ *Тульский М.* Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 июля 2004; *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998, с. 78—79.

¹⁵⁹ *Супонина Е.* Взятка за паломничество // Время МН, 23 марта 1999.

¹⁶⁰ *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России, М., 1998, с. 79—80.

¹⁶¹ *Гайнутдин Р.* Как усилить роль религиозных организаций мусульман в духовном возрождении России? Доклад на международной исламской конф. «Роль ислама в духовном возрождении России», посвященной 95-летию Московской Соборной мечети и 5-летию Духовного управления мусульман Европейской части России. Москва, 5 июня 1999 г. М., 1999, с. 14—15.

¹⁶² Материалы сайтов www.muslim.ru и www.moslem.ru.

¹⁶³ *Заргишиев М.* С помощью Аллаха по пути коранической истины // Независимая газета, 2 апреля 1993.

¹⁶⁴ *Политковская А.* Читайте Коран, и вам станет легче // Общая газета, 25 апреля 1996.

¹⁶⁵ *Супонина Е.* Взятка за паломничество // Время-МН, 30 июня 1999; Неудачный перевод // Санкт-Петербургские Ведомости, 23 июля 1997.

¹⁶⁶ *Асадуллин Ф.* Мусульмане вне поля зрения // Независимая газета, 20 марта 1996.

¹⁶⁷ Встреча // Московские новости, 2 июля 1996.

¹⁶⁸ *Орлов С.* Мусульмане решили объединиться // Московский комсомолец, 2 июля 1996; Создан Совет муфтиев России // Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 19 июля 1996.

¹⁶⁹ *Сафронов С.* Ислам: поиски организационных форм и места в политической жизни (1997—1998 гг.) // Регионы России в 1998 году, М., 1999.

¹⁷⁰ Уведомительные письма о выходе из Совета муфтиев России ДУМ Сибири, ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области и ДУМ «Ассоциация мечетей» // Архив автора.

¹⁷¹ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 25 августа 1997; Повестка заседания конференции мусульман Сибири и Дальнего Востока // Архив автора.

¹⁷² Обращение Совета муфтиев России главе администрации Омской области Л.К.Полежаеву от 16 января 1998 года // Архив автора.

¹⁷³ Дела земные и небесные. Станет ли М.Ш. аяйтоллой Шаймини? // Вечерняя Казань, 13 февраля 1998; Имамы породят казанского папу, если власть покажет себя хорошей повитухой // Казанское время, 12 февраля 1998.

¹⁷⁴ Бронштейн Б. Резкое заявление накануне объединительного съезда мусульман сделало Духовное управление мусульман Республики Татарстан // Известия, 6 февраля 1998.

¹⁷⁵ Материалы Первого (Объединительного) съезда мусульман Республики Татарстан, Казань, 1999.

¹⁷⁶ Вместо трех — один муфтий // Вечерняя Казань, 20 марта 1998.

¹⁷⁷ Антонов Е., Петров И. Обратный хадж // Коммерсант-власть, 10 февраля 1998.

¹⁷⁸ Сообщение программы «Вести» (телеканал РТР) от 21 мая 1998 года (все выпуски); Заявление Союза мусульман России от 21 мая 1998 года // Архив автора.

¹⁷⁹ «Союзом мусульман» займется Минюст // Независимая газета, 4 июля 1998.

¹⁸⁰ Стенограмма пресс-конференции Абдул-Вахеда Ниязова и Нафигуллы Аширова о событиях в Дагестане // FNS, 22 мая 1998.

¹⁸¹ Рефах // Статья размещена на сайте ИИЦ «Панорама» www.panorama.ru; Программный манифест ООПД «Рефах» // Архив автора.

¹⁸² Материалы совместного расширенного заседания Совета муфтиев России и Высшего координационного центра духовных управлений мусульман России // Архив автора.

¹⁸³ Сообщение ИА «Интерфакс» от 18 января 1991; Духовному управлению мусульман Центрально-Европейского региона России 5 лет. Буклет. Издан ДУМЦЕР в 1998 году.

¹⁸⁴ Дунаев А. Мудрый Рамазан поступает мудро // Новая Сибирь, 27 августа 1999.

¹⁸⁵ Материалы II форума Духовного управления мусульман Азиатской части России // Архив автора.

¹⁸⁶ Исламские лидеры против экстремизма // Сообщение ИА «Сибинформбюро» от 11 ноября 1999.

¹⁸⁷ Сообщение ИА «Интерфакс» от 10 февраля 1999; Филоненко В. Мусульманский раскол в Сибири // Известия, 13 февраля 1999.

¹⁸⁸ Павлова Т. Кто должен одуматься? // Комсомольская правда в Татарстане, 16 марта 1999; Чего имамы не поделили // Время и деньги, 16 апреля 1999.

¹⁸⁹ Материалы VIII внеочередного съезда ЦДУМ // Архив автора.

¹⁹⁰ Обращение политсовета общественно-политического движения «Омет» по поводу авторитарных форм формирования государственных и местных органов власти в Республике Татарстан // Надежда Татарстана, апрель 1999 года; Совместное обращение председателя Духовного управления мусульман-ханафитов Республики Татарстан муфтия Фанавиля Шаймарданова и председателя Регионального ДУМ Татарстана Фариды Салмана Хайдарова к председателю ДУМ РТ муфтию Гусману Исхакову // Архив автора.

¹⁹¹ Меджлис // Статья размещена на сайте ИИЦ «Панорама» www.panorama.ru; Информационное сообщение об учредительном съезде ОСОО «Меджлис» // архив автора.

¹⁹² Пресс-релиз II съезда ОПОД «Рефах» // Архив автора; Стрельчик Е. Религиозная риторика в предвыборном контексте // Электронная версия статьи размещена на сайте «Соборность» www.sobor.ru 16 декабря 1999.

¹⁹³ Сообщение ИА «Вся Россия» от 25 ноября 1999.

¹⁹⁴ В России появилась Демократическая мусульманская организация // Сообщение новостного сайта «НТВ.ру» от 20 декабря 2000.

¹⁹⁵ Ваххабиты готовы на союз с Макашовым и Илюхиным // Коммерсант, 24 июля 1999.

¹⁹⁶ Повестка дня Третьего (внеочередного) съезда ОПОД «Рефах» (Благоденствие) // Архив автора.

¹⁹⁷ Стрельчик Е. Баланс или боязнь? // НГ-Религии, 8 декабря 1999; Сообщение ИА «Интерфакс» от 19 декабря 1998.

¹⁹⁸ Сообщение ИА «Вся Россия» от 25 ноября 1999.

¹⁹⁹ Михайлин Д. Ваххабизм — это не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета, 28 сентября 1999; Скакунов И. Руки в гексогене // Сегодня, 18 сентября 2000.

²⁰⁰ О распространении идей религиозного экстремизма на территории Российской Федерации, справка // Размещена на сайте Российского информационного центра www.infocentre.ru 2 декабря 1999.

²⁰¹ Ваххабизм: кто нагнетает страсти? // Время и деньги, 8 октября 1999.

²⁰² Ахмирова Р. «Я готов попасть в ад, чтобы доказать ложность ваххабизма» // Комсомольская правда, 17 мая 2000.

²⁰³ Маскаков И. На Ингушетию падают бомбы // Независимая газета, 20 мая 2000.

²⁰⁴ Обращение Совета муфтиев Центрального духовного управления мусульман России от 2 октября 1999 года // Архив автора.

²⁰⁵ Письмо президента Российской академии наук Ю.С. Осипова заместителю руководителя аппарата Правительства РФ А.Е. Себенцову от 15 ноября 1996 года // Архив автора; Ханнанова Г. Российские мусульмане не знают точно, когда появились // Коммерсант, 16 июня 2000.

²⁰⁶ Москва отмечает 1400-летие ислама в России // Сообщение ИА «Татаринформ» от 7 апреля 2000; Пензу посетит делегация Совета муфтиев России // Сообщение ИРА «Комсомолка Плюс» от 26 июля 2000.

²⁰⁷ Устав Ассоциации мусульманских религиозных организаций «Казанский муфтият» // Архив автора.

²⁰⁸ Совместное заявление Совета муфтиев ЦДУМ и Общероссийского союза общественных объединений «Меджлис» // Архив автора.

²⁰⁹ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 15 марта 2000; Недумов О., Смирнов М. Ошибка президента или тонкий расчет // НГ-Религии, 15 января 2003.

²¹⁰ Матанис В. Будет ли покой в российской умме? // НГ-Религии, 12 июля 2000.

²¹¹ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 30 июня 2000.

²¹² Фазизуллина Г. Исламская вертикаль // Эксперт, 4 июля 2000; Алексеева О. Муфтии осудили ваххабизм // Коммерсант, 4 июля 2000.

²¹³ Сообщение ИА «Регион-Информ» от 4 июля 2000.

²¹⁴ Сообщение ИА «Интерфакс» за 25 августа 2000; сообщение новостного сайта «Лента.ру» от 3 сентября 2000.

²¹⁵ Авдеев С. Исламистов-арабов выслали из России за вербовку шахидов // Известия-Новости, 17 июля 2003.

²¹⁶ Устав ЦДУМ // Архив автора.

²¹⁷ Горячий Кавказ // Коммерсант-Власть, 10 августа 1999.

²¹⁸ Чеченские хроники-99 // Издание Российского информационного центра по материалам СМИ, размещено на сайте www.infocentre.ru/.

²¹⁹ Сообщение ИА «Интерфакс» от 13 мая 1997; Тарасов С. Дагестан на грани войны между мусульманами // Сегодня, 14 мая 1997; Религиозное противостояние // Санкт-Петербургские Ведомости, 15 мая 1997.

²²⁰ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 16 июля 1998; Сначала драка — потом война? // Караван, 24 июля 1998.

²²¹ Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 22 февраля 2000 года // Архив автора.

²²² Протокол конференции духовных управлений мусульман Северного Кавказа от 17 августа 1997 года // Архив автора.

²²³ В Назрани обсуждают проблему распространения ваххабизма на Северном Кавказе // Аргументы и факты, 30 июля 1998; Барахова А. Борьба с ваххабизмом // Коммерсант, 22 августа 1998.

²²⁴ В Дагестане продолжаются волнения // Эхо Москвы, 27 августа 1998, 14.18

²²⁵ Кто убил муфтия Дагестана? // Санкт-Петербургские Ведомости, 22 августа 1998; В убийстве муфтия подозревают ваххабитов // Общая газета, 3 сентября 1998.

²²⁶ Программа «Вести» (телеканал РТР) от 3 сентября 1998; Андреева А. Россия на грани новой кавказской войны // Белорусская деловая газета, 28 июня 1999.

²²⁷ Резолюция II съезда Конгресса народов Ичкерии и Дагестана от 17 апреля 1999 года // Архив автора; Послание командующего Дагестанской повстанческой Армии Имама при ОПС Кавказской Конфедерации Магомеда Тагаева // Архив автора.

²²⁸ Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. М, 2001, с. 155.

²²⁹ Шамиль Басаев предъявил своему сподвижнику Надиршаху Хачилаеву ультиматум // Сообщение ИА «РИА-Новости» от 23 августа 1999.

²³⁰ Чеченские хроники-99 // Издание Российского информационного центра по материалам СМИ, размещено на сайте www.infocentre.ru/.

- ²³¹ Прокопьева Е. Робкая инициатива Масхадова // Кузбасс, №193, 12 октября 1999; Сообщение ИА ИТАР-ТАСС от 30 ноября 1999.
- ²³² Мурадов М. Кадыров вступил в должность // Коммерсант, 26 июня 2000.
- ²³³ В Чечне – новый муфтий // Известия, 23 августа 2000.
- ²³⁴ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 31 января 2001.
- ²³⁵ Новый глава КЦМ СК высказался по поводу конфликта СМР и ЦДУМ // Сообщение портала «Ислам.ру» от 22 апреля 2003.
- ²³⁶ Протокол заседания Межрелигиозного совета России от 25 декабря 2001 года // Архив автора; Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 августа 2002 года // Архив автора.
- ²³⁷ Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 августа 2002 года // Архив автора.
- ²³⁸ Коптев Д. Российские власти заинтересованы в объединении мусульман под одним началом // Известия, 21 июня 2000; Сообщение ИФ от 2 апреля 2002.
- ²³⁹ Офитова С. Чистка «медвежьей шкуры» // Сегодня, 30 октября 2000, Информационное сообщение Исламского конгресса от 13 октября 2000 // Архив автора.
- ²⁴⁰ Информационное сообщение Исламского конгресса от 13 октября 2000.
- ²⁴¹ Сообщение ИА «Росбизнесконсалтинг» от 29 октября 2000.
- ²⁴² Лампси А. Движение «Рефах» вышло из Единства // НГ-Религии, 28 марта 2001.
- ²⁴³ Виноградов М. Партия во имя Аллаха, Известия, 17 сентября 2001.
- ²⁴⁴ Список руководящих органов ОПОО «Исламская Партия России» // Архив автора.
- ²⁴⁵ Сообщение ИА «Интерфакс» от 28 июня 2001.
- ²⁴⁶ Батуев В. Откуда возник религиозный экстремизм // Время-МН, 29 июня 2001.
- ²⁴⁷ Расшифровка передачи «Однако» (ОРТ) от 23 ноября 2001.
- ²⁴⁸ Материалы сайта www.moslem.ru.
- ²⁴⁹ Пухов А. Талгат Таджуддин в детском саду // Независимая газета, 21 мая 2003.
- ²⁵⁰ Шаг к единству мусульман России // НГ-Религии, 12 сентября 2001.

- ²⁵¹ Сообщение Службы коммуникаций Отдела внешних исламских связей ЦДУМ от 16 июня 2001.
- ²⁵² Сообщения Службы коммуникаций Отдела внешних исламских связей ЦДУМ от 19 июня, 26 июня и 26 июля 2001.
- ²⁵³ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 5 ноября 2001.
- ²⁵⁴ Пименов В. Благая весть из Бейрута // Иностранец, 22 января 2002.
- ²⁵⁵ Брыков А. Мусульмане у Кремля // Версия, 13—19 ноября 2001.
- ²⁵⁶ Карабааги О. Куда идет этот мир? // НГ-Религии, 24 октября 2001.
- ²⁵⁷ Василенко К. Ислам ищет защиты от террористов // Время новостей, 30 мая 2002.
- ²⁵⁸ Интервью верховного муфтия Талгата Таджуддина // Газета, 28 мая 2002.
- ²⁵⁹ Заявление Совета муфтиев России о провокационной публикации «Газеты» от 28 мая 2002 года // Материалы сайта www.muslim.ru.
- ²⁶⁰ Интервью муфтия Равиля Гайнутдина // Газета, 10 июня 2002.
- ²⁶¹ Сообщение ИА РИА «Новости» от 29 мая 2002
- ²⁶² Итоговый документ конференции «Ислам против терроризма» // Архив автора.
- ²⁶³ Сообщение ИА «Интерфакс» от 26 марта 2004.
- ²⁶⁴ Отрегулируем // Век, 9 июня 2004; Биджи-уллу М. Страх перед образованием // НГ-Религии, 23 августа 2000 года.
- ²⁶⁵ Сообщение ИА «Интерфакс» от 2 апреля 2002.
- ²⁶⁶ Материалы по истории ДУМ «Ассоциация мечетей» // Архив автора.
- ²⁶⁷ Материалы официального сервера органов власти Республики Карелия www.gov.karelia.ru.
- ²⁶⁸ Материалы пресс-службы ДУМ РК // Различные новостные сайты.
- ²⁶⁹ Материалы по истории ДУМ Калмыкии // Архив автора.
- ²⁷⁰ Пономарева Е. Борьба за души // Вечерний Ставрополь, 27 июля 2004.
- ²⁷¹ Материалы по истории Енисейского муфтията и ДУМ Республики Коми // Архив автора.
- ²⁷² В Махачкале прошел митинг против войны в Ираке // Сообщение портала «Ислам.ру» от 24 января 2004.
- ²⁷³ Талгат Таджуддин: «Джихад уже идет» // Консерватор, 21 марта 2003.
- ²⁷⁴ Талгат Таджуддин: Самореклама на крови иракского народа // Сообщение портала «Ислам-инфо» от 17 марта 2003.

²⁷⁵ Материалы пресс-конференции в ИА «Интерфакс» от 19 марта 2003 года

²⁷⁶ Запись выступления верховного муфтия Талгата Таджуддина на митинге «Единой России» в Уфе 3 апреля 2003 года // Архив автора.

²⁷⁷ Ключев А. Джихад не прошел // Известия, 26 марта 2003.

²⁷⁸ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 4 апреля 2003.

²⁷⁹ Генпрокуратура РФ защитила США // Статья размещена на сайте Агентства политических новостей www.apn.ru 4 апреля 2003.

²⁸⁰ Интервью верховного муфтия Нафигуллы Аширова // размещено на портале «Кредо.ру» 26 марта 2003.

²⁸¹ Алексеева О. Муфтий Таджуддин совершил самоджихад // Коммерсант, 15 апреля 2003.

²⁸² Результаты парламентских выборов 2003 года // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии РФ www.cikrf.ru.

²⁸³ Материалы официального сайта Евразийской партии России www.eurasya.ru.

²⁸⁴ Федеральный список блока «Великая Россия – Евразийский союз» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии www.cikrf.ru.

²⁸⁵ В политсовет Евразийской партии Ниязова — Бородин избран «исламофоб» Копылов // Репортаж, размещен на портале «Кредо.ру» www.portal-credo.ru 26 мая 2003

²⁸⁶ Мамвеев Ш. Исламская партия идет на выборы // Статья размещена на сайте www.kogan.ru 29 октября 2003 года.

²⁸⁷ Федеральный список партии «Истинные патриоты России» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии www.cikrf.ru.

²⁸⁸ Хачилаеву не дали вернуться в большую политику // Газета, 12 августа 2003.

²⁸⁹ Материалы сайта Центральной избирательной комиссии www.cikrf.ru.

²⁹⁰ Корня А. Павел Бородин: жизнь налаживается // Независимая газета, 26 декабря 2003.

²⁹¹ Съезд ИПР в Махачкале // Новое дело, 26 марта 2003.

²⁹² Сообщение РИА «Новости» от 5 августа 2003.

²⁹³ Выступление Президента Российской Федерации В. Путина на X встрече глав государств и правительств Организации Исламская конференция // Размещено на сайте www.kremlin.ru/.

²⁹⁴ На саммите в Малайзии // Народы Кавказа, 11 ноября 2003.

²⁹⁵ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 7 июня 2004.

²⁹⁶ Недумов О. Муфтии поссорились из-за ваххабитов // НГ-Религии, 5 ноября 2003.

²⁹⁷ Сообщения ИА «Интерфакс» от 10 ноября 2003.

²⁹⁸ Сообщения ИА «Интерфакс» от 26 марта 2004.

²⁹⁹ Протокол заседания Совета муфтиев ЦДУМ // Архив автора.

³⁰⁰ Протокол пленума ЦДУМ от 19 января 2004 года // Архив автора.

³⁰¹ Материалы IX съезда ЦДУМ // Архив автора.

³⁰² Заявление о создании Объединенного Совета Духовных управлений мусульман России по противодействию экстремизму и терроризму // Официальный сайт ЦДУМ www.moslem.ru.

³⁰³ Маммаев М. Ислам против терроризма // Литературная газета, 28 июля 2004.

³⁰⁴ Тахиров И. Координационный центр мусульман Северного Кавказа может быть распущен // Статья размещена на сайте www.pravda.ru 30 апреля 2003.

³⁰⁵ И. Бердиев: Надо смело различать правду и ложь // Интервью размещено на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 17 июня 2003.

³⁰⁶ Достоверная информация об избрании нового главы Координационного центра мусульман Северного Кавказа в свете сообщений других интернет-изданий // Сообщение пресс-службы Совета муфтиев России, размещено на сайте www.muslim.ru.

³⁰⁷ Босенко И. Не мирно в мире мусульманском // Ставропольская правда, 9 июля 2004.

³⁰⁸ Олисаева А. Съезд мусульман Северной Осетии // Северный Кавказ 24 апреля 2004; Духовное управление мусульман: выбор сделан // Северная Осетия, 14 мая 2004.

³⁰⁹ Лункин Р. Северная Осетия: «чистый ислам» набирает ход // Статья размещена на портале «Кредо.ру» www.portal-credo.ru 17 мая 2004.

³¹⁰ Петров А. Жертва политического кризиса // НГ-Религии, 21 июля 2004.

³¹¹ Обращение-предупреждение Экспертного совета ДУМ Дагестана к продавцам и распространителям печатной продукции // Архив автора.

³¹² Кеворкова Н. Неверный Коран // Газета, 24 мая 2004.

³¹³ Курбанов Р. Блеск и нищета официального ислама в Дагестане: опыт, ошибки, уроки // Статья размещена на портале «Религия и СМИ» (www.religare.ru) 15 декабря 2004.

- ³¹⁴ С точки зрения террористов — это блестящая операция // Газета, 11 мая 2004.
- ³¹⁵ Основные положения социальной доктрины российских мусульман. М., 2001.
- ³¹⁶ Протокол заседания Совета муфтиев России от 2 марта 2004 года // Архив автора; Совет муфтиев России намерен обратиться к губернатору Свердловской области и мэру Екатеринбурга со специальным предложением // Сообщение сайта www.muslim.ru от 16 июля 2003.
- ³¹⁷ Асадуллин Ф. Мечеть всея Руси // НГ-Религии, 26 мая 2004.
- ³¹⁸ Гайнутдин Р. Кто следующий гость? Шарон?! // Аналитический материал портала «Ислам.ру» от 30 июня 2004.
- ³¹⁹ Русские мусульмане пожаловались в прокуратуру на муфтия Татарстана // Сообщение портала «Ислам.ру» от 23 июня 2004; Митрофанов А. Ислам только для русских // Русский курьер, 23 июня 2004.
- ³²⁰ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 22 марта 2005.
- ³²¹ Интервью с Шамилем Бено о Российском исламском наследии // Опубликовано на сайте www.islam-info.ru 30 июня 2005.
- ³²² Декларация Российского исламского наследия, принятая на его учредительном съезде 22 марта 2005 года // Размещена на сайте www.islamnasledie.ru.
- ³²³ Материалы сайта www.islamnasledie.ru.
- ³²⁴ Отказываться ли от такого наследия? // Репортаж размещен на портале «Кредо» www.portal-credo.ru 30 марта 2005.
- ³²⁵ Налимова Е. Кто стоит и кто пойдет за «Исламским наследием»? // Статья размещена на сайте www.ansar.ru 22 апреля 2005.
- ³²⁶ Кеворкова Н. «У России две ноги» // Газета, 24 марта 2005.
- ³²⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 27 октября 2005.
- ³²⁸ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 21 ноября 2005.
- ³²⁹ Обращение КЦМСК от 1 ноября 2005 года // Опубликовано 1 ноября 2005 года на сайте www.blagovest-media.ru.
- ³³⁰ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 7 февраля 2005.
- ³³¹ Евангелие глазами недоучившихся ваххабитов, заявление Союза православных граждан // Опубликовано на сайте www.interfax-religion.ru 23 января 2006.
- ³³² Сообщение сайта www.islam-info.ru от 16 февраля 2006.
- ³³³ Атака была тщательно спланирована // Известия, 13 октября 2005.

- ³³⁴ Материалы газеты «Газета», «Версии» и «Новая газета»; сайтов www.islam-info.ru и www.islamcom.ru.
- ³³⁵ Сообщение ИА «Regnum» от 27 сентября 2005.
- ³³⁶ В джамаате нет отдела кадров // Коммерсант-Власть, 3 октября 2005.
- ³³⁷ Самедов. Т., Ларинцева А., Мурадов М. Боевики пошли на осеннее обострение; Джамаат республиканского масштаба // Коммерсант, 14 октября 2005.
- ³³⁸ Сухов И. Город после боя // Время новостей, 17 октября 2005.
- ³³⁹ Руднев Д. Неизвестный враг // Профиль, 24 октября 2005.
- ³⁴⁰ Тельнов Г. Муфтий Кабардино-Балкарии: боевики предали нашу веру // Жизнь-Екатеринбург, 18 октября 2005.
- ³⁴¹ Алленова О. В розыске или в раю // Коммерсант, 30 декабря 2005.
- ³⁴² Пилипчук А. Кабардино-Балкария: точку ставить рано // Красная звезда, 18 октября 2005.
- ³⁴³ Кеворкова Н. Потерпевший, он же обвиняемый // Газета, 9 ноября 2005.
- ³⁴⁴ Электронный мемориал шахидам, павшим в Нальчике в октябре 2005 года // Статья размещена на сайте www.islamcom.ru 8 апреля 2006.
- ³⁴⁵ Сообщение ИА «Regnum» от 24 апреля 2006.
- ³⁴⁶ Власова И. Ударная молитва // Новые Известия, 11 апреля 2005.
- ³⁴⁷ Алиев Т. И восстал суннит на суннита // Известия, 14 апреля 2005.
- ³⁴⁸ Сухов И. Эльфы и ваххабиты // Время новостей, 14 июля 2005.
- ³⁴⁹ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 13 июля 2005.
- ³⁵⁰ Материалы портала «Ислам.ру» www.islam.ru за 2005 (статьи Анастасии-Фатимы Ежовой, Гейдара Джемала, Айши-Галины Бабич).
- ³⁵¹ М. Бибарсов: Чечне нужно не объявление джихада, а компетентная фетва // Интервью размещено на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 5 августа 2005.
- ³⁵² Алленова О. Щит и мечеть // Коммерсант-Власть, 27 марта 2006.
- ³⁵³ Сообщение ИА «Юга.ру» от 6 марта 2006.
- ³⁵⁴ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 20 февраля 2006.
- ³⁵⁵ Ларинцева А. Пятигорский имам незаконно посадил вора и сам оказался в тюрьме // Коммерсант, 30 января 2006.
- ³⁵⁶ Кашин О. После боя // Эксперт, 10 апреля 2006.

³⁵⁷ В Чечне избран новый муфтий // Сообщение пресс-службы председателя Чеченской Республики, размещено на сайте www.religare.ru 3 июня 2005.

³⁵⁸ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 16 марта 2006.

³⁵⁹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 2 июня 2006.

³⁶⁰ Кондрева О. Каменный цветок — казанскому миллениуму // Российская газета, 25 июня 2005.

³⁶¹ Главная пятница для мусульман Татарстана // Республика Татарстан, 25 июня 2005.

³⁶² Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 27 июня 2005.

³⁶³ Валеев Р. Светская вера // статья размещена на сайте www.islam-news.ru 12 декабря 2005.

³⁶⁴ Останется ли РИУ без лицензии? // Статья размещена на сайте www.e-riu.ru 18 октября 2005.

³⁶⁵ Материалы официального сайта РИУ www.e-riu.ru.

³⁶⁶ Постнова В. Шаймиев стал ближе к Аллаху // Независимая газета, 22 июня 2005.

³⁶⁷ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 28 марта 2006.

³⁶⁸ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 20 апреля 2006.

³⁶⁹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 24 апреля 2006.

³⁷⁰ Марат Муртазин: Необходимо сохранить религиозную образовательную деятельность РИУ // Интервью размещено на сайте www.islam-info.ru 5 мая 2006.

³⁷¹ Сообщение ИА «Татар-информ» от 30 мая 2006.

³⁷² Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 30 сентября 2005.

³⁷³ Постнова В. Съезд мусульман прошел без Шаймиева // Независимая газета, 21 февраля 2006.

³⁷⁴ Музагитов С. Кто сфальсифицировал устав? // Честное слово, 15 февраля 2006.

³⁷⁵ Бронштейн Б. Место под полумесяцем // Новая газета, 27 февраля 2006.

³⁷⁶ Единому муфтию быть?! // Статья опубликована на сайте www.islamnn.ru 26 июня 2005.

³⁷⁷ Всероссийский мусульманский форум месяц спустя // Статья опубликована на сайте www.islamnn.ru 7 декабря 2006.

³⁷⁸ Сухов И. Борцы с исламофобией // Время новостей, 7 ноября 2005.

³⁷⁹ Материалы сайта www.islamnn.ru.

³⁸⁰ Дмитрий Рогозин: «Буду делать все, чтобы мусульманин стал вице-президентом Российской Федерации» // интервью опубликовано на сайте www.islamnn.ru 3 июля 2005.

³⁸¹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 28 сентября 2005.

³⁸² Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 30 сентября 2005.

³⁸³ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 30 сентября 2005.

³⁸⁴ Кузнецова Т. Зачем мусульманам свой президент? // Аргументы и факты, 6 октября 2005.

³⁸⁵ Окно в исламский мир, или Голливуд отдыхает // Республика Татарстан, 23 августа. 2005; Стрельникова О. Джинн мусульманского кино // Республика Татарстан, 15 сентября 2005.

³⁸⁶ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 26 сентября 2005.

³⁸⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 19 августа 2005.

³⁸⁸ Артемов А. Окончательная корректировка // Статья размещена на сайте www.interfax-religion.ru 15 декабря 2005.

³⁸⁹ Стрельчик Е. Сколько в России православных? // Вечерняя Москва, 13 сентября 2005.

³⁹⁰ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 декабря 2005.

³⁹¹ Полосин А.-В. Тревожный звонок многочисленным российским муфтиям // Статья размещена на сайте www.islam-info.ru 2 сентября 2005.

³⁹² Полосин сдает Равиля Гайнутдина Российскому исламскому наследию // Статья размещена на сайте www.muslim.su 3 сентября 2005.

³⁹³ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 февраля 2005.

³⁹⁴ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 3 апреля 2006.

³⁹⁵ Мухаметшина Д. Умма России перед выборами // ИГ-Религии, 23 февраля 2000.

³⁹⁶ Якунов. В. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань, 2005, с. 105.

³⁹⁷ Пруссаков В. Исламская мозаика // Завтра, 24 ноября 2004.

³⁹⁸ Материалы сайта www.islam-info.ru; сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 29 марта 2006.

³⁹⁹ Состав Совета муфтиев России по состоянию на июнь 2002 года // Архив Совета муфтиев России.

⁴⁰⁰ Во имя патриотического единства и национально-религиозной терпимости, заявление от 8 сентября 1994 года // Архив автора; Письмо муфтия Равиля Гайнутдина мэру Москвы Ю.М. Лужкову от 28 июня 1999; исх. №214 // Архив автора.

⁴⁰¹ Бычков С. Центровой муфтий // Московский комсомолец, 27 февраля 2006.

⁴⁰² Исковое заявление о возврате суммы денежного займа, направленное ООО «Авеста-С» в Арбитражный суд г. Москвы 4 мая 2005.

⁴⁰³ Заявление пресс-службы Совета муфтиев России от 1 июля 2005 года // Размещено на сайте www.islam-info.ru.

⁴⁰⁴ О необходимости выхода мусульманских организаций из Межрелигиозного совета России // статья размещена на сайте www.islamnn.ru 5 декабря 2005.

⁴⁰⁵ Всероссийский мусульманский форум месяц спустя // Статья размещена на сайте www.islamnn.ru 7 декабря 2005.

⁴⁰⁶ Сообщения ИА «Интерфакс-Религия» от 6 декабря 2006; Клиш Б. Мусульмане требуют снять кресты с герба // Известия, 7 декабря 2005.

⁴⁰⁷ Сообщение РИА «Новости» от 6 декабря 2006.

⁴⁰⁸ Сухов И. Гарем Россия // Время новостей, 16 января 2006.

⁴⁰⁹ Мукаддас Бибарсов. «Полигамный брак – это вам не вздохи на скамейке» // Интервью опубликовано на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 20 февраля 2006.

⁴¹⁰ Полосин А.-В. Имеет ли право светское государство лишать человека права на семейное счастье? // Статья опубликована на сайте www.islam-info.ru 23 января 2006.

⁴¹¹ Сообщение портала «Кредо» www.portal-credo.ru от 18 января 2006.

⁴¹² Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 20 января 2006.

⁴¹³ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 апреля 2006.

⁴¹⁴ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 февраля 2006.

⁴¹⁵ Заявление Нижегородской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата от 13 декабря 2005 // Размещено на сайте www.nne.ru; материалы сайта www.islamnn.ru.

⁴¹⁶ Минин С. Чайная церемония или диалог религий? // ИГ-Религии, 7 декабря 2005.

⁴¹⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 28 декабря 2005.

⁴¹⁸ Заявление ДУМ Поволжья в связи с антиисламскими высказываниями главного раввина России по версии ФЕОР Берла Лазара от 11 июля 2005 года // Размещено на сайте <http://religion.sova-center.ru/>.

⁴¹⁹ Интервью диакона Андрея Кураева ИА «Интерфакс-Религия» // Размещено на сайте www.interfax-religion.ru 13 марта 2006; Интервью за-

местителя председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата епископа Марка ИА «Интерфакс-Религия» // Размещено на сайте www.interfax-religion.ru 6 марта 2006.

⁴²⁰ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 26 апреля 2005.

⁴²¹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 22 апреля 2005.

⁴²² В ЦДУМ произошла розово-оранжевая революция // Статья размещена на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 26 апреля 2005.

⁴²³ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 27 апреля 2005.

⁴²⁴ Пресс-релиз ЦДУМ от 25 ноября 2005 года // Текущий архив ЦДУМ.

⁴²⁵ Материалы сайта www.moslem.ru.

⁴²⁶ Клиш Б. Верховный муфтий Талгат Таджуддин: «Права общества выше прав отдельной личности» // Полная версия интервью размещена на сайте www.izvestia.ru 3 мая 2006.

⁴²⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 2 февраля 2006.

⁴²⁸ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 10 января 2006.

⁴²⁹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 февраля 2006.

⁴³⁰ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 2 мая 2006.

⁴³¹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 5 мая 2006.

⁴³² Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 апреля 2006.

⁴³³ Сообщение официального сайта РДУМ Чувашской Республики <http://gov.cap.ru> от 23 марта 2006.

⁴³⁴ Материалы официального сайта РДУМ Чувашской Республики www.gulistan.cap.ru.

⁴³⁵ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 года // Размещено на сайте www.memo.ru.

⁴³⁶ Программа организации «Хизбут-Тахрир» // Архив автора.

⁴³⁷ Верховский А. Является ли «Хизбут-Тахрир» экстремистской организацией? // Статья размещена на сайте <http://religion.sova-center.ru/>.

⁴³⁸ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 19 ноября 2005 года; Васильев Д. Исламского освободителя судят за терроризм // Коммерсант, 27 января 2005.

⁴³⁹ Смирнов А. Исламского проповедника не признали террористом // Коммерсант, 2 июня 2005.

⁴⁴⁰ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 10 июня 2005 года.

⁴⁴¹ *Смирнов А.* Узбекский проповедник пропал без вести после выхода из казанского СИЗО // Коммерсант, 5 июля 2005; Сообщение РИА «Новости» от 24 октября 2005.

⁴⁴² *Смирнов А.* Исламистов осудили условно // Коммерсант, 7 апреля 2005; Сообщение РИА «Новости» от 24 октября 2005; *Постнова В.* Ваххабитам в Татарстане вольготно // Независимая газета, 18 мая 2005; *Джемаль О.* Российский Андижан // Версия, 6 июня 2005; *Дружинин С.* Исламские проповедники сознались в экстремизме и чистосердечно раскаялись // Коммерсант, 19 октября 2005.

⁴⁴³ *Панфилова В., Тодуа З.* Амиры рвутся к власти // НГ-Религии, 20 апреля 2005; сообщения ИА «Интерфакс» от 13 мая 2005.

⁴⁴⁴ *Козенко А.* Прокуратура атаковала сайт правозащитников // Коммерсант, 1 марта 2006.

⁴⁴⁵ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 1 марта 2006 года.

⁴⁴⁶ *Федосеев В.* Тобольские экстремисты получили свое // Российская газета, 4 октября 2005.

⁴⁴⁷ *Трапезников Р.* Сельский клуб и «лимонка» в валенке // Комсомолец Каспия, 19 октября 2005.

⁴⁴⁸ Сообщение ИА «Regnum» от 28 декабря 2005.

⁴⁴⁹ Сообщение ИА «Otep.ru» от 30 марта 2006.

⁴⁵⁰ *Костенко С.* «Взрывное» медресе // Южный Урал, 15 декабря 2004; *Парчуков Д.* Гексоген в медресе // Оренбуржье, 25 ноября 2004; Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 17 августа 2005.

⁴⁵¹ Сообщение ИА «Otep.ru» от 29 марта 2006.

⁴⁵² *Басов М., Кондратьева М.* Гарантированный срок // Газета, 8 августа 2003; *Скворцова Е.* Ваххабиты в Гуантанаме // Собеседник, 9 апреля 2002.

⁴⁵³ *Джемаль О.* Российские талибы // Новая газета, 12 июля 2004.

⁴⁵⁴ *Смирнов А.* Узники Гуантанаме не задержались на свободе // Коммерсант, 1 марта 2006; *Ломовцев Э.* Новое дело русских талибов // Время новостей, 30 августа 2005.

⁴⁵⁵ *Мулин С.* Украли талибов // Новая газета, 1 сентября 2005.

⁴⁵⁶ *Джемаль О.* Подарок для Басаева // Версия, 31 октября 2005.

⁴⁵⁷ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 21 октября 2005.

⁴⁵⁸ *Кеворкова Н.* Война хижинам // Газета, 14 февраля 2006.

⁴⁵⁹ *Клин Б.* Семь мечетей пензенской Мекки // Известия, 29 ноября 2005.

⁴⁶⁰ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 31 января 2006.

⁴⁶¹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 30 сентября 2006.

⁴⁶² *М. Бибарсов* обвиняет сотрудников ОВС РПЦ в антигосударственной деятельности // Статья опубликована на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 20 октября 2005.

⁴⁶³ Обращение Совета муфтиев России в президиум Межрелигиозного совета России // Размещено на сайте www.muslim.ru 1 декабря 2005.

⁴⁶⁴ Заявление Межрелигиозного совета России от 20 декабря 2005 года // Размещено на сайте www.mospat.ru 20 декабря 2005.

⁴⁶⁵ Заявление Службы коммуникации ОВЦС МП в связи с ситуацией вокруг книги исполнительного секретаря Межрелигиозного совета России Романа Силантьева о современном российском исламе // Размещено на сайте www.mospat.ru 3 декабря 2005.

⁴⁶⁶ *Лапшин С.* Вручение Р.А. Силантьеву премии имени Эдуарда Володина — оскорбление памяти Эдуарда Володина // Русский вестник, 11 января 2006; *Незаметдинов Р.* Роман Силантьев — «дудка» современной российской исламофобии // Статья размещена на сайте www.babr.ru 23 ноября 2005; *Незаметдинов Р.* Как один Роман муфтия в недостойном свете выставил // Статья размещена на сайте www.babr.ru 27 декабря 2005.

⁴⁶⁷ *Алексеева О., Коробов П.* Муфтии имеют претензии к кадровому составу Московской Патриархии // Коммерсант, 21 декабря 2005.

⁴⁶⁸ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 8 декабря 2005.

⁴⁶⁹ *Бычков С., Романов М.* Мусульмане совершили крестовый поход // Московский комсомолец, 7 декабря 2005.

⁴⁷⁰ Заявление редакции Islam-info.ru // Размещено на сайте www.islam-info.ru.

⁴⁷¹ *Петров А.* История российского ислама в духе Декамерона // НГ-Религии, 7 декабря 2005.

⁴⁷² Материалы сайта www.interfax-religion.ru за декабрь 2005, февраль и май 2006.

⁴⁷³ Письмо председателя ЦДУМ верховного муфтия Талгата Таджуддина Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси // Опубликовано на сайте www.interfax-religion.ru 4 мая 2005.

⁴⁷⁴ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 7 февраля 2006.

⁴⁷⁵ Клиш Б. Верховный муфтий Талгат Таджуддин: «Права общества выше прав отдельной личности» // Полная версия интервью размещена на сайте www.izvestia.ru 3 мая 2006.

⁴⁷⁶ Заявление православной общественности в связи с конфликтом вокруг книги Р. Силантьева «Новейшая история исламского сообщества России» // Размещено на сайте www.interfax-religion.ru 6 декабря 2005.

⁴⁷⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 2 декабря 2005.

⁴⁷⁸ Материалы сайта www.islam-info.ru.

⁴⁷⁹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 февраля 2006.

⁴⁸⁰ Бычков С. Центровой муфтий // Московский комсомолец, 27 февраля 2006.

⁴⁸¹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 2 марта 2006.

⁴⁸² Заявление Совета муфтиев России по вопросу преподавания «Основ православной культуры» в государственной и муниципальной школе // Документ размещен на сайте www.muslim.ru 11 марта 2006.

⁴⁸³ Позиция Совета муфтиев России по проекту Федерального закона «О военных священниках» // Документ размещен на сайте www.muslim.ru 11 марта 2006.

⁴⁸⁴ Минин С. Чайная церемония или диалог религий? // НГ-Религии, 7 декабря 2005; Материалы сайта www.muslim.ru.

⁴⁸⁵ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 13 апреля 2006.

⁴⁸⁶ Предисловие автора к книге «Евангелие глазами мусульманина: два взгляда на одну историю» М., 2005.

⁴⁸⁷ Материалы сайта www.islamnn.ru.

⁴⁸⁸ Заявление Нижегородской епархии Русской Православной Церкви от 13 декабря 2005 года // Размещено на сайте www.interfax-religion.ru.

⁴⁸⁹ Данные реестра Министерства юстиции РФ на 1 января 2005 года.

⁴⁹⁰ Материалы Всероссийской переписи населения 2002 года

⁴⁹¹ Материалы II Межрелигиозного миротворческого форума (Москва, 2—3 марта 2004 года) // Архив автора.

⁴⁹² Совет по хаджу сыграл важную роль в организации паломничества из России // Сообщение портала «Ислам.ру» от 12 февраля 2003.

⁴⁹³ Материалы портала «Ислам.ру» www.islam.ru.

⁴⁹⁴ За ортодоксальный быт // Коммерсант-Деньги, 22 августа 2005; сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 6 марта 2006.

⁴⁹⁵ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 17 ноября 2005.

⁴⁹⁶ Табиба вызывали? // Вечерняя Казань, 16 апреля 2002.

⁴⁹⁷ Сообщение ИА «Regnum» от 29 июля 2005; Рывчина Ю. Акушерам вход воспрещен! // НГ-Религии, 10 августа 2005.

⁴⁹⁸ Сообщение сайта www.jamaat.ru от 2 марта 2006.

⁴⁹⁹ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 27 января 2006.

⁵⁰⁰ Положение о порядке производства, торговли, осуществления контроля над производством и торговлей продуктами, разрешенными к употреблению в пищу мусульманам – «Халяль». М., 2004, с. 2.

⁵⁰¹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 7 апреля 2006.

⁵⁰² Первые номера «Мусульманской газеты».

⁵⁰³ Выходные данные газеты «Все об исламе» и журнала «Ислам».

⁵⁰⁴ На телевидении закрываются исламские программы // Россия, 4 февраля 2000.

⁵⁰⁵ Материалы сайта телеканала РТР www.rutv.ru.

⁵⁰⁶ Сайты www.islam.ru и www.islaminfo.ru.

⁵⁰⁷ Сайты www.muslim.ru, www.umma.ru, www.islam.nn.ru, <http://dum-rm.by.ru>.

⁵⁰⁸ Материалы официального сайта ЦДУМ www.moslem.ru.

⁵⁰⁹ Сайты www.chehen.org, www.islamnews.ru, www.koran.ru, www.kontr-udar.ru.

⁵¹⁰ Резван Е.Ю. Коран в истории России. Статья опубликована в сборнике «Россия и Кавказ: история, религия, культура». СПб., 2002.

⁵¹¹ Ступина Е., Беккин Р. Работа во имя ислама или работа против ислама? // НГ-Религии, 22 декабря 1999.

⁵¹² В Казани открылся исламский университет // Российская газета, 30 сентября 2000; материалы официального сайта ДУМ РТ www.e-islam.ru.

⁵¹³ Сообщения сайта www.islam-info.ru от 13 октября 2005, 20 и 21 апреля 2006.

⁵¹⁴ Материалы официального сайта совета муфтиев России www.muslim.ru.

⁵¹⁵ Религии и религиозные организации в Дагестане, справочник, Махачкала, 2001, приложения; Ханбабаев К.М. Исламское образование в Дагестане, рукопись.

⁵¹⁶ Открылось медресе для женщин // Новое дело, 7 июля 2000.

⁵¹⁷ Сухов И. Кавказ наступает // Время новостей, 17 ноября 2005.

⁵¹⁸ Батыршин Р. «Только вера может возродить в нас надежду» // Независимая газета, 22 сентября 1992.

⁵¹⁹ Кеворкова Н. «Вера – это устав, который нужен, чтобы люди не жили, как скоты» // Газета, 28 мая 2002.

⁵²⁰ Тульский М. Талибы – заблудшие люди // Независимая газета, 11 октября 2001.

⁵²¹ Ислам в России: на пороге нового раскола? // Время и деньги, 3 октября 1996.

⁵²² Тульский М. Новые раскольники // Версия в Питере, 2 февраля 2002.

⁵²³ По материалам газеты «Татарские края» за 24 октября 1993.

⁵²⁴ По материалам газеты «Замандаш» за сентябрь 1992.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Кеворкова Н. «Ему вручают дрова со словами: готовься гореть в аду!» // Газета, 10 июня 2002.

⁵²⁷ Саматов Т. Об истинных причинах раскола российских мусульман // Магърифат, 29 апреля 2003.

⁵²⁸ Раскол в российской мусульманской общине не имеет объективных причин, в нем виновато духовенство // Интервью размещено на сайте www.interfax-religion.ru 16 декабря 2005.

⁵²⁹ Тульский М. Раскол в руководстве российских мусульман: 1994—2004 годы // Центральная Азия и Кавказ, 1 сентября 2004; Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 июля 2004.

⁵³⁰ Якупов В. Неофициальный ислам в Татарстане. Казань, 2003, с. 21—24.

⁵³¹ Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 июля 2004.

⁵³² Там же.

⁵³³ Протокол учредительного съезда ДУМ РТ // Архив автора.

⁵³⁴ Письмо председателя ДУМЦЕР муфтия Равиля Гайнутдина председателю Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ №225 от 23 июня 1995 // Архив автора.

⁵³⁵ Муфтия обвинили в узурпации власти // Российские вести, 30 мая 1995.

⁵³⁶ Заявление участников расширенного заседания Совета муфтиев России и ВКЦ ДУМР «По предотвращению деятельности раскольнических групп в мусульманском сообществе России» от 25 ноября 1998 года // Архив автора.

⁵³⁷ Письмо муфтия Равиля Гайнутдина мэру Москвы Ю.М. Лужкову от 28 июня 1999; исх. №214 // Архив автора.

⁵³⁸ Листовка «инициативной группы» по смещению муфтия Махмуда Геккиева // Архив автора.

⁵³⁹ Выступление Мукаддаса Бибарсова на учредительном съезде ДУМ РБ // Протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора; Духовного главы мусульман России обвиняют в алкоголизме и наркомании // Московский комсомолец, 3 ноября 1994; Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России, М, 1998, с. 42.

⁵⁴⁰ Незаметдинов Р. Что стоит за проблемами российских мусульман // Статья размещена на сайте Исламского конгресса России http://www.chat.ru/~islamic_congress.

⁵⁴¹ Кенжалиев Р. «Меня вынудили подписать показания, которые я не давал». Заявление бывшего имама // Опубликовано на портале «Ислам.ру» www.islam.ru.

⁵⁴² Протокол третьего заседания Межрелигиозного совета России // Архив автора.

⁵⁴³ Выступление Нафигуллы Аширова на учредительном съезде ДУМ РБ: Протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора.

⁵⁴⁴ Карнаухов В. Под стражей помощник муфтия // Звезда, 30 ноября 1999 года.

⁵⁴⁵ Первая страница сайта <http://www.islams.narod.ru/>.

⁵⁴⁶ Дмитриев М., Сеитов Д. Под сенью минарета // Московский комсомолец, 27 марта 1996.

⁵⁴⁷ Определение Судебной коллегии Челябинского областного суда от 27 сентября 2001 года, дело №4111 // Архив автора; Клиновский А. Самозванный шейх // Забайкальский рабочий, 28 июля 2004; Москаленко И., Руденко Н. Имама поместили в СИЗО // Вечерний Омск, 12 декабря 2000; Мигулин В. За державу обидно // Ваш дом плюс, 22 февраля 2000.

⁵⁴⁸ Порываев А. Медведь под знаменем ислама // Весть, 27 ноября 1999.

⁵⁴⁹ Протокол заседания Совета послов арабских государств в Москве 4 июня 1998 года // Архив автора.

- ⁵⁵⁰ Володченко А. Задержан депутат Госдумы РФ Н.Хачилаев // Ставропольская правда, 8 октября 1999; Олегов Ф. Арестован Надир Хачилаев // Независимая газета, 8 октября 1999; Этнический сепаратизм в России // электронная версия размещена на сайте www.panorama.ru.
- ⁵⁵¹ Мичурина Л. Убит Тимур Кодзоев // Коммерсант, 15 июня 2001.
- ⁵⁵² Челноков А. Кремлевские братки-мусульмане // Статья размещена на сайте «Компромат.ру» www.compromat.ru.
- ⁵⁵³ Викулов А. С героинем в Коране // Российская газета, 9 ноября 2001.
- ⁵⁵⁴ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 17 ноября 2005.
- ⁵⁵⁵ Телин И. Имам Соборной мечети осужден за убийство криминального лидера // Статья размещена на сайте www.pravda.ru 19 июня 2001.
- ⁵⁵⁶ Московские новости, 25 февраля — 3 марта 1996.
- ⁵⁵⁷ М. Бибарсов: Полигамный брак – это не «вздохи на скамейке» // Опубликовано на портале «Ислам.ру» www.islam.ru.
- ⁵⁵⁸ Батыршин Р. Только вера может возродить в нас надежду // Независимая газета, 22 сентября 1992.
- ⁵⁵⁹ Кадыров: У меня была своя банда // сообщение ИА «Лента.ру» www.lenta.ru со ссылкой на газету «Труд» от 22 июля 2000.
- ⁵⁶⁰ Михайлин Д. Можно ли поделить Всевышнего // Российская газета, 30 ноября 1994.
- ⁵⁶¹ Лебедева Е. Нет мира в доме Всевышнего // Московские новости, №44, 3—10 ноября 1996 года.
- ⁵⁶² Заявление председателя ЦДУМ по поводу действий «инициативной группы» // Архив автора.
- ⁵⁶³ Зиновьев А. Хулиганская акция против верховного муфтия России // Известия, 19 октября 1994.
- ⁵⁶⁴ Заявление Совета муфтиев России от 15 ноября 1999 года // Архив автора.
- ⁵⁶⁵ Р. Гайнутдин! Кто следующий гость? Шарон?! // Аналитический материал портала «Ислам.ру» от 30 июня 2004.
- ⁵⁶⁶ Признаки распада личности налицо // Опубликовано на портале «Муслим.сю» www.muslim.su 12 сентября 2005; Сообщение ИА «Интерфакс» от 12 сентября 2005.
- ⁵⁶⁷ Материалы пленума ДУМ РТ 3-го созыва // Архив автора; Письмо президиума Всетатарского общественного центра председателю Госсове-

та Республики Татарстан Фариту Мухаметшину от 23 марта 1999 года // Архив автора.

⁵⁶⁸ Халпехамитов Р. Депутата признали нормальным // Новая Вечерка, 10 июня 1999.

⁵⁶⁹ Нехорошев Г. Муэдзин под красным флагом // НГ-Религии, 12 ноября 1999.

⁵⁷⁰ Челноков А. Мелкие и крупные бесы шизоидного подполья // Лица, 7 августа 1999; Дейч М. Агент ислама // Московский Комсомолец, 7 декабря 2001.

⁵⁷¹ Выступление Талгата Таджуддина на конференции Христианского межконфессионального консультативного комитета «Христианство в III тысячелетии» (ноябрь 1999 года) и V Всемирном русском народном соборе (Москва, декабрь 1999 года) // Архив автора.

⁵⁷² Незаметдинов Р. Что стоит за проблемами российских мусульман // Статья размещена на сайте Исламского конгресса России www.chat.ru/~islamic_congress.

⁵⁷³ «О нарушении прав мусульман рядом государственных структур в Республике Башкортостан» от 9 июня 2000 года // Архив автора.

⁵⁷⁴ Вахитов Т. Нетрадиционный ислам // Звезда Поволжья, 24—30 мая 2001.

⁵⁷⁵ Гарипов Р. Таджуддин и Хузин — ревизионисты и изобретатели «доморощенного ислама» // Мусульманин Прикамья, май 2000.

⁵⁷⁶ Крайнюченко П. Ислам в Ставропольском крае // Центральная Азия и Кавказ, 1 ноября 2003.

⁵⁷⁷ Мустафин Я. Охота на муфтия // Литературная Россия, 9 декабря 1994.

⁵⁷⁸ Заявление Совета муфтиев России от 15 ноября 1999 года // Архив автора.

⁵⁷⁹ Фазизуллина Г. Исламская вертикаль // Эксперт, 4 июля 2000; Алексеева О. Муфтии осудили ваххабизм // Коммерсант, 4 июля 2000; Идиатуллин Ш. Мусульмане ищут неверных среди своих // Коммерсант, 8 июля 2000.

⁵⁸⁰ Пелехов П. В Россию тайно приезжал брат Усамы бен Ладена // Жизнь, 18 сентября 2001 (также размещена на официальном сайте Совета муфтиев России – ДУМЕР www.muslim.ru).

⁵⁸¹ Ганкин В. Дума присматривается к муфтию // НГ-Религии, 14 ноября 2001.

⁵⁸² Заявление КЦМСК от 14 октября 2003 года // Размещено на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 14 октября 2003.

⁵⁸³ Материалы закрытого заседания Совета муфтиев России от 30 июня 2000 года // Архив автора; сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 2 июля 2000; Алексеева О. Муфтии осудили ваххабизм // *Коммерсант*, 4 июля 2000.

⁵⁸⁴ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 25 июля 2000.

⁵⁸⁵ Маникин Н. Жить по священным писаниям // *Россия*, 5 октября 2001.

⁵⁸⁶ Сообщение ИА «Русское бюро новостей» со ссылкой на газету «Сегодня» от 26 июля 2000.

⁵⁸⁷ Расшифровка интервью муфтия Нафигуллы Аширова и председателя ДУМ Карачаево-Черкесской Республики и Ставрополя Исмаила Бердиева радиостанции «Эхо Москвы» от 30 июня 2000; Сергеев П. Имама обвиняют в терроризме // *Коммерсант*, 23 августа 2000; Филоненко В. Куртай закончился скандалом // *Новые известия*, 25 августа 2000.

⁵⁸⁸ Открытое письмо имам-мухтасиба Фаила Гильфана // Архив автора.

⁵⁸⁹ Шалимов Л. Исламофобия по-пензенски // *Новая газета – Мир людей*, 8 августа 2001.

⁵⁹⁰ Челноков А. Муэдзин на Спасской башне // *Известия*, 20 декабря 1995.

⁵⁹¹ Джемаль Г. Ориентация – Север, гл. 19 «Фаллос» // *Волшебная гора*, №VII, 1997.

⁵⁹² Кому нужна революция по-исламски? // Статья размещена на сайте www.islamnn.ru в апреле 2006.

⁵⁹³ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998 с. 80.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Выступление Гусмана Исакова на учредительном съезде ДУМ РБ: протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора.

⁵⁹⁶ Выступление Мукаддаса Бибарсова на учредительном съезде ДУМ РБ: протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора.

⁵⁹⁷ Фуфаев С. В бывшем ДУМЕСе снова неспокойно // *Вечерняя Уфа*, 10 ноября 1994.

⁵⁹⁸ Мурклинская Г. Лицедеи в «исламских» масках на подмостках российской политики // *Дагестанская правда*, 26 июня 2001.

⁵⁹⁹ Вершилло Р. Мусульмане не поделили московскую мечеть // *Сегодня*, 26 мая 1995.

⁶⁰⁰ Материалы сайта «Ислам в Нижнем Новгороде» www.islamnn.ru.

⁶⁰¹ Столяров А. И взял мулла...дубину // *Челябинский рабочий*, 23 октября 1997.

⁶⁰² Сообщение сайта www.islam-info.ru от 1 ноября 2005.

⁶⁰³ Листовка «инициативной группы» по смещению Махмуда Геккиева // Архив автора.

⁶⁰⁴ Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России, М., 1998, с. 40; Дагестан: национальности и национальные проблемы // Якутия, 18 сентября 1999 года.

⁶⁰⁵ Доллары на строительство мечетей // *Новая газета* 21 августа 1992; Мусульмане своих не бросают // *Вечерняя Москва*, 20 августа 1992.

⁶⁰⁶ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 19 августа 1996; Талибы — заблудшие люди, интервью Талгата Таджуддина // *Независимая газета*, 11 октября 2001.

⁶⁰⁷ Заявление Совета муфтиев России «О нарушении прав мусульман рядом государственных структур в Республике Башкортостан» от 9 июня 2000 года // Архив автора; А денежки врозь // *Правда*, 25 августа 1992.

⁶⁰⁸ Заявления Союза татарской молодежи «Азатлык» от 26 сентября 1997 года // Архив автора.

⁶⁰⁹ Материалы VII внеочередного съезда ДУМЕС-ЦДУМ // Архив автора; сообщение ИА «Постфактум» от 26 мая 1995.

⁶¹⁰ Шаймарданов Ф. Об умышленном разложении ислама вновь созданным муфтиятом РТ // *Гратис*, №1 (9), 1998; Восток — дело тонкое // *Казанское время*, 10 июня 1998; *Постнова В.* Хадж или бизнес тур? // *Независимая газета*, 25 ноября 1998.

⁶¹¹ Сабиров Р. Хроника необъявленной войны // *Завтра*, 25 июля 2000; Сабиров Р. Метастазы // *Завтра*, 5 декабря 2000.

⁶¹² Мишин С. Мечеть без «крыши» // *Трибуна*, 17 сентября 1998; Сафронов С. Ислам: поиски организационных форм и места в политической жизни (1997—1998 гг.) // *Регионы России в 1998 года*, М., 1999; Добрынина С. По законам двойного ислама // *НГ-Регионы*, 9 февраля 1999.

⁶¹³ Мишин С. Мечеть без «крыши» // *Трибуна*, 17 сентября 1998.

⁶¹⁴ Протокол заседания Совета послов арабских государств в Москве от 4 июня 1998 года // Архив автора; Супонина Е. Взятка за паломничество // Время-MN, 23 марта 1999.

⁶¹⁵ Басыров Р. Исламский пейзаж после выборов // Профиль, 12 августа 1996; Челноков А. Как «Медведь» ислам принимал // Московские новости, 29 сентября 2001.

⁶¹⁶ Протокол заседания Совета послов арабских государств в Москве от 4 июня 1998 года // Архив автора.

⁶¹⁷ Низаметдинов Р. Поцелуй тарангула // Статья размещена на портале «Кредо» www.portal-credo.ru 8 июня 2006.

⁶¹⁸ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 13 августа 2001 г.

⁶¹⁹ Пелехов П. В Россию тайно приезжал брат Усамы бен Ладена // Жизнь №18, 18 сентября 2001 года; сообщение новостного сайта «НТВ.ру» www.ntv.ru от 15 ноября 2001.

⁶²⁰ Татары не успокоились // Симбирский курьер, 18 августа 2001.

⁶²¹ Таниев А. Мусульмане успокоились // Симбирский курьер, 2 августа 2001.

⁶²² Сообщение Службы внешних исламских связей Пермского муфтията ЦДУМ от 24 августа 2001.

⁶²³ Заявление участников расширенного заседания Совета муфтиев России и Высшего Координационного Центра Духовных управлений мусульман России по предотвращению деятельности раскольнических групп в мусульманском сообществе России от 15 ноября 1999 года // Архив автора.

⁶²⁴ Беляева М. Бумажный джихад // Премьер, 24—30 октября 2001; Иванов А., Михалев А., Ильинская О., Гончаров Ю. Исламский позор // Премьер, 23 февраля 2003.

⁶²⁵ Архив Совета муфтиев России.

⁶²⁶ Дейч М. Агент ислама // Московский Комсомолец, 7 декабря 2001.

⁶²⁷ Казенин К. От Тариката до Джамаата // Время Новостей, 9 января 2003.

⁶²⁸ Полякова А. Ваххабизм в импортной упаковке // НГ -Сценарий, 13 мая 1998.

⁶²⁹ Дунаев С. Кавказские радикалы готовы к диалогу // Независимая газета, 5 марта 1998.

⁶³⁰ Шевченко М. В Москве арестовали исламских лидеров // Независимая газета, 11 декабря 1999.

⁶³¹ Сообщение «ИА «Интерфакс-Религия» от 1 марта 2006.

⁶³² Заявление ДУМ Поволжья от 25 ноября 2002 // опубликовано на сайте www.portal-credo.ru; сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 10 марта 2005.

⁶³³ Материалы сайта www.muslim.ru.

⁶³⁴ Джемаль пугает англосаксонских джентльменов? // Опубликовано на портале «Ислам.ру» 20 ноября 2001; Дейч М. Агент ислама // Московский Комсомолец, 7 декабря. 2001; Бейрутская конференция благословила «камикадзе» // Русская мысль, 24 января 2001; Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 16 марта 2005.

⁶³⁵ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 27 октября 2005.

⁶³⁶ Заявление Координационного центра мусульман Северного Кавказа // Размещено на сайте ИА «Благовест-инфо» www.blagovest-media.ru 1 ноября 2005.

⁶³⁷ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 26 октября 2005.

⁶³⁸ Сообщение ИА «Регионс.ру» от 1 ноября 2002.

⁶³⁹ Материалы сайта www.islam-info.ru.

⁶⁴⁰ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане, Уфа, 1998, с. 112.

⁶⁴¹ Там же, с. 170.

⁶⁴² Байназаров Р. Покаяся, муфтий! // Башкортостан, 20 августа 1992 года (на татарском)

⁶⁴³ Константинов П. Свое управление, свой муфтий // Советская Башкирия, 25 августа 1992; Аюпов Р. Съезды состоялись без Таджуддина // Вечерняя Уфа, 25 августа 1992.

⁶⁴⁴ Список имамов ДУМЕС за 1988 год // Архив автора.

⁶⁴⁵ Протокол учредительного съезда ДУМ РБ // Архив автора; Аюпов Р. Что привело к расколу // Вечерняя Уфа, 26 августа 1992.

⁶⁴⁶ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане, Уфа, 1998, с. 288.

⁶⁴⁷ Там же, с. 286—287.

⁶⁴⁸ Хамзина А.М. Ваххабизм пришел на Урал? // Возрождение Урала, февраль 2000 года.

⁶⁴⁹ Определение Судебной коллегии Челябинского областного суда от 27 сентября 2001 года, дело №4111 // Архив автора.

⁶⁵⁰ Аль-Гали Ф. Адрес мусульман — Омск // Мусульмане Сибири, февраль 2000 г.; На карте России — Омск // Мусульмане Сибири, май 2000 г.

- ⁶⁵¹ Губогло М.Н. Этничность, религиозность, государственность // Этнопанорама, №3, 2000.
- ⁶⁵² Дагестан: национальности и национальные проблемы // Якутия, 18 сентября 1999.
- ⁶⁵³ Малащенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа, М, 2001, с. 96—97
- ⁶⁵⁴ Этнический сепаратизм в России, электронная версия // размещена на сайте www.panorama.ru
- ⁶⁵⁵ Баисова Л. Тревоги Карачаево-Черкесии // Обозреватель, № 10, 1995; Этнический конфликт в Карачаево-Черкесской Республике: от истоков до наших дней // Центральная Азия и Кавказ, № 6, 2000; Смирнова Я.С. Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 48, 1993.
- ⁶⁵⁶ Информационное сообщение о 1-м Съезде мусульман Карачая // Архив автора; Постановление 1-го съезда мусульман Карачая об избрании имама Карачая // Архив автора.
- ⁶⁵⁷ Духовное управление протестует // День Республики, 25 марта 1992.
- ⁶⁵⁸ Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, 2000.
- ⁶⁵⁹ Никольский Д. Взрывы в Москве: виновные известны // Новая Народная газета, 19—25 апреля 2000.
- ⁶⁶⁰ Магомедов М. Между лакцем и кумыком // НГ-Религии, 23 февраля 2000.
- ⁶⁶¹ Выступление Умара Идрисова от 23 июня 2005 года // Размещено на сайте www.islamnn.ru.
- ⁶⁶² На карте России – Курган // Мусульмане Сибири, июнь 2000.
- ⁶⁶³ Исакаев Г. В Кургане власти шельмуют правозащитника Исакаева // Защита прав и свобод человека, № 11, сентябрь—октябрь 2000.
- ⁶⁶⁴ Фархутдинов М. Трещина в мечети // Челябинский рабочий, 29 сентября 1998; Хамзина А.М. Ваххабизм пришел на Урал? // Возрождение Урала, февраль 2000.
- ⁶⁶⁵ Соглашение о сотрудничестве между Администрацией Челябинской области Российской Федерации и Центральным духовным управлением мусульман России и Европейских стран СНГ // Южноуральская панорама, 9 июля 1998.
- ⁶⁶⁶ Сообщение ИА «Регион-Информ» от 4 июля 2000.

- ⁶⁶⁷ Сообщение ИА «Интерфакс» от 25 августа 2000; сообщение портала «Лента.ру» www.lenta.ru от 3 сентября 2000.
- ⁶⁶⁸ Сообщение ИД «Провинция» от 8 декабря 2000 года; сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 18 декабря 2000.
- ⁶⁶⁹ Намерение доброе, а слава дурная // Версты, 23 декабря 2000.
- ⁶⁷⁰ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 1 ноября 2005.
- ⁶⁷¹ Клиновский А. Самозванный шейх // Забайкальский рабочий, 28 июля 2004.
- ⁶⁷² Сообщение ИА «Постфактум» от 19 февраля 2001.
- ⁶⁷³ Сообщение Агентства деловых новостей от 12 марта 2000.
- ⁶⁷⁴ Во Владивостоке разрастается конфликт // Золотой Рог, 22 февраля 2000.
- ⁶⁷⁵ Ивлева М. Асадулла Саидов: «Мечеть во Владивостоке – не для укрытия боевиков и митингов» // Владивосток, 14 декабря 2000.
- ⁶⁷⁶ Мигулин В. За державу обидно // Ваш дом плюс, 22 февраля 2000.
- ⁶⁷⁷ Скалицкий В. Теракт имеет политическую окраску // Вести+ТВ, 14 октября 1999 года; Иерей Василий. Камень – еще не точка. Поставить ее должен референдум // Новая Камчатская Правда, 9 марта 2000.
- ⁶⁷⁸ Викулов А. С героинем в Коране // Российская газета, 9 ноября 2001.
- ⁶⁷⁹ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 17 ноября 2005.
- ⁶⁸⁰ Баилов Н. Существуют ли ваххабиты на Урале? // Труд, 2 сентября 1999.
- ⁶⁸¹ Конфессиональный конфликт // Новый компаньон, 3 марта 2000.
- ⁶⁸² Путь к единению // Новый компаньон, 22 февраля 2000; Иванов Н. Раскол у пермских мусульман // НГ-Религии, 17 января 2001.
- ⁶⁸³ Материалы сайта «Ислам в Карелии» www.murm.ru/~islam/.
- ⁶⁸⁴ Биография Олега Стародубцева, размещенная на сайте «Ислам в Карелии» www.murm.ru/~islam/ (в настоящее время не работает).
- ⁶⁸⁵ Карабааги О. Не бывать мечети в Петрозаводске // НГ-Религии, 8 февраля 2001 года.
- ⁶⁸⁶ Там же.
- ⁶⁸⁷ Обыкновенный расизм. Умару Идрисову не нравятся «приезжие» // Статья размещена на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 9 августа 2005.
- ⁶⁸⁸ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 6 марта 2000 года.
- ⁶⁸⁹ Сообщение сайта www.islam-info.ru от 11 августа 2005.

⁶⁹⁰ *Карабааги О.* Ислам шагает по Европе // *Голос казаха*, август 2000; *Ахунов А.* Почему русские принимают ислам? // *НГ-Религии*, 25 апреля 2001.

⁶⁹¹ Выступление С.В.Кириенко на «круглом столе» «Ислам и Христианство. Межэтнические отношения: диалог культур» // Размещено на сайте ИА «Росбалт» www.rosbalt.ru.

⁶⁹² *Максимов Ю.В.* Почему из христианства переходят в ислам? // Статья размещена на сайте «Православие и ислам» <http://um-islam.nm.ru/>.

⁶⁹³ Протоиерей Вячеслав Полосин принял ислам // *Русская мысль* 10 июня 1999.

⁶⁹⁴ Материалы сайта «Ислам в Санкт-Петербурге» <http://muslim.by.ru/>.

⁶⁹⁵ *Басов С.* Русская дворянка, принявшая ислам // *Мусульманская газета*, декабрь 1999.

⁶⁹⁶ *Челноков А.* Как «Медведь» ислам принимал // *Московские новости*, 29 сентября 2001.

⁶⁹⁷ *Климов В.* Многомиллионная «мусульманская» газета // *НГ-Религии*, 26 января 2000.

⁶⁹⁸ См. также книги «Прямой путь к Богу» (М., 2000) и «Преодоление язычества» (М., 2001).

⁶⁹⁹ Письмо председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла муфтию Равилю Гайнутдину // Архив автора.

⁷⁰⁰ Письмо сопредседателя Совета муфтиев России муфтия Мукаддаса Бибарсова председателю Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу от 13 февраля 2002 года // Размещено на сайте www.interfax-religion.ru 7 декабря 2005.

⁷⁰¹ Материалы сайта Союза мусульманских журналистов www.islam-info.ru.

⁷⁰² *Полосин А.-В.* Тревожный звонок многочисленным российским муфтиям // Статья размещена на сайте www.islam-info.ru 2 сентября 2005.

⁷⁰³ Сообщение портала «Кредо» www.portal-credo.ru от 2 февраля 2006.

⁷⁰⁴ Протокол заседания Совета арабских послов в Москве от 4 июня 1998 года // Архив автора.

⁷⁰⁵ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 6 марта 2000.

⁷⁰⁶ *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии, Чебоксары, 1997, с. 98.

⁷⁰⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 7 февраля 2005.

⁷⁰⁸ Материалы сайта «Коран.ру» www.koran.ru.

⁷⁰⁹ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 23 июня 2004; *Митрофанов А.* Ислам только для русских // *Русский курьер*, 23 июня 2004.

⁷¹⁰ *Тулский М.* Книга чуть не расколола российских мусульман // Статья размещена на сайте www.pravda.ru 10 февраля 2006.

⁷¹¹ Материалы сайта «Коран.ру» www.koran.ru.

⁷¹² Материалы сайтов www.pravoverie.org и www.shianet.ru.

⁷¹³ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 2 февраля 2006.

⁷¹⁴ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 2 марта 2006.

⁷¹⁵ *Суриков В.* Российские наемники: правда и вымысел // *Независимая газета*, 27 июня.

⁷¹⁶ Материалы сайта «Правовере.org» www.pravoverie.org.

⁷¹⁷ *Ларионова О., Рябухина Н., Манихина Т.* Чеченских камикадзе обучают под Москвой // *Собеседник*, 21 июля 2000.

⁷¹⁸ *Иванченко П.* «Тайный отряд «золотого миллиарда» // Статья опубликована портале «Сегодня.ру» www.sedonya.ru 24 марта 2005.

⁷¹⁹ *Яблонский Н., Рычкова Л.* Ячейкой за решетку // *Коммерсант*, 5 октября 2005.

⁷²⁰ *Ларинцева А.* Пятигорский имам незаконно посадил вора и сам оказался в тюрьме // *Коммерсант*, 30 января 2006.

⁷²¹ Москва становится мусульманским центром? Беседа с муфтием Центрально-Европейского региона России шейхом Равилем Гайнутдином // *Независимая газета*, 3 марта 1994; *Галлямов Р.* Факторы регионализации мусульманских организаций России на современном этапе // *Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России: сборник статей*. Москва, 1998.

⁷²² Сообщение портала «Православие-2000» www.pravoslavie.ru от 19 ноября 2000 со ссылкой на ИА «ИТАР-ТАСС».

⁷²³ *Триско В.* Пригласят на единый сбор // *Ставропольская правда*, 24 марта 1999; *Лунашко А.* Краю – свой муфтият // *Ставропольская правда*, 25 августа 2001.

⁷²⁴ *Бурин П.* Командир татарских казаков // *Южный репортер*, 21 января 2006.

⁷²⁵ Протокол пленума ДУМЕС от 15 января 1991 года // Архив автора.

⁷²⁶ Чечня. Белая книга // Российский информационный центр и РИА «Новости»; электронная версия размещена на сайте www.infocentre.ru/.

⁷²⁷ Силантвев Р.А. Хронология новейшей истории российского ислама // Электронная версия размещена на сайте www.state-religion.ru/.

⁷²⁸ Сообщение радиостанции «Эхо Москвы» от 11 сентября 1994.

⁷²⁹ Политковская А. Супермаркет «война» // Новая газета, 26 июня — 2 июля 2000.

⁷³⁰ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» за 25 мая 1999.

⁷³¹ Чеченские хроники-99 // Издание Российского информационного центра по материалам СМИ, размещено на сайте www.infocentre.ru/.

⁷³² Недумов О. Власти Чечни запретили ваххабизм // Независимая газета, 27 июля 2000; Петровский О. В Чечне объявили войну ваххабитам // УТРО, 26 июля 2000.

⁷³³ Михайлин Д. Можно ли поделить Всевышнего // Российская газета, 30 ноября 1994.

⁷³⁴ Постнова В. Конфликт власти и духовенства // Независимая газета, 27 января 1996.

⁷³⁵ Юззелл Л. Власти Татарстана диктуют мусульманам, какого духовного лидера следует выбирать // Сообщение Кестонской службы новостей за февраль 1998.

⁷³⁶ Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях», принят 21 июля 1999 года.

⁷³⁷ Каримова З. К единению или разъединению, но без насилия // Известия Башкортостана, 28 августа 1992 года.

⁷³⁸ Съезд прошел в деловой обстановке, сообщение пресс-центра ДУМ РБ // Ислам и общество, №10, 1994; Решение Третьего съезда мусульман Республики Башкортостан // Ислам и общество, №10, 1994.

⁷³⁹ Матанис В. Будет ли покой в российской умме? // НГ-Религии, 10 июля 2000.

⁷⁴⁰ Триско В. Пригласят на единый сбор // Ставропольская правда, 24 марта 1999; Лупашко А. Краю – свой муфтият // Ставропольская правда, 25 августа 2001

⁷⁴¹ Закон Республики Дагестан «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях».

⁷⁴² Постнова В. Верующие отвоевали медресе // Независимая газета, 26 октября 1995

⁷⁴³ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 2 апреля 1996.

⁷⁴⁴ Дмитриев М., Сеитов Д. Под сенью минарета // Московский комсомолец, 27 марта 1996.

⁷⁴⁵ Справочник в электронном виде размещен на сайте Департамента внешних связей Президента Республики Татарстан www.tatar.ru.

⁷⁴⁶ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 18 января 1998

⁷⁴⁷ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 4 февраля 1998; сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 6 февраля 1998; сообщение НТВ (программа «Сегодня») от 13 и 14 декабря 1998.

⁷⁴⁸ Заявление Валиуллы Якупова от 27 ноября 1997 года // Архив автора.

⁷⁴⁹ Муравьева И. Шаймиев не собирается в муфтии // Век, 26 февраля 1998; Ветлугин А. Станет ли М.Ш. аятоллой Шаймине? // Вечерняя Казань, 13 февраля 1998

⁷⁵⁰ Бронштейн Б. Съезд мусульман всех проблем не решил // Известия, 17 февраля 1998.

⁷⁵¹ Постнова В. Президент и муллы // НГ-Религии, март 1998.

⁷⁵² Вместо трех — один муфтий // Вечерняя Казань, 20 марта 1998.

⁷⁵³ Чего имамы не поделили // Время и деньги, 16 апреля 1999.

⁷⁵⁴ Закон Республики Татарстан «О свободе совести и о религиозных объединениях», принят 21 июля 1999 года.

⁷⁵⁵ Устав Единого ДУМ Пензенской области // Архив автора.

⁷⁵⁶ Сообщение сайта «НТВ.ру» www.ntv.ru от 2 января 2002.

⁷⁵⁷ Сафронов С. Ислам: поиски организационных форм и места в политической жизни (1997—1998 гг.) // Регионы России в 1998 году, М., 1999; Добрынина С. Молодые имамы за Росселя // НГ-Религии, 10 ноября 1999.

⁷⁵⁸ Сообщение ИАА «Регион-Информ» от 4 июля 2000.

⁷⁵⁹ Сообщение сайта «НТВ.ру» www.ntv.ru от 8 ноября 2001; Муфтий разъясняет // НГ-Религии, 26 декабря 2001.

⁷⁶⁰ Сообщение сайта «НТВ.ру» www.ntv.ru от 8 ноября 2001.

⁷⁶¹ Итоговый документ расширенного заседания лидеров и глав мусульманских религиозных организаций и центров РФ под эгидой Совета муфтиев России 14 апреля 2003.

⁷⁶² Р.Гайнутдин! Кто следующий гость? Шарон?! // Аналитический материал портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 30 июня 2004.

- ⁷⁶³ Малащенко А. Надо ли бояться советского ислама // Независимая газета, 6 июля 1991.
- ⁷⁶⁴ Михайлин Д. Можно ли поделить Всевышнего // Российская газета, 30 ноября 1994.
- ⁷⁶⁵ Батыршин Р. Национал-радикалы против муфтия // Независимая газета, 22 сентября 1992.
- ⁷⁶⁶ Совместное заявления БНЦ «Урал» и Татарского общественного центра Башкортостана от 20 августа 1992 года // Архив автора.
- ⁷⁶⁷ Материалы VI чрезвычайного съезда ДУМЕС // Архив автора.
- ⁷⁶⁸ Котов И. Мусульмане Татарии утвердили новое движение // Сегодня, 28 июня 1996; Новое общественно-политическое движение // Экспресс-Хроника, 28 июня 1996.
- ⁷⁶⁹ Чернобровкина Е. 13 методов борьбы власти с оппозицией // «Провинция» (Казань), 29 октября 1999; Кадим Т. Собрать и выкинуть коммунистическую плесень // Новая Вечерка, 28 сентября 1999.
- ⁷⁷⁰ Политическое заявление «круглого стола» Республики Татарстан, февраль 2000.
- ⁷⁷¹ Ротарь И. Запад и Восток на обломках империи // Независимая газета, 21 мая 1992.
- ⁷⁷² Садур В. Партия сохранения баланса // НГ-Религии, 14 ноября 2001.
- ⁷⁷³ Малащенко А. Мусульманство в России // Независимая газета, 8 мая 1992.
- ⁷⁷⁴ Садур В. Партия сохранения баланса // НГ-Религии, 14 ноября 2001.
- ⁷⁷⁵ Салахетдин М. Партия интеграции ислама в современное общество // НГ-Религии, 28 июня 2000; Садур В. Партия сохранения баланса // НГ-Религии, 14 ноября 2001; Джемаль Г. Упущенная возможность на закате советской истории // НГ-Религии, 28 июня 2000; Малащенко А.В. Мусульманство в России // Независимая газета, 8 мая 1992.
- ⁷⁷⁶ Нешуточная арифметика Союза мусульман России // Новое время, №4, 1995 год; Меньшикова Н., Петрович Б. Рука Каддафи дотянулась до Госдумы // Московский комсомолец, 5 сентября 1995.
- ⁷⁷⁷ Вареник Р. Исламский фактор в тени национал-радикалов // Огонек, 16 октября 1995.
- ⁷⁷⁸ Программа Общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман России» (СМР) // Архив автора; Устав Общероссийского общественно-политического движения «Союз мусульман Рос-

- сии», принят 31 мая 1995 года // Архив автора; Супонина Е. Сезон паломничества на север // Новое время, ноябрь 1996.
- ⁷⁷⁹ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 5 апреля 1996; сообщение программы «Вести» (телеканал РТР) от 19 мая 1996.
- ⁷⁸⁰ Создано движение «Мусульмане России» // Партиформ, 24 апреля 1996; Заявление пресс-центра Союза мусульман России // Новое дело, 8 марта 1996.
- ⁷⁸¹ Хачилаев Н. Ответственность политика и ислам // Независимая газета, 27 сентября 1997.
- ⁷⁸² «Союзом мусульман» займется Минюст // Независимая газета, 4 июля 1998.
- ⁷⁸³ Протокол заседания Совета арабских послов в Москве от 4 июня 1998 года // Архив автора.
- ⁷⁸⁴ Щербаков А. Аллах зовет к миру // Российская газета, 15 марта 1996.
- ⁷⁸⁵ Верховский В. «Религиозный фактор» между двумя кампаниями // Русская мысль, 13—19 января 2000; Игнатенко А. Выбор мусульман России // Независимая газета, 3 сентября 1999.
- ⁷⁸⁶ Макаркин А. Легенды и мифы блока «Медведь»-2 // Сегодня, 21 октября 1999.
- ⁷⁸⁷ Шахов Ф. «Мусульманская карта» Кремля // Оренбуржье, 24 ноября 1999.
- ⁷⁸⁸ Солдатов А. Дума позеленеет? // Московские новости, 23 — 29 ноября 1999 года; Николаева М. Партия последователей пророка // НГ-Религии, 26 января 2000.
- ⁷⁸⁹ Сообщение ИА ИТАР-ТАСС от 19 августа 2000.
- ⁷⁹⁰ Офитова С. Чистка «медвежьей шкуры» // Сегодня, 30 октября 2000 года.
- ⁷⁹¹ Сообщение ИА «Росбизнесконсалтинг» со ссылкой на радиостанцию «Эхо Москвы» от 29 октября 2000; Офитова С. Чистка «медвежьей шкуры» // Сегодня, 30 октября 2000; Лаврухин А., Шевченко М. «Рефах» не нарушил «Единство» // НГ-Религии, 15 ноября 2000.
- ⁷⁹² Материалы сайта www.refach.ru (в настоящее время не действует).
- ⁷⁹³ Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 20 июня 2001.
- ⁷⁹⁴ Материалы учредительного съезда ОПОД «Евразия» // Архив автора.

- ⁷⁹⁵ Батуев В. Откуда возник религиозный экстремизм? // Время-MN, 29 июня 2001.
- ⁷⁹⁶ Сивашенкова Д. Борьба за мир в холодную погоду // Коммерсант, 3 декабря 2001.
- ⁷⁹⁷ Материалы официального сайта Евразийской партии России www.eurasianparty.ru (в настоящее время не действует).
- ⁷⁹⁸ В политсовет Евразийской партии Ниязова — Бородин избран «исламофоб» Копылов // Репортаж размещен на портале «Кредо.ру» 26 мая 2003.
- ⁷⁹⁹ Материалы сайта Центральной избирательной комиссии www.cikrf.ru.
- ⁸⁰⁰ Корня А. Павел Бородин: жизнь налаживается // Независимая газета, 26 декабря 2003; Съезд ИПР в Махачкале // Новое дело, 26 марта 2003.
- ⁸⁰¹ Сабов А. Мусульманский шанс России // Российская газета, 16 сентября 2005.
- ⁸⁰² Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 14 ноября 2005.
- ⁸⁰³ Малащенко А. Один год российского ислама // Независимая газета, 31 декабря 1996.
- ⁸⁰⁴ Константинов Н. опередить друг друга в добрых делах // НГ-Религии, 5 июня 2002.
- ⁸⁰⁵ Сообщение ИА «Интерфакс» от 4 марта 1992; Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 сентября 2004.
- ⁸⁰⁶ Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 сентября 2004.
- ⁸⁰⁷ Шевченко М. Ислам нужно не возрождать, а осмысливать // Независимая газета, 17 августа 1996.
- ⁸⁰⁸ Якупов. В. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. Казань, 2005, с. 20.
- ⁸⁰⁹ Козлова М. Ислам в грядущем тысячелетии // НГ-Религии, 31 мая 2000.
- ⁸¹⁰ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 26 декабря 2005.
- ⁸¹¹ Материалы сайта «Ислам в Нижнем Новгороде» www.islamnn.ru.
- ⁸¹² Муфтий, полконфеты и покладистая борода // Губерния, 13 марта 2003; Сообщение портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 19 декабря 2005.
- ⁸¹³ Сообщение ИА «РИА-Новости» от 8 ноября 2005.

- ⁸¹⁴ Гареев Р. Идеологический джихад // Независимая газета, 5 июля 1996; Супонина Е., Пауков В. Братья по вере и крови // Время-MN, 22 декабря 1999; Эггерт К. Обиженным мусульманам обещаны солидарность и наличные // Известия, 17 декабря 1994; Поляков К. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001.
- ⁸¹⁵ Деньги едут на войну // Коммерсантъ-Власть, 9 ноября 1999.
- ⁸¹⁶ Чеченских террористов финансировал египетский мошенник // Коммерсант, 21 октября 1999.
- ⁸¹⁷ Поляков К. Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. М., 2001.
- ⁸¹⁸ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 29 июля 2005.
- ⁸¹⁹ Кого и за что финансируют зарубежники? // Статья размещена на сайте www.muslim.su 29 июля 2005.
- ⁸²⁰ Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказ, 1 сентября 2004.
- ⁸²¹ Ростовский М., Озерова М. Порка после вотума // Московский комсомолец, 22 марта 2001.
- ⁸²² Шерматова С. Рамазан Абдулатипов: Путь из России в Мекку усыпан взятками // Московские новости, 25 марта 1997.
- ⁸²³ Супонина Е. Взятка за паломничество // Время-MN, 23 марта 1999; Супонина Е. Мусульмане отмечают Курбан-Байрам // Время-MN, 16 марта 2003.
- ⁸²⁴ Шерматова С. Хадж как бизнес // Московские новости, 4 марта 1997.
- ⁸²⁵ Таниев А. Дебердеев – в «деле» // Симбирский курьер, 22 января 2002.
- ⁸²⁶ Сообщение ИА «Интерфакс» от 12 июля 2005.
- ⁸²⁷ Материалы по истории ДУМ Сибири // Архив автора.
- ⁸²⁸ Тепляков А. Кто стоит за губернатором Машковцевым? // Опубликовано на сайте «Выборы-2006» <http://www.vibori.info/> 14 декабря 2006.
- ⁸²⁹ Материалы сайта www.refach.ru.
- ⁸³⁰ Материалы портала «Ислам.ру» www.islam.ru и <http://imam.iwt.ru/>.

⁸³¹ Протокол III съезда мусульман Кабардино-Балкарской Республики // Архив автора.

⁸³² Российские мусульмане решили объединиться // Статья размещена на сайте ИА «Росбизнесконсалтинг» www.rbcdaily.ru/.

⁸³³ Шевченко М. Лидер мусульман встретился с Борисом Ельциным // Независимая газета, 30 марта 1996; Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России, М, 1998 с. 25.

⁸³⁴ Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005, с. 141—142.

⁸³⁵ Сообщение сайта www.lenta.ru от 27 декабря 2001.

⁸³⁶ Бессчетнова С. Под крышей ДУМа своего // Казанское время, 26 апреля – 2 мая 1996.

⁸³⁷ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 29 июля 2005.

⁸³⁸ Символ согласия и добра // Гудок, 6 ноября 2003.

⁸³⁹ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 9 ноября 2004.

⁸⁴⁰ Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005, с.158.

⁸⁴¹ Арзуманова М., Куркин Б. Мусульманские лидеры делят Сибирь // Время-MN, 12 февраля 1999 года.

⁸⁴² Имамы мечетей Новосибирска не могут поделить сферы влияния // Сообщение информационной службы портала «Ислам.ру» от 4 апреля 2001 года.

⁸⁴³ Добрынина С. Молодые имамы за Росселя // НГ-Религии, 10 ноября 1999; Бигеев И. Два муфтията – это раскол // Оренбуржье, 7 июля 2001.

⁸⁴⁴ Полякова А. Ваххабизм в импортной упаковке // НГ-Сценарии, 13 мая 1998.

⁸⁴⁵ Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000 №2(8); Жантиев Д. «Ваххабизм» в России: миф или реальность? // НГ-Религии, 8 августа 2001 года.

⁸⁴⁶ Ислам, энциклопедический словарь. М., 1991.

⁸⁴⁷ Мухаммад бин Джамиль Зину Исламская акида, М., 1998; Васильев А. Борьба нужна не с идеями, а с нарушителями законов // Сегодня, 7 сентября 1999 года.

⁸⁴⁸ Шейх Саид-афанди Чиркейский, Мажмуатуль Фаваид, Махачкала, 1997.

⁸⁴⁹ Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудинов в Аравии (1744/45—1818). М., 1967; С чего начинается ваххабизм? // Подборка аналитических статей портала «Ислам.ру» www.islam.ru; Курбанов Г. Кому же объявлена война? // Дагестанская правда, март 2001 года.

⁸⁵⁰ Джемаль Г. Заочное интервью журналу «Эксперт Урал» // Размещено на сайте www.islamcom.ru 30 мая 2006.

⁸⁵¹ «Воинствующий ислам» и меры противодействия его влиянию, сборник статей, М., 1988, с. 93—111.

⁸⁵² Вагабов М.В. Ваххабизм: история и современность, Махачкала, 2000.

⁸⁵³ Смирнов С. Экстремизм в исламе: истоки и тенденции // Континент, 20 сентября — 2 октября 2000 года; О распространении идей религиозного экстремизма на территории Российской Федерации, справка // размещена на сайте Российского информационного центра (www.infocentre.ru/) 2 декабря 1999 года.

⁸⁵⁴ Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

⁸⁵⁵ Российские талибы // Статья размещена на портале «Ислам.ру» 28 декабря 2001 года.

⁸⁵⁶ В Чечне готовят «бойцов ислама» // Коммерсант, 16 декабря 1998; Филичкин В. Всегда вчерашнее завтра // Деловой Урал, 22 октября 1999.

⁸⁵⁷ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов, 2002, глава 5.

⁸⁵⁸ Тульский М. Причины раскола мусульманских организаций России // Центральная Азия и Кавказа, 1 июля 2004.

⁸⁵⁹ Акпадишахов А. Ваххабиты – джихад против России // Подборка аналитических статей портала «Православие.ру» www.pravoslavie.ru.

⁸⁶⁰ Макаров Д. Радикальный исламизм на Северном Кавказе: Дагестан и Чечня // Конфликт – диалог – сотрудничество. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. Бюллетень. № 1.

⁸⁶¹ Вагабов М.В. Ваххабизм: история и современность, Махачкала, 2000; Шерматова С. Так называемые ваххабиты // Чечня и Россия: общества и государства. М., 1999.

⁸⁶² Сообщение ИА «Интерфакс» от 13 мая 1997 года; Тарасов С. Дагестан на грани войны между мусульманами // Сегодня, 14 мая 1997; Религиозное противостояние // Санкт-Петербургские Ведомости, 15 мая 1997.

- ⁸⁶³ Сообщение радиостанции «Радио России» от 13 мая 1997.
- ⁸⁶⁴ Курбанов Г. Кому же объявлена война? // Дагестанская правда, 15 марта 2001.
- ⁸⁶⁵ Крутойяров С. Кто такой Хаттаб и какие силы стоят за ним // Ставропольская правда, 26 июня 1999.
- ⁸⁶⁶ Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. «Ваххабиты» Северного Кавказа // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь, М., 1998—1999.
- ⁸⁶⁷ Материалы Конгресса мусульман Дагестана от 28 августа 1998 // Архив автора.
- ⁸⁶⁸ Программа «Вести» (телеканал РТР) от 3 сентября 1998 года; Андреева А. Россия на грани новой кавказской войны // Белорусская деловая газета, 28 июня 1999.
- ⁸⁶⁹ Сообщение ИА «Лента.ру» от 16 сентября 1999; Игнатенко А.А. Мусульманская самозащита от ваххабизма // НГ-Религии, 24 ноября 1999; Доршова Н. Ваххабизм в России: корни явления // Статья опубликована на сайте www.npr.ru 7 апреля 2000.
- ⁸⁷⁰ Измайлов В. Лобное кресло // Новая газета, 24 ноября 2003.
- ⁸⁷¹ Савельев А. Параллельный ислам — идеология бандитизма // Подборка аналитических материалов портала «Православие.ру» www.pravoslavie.ru.
- ⁸⁷² Николаев Р., Шабуркин А. Интернациональная экспансия // Независимое военное обозрение, 15 октября 1999.
- ⁸⁷³ Мамаев Ш. Черный араб // Итоги, 21 сентября 1999.
- ⁸⁷⁴ Эмир ибн аль Хаттаб // Статья размещена на сайте «Правда.ру» www.pravda.ru, 16 марта 2000; Кровавый Аллах Хаттаба // Вечерний Новосибирск, 20 сентября 1999; Бешеные псы против Хаттаба // Сибирский календарь, 30 декабря 1999.
- ⁸⁷⁵ ФСБ «расколола» компьютер Хаттаба // Парламентская газета, 22 октября 1999; Бешеные псы против Хаттаба // Сибирский календарь, 30 декабря 1999.
- ⁸⁷⁶ Сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 16 июля 1998; Сначала драка — потом война? // Караван, 24 июля 1998.
- ⁸⁷⁷ Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. Ростов, 2002, главы 5—6.

- ⁸⁷⁸ Полякова А. Ваххабизм в импортной упаковке // Независимая газета, 13 мая 1998 года
- ⁸⁷⁹ Шевченко М. В Москве арестовали мусульманских лидеров // Независимая газета, 11 декабря 1999 года.
- ⁸⁸⁰ Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2000. № 134.
- ⁸⁸¹ Ваххабитов в Карачаево-Черкесии нет? // Свободная Грузия, 27 сентября 1998; Быков А. Ваххабитская страшилка: козырь из рукава // Парламентская газета, 20 января 2001.
- ⁸⁸² Сообщение сайта «НТВ.ру» www.ntv.ru от 3 апреля 2001 года.
- ⁸⁸³ М. Ботаишев, Л. Эркенова Августовский «путч» в Карачаево-Черкесии // Статья размещена на сайте «Неофициальный Кавказ», Нестерова С. Мятеж в Карачаево-Черкесии подавлен // Статья размещена на сайте «Газета» www.gazeta.ru 16 августа 2001 года.
- ⁸⁸⁴ Толгузов Т. Кабардино-Балкария: религиозные институты в условиях политической нестабильности // Центральная Азия и Кавказ, № 2(3), 1999.
- ⁸⁸⁵ Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2000. № 134.
- ⁸⁸⁶ Катаев Д. Ваххабизм проник в исправительные учреждения // Общекавказская газета, 12 февраля 1999 года; сообщение ИА «ИТАР-ТАСС» от 27 ноября 2000.
- ⁸⁸⁷ Сообщение ИА ИТАР-ТАСС от 2 мая 2001.
- ⁸⁸⁸ Нугайред Н. Исламизм завоевывает Северный Кавказ // Le Monde, перевод опубликован 14 декабря 2004 на сайте Inopressa.Ru; Власти не доглядели за осетинскими мусульманами // Аналитическое сообщение Агентства национальных новостей от 10 февраля 2005.
- ⁸⁸⁹ Ярлыкапов А.А. Проблема ваххабизма на Северном Кавказе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2000. № 134; Бичурин А. Странные акции с неясными последствиями // НГ-Религии, 22 декабря 1999 года; Хасанов З. Что стоит за письмом в прокуратуру? // Статья размещена на сайте Исламского конгресса России www.chat.ru/~islamic_congress.
- ⁸⁹⁰ Панова Т. Ваххабиты города Астрахани // Сегодня, 15 августа 1998; Астрахани угрожают серьезные волнения на религиозной почве // Статья размещена на сайте «Вся Россия» www.allrussia.ru 15 февраля 2000.

⁸⁹¹ *Торопицын И.* Религиозные разборки и кровная месть грозят столкнуть в Астрахани сторонников и противников ваххабизма // Волга, 15 февраля 2000; *Боровский Д.* Совершено нападение на лидера астраханских ваххабитов Айюба // Комсомолец Каспия, 11 февраля 2000.

⁸⁹² *Биккенин И.* Исламский фундаментализм в Мордовии // Татарская газета, 12 мая 1998 года; *Телин И.* В Мордовии есть свои ваххабиты // Статья размещена на сайте «Правда.ру» www.pravda.ru 3 июля 2000.

⁸⁹³ *Вольнская Е.* Загадки медресе «Йолдыз» // Челны ЛТД, 24 июня 1999; История медресе «Йолдыз» // Челны ЛТД, 23 сентября 1999.

⁸⁹⁴ *Михайлин Д.* Ваххабизм — это не просто зло, это смертоносное зло // Российская газета, 28 сентября 1999; *Скакунов И.* Руки в гексогене // Сегодня, 18 сентября 2000.

⁸⁹⁵ *Бронштейн Б.* Медресе «Йолдыз» после проверок на ваххабизм // Известия, 16 февраля 2000.

⁸⁹⁶ *Суриков В.* Российские наемники: вымысел и правда // Независимая газета, 27 июня 2000.

⁸⁹⁷ *Бронштейн Б.* Арестован за распространение письма Басаева // Известия, 26 апреля 2001.

⁸⁹⁸ Московские дома взрывали... Студенты // Волжская коммуна, 18 сентября 1999; Ваххабиты появились в Поволжье // Дело, 24 сентября 1999; Ваххабизм может взорвать Татарстан // Комсомольская правда, 26 октября 1999; Слаб, но опасен // Вечерняя Казань, 14 сентября 1999; Власти Татарстана поддерживают ваххабизм? // Время и деньги, 15 мая 2000.

⁸⁹⁹ *Даутова Р.* Дела земные и небесные // Вечерняя Казань, 14 августа 1998; *Балтанова Г.* О жупеле «ваххабизма» или о политической борьбе вокруг ислама // Время и деньги, 18 ноября 1999.

⁹⁰⁰ *Омельченко М.* Нам не страшен серый волк? // Версия, 21 февраля 2003.

⁹⁰¹ *Казенин К.* Кружок невидимок // Время новостей, 12 сентября 2002; сообщение сайта www.islam-info.ru от 22 сентября 2004.

⁹⁰² *Тельнов Г.* Муфтий Дебердеев: «Война против России уже начата!» // Симбирские губернские ведомости, 5 октября 1999.

⁹⁰³ *Шумилин В.* Джихад по нижневолжски // Материал сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов EAWARN; *Серенко М.* Ваххабиты дошли до Волги // Коммерсант, 28 декабря 2000.

⁹⁰⁴ *Соколовская Е.* Ваххабиты в Перми // Губернские вести, 27 августа 1999 года.

⁹⁰⁵ *Карабааги О.* Не бывать мечети в Петрозаводске // НГ-Религии, 28 февраля 2001 года.

⁹⁰⁶ *Тищенко Я.* След шайтана // Московский комсомолец в Кузбассе, 21 октября 1999 года.

⁹⁰⁷ *Амелина Я.* Пятая колонна Турции // Наш континент, 5 декабря 2003.

⁹⁰⁸ *Метелева С.* Аллах с нами // Московский комсомолец, 6 декабря 2002.

⁹⁰⁹ *Омельченко М.* Нам не страшен серый волк? // Версия, 21 февраля 2003.

⁹¹⁰ *Коцериба А.* Скрытая угроза // Уфимский меридиан, 14 декабря 2005.

⁹¹¹ *Скробот А.* Кого готова освобождать «Партия исламского освобождения»? // Независимая газета, 25 января 2005.

⁹¹² Сеть раскинута по всей России // Россия, 29 декабря 2003; *Скробот А.* Кого готова освобождать партия освобождения? // Независимая газета, 25 января 2005.

⁹¹³ *Николай Шепель:* «Террористы используют опыт революционеров и шпионов» // Известия, 10 января 2006.

⁹¹⁴ *Глушак О.* Кровная месть прописалась на нашей земле // Комсомолец Каспия, 26 июля 2000.

⁹¹⁵ *Камакин А.* Натиск на Восток // Итоги, 31 октября 2005.

⁹¹⁶ Сила — это умение стрелять // НГ-Религии, 25 августа 1999.

⁹¹⁷ *Богомолов А.* Киберджихад // Новые Известия, 17 октября 2001.

⁹¹⁸ *Гареев Р.* Идеологический джихад // Независимая газета, 5 июля 1996.

⁹¹⁹ *Галицкий В.* Угроза территориальной целостности России // Обозреватель, 1 декабря 2005.

⁹²⁰ *Бухараев Р.* Где посох мой? // Дружба народов, №11, 2000; *Якупов Валиулла* Неофициальный ислам в Татарстане. Казань, 2003, с. 8.

⁹²¹ *Силантьев Р.* Бахаизм. Народы и религии мира, энциклопедия М., 1998.

⁹²² Материалы порталов «Ислам.ру» www.islam.ru и «Суфизм.ру» www.sufizm.ru.

⁹²³ *Хакимов Р.* Где наша Мекка? (Манифест евроислама). Казань, 2003.

⁹²⁴ Сообщение ИА «Интерфакс» от 2 октября 2004.

- ⁹²⁵ Сообщение ИА «Татарская рассылка» от 2 июня 2004; *Загидулла Ф.* Опять об «евроисламе» // Статья размещена на портале www.ansar.ru.
- ⁹²⁶ «Русский ислам»: Отчет по 2001 году. С.2.
- ⁹²⁷ *Артемов А.* Кто и как проповедует «русский ислам»? // Церковный вестник, август 2003.
- ⁹²⁸ *Якупов Валиулла* Неофициальный ислам в Татарстане. Казань, 2003, с. 21—24.
- ⁹²⁹ Там же, с. 24—26.
- ⁹³⁰ *Супонина Е.* Кавказские суфии // Сегодня, 6 июля 1995.
- ⁹³¹ Сборник фетв ДУМСК // Архив автора.
- ⁹³² *Кудрявцев А.В.* Ислам и государство в Чеченской республике // Восток, 1994; *Ляушева С., Яхиев С.-У.* Чтобы избежать вражды, верующие должны объединиться вокруг Корана и Сунны // Независимая газета, 27 марта 1997.
- ⁹³³ *Мурклинская Г.* Ислам и политика в современной Чечне // Информационно-аналитическое агентство «Кавказ», 13 августа 1999.
- ⁹³⁴ Аналитический бюллетень Российского информационного центра (по материалам СМИ за 1996—1998 год), часть первая, 1998 год.
- ⁹³⁵ *Мурклинская Г.* Ислам и политика в современной Чечне // Информационно-аналитическое агентство «Кавказ», 13 августа 1999.
- ⁹³⁶ Алимь и ученые против ваххабизма, сборник статей, Махачкала, 2001, с. 121—129.
- ⁹³⁷ *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М, 2001, с. 62—63.
- ⁹³⁸ *Максаков И.* Влияние экстремистов сильно преувеличено // Независимая газета, 18 марта 1998.
- ⁹³⁹ *Шевченко М.* Мусульмане без тариката // НГ-Религии, 30 мая 2001; *Казенин К.* Пионерская дружина имама Шамиля // Статья размещена на портале «Вести.ру» 10 ноября 2000.
- ⁹⁴⁰ *Магомедов Г.* Что страшнее ваххабизма // Независимая газета, 7 августа 2001 года; *Магомедов М.* Между лакцем и кумыком // НГ-Религии, 23 февраля 2000 года.
- ⁹⁴¹ *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. М., 2001, с. 99.

- ⁹⁴² В Махачкале открылась мечеть имени Саида-эфенди Чиркейского // Сообщение информационной службы портала «Ислам.ру» от 19 сентября 2001.
- ⁹⁴³ *Магомедов Г.* Что страшнее ваххабизма // Независимая газета, 7 августа 2001.
- ⁹⁴⁴ Там же.
- ⁹⁴⁵ *Курбанов Р.* Блеск и нищета официального ислама в Дагестане: опыт, ошибки, уроки // статья размещена на портале «Религия и СМИ» www.religare.ru 15 декабря 2004.
- ⁹⁴⁶ Материалы портала «Ислам.ру» www.islam.ru и журнала «Ислам».
- ⁹⁴⁷ Р.Гайнутдин! Кто следующий гость? Шарон?! // Статья размещена на портале «Ислам.ру» www.islam.ru 30 июня 2004.
- ⁹⁴⁸ Сообщения портала «Ислам.ру» www.islam.ru от 1 октября 2004; *Гобл П.* Мусульмане ведут полемику по поводу секса // United press international, 29 октября 2004 (перевод портала «Инопресса» www.inopressa.ru).
- ⁹⁴⁹ *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа, М, 2001, с. 63.
- ⁹⁵⁰ Листовка «инициативной группы» по смещению муфтия Махмуда Геккиева // Архив автора.
- ⁹⁵¹ Материалы по истории шиитской общины России // Архив автора.
- ⁹⁵² *Соколов-Митрич Д.* Ислам голубоглазый // Газета, 14 сентября 2004; *Митрофанов А.* Ислам только для русских // Русский курьер, 23 июня 2004.
- ⁹⁵³ Наши мусульмане // «41», 14 октября 1999 года; *Аль-Гали Шакирды* из «Расул-Акрам» // Мусульмане Сибири, май 2000.
- ⁹⁵⁴ *Колесниченко А.* Патриоты России под зеленым знаменем // Новые Известия, 23 июня 2004.
- ⁹⁵⁵ Сообщение ИА «Интерфакс» от 7 февраля 2005.
- ⁹⁵⁶ Материала форума сайта «Русь правоверная» <http://www.pravoverie.org/>.
- ⁹⁵⁷ *Ар-Руси Харун.* Шиитский вызов российской умме // Статья опубликована на сайте www.jamaat.ru 21 июля 2006 года.
- ⁹⁵⁸ *Демин А.* В Татарстане нет ваххабизма, только террористы // Русский курьер, 24 ноября 2004; *Гарипов Р.* Таджуддин и Хузин — ревизионисты и изобретатели «доморощенного ислама» // Мусульманин Прикамья, май 2000.

⁹⁵⁹ Мухамеджанов И. Кому выгоден раскол мусульман? // Мусульманская газета, апрель-май 2000.

⁹⁶⁰ Как строятся отношения между православием и исламом в России // НГ-Религии, 26 апреля 2000.

⁹⁶¹ Радио «Свобода», передача «Лицом к лицу» от 11 ноября 2001, 18:00.

⁹⁶² Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 2 июля 1996.

⁹⁶³ Кремль в судьбе духовенства // Мысль, июль 2002.

⁹⁶⁴ Сообщение ИА «Интерфакс» от 11 октября 2002 года.

⁹⁶⁵ Сообщение ИА «Благовест-инфо» от 27 февраля 1997.

⁹⁶⁶ Быть мусульманином в России // Литературная газета 23 октября 2001.

⁹⁶⁷ В.Сычева Чрезвычайный священноуполномоченный // Итоги, 21 мая 2001.

⁹⁶⁸ Радио «Свобода», передача «Лицом к лицу» от 11 ноября 2001, 18:00.

⁹⁶⁹ Сообщение ИА «Интерфакс-Религия» от 14 февраля 2006.

⁹⁷⁰ Муфтий зарвался! // Статья размещена на сайте www.pravaya.ru 1 сентября 2005.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Краткий экскурс в досоветскую и советской историю исламского сообщества России.....	16

Часть I

ОБЩАЯ НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Глава I. Начало раскола.....	31
Глава II. Углубление раскола.....	51
Глава III. Стабилизация раскола.....	86
Глава IV. Трансформация раскола.....	117
Мусульманские лидеры о расколе.....	214
Хронология важнейших событий, произошедших в жизни исламского сообщества России с 1989 по 2004 г.....	229

Часть II

ПРЕДПОСЫЛКИ РАСКОЛА ИСЛАМСКОГО СООБЩЕСТВА РОССИИ

Глава I. Личностные предпосылки.....	267
Глава II. Этнические предпосылки.....	315
Глава III. Политические предпосылки.....	355
Глава IV. Финансовые предпосылки.....	392
Глава V. Религиозные предпосылки.....	419
Заключение.....	470
Источники.....	497
Избранные материалы из архива автора.....	511
Принятые сокращения.....	517
Некоторые пояснения о написании имен и фамилий.....	518
Примечания.....	520

www.infanata.org

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение. Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями! Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена! По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям, либо в соответствующие организации торговли!

www.infanata.org

Роман Силантьев

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ИСЛАМА В РОССИИ

Редактор *В. Г. Манягин*. Художник *А. Ю. Новиков*
Верстка *А. А. Кувшинников*. Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 8-495-617-08-25

Оптовая торговля: Центр политической книги — 937-2822, 8-903-519-8541

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Подписано в печать 05.02.2007.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага тип. Гарнитура «Таймс».

Усл. печ. л. 30,24.

Тираж 4000 экз. Заказ № 771.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.